МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А. Х. МАРГУЛАНА ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Л. Н. ГУМИЛЕВА

20-летию Независимости Республики Казахстан посвящается

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ - 2011

Материалы международной археологической конференции
Астана, 20-22 апреля 2011 г.

Астана 2011

УДК 902 (47+57)(06)
ББК 63.4 (051)я431
М 25

Главный редактор: М.К. Хабдулина

Редколлегия:
Б.А. Байтанаев, С.А. Ярыгин, С.К. Сакенов

М 25 **Маргулановские чтения - 2011.** Материалы международной археологической конференции. Астана, 20-22 апреля 2011 г. - Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2011. -460 с.

ISBN 9965-31-464-0

Сборник содержит материалы международной археологической конференции «Маргулановские чтения - 2011». Представлены отчетные археологов Казахстана и стран СНГ, ряд публикаций посвящен актуальным теоретическим проблемам археологии Евразии. Издание ориентировано на археологов, этнологов, историков, студентов гуманитарных специальностей.

УДК 902 (47+57)(06)
ББК 63.4 (051)я431

ISBN 9965-31-464-0

© НИИ археологии им. К.А. Акишева, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011 © Все авторы, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 10

Теоретические исследования

Хабдулина М.К.
От чинков Устюрта до берегов Иртыша
(о деятельности НИИ археологии им. К.А. Акишева) 12

Байпаков К.М.
УрбанизацияВдревнемисредневековомКазахстане 22

Байтанаев БА.
Вопросы локализации Дахкета 26

Бедельбаева М.В.
Памятники скифо-сакской эпохи Казахстана: реальность и перспективы 31

Берсенева НА.
К вопросу о социальном статусе людей
с деформированной головой в саргатской культуре (ранний железный век) 36

Боброва А.И.
Этнокультурная ситуация в Нарымском Приобье
в позднем средневековье (по материалам некрополей) 39

Богданов Е.С.
Еще раз к вопросу о происхождении ноин-улинских ковров 43

Билялов СА.
О государственности древних усуней 48

Варфоломеев В.В.
Бегазы-дандыбаевский феномен: культура и субкультура 50

Гайдученко Л. Л.
Лошадь в погребальных памятниках эпохи
раннего металла из степной зоны Казахстана и Южного Зауралья 53

Григорьев СА.
К проблеме социальной организации в энеолите Зауралья 56

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.
К изучению элементов костюма пазырыкской культуры 61

Епимахов А. В.
К вопросу о существовании специализированных производств на территории Южного Урала в эпоху бронзы 65

Иванов С.С.
Клинковое оружие раннесарматского облика
с эллипсоидными рукоятями в Центральной Азии 69

Кариев Е.М.
О дефиниции «раннесакский культурный комплекс»
(по материалам до 2000 года) 75

Касенов М.С.
Ә.Х.Марғұланның Сарайшық қаласындағы зерттеулері 80

Макаров Л.Д.
Проблемы исследования древнерусских
археологических памятников (по материалам Прикамья) 86

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А.,
Журавлев А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О., Ромащенко А.Г.
К вопросу о связях населения территории современного Казахстана и Барабинской лесостепи
в эпоху бронзы
(по материалам археологии, антропологии и палеогенетики) 89

Папин Д.В., Федорук А.С.
Об особенностях скотоводческого хозяйства племен
восточного ареала саргаринско-алексеевской культуры 94

Полосьмак Н.В., Чистякова А.Н.
Уникальный образец китайской шелковой ткани из 20 ноин-улинского кургана 98

Рыбаков Н.И.
Общие вопросы енисейского манихейства 102

Рябкова Т. В.
Изображения ромбовидных знаков
как свидетельство миграций в эпоху ранних кочевников 105

Смагулов Е.
Основные этапы историко-топографического развития города Ясы-Туркестан 111

Сметанина Т.В.

Орнамент керамики как объект интерпретации 119

Сулейманов Р.Х.
К символике орлиного пера в Центральной Азии 125
Сутягина Н.А.
Погребальный обряд населения Илийской долины
в конце I тыс. до н.э. - начале I тыс. н.э. (по материалам памятников Синьцзяна, КНР) 141

Телятникова Н.В.
Архивные материалы о могильнике Дандыбай 147

Тихонов С.С.
Полевые материалы 1929 года и изучение древностей Акмолинска 152

Ткачев АА.
К вопросу о соотношении нуринских комплексов Центрального Казахстана 156

Усманова Э.Р.
Имитация черепа как символический смысл
погребения (по материалам могильника Лисаковский VI) 161

Хасенова Б.М.
К вопросу о семантике образов кимакской торевтики 164

Чотбаев А.Е.
Ерте темір дәуіріндегі Қазақстанның қару-жарақ кешені (б.з.б. VIII-V ғғ.) 169

Чугунов К.В.
Культурные связи населения Тувы
в раннескифское время (по материалам кургана Аржан-2) 178

Шоназаров Ш.Б.
Позднесредневековые намогильные плиты Каршинского оазиса
и их аналогии в Казахстане 184

Полевые исследования

Акишев К.А., Свиридов А.Н.
Курган № 28 могильника Актас 1 189

**Байпаков К.М., Воякин Д.А., Акылбек С.Ш.,
Долгушев А.С., Сорокин Д.В., Антонов М.А.**
Раскопки городища Отрар в 2010 году 193

**Байпаков К.М., Воякин Д.А., Сорокин Д.В.,
Акылбек С.Ш., Долгушев А.С., Кудабаев Ч.А.**
Раскопки городища Жанкент в 2010 году 197

Байпаков К.М., Сейткалиев М. К.
Археологические исследования на могильнике Кырык-Оба II в 2010 году 199

**Байпаков К.М., Воякин Д.А., Сералы Н.,
Амиров Е.Ш., Кудабаев Ч.А.
Бейсенов А.З., Касеналин А.Е.**
Беғазы зиратындағы зерттеу жұмыстарының барысы 205

Бейсенов А.З., Солодовников К.Н.
К характеристике донгальских погребений могильника Кызыл 209

Бисембаев *А.А.*, Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н.
Памятники ранних кочевников в окрестностях
пос. Жиренкопа Актюбинской области 213

Викторова В.Д., Ченченкова О.П.
Погребение эпохи бронзы в горнолесном Зауралье 220

Волошин В.С.
Литические серии в инвентаре стоянки Аксу 6 224

Горячев А.А.

Археологические исследования стоянки
и могильника раннего железного века в верховьях ущелья Тургень..... 229

Горячев А.А., Мотов Ю.А.
Археологические исследования комплекса Бутакты-I
на территории города Алматы в 2010 году..... 234

Досымбаева А., Нускабай А., Бондарев М.
Тюркский культурный комплекс Кумай.
Вопросы изучения и сохранения наследия в ландшафте казахской степи 239

Елеуов М.
Тұран археологиялық экспедициясының 2009-2010 жылдары
Қаратауда жүргізген археологиялық зерттеулері 245

Ержигитова А.А.
Могильник Борижары..... 251

Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К.
Изваяние раннего железного века из музея
Улутауского заповедника (предварительное сообщение)..... 256

Есенов С.
Табиги апаттан бұзылып жатқан ортағасырлық Түймекент қаласы..... 260

Жолдасбаев С., Нұрханов Б., Бахтыбаев М., Мургабаев С., Арынов Қ.
Ортағасырлық Сығанақ қаласындағы 2009-2010 жылдардағы қазба жұмыстары 264

Илюшин А.М.
Новые сведения о погребальном обряде восточных кипчаков 270

Калдыбаев М.С.
Разведочные работы на территории Тенгиз-Коргалжинской впадины 275

Калиев С.
Ортағасырлық Тамды қаласында 2009-2010 жылдары жүргізілген зерттеулер 280

Кукушкин А.И.
Предварительные итоги паспортизации археологических
памятников Абайского района Карагандинской области 283

Курманкулов Ж.К., Переводчикова Е.В., Болелов С.Б.
Работы на цитадели городища Чирик-Рабат в 2009 - 2010 гг 286

Қабдоллаев М.С.
Шығыс Қазақстан өлкесіндегі жартас суреттерінің зерттелуі 291

Логвин А.В., Шевнина И.В.
Курган Халвай 3 (предварительное сообщение) 294

Лошакова Т.Н.
Поселение Айтман на Устюрте
(предварительное сообщение по итогам работ в 2006 и 2008 годах) 300

Лукпанова Я.А.
Катакомбные захоронения комплекса Акадыр 2 305

Мэми Т.
Кердері мәдениетін зерттеудің өзекті мәселелері 310

Марыксин Д.В., Алпаткина Т.Г.
Первые результаты работ на городище Жалпактал 315

Нурмаганбетов Е. Н.
Новые археологические исследования памятников острова Тасарал на озере Балхаш 320

Петрова Л.Ю.
Поселения финальной бронзы степного Зауралья 324

Подушкин А.Н.
Катакомбы могильника Кылышжар 327

Рогожинский А.Е., Кызласов И.Л.
Руническая надпись ущелья Жаксылыксай (Семиречье)
7

Сакенов С.К.
Археологические работы на поселении Шагалалы II (Павловка) в 2010 году 338

Самашев З.С., Онгар А., Чотбаев А.Е., Киясбек Г.К., Альжанов К.
Исследования на могильнике Берел в 2010 году 344

Самашев З., Кариев Е.М., Подушкин А. Н.,
Мургабаев С., Чотбаев А.Е., Донец А., Рустемов А.
Первые изыскания Астанинского Филиала Института археологии 348

Таиров А.Д.
Новые памятники раннего железного века Южного Зауралья
(по итогам работ 2009-2010 гг.) 354

Талеев ДА.
2010 ж. Қазақ хандығы тұсындағы қалаларды археологиялық зерттеу нәтижелері 358

Төлегенов Е., Оралбай Е., Қариев Е., Әлжанов Қ.
Сарыкөл ескерткіштеріндегі 2010 жылғы қазба жұмыстарынң қорытындылары..... 365

Төлеубаев Ә.Т., Омаров Ғ.Қ., Искаков Қ.А.
Ойжайлау археологиялық экспедициясының 2010 жылғы қорытындылары 373

Төлеубаев Ә.Т., Үмітқалиев Ұ.Ү., Жуматаев Р.С.,
Терекбаева Ж.М., Мусырманкул П.Б.
Шілікті I қорымындағы № 36 обадағы зерттеу жұмыстарының
кейбіркорытындылары 379

Ярыгин С.А.
Исследования мавзолея XV века на озере Жанибек-Шалкар 384

Методика археологических исследований и проблемы музеефикации историко-культурного наследия

Алтынбеков К.
Музеефикация археологического раскопа..... 391

Астафьев А.Е.
Опыт историко-художественной реконструкции в археологии ранних сармат 394

Ахметкалиев Р.
Диагностика процесса пропитки деградированной древесины..... 400

Әлжанов Қ. К.
Қазақ Алтайы ерте көшпелілерінің ағаш өңдеу өнері.....
403Бейсенов А.З., Жамбулатов К.А., Огарь Н.П.
О проектируемом государственном историко-культурном

заповеднике-музее «Кызыларай-Бегазы» 405

Бейсенов А.З., Ломан В.Г.

Керамика раннесакского времени из поселения Шидертинское-2
(Центральный Казахстан)..... 408

Грушин С.П.
Реконструкция состава стада поселка
эпохи ранней бронзы Костенкова избушка в верхнем Приобье 415

Зайков В.В., Таиров А.Д., Зайкова Е.В., Котляров В А., Боталов С.Г.
Золотые изделия с включениями осмия из могильника Магнитный
(Челябинская область) и проблема осмиевого следа в артефактах..... 418

Ишмуратов Р.Р.
Студенческая археология в ЕНУ им. Л.Н. Гумилева 424

Мыльников В.П.
Архитектура элитных погребальных сооружений
скифского времени из дерева в Казахстане (долина реки Или, Казахский Алтай)..... 428

Панюшкина И.П., Усманова Э.Р., Миллс Б.
Коррекция возраста Алакульской и Федоровской культур
в Северном Казахстане по дендрохронологическим датам могильника Лисаковский..... 434

Тихонов С.С. О расширении источниковой базы археологических исследований…… 438
Усачук А.Н., Лошакова Т.Н.
Трасологический анализ археозоологического материала поселения Айтман 442

Хабдулина М.К., Гаврилов Д.А., Дергачева М.И.
Природные условия функционирования средневекового городища Бозок (VIII-XIV вв.)..... 446

Список сокращений 451
Список авторов..... 452

ОТ РЕДАКТОРА

Представленный вашему вниманию сборник статей и тезисов научно-практической конференции «Маргулановские чтения -2011» содержит материалы ежегодной, 23 по счету, казахстанской отчетной археологической конференции. В 2011 году конференция проходит в городе Астане, на базе Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева и посвящена 20-летию Независимости Республики Казахстан. Авторами сборника являются не только археологи Казахстана. В нем представлены результаты научных исследований ученых из Кыргызстана, Узбекистана, России, Украины, США. Обширна география участников, обширна и тематика докладов и статей. Хронологически она отражает современное состояние научных поисков археологов Евразии от палеолита до позднего средневековья. Тематически охватывает различные аспекты многообразных проблем археологии. Объединяет всех - древняя и средневековая история и культура евразийского пространства.

Сборник материалов конференции, который на 2/3 состоит из тезисов и статей археологов Казахстана, ярко демонстрирует достижения казахстанской археологии. Размах работ в республике связан с поддержкой археологических изысканий государственной программой «Мэдени мура», цель которой не только открытие и изучение, но сохранение памятников древности через их музеефикацию. За время действия государственной программы «Мэдени мура» статус музеев-заповедников получили комплекс памятников у г. Иссык, Тамгалы-тас, могильник Берел, Отрарский оазис. Это эталонные объекты, имеющие важное историко-культурное значение. Каждый из них включает комплекс разновременных и разнотипных памятников археологии, позволяющий представить их как оазис длительного использования

и преобразования природно-географического ландшафта в историко-культурный.

Тематика присланных докладов отражает направления и актуальные проблемы изучения археологии Казахстана. Цикл докладов касается вопросов происхождения и развития археологических культур бронзового века. На казахстанских материалах основано изучение ключевых проблем генезиса раннеалакульских культур: петровской, нуртайской, проблемы взаимоотношений атасуской и нуринской культур (алакуль и федоровка). Известно, что степная полоса Казахстана являлась центром андроновской культурно-исторической общности, отсюда шли разнонаправленные миграции населения бронзового века. Ряд докладов посвящен степени влияний культурных эталонов центральноказахстанского региона на соседние территории Западной Сибири, Средней Азии, Притяньшанья.

В течение полувека не стихают дискуссии о происхождении, содержании и исторических судьбах бегазы-дандыбаевской археологической культуры, выделенной А.Х. Маріуланом. В материалах конференции эта тема затронута как проблема функционирования субкультуры (памятники бегазы-дандыбаевского типа) и культуры общности валиковой керамики (алексеевско-саргаринская культура). Интересным источником изучения этой проблемы являются сведения научного архива М.П. Грязнова, представленные в статьях омских археологов. Большую историко-культурную ценность имеют работы, направленные на музеефикацию могильника Бегазы. Доиссле- дован мавзолей №1, раскопки которого были предприняты в середине прошлого века
А.Х. Маріуланом, реконструирован его первоначальный облик, проведено дополнительное обследование урочища, выявлены поселения бронзового века.

Тематически широко в материалах конференции освещены проблемы изучения раннего железного века Евразии. В казахстанской археологии оформилось новое направление - изучение поселений. В настоящее время открыты десятки памятников оседлой культуры в Центральном Казахстане, Семиречье, на высокогорных плато Алатау. В полевых исследованиях освещены вопросы типологии, планировки поселений, характеристика керамики раннесакского времени. Сборник содержит тезисы докладов, посвященных новым открытиям ярких комплексов сарматской и хуннской культур, типологии и датировки предметов вооружения сакской и раннесарматской эпох. В научный оборот вводятся материалы, полученные китайскими археологами на территории Синьцзяня и имеющие аналогии в сакских курганах Тувы и Семиречья. Часть докладов освещает вопросы культурных торговых связей. Интерес представляет реконструкция сарматского воинского костюма, основанная на изображениях предметов вооружения и деталей одежды на каменных скульптурах святилищ Мангыстау. В сборник включены материалы кургана 28 могильника Актас из научного архива К. А. Акишева. Могильник копался в 60-х г. XX в., материалы его представляют огромный интерес для истории и археологии хунну.

К числу несомненных достижений археологии Казахстана относится изучение средневековой культуры городов Великого Шелкового пути. Эта тема успешно развивается в течение полувека и в настоящее время казахстанская медиевистика занимает передовые позиции в изучении городской культуры Центральной Азии. Ведутся раскопки многослойных городов Отрарского оазиса, Туркестана, Саурана, Сыгнака, Баласаіуна. Продолжаются работы на Акыртасе, расширяются знания по распространению мировых религий по Великому Шелковому пути. Масштабы раскопок и накопление источников позволили выйти на уровень теоретических обобщений проблем урбанизации. В тезисах докладов рассматриваются вопросы происхождения городской культуры, концепция тюрко-согдийских эталонов, датировка раннесредневековых городов. Освещены новые открытия по исторической географии, топографии, планировке, идентификации археологических объектов и исторических городов.

В докладах конференции представлены различные аспекты изучения археологии древних

и средневековых тюрков: от характеристики новых полевых открытий, до изложения фактов общей грамотности в древнетюркскую эпоху. Важным позднесредневековым источником по истории Казахстана является мавзолея XV в., исследованный в центре Сарыарки. От культового строения осталась поливная терракота, выполненная в технике резной орнаментации и покрытая бирюзовой глазурью. С учетом топографической привязки расположения объекта на берегу озера Жанибек-Шалкар, входящего в систему Коргалжинских озер, декора в бирюзовом стиле, характерного для архитектуры XIV-XV вв. - мавзолей связывается с именем основателя Казахского ханства - Жанибек-султаном.

«Маріулановские чтения» - особый по своему статусу форум исследователей, значение которого трудно переоценить. Цель нынешней конференции - введение в научный оборот новых материалов по древней истории Казахстана, и попытка анализа некоторых аспектов археологии Казахстана и Евразии. В сборнике присланные материалы разделены тематически на три части: 1) теоретические исследования, 2) полевые работы; 3) методика археологических исследований и проблемы музеефикации историко-культурного наследия.

Материалы сборника охватывают многообразный спектр ключевых проблем изучения древностей Казахстана и проблемы сохранения и использования историко- культурного наследия. Организаторы конференции надеются, что «Маріулановские чтения -2011» станут событием в археологии Казахстана и вопросы, поднятые в рамках обсуждения докладов конференции, станут основой дальнейшего, комплексного, углубленного изучения археологии Казахстана и Евразии.

Хабдулина М. К.
Казахстан, Астана От чинков Устюрта до берегов Иртыша (о деятельности НИИ археологии им. К.А. Акишева)

Археологическое изучение центральных регионов Казахстана было начато А.Х. Маргуланом более полувека назад. Для его работ был характерен принцип комплексности - исследование археологических памятников от каменного века до этнографической современности. А.Х. Маргуланом были намечены основные контуры истории и культуры бронзового века, дана характеристика бегазы-дандыбаевской археологической культуры, зафиксированы наиболее яркие комплексы курганов «с усами», открыты и нанесены на карту средневековые поселения и города Сарыарки, дан первый очерк архитектуры и строительного дела средневекового зодчества Казахстана.

Особенность научного подхода А.Х. Маргулана заключается в том, что он ничего не доказывал, не обосновывал - он просто знал. Знал досконально степь, ее оазисы. Прокладывая бесконечные маршруты по Бетпак-дале, Улутау, Атасу, Нуре и Ишиму, он вступал в те исторические эпохи, жизнь которых разворачивалась перед ним через археологические памятники. Видел крепости и города, отмечал развалины мавзолеев, описывал поля, арыки, каналы, фиксировал менгиры, дольмены, наносил на карту караванные тропы. Неутомимый исследователь, востоковед с классическим образованием, этнограф, археолог и историк - Алькей Хаканович Маргулан наметил основные научные направления изучения Сарыарки. Современные исследователи в любой отрасли археологии продолжают труды А.Х. Маргулана. Мы даже работаем на тех объектах, названия которым были даны А.Х. Маргуланом, - Бегазы, Атасу, Аяккамыр, Баскамыр, Аксу-Аюлы...

В деятельности НИИ археологии им. К.А. Акишева, созданной в структуре Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, сохраняется один из основных научных принципов А.Х Маргулана - комплексность, исследование памятников разных археологических эпох. Археологический коллектив Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева был создан К.А. Акишевым в 2000 г. К.А. Акишев стал руководителем Ишимской стационарной археологической экспедиции. Основной район работ - Акмолинское Приишимье. Но за эти годы маршруты археологической экспедиции охватили пространство от чинков плато Устюрт до Павлодарского Прииртышья (рис.1). Сотрудники НИИ археологии принимали участие в раскопках сарматских курганов Западного Казахстана, сакских и усуньских памятников Жетысу. Столь значительный территориальный охват, вызванный разными причинами, раздвигает горизонты научных поисков, накапливает опыт и возможности сравнения, и теоретических интерпретаций.

Эпоха бронзы. Одним из научных направлений НИИ археологии им. К.А. Акишева является изучение проблем бронзового века. Новые раскопки накапливают источники для решения дискуссионных вопросов соотношения алакульской и федоровской культур, их хронологических позиций и культурогенеза. Особую актуальность приобретает исследование комплексов нуринской (федоровской) культуры. Термин «нуринская» был введен в 1966 г. при создании первой локальной периодизации ан- дроновской культуры Центрального Казахстана. Это было название этапа, соответствующего федоровскому этапу периодизации К.В. Сальникова. За более чем полувековой период изучения памятников андроновской общности многое пересмотрено. В настоящее время в изучении бронзового века предлагается выделить две самостоятельные общности со своими стадиями развития, особенностями происхождения и историческими судьбами: срубно-алакульскую общность и андроновскую. Термин «андроновская» предлагают сохранить для археологических комплексов с признаками, характерными для федоровской культуры [14, с. 205] .

Андроновская общность, охватившая несколько природно-лндшафтных зон, является

одной из наиболее крупных на пространстве Евразии. На ее территории должны были существовать локальные археологические культуры. В Северном и Центральном Казахстане - эта нуринская культура. По количеству и разнообразию видов памятников, скоплению древних рудников, высокой технологии изготовления бронзовых изделий - Центральный Казахстан считается центром андроновской общности. Об этом писал еще А.Х. Маргулан [16, с. 53-55]. Отсюда шли импульсы миграций в Зауралье, Западную Сибирь и на юг, в сторону Тянь-Шаня. Поэтому значение имеют как многолетние масштабные раскопки памятников, предпринимаемые археологами Карагандинского государственного университета (пос. Кент) и Института археологии им. А.Х. Маргулана (пос. Талдысай), так и рекогносцировочные работы на отдельных объектах бронзового века.

НИИ археологии им. КА. Акишева проведены раскопки поселений и могильников на маленькой степной речке Аксу у г. Степногорска. Берега ее обживались во все археологические эпохи от каменного века до нового времени (рис. 1). Здесь начаты раскопки одного поселения и трех могильников бронзового века [27, с. 36]. Каменные оградки круглой и квадратной форм содержат могилы с трупоположением и остатками сожжений. Открыто погребение молодой девушки, металлические детали костюма которой, позволили сделать реконструкцию ее головного убора [21, с. 51]. Интерес представляет могильник Шондынкорасы, расположенный в пойме речки Аксу, и вследствие этого затопляемый в половодье. Каменные оградки могильника пристроены друг к другу и составляют непрерывную сеть конструкций [27, с. 48]. В одной из могил был найден бронзовый топор. Вещь была только зарисована, влажный грунт отрицательно сказался на ее сохранности.

Случайная находка бронзового кинжала вызвала раскопки могильника Ондырыс, расположенного на окраине с. Ондырыс Астраханского района Акмолинской области [23, с. 215]. Куст памятников бронзового века находится на коренной террасе правого берега р. Ишим. В 2007 г. на двух могильниках раскопано три каменные цисты, к сожалению ограбленные и позднее использованные в раннем железном веке.

Важным научным объектом в изучении нуринской археологической культуры является поселение Павловка на р. Чаглинка (рис. 1). Раскопки его были начаты в 80-х г. отрядом Урало-Казахстанской археологической экспедиции под руководством Т.С. Малютиной. Ею было раскопано одно жилище. Сгоревшие детали стен и перекрытия позволили реконструировать двухэтажное здание каркасно-столбовой конструкции [15, с. 101]. В 2003 г. небольшой раскоп на поселении был заложен отрядом Ишим- ской археологической экспедиции (руководитель раскопа Хасенова Б.М.). В 2010 г. возобновлены работы на этом поселении (предварительные результаты представлены в этом сборнике в статье Сакенова С.К). Для вещевого комплекса характерно сочетание типов посуды, отмеченное предшествующими исследованиями. Преобладает керамика бишкульского типа и гончарная среднеазиатская посуда.

Эпоха раннего железа. В структуре НИИ археологии им. К. А. Акишева существует отдел, занимающийся изучением памятников раннего железного века [21]. Разрабатываются два направления: исследование поселений и изучение архитектуры крупных курганов [1; 23, с. 189-190]. Оба направления относятся к приоритетным в современной кочевнической тематике. В этом плане наши работы совпадают с работами А.З. Бейсенова, В.Н. Ломана [5; 6]. В Акмолинском Приишимье открыты и частично исследованы 4 поселения раннесакского времени: Кеноткель Х, Таскора, Таскора 1, Тайжан (рис.1) [9; 24]. Обобщены данные по планировке и площади поселений, архитектуре домов, выявлены ведущие характеристики керамического комплекса. Сделан сравнительный анализ топографии поселений, отмечена зависимость размеров поселков от природных условий и хозяйственной специфики, указано, что расположение и планировка поселений раннего железного века имеют сходство с казахскими зимовками более позднего времени [24, с. 213].

На территории г. Астаны в 2005, 2007, 2010 гг. раскопаны крупные курганы в урочище Куйгенжар и на ул. Сыганак, давшие интересный материал по конструкции погребальных камер и архитектуре насыпей. Курганы входили в состав могильников, расположенных на правом коренном берегу р. Ишим, расстояние между могильниками
5 км. Исследованы насыпи диаметром 44 м, высотой более 3 м. Центр курганов был испорчен огромной грабительской воронкой. Курганы не дали прямых датирующих материалов, однако, имеют интересную конструкцию наземной и подземной части [28, с. 25-26].

В Приишимье изучение крупных курганов раннего железного века было начато в 70-х годов XX в. [10, с. 35-48]. Анализ структуры наземной части позволил наметить несколько архитектурных деталей, которые оказались всеобщими для крупных курганов степной зоны. К ним относятся: наличие «микровозвышения» над могилой, оно создавалось специально или под нее использовалась насыпь предшествующего времени (например, конца эпохи бронзы). Подкурганная площадка равнялась и застилалась тонким слоем материковой глины. По периметру площадки, иногда вокруг центра кургана делался вал, закрепленный влажной глиной. После совершения погребения и засыпки могильной ямы, возводилась насыпь из глиняных блоков, вальков. Они придавали насыпи вид пестроцвета, контуры вальков хорошо фиксировались. Сверху насыпь закреплялась дерновыми пластами [10, с. 43; 23].

Объединяющим приемом является строительство насыпей из глиняных вальков («кирпичей»). Это зафиксировано в структуре насыпей курганов Сарыарки, Жеты- су, Западного Казахстана [5, с. 175; 4; 20, с. 65-66]. Такая же кладка характерна и для насыпей курганов, раскопанных на территории г. Астаны. Вальки в профиле бровок имеют размеры 0,2х0,3-0,4 м. Судя по цвету и четким контурам, вальки укладывались во влажном состоянии. Особенно красива структура кургана 1 Куйгенжар, состоящая из разноцветной глины: охристой, голубой, коричневой. Эту глину набирали внизу в пойме Ишима, переносили в специальной жесткой таре. Сохранились отпечатки прутьев, похоже, это были емкости в виде корзины. Древняя поверхность под насыпью покрыта тонким слоем желтой глины, ее границы дают первоначальные размеры курганов. По периметру насыпи было уложено каменное кольцо из групных глыб диодирита [28, с. 25].

Курганы различаются по конструкции погребальных камер. В кургане 1 урочища Куйгенжар - это дромос длиной 8 м, наклонно ведущий от восточной периферии к центру подкурганной площадки. Погребальная камера была выкопана на глубине 2,5 м, ориентирована по линии север-юг. Вход в камеру был запечатан вальками. К сожалению, яма неоднократно была ограблена. В ней найдены части скелета человека, череп, рассеченный мечом (?). По конструкции погребальной камеры мы склонны отнести курган к последним векам первого тысячелетия до н.э. - ко времени проникновения хунну на территорию Казахстана.

Не менее интересны конструкции, вскрытые под насыпью кургана Сыганак [8]. В центре подкурганной площадки Сыганак был возведен глиняный вал шириной 4 м, высотой 2 м. Внешний диаметр вала равен 18 м. Этот вал обрамляет ямы, выкопанные в щебнистом материковом грунте. Одна из них - яма (№1) подпрямоугольной формы размерами *2,5х1,5* м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. При выборке заполнения могильной ямы на разной глубине встречены кости крупного животного, обломки сильно коррозированных железных предметов и истлевшие кусочки дерева. Яма имела глубину 2,5 м от уровня древней поверхности. На дне ее найден лишь небольшого размера камень, больше никаких находок не было. В 2 м севернее ямы №1 фиксируется второе пятно округлой формы. По мере углубления яма приобрела круглую форму диаметром 1,45 м, и в разрезе стала похожа на «колодец». При выборке заполнения также встречались мелкие коррозированные фрагменты железа. Глубина «колодца» 4,0 м, в придонной части фиксировались мелкие угольки. На

перемычке между двумя ямами на глубине 1 м от древней поверхности расчищен скелет собаки на правом боку, головой на север. Необходимо указать, что обе ямы выбиты в скальнощебнистом грунте коренной террасы Ишима. Сделать это было нелегко. Особенно впечатляет глубина круглой ямы, на ее стенках запечатлена природная структура террасы в виде скальных и щебнистых лент.

Отсутствие костей скелета человека, которые, как правило, сохраняются даже при неоднократном ограблении могилы, наличие на дне ямы небольшого светлого камня (40х20 см), круглая яма в виде колодца и захоронение собаки - это следы каких-то особых ритуальных действий, требующих объяснения. Все эти факты в сочетании с архитектурой кургана позволяют высказать предварительное мнение, что курган Сыганак не погребальный объект, а поминальный, храмовый памятник.

Вал, зафиксированный вокруг ям, является, вероятно, остатками стен какого-то полого сооружения, возведенного над ямами. Центр насыпи, к сожалению, полностью выбран мощной грабительской штольней. Полые конструкции над ямой не редкость в архитектуре крупных курганов раннего железного века. Мощное полое сооружение юртообразной формы, сложенное из каменных плит, открыто под насыпью кургана
2, мог. Нуркен-2 [5, с. 177]. Предварительная дата кургана Сыганак - вторая половина
1 тыс. до н.э.

В Акмолинском Приишимье продолжается исследование рядовых курганов раннего железного века. На могильниках Тайтобе, Ондырыс раскопаны курганы сакского и гунно-сарматского времени [18, с. 240-247; 28, с. 24] . Были взяты на учет каменные изваяния, выставленные в музеях и вузах Астаны (15 экз.) [19]. Сделаны паспорта на изваяния, обнаруженные в ходе разведочных работ по Приишимью. Большинство изваяний относятся к кипчакскому времени. Сакским временем датируется изваяние, найденное у кургана «с усами» под г. Степногорском. Тщательно обработана лицевая грань и голова. Гривна на шее. Правая рука согнута и обхватила кинжал с рожковидным навершием. На макушке шишечка и рельефные полосы, имитирующие головной убор типа шлема. По иконографии изваяние похоже на антропоморфные скульптуры святилища Байте. Форма навершия кинжала, проработка головного убора типа шлема позволяют датировать изваяние серединой 1 тыс. до н.э.

Исследование загадочных мегалитических сооружений. География работ НИИ археологии им. К.А. Акишева затронула территорию плато Устюрт, на котором распространены мегаплановые «стреловидные планировки» - огромные по протяженности каменные сооружения, выложенные в виде стрел, иногда зооморфных фигур [11]. С земли их форма и общая конфигурация - не понятны, т.к. общая длина конструкций бывает от десятков до сотен метров. Увидеть в целом можно только с воздуха. На плато Устюрт есть места скоплений этих сооружений. Наиболее сложные и большие по размерам находятся в глубинных районах плато. Эти древние объекты, назначение которых остается загадочным, изучались в 80-х годах XX в. В.Н. Ягодиным [31].

В 2007 г. отрядом НИИ археологии была обследована северо-западная часть плато, где на протяжении 30 км зафиксировано 20 стреловидных планировок. В урочище Сайотес была раскопана одна стреловидная планировка и два кургана, расположенные рядом. Целью исследования было определение даты стреловидных планировок. Курганы дали материал середины первого тысячелетия до н.э. [32, с. 282]. Но установить прямую взаимосвязь между курганами и мегалитической постройкой не удалось. По мнению ряда ученых, «стреловидные планировки» строились для загонной охоты на сезонно кочующих копытных - сайгаков, куланов. Однако их конструкция, форма и топография расположений вызывают сомнение в таком назначении [11].

Загадочные мегалитические сооружения были обнаружены в ходе разведочных работ на

территории Кокшетауской возвышенности. Это линии вертикально вкопанных каменных глыб, тянущиеся на несколько километров. Высота их обычно около 0,5-0,7 м. Назначение - не-понятно. К числу загадочных объектов отнесена «боровская стена», открытая нами в районе поселка Бурабай, в межгорной котловине между сопками Бурабай и Бастион (рис. 2). Длина стены 980 м [12]. На всем протяжении она имеет разную степень сохранности. Сложена из горизонтально уложенных слоев каменных блоков размерами 1,0 х 0,8 х 0,5 м. В сохранившейся части высота стены 3 м, количество слоев 3-5 (рис. 3). Есть участки, где стена сливается с естественными выходами скальных пород, в этом случае сделаны пристройки к скале высотой до 3,5 м. Стена закрывала доступ во внутреннее пространство Борового, в места, обжитые с эпохи неолита до средневековья (Ясная поляна, Голубой залив). Судя по конструкции и сохранности, стена могла быть построена в эпоху бронзы. Аналогичные каменные стены известны в Горном Алтае, где они предварительно датированы позднесредневековым временем [7].

Эпоха средневековья. Средневековая тематика в деятельности НИИ археологии им. К.А. Акишева представлена исследованием проблемы урбанизации в степной зоне Казахстана, изучением факторов и механизма формирования городской культуры, особенностей средневекового зодчества, определения этнокультурной принадлежности погребальных памятников [29, с. 86-93; 30].

Главным объектом исследования НИИ археологии им. К.А. Акишева является городище Бозок. Раскопки его ведутся с 1999 г. [2]. Это первое масштабно изучаемое средневековое поселение степной зоны Казахстана. Общая площадь памятника 30 га. Сюда входят руины разновременных строений и ирригационные сооружения. Памятник находится на юго-западной окраине г. Астаны, в левой болотистой пойме Ишима. За годы раскопок вскрыто более 8 тыс.кв.м, изучена архитектура жилищ, конструкция оборонительных укреплений, открыто 5 мавзолеев, две кирпичеобжигательные печи. На территории городища Бозок раскопано 62 погребения, совершенные в золотоордынскую эпоху [25, с. 167-180; 26].

Культурные слои поселения датируются VTTT-XVTT вв. В 2009 г. во рву восточного квартала расчищено ритуальное захоронение лошади с железными удилами и роговым псалием (рис. 4). Находка позволяет датировать появление городища в VTTT-TX вв. Памятник возникает как ставка - резиденция и культовый центр древних тюрков Сарыарки. Жизнь на нем продолжается в X-XП вв., в этот период появляются жилища земляночного типа. Возможно, к этому времени относится агроирригационная планировка [28, с. 43-46]. В XIIГXIV вв. заброшенные руины городища становятся местом захоронений. Центральная площадка между тремя кварталами достраивается в высоту и на ней начинает формироваться мусульманский некрополь (XIIГXVII вв.). Здесь строятся мавзолеи из жженого кирпича, оградки из сырцового кирпича. Мусульманские могилы впускаются в западный вал городища [30]. Удивительно, что место сохраняет свою притягательность и для языческих захоронений, сделанных в грунтовых могилах. Языческие погребения расположены бессистемно, сопровождаются полным набором вещей, включающих предметы вооружения, конской узды, украшения, металлическую посуду, остатки железных панцирей и кольчугу [3].

То., памятник очень интересный, многофункциональный. Исследование его показывает особенности процесса урбанизации в степной зоне, многообразие видов средневековых оседлых памятников.

В ходе ежегодных разведочных работ фиксируются, описываются культовые сооружения Степи. В продолжение этой тематики в 2009-2010 гг. в Тенгиз-Коргалжинской впадине у с. Коргалжин был раскопан мавзолей XV в. От него сохранился только пол и нижние слои кирпичных стен. Мавзолей портальной частью обращен на юго-запад. Стены мавзолея были покрыты поливной терракотой, украшенной резным орнаментом. Орнамент -

геометрический, растительный, эпиграфический. Под восточной стенкой мавзолея расчищены более поздние вводные могилы. Бирюзовая глазурь, размеры и форма кирпичей позволяют отнести мавзолей к XV в. - ко времени расцвета «бирюзового» стиля в тимуридскую эпоху. Это первый столь богато украшенный мавзолей, раскопанный в степной зоне Казахстана. (Предварительные результаты представлены в этом сборнике в статье С.А. Ярыгина).

Еще одно направление, разрабатываемое НИИ археологии - это исследование казахских зимовок [13]. Изучение казахских зимовок как археологических объектов ведет начало с 60-х годов XX в. (Жолдасбаев С.). В ходе разведочных обследований нами снимаются планы усадеб, отдельных домостроений, ведется описание. Проделана систематизация по топографии, планировке, типологии, строительным материалам зимовок, прослежена зависимость этих характеристик от природных условий различных ландшафтных зон Приишимья.

То., в деятельности НИИ археологии сохраняется исследовательский подход А.Х. Маргулана - изучение памятников всех эпох, попытка их интерпретации, систематизации, создание сквозной шкалы периодизации и хронологии древней и средневековой истории центральных регионов Казахстана.

* * *

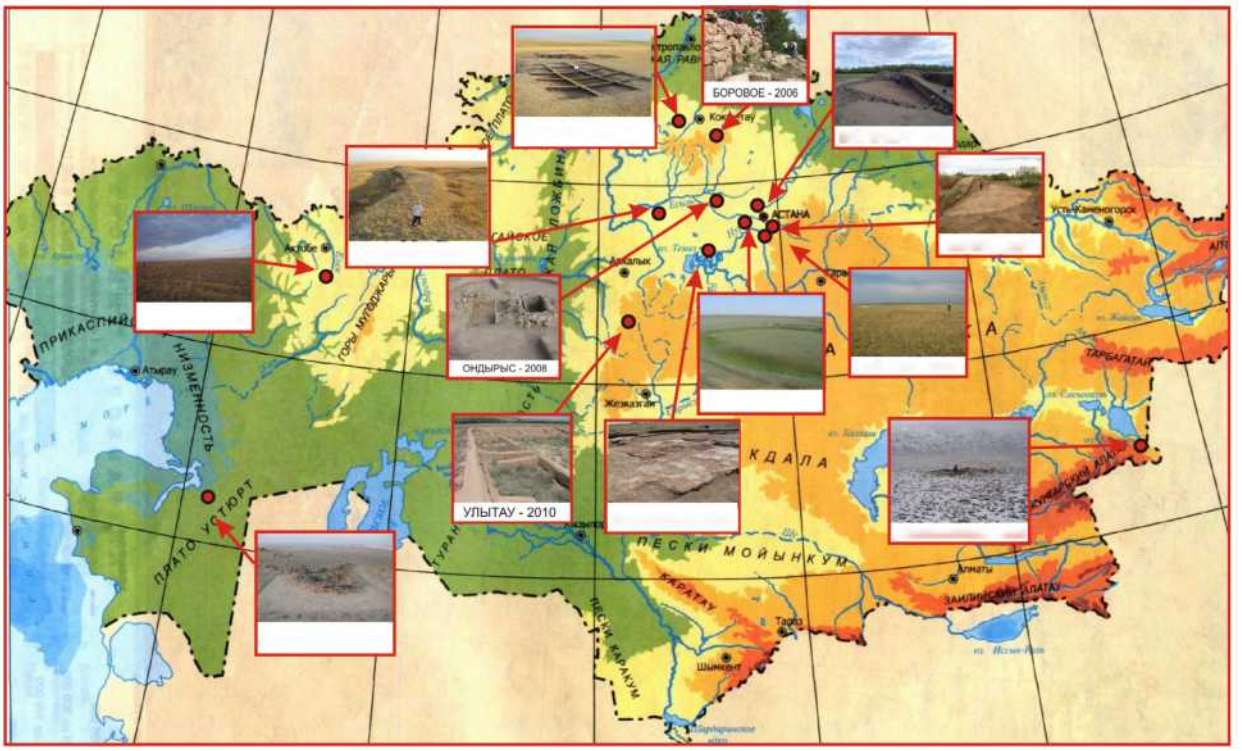
Баяндама Л.Н.Гумилев атындагы Е¥У ніц К.А,Акишев атындагы гылыми зерттеу институтыныц зерттеу жүмыстарына арналады. Ғылыми институттыц негізгі зерттеу территориясы мен нысаны, гылыми багыты көрсетіледі. К.А.Акишев атындагы гылыми зерттеу институтыныц қызметкерлерімен бірқатар теориялық мәселелер іске асуда.

Список использованных источников и литературы

1. Акишев К.А., Хабдулина М.К. Результаты раскопок городища Бозок (1999-2003 гг.) // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Материалы международного полевого семинара. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2008. С. 25-40
2. Акишев К.А., Хабдулина М.К. Семиотика планиграфии культовых памятников Восточной Евразии // История и археология Семиречья. Вып.3. Алматы: Фонд «Родничок». 2007. С. 74-79
3. Акишев К.А., Хасенова Б.М., Мотов Ю.А. К вопросу о монгольских погребениях XIIIГXIV вв. (по материалам некрополя Бозок)// Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Материалы международного полевого семинара. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2008. С. 56-65
4. Амиров Е.Ш. Археологические исследования на могильнике Улжан (предварительные итоги) // Известия НАН РК. 2008. №1. С. 29-34
5. Бейсенов А.З. Работы на могильнике Нуркен-2// Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда: Обл. гос. инспекция по охране ист. культурного наследия. 2007. С. 173-198
6. Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: «Інжу-Маржан». 2009. 264 с.
7. Бородаев Б.В., Соенов В.И. Полевое каменное укрепление Курее-Таш в высокогорье близ с. Мендур-Соккон (результаты рекогносцировочного обследования) // Древности Алтая. Горноалтайск: ГАГУ. 2004. № 12 // http: //e-lib.gasu.ru/da/index. html
8. Бурабаева Д.А. Царский курган раннего железного века на р. Ишим // XLIII Международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: Материалы и тезисы докладов. Оренбург, 1-3 февраля 2011 г. Оренбург: унив-т. 2011. С. 96-97

9. Гришина В.В. Керамический комплекс поселения Тайжан // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы: Материалы XLIX Региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученных (Кемерово, 31 марта-3 апреля 2009 г.). Кемерово: Куз- басвузиздат. 2009. С. 97-98
10. Зданович Г.Б., Иванов И.В., Хабдулина М.К. Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования (курганы Кара-Оба и Обалы в Северном Казахстане) // СА. 1984, № 4. С. 35-48
11. Ильдеряков Н.Н. Открытие новых стреловидных планировок на западном чинке плато Устюрт // XL международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: Материалы и тезисы докладов (Самара, 1-3 февраля 2008 года). Самара: университет. 2008. С. 88-91
12. Ишмуратов Р. Р. Каменная стена у поселка Бурабай в Северном Казахстане // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций: Материалы XLVIII региональной археолого-этнографической студенческой конференции (Барнаул, 21-24 апреля 2008 г.). Барнаул: Алт.ун-т. 2008. С. 19-20
13. Каликов Р.К. Зимовки - кыстау Акмолинской области (XVII - XX вв.) // Восточная Евразия: проблемы культурного наследия: тезисы докладов III Казахстанской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2006. С.40-41
14. Корочкова О.Н. К обсуждению термина «андроновская общность» // Проблемы первобытной археологии Евразии. К 75-летию А.А. Формозова. М.: ИА РАН. 2004. С. 202-211
15. Малютина Т.С. Поселения и жилища федоровской культуры Урало-Казахстанских степей // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск. 1990. С. 100-127
16. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Оразбаев А.М., Кадырбаев М.К. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР. 1966. 435 с.
17. Музапбарова А. Новые данные по поселениям раннего железного века Северного Казахстана // ХТ ІТТ Международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: Материалы и тезисы докладов. Оренбург, 1-3 февраля 2011 г. Оренбург: унив-т. 2011. С. 109-111
18. Свиридов А.Н. Исследование погребения рубежа эр в Акмолинском Приишимье // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. №2. С. 240-247
19. Свиридов А.Н. Средневековые каменные изваяния Акмолинского Прииши- мья //Еуразияшылдық идеясы контексіндегі Қазақстан түркітануы: мәселелері мен болашағы (халықаралық ғылыми-теориялық конференциясының ғылыми теориялық мақалалар жинағы). Астана: «1С-Сервис» ЖШС. 2009. С. 439-448
20. Сдыков М.Н., Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А. Сокровища скифов Западного Казахстана. Уральск: «Полиграфсервис». 2003. 124 с.
21. Хабдулина М.К. Тасмолинская археологическая культура: современное состояние// Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск. 2007. №2. С. 181-194
22. Хабдулина М.К. Алакульский могильник Аксу // Известия МОН - АН РК. Серия общест. Наук. 2000. №1. С. 40-52
23. Хабдулина М.К., Плешаков А. А.Случайные находки кинжалов с Приишимья// Степная цивилизация Восточной Евразии. - Астана: ЕНУ, 2003. — С. 215-218
24. Хабдулина М.К. Поселения раннесакского времени на реке Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. Астана: ЕНУ. 2003. С. 189-214
25. Хабдулина М.К. Кыпчакское городище Бозок на реке Ишим // Астана қаласыныц 10-жылдық мерейтойына арналған «Көшпенділер өркениетіндегі қалаларыныц орны» атты

халықаралық ғылыми конференцияныц материалдары 2008 ж. 2 шілде. Астана. 2008. 167-180 Б.
26. Хабдулина М.К. Бозок - в истории Дешт и-Кыпчак // Государственная книга Республики Казахстан. Астана - 10 лет созидания. Астана. 2008. С. 272-279
27. Хабдулина М.К. Северная Сарыарка в древности и средневековье// Елорда мүрағаттары хабаршысы. 2008. №3. Астана. С. 23-56
28. Хабдулина М.К. Северная Сарыарка в древности и средневековье// Елорда мүрағаттары хабаршысы. 2008. №4. Астана. С. 20-58
29. Хабдулина М.К. Некоторые аспекты проблемы изучения урбанизации Степи// Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент: материалы международной научно-практической конференции 16 октября 2008 г. Шымкент. 2008. С. 86-93
30. Хабдулина М.К. Мавзолеи средневекового городища Бозок (р. Ишим)// Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы Ш Международной Нижневолжской археологической конференции 18-21 октября 2010 г. Астрахань: Издатский дом «Астраханский университет». 2010. С. 384-391
31. Ягодин В.Н. Стреловидные планировки Устюрта. - Ташкент: «ФАН». 1991. 205 с.
32. Ярыгин С.А. Новые памятники раннесарматской культуры северо-западного чинка плато Устюрт// Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. №2. С. 280-287


БОРОВОЕ - 2006
ОНДЫРЫС - 2008
УЛЫТАУ - 2010
АСТАНА
ПЕСКИ МОЙЫНКУМ
КДАЛА
ПРАТО УСТЮРТ
ПРИКАСПИЙСКАЯ НИЗМЕННОСТЬ
ТАРБАГАТАЙ
КАРАТАУ
ПЕСКИ КАРАКУМ

УСТЮРТ - 2007

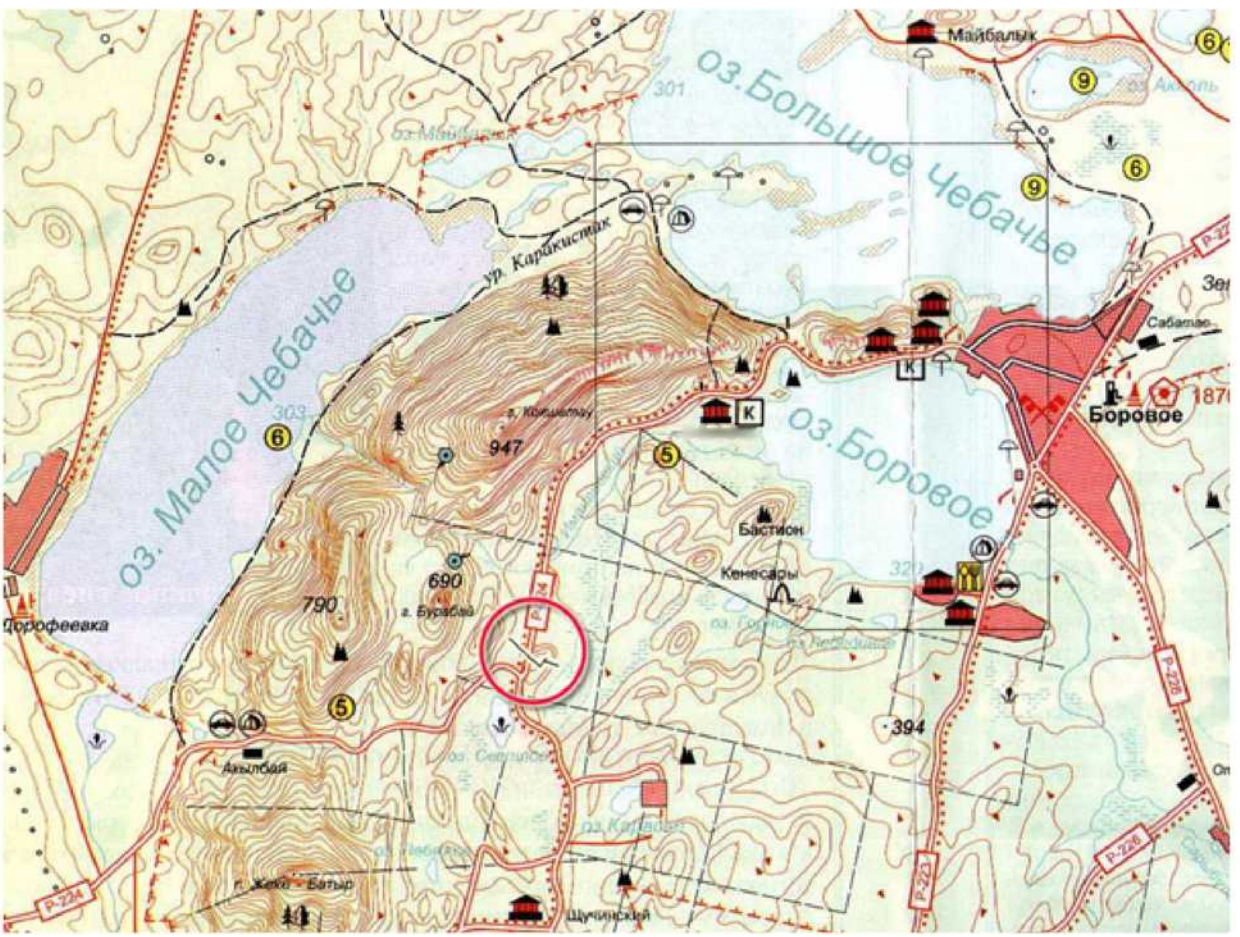

оз.Большое Чебачье
оз. Малое Чебачье
оз.Боровое
Майбалык
Боровое
Бастион
Кенесары
Дорофеевка
Акылбай
Щучинский
947
690
790
394
Р-224
Р-226
Р-223

Рис. 2. Место расположения «Боровской стены»

Рис. 3. «Боровская стена», фрагмент

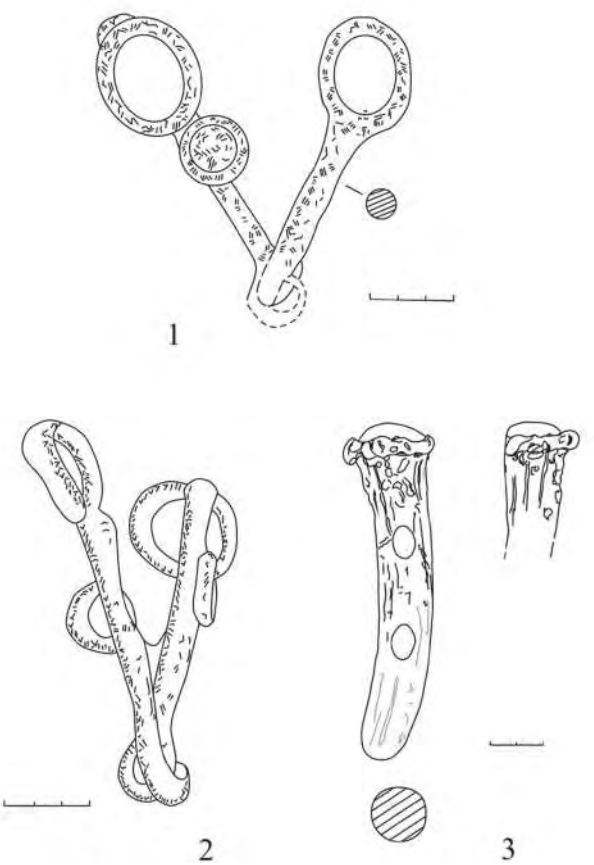


Рис. 4. Городище Бозок. Железные удила и роговой псалий. 1-2) удила; 3) псалий

Байпаков К.М.

Алматы, Казахстан Урбанизация в древнем и средневековом Казахстане

1. В эпоху глобализации, глубоких социально-экономических преобразований и научно-технического прогресса, роста и развития городов, многоплановый процесс урбанизации приобретает все большее значение в мире и конкретно в каждой стране. Изучение урбанизации общества все более привлекает исследователей различных направлений - историков и социологов, экономистов и психологов, архитекторов и культурологов.

Крайне важно знать ее истоки, этапы развития в далеком и не очень далеком прошлом, чтобы понять специфику урбанизации в разных регионах и общемировые тенденции развития. Особое значение приобретает вопрос изучения городской жизни на Востоке, в таких районах формирования кочевых цивилизаций, как древний и средневековый Казахстан.

Одним из важнейших событий в казахстанской исторической науке является открытие городов и самобытной городской культуры вопреки расхожему мнению ряда исследователей о Казахстане, как о стране исключительно номадов и как о периферии городских культур. Было доказано, что Казахстан был колыбелью своеобразной степной цивилизации, сочетавшей в себе симбиоз культур скотоводов и земледельцев, города и степи.

Благодаря целенаправленным археологическим исследованиям и анализу данных, извлеченных из древних и средневековых письменных источников, сейчас можно выделить несколько этапов урбанизации Казахстана.

2. Период протоурбанизации связан с эпохой бронзы, длившейся со II тыс. до н.э. до начала I тыс. н.э. В археологическом плане культуры этого времени получили название андроновской и бегазы-дандыбаевской. Открытие поселения Аркаим на Южном Урале, поселений на степных и лесостепных пространствах срединной Евразии от Урала до Иртыша, а также на чинках Мангистау изменили представления об истоках урбанизации.

Укрепленное поселение (городище) Аркаим, городища Кент, Атасу, Талдысай в Сары-Арке, городище Токсанбай на полуострове Мангистау — это остатки протогородов, датируемых в диапазоне 1600-800 лет до н.э. Они имели развитую фортификацию в виде городских стен и укрепленных въездов, глубокие рвы, заполненные водой; организованную планировку внутреннего пространства, разреженную системой улиц; высокий уровень производственной деятельности, основанный на базе разработки рудных месторождений и металлургии палеометаллов; скотоводство разных форм и земледелие с использованием ирригации; международный обмен керамикой, металлом и украшениями. В них обитали стратифицированные по имущественному и общественному положению коллективы, где уже выделился слой колесничих и жрецов. Люди, населявшие эти поселения, имели развитые мифологию и искусство.

Население сооружало для умерших сородичей, особенно людей знатных и почитаемых, подкурганные гробницы - мавзолеи, овальные и квадратные в плане. Широко известны мавзолеи Бегазы, Дандыбай, Аксу-Аюлы.

В Приаралье исследован некрополь Тагискен, состоящий из больших мавзолеев- храмов, стены которых возведены из сырцового кирпича. Перекрытия их были купольные дарбазного типа. Самый большой мавзолей имел круглый план, диаметр его 15 м, толщина стен 4 м. По своим размерам и объему использованных при его сооружении материалов он лишь немного уступает мавзолею Гур-Эмира, где был за-
хоронен Тимур.

В аспекте политогенеза можно считать, что общество, оставившее эти памятники, находилось на начальной стадии формирования государственности.

3. Первый этап урбанизации связан с эпохой ранних государств на территории Казахстана. Это государства саков Жетысу, саков Приаралья, Усунь в Семиречье, Кангюй на Сырдарье, государство западных динлинов (Тасмолинская культура) в Восточном и Центральном Казахстане, сарматов на западе Казахстана.

Судя по китайским источникам, столицей Усунь был город Чигучэн (город красной долины). Кангюй имел столицу на берегу Сырдарьи, называлась она Битянь. Поселения саков и усуней были открыты и изучены в предгорьях Заилийского и Джунгарского, Киргизского Алатау, в ущельях центрального Тянь-Шаня.

Наиболее полно раскопано поселение Актас, жилые и хозяйственные постройки которого были возведены из камня-плитняка на глиняном растворе. Рядом найдены орошаемые участки земли. Датируется поселение II в. до н.э. - VI в. н.э.

Жители поселения Тузусай вблизи Алматы, датируемого V в. до н.э. - IV в. н.э. занимались скотоводством и орошаемым земледелием.

Поселение Сарытогай занимало значительную площадь, тянущуюся узкой полосой по правому берегу Чарына, и состояло из нескольких десятков жилищ. На месте размытых и развеянных построек лежат десятки зернотерок, каменных мотыг, керамика. Судя по территории и концентрации здесь населения, Сарытогай может считаться городом.

Интерес представляет архитектура «царских» курганов Жетысу и Восточного Казахстана. Исследования могильников Бесшатыр, Иссык, Чиликты дают представление
об архитектурных ансамблях, состоящих из курганов высотой 10-15 м и диаметром до 100 м, каменных колец вокруг, круглых поминальных оградок и вкопанных в землю вертикально плит-менгиров. Под насыпями находятся сооружения из бревен в виде наземных усыпальниц с входными коридорами. Сверху их положен накат из бревен, перекрытых матами из камыша, связанного веревками.

В кургане Иссык деревянный сруб был впущен в могильную яму.

Интересна подкурганная конструкция из бревен лиственницы в кургане Байгетобе в некрополе Чиликты в Восточном Казахстане. Она сооружена из бревен, щели между которыми были заложены камнем, а снаружи обложена пирамидальным панцирем из булыжников. Исследователи отмечают, что подкурганные деревянные конструкции свидетельствуют об умении саков и усуней сооружать из дерева жилые дома в своих стационарных поселениях и городах.

На Сырдарье в государстве Кангюй (каучинская, отрарско-каратауская, джетыасар- ская культуры) изучены поселения и городища III в. до н.э. - V-VTTT вв. н.э.

Поселения существовали многие столетия, и культурный слой их достигает 3 и более метров. Оборонительные стены, жилые и культовые постройки выполнялись из сырцового кирпича. В строительстве широко использовались коробовые перекрытия из кирпича, арочные проходы.

В городах имелись храмы, посвященные огню. Известность в научной литературе приобрели раскопки городищ Кок-Мардан, Куик-Мардан в Отрарском оазисе; Акто- бе и Шаушукум в Ташкентском оазисе; городища в Джетыасарском оазисе на Сырда-

В Приаралье был открыт мавзолей эпохи бронзы Северный Тагискен, изучались сакские царские некрополи Южный Тагискен и Уйгарак. Столичным центром Приаралья в IV-II вв. до н.э. было городище Чирик-Рабат.

К числу уникальных архитектурных сооружений относят мавзолеи из сырцового кирпича. Один из них Баланды 2 - круглое в плане сооружение диаметром 16 м, и сейчас его стены достигают высоты 4,5 м.

По мнению историков архитектуры, купольный мавзолей Баланды был построен в
IV в. до н.э. и его купол является более древним, чем купольные постройки Рима.

4. Второй этап урбанизации приходится на эпоху раннего средневековья VI-VIII вв. В политическом отношении это время древнетюркских государств.

В VI-VIII вв. в Жетысу возникают и бурно растут города Суяб и Навакет, Тараз; на юге Казахстана — Испиджаб, на средней Сырдарье - Отрар и Шавгар. Буддийский монах Сюань Цзянь, проехавший в 629 г. через Жетысу и Южный Казахстан, называет также города Аспару, Мирки, Кулан, а Ибн Хордадбек и Кудама в своих маршрутниках, использующих сведения VIII

в., перечисляют города Газгирд, Манкент, Шараб-Шаваб, Куль-Шуб и Джуль-Шуб, Кулан, Аспару, Нузкет, Джуль, Навакет, Пенджикент, Суяб.

Археологи локализовали города, изучили их топографию, застройку, фортификацию, домостроительство. Исследованы дворцовые постройки, буддийские храмы и христианские церкви и монастыри, погребальные постройки. Получены уникальные материалы - резные доски парадного зала дворца в цитадели Куйруктобе; резной штук в дворцах Лугового и Костобе. Уникальные материалы получены при раскопках дворца Акыртас -незаконченной постройки из камня, датируемой VIII в.

Получены свидетельства высокого уровня развития архитектуры и искусства города VI-VIII вв. Безусловно, это был важный этап урбанизации и взаимодействия культур стран и народов на Великом Шелковом пути. Для него характерен тюрко-согдийский синтез в архитектуре, строительстве, искусстве, ремеслах.

5. Третий этап урбанизации связан с эпохой развитого средневековья, датируемого IX-XIII вв.

Среди общественных построек в городах этого периода следует назвать мечети, ставшие центрами духовной жизни и доминантами городской застройки. В городах и рядом возводятся мавзолеи и возникают мусульманские кладбища. Шедеврами архитектуры являются мавзолеи Айша-Биби и Бабаджи-Хатун вблизи Тараза. В этот период в городах строятся бани-хаммам.

Города были застроены кварталами с внутренними улочками или дворами. Выделяются несколько типов домов.

Расцвет культуры был прерван татаро-монгольским нашествием: разрушены многие города, сократилось городское население, нарушились традиционные связи городов и степи, пострадавшей в ходе нашествия.

6. Четвертый монголо-тимуридский этап развития городской культуры приходится на XIII - первую половину XV в. Это эпоха Монгольской империи, ее улусов, государств Ак Орды и Могулистана.

В Северо-восточном Жетысу в XIII - середине XIV в. продолжают жить города Кая- лык, Тальхир, Илибалык, Алматы,

В юго-западном Жетысу происходит сокращение городской жизни, но по-прежнему функционируют Тараз, Шельджи, Кенджек, Яны Талас, Аспара, Тарсакент, Баласагун. В это время получает развитие отрезок Шелкового пути, проходивший через города, расположенные на северных склонах Каратау. Именно по этому пути в Монголию ехали Плано Карпини, Гетум, Гильом Рубрук. В Южном Казахстане не смотря на погромы и разрушения Отрара, Сыганака, Барчкенда городская жизнь восстанавливается. В Кенджде, Дженде, Отраре чеканится монета.

Городская жизнь получает развитие в городах улуса Джучи в Золотой Орде. В долине Урала развивается город Сарайчик, возникают новые городские центры: Актобе в низовьях Урала, Жаик вблизи современного г. Уральска.

Городские центры появляются и в Центральном Казахстане, в Прииртышье. Это городища у мавзолея Джучи-хана, Ордакент, Аулиеколь.

Раскопками в Каялыке выявлена и изучена соборная мечеть, мавзолеи, буддийский храм. Вскрыты усадьбы богатых горожан и рядовая застройка.

Раскопки слоев XIIIГXV вв. на Отраре открыли городские кварталы, дома с новой по сравнению с предыдущим временем планировкой и интерьером.

Во второй половине XIV в. городская культура в Жетысу приходит в упадок, гибнут города Каялык, Талхир, Ики-Огуз, Или-Балык, Алматы. В Чуйской и Таласской долинах продолжают жить лишь города Тараз, Шелджи, Аспара в качестве опорных баз империи Тимура на границе с Могулистаном.

Разгром Тимуром Золотой Орды привел к гибели городов в Западном Казахстане.

В Сырдарьинском же регионе происходит подъем городов Шымкента, Сайрама, Караспана, Отрара, Туркестана, Саурана, Сузака, Сыгнака, Аккоргана, Узгена, Джен- да. В Туркестане по

приказу Тимура строится в конце XIV - начале XV в. знаменитый мавзолей Ходжа Ахмета Ясави, в Отраре соборная мечеть, а рядом с городом перестраивается мавзолей Арслан-Баба.

7. Пятый этап урбанизации связан с эпохой Казахского ханства, возникшего в 60-е годы XV в. Завершается он временем присоединения Казахстана к России - началом второй половины XIX в.

Городская культура сохранилась в Южном Казахстане, а также Западном Казахстане, где продолжал жить город Сарайчик.

Роль городов в политической, экономической и культурной жизни Казахского ханства была крайне важной, они были центрами политической жизни, ремесла, земледелия и торговли. Они имели развитую фортификацию, стены с башнями по углам и периметру, рвы с водой, укрепленные въезды.

В Сауране в центре города находилась площадь — регистан, к которой от въезда вела вымощенная каменными плитами улица. На площадь выходили фасады мечети, двух медресе и дворца правителя города. Мечети и ханака обнаружены на городищах Сыгнак, Джанкент и Дженд. На городских кладбищах строились мавзолеи.

Изучена квартальная застройка Отрара, Саурана, Туркестана. Кварталы Отрара состояли из 8-15 домов, объединенных внутриквартальной улочкой. Выделяются дома богатых, рядовых жителей и квартальных старейшин-аксакалов. Выделяются кварталы и дома ремесленников: гончаров, кузнецов, медиков, ткачей, ювелиров. Дома продолжают традиции домостроительства предшествующего времени.

Городская культура пострадала в ходе войн, особенно сильный удар нанесли набеги ойратов-калмыков. Именно они во время похода Галдан-Церена в 1681 или 1683 г. и позже захватили и разрушили города Сайрам, Отрар, Манкент, Карасаман, Чимкент, Карамурт. Ко времени русского завоевания Казахстана здесь продолжали жить Туркестан, Сузак, Шымкент, Сайрам, Карамурт, Манкент, Аулие-Ата.

С присоединением Казахстана к России начался новый период развития Казахстана, в том числе и урбанизации.

* * *

Мақалада қола дәуірінен бастап Қазақ хандығына дейінгі аралықтағы Қазақстан жеріндегі отырықшы мәдениеттіц дамуы көрсетілген. Автор урбанизацияныц бес кезецін айқындай келе, отырықшы халықтыц өмірі жайлы жан-жақты мінездеме беріп, табылған жарқын құндылықтарға тоқталып, қалалардыц тарихи топография- сына қатысты мәселелерді қамтиды.

Байтанаев Б. А.
Казахстан, Алматы Вопросы локализации Дахкета

Город Дахкет упоминается у Ал-Мукаддаси, в списках городов Испиджабского округа. В своем географическом сочинении Ал-Мукаддаси, при описании округа Испиджаб, перечисляет мелкие города и селения по Сырдарье: Испиджаб, Хурлуг, Джv мы шлагу, Усбаникет, Бараб, Шавагар, Сауран, Турар, Зерах, Шагилджан, Баладж, Барукет, Бурух, Яганкет, Адахкет, Дех Нуджикет ... и далее по тексту дает краткие характеристики указанным населенным пунктам [1, с. 180-183].

Локализация Дех Нуджикета и Дахкета, упоминаемого у ал-Мукаддаси, принадлежит А.Н Бернштаму. Он определил их местонахождения к западу от Тараза. Причиной этому было упоминание Тамим ибн Бахра двух возделанных деревень в местности Кавакет, расположенных в 7 фарсахах по дороге от Тараза к кимакам. Здесь следует отметить, что эти же сведения дает Ибн ал-Факих ал-Хамадани. Но у него сказано, что дорога к кимакам от Тараза идет налево. Только вот непонятно, с какой стороны следуя кТаразу? [1, с. 176].

Сопоставив сообщение ал-Мукаддаси и Тамим ибн Бахра, А.Н. Бернштам полагал, что два населенных пункта у ал-Мукаддаси, упоминаемые в его списке перед Тара- зом, Адахкет и Дех Нуджикет являются теми селениями, которые находились по пути от Тараза к кимакам. По

мнению А.Н. Бернштама оба населенных пункта напрямую связаны с двумя средневековыми памятниками в Кок-тобе (бывший Молотова). [2, с. 83-84]

Но путь к кимакам вел, если следовать из Шаша через Испиджаб, не на запад, а на восток от Тараза. К тому же у Тамим ибн Бахра не говорится,что эти селения именуются Адахкет и Дех Нуджикет.

Кроме этого, Адахкет или же Дахкет упоминается у ал-Истахри, ибн - Хаукаля, ал-Идриси в списке городов Илака [3, с. 19; 4, с. 28; 5, с. 52]. У ас-Сам'ани Дахкет город в Рузбаре, за городом Шашем и за рекой Сайхун. Ш.С. Камалиддинов дает вариант чтения Захкат, указывая, что Иакут помещает этот город в Испиджабе в округе Руз- бар [6,с.110]. Упомянутый у ас-Сам'ани географический термин Рузбар существенно определяет месторасположение данного города. Он имеет значение буквально - река [7, с. 231], т.е. данный населенный пункт был расположен в прибрежной зоне, что не наблюдается у памятников Кок-тобе расположенных севернее Тараза.

Ю.Ф. Буряков, проанализировав данные письменных источников, изучив историческую топографию средневековых памятников Шаша и Илака, пришел к выводу, что Дахкету соответствует городище в селении Дукент, расположенное в средневековом округе Илак [8, с. 146,148].

По иному обстоит дело с локализацией Дех Нуджикета. У ал-Мукаддаси, как мы писали выше, в списке городов Испиджаба, по тексту идет перечисление населенных пунктов, начиная от Испиджаба на север по Сырдарье. После описания Турара, Зера- ха и Шагильджана следует описание Баладжа. В тексте у ал-Мукаддаси читаем: «Баладж - маленький город, стена его разрушена, соборная мечеть на рынке. Мы уже повернули по направлению к главному городу (Испиджабу) [1, с. 181]» заметим (!) по направлению к главному городу, но не к Таразу. Далее арабский географ описывает Барукет и говорит, что он и Баладж пограничные крепости против туркмен. Очевидно, именно это описание явилось основным аргументом А.Н. Бернштама, что следующие по списку города Барукет, Яганкет, Адахкет и Дех-Нуджикет нужно искать по пути к Таразу. Слова, сказанные в тексте «...Мы уже повернули по направлению к главному городу [Испиджаб]» следует понимать, что перечисление городов должно замыкаться на Испиджабе и далее продолжаться по другому округу - Тараз, начиная с его главного города с этим же названием. Обратим внимание, Дех Нуджикет, в этом перечислении, является последним населенным пунктом и очевидно примыкающим к Испиджабу. Все это говорит о том, что после Баладжа нужно поворачивать не на восток в сторону Тараза, а на юг к Испиджабу. Во всяком случае, туркменские племена, которые приняли, как указывает ал-Мукаддаси, ислам из страха, согласно сочинению Бекрама «Джахан-наме»[9, с. 48], располагались за областью Фараб, за землями тюрков. Согласно Бируни: «Шестой иклим, ... страна туркмен, Фараба, страны хазар ...» [10, с. 32].

В том, что от Баладжа нужно следовать на юг к Испиджабу указывает локализация следующих городов по списку у ал-Мукаддаси - Бурух и Яганкента. Бурух локализован в 30 - километрах северо-восточнее городища Отрар, на месте городища Бузуктобе [11, с. 26]. Яганкент отождествлен на месте городища Узунтобе, расположенного у поселка Чубаровка, при слиянии рек Боралдай - Арысь [12, с. 85].

Дахкет локализован, как мы уже говорили выше, в верховьях Ахангарана. При ка- раханидах от его имени чеканились деньги. Монеты, битые 1012-13 г. с именем Иинал- тегина, в 1026 г. Кадыр-хана, и в 1040 г. Богра-хана, дающие вариант чтения- Дахкет, обнаружил и изучил Б.Д. Кочнев. По его мнению, чекан монет в столь незначительном населенном пункте, каким являлся Дахкет, указывает на политическую прокламацию со стороны названных караханидских правителей, присоединивших данный район к своим владениям. Возможно, причиной этому является то, что Дахкет в караханид- ское время был одним из административных центров горнорудного округа Илак [13, с. 128-129; 221].

Локализацией Дахкета занимался в свое время М.Е.Массон. По этому поводу он пишет: «Город Дахкет (Захкет или Адахкет) указывается всеми авторами рядом с Ку- хисимом, из чего можно было предположить, что он находится где-то в соседнем с ним районе, то есть на

территории гор Илака. В Худуд ал Алем он фигурирует как городок, причем отмечается, что из его гор вывозят «дору-и муш» (лекарство грусти). Илакский городок Дахкет не следует смешивать с Дахкетом XV-XVIв., когда этим именем называлось селение в области Ура- тюбе и одновременно один из уратюбинских округов. Последний был расположен в урочище Малиг-таг у подножья одной высокой горы, по другую сторону которой в Масче жили таджики, занимавшиеся разведением лошадей и баранов, подобно кочевым племенам. Дехкет между прочим был избран Бабуром для зимовки 907 г.х. (1501/2 г.н.э.). Чтобы выйти к Бешкенту против войск Шейбани- хана, Бабур, покинув Дехкет, должен был перейти сперва Сырдарью» [14, с. 39].

По работе М.Е. Массона можно сделать вывод о том, что на территории Шаш Илак- ского района был не один Дахкет и их месторасположение в основном приходится на горные и предгорные районы.

Однако, то, что Дахкет является одним из городов Испиджабского округа, помимо ал-Мукадддаси, пишет и Якут ал-Хамави. Можно было предположить, что территория округа Испиджаб, на юге, через горы, граничила с Илаком, где один из его городов был Дахкет. Но такой расклад маловероятен. Все это указывает на то, что в пределах непосредственной близости от Испиджаба был еще один Дахкет.

С. Волин переводивший сочинения ал-Мукаддаси, указывает вариант чтения Испиджабского Дахкета-Азахкес и в примечаниях пишет другой вариант - Дакакес [1, с. 181]. Б.Д. Кочнев, прочитав монеты Дахкета, рядом пишет Адахкет и ставит знак вопроса [13, с. 15]. Ш.Камалиддинов, как мы писали выше - Захкет.

На наш взгляд подобное разночтения топонима Дахкет в текстах средневековых авторов является в первую очередь, искажением слова при переписке с оригинала, когда диакритические знаки могли быть утраченными или ставились неправильно.

Этимология слова Дахкет на сегодняшний день остается неясной, так как никто из исследователей специально не занимался данным вопросом.

Топоним Дахкет состоит из двух частей- дах и кет. Вторая часть слова кет, кат, являясь древним ойконимическим термином, который принимает активное участие в различных словообразовательных процессах в топонимии Евразии. Наиболее подробно вопрос распространения этого термина на континенте в индоевропейских, финно- угорских, тюрко-монгольских языках изучил Э.М. Мурзаев. Анализируя труды А.И. Соболевского, Ф.Е. Корша, К. Риттера, В.И. Абаева, А.Н. Казакова, С.П. Толстова, В.В. Бартольда, Г.К. Конкошпаева и др. Э.М.Мурзаев рассмотрел термин в значении «дом, жилище, селение, город, крепость, поселок, сарай, хлев, вал и др.», отмечая его высокую продуктивность в топонимии [16, с. 269-270].

Несомненно, появление данного термина в исследуемом регионе, в первую очередь, связано с согдийским этносом, где термин кет, кат имеет значении «село, город».

Первая часть слова дах или дак определение и если учитывать вышесказанное также продуктивно в топонимике средневекового периода, и не только Шаш Илакского района.

Топонимы с элементом даг, таг широко распространены в Центрально-Азиатском регионе и являются в основном названиями горных объектов и гор. В своей основе даг с тюркского имеет значение гора, горный хребет. Из тюркского даг заимствован в персидские языки. Например, в горном Афганистане даг имеет значение гора, степь, поле. Топонимы с элементом даг, таг распространены на Кавказе, Иране, Турции с обозначением горных объектов [16, с. 175; 17, с. 229, 230]. Удивительно, тюркское так,

- трон, престол, то есть возвышающее, заимствованно с иранского [18, с. 280], в основу же которого было положено тюркское даг- гора, возвышение.

В литературе существует устоявшаяся точка зрения относительно этимологии тюркского слова так, - трон. Ученые считают, что данное слово заимствовано с иранского, в основу которого положено иранское тахт- ровный [19, с. 266, 267]. Эту точку зрения нельзя принять в первую очередь семантически, где трон никак не может быть ровным. Трон может только быть высоким или возвышенным. Во вторых эта версия не подкрепляется и лингвистически, так как исследователи этимологии этого слова не объясняют выпадение конечного - т.

Э.В. Севортян изучая тюркское даг/даг/таг в значении -гора, горная цепь отметил, что оно эволюционирует в тав [тау] в кыпчакских языках не ранее XIII-XIVвв. [20, с. 117-118]. Выходит, что в данном рассматриваемом периоде тюркское гора произносилось как даг.

Исходя из вышесказанного мы делаем вывод о том, что город Дахкет располагался в горной местности или же находился на возвышенности, так как в основу его топонима положен тюркский ороним даг, таг. Иными словами город Дахкет должен иметь топографию с возвышающимся рельефом или же располагаться на возвышении. Более того, это город в Рузбаре - прибрежный, у него, по словам ал-Мукаддаси много рабадов.

По нашему мнению еще один фактор должен учитываться при локализации Дахкета, это близкое расположение его к Нуджикету и Испиджабу. На эту мысль наводит то, что Дахкет упоминается у ал-Мукаддаси перед Нуджикетом, который локализован нами на месте городища Шымкент [21]. И еще, город Дахкет обязательно должен располагаться у большой реки.

Анализ гидрологии и топографии местности Шымкент-Сайрамского района дает все основания, искать Дахкет в долине реки Бадам, являющейся в этом районе единственной крупной рекой. Здесь мы должны сразу отметить, что мы не можем локализовать Дахкет в долине реки Сайрамсу, по той причине, что оно является притоком реки Бадам, а в летнее время полностью высыхает. К тому же в верховьях Сайрамсу нет крупных городищ средневекового периода.

Археологическая разведка проведенная нами вверх по течению реки Бадам выявила в районе поселка Султанрабат ряд памятников средневекового периода. Большинство из них зафиксировано в «Своде». Однако, некоторые из них оказались там неотмеченными. К ним относится городище Жыланбузган, расположенное у одноименного поселка.

Городище Жыланбузган находится на левой высокой надпойменной террасе реки Бадам. С севера к поселку примыкает участок Пролетаровка. С юго-востока расположен поселок Султанрабат. Памятник представляет собой прямоугольный бугор, расположенный по сторонам света и имеет общую площадь около одного гектара. Северная наиболее высокая часть памятника имеет высоту до шести метров, южная до двух метров.

Памятник постоянно подвергается антропогенному разрушению. К нему со всех сторон подступают приусадебные участки. У южной части памятника, на площадке примыкающей к прямоугольному бугру, местными жителями устроен небольшой карьер для добычи земли. В профиле разреза данного карьера нами прослежен культурный слой территории, прилегавшей к центральному бугру и, очевидно, ранее относившейся к рабаду городища.

Подъемная керамика памятника и прилегающей территории имеет широкие аналогии среди материалов городищ Отрар, Туркестан, Сайрам, Шымкент и других хорошо датируется X-XII вв. Разведка, проведенная от основания городища до русла и вверх по реке, в основном по правобережью, повсеместно (включая поселок Султанрабат) выявила керамику средневекового периода. Много было выявлено в профиле обрывистых берегов реки Бадам.

Городище Жыланбузган известно с дореволюционного времени. В 1893 году на городище побывал В.В. Бартольд. Тогда он охарактеризовал памятник как небольшой курган размерами 120х105 шагов и записал легенду о древнем городе бывшем на его месте [22, с. 111-112].

Данное городище, несомненно, расположено на древней караванной магистрали, которая следовала из Испиджаба в Шаш. Расстояние от памятника до границ поселка Сайрам соответствует приблизительно 14-15 км, что в свою очередь эквивалентна двум фарсахам или одному бериду (почтовому перегону) арабской меры длины.

Средневековую топографию города дает Ал-Мукаддаси, который, описывая Дахкет, отметил, что он большой укрепленный город, имеющий соборную мечеть. Рабад его населен и в нем находятся рынки. У Дахкета много рабадов [1, с. 181]. Эти все особенности наличествуют у городища Жыланбузган и подтверждаются прилегающей территорией с находками подъемных материалов средневекового периода.

Еще одним доказательством локализации Дахкета в этом районе служит топоним Султанрабат, возможно, сохранивший названия одного из рабадов этого средневекового города. По сведениям Джурджани, относящихся к XV веку, по караванному маршруту от Ташкента к

Сайраму упоминается пункт Шейх Чах рабат соответствующий Султанрабату [1, с. 195]. Более того, по дореволюционным картам Сырдарьин- ского поземельного комитета, на карте Султанрабатского участка, напротив городища Жыланбузган указан топоним Даулетрабат [23]. Памятник не сохранился, но наличие топонима говорит о существования ещё одного рабата в этом районе.

Наличие большой реки, рабадов и материалов средневекового периода дает нам основания отождествить город Дахкет с городищем Жыланбузган.

* * *

Бүл мақаладаДахкет атауы қарастырылады.Зерттеу нэтижесінде коне елді мекеннін орны анықталады. Ол коне елді мекен Жыланбузган археологиялық ескерткішінде орналасқан.

Список использованных источников и литературы

1. Волин С. Сведения арабских, персидских и тюркских источников IX-XVI вв. О долине р. Талас и смежных районах // Материалы и исследования по археологии Казахской ССР. Т.I. Труды Семиреченской археологической экспедиции. Таласская долина. Алма-Ата. 1949. С.174-197
2. Материалы и исследования по археологии Казахской ССР. Т.I. Труды Семиреченской археологической экспедиции. Таласская долина. Алма-Ата. 1949. 226 с.
3. Писаревский Л.З. Китаб Масалик ал-Мамалик ал-Истахри // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып.1. Москва. 1973. С.15-23
4. Ворожейкина З.Н. [Китаб] Масалик ал-Мамалик ал-Истахри // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып.1. Москва. 1973. С.24-34
5. Закиров Ш. Ал-Идриси. Китаб Нузхат ал-Муштак фи-хатирак ал-афак // Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. Ташкент. 2003. С.51-63
6. Камалиддинов Ш.С. «Китаб ал-Ансаб» Абу Са'да Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Самани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент. 1993. 184 с.
7. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч.: В 9-ти томах. - Москва. 1963. Т. 1. 760 с.
8. Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент. 1982. 212 с.
9. Ворожейкина З.Н. Джахан-наме Мухаммад ибн Наджиба Бекрана // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып.1. Москва. 1973. С. 46-51
10. Акишев К. А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата. 1972. 215 с.
11. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI-начало XIII). Алма-Ата. 1986. 256 с.
12. Байпаков К.М. О локализации средневековых городов Южного Казахстана // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата. 1977. С. 81-93
13. Кочнев Б.Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть I (Са- маниды, Караханиды, Джаниды)// История материальной культуры Узбекистана. Вып.14. Ташкент. 1978. С. 120-131
14. Массон М.Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент. 1953. 144 с.
15. Кочнев Б.Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 7 (Караханиды) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 20. Ташкент. 1986. С. 125-130
16. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. Издание 2 переработанное и дополнительное в 2 х томах. Т.1. Москва. 1999. 340 с.
17. Мурзаев Э.М. География в названиях. 2-е изд. перераб. и доп. Москва. 1982. 176 с.
18. Кайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. А. 1986. 327 с.
19. Рустемов Л.З. Казахско- русский толковый словарь арабско-иранских заимствованных слов. Алма-Ата. 1989. 320 с.

20. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и меж- тюркские основы на «В», «Г» и «Д». Москва. 1980. 395 с.
21. Байтанаев Б.А.Вопросы локализации Нуджикета // Новые археологические исследование в Казахстане. Труды научно-практической конференции «Маргуланов- ские чтения - 15». Алматы. 2004. С. 227-232
22. Бартольд В.В. Отчет о командировке в Среднюю Азию // Соч.: В 9-ти томах. - Мо- сква.1966. Т.4. С. 111-115
23. Государственный архив Южно-Казахстанской области - Фонд 646. - Опись 1,- Единица хранения 301.

Бедельбаева М. В.
Казахстан, Караганда Памятники скифо-сакской эпохи Казахстана: реальность и перспективы

В советский период археологические памятники традиционно считались объектами только научного изучения и поэтому «выпадали» из сферы общественного интереса. Причиной этого являлось порожденное социализмом стремление к изучению преимущественно социально-политической истории государства и практически полное игнорирование археологического наследия, отражающего быт и культуру древних социумов, и не представлявшего никакой идеологической ценности.

В настоящее время в рамках выполнения Государственной программы «Культурное наследие», инициированной Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым, вопрос о путях сохранения историко-культурного наследия приобрел особую актуальность и современное звучание.

Предистория понятия «культурное наследие» восходит к скифо-сакской эпохе. В известном рассказе Геродота о походе Дария на саков в VI в. до н.э. «могилы славных предков» уже выступают в качестве непреложной ценности, единственной, которую стоит защищать в бою. В этом случае сохранение отеческих могил узаконивало власть сакских правителей, обеспечивало племенную идентичность, а представление
о бессмертии предков является универсальной составляющей культурной идентификации. Когда память о предшественниках материализована и является частью современности, возникают рациональные научные знания, на основе которых в конечном итоге развивается представление об этнической идентичности. Определенным образом именно мифологизация, связанная с культурным наследием, обусловила то, что памятники древности сохранились до сегодняшнего дня.

Если ранее источником угрозы для археологических памятников являлись природно-климатические факторы, приводящие зачастую к естественному разрушению объектов, и антропогенное воздействие - уничтожение в результате хозяйственной деятельности (промышленное и гражданское строительство, разработка месторождений полезных ископаемых, сельскохозяйственное производство, освоение земель частными мелкими собственниками и др.), то в настоящее время на первый план выдвинулся еще один фактор уничтожения историко-культурного наследия. Это целенаправленные грабительские раскопки с целью получения древних вещей для реализации. Объектом разграбления в Казахстане стали скифо-сакские могильники Жетысу, Западного и Восточного Казахстана, привлекающие богатством золотых украшений погребального костюма, своеобразием и художественной выразительностью сопровождающего инвентаря [3, с. 20; 5, с. 17-18; 6, с. 71-73 и др.]

Широкое вторжение грабителей на археологические памятники, начавшееся в 1990-е годы, обусловлено несколькими причинами. Одна из них - становление антикварного рынка, как части рыночной экономики. Предметы древности стали товаром, одним из «естественных ресурсов», добыча которых не требует больших затрат, а умелый сбыт приносит высокую прибыль. Второе обстоятельство - распространение совершенных металлодетекторов, появившихся в Западной Европе и США еще в конце 1980-х годов и принятых на вооружение отечественными

нелегалами в середине 1990-х гг. Их появление вывело на новый уровень возможность обнаружения древних вещей в культурном слое и погребениях, что сделало «труд бугровщиков» гораздо более эффективным и разрушительным. Третье обстоятельство - ослабление государственного контроля над охраной культурного наследия в начале 1990-х годов и фактическое предоставление возможности приватизации любых объектов, в том числе и памятников археологии. Ослабление государственной системы охраны памятников давало нелегалам полную уверенность в своей безнаказанности.

Как свидетельствует мировая практика, дальнейшее развитие социальной и экономической инфраструктуры Казахстана обусловливает неизбежный рост общественно опасных посягательств на культурное наследие. Поэтому обеспечение сохранности культурного наследия и эффективное его использование в современный период является одной из основных задач, как законодательной практики государства, так и научно-исследовательской деятельности ученых, включающую не только изучение, но и консервацию, реставрацию и музеефикацию археологических памятников.

Международное законодательство обязывает государства «...запрещать, предупреждать и, если необходимо, пресекать любые акты кражи, грабежа или незаконного присвоения культурных ценностей в какой бы то ни было форме, а также любые факты вандализма в отношении указанных ценностей», при этом указывает, что «... культурная ценность, происходящая из неразрешенных раскопок или законно происходящая из раскопок, но незаконно изъятая, рассматривается как похищенная, если это соответствует праву государства, где вышеуказанные раскопки имели место» [4, с. 223-237].

В Республике Казахстан создана правовая система охраны историко-культурного наследия, которая предусматривает запрещение незаконных раскопок, а также работы по учету и определению памятников и районов, находящихся под охраной государства с целью сохранения материальных свидетельств для будущих поколений. Анализ действующего законодательства РК свидетельствует о недостаточности их защиты правовыми средствами, в частности, об отсутствии административной ответственности за совершение незаконных археологических раскопок, а также ненадлежащем толковании уголовного законодательства, регламентирующего данную сферу общественных отношений. Это приводит к тому, что эти противоправные общественно опасные деяния выпадают из правового поля и часто остаются безнаказанными.

Проведенный юристами сравнительно-правовой анализ Уголовного кодекса Республики Казахстан с действующим уголовным законодательством Российской Федерации и ряда стран дальнего и ближнего зарубежья, изучение материалов судебной и следственной практики, мнений работников правоохранительных органов позволили сделать вывод о том, что отсутствие самостоятельной нормы, предусматривающей ответственность за умышленное уничтожение или повреждение культурных ценностей, является пробелом в отечественном законодательстве. В то же время, отмечают исследователи, казахстанский законодатель, видя необходимость уголовно-правовой охраны данных отношений, предусмотрел в п. «б» в ч. 3 ст. 187 УК РК ответственность за умышленное уничтожение или повреждение памятников истории, однако на практике эта статья почти не используется для возбуждения дел по фактам незаконных раскопок [2, с. 49-52].

Правовая система охраны историко-культурного наследия, предусматривающая запрещение незаконных раскопок, включает в себя работы по учету и определению памятников, находящихся под охраной государства с целью сохранения материальных свидетельств древности для последующего их изучения и использования.

В Казахстане количество археологических памятников превышает численность других объектов, входящих в категорию историко-культурного наследия. Согласно Археологической карте Казахстана, изданной в 1960 г., могильники и курганные группы, часть которых определена как памятники эпохи ранних кочевников, составляют почти две трети от общего количества учтенных памятников [1]. Например, в Жамбыльской области, согласно данным

Свода памятников истории и культуры, зафиксировано 697
археологических объектов из них 348 (50%) - памятники раннего железного века [8].

Анализ опубликованных данных по Южно-Казахстанской области [7] представляет следующую картину: около 140 (8%) курганов раннего железного века, запаспорти- зированных в ходе археологических разведок 60 - 80-х гг. XX в., к настоящему времени не обнаружены, что связано с их разрушением в результате антропогенной деятельности; 157 (10%) объектов обнаружены впервые в ходе разведочных работ отрядов по паспортизации; более 770 (80%) курганов подвергнуты грабительскому вмешательству; 50 (4,3%) курганов скифо-сакской эпохи области изучены в ходе научно- исследовательских работ. В Северо-Казахстанской области [10] ситуация аналогичная: около 70 (4%) известных ранее курганов скифо-сакской эпохи не зафиксированы и исчезли вследствие антропогенной деятельности; 766 курганов (44%) подвергались распашке; более 130 (7,5%) курганов имеют следы ограбления; 157 объектов (9%) обнаружены впервые; в результате археологических исследований раскопано около 150 курганов и погребений, 6 поселений, что составляет лишь 9% от общего количества памятников. Данные по Жамбылской, Акмолинской и Кызылординской областям [7- 11] приведены в таблице.

Издание Свода памятников истории и культуры Западно-Казахстанской области, к сожалению, не представляет возможности привести подобную статистику, так как в текстовом материале по курганам и могильникам хронологическое определение дано лишь в случае, если этот памятник исследован (курганные комплексы скифосарматской эпохи Лебедевка, Кырык-Оба II, Облавка и др.). В остальных статьях указана лишь принадлежность объекта к археологическим памятникам. Кроме того, отсутствует информация о времени открытия, авторстве, современном состоянии памятника [12].

Приведенная статистика не претендует на полную объективность, поскольку в ряде случаев учитывались и разновременные памятники, например, могильники, содержащие погребения датируемые эпохой бронзы и ранним железным веком или наскальные изображения, включающие в том числе композиции, достоверно идентифицируемые I тыс. до н.э. Тем не менее, анализ данных позволяет проследить общую тенденцию, связанную с утратой от 4 до 8% курганных памятников скифо-сакской эпохи. Тогда как за прошедшие со времени издания Археологической карты Казахстана пять десятилетий исследовано лишь от 4 до 9% объектов раннего железного века, включая курганы, поселения, городища и местонахождения петроглифов.

В ряде стран информация о точном расположении археологических памятников находится только в распоряжении органов охраны памятников, не указывается в публикациях и туристских картах. Название памятника дается не по ближайшему населенному пункту, географическому ориентиру или топониму, а по иной системе. Это ограничивает широкий доступ общественности к информации и способствует охране археологических объектов.

Процесс эволюции отношения к историко-культурным ресурсам привел к важным изменениям концептуального плана. Практика простой охраны памятников переросла в сложный и многослойный комплекс мероприятий по сохранению, которое включает в себя изучение и использование с целью осмысления культурного наследия в его уникальных вариантах для национально-государственной идентификации. В рамках государственной программы «Культурное наследие» продемонстрированы возможности и результаты использования проектных программно-целевых практик изучения археологических памятников, в частности, скифо-сакской эпохи Казахстана, что привело к существенному расширению источниковой базы (включение нового вида массовых источников - поселенческих объектов эпохи ранних кочевников); росту научных исследований, использующих принцип междисциплинарности; расширению возможностей для изучения проблем социального устройства номадного общества; публикации научных и научно-популярных иллюстрированных и информативных материалов; началу процесса музеефикации объектов историко-культурного

наследия на основе понимания памятников археологии как стратегического ресурса страны (историческая память как «символический капитал»).

Если в современных условиях в эпоху глобализации культурное наследие рассматривается как стратегический ресурс государства, то можно подчеркнуть, что памятники скифо-сакской эпохи Казахстана - это весьма солидный стратегический ресурс, который необходимо соответствующим образом позиционировать и активно использовать.

* * *

Мақалада Қазақстан территориясындағы сақ-скифтер дәуірін археологиялық зерттеу қорытындыларын жинақтайтын нәтижелерге талдау жасалды. Қазақстан Республикасыныц қазіргі зацнамалық жағдайына талдау жасалды, бұл талдау археологиялық ескерткіштердіц сансыз көп және көрнекті санаты ретіндегі Қазақстанныц тарихи-мәдени мұрасы мен ерте темір дәуірініц нысандарын қорғауды белгілейді.

Список использованных источников и литературы

1. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 1960. 486 с.
2. Борчашвили И.Ш., Мукашев А.К Некоторые вопросы ответственности за проведение незаконных археологических раскопок //Экономика и право Казахстана. 2006. № 23 (287). С. 49-52
3. Козина В. Там, где лес шумел // Аргументы и факты Казахстан. - 2010, январь. - № 22 (1543/889). С. 20.
4. Конвенция «По похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям» (1995 г.) //Московский журнал международного права. 1996. № 2. С. 223-237
5. Самашев З., Джумабекова Г., Нурпеисов М., Чотбаев М. Древности Алматы: Курганы Боролдая. Алматы: Изд-во «Grafo-art». 2006. 216 с.
6. Сдыков М.Н., Демкин В.А., Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Скифы Западного Казахстана. Алматы: Исламнур. 2007. 208 с.
7. Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы: «Казак энциклопедиясы». 1994. 368 с.
8. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область. Астана: Изд-во РГП «НИПИ ПМК». 2002. 350 с.
9. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Кызыл-Ординская область. Астана: Изд-во ТОО «Аруна LTD». 2007. 376 с.
10. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область. Астана: Изд-во ТОО «Аруна LTD». 2007. 496 с.
11. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область. Астана: Изд-во ТОО «Аруна LTD». 2009. 568 с.
12. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Западно-Казахстанская область. Астана: Изд-во ТОО «Аруна LTD». 2010. 552 с.

Области Республики Казахстан (год издания Свода)	Памятники раннего железного века			В настоящее время не обнару	Обнаружены впервые	Изучены в ходе археологических исследований	Зафиксировано грабительское вмешательство	Разрушаются в результате антропогенной деятельнос
	Могильники (в них курганов)	Поселения (городища)	Наскальные рисун					
Южно-Казахстанская область (1994 г.)	44 (1028) царских курганов около 40			Около 140 курганов	157 объектов	Около 50 курганов	Более 770 курганов	Около 70 курганов
Жамбылская область (2002 г.)	340 (4121)	3	5	Нет данных	142 объекта	Около 160 курганов	Более 1030 курганов	Более 640 курганов
Северо-Казахстанская область (2007 г.)	134(1607)	8		Около 70 курганов	157 объектов	Около 150 курганов и 6 поселений	Более 130 курганов	Более 760 курганов
Кызылординская область (2008 г.)	221(1742)	24	39	Нет данных	192 объекта	30 курганов и 3	Более 100 курганов	Около 80 курганов
Акмолинская область (2009 г.)	207(1715)	6	1	Нет данных	184 объекта	Около 20 курганов и 4 поселения	Более 230 курганов	Более 660 курганов

Таблица. Степень сохранности и изученности памятников раннего железного века (по данным Сводов памятников истории и культуры Республики Казахстан)

Берсенева Н. А.

Россия, Челябинск

К вопросу о социальном статусе людей с деформированной головой в саргатской культуре (ранний железный век)

«Визуальный» символизм был и остается важным средством демонстрации статуса. Ношение оружия и торков (гривен) было универсальным средством различия среди кельтов. Важную социальную информацию часто содержало раскрашивание тела. Использование татуировок во многих обществах, как раннего железного века, так и в более поздних, говорит о значимости и этой формы коммуникации. Одежда и украшения до сих пор недвусмысленно свидетельствуют о социальной позиции их владельца. Искусственная деформация черепа также традиционно считается признаком повышенного статуса. В отличие от татуировок и прочих внешних атрибутов, этот признак надежно фиксируется остеологически. В начале I тыс. н.э. практика деформации головы была широко распространена среди кочевников евразийских степей и народов Средней Азии [1, с. 175-176]. В позднесарматскую эпоху деформированные черепа зафиксированы для 70% индивидов, при этом выборка «деформантов» имела многочисленные следы травм на костях, и наиболее изношенные суставы, что, по мнению антропологов, свидетельствует о «воинско-всаднической» специализации поздних сарматов [2, с. 84].

Саргатская культура лесостепей Зауралья и Западной Сибири (периферии мира кочевников) не избежала появления подобной практики. Однако, деформированные черепа

из саргатских могильников не столь многочисленны. Согласно данным Д.И. Ражева [13; 14, с. 150], они составляют от общего количества 28% в Приишимье, 15% в Прииртышье и около 11% в Притоболье. Уверенно датированные погребения Прито- болья и Приишимья с деформированными черепами относятся к рубежу эр и позднее (см. сводку в работе Д.И. Ражева, 2009). Неразработанная хронология и очень общие датировки могильников Среднего Прииртышья практически не позволяют решить вопрос о времени появления «деформантов» на данной территории.

Вопрос о связи деформации головы и социального статуса погребенного поднимался на саргатском материале С.В. Шараповой [15, с. 57-69]. Ею были собраны данные по Притоболью и Приишимью (15 черепов, включая два из Прииртышья). С.В. Шарапова отнесла мужские погребения с деформированными черепами к «воинским» и констатировала, что «синхронные нерабленые саргатские погребения мужчин с обычной формой черепа демонстрируют менее выразительный «ансамбль» - кинжал вместо меча; отсутствует конская упряжь» [15, с. 60]. Данные, представленные в таблице 5.8 Д.И. Ражева [14] и работа с отчетами о раскопках прииртышских могильников позволили увеличить серию «деформантов» еще на 12 погребений .

Достаточно скромная опубликованная саргатская выборка по Притоболью включает два хорошо сохранившихся погребения: молодого мужчины с почти полным набором вооружения [6, с. 38-40], и женщины 40-50 лет, погребенной на периферии крупного кургана, но в сопровождении лишь двух сосудов [4, с. 188-204].

В Приишимье насчитывается девять погребенных с деформированными черепами: три женщины и шесть мужчин . У мужчин в четырех погребениях встречены предметы вооружения и конская сбруя (в двух непотревоженных - полный набор: меч, лук, колчан, удила с псалиями). У женщин очень скромный инвентарь - бусины, посуда, железные ножи, кости животных, за исключением богатого украшениями погребения молодой женщины из могильника Абатское III (к. 2, м. 5) [7].

Прииртышье. Семь мужчин и семь женщин. В нашем распоряжении есть три мужские непотревоженные могилы. Один мужчина вообще погребен без инвентаря (Стрижево I, к. 11, м. 2), второй - только с ножом и наконечником стрелы (оба положены с младенцами) [10, 11]. Третий захоронен с мечом, луком, стрелами и конской уздой. Все остальные мужские погребения содержат очень мало инвентаря, видимо, вследствие ограбления. Инвентарь четырех непотревоженных женских могильных ям скуден: это посуда, железные ножи, кости животных, мелкие бляшки от одежды, пряслице [12]. Лишь с одной было найдено 27 стеклянных бусин и серебряная серьга еще, в одном случае, встречена накладка лука. Три из этих погребений - впускные в насыпи курганов. Центральные могилы были более богатыми, но они все ограблены.

У женщины, захороненной в центре кургана 1 (м. 1) могильника Богданово III, сохранился бронзовый котел и бронзовое блюдо. Могильная яма была обширной: 3,7х4,0 м при глубине 1,3 м, возможно, она предназначалась для нескольких человек [8; 9].

Итак, вернемся к социальному статусу людей с деформированной головой. Следует признать, что они, вероятно, принадлежали к разным социальным группам. Деформация головы, как мне кажется, не маркировала в саргатском обществе особый (воинский или просто высокий) статус. Расположение этих могил в кургане не демонстрирует закономерностей: из 25 погребений «деформантов» - 7 центральных, остальные боковые или впускные в насыпь. Что касается инвентаря: есть одно безин- вентарное погребение, несколько непотревоженных погребений с нейтральными по отношению к полу и возрасту предметами. Лишь четыре непотревоженные погребения содержали мужчин с полным комплектом вооружения. Среди женских богатыми можно назвать погребения из могильников Богданово III, Абатского III, и с некоторым допущением, из Карасьего 9. Как бы там ни было, мы находим «деформантов» в центральных, боковых и впускных

погребениях, спектр инвентаря - от полного его отсутствия до относительно «богатого» и/или воинского. Мужские черепа из так называемых «золотых», непотревоженных захоронений курганных могильников Сидоров- ка и Исаковка I Среднего Прииртышья не отмечены антропологами как деформированные, правда, они имели плохую сохранность. Что интересно, нет детских или хотя бы подростковых деформированных черепов [14, табл. 5. 8], все люди с деформацией черепа являются индивидами не моложе 20 лет. Объясняется ли это плохой сохранностью черепов, или практика деформации головы не была адаптирована в саргатской среде? По-видимому, вслед за многими авторами, появление этой традиции следует объяснять южным степным влиянием, и с этой точки зрения понятно, почему наибольшее количество «деформантов» обнаружено именно в юго-западной части сар- гатского ареала.

В саргатской среде обычай деформации головы, судя по всему, не получил массового распространения. Возможно ли, что у некоторых, связанных с кочевниками родов (семей) существовал обмен детьми или усыновление, отдание на воспитание приемным родителям? Этнографии известны подобные примеры. Или это были просто пришельцы с юга, взятые замуж женщины, мужчины, по разным причинам сменившие места обитания? Так, женщина из могильника Карасье 9 была погребена с посудой сарматского облика. Есть и противоположные примеры (Гаевский 1, к. 6 п. 2; Исаковка III, к. 3 п. 8), когда «деформантов» сопровождали саргатские горшки. Впрочем, согласно этноархеологическим исследованиям, орнамент на посуде не всегда является этнодиагностирующим признаком [5, с. 15]. Этническая идентичность не дается от рождения, но конструируется и может иметь ситуационный характер [3, с. 9-48]. Зачастую мигранты принимают со временем чужие культурные стереотипы, и новое общество воспринимает их как своих, в том числе и после смерти. К сожалению, имеющийся материал пока позволяет лишь высказывать предположения.

* * *

Мақалада Саргат мәдениетіндегі бас қаңқа сүйегінің формасы өзгертілген адамдардың әлеуметтік статусына қатысты мәселелері көтерілген. Орал мен Батые Сібір территориясындағы жерлеу қорымдарын зерттеу нәтижесінде, автор келесі тұжырымға тоқталады: Саргат мәдениетінде аталған белгілер әлеуметтік статусың ажыратпайды. Қарастырылған ерекшіліктер басқа көршілес аймақтарынан келген мәдениеттердің ықпалы деп түсінуіміз қажет.

Список использованных источников и литературы

1. Балабанова М. А. О древних макрокефалах Восточной Европы // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: Изд-во ИА РАН. 2004. Вып. 3. С. 171-187
2. Балабанова М.А. Половозрастная структура населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья // РА. 2009. № 3. С. 79-88
3. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. М.: Новое издательство. 2006. С. 9-48
4. Ковригин А.А., Корякова Л.Н., Курто П., Ражев Д.И, Шарапова С.В. Аристократическое погребение из могильника Карасье 9 // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа: Гилем. 2006. С. 188-204
5. Крадин Н.Н. Археологические культуры и этнические общности // Теория и практика археологических исследований: сборник науч. трудов / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Азбука. 2009. Вып. 5. С. 9-19
6. Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование / Под ред. Коряковой Л.Н. и Дэйр М. И. Екатеринбург: Екатеринбург. 1997. 170 с.

7. Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука. 1994.152 с.
8. Могильников В.А. Отчет о работах Иртышского отряда в 1976 г. Москва // Архив ИА РАН. Р-1. № 6659
9. Могильников В.А., Колесников А.Д., Куйбышев А.В. 1977. Работы в Прииртышье // АО. 1976. М.: Наука. С. 225-226
10. Погодин Л.И. Отчет об археологических раскопках курганов Стрижевского II и Стрижевского III могильников в Нижнеомском районе Омской области, проведенных Омским государственным университетом в 1987 г. Омск, 1988 // Архив МАЭ ОмГУ. - Ф. II. - Д. 53-1
11. Погодин Л.И. Отчет об археологических исследованиях у б.д. Стрижево Нижнеомского района Омской области в 1991 г. Омск, 1992 // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. - Д. 81
12. Погодин Л.И., Труфанов А.Я. Могильник саргатской культуры Исаковка III // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: изд. ОмГУ. 1991. С. 98-127
13. Ражев Д.И. Распространение обычая прижизненной деформации головы среди населения саргатской общности // Проблемы истории, филологии, культуры. - Вып. XXI. 2008. С. 524-537
14. Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН. 2009. 492 с.
15. Шарапова С.В. Символика престижа в саргатской культуре: на примере феномена кольцевой деформации черепа // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Сургут: Магеллан. 2007. С. 57-69

Боброва А.И.
Россия, Томск

Этнокультурная ситуация в Нарымском Приобье в позднем средневековье (по материалам некрополей)

На территории Томской области известно около 3000 памятников археологии. Половина из них относится к эпохе средневековья. Нарымское Приобье расположено в северных районах области, в бассейне р. Оби (от устья р. Чулым до устья р. Тым), занимая южную часть Среднего Приобья. Этот регион, исторически связанный с формированием прасамодийской и кетской общностей, считается зоной контактов угров, самодийцев, тюрков, западносибирских эвенков и переселенцев из России. Сложную картину взаимоотношения этносов и их групп отражают материалы средневековья - развитого и позднего.

Археология региона представлена преимущественно погребальными памятниками - курганными некрополями на реках Обь, Кеть и грунтовыми могильниками р. Тым. Вопросы культурной и этнической их интерпретации до сих пор вызывают дискуссии. В.Н. Чернецов считал Среднее Приобье с середины I тыс. местом формирования древнеселькупской культуры [1, с. 238], к самодийскому этносу относил средневековые древности Томско-Нарымского Приобья В.А. Могильников [2, с. 13;
3, с. 179; 4, с. 232-235], с генезисом древнеселькупского населения связывает их *Л.А.* Чиндина [5, с. 5, с. 138-140; 6, с. 117-130]. А.И. Боброва и Ю.И. Ожередов считают, что средневековые памятники Нарымского Приобья оставлены праселькупским, а с XVII
в. - селькупским населением [7, с. 293-321; 8, с. 28, 85]. Точку зрения об угорской принадлежности культур Среднего Приобья эпохи железа высказал В.И. Молодин [9, с. 8-44]. Источники, накопленные за последнюю четверть века, позволяют реконструировать культурно-историческую ситуацию в Нарымском Приобье с IX в. до этнографической современности.

Судя по археологическим материалам, указанный регион в период средневековья представлял собой своеобразную буферную зону. В разное время он становился ареной

борьбы местных племен с натиском южных и северных соседей.

На этапе развитого средневековья определяющим для исторического развития региона было южное влияние, влияние тюрок. Всеми исследователями признается присутствие тюркского компонента в аборигенных культурах. Археологические материалы свидетельствуют об участии этого компонента и в этногенезе древних селькупов. Южные соседи осуществляли не только обмен с местными племенами, приобретавшими у них на пушнину изделия из металла, оружие, украшения, дорогие ткани, но и активно продвигались в южно-таежную зону Среднего Приобья. В.А. Могильников допускал возможность прямого вторжения тюрок по долине Иртыша уже во второй половине VTTT-TX вв. [4]. В IX-X вв. кимако-кыпчаки втягивали в сферу своего влияния более северные области и являлись в это время основным источником тюркизации южных районов Западной и Средней Сибири [10]. Археологические материалы свидетельствуют об участии в этногенезе древних селькупов этого компонента.

Инфильтрация иноэтничного населения с юга и смешение его с местным документируется материалами некрополей, на которых встречены случаи захоронения с умершим коня или его шкуры (головы, конечностей); кремации тела покойного (полная или частичная). В обряде погребения прасельскупского населения, оставившего могильник Релка (раннее средневековье), прослежены обе эти тенденции. Отмечено, что кремации подвергали, преимущественно, тела мужчин-воинов [4, с. 231;
5, с. 32]. В эпоху развитого и позднего средневековья кремировали 10% разнополого и разновозрастного населения, видимо, их потомков, генетически связанных с группами пришлых воинов. Подвижки разных групп населения из Прииртышья и Среднего Приобья были связаны с продвижением тюрок в эти районы в XT-XTTT вв. В это время в Нарымском Приобье, по мнению В.А. Могильникова, формируется культура конца
I - начала II тысячелетия н.э., генетически связанная с нарымскими селькупами [4, с. 232].

Движение древнехантыйского населения из районов Нижней Оби и Прииртышья на Среднюю Обь, начавшееся, видимо, в VII-VIII вв., продолжалось и в IX-X вв., когда Нарымское Приобье активно стало осваиваться вожпайцами, проникавшими из районов Сургутского, Юганского и Нижнего Приобья [11; 12, с. 56, рис. 13-15; 13, с. 138-147, рис. 147,150-157]. Их «археологический след» сопровождался появлением поселений и городищ с типичной керамикой оронтурского типа на р. Вах и в верховьях р. Васюган и вожпайского типа - на р. Вах, Тым, Васюган, Парабель, Обь, Шуделька [4, с. 216; 14, с. 95-97; 15, с. 48; 16, с. 148]. Продвижение вожпайского населения, вероятно, было спровоцировано активностью кимако-кыпчаков.

В качестве суперстрата пришельцы оказались поглощенными пострелкинским населением, что фиксируется появлением новой орнаментации на посуде Павлово-Парабельского и Иготкинского селищ, включавшей, наряду с традиционной орнаментацией и техникой, вожпайские мотивы и композиции [15, с. 48; 17, с. 128-138].

В XII-XIV вв. активизируются северные и северо-западные соседи древних селькупов - носители угорских нижнеобской и усть-ишимской культур. Новые подвижки отдельных групп населения происходят в связи с появлением в степях татаро- монголов. Эти события зафиксированы появлением памятников со своеобразной керамической посудой (сосуды с налепами, орнаментированными «косичками» из оттисков гребенчатого штампа) и украшениями (спиральновитые пронизи, плосконические пуговицы, крестовидные и дуговидные накладки и пр.).

На завершающем этапе раннего средневековья (VII в. - по Л.А. Чиндиной, VIII в.
- по В.А. Могильникову) отмечаются первые контакты с востоком и юго-востоком, о чем свидетельствует появление валиковой керамики, связанной с инфильтрацией тунгусоязычного населения в Приобье [6, с. 130; 4, с. 228, 230-231]. По мере их проникновения в районы Среднего Приобья происходило смешение пришельцев с местным

населением, что нашло отражение в распространении на керамических сосудах с налепными валиками традиционной гребенчато-штамповой орнаментации [4, с. 228]. За период X-XVI вв. имели место еще две волны эвенкийского проникновения - на Кеть, ее притоки, и на р. Чулым. Один из потоков шел с севера - через Нижнюю Тунгуску, Таз, Сым; другой, с юго-востока через низовья Ангары и Чулым. Пришельцы расселялись чересполосно с местным (селькупским) населением, занимая боровые ягельные места. Между местным и пришлым населением практиковались межэтнические браки [18, с. 213].

Таким образом, на рубеже тысячелетий, в результате взаимодействия местного пострелкинского населения с северными (угорского) и южными (тюрков) пришельцами, на восточной периферии Обь-Иртышской культурно-исторической общности, сформировалась нарымская археологическая культура. Ранний этап ее развития проходил под знаком тюркской экспансии. Продвижение тюрков осуществлялось не только по р. Иртышу, но и с юга по р. Обь, Обь-Томскому междуречью, р. Томь со стороны носителей сросткинской (кимаки) и басандайской культур [4; 19], а также с юго-востока - по рекам Яя и Кия - со стороны енисейских кыргызов [20].

Оформление древнеселькупского этноса в основном, по-видимому, завершается ко второй четверти II тыс. К этому времени отмечено преобладание в керамике посуды 1-го типа, связанного с субстратным самодийским этническим компонентом, и сохранение ведущих черт релкинского обряда погребения [4, с. 231].

Вторая половина XIV-XVII вв. время поступательного развития культуры, ее расцвета, несмотря на активизацию угров и начавшуюся колонизацию края со стороны Российского государства. На ее основе в эпоху позднего средневековья шло формирование селькупского этноса.

В погребальной обрядности наблюдаются: биритуализм (сосуществование ингу- мации и кремации на месте захоронения с сохранением костей скелета в не потревоженном состоянии), появление новых (митровидных) форм керамической посуды, бытующей, наряду с традиционными - горшковидными, без карниза по внешнему краю венчика, и ладьевидными. В орнаментации наблюдается исключительное преобладание гребенчатых штампов, характерных для носителей релкинской культуры.

«Местный» компонент проявляется в сохранении традиций релкинской культуры (курганный тип могильников, наземный характер захоронений, расположение погребений ярусами, ингумация, формы и орнаментация керамики) и связывается с самодийским населением (предками селькупов). Другой компонент связан с угорским кругом культур лесного Прииртышья, Приуралья, Сургутского и Нижнего Приобья (грунтовые некрополи и способ погребения, ритуал повторных захоронений, жердевые перекрытия над могилой, керамика вожпайского типа, отдельные типы украшений из цветных металлов). Южный (тюркский) компонент выделяется на основании сохранения традиции погребения с человеком лошади или ее шкуры (черепа, конечностей), кремирования останков покойного на месте захоронения при сохранении их в непотревоженном состоянии. Прослеживается неоднородность южного компонента по специфической керамике и некоторым чертам обряда, о чем писала в свое время Г.И. Пелих [20; 21, с. 147-237]. Как считает О.Б. Беликова, культурно-этническая оценка этого компонента пока не ясна [20, с. 148].

Проживание предков селькупов на территории Нарымского Приобья подтверждается данными топонимики [22, с. 175-187] и антропологическими материалами [23, с. 125-131; 24, с. 159-174; 25, с. 90-103].

* * *

Бұл жұмыста кейінгі орта гасырдағы Нарым Обь аймағындағы этно-мәдени жағдайға арналған. Көптеген обалардыц зерттеу нәтижелеріне байланысты автор этнографиялық кезецге дейінгі 9 ғасырдан бері аймақтағы этностардыц өзара байла- ныс динамикасын

қалыптастырады. Нарым обасы қазіргі селькуптар ата бабаларыныц қалыптасқан аймағы. Баяндамада ерте селькуп халқыныц қалыптасуындағы әртүрлі мәдениеттердіц ықпалын және олардыц аталмыш аймақ мәдениетінде қалдырған ізі көрсетілген.

Список использованных источников и литературы

1. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс.н.э. МИА. М.: 1957. № 58. С. 136-245
2. Могильников В.А. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце 1 - начале 2 тысячелетия н.э.: Автореферат канд. дис. М. 1964
3. Могильников В.А. К вопросу о самоедской принадлежности культур эпохи железа Среднего Приобья // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: материалы межвуз. конференции. 11-13 мая 1969 г. Томск. 1969. С. 179-181
4. Могильников В.А Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука. 1987. С. 163-235
5. Чиндина Л. А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск. 1977. 192 с.
6. Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкин- ская культура). Томск. 1991. 181 с.
7. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск. 1994. 477 с.
8. Ожередов Ю.И Барклай, курганный могильник. Кустовский комплекс археологических памятников // Народы и культуры Томско-Нарымского приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2001. С. 26-28,84-85
9. Молодин В.И., Лукина Н.В., Кулемзин В.М., Мартынова Е.П., Шмидт Е., Федорова Н.Н. История и культура хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1995. С. 8-44
10. Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово. 1994. 215 с.
11. Arne T. J. Barsoff Gorodok. - Stokholm, 1935. 130 s.
12. Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск. 2001. 296 с.
13. Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. С-Пб. 1998. 342 с.
14. Березовская Н.В. Вожпайские памятники в Нарымском Приобье // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск. 1992. С. 95-97
15. Боброва А. И. Керамика раннего и развитого средневековья из Иготкино // Приобье глазами археологов и этнографов. Томск. 1999. С. 41-49
16. Беликова О.Б. Средневековье // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2001. С. 142-155
17. Боброва А.И. Павлово-Парабельское селище - новый средневековый памятник Приобья //Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут. 2001. С. 128-138
18. Трофименко С.В. Немного о кетских эвенках // Земля верхнекетская. Томск. 1997. С. 210-223
19. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. Томск. 1997. 351 с.
20. Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X-XTTT вв. Томск. 1996. 272 с.
21. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск. 1972. 424 с.
22. Дульзон А.П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики //Уч. зап. Том. гос. пед. ин-та. Т. 6. Томск. 1950. С. 175-187
23. Розов Н.С., Дремов В.А. Материалы по палеоантропологии Среднего Приобья VTTT-X вв. н.э. // Сов. Этнография. №5. С. 125-131
24. Багашев А.Н. Хронологическая изменчивость краниологического типа Нарым- ских селькупов (по материалам Тискино) // Вестник археологии, антропологии и этнографии.

Вып. 3. Тюмень. 2001. С. 159-174
25. Багашев А.Н. Генезис южных самодийцев по данным антропологии // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии. Томск. 2002. С. 90-103

Богданов Е.С.
Россия, Новосибирск Еще раз к вопросу о происхождении ноин-улинских ковров

В 2006 году силами российско-монгольской экспедиции были возобновлены раскопки в горах Ноин-Ула (Северная Монголия). Помимо других великолепных находок на полу погребальной камеры 20-го кургана в пади Суцзуктэ был обнаружен войлочный ковер, покрытый шерстяной тканью красного цвета [10]. Центральное поле ковра занимает ритмичный спиралевидный орнамент, выложенный с помощью шнуров из скрученных нитей, бордюр оформлен аппликациями со сценами терзания, края обшиты китайской шелковой тканью (рис. 1-2).

Аналогичные изделия были найдены еще в 1924-1926 гг. экспедицией П.К. Козлова: в первом (Мокром кургане), шестом (Верхнем) (рис. 3), двадцать третьем, двадцать пятом и в Кондратьевском кургане [11, с. 117-124]. Отечественные и зарубежные ученые единодушны в своем мнении о том, что сцены терзания на ноин-улинских коврах выполнены в скифо-сибирском стиле [12, с. 21; 2, с. 24-26; 11, с. 80; 15, p. 89-92 и др.]. В многочисленных публикациях чаще всего рассматриваются отдельные стилистические элементы этих изображений и проводятся аналогии с различных памятников скифских и гунно-сарматских культур Запада и Востока, выраженных в пластическом искусстве (см. н-р, [1, с. 159-162]). «Сцены нападения хищных животных на парнокопытных в искусстве народов Передней Азии известны со времен глубокой древности, по крайней мере, с третьего тысячелетия до н.э. В первом тысячелетии до н.э. мотив получил широкое распространение в Месопотамии и оттуда проник как в Малую Азию и Грецию, так и через сакский этнос в Южную Сибирь и Алтай» [11, с. 79]. «Там они подверглись переработке в стиле, присущем евразийским коневодческим племенам, и дальнейшее изменение претерпели у хуннов» [1, с. 80].

Е.Е. Кузьмина, отмечая, что сцена борьбы хищника и копытного «запечатлена на вещах, выполненных в переднеазиатском, ахеменидском, бактрийском и варварском стилях», считает, что она «была создана в Месопотамии и Эламе в конце IV тысячелетия до н.э., и часто изображалась на монументальных памятниках и в глиптике [6, с. 90-91]. «Эта композиция имеет астрально-космологический характер», «часто это изображение дуплицирует, что подчеркивает циклическую повторяемость символизируемого им явления». «Соответственно сцена терзания львом козла изображала наступление осени, а борьба льва с быком или оленем в искусстве символизировала весеннее возрождение природы [6, с. 91-92]. Далее Е.Е. Кузьмина на различных примерах выстраивает историко-хронологические цепочки и заключает, что, «несмотря на то, что астрономический подтекст шумерской композиции был забыт, ибо вместо льва жители евразийской степи стали изображать других хищников, а вместо быка и оленя - других копытных - основное содержание сцены терзания как символа весеннего возрождения осталось неизменным и было воспринято сако-скифами, а через них и жителями Ордоса» [6, с. 95]. Нам представляется сомнительным, что данная иконографическая схема воспринималась одинаково разными народами и этносами на протяжении тысячелетий, к тому же сюжетная близость изображений и стилистическое сходство - совершенно разные понятия. В данном случае, более уместно говорить не о проникновении «сюжетов», а о существовании на территории огромного региона определенной иконографической схемы, которая зародилась, по крайней мере, не позднее II тыс. до н.э. Не вдаваясь в дальнейшую дискуссию по этому весьма неоднозначному вопросу, хотелось бы отметить две вещи.

Первое, это то, что в данном случае, выражаясь образным языком, «цитата вырвана из текста». Рассмотрению и анализу нужно подвергать весь ковер (изобразительный текст), а не только отдельные его части, поскольку данный подход не позволит адекватно выйти на культурно-исторические параллели.

Второй удивительный факт, это то, что почему-то большинство исследователей приняло a priori, что ноин-улинские ковры являются произведениями искусства хун- ну, которые «технически менее совершенны и в значительной части являются подражанием более совершенным западным образцам». «... среди хуннских мастеров были несомненно талантливые художники, оригинальные композиции которых не уступают алтайским и южно-сибирским образцам» [11, с. 80]. Почему же данные произведения древнего творчества не могли быть изготовлены в переднеазиатских (греко-бактрийских) текстильных центрах? Какие доводы позволяют думать, что ноин-улинские ковры местного производства?

Все известные войлочные ковры, покрытые шерстяной тканью со сценами терзания и концентрическими кругами по центру сделаны в одной изобразительной традиции, с небольшими отклонениями (различаются размеры сцен терзания, количество спиралей, мастерство исполнения образов и т.п.), которые позволяют сказать, что эти предметы выполнены разными мастерами. Обращает на себя внимание изображение растения, ритмично повторяющегося между сценами терзания на коврах из первого и шестого ноин-улинских курганов (рис. 3). С.И. Руденко считает его «репликой священного дерева, столь характерного для ассирийского искусства» [11, с. 80], в котором действительно «сцена терзания часто изображается рядом с деревом жизни или произрастающим злаком» [6, с. 92]. Вряд ли кто-то будет спорить с утверждением В.Н. Топорова о том, что это «образ некоей универсальной концепции, определяющей в течение долгого времени модель мира человеческих коллективов Старого и Нового Света» [13, с. 93]. Так как эта иконографическая схема встречается почти повсеместно [3, рис. 344, 4; 345, 2; 350, 2; 351, 4; 4, рис. 218, 266; 8, с. 130; 5, рис. 30, 31] и сохранилась вплоть до современности [3, рис. 344, 1; 346, 1]. Но мы рассматриваем находку ковра все-таки сквозь призму погребального обряда-ритуала хуннского кочевого сообщества. Данный предмет находился на полу погребальных камер, которые были прекрасной имитацией бревенчатого дома. В этой связи достаточно интересен тот факт, что в 1902-1903 гг. при раскопках в Ольвии была обнаружена вымостка из мелких камешков разных цветов - мозаичный пол дома ЗК-1 [14, с. 40-44; 7, с. 40-42]. К сожалению, рисунок сохранился не полностью, но осталась четырехугольная рамка вокруг центрального изображения, все четыре звена которой украшены фризами из фигур зверей, расположенных в симметричных группах возле символического дерева (рис. 4) [14, рис. 23-25]. Животные представлены крылатыми хищниками (львами?) и кошачьими. Они не «идут» по кругу, как скажем на пазырыкских коврах, а расположены симметрично, только по сторонам света. Сама структура изобразительного текста на мозаике, а главное, - изображение растения находят просто поразительные аналогии с коврами из первого и шестого ноин-улинских курганов, что подметил еще в 1925 году Г. И. Боровка [2, с. 32].

Подобных примеров античного искусства можно привести множество. Встречается и достаточно широко традиция изображения спиралевидного орнамента, в том числе и на предметах мелкой пластики. Исходя из данных фактов, более логично предполагать, что ноин-улинские ковры производились в текстильных центрах Передней Азии (Бактрии и Парфии), более близких друг к другу по мифологическим идеям и художественным традициям, а потом в качестве импорта попадающих к хунну, чем думать, что хуннские мастера «переосмысливали» сюжеты древности и воспроизводили практически точно чуждую им орнаментальную схему. То, что такие центры существовали и снабжали предметами искусства через Шелковый путь практически всю Центральную Азию, является доказанным фактом. А вот о наличии подобных мастерских у хунну нет никаких свидетельств, в том числе и в китайских хрониках. Да и не было в этом смысла. Уже сейчас можно уверенно утверждать, что в каждое погребение хуннской знати были помещены переднеазиатские изделия: ткани и гобелены. Это была не просто дань моде, - это показатель высокого статуса его владельца.

В том, что шерстяная ткань на ноин-улинских коврах переднеазиатского производства, а

не, например, китайского, показывает и анализ красителей. Проанализированные образцы ткани из 20-го ноин-улинского кургана были окрашены сочетанием ряда красителей растительного и животного происхождения. Китайские ткани (шелк) окрашены иным сочетанием красителей.

То, что ноин-улинские ковры по краю обшиты китайской тканью нисколько не противоречит западному происхождению этих изделий. Мастера, которые работали в производственных центрах, имели в своем распоряжении в достаточном количестве китайский шелк, полученный путем торговли и обмена. И они умели производить под заказ с большим совершенством различные изделия, выполненные в традициях скифо-сибирского искусства. Достаточно вспомнить различные украшения из золота скифского и сарматского времени, которые встречаются в могилах знати всей степной полосы Евразии. Сцены терзания, расположенные на ноин-улинских коврах, с использованием симметрии в формообразовании и построении художественных композиций, лишь продолжили ту линию орнаментации, начатую на пазырыкском текстиле, опять же изготовленном в переднеазиатских центрах [9, с. 132-135]. Культура хунну была во всех смыслах преемником многих скифских традиций, в том числе и в искусстве. Зная страсть кочевых сообществ к охоте (которая зачастую воспринималась как искусство), переднеазиатские мастера воспроизводили конкретные виды животных и сцены борьбы, но с учетом своих широко известных мифологических схем. Когда первоначальный смысл был уже практически забыт, эти изображения (животных и символического дерева) продолжали воспроизводиться древними мастерами как необходимые, хотя они при этом могли не отдавать себе отчет, в чем же собственно состоит эта необходимость. Служа «сигналами», вызывающими положительные эстетические чувства, они стали восприниматься, как необходимые украшения значимых для кочевника вещей. Данные ковры могли использоваться и в быту хунну, а потом точно также вслед за своим владельцем помещались на пол погребальной камеры. Об этом свидетельствуют многочисленные следы грубой починки и жирные пятна на ткани.

Таким образом, с определенной долей уверенности можно утверждать, что ноин-улинские ковры со спиралевидным орнаментом и сценами терзания не являются продуктом творчества хуннских мастеров, а поступали посредством торговых путей из переднеазиатских текстильных мастерских.

* * *

Баяндама солтүстік Моцголия обаларынан табылган ерте темір дәуіріне жататын киізден жасалған кілемдердіц қалыптасу тарихына арналган. Автор көбінесе Ресей- Моцғол экспедициясыныц 2006 жылы жасаган Ноин уладагы қазба жүмыстары нәтижесінде табылган кілем қалдықтары туралы айтады. Автор аталмыш материалдардыц мәдениет элементініц ғүн кезецінде қалыптасқан деген қөзқараспен келіспейді. Алынған мәліметтерді (декоративті элементтер, бояулар, маталар) сарап- тай келе, автор Ноин ула кілемдері алдынғы азия тектес деген нәтижеге келеді.

Список использованных источников и литературы

1. Артамонов М.И. Сокровища саков. М.: Искусство. 1973. 278 с.
2. Боровка Г.И. Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции Академии наук // Краткие отчеты экспедиции по исследованию северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Æ: Изд-во АН СССР. 1925. С. 22-40
3. Голан А. Миф и символ. Иерусалим М.: Руссолит. 1994. 375 с.
4. Древности страны луров. Каталог выставки. Перевод с франц. И.Н. Медведской. СПб.: ГЭ. 1992. 126 с.
5. Комороци Г. К символике дерева в искусстве древнего Двуречья // Древний Восток и

мировая культура. М.: Наука. 1981. С. 47-53
6. Кузьмина Е.Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев (культурологические очерки). М.: Российский институт культурологи. 2002. 288 с.
7. Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л.: «Наука». 1985. 151 с.
8. Миняев С.С. Новейшие находки художественной бронзы и проблема формирования «геометрического стиля» в искусстве сюнну // Археол. вести. СПб. 1995. № 4. С. 121-135
9. Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV - III вв. до н.э.). Новосибирск: ИНФОЛИО. 2005. 232 с.
10. Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдене-Очир Н. Изучение погребального сооружения кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2008. № 2 (34). С. 77-87
11. Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1962. 203 с.
12. Теплоухов С.А. Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиции по исследованию северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К Козлова. Л.: Изд-во АН СССР. 1925. С. 13-22
13. Топоров В.Н. К происхождению некоторых поэтических символов // Ранние формы искусства. М.: Искусство. 1972. С. 77-105
14. Фармаковский Б.В. Раскопки в Ольвии в 1902-1903 гг. // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 13. СПб.: Типография главного управления уделов. 1906. 306 с. с илл.
15. Bunker E. Ancient bronzes of the eastern Eurasian steppes from the Arthur M. Sackler collection. N. Y.: Arthur M. Sackler Foundation, 1997. 401 с.

Рис. 1. Фрагмент ковра из двадцатого ноин-улинского кургана (падь Суцзуктэ

Рис. 2. Аппликации в виде животных на ковре из двадцатого ноин-улинского кургана (падь Суцзуктэ, Монголия)

Рис. 3. Ковер из шестого ноин-улинского кургана (по Руденко)

Рис. 4. Мозаичный пол дома ЗК-1 в Ольвии (по Фармаковскому)

Билялов С.А.
Казахстан, Астана О государственности древних усуней

Большинство исследователей, изучающих эволюцию становления государственных кочевых образований, разделяют мнение о том, что одним из главных факторов складывания государственности у номадов является воздействие внешних причин. К ним относятся удачные завоевания, подчинение слабых соседей или миграции. Это позволяет выделить внешний (военный) фактор как один из важных элементов, способствовавших образованию государства, развитию политических форм. В этом отношении государственность усуней не является исключением.

Начало процесса становления государства Усунь связано с миграцией усуней на территорию Семиречья и покорение ими местных племен саков и юэчжей. Миграция на новые территории не была вызвана причинами поиска новых пастбищ, а явилась следствием политического решения правителя кочевого народа усуней Лецяоми найти новый дом, а не воевать за старый. Благодаря удачной военной кампании и территориальной отдаленности усуням удалось в полной мере избавиться от хуннского вассалитета, что положило начало возникновению на территории Семиречья государства Усунь [1, 89]. Необходимость удержания в подчинении покоренные племена юэчжей и саков и наличие большой территории вызвали необходимость появления довольно развитого административного аппарата управления.

Нельзя утверждать, что усуни создали свою собственную оригинальную социально-политическую организацию, но созданный ими аппарат управления имел ряд отличий в силу особенностей локального характера. Ряд исследователей отмечают факт заимствования усунями ряда черт хуннской военно-административной системы [2, 67]. Действительно это было связано с длительным нахождением усуней в вассалитете хуннов. К тому же налицо сходство хозяйственно-культурных типов, социально- политического развития усуньского и хуннского обществ. Все эти особенности стали причинами принятия усунями ряда элементов хуннской модели политического устройства, в особенности организации военного дела. В частности, правителем Лецяоми было введено территориальное разделения государства, в виде триальной системы, являвшейся одной из наиболее эффективных систем управления кочевников. Основу государства составила усуньская орда, ставшая стержнем военноорганизационной структуры и занимавшая центр триальной системы усуньского государства, и выступавшая в качестве ставки куньмо, где формировался чиновничий аппарат. Однако при сходстве триальной системы, принципа престолонаследия и военно-административного характера системы управления хуннов, у усуней имелся ряд отличий: 1) была менее жесткой, менее централизованной; 2) менее милитаризованной, о чем свидетельствуют отсутствие десятичной системы и института темниче- ства [3,145].

Политическая организация усуней содержит все элементы, свойственные кочевому государственному образованию:

1) наличие большой численности народа, согласно письменным источникам население государства Усунь составляло 630 тыс. человек [4,126];

2) контроль над определенной территорией, усуни контролировали довольно большую территорию, ее южные границы проходили по цепи хребтов Терской, Нарат и Халыктау, а восточная граница соприкасалось с Хунну - с юга на север примерно по линии Карашар - Манас [5, 83];

3) наличие административно-территориальной структуры [6, 48];

4) упоминание о форме государственности в письменных источниках. О становлении государственности у усуней свидетельствуют древние китайские хроники, в которых упоминание о государстве Усунь часто встречается под термином «Усунь-го»
- усуньское государство и «Син го» - кочевое государство. В китайских письменных

источниках государство Усунь рассматривалось в качестве одного из самых сильных государств Западного края, чья военная мощь не имела равных среди государств данного региона [2, 97].

Надо отметить, что государственность усуней не достигла того уровня и масштаба, какой удался хуннам. Этому есть простое объяснение, можно согласиться с мнением исследователей, что во всех кочевых обществах имеются закономерности развития, но при этом эволюция социально-политической организации шла различными путями и не всегда могла привести к качественному и количественному изменению общества или одинаковому итогу. Возможно, новые исторические обстоятельства, связанные с миграцией усуней в Семиречье и последующие политические события в регионе не позволили ей в полном объеме реализовать перестройку общества по хуннской модели и достигнуть подобной имперской формы. Кроме того, несовершенство принципа престолонаследия и заключение династических браков китайских принцесс и усунь- ских куньмо, позволило империи Хань открыто вмешиваться в систему престолонаследия государства Усунь и назначать на усуньский престол угодных ей наследников. Последствиями жесткой политики, проводимой императорами Китая по отношению к государству Усунь, стало разделение государства Усунь на два конкурирующих за власть кочевых владения, что неминуемо привело к утрате политического влияния усуней в регионе и исчезновению упоминания его среди царств Западного края.

* * *

Мақалада үйсін мемлекетініц шецберіндегі бір қатар сұрақтар төнірігінде баян- далады. Үйсін мемлекеті алгаш саяси- әлеуметтік мемлекет күрғаны анық. Оны біз Қытай жазбаларынан ангарамыз. Автор өз ецбегінде үйсін мемлекетініц құрлысына мән бере отырып көшпелі мемлекеттіц алғашқы элементерін қарастырады.

Список использованных источников и литературы

1. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы. 2002
2. Боровкова *Л.А.* Царства «Западного края» во II-I в. до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань Шу»), М. РАН. 2001
3. Билялов С. А. Государство древних усуней // Вестник Карагандинского гос. универ-ситета. Серия История. 2007. № 2
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. М.Л., 1950. Т.1.
5. История Казахстана. Т.1. Алматы. 1996
6. Джуманалиев Т. Очерки политической истории кочевников Притяньшанья с древности и до конца XVII века. Бишкек. 2007

Варфоломеев В.В.
Казахстан, Караганда Бегазы-дандыбаевский феномен: культура и субкультура

ФЕНОМЕН... 1) в идеалистической философии - субъективное содержание нашего сознания, не отражающее объективной действительности...
2) редкое, необычное явление...
Словарь иностранных слов. М.: «Русский язык». 1988, с. 535-536.

Каждая из дефиниций, приведённых в эпиграфе, в той или иной мере отражает специфику археологического знания, где высока роль и субъективности и дискретности информации, под воздействием которых обычно и формируются выводы и заключения. Этот тезис вполне

применим и к ситуации, сложившейся вокруг понимания бегазы-дандыбаевской культуры (БДК), по отношению к которой нередко применяются эпитеты феномен и феноменальная культура [2, 8, 9, 16 и др.]. Феноменальный облик БДК сформировался в результате тиражирования стереотипных представлений и вне широкого контекста представлений о культурах и памятниках запада Азии. Нельзя не отметить и флер «могущества» носителей карасукской культуры, влияние которой виделось на бескрайних просторах Евразии, и что не подтверждается современными исследованиями [17].

Основанием для культурологических построений сторонников феноменальности БДК являются данные небольшого контингента (около 20) погребальных сооружений, которые, как правило, рассматриваются вне широкого пространственно-временного континуума и на уровне априорных представлений. Какова же объективная ситуация с могильниками БДК?

Мавзолеи БДК известны на территории Сарыарки в могильниках Дандыбай, Бега- зы, Сангру I, Сангру III, Айбас-Дарасы, Бугулы III, Енбек-Суйгуш, Уйтас-Айдос [1, 5, 10, 15]. Датируются они временем валиковой керамики. К этой же фазе бронзового века в Сарыарке относятся могильники Айдарлы [11], Саргары [7], Жукей I и Жукей II [12], Актопрак [14], Тегисжол и Темиркаш [3], а также отдельные погребения. Погребения представлены грунтовыми ямами и могилами в виде каменных ящиков, углубленных в грунт или установленных на материке. Керамика в них преимущественно валикового типа. Представляется возможным объединять обе группы могильников в рамках одной культуры на следующих основаниях:

1. Могильники отмеченных групп синхронны.
2. Погребения обеих групп содержат валиковую керамику.
3. Так называемая бегазинская посуда культурно неоднородна и представлена аналогами западносибирской андроноидной керамики, что свидетельствует о взаимодействии населения Сарыарки и Западной Сибири [4].
4. Металлический инвентарь из мавзолеев БДК типологически, по спектроаналитическим и структурным данным не отличается от всей совокупности казахстанского металла эпохи поздней бронзы [6, с. 20].
5. Все могильники с мавзолеями размещены рядом с поселениями валиковой керамики. Наиболее показательна топография памятников Кентского археологического микрорайона. Здесь в узкой долине р. Кызылкеныш на расстоянии 8 км известно 10 могильников с погребениями бегазинского типа, с посудой валиковой и суперстрат- ной, и 9 поселений валиковой керамики. Памятники археологически синхронны и трудно найти логичное объяснение сосуществования на очень ограниченной территории погребальных памятников одной культуры и селищ другой, пользуясь гипотезой двух культурных образований. Единственное логичное объяснение такой ситуации заключается в принадлежности мавзолеев обитателям поселений с керамикой валикового типа.
6. Мавзолеи БДК и погребения с валиковой керамикой отражают особенности социальной структуры обществ поздней бронзы Казахстана.

Анализ археологических данных позволяет говорить о сложном социальном устройстве бегазы-дандыбаевского общества. В общей системе культуры поздней бронзы Центрального Казахстана следует выделять два основных компонента: общенародную культуру и культуру элиты (субкультуру). Археологическим отражением общей культуры населения являются археологические комплексы с валиковой керамикой. Субкультура отражена в погребениях мавзолейного типа со следами богатого погребального инвентаря и поселениях кентского типа. Посуда из памятников субкультуры представлена как валиковым субстратом, так и немногочисленным импортом из Западной Сибири и Средней Азии. Помимо мавзолейных погребений составляющими элитарных археологических комплексов являются поселения больших площадей с мощными культурными слоями, резная кость, расширенный состав находок (категориально и типологически больший ассортимент металлического, каменного

и костяного инвентаря, изделия из кости и рога не утилитарного назначения, сосуды из камня и др.).

Различия в особенностях погребальной обрядности и составе инвентаря у населения поздней бронзы Сарыарки неудивительны и не феноменальны, поскольку имеют соответствующие типологические параллели в культурах более поздних. Достаточно резко отличаются погребения скифской знати и рядовых скифов, существенны различия в обряде погребения представителей правящей элиты и рядовых кочевников древнетюркской эпохи и т.д.

Вероятно, как и эпохи ранних и средневековых кочевников, в дандыбаевском обществе общенародной культуре сопутствовала субкультура влиятельных кланов и социально-имущественная оппозиция в обществе существовала не на уровне индивидов, а на уровне социально и имущественно ранжированных кланов. Могущественные бегазы-дандыбаевские кланы занимали самые удобные и благодатные ландшафтные ниши, контролировали производство и распределение металла, осуществляли административные функции в пределах контролируемых территорий. Вероятно, они же первыми в северных степях стали совершать военные походы в районы земледельческих оазисов Средней Азии. Субстратом культуры в целом были общины, оставившие поселения небольших размеров и небогатые погребения с валиковой керамикой.

Вследствие вышесказанного представляется архаичным и неуместным использование определения «феноменальная» по отношению к бегазы-дандыбаевской культуре.

* * *

Баяндама кейінгі қола дәуіріне жататын Орталық Қазақстандағы әлеуметтік құрылым мәселесіне арналған. Беғазы-Дәндібай археологиялық мәдениетініц ма- териалдарын сарапттай келе аталмыш мәдениет қоғамында екі негізгі құраушы бөліктерініц болғандығын атап өтеді. Олар жалпы халықтыц мәдениет және зиялы мәдениет (субкультура). Мұндағы қоғамныц элиталық құрылымныц болғандығын жерлеу дәстүрініц ерекшеліктеріне, елді мекендер мен материалдық мәдениетке сүйене отырып анықталды.

Список использованных источников и литературы

1. Варфоломеев В.В. Погребения эпохи поздней бронзы кентского микрорайона (типология конструкций) // Маргулановские чтения. 1990 (сборник материалов конференции). М. 1992. С.72-76
2. Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевский феномен и карасукская культура // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск: РИО КГПУ им. В.П.Астафьева. 2005. С. 36-38
3. Варфоломеев В.В. Погребения культуры валиковой керамики в урочище Темир- каш // Материалы международной научной конференции «Кадырбаевские чтения - 2007». Актобе. 2007. С.50-57
4. Варфоломеев В.В. Керамика суперстратного облика из памятников бегазы-дандыбаевской культуры. В печати.
5. Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. №XVI. 1952. С. 129-162
6. Дегтярева А.Д. Металлообрабатывающее производство Казахстана и Киргизии в эпоху поздней бронзы (XII-IXвв. до н.э.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985. 24 с.
7. Зданович С.Я., Малютина Т.С. Саргары - культурный комплекс финальной бронзы // АО-1974. М. 1975. С. 488-489
8. Исмагил Р.Б. Бегазы-дандыбаевский феномен и его типологические параллели // Уфимский археологический вестник. Вып.1. Уфа. 1998. С. 3-7
9. Кореняко В.А. О социологической интерпретации памятников бронзового века

(погребения дандыбай-бегазинского типа) // СА. 1990. №2. С. 28-40
10. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма- Ата: Наука. 1979. 360 с.
11. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев А.М., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука. 1966. 453 с.
12. Мартынюк О.И., Зданович С.Я. Погребальные памятники позднего бронзового века в Кокчетавской области // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск. 1985. С. 142-152
13. Словарь иностранных слов. М.: «Русский язык». 1988. 624 с.
14. Ткачев А.А. Новые погребальные памятники поздней бронзы - средневековья Сарыарки // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда. 1989. С.85-103
15. Усманова Э.Р., Варфоломеев В.В. Уйтас-Айдос - могильник бронзовой эпохи // Вопросы археологии Казахстана. Вып.2. Алматы-Москва: Гылым. 1998. С.46-60
16. Федорук А.С. Бегазы-дандыбаевский феномен: история изучения и историография // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар: ППФ «ЭКО». 2006. Вып. 2. С. 127-147
17. Хаврин С.В. Карасукская проблема? // Петербургский археологический вестник. Вып.8. СПб. 1994. С. 104-113

Гайдученко Л. *Л.*
Россия, Челябинск

Лошадь в погребальных памятниках эпохи раннего металла из степной зоны Казахстана и Южного Зауралья

С 1985 г. мною целенаправленно изучались разнообразные остатки кровавых жертвоприношений, вскрываемые археологическими раскопками в пределах степной зоны Казахстана и некоторых прилегающих территорий. Изучение проводилось непосредственно в процессе раскопок, на основе хранящихся в музеях и вузах коллекций и по опубликованным работам.

Настоящая публикация является кратким изложением результатов изучения обращения с лошадью в ритуальной погребальной практике племен региона эпохи палеометалла. Хронология рассматриваемых явлений соотносится с интервалами от рубежа III-II тыс. до н. э. до середины II тыс. до н. э.

Основу жертвенного бестиария племен рассматриваемого пространственно- временного континуума составляют домашние копытные. По значимости копытные жертвенного бестиария распределяются следующим образом (по убывающей): лошадь - крупный рогатый скот - овца - коза.

Императив лошади детерминирован ее хозяйственной значимостью. Уже с эпохи позднего неолита в регионе лошадь в группе домашних копытных доминирует, обеспечивая владельцев не только пищей и сырьем для выделки необходимой продукции, но и являясь транспортным средством - в начале в качестве верхового, а впоследствии и тяглового животного.

Последнее качество лошади постоянно отображается в погребальных и жертвенных инсталляциях и уверенно фиксируется при изучении. Признаком этого является обязательное присутствие двух особей - рабочей (тягловой) пары. В качестве примера приведу данные по Синташтинскому археологическому комплексу, хорошо и широко известному. В этом комплексе удалось уверенно установить количество особей лошадей для 16 жертвенных инсталляций (15 погребальных и 1 поминальная). Распределены они следующим образом:

Количество лошадей	Количество инсталляций
2	9
4	5
6	1
8	1

Все случаи единичных находок лошадей в Синташтинском археологическом комплексе связаны с неудовлетворительной сохранностью объектов.

Убедительным подтверждением того, что четное количество лошадей в жертвенных композициях отображает применение их в качестве тягла, являются их четные количества при чемакэнах из Китая и на наскальных рисунках из Казахстана.

Более того, среди пар жертвенных лошадей из могильника Бестамак и 25 кургана могильника Большекараганский имеются особи, использовавшиеся с применением удил, что хорошо опознается по состоянию зубов. Как правило, это старые или очень старые особи.

Еще одним качеством жертвенных пар лошадей из соответствующих комплексов

является их обязательная разнополость. К сожалению, синташтинский материал в этом отношении остался не изученным, но я опираюсь на материалы могильника Бес- тамак, 25 кургана могильника Большекараганский, а также на материалы отдельных погребений из Казахстана и Поволжья. В тех случаях, когда пол обеих особей жертвенной пары устанавливается уверенно, это всегда жеребец и кобыла. Таким образом, отображается функция воспроизводства табунов в Иномирье.

Разнополость и парность (минимальное выражение четности) в жертвенных инсталляциях не обязательно представлены в виде двух трупов или туш лошадей. Это могут быть остатки одного трупа или туши, но обязательно дополняемых фрагментом тела другой особи. Примеры мы находим в материалах могильника Бестамак (Казахстан) и Степное VI (Южное Зауралье). На Бестамаке старая кобыла была дополнена обеими лопатками более молодого жеребца, помещенными внутрь выпотрошенного, но не ободранного трупа, а на Степном VI не потрошенный труп молодого жеребца дополнялся фрагментом лопатки более взрослой, но менее крупной лошади (вероятно, кобылы).

Таким образом, лопатка или обе лопатки выступают в качестве модификаторов, превращая одну жертвенную лошадь в пару половых партнеров.

Еще одно качество лошади - поставщика мясной пищи - тоже находит отображение в жертвенных инсталляциях. Естественно, что об этом мы можем судить лишь по тем частям тела, которые заключают скелетные элементы, так как лишенные его части после своего разрушения следов не оставляют (в условиях региона).

Для выделения сопроводительной пищи обратимся к понятию, которое я называю представительским минимумом или знаком-символом особи. В идеале он представлен головой и дистальными отделами конечностей. Голова отчленяется или перед атлантом или межу ним и эпистрофеем (в последнем случае передняя часть эпистро- фея может оставаться причлененной к атланту). Передние конечности отчленяются в области лучезапястного, а задние - скакательного сустава. Помещение вышеозначенных пяти элементов тела в состав жертвенной инсталляции считалось вполне достаточным для отображения особи как одной из составляющих тягловой пары и как одного из половых партнеров.

На практике мы чаще сталкиваемся со случаями помещения в дополнение к знаку-символу особи других частей тела. Одним из таких дополнений является лопатка (обе или фрагмент одной). В этом случае лопатка выполняет двойную функцию: 1 - символизирует присутствие напарника и полового партнера, 2 - является пищей срочного потребления.

Наиболее часты случаи дополнения знака-символа особи частями конечностей этой особи. При этом использовалась голень или обе голени, или одно или оба предплечья.

Несмотря на разнообразие способов отображения, в погребальных и поминальных жертвенных инсталляциях заключается достаточно узкий набор понятий. Сам факт применения лошади в соответственных композициях указывает на значительный статус погребенного. Это не всегда военачальник, но всегда человек, при жизни в этом Мире имевший дело с лошадьми. В качестве тягловых животных парная упряжка лошадей в колеснице или повозке (они могли в погребении не присутствовать, но всегда подразумевались) способствовала переходу из этого Мира в Мир иной. Пара разнополых лошадей упряжки отображала пожелание множащихся табунов их в Иномирье. Этим обеспечивалось долговременное благополучие погребенного, в том числе и пролонгированное обеспечение мясной пищей. Пару могла отображать и одна особь, модифицированная дополнением лопаток или даже части одной лопатки от другой, противоположного пола, особи. В этом случае модификатор выступает и в качестве напутственной пищи.

В настоящей работе не рассмотрен ряд особенностей жертвенных инсталляций с лошадьми (положение комплекса относительно погребенного, взаиморасположение особей, позы лошадей и т. п.), придающих большое разнообразие этим инсталляциям. Вполне

допустимо, что эти особенности могут отображать какие-то качества погребенного. На настоящем этапе изучения они пока не могут быть раскрыты. Для этого требуется целенаправленное пополнение банка данных, которых пока недостаточно.

* * *

Мақала ерте темір дәуіріндегі тайпалардыц жерлеу ғұрыптарындағы жылқы малый құрбандыққа шалу аспектісіне тоқталған. Коп жылдар бойы зерттеу жұмыстары Қазақстанныц жазық даласы және жақын көршілес жатқан аймақтардыц терри- ториясын қамтиды. Автордыц ойынша аталған мәселені толығымен зерттеу үшін жинақталған археологиялық материалдар жеткіліксіз дейді.

Григорьев С.А.
Россия, Челябинск К проблеме социальной организации в энеолите Зауралья

Существует устойчивое мнение о том, что социальная организация энеолитиче- ского населения Зауралья может быть представлена как стандартное родо-племенное общество, достаточно однородное в этническом плане, базирующееся на присваивающем хозяйстве. По умолчанию принимается, что все население лесной зоны говорило на финно-угорских языках, хотя никто не пытался привести какие-то аргументы в пользу этого. При этом фиксируется парадокс: на многих поселенческих памятниках Зауралья встречаются различные керамические типы.

Работы последних лет на острове Веры озера Тургояк позволяют предполагать более сложную ситуацию, как в этническом, так и в социальном плане. На сравнительно небольшом по площади островке (6,5 га) располагается значительное количество раз- нотипных памятников, занимающих 34% его территории. На более пологом и теплом берегу юго-западного склона поселенческий слой почти не прерывается. Возможность выделения нескольких поселений обусловлена лишь редкими прерываниями слоя в местах скальных выходов. Поселения располагаются даже на неудобных для проживания площадках (узких, неровных или подверженных воздействию северо-западных ветров). Подобное на этом небольшом острове было возможно лишь в том случае, если удобные площадки были заняты.

Необходимо отметить, что остров отделен от берега небольшим проливом, а в периоды низкой воды здесь образуется коса, соединяющая его с берегом. И напротив острова располагается очень крупное поселение того же времени. Но поселения известны и по другим берегам озера. Однако, в отличие от ситуации на острове, здесь трудно гарантировать их одновременность. В любом случае, концентрация населения была очень высокой. Поэтому встает вопрос - каким образом это население могло здесь прокормиться?

По этнографическим данным XVIГXVIII вв. мы знаем, что в условиях присваивающей экономики в лесном Зауралье и Западной Сибири могли существовать лишь сравнительно небольшие коллективы. В одном поселении находилось от 1 до 5 юрт (жилищ), а расстояния между поселками были от 15 до 60 верст и более. Средняя плотность населения была 1 человек на 30-40 кв. км [2, с. 143][1].

То есть, для коллектива в 100 человек, включавшего не более 15-20 взрослых мужчин, здесь требовалась площадь не менее 3000 кв. км (55 х 55 км). Но ведь на этой территории известно множество иных поселений, а население только острова и прилегающего к нему берега было явно намного выше. При этом ситуацию не объяснить рыболовным промыслом на озере, несмотря на его огромные размеры. Озеро имеет чрезвычайной прозрачности воду и, соответственно, очень бедную биомассу. К тому же, Тургояк очень глубок (до 34 м), причем, поскольку озеро тектонического происхождения, глубины начинаются близко от берега. А в древности наиболее эффективные способы рыболовства были возможны только

1 Эти цифры даже слишком высоки. Имеются данные о гораздо меньшей плотности населения.

на мелководьях. Этнографически зафиксировано, что коренное население Западной Сибири в случае сильного подъема воды терпело нужду [2, с. 99, 100]. Поэтому наличием большого озера эта плотность населения не объяснима.

Однако помимо поселений на острове расположено множество ритуальных объектов. На острове выявлено три крупных сохранившихся мегалитических сооружения сложной конструкции, и отдельными шурфами найдены погребенные. Кроме того, имеются ритуальные площадки с менгирами. Очень выразительна монументальная зооморфная скульптура, представленная в мегалитах и на ритуальных площадках. У К. Рэнфрю мы находим список археологических индикаторов ритуалов из 16 пунктов [5, p. 51, *52], 11* из которых находят выражение на острове Веры: наличие особых природных мест, построек, часто с особыми архитектурными деталями, выраженными общественными издержками, сакральной избыточностью и повторяемостью, наличие ритуальных предметов и т.д.

Строительство всех этих объектов требовало значительных трудозатрат. Мегалит № 1 представляет собой многокамерное сооружение до 2 и более метров глубиной, сделанное в гребне увала, со стенами из отесанных каменных блоков и перекрытием из многотонных гранитных плит. Общая длина сооружения превышает 18 м. Вес одного из валунов, использованного в мегалите № 3, составляет около 20 тонн. При сооружении ритуальной площадки с менгирами Остров Веры 9 на гребне каменистого увала на большой площади был снят грунт и скальник, благодаря чему и была сделана большая ровная площадка. И хотя мы исследовали остров лишь точечно, можно утверждать, что трудозатраты, вложенные в него, колоссальны. Мы пока очень слабо исследовали прилегающие берега озера, но и там уже известны объекты мегалитической традиции: отдельные менгиры, каменные фундаменты и ров, на расположенном неподалеку Крестовом полуострове. Последний примечателен тем, что его длина 209 м, ширина 4-12 м, глубина до 5 м. Датировать его пока невозможно, но сделан он в гранитной породе каменными орудиями с применением тех же техник, которые зафиксированы нами при исследовании мегалитов и каменоломен острова, что указывает на близкую дату. Из него изъято 12-15 тысяч тонн камня, причем можно гарантировать, что это не каменоломня, поскольку внимание уделено не удобству добычи (с этой точки зрения ров абсолютно иррационален), а стремлению сделать прямую конструкцию по гребню увала.

Истинные масштабы трудозатрат нам предстоит оценить еще в отдаленном будущем, но они огромны. Здесь явно располагался крупный культовый центр. И, с учетом разного характера мегалитических объектов острова и их явной разнофункциональ- ности в ритуальном смысле, этот комплекс надо было не только создать, но также поддерживать, обслуживать, охранять, что было бессмысленно и невозможно для небольших родовых коллективов. И для этих задач, названная гипотетическая численность коллектива в 100 человек с 15-20 взрослыми мужчинами является просто смехотворной. Даже если, ориентируясь на площадь поселений острова и только прилегающего берега, допустить численность популяции в 300-400 человек с 50-80 мужчинами, этого, возможно, было бы достаточно для обеспечения функционирования комплекса, но недостаточно для его создания. Даже в этом случае данная популяция должна была обеспечивать себе пропитание с территории 9000-12000 кв. км (приблизительно 100х100 км). Но если эта популяция должна была обеспечивать охрану и функционирование комплекса, то когда она занималась добычей пищи? Соответственно, популяция была больше, больше была и территория, которую обслуживал этот культовый центр.

Первоначально, установив обилие поселенческих памятников, причем в неудобных местах, мы предположили, что освоение всех площадок было обусловлено самим наличием на острове крупного культового центра большой территории, куда люди стекались во время календарных праздников, связанных с днями солнцестояния и равноденствия. Поэтому и оказались заняты все площадки, причем занимались они лишь на короткое время праздников. Само же население острова проживало на удобных площадках южного берега. Однако исследования поселений (в том числе и расположенных на неудобных площадках) показали повсеместное наличие производственной деятельности: обработки кремня и полный металлургический цикл, начиная с под

готовки руды. Следовательно, население на этих поселениях проживало постоянно, и занятость всех площадок обусловлена именно ограниченностью территории острова для слишком большой его популяции.

При этом, на поселениях острова, как и на многих других в Зауралье, встречаются различные типы керамической орнаментации, чье сосуществование подчеркивается не только залеганием в одних слоях, но и наличием контактных типов: отсіупающе-накольчатая, гребенчатая, ямочно-крестовая, прочерчено-накольчатая (тургоякского типа).

Порой на базе подобной ситуации делается вывод о том, что выделение культур на основе орнаментальных традиций неправомерно. Урало-сибирские сообщества рассматриваются как некие "сообщинности", объединенные хозяйственно-культурным типом и единой ландшафтной нишей. В их рамках, в пределах одного поселения могли существовать разные керамические традиции, что было обусловлено брачными связями родственных групп этого региона. Эти "сообщинности" и должны рассматриваться в качестве археологических культур [3, с. 427]. Однако для того, чтобы керамическая традиция сохранялась в течение сотен лет, необходимо ее компактное существование в пределах определенной области. В условиях подобной "сообщинности" произошло бы сравнительно быстрое размывание отдельных традиций. А они, скорее всего, отражают и разницу в происхождении и, вероятно, определенные этнические различия. Но чем тогда объясняется сосуществование разных керамических традиций на поселениях, что для культур иных эпох чаще проявляется в виде наличия небольшой доли инокультурной примеси?

В принципе, в условиях присваивающего хозяйства лесной зоны и низкой плотности населения брачные контакты с иными популяциями являются необходимым условием выживания. Но подобные брачные отношения не приводят к полной смешиваемости культур, они могут находить археологическое выражение лишь в виде примеси каких-то керамических типов. А на поселениях острова Веры, в ярко выраженном культовом центре, нет доминирующего керамического типа, ни один не дотягивает до 40%. Соответственно, надо искать какие-то иные подходы к решению проблемы.

С этим связан еще один аспект. Обилие разнофункциональных культовых объектов предполагает многообразную ритуальную практику, а также уход за этими объектами, чем должны были заниматься специальные люди. Но кроме них должны были быть и те, кто их содержал и охранял. Это предполагает наличие какой-то специальной группы. На ее существование указывает еще одно обстоятельство. Дело в том, что ориентировка мегалитов острова связана с направлениями на восход и закат солнца в дни равноденствий и солнцестояний. Отмечены также достаточно точные ориентировки на полдень. Определить точку восхода или заката солнца в солнцестояние может любой человек с минимальными астрономическими и геометрическими знаниями. Но на острове большинство объектов ориентированы на позицию солнца в равноденствие, что связано уже с необходимостью определения сторон света, а это сделать гораздо труднее. В Индии для этого ставили столб, вокруг которого чертили круг, радиус которого больше, чем тень от столба в полдень. Места пересечения тени от столба до полудня и после полудня маркировали. Линия между ними и определяла направление З-В, линия между центром этой линии и столбом - С-Ю. Это требовало, конечно, определенных знаний геометрии и астрономии. Кроме того, ошибка составляла от 7 до 20° [6, s. 63, 72]. Но для этого надо еще понимать смысл данного действия, то есть иметь понятие о равноденствии, а в условиях горной местности это действие и вовсе бессмысленно, так как направление на запад не соответствует точкам заката или восхода солнца. Поэтому единственным вариантом остается посчитать дни, разделить год на две равные части (тоже с пониманием смысла действия) и путем проб и ошибок установить маркеры [7, p. 105]. Нельзя забывать и о том, что речь не идет просто о календарных подсчетах. Все это было вплетено в определенную мифологическую систему и ритуальную практику. Значит, на острове должны были быть люди, которые понимали смысл этих действий и вели счет дням, что вновь выводит нас на проблему существования

особой категории людей. Сложности архитектуры мегалитов и обрядовой практики, с ними связанной, дали исследователям основание говорить о существовании класса жрецов или жреческой касты [4, p. 158].

Исследователи европейских мегалитов давно пришли к выводу о том, что мегалитическая традиция отражает возникновение определенной социальной дифференциации, поскольку, несмотря на явно значительное количество людей, вовлеченных в строительство, места для погребений очень невелики, и не могли удовлетворить потребности даже небольшого коллектива. Соответственно, мегалитические гробницы выполняли особую сакральную и социальную функции [8, p. 133]. К. Рэнфрю подчеркивал тесную связь религии с социальной системой и то, что в ранних религиях часто функции жреца и вождя совмещались [5, p. 50]. Можно вспомнить и то, что на Ближнем Востоке сложно структурированные общества возникали первоначально вокруг храмовых центров, причем, происходило это в ту же эпоху.

При этом скорее типичной, чем исключительной, является ситуация, когда возникновение каких-то форм социальной дифференциации происходило в результате прихода населения извне. Одновременное появление в Зауралье в начале энеолита мегалитической традиции (и, соответственно, иных религиозных представлений!), развитой металлургии (впоследствии даже технологически значительно деградировавшей), новых керамических типов - указывают на привнесенность этих традиций, причем, из региона с развитым производящим хозяйством. Урал является, пожалуй, единственным регионом, где мегалитическая традиция появляется в условиях присваивающей экономики. Их несоответствие друг другу хорошо видно из приводимых выше демографических оценок. Но подобный надрыв экономических возможностей общества не может объясняться лишь привнесенностью традиции. Ее поддержание в столь избыточных формах возможно лишь в случае ее экономической оправданности как идеологического инструмента для поддержания социальной системы.

Есть основание полагать, что пришельцы говорили на праенисейских диалектах дене-кавказской языковой семьи [1]. Их вторжение в среду, населенную носителями местных финно-угорских диалектов, привело к оформлению совершенно новой системы общественных отношений, конкретные формы которых, к сожалению, станут понятными еще не скоро. Приведенные факты позволяют не только ставить вопрос о сложном общественном устройстве в это период, но и подвергать сомнению принимаемые ранее без доказательств рассуждения о примитивном характере энеолитическо- го общества Зауралья. Данное утверждение теперь тоже должно быть аргументировано, как и тезис об исключительно финно-угорской принадлежности энеолитического населения Урала. И то и другое, на сегодняшний день, оказывается необоснованным.

* * *

Тезисте Челябі облысы, Тургояк көліндегі көлемі жағынан шағын Вера аралында табылған әр үлгідегі ескерткіштерге мінездеме берілген. Мұнда елді мекен мен рәсімдік нысандар ашылған: мегалиттер, гроттар, обалар. Бұл нысандардың көпшілігі энеолит дәуіріне жатады. Сондықтан да осындай құрылысты түрғызып, оны тазалықта үстап, рәсімдеп, өткізу бұл әлеуметтік жүйедегі қоғамға астрономиялық білімді қажет еткен. Бұл өте күрделі стратифицирлі қоғам деген болжам бар. Болжам түрінде энеолит дәуіріндегі әлеуметтік қоғамның басты факторлары мен механизмдері қарастырылған.

Список использованных источников и литературы

1. Григорьев С.А. Мегалиты Урала в свете индоевропейской проблемы // Индоевропейская история в свете новых исследований. Москва: издательство МГОУ. 2010
2. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука. 1984.
3. Мосин В.С, Боталов С.Г. Археологические культуры Урало-сибирского региона и современное понимание исторических процессов (эпоха камня и бронзы) // Современные проблемы археологии России. Новосибирск. 2006
4. Maringer J. The Gods of Prehistoric Man. Weidenfeld and Nicolson, London, 1960. 219 pp.
5. Renfrew C. The archaeology of religion // The ancient mind. Elements of cognitive archaeology (Ed. C. Renfrew, E. Zubrow). Cambridge University press. 1994
6. Schlosser W., Cierny J. Sterne und Steine. Eine praktische Astronomie der Vorzeit. Darmstadt: Wiss. Buchges. 1996
7. Thom A. Megalithic sites in Britain (Oxford Univ. Press, Oxford 1967).
8. Twohig E.S. Context and content of Irish passage tomb art. In: J. L'Helgouac'h, C.-T. Le Roux, J. Lecornec (ed.) Art et symboles du megalithisme europeen. Actes du 2eme Colloque International sur Γ Art Megalitique. Nantes, juin 1995. Revue archeologique de *V*Quest. N 8. 1997

Рис. 1. Внутреннее пространство Центрального зала мегалита
1 острова Веры

Рис. 2. Мегалит 2 острова Веры 60

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г. А.
Казахстан, Алматы К изучению элементов костюма пазырыкской культуры

Благодаря исследованиям 19-21 вв., осуществлявшихся в алтайском субрегионе, получены уникальные материалы, позволяющие рассматривать различные грани культуры населения обитавшего здесь во второй половине 1 тыс. до н.э. Особый пласт источников представляют собой курганы с мерзлотой, локализуемые на трансграничной территории Горного Алтая, расположенные в пределах трёх государств: Казахстана, России и Монголии.

За всю историю изучения пазырыкской культуры особенно интересные данные получены по костюму, по вопросам хронологии, по погребально-поминальным конструкциям, по ритуальному убранству коней, по изобразительным памятникам эпохи. Несмотря на разработанность многих проблем, лакун, требующих детального рассмотрения остаётся достаточно.

Предметом данного исследования являются скульптурные изображения миксантропоморфных существ - условно обозначенных сфинксами, выявленных в 1999 г. международной Восточно-Казахстанской экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством З. Самашева в процессе раскопок берельского кургана 11 [8; 9; 12; 13; 14; 16; 17] (рис. 1). Поскольку курган № 11 подвергался ограблению, возможно, как в древности, так и позднее, то контекст погребального обряда сильно нарушен, за исключением сопроводительного захоронения коней, располагавшегося за северной стенкой сруба, верхний ярус которого лишь незначительно был задет воронкой грабительского лаза.

Фигурки миксантропоморфных существ были обнаружены в заполнении могильной ямы между западной стеной сруба и торцом колоды, а также в северо-западном углу крышки колоды, где располагался зооморфно выполненный массивный бронзовый гвоздь в виде скульптурного изображения орлиного грифона, к которому и «прикипел» сфинкс. У данных фантастических существ тело кошачьего хищника, голова человека в «рогатом» головном уборе. Подробное описание сфинксов приводилось ранее [9]. Поза миксантропоморфных существ спокойна, величественна и монументальна.

Отметим, что в коллекции находок из кургана № 11 происходит 3 варианта этих существ: 1 - животное, обращенное влево, 2 - животное, обращенное вправо, 3 - животное с двумя туловищами и одной головой (рис. 1). Последнее являет собой изображение, выполненное по принципу геральдической композиции, где голова - это центральный доминирующий элемент, а два туловища животных - это две симметрично расположенные боковые детали (рис. 1, 1). Именно эта фигурка, видимо, и являлась центральной на обруче гривны, по обе стороны от которой располагались скульптуры существ, обращенных влево и вправо.

Анализ изображений миксантропоморфных существ из памятников степной Евразии второй половины 1 тыс. до н.э., позволяет высказать предположение о том, что эти миниатюрные скульптуры, скорее всего, являются элементами гривны. Данный предмет является не просто украшением, а в широком смысле - дополнением костюма, представлявшего собой определенный код, посредством которого выражалась информация об его обладателе.

Вышеназванные фигурки фантастических существ обладают рядом существенных отличительных признаков. К ним можно отнести: головной убор с рогами и ушами, стилистика передачи антропоморфных черт и несколько уплощенное положение туловища (оно невысокое, очень лаконичное и компактное).

Это существо, несмотря на то, что фантастические, в том числе миксантропоморф- ные, образы были значительно распространены в искусстве и культуре пазырыкцев, выделяется из ряда изображений такого рода. Его неординарность предполагает возможным определить признаки, присущие алтайской художественной традиции и выделить заимствованные

элементы.

Среди произведений искусства скифо-сакского времени отмечены изображения и фигуры грифонов с туловищем кошачьего хищника, рогами антилопы или другого копытного животного, крыльями. Они различаются деталями: формой и видом рогов, формой крыльев и рта/пасти, оформлением хвоста, наличием или отсутствием гривы и т.д. Наиболее близкими, вероятно, можно назвать изображение на штампованной бронзовой подвеске конской упряжи из туэктинского кургана № 1 [6, рис. 92, б, с. 144]; на войлочном покрытии седла из кургана № 1 мог. Ак-Алаха-5 [4, рис. 142, а,
б, с. 216]. В меньшей степени - изображение львиного грифона на войлочном покрытии из кургана № 1 могильника Ак-Алаха-3 [5, рис. 3.13, б, с. 121]. Это образы, в основе которых - кошачий хищник.

У антропоморфных образов - известных изображений человека из памятников пазырыкской культуры и синхронных находок в азиатской части пояса степей чаще читается европеоидный или смешанный антропологический тип (в частности, высокий нос), как бы взбитая прическа - густые волосы, часто зачесаны назад. В тоже время, на наш взгляд, в сцене под деревом из Сибирской коллекции Петра 1 в лицах людей больше угадываются монголоидные черты. Вероятно, права Л.Л. Баркова, говоря о том, что смешанный антропологический тип населения пазырыкской культуры нашел отражение в изобразительных памятниках [1, с. 14]. Об особенностях изображений на войлочном ковре из пазырыкского кургана № 5 уже неоднократно говорилось известными исследователями. Обратим внимание на образы синкретических существ, совмещающих черты человека и животного. Широко известны изображения так называемого «получеловека-полульва», распространенные в Передней Азии, в том числе, например, гений из дворца Нимруда, сфинкс из дворца Дария в Сузах. Стоит, видимо, обратить внимание на то, что у этих персонажей отмечен головной убор, в том числе с рогами быка. В этом плане подобные фантастические существа перекликаются с такими образами, как персонажи по краю седла на покрытии из берельского кургана № 10 (голова человека с бородой, рогами горного козла, туловищем кошачьего хищника-барса?, схематическими небольшими крыльями, хвост, близкий к петушиному) [11], с блях-застежек из могильника Иссык (Жетысу (Семиречье), Казахстан
- голова человека с головным убором, увенчанным рогами быка и ушами, с длинной бородой, крылатое туловище кошачьего хищника, хвост, закинутый на спину) [10, с. 88-89]. Крылья на семиреченских изображениях, на памятниках пазырыкской культуры - по форме и передаче фактуры больше иранские и упрощенные - несколько схематичные, что может свидетельствовать о переработке этого элемента в местной среде. Иссыкское существо перекликается, среди прочего, с изображением фантастического хищника из мог. Ак-Алаха-5 манерой передачи рогов в фас. Как справедливо отметила Н.В. Полосьмак, приведя аналоги в декоре мидийских сосудов, кафелей в Сузах, такой изобразительный прием, как и образ львиного грифона в целом, заимствован в переднеазиатском искусстве [4, с. 218-219].

Видимо, здесь можно наблюдать смешение местных и заимствованных образов, их художественного воплощения и внутреннего наполнения. Так, фантастическое существо из берельского кургана № 10 имеет головной убор, рога и уши, не свойственные пазырыкскому искусству. Видимо в данном случае, форма рогов - это переработанный переднеазиатский элемент, поскольку рога горного козла на персонажах из седельного покрытия (Берел, курган № 10) абсолютно такие же, как и на масках коней из курганов Береля, что, бесспорно, демонстрирует пример местной художественной традиции. Раскрытый рот с растянутыми уголками - тоже, возможно, местный изобразительный прием, часто наблюдаемый на изображениях кошачьих хищников пазырыкской культуры, вспомним образ так называемых «улыбающихся кошек».

Заметим, что в семантическом плане расположение фантастических существ на гривне вполне согласуется не только с выводами В.Д. Кубарева и Д.В. Черемисина, но и с их значением в культуре и искусстве Передней Азии (например, охранители шеду) [15, 2008, с. 53].

Изображения голов кошачьих хищников в фас, у которых как бы совмещены на голове изображения орнаментальной растительной композиции и, вероятно, рогов, перекликаются с личинами, вырезанными из кожи из кургана № 1 Пазырыка [6, рис. 152, а, б] и рассматриваемым миксантропоморфным существом из кургана № 11 Береля. Такие личины, как и так называемые Бесы из Первого Пазырыкского кургана, вырезанные из дерева украшения узды С.И. Руденко сопоставляет с изображениями из Аму-Дарьинского клада и Зивийе [7, рис. 100, а, б, в, с. 109]. В целом, изображения голов хищников с растительными орнаментальными элементами на голове и личины из кожи занимают как бы промежуточное положение в ряду фантастических существ между львиными грифонами и миксантропоморфными персонажами. Учитывая явно монголоидные признаки на деревянных личинах, мы склонны присоединиться к мнению С.Г. Кляшторного и Д.Г. Савинова о том, что в них воплощен образ представителей другого этноса [2]. Возможно, в пользу последнего свидетельствует изображение головы человека в ногах копытного животного из могильника Уландрык [3, с. 263, табл. LXII, 12].

В целом, мы видим совмещение заимствованных и местных элементов и образов фантастических существ, в том числе с антропоморфными признаками, как в декоре, так и в семантике. Они также демонстрируют некоторую общность в культуре пазы- рыкцев и саков Жетысу, проявляющуюся в изобразительных памятниках.

* * *

Зерттеу объектісі скульптуралық бейне, ягни миксантропоморфтық бейне ягни, ликсантропоморфтық бейне -скифтік бейнемен көрсетілген.1999 жылы зерттелген г ягни бүл Халықаралық Шығыс Қазақстанныц экспедициясы Ә.Марғүлан атындағы археғологиялық институты 3. Самашевтыц жетекшілігімен Берел-11 қорғанын қазу процесінде пайжа болды. Ол көптеген пікірлер бойынша прив элементіне сәйкес келеді. Пазырық өнеріниц жалпы үлгілері және олардыц іске асыруындағы ерекше элементтер анықталады.

Список использованных источников и литературы

1. Баркова *Л.Л.* Изображение человека в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) // Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции: краткие тез. докл. научн. конф., поев. 60-летию Отдела археологии Восточной Европы и Сибири. СПб. 1991. С. 13-15
2. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Пазырыкская узда. К предистории хунно- юечжийских войн //Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: матер. Всерос. научн. конф., поев. 70-летию со дня рождения А.Д. Грача. СПб. 1998. С. 169-177

3. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука. 1987. 301 с.
4. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: «Инфолио-пресс». 2001. 336 с.
5. Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV-III вв. до н.э.). Новосибирск: «Инфолио». 2005. 232 с.
6. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л. 1960.
7. Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. М.: Искусство. 1968. 135 с.
8. Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С. Берел. Алматы: Общественный фонд «Берел». 2000. 58 с.
9. Самашев З., Фаизов К.Ш., Базарбаева Г.А. Археологические памятники и палеопочвы Казахского Алтая. Алматы: Общественный фонд «Берел». 2001. 107 с.
10. Самашев *З.,* Григорьев Ф., Джумабекова Г. Древности Алматы. Алматы. 2005.184 с.
11. Самашев *З.,* Джумабекова Г., Базарбаева Г., Чотбаев А., Онгар А., Киясбек Г., Толегенов Е. Некоторые итоги работ на некрополе Берел // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2006. Вып. 2. С. 168-174
12. Самашев З. Некрополь Берел // Археология Казахстана. Алматы, 2006. С. 122-140
13. Самашев З., Джумабекова Г., Базарбаева Г., Онгар А. Древнее золото Казахстана. Алматы: Онер. 2007. 200 с.
14. Самашев З., Ермолаева А.С., Кущ Г.А. Древние сокровища Казахского Алтая. Алматы: Онер. 2008. 200 с.
15. Черемисин Д.В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: Семантика звериных образов в контексте погребального обряда. Новосибирск: Изд. ИАЭ СО РАН. 2008. 136 с.
16. Samashev Z.S., Zhumabekova G.S., Bazarbaeva G.A., Francfort H.-P. Le kourgane de Berel'dans Г Altai kazakhstanais // Arts Asiatiques. Paris. 2000. T. 55. P. 5-20
17. Samasev Z.S., Bazarbaeva G.A., Zumabekova G.S. Die "goldhutenden Greife" des Herodot und die archaologische Kultur der fruhen Nomaden im kazachischen Altai. Skythenzeitliche Kurgane von Berel' und Tar Asu //Eurasia anti qua. Berlin, 2002. Band 8. Ds. 237-276

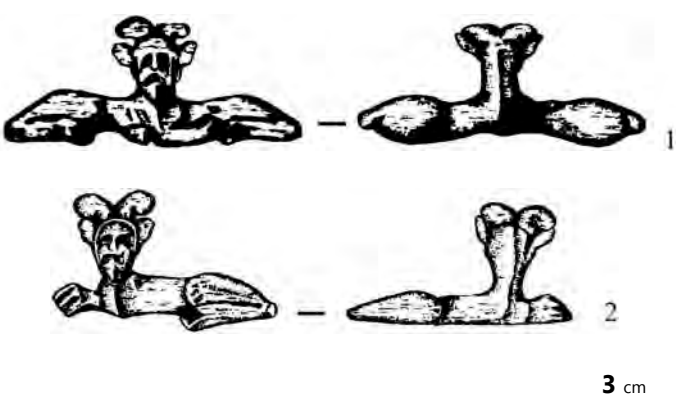


Рис. 1. Могильник Берел, курган № 11. Элементы гривны - изображения миксантропоморфных существ (по: Самашев и др., 2000, 2001, 2007, 2008; Самашев, Мыльников, 2004; Самашев, 2006; Samashev and others, 2000, 2002)

Епимахов А. В.
Россия, Челябинск

К вопросу о существовании специализированных производств на территории Южного Урала в эпоху бронзы[2]

Бронзовый век - время формирования совершенно новых социальных систем в центральной части Северной Евразии. Основным фактором этого многоэтапного процесса стало утверждение производящих форм хозяйства, основой которого на протяжении всего периода оставалось комплексное животноводство [4]. Утверждение нового принципа производства может быть оценено как эпизод производственной революции [3, с. 38-40]. Радикальность смены культурных стереотипов была столь серьезной, что исследователи с трудом улавливают черты предшествующего населения в облике памятников эпохи бронзы. В некоторых случаях единственным надежным доказательством преемственности оказываются только методы генетики, увы, опыты такого рода пока единичны [11].

При оценке уровня развития производительных сил очевидны усложнение их структуры, повышение производительности труда и трансформация способов взаимодействия с природой. Эти положения не вызывают сомнений при сопоставлении с предшествующим периодом, однако требуют более подробного рассмотрения в долгосрочной динамике самой эпохи бронзы. По сути, возможности интенсификации животноводства (и как следствие повышение производительности труда) на достигнутом технологическом уровне были минимальными, в этой связи неслучайным видится постепенный переход в конце бронзового века к номадизму. Стимулы для этого перехода могли быть разными и не всегда хорошо диагностируемыми археологическими и иными методами - экология, демографический рост и др.

В сфере жизнеобеспечения на протяжении эпохи бронзы принципиальные новации не прослеживаются, можно лишь констатировать усиление комплексности использования продукции животноводства. Несмотря на сделанные оговорки, новая система оказалась способна к внутреннему развитию, территориальному распространению и к заимствованию достижений извне, избегнув при этом коренной трансформации. Однако развитие и заимствования коснулись в основном тех отраслей, которые лишь косвенно связаны с производством продуктов питания.

В результате аграрной революции произошла трансформация всей общественной системы и жизненного уклада [19, с. 371]. Уже на первоначальном этапе эта новая социальная система обеспечила некоторый излишек благ и, тем самым, возможность возникновения и устойчивого существования достаточно сложных социальных, культурных и политических систем [1; 7]. Таким образом, возможно, процесс был комплексным, системным и необратимым.

Достижения присваивающей экономики, отнюдь не были утрачены и в некоторых случаях, видимо, играли важную, хотя и не определяющую роль в экономике жизнеобеспечения [20]. Развитие происходило путем дополнения существующих отраслей с доминантой новых. Столь же очевиден сценарий изменений в технологической сфере, усложнение которой потребовало узкой специализации индивидов и групп. Успешное функционирование производства металла возможно только при условии специализации индивидов или групп [16; 17 и др.]. Яркой иллюстрацией для территории Урала может служить, например, поселение Горный в зоне Каргалинско- го месторождения [8; 9]. Однако, есть необходимость обратиться и к рассмотрению других отраслей, тем более, что достаточно давно отмечена важная закономерность

2 **Работа выполнена при поддержке РФФИ и РГНФ**

- следы производственной специализации в погребальной обрядности бронзового века имеют место только в случаях, когда появляются погребения «литейщиков» [2]. Это наблюдение важно в том аспекте, что отражает общую тенденцию к углублению специализации, которая вовсе не обязательно отражается в ритуальной сфере. Дабы убедиться в этом, достаточно обратиться к материалам срубных некрополей Карга- линского поля [10].

Возможности реконструкции общей картины функционирования специализированных производств обществ бронзового века лимитированы особенностями ис- точниковой базы. Так, лишь в последние годы было высказано предположение, что технически сложный и длительный процесс окраски ткани вряд ли был успешен вне специализации группы или индивида [14]. Этому выводу предшествовала работа по реконструкции текстиля, сохранность которого в археологических памятниках редко бывает хорошей. Высказывались предположения и о специализации группы, связанной с созданием и поддержанием в работоспособном состоянии колесничного комплекса: колесница, упряжь, тренинг лошадей и пр. [6; 18]. С точки зрения косторезной специализации оценивались некоторые материалы поселений срубной культуры [12].

Представляется, что на роль высокоспециализированного производства может претендовать и ювелирное дело алкульского населения, представленное большими сериями погребальных гарнитуров [13]. Аргументацией в пользу такого предположения могут быть немногочисленные находки инструментов [5] и высокая технологичность процесса изготовления [15]. Перспективы доказательства лежат в плоскости полевых открытий и картографирования имеющихся данных. Не менее, если не более, важно признание того факта, что погребальный костюм и гарнитур украшений могут существенно отличаться от повседневных образцов, в том числе, и за счет использования драгоценных металлов. Последние крайне скупо представлены в похоронной практике, хотя нет никаких сомнений по поводу владения алакульскими мастерами секретами обработки золота и серебра. В целом, высокая степень специализации в эпоху бронзы не кажется большой натяжкой, когда идет речь о ювелирном искусстве, технологически никак не уступающем в сложности, например, металлургии. На это указывают мастерство исполнения, разнообразие приемов и значительное число металлических украшений в некрополях (и отчасти на поселениях). Редкость археологических находок инструментов (традиционно трактуемых как «литейные формы») для изготовления украшений может свидетельствовать об их высокой ценности для мастера, а также о сравнительно небольшом числе ювелиров в пределах социума.

Таким образом, даже имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют усмотреть доказательства усиления производственной специализации в течение бронзового века. Вероятно, этот вывод станет более весомым за счет привлечения памятников сопредельных Южному Уралу территорий, равно и за счет углубленного изучения уже накопленных материалов.

* * *

Баяндама қола дәуіріне жататын Оцтүстік Орал аймагындагы өндірістік маманда- ну мәселеріне арналган. Қола дәуіріндегі шаруашылықтық кешенді дамуын айта келе автор осы кезецде мамандарылған өндірістіц болғандығын болжайды. Мүнда өнік бо- луы мүмкін салалары корсетіледі. Олардыц ішінде қолөнер, арба жасау ісі, қолөнер ерекше аталып өтеді. Автор мамандандырылған өндірістіц дамуын қоғам дамуымен үштастырады.

Список использованных источников и литературы

1. Богданов С. В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург: УрО РАН. 2004. 287 с.
2. Бочкарев В. С. Погребения литейщиков эпохи бронзы: (методологический пересмотр) //

Проблемы археологии. Вып. 2. Æ: Изд-во Ленинградского ун-та. 1978. С. 48-53
3. Гринин Л. Е. Производительные силы и исторический процесс. М.: КомКнига, 2006. 272 с.
4. Епимахов А. В. Бронзовый век Южного Урала: экономическая и социальная эволюция // Уральский исторический вестник. 2010. № 2. С. 31-37
5. Епимахов А. В. Новые материалы по истории ювелирного дела алакульского населения эпохи бронзы (Южное Зауралье) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. нуч. тр. Часть I. Казань: Ин-т истории им. Ш. Мар- джани АН РТ. 2010. С. 113-115
6. Епимахов А. В., Чечушков И. В. Евразийские колесницы: конструктивные особенности и возможности функционирования // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск: Рифей. 2006. С. 168-182
7. Зданович Г. Б., Зданович Д. Г. Проблема освоения Евразийских степей в бронзовом веке и «Страна городов» Южного Зауралья // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. 2005. С. 110-128
8. Каргалы, том II: Горный - поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. М.: Языки славянской культуры. 2002. 184 с.
9. Каргалы, том III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. М.: Языки славянской культуры. 2004. 320 с.
10. Каргалы, том IV: Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования. М.: Языки славянской культуры. 2005. 240 с.
11. Молодин В. И., Парцингер Г., Кривоногов С. К, Казанский А. Ю., Чемякина М. А., Матасова Г.Г., Васильевский А.Н., Овчаренко А.С., Гришин А.Е., Ермакова Н.В., Дергачева Н.И, Феденева И.Н., Некрасова О.А., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Зубова А.В., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Новикова О.И, Васильев С.К, Шнеевайс И., Приват К., Болдырев В.В., Дребущак В. А., Дребущак Т.Н., Деревянко Е.И., Бородовский А.П., Боургарит Д., Рейхе И, Кузьминых С.В., Марченко Ж.В. *Чича - городище переходного времени от бронзы к железу в Барабинской лесостепи. Т. 3. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН. 2007. 248 с.
12. Морозов Ю.А. Проявление специализации производства в хозяйстве срубного населения Урала // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа: БФАН СССР. 1981. С. 57-67
13. Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: Авто Граф. 2008. 244 с.
14. Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкции. Караганда - Лисаковск: б.и. 2010. 178 с.
15. Флек Е.В. Технология изготовления металлических украшений алакульской культуры (крестовидные подвески, бляшки) // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2009. С. 339-341
16. Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука. 1976. 302 с.
17. Черных Е. Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси. 2009. 624 с.
18. Чечушков И. В., Епимахов А. В. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Бочкарев В. С., Бужилова А. П., Епимахов А. В., Клейн Л. С., Косинцев П. А., Кулланда

С. В., Кузнецов П. Ф., Кузьмина Е. Е., Медникова М. Б., Усачук А. Н, Хо- холов А. *А.,* Черленок Е. *А.,* Чечушков И. В. Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Челябинск - Екатеринбург - Самара - Донецк: Рифей. 2010. С. 182-229

19. Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. М.: Наука. 1989. 448 с.
20. Gayuchenko L. L. Organic Remains from Fortified Settlements and necropolis of the «Country of towns» // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Regional Specifics in Light of Global Models. - Vol. II (Journal of Indo- European Studies. Monograph Series 45). - Washington: Institute for the Study of Man, 2002. P. 400-416

Иванов С.С.

Кыргызстан, Бишкек

Клинковое оружие раннесарматского облика с эллипсоидными рукоятями в Центральной Азии

Кинжал или акинак на протяжении всей эпохи ранних кочевников был едва ли не основным оружием в древней Центральной Азии, как у кочевых, так и оседлых народов. К настоящему времени здесь известно большое количество образцов короткоклинкового оружия, относящегося к I тыс. до н.э., но наше внимание привлекли несколько кинжалов и мечей, имеющих очень специфическую рукоять - это гладкая ручка, которая плавно сужается к навершию и перекрестию, приобретая эллипсоидную, а иногда неправильно эллипсоидную форму. Примечательно также то, что данный тип рукояти фиксируется только на железных кинжалах и мечах раннесарматского (прохоровского) типа, и при подробном рассмотрении оказалось, что подобные эллипсоидные рукояти существовали в достаточно ограниченный хронологический период, что позволяет уточнить хронологию некоторых кинжалов, а также других предметов им сопутствовавших и, соответственно, погребальных комплексов, где они были обнаружены.

В нашем регионе находки клинкового оружия с эллипсоидной рукоятью отмечены в нескольких пунктах: в могильниках Кетмень-Тюбинской долины на Западном Тянь- Шане, кургане Иссык и Берккаринском могильнике в Семиречье и в, так называемом, храме Окса (Тахти-Сангин) в Южном Таджикистане.

В Кетмень-Тюбе было найдено три кинжала с интересующим нас типом рукояти. Первый из них происходит из кургана 6 могильника Акчий-Карасу. Он имеет прямые брусковидные навершие и перекрестие, клинок обломан практически у самого основания. Несмотря на то, что рукоять сохранилась частично, ее форма определяется достаточно хорошо. Других датирующих предметов в данном погребении не было.

Второй кинжал был обнаружен в кургане 2 могильника Боз-Тектир [27, с. 9; 28, с. 32]. Он имеет слабоизогнутое навершие, плоскую эллипсоидную рукоять и прямое перекрестье с утончающимися краями. Клинок у него также не сохранился. В погребении кроме керамического сосуда также отсутствовали датирующие элементы погребального инвентаря.

Помимо двух описанных кинжалов в кургане 7 Джал-Арыка II была найдена рукоять железного кинжала, у нее обломаны перекрестье и часть прямого навершия [9, рис. 3; 28, с.32]. По сочетанию наконечников стрел в данном погребении, особенно по наличию в нем кованного железного, колчанный набор из этого кургана может датироваться концом IV-III вв. до н.э., чему не противоречит и поясная обойма, дающая дату IV-III вв. до н.э. [5, с.70-71].

В Семиречье, как упоминалось выше, кинжалы и мечи с эллипсоидной рукоятью известны из двух пунктов Иссыка и Берккары. В кургане Иссык ею обладают найденные там и кинжал, и меч. Кинжал имеет почковидное перекрестье, круглую в разрезе рукоять, обвитую золотой проволокой и обтянутое золотой фольгой зооморфное навершие в виде обращенных друг к другу головок грифонов [1, с. 29-30, табл. 40]. У меча слабоизогнутое дуговидное навершие, узкое сломанное под углом перекрестие со скругленными концами,

что в свое время позволило определить его форму как «узкое бабочковидное», но оно скорее угловато-брусковидное. Круглая в сечении эллипсоидная рукоять также была обвита тонкой золотой проволокой, а навершие и перекрестье украшены мелкими фигурными пластинками из золота [1, с. 30, табл. 43]. Что же касается датировки оружия из Иссыка, на основании погребального инвентаря хорошо обоснована датировка IV в. до н.э. для этого памятника, которая в настоящее
время мало у кого вызывает сомнения.

Интересная рукоять кинжала или меча происходит из кургана 270 Берккаринско- го могильника. Она имеет слабоизогнутое, почти прямое навершие, а также почти прямое, несколько утончающееся к концам перекрестие. И, в целом, данная рукоять очень близка рукояти кинжала из Боз-Тектира, отличаясь от последней только едва заметной «дуговидностью» эфеса. Вместе с рукоятью в погребении был найден железный черешковый трехгранный наконечник стрелы, что в свое время во многом стало основанием для датировки кургана 270 III-II вв. до н.э. [2, с. 197, 204-205, табл. VIII, 1], с чем в настоящий момент нельзя полностью согласиться. Находка трехгранной железной стрелы вместе с этим кинжалом поднимает другую проблему - появления и начало распространения железных наконечников стрел древней Центральной Азии. Как показал Б. А. Литвинский, железные черешковые наконечники стрел достаточно рано появляются в местных комплексах и поэтому на единственном наконечнике не всегда можно построить точную хронологию памятника, тем более, что он имеет архаичную сводчатую головку [14, с. 86-91]. Поэтому меч из Берккары может датироваться более ранним временем.

Кинжал из эллинистического храма Окса в Южном Таджикистане имеет рожковидное навершие, широкую эллипсоидную рукоять и «сломанное» под углом брусковидное перекрестие. Он сохранился почти полностью, кроме кончика лезвия. На основе сарматских аналогий Б.А. Литвинский датирует его концом IV-III вв. до н.э., но чуть ниже он пишет, что кинжалы из храма Окса «в своей массе относятся к периоду едва ли более раннему, чем III-I вв. до н.э.» [14, с. 207, 244-245, 248, рис. 58, 5]. Из чего можно сделать вывод, что он более склоняется к датировке этого кинжала III в. до н.э.

Итак, из обзора известных в Центральной Азии кинжалов и мечей с интересующим нас типом рукояти становится очевидным, что они принадлежат к следующим основным типам клинкового оружия: 1) с прямыми перекрестием и навершием (Акчий- Карасу, возможно Джал-Арык II); 2) с прямым перекрестием и дуговидным навершием (Боз-Тектир, Берккара); 3) со «сломанным» под углом перекрестием и рожковым или дуговидным навершием (храм Окса, Иссык); 4) с почковидным перекрестьем и зооморфным навершием в виде пары головок грифонов (Иссык).

И если первые три типа можно отнести к оружию так называемого «сарматского» облика, то последний кинжал из Иссыка выпадает из общей массы клинкового оружия с эллипсоидными рукоятями и демонстрирует поздний образец развития местного вооружения, так как имеет аналогии своему декору исключительно в восточной части скифо-сибирского мира [1, с. 34-35].

Для уточнения хронологии рассматриваемых типов кинжалов предлагаю обратиться к аналогиям, в первую очередь, к собственно сарматским.

Железные кинжалы с прямым брусковидным навершием и перекрестьем были достаточно широко распространены в кочевом мире в эпоху ранних кочевников. В Восточной Европе они встречаются в погребениях раннепрохоровского облика Южного Урала и Поволжья и, по данным последних исследований, датируются IV-началом III вв. до н.э. [22, рис. 7,12; 3, с.171-172, рис. 2; 7, с.28-29, рис. 2,13-16]. Вотивные и полноразмерные кинжалы рассматриваемого типа известны и в Южной Сибири в IV-II вв. до н.э. [12, с. 30-42, рис. 2 13, 8,4; 17, с.46, рис. 47,4]. Исходя из этого, данный тип клинкового оружия можно хронологически расположить в пределах IV-II вв. до н.э.

Что же касается кинжалов и мечей так называемого «прохоровского» типа - с серповидным или рожковым навершием и прямым перекрестьем, то они были очень широко распространены от Северного Причерноморья до Южной Сибири. В нашем регионе они известны в Восточном Прикаспии в сарматоидных памятниках Устюрта и Мангышлака, где они датируются в пределах IV-II вв. до н.э. [26, с.126-127, табл. 50, 1-2], а также единичные находки таких кинжалов известны в Центральном и Северном Казахстане, где они датируются концом V-III вв. до н.э. [6, с.25-30, рис. 1, 30; 32, с.56, табл. 52, 11]. Известны они и в Западной и Южной Сибири в памятниках ТТТ-ТТ вв. до н.э. [26, **С.472,** табл. 122, **44].**

Основная масса подобных мечей и кинжалов происходит из сарматских памятников Южного Урала и Поволжья, где они существовали, в основном, в пределах конца IV-II вв. до н.э. [18, с.34, табл. 18-19; 23, с.107-108, табл. X, 8, XI, 7-8, XXIII, 14-16]. Правда, следует отметить, что последние исследования в Восточной Европе показали, что кинжалы и мечи прохоровского типа бытовали и в первой половине I в. до н.э. [3, с.172, рис. 2; 30, с.182-186; 7, с.29-30, рис. 2.17-32]. Это подтверждается и находками из Северного Причерноморья, где основная масса клинкового оружия с прямым перекрестием и рожковым навершием известна из памятников именно II-I вв. до н.э. [24, с. 13-25].

По-видимому, похожая ситуация со временем их существования была и в Центральной Азии, где в кочевнических памятниках Бактрии были обнаружены кинжалы типично прохоровского типа, относящиеся к концу II-I вв. до н.э. [15, с.110-111, табл. XL; 20, с. 363, рис. 5, 4; 14, с.246, табл. 61, 3-4]. Исходя из изложенного выше, данный тип, на наш взгляд, можно датировать в нашем регионе IV-I вв. до н.э. в целом.

Клинковое оружие со «сломанным» под углом перекрестием и рожковым или дуговидным навершием опять-таки более всего находит аналогии в сарматских древностях, где они известны в ограниченном количестве, что позволяет говорить об их сравнительно недолгом бытовании в комплексе вооружения кочевников в пределах IV в. до н.э. [19, табл. 18,11; 7, с.27-28, рис. 2, 5]. Хотя, как упоминалось выше, Б. А. Лит- винский склонен датировать этот кинжал III в. до н.э.

Таким образом, существование кинжалов и мечей с эллипсоидной рукоятью в целом укладывается в хронологические границы с IV по I вв. до н.э., хотя большая часть рассматриваемого оружия относится к IV-III вв. до н.э. Сомнения вызывают лишь кинжалы и мечи «прохоровского» типа - с прямым перекрестьем и дуговидным или рожковым навершием, которые также существовали в нашем регионе и в II-I вв. до н.э.

Но, как оказалось, эллипсоидные рукояти существовали не только в Центральной Азии, а на достаточно обширных территориях - Поволжье, Приуралье, Зауралье и Лесостепном Алтае.

Они известны на раннесарматском клинковом оружии IV-начала III вв. до н.э. [25, с.26-27, рис. 7,11; 18, табл. 18, 9,11]. Несколько экземпляров кинжалов с подобным типом ручки известно в степной части Алтая, где они также были отнесены к IV-началу III вв. до н.э. [10, с. 132, рис. 1, 2; 17, рис. 37, 5, 6, 8, 39, 5]. Есть единичные мечи и кинжалы с подобными ручками в Южном Зауралье [25, рис. 5, 5; 18, рис. 5, 9], не выходящие хронологически за указанные пределы. И, таким образом, получается, что кинжалы и мечи с эллипсоидной рукоятью бытовали только в IV-III вв. до н.э.

Примечательно также то, что рукояти некоторых скифских кинжалов и мечей из Северного Причерноморья имеют очень сходную форму рукоятей, притом, они датируются IV-первой половиной III вв. до н.э. [16, с.51-54, табл. 18, 3, 9, 11], когда скифское клинковое вооружение переживало сложный период трансформации: к примеру, перекрестья у всех упомянутых экземпляров узкие бабочковидные или ложно-треугольные, что, видимо, отражало стадиальные изменения в развитии кинжалов и мечей степного пояса Евразии. Но датировка причерноморских образцов, несмотря на некоторые отличия - в частности у них

более уплощенные в разрезе ручки, только подтверждает датировку оружия с эллипсоидными рукоятями IV-III вв. до н.э.

Итак, получается, что территориально эллипсоидные рукояти были достаточно широко распространены в кочевом мире, притом, не только в нашем регионе: они известны от Поволжья и Приуралья до Алтая, а также в качестве особой разновидности
-ив Северном Причерноморье.

На то, что рукояти эллипсоидного облика были распространены именно в IV-III вв. до н.э. указывает еще один косвенный признак. Дело в том, что рукояти кинжалов и мечей так называемого раннесарматского типа морфологически продолжали оружейные традиции более раннего времени - VII-V вв. до н.э. То есть, в отличие от кинжалов и мечей II-I вв. до н.э., которые часто имели очень узкие, почти штыревидные рукояти, снабженные деревянными накладками или же обмоткой [24, с.14-16], кинжалы более раннего времени имели широкую, овальную, прямоугольную, реже круглую в сечении рукоять. Эллипсоидные рукояти не имели накладок, поскольку они овальные и круглые в сечении. Поэтому в данном случае они также продолжают традиции более раннего периода, что свидетельствует в пользу их отнесения к IV-III вв. до н.э.

Впрочем, следует отметить, что известны более поздние реминисценции эллипсоидных рукоятей, но это крайне редкое явление. Притом есть одно существенное отличие - рукояти поздних мечей плоские (Смелы и Большая Белозерка в Северном Причерноморье), ранние же никогда не бывают плоскими, как было показано выше. Это опять же говорит о том, что поздние образцы имели деревянные или иные накладки и генетически, скорее всего, не связаны с ранними эллипсоидными рукоятями, а представляют собой единичное, случайное явление, выражающееся лишь чисто во внешнем сходстве. К тому же, между указанными мечами из Причерноморья хронологический разрыв несколько столетий, что опять-таки говорит о случайности, чем о совпадении [24, с.17-18, 28, рис. 4, 4 и 10].

Выяснив, каким временем, датируются эллипсоидные рукояти кинжалов и мечей, мы можем теперь не только разграничить более ранние и более поздние группы железных кинжалов, но уточнить хронологическую позицию некоторых археологических комплексов, а также других предметов, происходящих из них. И, таким образом, мы получили более или менее надежный хронологический маркер, который в будущем может существенно помочь датировать новые памятники в нашем регионе.

Но с другой стороны, не совсем понятны происхождение и пути распространения клинкового оружия с эллипсоидными рукоятями в среде евразийских кочевников. Ясно лишь то, что они были привнесены в наш регион извне вместе с раннесарматскими формами кинжалов и мечей.

Итак, кинжалы и мечи с эллипсоидными рукоятями существовали в степях Евразии сравнительно ограниченный период - в IV-III вв. до н.э., а затем исчезают, так как в моду входит клинковое оружие с иными принципами изготовления рукоятей: получают распространение мечи и кинжалы с плоской ручкой с деревянными и костяными накладками или обмоткой, либо вообще не имевшие металлических рукоятей.

* * *

Баяндамада Орта Азияда ерте сармат уақытында кеңінен таралған қару-жарақтарға жасалған сараптау нәтижелері берілген. Қару-жарақтарды Жетісу, Тянь-Шань және Тәжікістан аймағында табылған қару-жарқтарымен салыстырмалы сараптау нәтижесі берілген. Аталған артефактілер арқылы, археологиялық кешендерді мерзімдеуге ыңғайлы хронологиялық маркер деп санайды. Бірақ, аталған қару-жарақтар формасы аймаққа қай жақтан келгендігі әлі шешілмеген мәселе.

Список использованных источников и литературы

1. Акишев К.А. Курган Иссык. М.: Искусство. 1978. 132 с.
2. Бабанская Г.Г. Берккаринский могильник // Труды института истории, археологии

1992. 494 с.
27. Ташбаева К.И. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая.: Автореферат канд. дисс. *Л.* 1987 а. 35 с.
28. Ташбаева К.И. О датировке кинжалов ранних кочевников Киргизии // Великий октябрь и некоторые вопросы исторической науки. Фрунзе: издательство «Илим». 1987 б. С. 32
29. Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алма-Ата: «Ракурс» 1994. 170 с.
30. Федоров В.Ф. Клинковое оружие и колчанные наборы IV-III вв. до н.э. (о времени появления на Южном Урале мечей и кинжалов прохоровского типа) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград: издательство Волгоград, гос. унта. 2001. С. 180-197

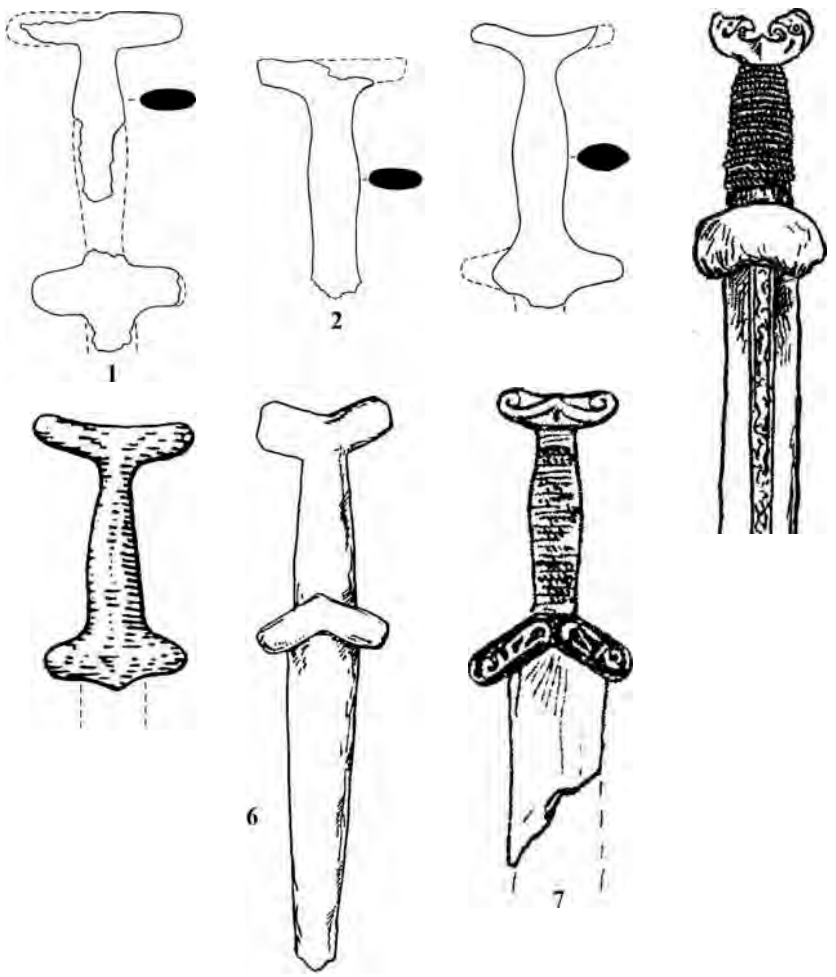


Рис. 1. Кинжалы с эллипсоидной рукоятью из Центральной Азии.
1-3 - Кетмень-Тюбинская долина (Западный Тянь-Шань); 4, 7- Иссык (Семиречье);
5 - Берккара (Семиречье); 6 - храм Окса (Южный Таджикистан)

и этнографии АН КазССР. Алма-Ата. Т. 1. 1956. С. 189-206
3. Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и проблеме III в. до н.э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград: издательство Волгоградского государственного университета. 2001. С. 170-179
4. Иванов Г.Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: «Наука». 1987. С. 6-28
5. Иванов С.С. Боевые пояса ранних кочевников Центральной Азии // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек: издательство «Илим». 2009. Вып. 4. 2009. С. 25-31
6. Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата. 1968. С. 21-36
7. Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV-III вв. до н.э. Волгоград: издательство Волгоградского государственного университета. 2002. 220 с.
8. Кожомбердиев И.К Саки Кетмень-Тюбе // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе: «Илим». 1975. С. 168-174
9. Кожомбердиев И.К. Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе // Кетмень- Тюбе. Фрунзе: «Илим». 1977. С. 7-12
10. Кочеев В.А. Два кинжала из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. №1. Горно-Алтайск: издательство Горноалтайского гос. ун-та. 1995. С. 83-85
11. Кочеев В.А. Некоторые вопросы военного дела и военного искусства древних кочевников Горного Алтая скифского времени // Сибирь в панораме тысячелетийб мат-лы межд. симпозиума, т. 1. Новосибирск: изд-во ИАЭ СО РАН. 1998. С. 271-276
12. Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: издательство «Наука». 1981. С. 29-54
13. Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: «Наука». 1972. 270 с.
14. Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии, т.2, Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: «Восточная литература». 2001. 528 с.
15. Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. МИА. № 136. М.-Л.: Издательство АН СССР. 1966. 232 с.
16. Мелюкова А.И. Вооружение скифов. САИ. Д 1-4. М.: «Наука». 1964. 92 с.
17. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине - второй половине I тыс. до н.э. М.: Пущинский научный центр РАН. 1997. 196 с.
18. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. САИ. Д1-10. М.: «Наука». 1963 82 с.
19. Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М: «Наука». 1974. 64 с.
20. Муллоканов М.М. Археологические работы в долине р. Обимазар Хавалинского района (1984) // Археологические работы в Таджикистане (1984). Душанбе: «До- ниш» 1993. С. 32-46
21. Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. № 4. С. 115-127
22. Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: «Наука». 1983. 199с.
23. Симоненко А.В. Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причерноморья //Вооружение скифов и сарматов. Киев: «Наукова думка». 1984. С. 129-147
24. Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб: Санкт-Петербургский гос. университет. 2009. 328 с.
25. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. № 101. М.: Издательство АН СССР. 1961. 167 с.
26. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: «Наука».

Кариев Е.М.
Казахстан, Астана О дефиниции «раннесакский культурный комплекс»

(по материалам до 2000 года)

При обращении к вопросу о дефиниции (лат. definitio - определение) понятия «раннесакский культурный комплекс», первоочередным аспектом, требующим рассмотрения в контексте темы, являются обозначения «сакский» и собственно «раннесакский». Понятно, что под сакским мы имеем в виду конкретные материальные объекты и связанные с ними духовные ценности, соотносимые с саками. Данным собирательным этнонимом в персоязычных и в некоторых античных источниках именовали племена, обитающие к востоку от Сырдарьи (Яксарта). «За Яксартом живут народы скифов. Персы назвали их обобщающе саками от ближайшего племени» (Плиний. Естественная история) [5, с. 6]. Подробнее географический ареал или, так скажем, пространственная составляющая культурного комплекса раннесакских племен, будет рассмотрена ниже.

Истоки возникновения сакской культуры связаны с переходом к кочевому скотоводству на финальной стадии предшествующей эпохи бронзы [1, с. 45; 3, с. 50,51]. Ряд исследователей считают саков потомками андроновских и срубных племен, наряду с этим отмечается немаловажная роль карасукских племен в формировании сакской общности [18, с. 69-70] Некоторые ученые видят истоки сакской общности в бегазы- дандыбаевской культуре Казахстана [11, с. 69-87], что вызывает протест других ученых [13, с. 6]. Хронологические рамки раннесакского периода укладываются в условный промежуток VIII-VI вв. до н.э. Условность хронологических рамок объясняется тем, что вопрос о начале раннесакского периода по сей день дискуссионный.

И как у всякого этнокультурного образования у сакских племен был период зарождения, становления, расцвета и заката. Под понятие «раннесакский» мы включаем, в рамках темы, период зарождения и первичного становления сакской культуры.

Следующий аспект - раскрытие смысла понятия «культура» в контексте темы. По определению, данному в археологическом словаре - «культура это любая человеческая деятельность, представленная артефактами или верованиями (материальная и духовная культура), ограниченная во времени и пространстве» [4, с. 128]. Касательно культуры в археологии, существует ряд дискуссий по различным аспектам данного понятия [10, 21-37; 12, с. 3-7]. Не вдаваясь в их анализ, констатируем, что большинство исследователей, в основном, формулируют определение понятия культура в рамках вышеприведенного определения. Данная трактовка термина «культура» соответствует теме статьи, единственный нюанс, требующий уточнения - задачей данной работы является не анализ выделенных археологических культур, соотносимых с раннесак- ским ареалом, а рассмотрение общей, функционально взаимосвязанной совокупности элементов материальной и духовной культуры племен сакской общности на начальной стадии развития.

Согласно дефиниции культуры обозначим территорию локализации раннесакских племен. Так как ареал распространения племен сакской общности определяется на основе древних источников, локализация этих племен затрудняется обрывочностью и противоречивостью данных античных и персидских информаторов. Не углубляясь в перипетии трактовок древних источников и современных археологических данных, коротко обозначим принимаемый большинством исследователей ареал обитания племен сакской общности раннего периода. Во-первых, это территория современного Казахстана (кроме западного Казахстана), касательно центрального Казахстана - сакская принадлежность племен тасмолинской культуры оспаривается некоторыми учеными [11, с. 76], но большинство все-таки признает принадлежность тасмолинских племен к сакской общности [15, с. 140]. В виду схожести по ряду признаков памятников северного Казахстана с тасмолинской культурой центрального Казахстана [16, с. 78, 79], бытующие сомнения о сакской принадлежности

могут быть перенесены и на северный Казахстан, но культура племен данного региона относится к сакскому типу [16, с. 77-83]. Южный Казахстан общепринято считается одним из основных регионов распространения сакской культуры, хотя в отдельных районах этого региона раннесакских памятников на данный момент выявлено и исследовано, крайне мало. То же самое можно сказать и о восточном Казахстане. Кроме территории Казахстана в раннесакский ареал распространения входят Памир, Алтай, территория Киргизии и Тывы [2, с. 46-57; 14, с. 31-149].

Итак, под понятием раннесакский культурный комплекс мы подразумеваем совокупность материальной и духовной культуры племен вышеуказанных территории в условном хронологическом промежутке VIII-VI вв. до н.э.

Отметим основные составляющие материальной и духовной культуры исследуемого периода, играющие основную роль в идентификации и дефиниции раннесакского культурного комплекса и отличающие его от скифского и савроматского комплексов. В распознавании раннесакского и вообще сакского культурного комплекса немаловажную роль играет так называемая «скифская триада» - комплекс вооружения, конское снаряжение и искусство известное как «звериный стиль». Исследования последних лет внесло некоторые коррективы в это деление. Теперь с прибавлением ряда вещей можно говорить уже о пентаде, материальное содержание которой формируется исследователями по-разному [14, с. 86]. Следует отметить, что ведущая роль «скифской триады» как маркирующего фактора скифо-сакской общности подвергается критике [2, с. 44; 18, с. 77-79] и вообще понятие «скифская триада» считается устаревшим [14, с. 85-96]. Помимо перечисленного, в список маркирующих объектов раннесакского культурного комплекса можно добавить погребальный обряд и керамическую индустрию. Акцентируемся на маркирующих предметах из перечисленных групп материальных объектов и на некоторых из региональных специфик раннесакской общности. К примеру, для Алтайского региона эталоном раннесакского времени считается май- эмирский этап, выделенный в свое время М.П. Грязновым. Основными отличительными признаками майэмирского этапа являются три фактора - конструкция узды, форма бронзовых зеркал и полное отсутствие железных орудий [8, с. 9]. Последнее вообще является характерным признаком раннесакского периода восточного Казахстана, это объясняется развитой металлургией бронзы и в соответствии с этим отсутствием необходимости добычи и переработки железа [17, с. 134]. А .*Д.* Грач, отмечая правомерность признаков майэмирского этапа и то, что практически вся работа по хронологии древностей раннескифского времени азиатских степей опирается на них, на основе материалов Тывы (алды-бельская культура) дополняет серии комплектного инвентаря VII-VI вв. до н.э. следующими признаками. 1. Наличие в погребениях раннескифского времени помимо удил со стремечковидными окончаниями таких предметов конского убора, как характерные бронзовые уздечные обоймы, пряжки со шпеньками, на которых нанесены так называемые копытовидные знаки, нащечные бляхи. 2. Наличие среди предметов вооружения кинжалов с почковидными гардами.

3. Частое наличие среди инвентаря оселков (по мнению М.П. Грязнова, это амулеты).

4. Частое наличие среди украшений изделий из бирюзы и индийского сердолика. 5. Частое наличие четырёхгранных шильев с шляпковидными навершиями [6, с. 24-27].

В остальных регионах сакского ареала так же имеются свои особенности [2, с. 43-57].

Кратко опишем основной маркирующий раннесакский период комплекс признаков:

Вооружение. В раннесакский период распространяются черешковые и втульчатые бронзовые наконечники стрел различных форм (в основном трехлопастные черешковые и двухлопастные втульчатые). Обе группы находят прототипы в наконечниках стрел предшествующей эпохи бронзы [2, с. 48-50]. Особенностью памятников раннесакского периода в Тыве, Сибири, на Алтае, в Казахстане и Средней Азии является одновременное

появление и совместное бытование с VIII-VII вв. до н.э. черешковых и втульчатых наконечников стрел [2, с. 48-49, 56]. Данная особенность принципиально отличает культуру сакской общности от скифской и савроматской [2, с. 49-50]. В раннесакский период бытуют однотипные кинжалы из бронзы и железа с рубчатой рукоятью, с сердцевидным и бабочковидным перекрестием. Районами бытования этого вида устойчивых однотипных кинжалов с VII в. до н.э. были Тыва, Сибирь, Алтай, Казахстан и степная часть Средней Азии, т.е. территория, населенная племенами сакской общности [2, с. 48]. В VII-VI вв. до н.э. распространяются так называемые кинжалы с «шипами» появившиеся еще в бронзовом веке. Они имеют грибковидное навершие, шипастые выступающие перекрестия и широкий клинок [4, с. 45-48]. Данный вид кинжалов в раннесакский период был распространен на территории Сибири, Северного и Центрального Казахстана [2, с. 46]. Кроме перечисленных видов оружия можно назвать клевцы, чеканы и боевые топоры. Причем чеканы характерны для территории Тывы и Алтая, в Казахстане и в Средней Азии чеканы не были широко распространены, в данных регионах в раннесакское время, вероятно, бытовали вислообушные топоры, появившиеся еще в андроновский период [2, с. 50].

Конское снаряжение. В раннесакский период было распространено четыре типа бронзовых удил: стремечковидные с дополнительным отверстием и без него, с прямоугольными окончаниями и кольчатые. Первые два типа являются ранними. Стремечковидные употреблялись с трехдырчатыми роговыми, костяными и бронзовыми псалиями. Удила с прямоугольными концами и трехдырчатыми псалиями, центральное отверстие которых расположено перпендикулярно к двум боковым, являются одними из самых ранних [3, с. 42-50].

Звериный стиль раннесакского времени характеризуется архаичностью форм. Формы зверей более статичны и схематичны. Характерна фигура хищника, растянутая по окружности, так называемый свернувшийся зверь [8, с.14], наличие копытных животных в позе «на цыпочках», композиций в манере «загадочной картинки» [6, с. 26]. Все это фиксируется в предметах прикладного искусства, в петроглифах и т.д. датируемых раннесакским временем.

Погребальный обряд раннесакского периода в ряде регионов характеризуется сохранением обряда скорченного трупоположения и захоронениями в каменных ящиках и оградках ранних форм [8, с. 16; 5, с. 143].

Керамическая традиция раннесакского периода отличается сохранением некоторых форм и методов лепки предыдущей эпохи бронзы в сочетании с инновациями, вытеснившими в последующие периоды пережитки бронзового века, это можно проследить в таких памятниках начального периода раннего железного века как Измайловский погребально-поминальный комплекс в Восточном Казахстане и др.[9, с. 64-94;
15, с. 143], но в ряде регионов раннесакской общности не встречается керамической посуды. Это объясняется отсутствием глиняной посуды в быту кочевников при переходе к кочевому образу жизни [8, с. 14].

Перечисленные предметы материальной и духовной культуры в совокупности отличают раннесакскую культуру от других культур Евразии скифо-сарматского времени [7, с. 61].

Подводя итоги этого краткого обзора о дефиниции раннесакского культурного комплекса можно констатировать, что по рассматриваемым материалам, раннесак- ским культурным комплексом может считаться круг историко-культурных (археологических) памятников, расположенных в пределах выше обозначенной территории и имеющих в себе часть или полную совокупность вышеперечисленных признаков с корректировкой на региональную специфику. При этом необходимо учитывать возможность попадания отдельных предметов раннего характера в поздние памятники путем наследования, грабежа и т.д.

Как понятно из темы и содержания статьи, данная работа выполнена в основном на

материалах, полученных до 2000 года включительно. Анализ новых материалов (2000- 2011), сопоставление их с материалами, использованными в данной статье и с другими, не привлеченными материалами до 2000 года, соответственно постановка и обоснование окончательной точки зрения по всем аспектам выбранной проблематики, планируется в следующих более детальных и объемных работах автора.

* * *

Баяндама «ерте сақ, мәдени кешенін» талдау мәселесіне арналған. Ерте сақ, мәдени кешененің уақыт пен кеңістік аралығындағы ерекшілік белгілері анықталған. Жерлеу ғұрпы, ат әбзелдері, өнер және қару-жарақтардағы ерте сақтарға тән белгілері сип- паттап келтірілген. Автор Қазақстан, Памир, Алтай, Қырғызстан мен Туваның ертесақ мәдени кешендерінің бірқатар белгілеріне қарай отырып, оларды біртектес тарихи- мәдени кешенге топтастыруға болатындығын айтады.

Список использованных источников и литературы

1. Акишев КА. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Изд-во «Наука». 1972. С. 31-46
2. Акишев КА. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Изд-во «Наука». 1973. С. 43-61
3. Акишев К.А., Акишев А.К Проблемы хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Изд-во «Наука», 1978. с. 38- 63
4. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь: Пер. с англ. Москва: Изд-во «Прогресс». 1990. 368 с.
5. Вишневская О.А. Культура сакских племен в низовьях Сырдарьи в VII-V до н.э. Москва: Изд-во «Наука». 160 с.
6. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. Москва: Изд-во «Наука». 1980. 256 с.
7. Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Ленинград: Изд- во «Наука». 1980. 64 с.
8. Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Москва: Изд-во «Наука». 1947. Вып. XVIII. С. 9-17
9. Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма- Ата. 1987. С. 64-94
10. Крадин Н.Н. Современные этнические интерпретации в археологии // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э Масанова: сборник материалов международной научной конференции. Алма-ты: Изд-во «Print-S». 2010. С. 21-37
11. Кызласов Л.Р. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // СА. 1977. № 2. С. 69-87
12. Массон В.М. Культура в понятийном аппарате археологии // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово: Изд-во Кем. ун-та. 1976. С. 3-7
13. Массон В.М., Алекшин В.А., Боковенко Н.А. Всесоюзное совещание «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана» // КСИИМК. 1978. Вып. 154. С. 3-9
14. Ольховский В.С. Скифская триада // Памятники предскифского и скифского времени на юге восточной Европы: Материалы и исследования по археологии России. Москва. 1997. № 1. С. 85-96
15. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Москва: Изд-во «Наука». 1992. 494 с.

16. Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Изд-во «Ракурс». 1994. 170 с.
17. Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) //Первобытная археология Сибири. Ленинград: Изд-во «Наука». 1975. С. 132-137
18. Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). Москва: Изд-ий центр «ТИМР». 1996. 186 с.

Касенов М.С.

К/азаџстан, Атырау Ә.Х. Марғұланның Сарайшық қаласындағы зерттеулері

Сарайшық қаласының құландысы Атырау қаласынан солтүстікте 48 шақырым жерде, Жайық өзенінің оң жағалауында, Махамбет ауданындағы Сарайшық ауылы түбінде. Қазіргі кезде қаланың жартысы ғана қалған. Қалған бөлігін өзен шайып кет-

Қала туралы жазба деректерді бізге саяхатшылар мен тарихшылар қалдырған. Қаланың орнында бұрын қандай қала болған, ол қай ғасырда салынып қалай аталғаны туралы мәлімет жоқ.

Археологиялық зерттеулер нәтижесінде қаланың төменгі мәдени қабатынан YIII ғасырлардың жәдігерлері кездеседі. Сондықтан қала орнында ежелгі мекен болғаны анықталып отыр [1].

Сарайшық қаласының орнында бұрын қала болған, бірақ ол туралы қазіргі кезеңде жазбаша мәлімет табылмай отыр.Ал археологиялық мәліметтер тапшы.

Сарайшық орнында X-XII ғ.ғ. Хазарлық Сақсын қаласы болған деген мәліметтерді кейбір зерттеушілер келтіреді. Бұл пікірді С.П. Толстов қолдайды [13, с. 90.; 15, с. 128, 265].

Ал, Ә.Х. Марғұлан «Сақсын-оғыз-печенек қаласы болған»-деп жазады [5].

Соңғы зерттеулер Сақсын қаласы Еділ жағасында деп дәлелдеп отыр.

1950 жылдары қалада қазба жұмыстары Ә.Х.Марғұланның басшылығымен жүргізілді. Қазбадан алынған мәліметтер Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология инси- тутында сақтаулы, жарияланбаған [9]. Ә.Х. Марғұланның өзі бұл жылдары қуғындауға ұшыраған еді. 1960 жылы шыққан «Археологическая карта Казахстана» - кітабына қысқаша мәлімет пен сырлы қыш ыдыстардың үлгілері жарияланды [3,1 таб] .

Атырау қаласының архивінен Ә.Х Марғұланның Сарайшық қаласында 1950 ж. түскен 4 фото-суреті табылды (1, 2-сурет). Осы суреттерден ғалымның Сарайшық қаласынадағы қазбадағы ерен еңбегін көруге болады.

Батыс-Қазақстан археологиялық экспедициясы құрамында Г.И. Пацевич болды. 1950 жылы ол Сарайшықтың оңтүстік-батыс болігінен 2,1 м тереңдіктен, жоғарғы жағы күмбезделіп келген қыш күйдіру құмдан- ошағын тапты. Оның сырты-іші қалың сылақпен сыланған, ішкі қабырғасы қатты күйген. Ішінде ыстық ауа жүретін құдықтың 6 аркасы сақталған. Кірпіштердің колемі: 36х37х7, 37х37х8 см., болып, қырымен және жалпағымен қаланған. Ошақ XIII-XIV ғасырларда «қыш кірпіш» күйдіру үшін жасалған [15, с. 111-114, 221-226].

1950-1953 жылдары Сарайшық қаласындағы археологиялық қазбаларға Е.И.Агеева, Т.Н.Сенигова қатысты. Е.И.Агеева Сарайшық қыш ыдыстарын зерттеп, сипаттамасын жасады [2, с. 63].

Сарайшықтың жылдам оркендеп, ірі сауда және мәдени орталыққа айналуына, оның Азия мен Европаны байланыстырған сауда жолында орналасуы себептер болды. Өте қолайлы, тоғыз жолдың торабына орналасуы, қаланың тез өркендеуіне, ықпал етті. Сауданың дамуынан қала тез оркендеп, аты шартарапқа жетті.

Саяхатшылар, елшілер, жиһангездер, ғалымдар, миссионерлер, саудагерлер, әскерлердің

қалаға соқпай өтуі мүмкін емес еді. Жүздеген керуендер Сарайшық арқылы өтті. Батыс пен Шығысқа жол тартты. Керуен жолдардың сораптары әр тарапқа кетті. Қаладан шыққан керуендер бағыты туралы әр түрлі пікір бар.

Сарайшық ірі сауда орталығы болғаны туралы Ә.Х.Марғұлан былай дейді: «Феодализм туып, көркею заманында және осыған байланысты халықаралық сауда мен айырбастық жандануына сәйкес, сауда жолдарынын, бойынан елді мекендер пайда болып отырған. Бұлар тіпті географиялық қолайлы орналасу жағдайларына байла- нысты экономикалық жағынан іріленіп, көрікті қалаларға да айналып, тарихи дамуы- мызда елеулі із қалдырған. Сондай жолмен Қазақстан территориясында пайда болған ортағасырлық қалалардың бірі - Сарайшық » [10,с.85].

Ә.Х.Марғұлан 1951 жылы Бүкіл Одақтық археологтардың кеңесінде жасаған «Сарайшық қазбаларын атты баяндамасында»: «Сарайшық қаласы XIII ғасырдың II - жартысынан бастап, XV ғасырдың басына дейін Алтын Орданың ең басты қалаларының бірі болды және Шығыс Европа мен Орта Азияны, Қытайды өзара байланыстырған керуен жолының өте маңызды түйініне айналды»- деп баяндады [10, с. 10].

Шығыс пен Батысты жалғастырған жолдар Сарайшыққа соқпай өтпейтін. Сауда жолы Шығыс пен Батысты жалғастырған жол болды.

Ә.Х. Марғұлан Г. Рубрук саяхатының жолдарын зерттеп, оның Сарайшық өткелінен өткенін көрсетеді. «Сарайшық қаласы төңірегіндегі өткелден өткен Г. Рубрук Ырғыз, Торғай өзендерінің төменгі ағыстары арқылы Құрдымға жеткен, онан әрі ¥лытаудың оңтүстігіне іліккенде Бетпақдаланы бойлық бойынша кесіп өткен, ең ежелгі керуен жолдарының бірі - Жетіқоңыр немесе Кендірлік жолына шыққан болса керек. Оты- рардан басталған бұл жол Түркістан, Созақ қалалары арқылы, Жетіқоңыр құмына ¥лытау арқылы Нұра өзенінің төменгі ағысына, оны жағалап барып Есіл өзеніндегі Қараөткелге жеткен »-дейді [10, с. 72].

Сарайшық қаласы мәдениеті мен қолөнері дамыған, білім мен ғылым ордасы болды. Азия мен Европа мәдениеті мен өнерін қоса қабылдаған қалада мәдениет жылдам өркендеді. Мұнда сәулетті құрылыстар салынды. Қала «қорымы» адамдар тәуіп ететін қасиетті әулиелі орынға айналды. Әсіресе қолөнер бұйымдары дамыды. Қыштан ыдыс жасау өркендеді. Бұндағы қыш ыдыстар жергілікті тұрғындарды қамтамасыз етумен бірге, сыртқа да, тауар ретінде сатылды. Қыш ыдыстар өзінің сапасы мен сәнділігімен ерекшеленді. Орта Азия мен Оңтүстік Қазақстан жеріндегі қалалардағы қыш өндірісі монғол шапқыншылығынан соң тоқырауда болды. Ал, Сарайшық көзешілері халық сұранысын қанағаттандырып отырды.

Академик Ә.Х. Марғұлан баяндамасында, Сарайшық шеберханаларының жұмысын ерекше атап өтті. «Бұл заттардың барлығы да Сарайшықтың өзінде әзірленген, себебі, ірі шеберханаларды айтпағанның өзінде, Сарайшықта жоғарыдағы керамикалық ыдыстарды жасау кезінде өндірістік қалдықтар өте жиі кездеседі.

Көп қызықтыратын заттардың бірі-ірі құрылыстардың қабырғаларын әшекейлейтін плиталардың табылуы. Бұл плиталар басқа керамикалық жәдігерлер сияқты Сарайшықтың өзінен әзірленген. Себебі, қазба жұмыстары кезінде бұл плиталарды жасау барысындағы өндіріс қалдықтары өте мол кездеседі»-деді [5,с. 8 15].

Ғұлама ғалым бұл заттарды жасаған жергілікті шеберлер екенін атап көрсеткен, және қыш ыдыстардың атауының қазақша баламасын жазған. Қазіргі кезде бұл атау- ларды археологтар сөздік ретінде қолдануда.

«По данным источников, у кипчаков существовало хорошо развитое гончарное производство. На это указывает перечень названий глияных сосудов, приводимых в кипчакских словарях, и обилие керамики городов нижней Сырдарьи, Сарайчик и Волжского низовья. По словарю кипчакского языка общее название гончарных из- делий-козе,гончар-козечи, удлиненный глиняный сосуд с раструбом - чигыр козесы, кувшин изящной формы кутга (куты), кувшин с узким горлом - манкус, большой кувшин - бардак и т.д., большой

резервуар типа хума-куб или куб.Такой куб с надписью найден в Сарайчике хранится в Гурьевском краеведческом музее» [13,с.33].

1952 жылы Ә.Х.Марғұлан Сарайшықтағы археологиялық қазбадан табылған бас сүйектерді мүқият жинап, антропологтарға табыстайды. 1955 жылы В.В.Гинзбург пен Т.А.Трофимов зерттеп, оны монғолдық нәсілге жататынын анықтайды.

«Черепа из Сарайчика характеризуются небольшим продольным и средним поперечным диаметрами мозговой коробки. Они брахикранные. Высота черепа небольшая. Лоб несколько наклонный с ниже среднего развитым надпереносьем. Лицо средней ширины и высоты у мужчин, менее высокое у женщин, среднепрофилированное в горизонтальной плоскости, с малоуглубленными клыковыми ямками, с узким, выше среднего выступающим носом. Обращает на себя внимание хорошо выраженный половой диморфизм и гиперморфность черепов мужчин. Череп из Сарайчика занимают промежуточное положение между монголойдной и европоидной расами и относятся к южносибирскому антропологическому типу с большим европеоидным компонентом. Они сходны с черепами из Среднего и Нижнего Паволжья эпохи Золотой Орды...» [6, **С.257 259].**

Ә.Х. Марғұланды қатты қызықтырған қала қорымындағы Қасым хан кесенесі болды.Ол кесене орнына қазба салып, зертеу жүмыстарын жүргізді.Қалада жеті хан жерленді -мыс, деген аңыз бар. Бірақ бүл әңгіме Еділ бойындағы Сарайдағы оқиғалар үзағырақ өмір сүрген Сарайшыққа ауысудан болған.

Қалада қазақ ханы Қасым ханның (1445-1518жж.) кесенесі болғаны шындық. Ол туралы көптеген деректер бар. Қасым ханның Сарайшықта жерленгенін Қадырғали Жалайыр Шежірелер жинағында жазады: «Ең алдымен айтылатын Қасым хан, Жаған бегімнен (бәйбішеден) туған еді. Бірақ жылдар бойы атасы басқарған үлысында патшалық құрды және өз түсында әр тараптағы уәлаяттарды бағындырды. Оның хи- каясы әр жерде айтылады, сондықтан мәлім, мәшһүр болды. Ақырында Сарайшықта дүние салды. Бүл күндері оның қабірі Сарайшықта жатыр» [18,с. 121].

Шежіреші Ораз-Мұхаммед осы деректі жазады: «Әрқайсысы (Жәнібек ханның үлдары мен немерелері) өз ордасын құрды, сонда билеуші болып, атақ-даңққа бөлене білді. Олардың есімдері әлі күнге дейін ел есінде. Солардың бірі Жаған-бегімнен туған Қасым хан еді. Ол біраз уақытқа дейін әкесінің үлысында билік құрды және көптеген көрші елдерді бағындырды, оны бүгін де барлығы есте үстайды. Ол Сарайшықта қайтыс болды және оның зираты қазірде сонда орналасқан» [4,с.145].

Хайдар Дулати: «Қасым хан хижраның 924 ж. (1518 ж.) дүние салды»- дейді. Оның мазары XYTTT ғ.дін аман болғанын тарихшы А.П. Чулошников баяндайды: «... он умер еще за несколько лет до этого (около 1518- 20г.г.), в г.Сарайчике где и был похоронен,уже как повелитель и Дешт -Кипчака» [19,с. 124].

XYI ғ. Сарайшық қазақ хандығының ордасына айналды. Қасым ханның (1511- 1551 жж.) жер иелігіне Каспий жағалауы мен Жайық өңірі кіргендігін. М.Х.Дулати "Тарихи-Рашиди" кітабында: «Бурундук-хан находился в Сарайчуке: Касым -хан же (откочевывал и), отдалясь от него подошел к границам Могулистана и избрал своим зимовьем Кара-Тал» [8,с.223], деп жазады.

Бүл деректі М. Тынышбаевта келтіреді. «Бурундук считавшийся главным ханом, проживал обычно в Сарайчике» дейді [14,с.45].

XYTTT ғасыр ортасында Қасым хан мазары бүзылып, оның қыш кірпіштері басқа құрлыстарға пайдаланылған. Оның бейіті қазіргі Сарайшық қаласы үстіндегі қазақ қорымы астында деп есептеледі.

Этнограф Ахмет Тоқтабаев ол туралы мынадай дерек тапқан. Қасым ханның қабірін үрпақтары күні бүгінге дейін үмытқан жоқ. Бүл туралы 1913 жылы туған, кезінде Атырау облысында басшылық қызметте болған Шоқан Қаржауов былай дейді: «... Әкем Мырзағали

1937 жылы қайтыс боларда мені хан бейітіне, Қасым ханның жа- нына жерлеңдер. Бейіттің жанында мешіт болуға тиіс» - деп өсиет етті. Әкемнің өсиетін орындайын деп, мәйітін Гурьевтен Сарайшыққа әкелдім. Сұрастыра жүріп
90- ға келіп қалған бір ноғай шалына кездестім. Ол Қасым хан бейіті баспалдақпен түсетін жартылай жер асты мешітінде екенін айтты. Мешіттің бір қабырғасы түгелдей шымылдықпен жабулы түр, әрі қарай қазсаң хан бейітінің үстінен шығасың. Әкемді сол жерге жерлеп, зиратын соқтық. Інім Қаржауов Нығметте сол бейітке жерленген, маңайы темір шарбақтармен қоршалған».

1950 жылы Әлкей Марғұлан Сарайшықта қазба жұмысын жүргізгенде, Қасым ханның қабірін іздеді. Бірде Әлекеңдер жұмыс істеп жатқан жерге келсем, ол: «Мешіттің жанын қазып едік, наубайхана шықты, бұл қалай?» - деп, бізден сұрады. Сонда біз: «Ертеде мешіт жанынан наубайхананы қоса салатын болған. Себебі, намаз жаназаға жиналғандарға таба наннан дәм таттыру дәстүрі болған » - деп жауап беріп едік, «Ә солай екен ғой»- деп, Әлекең жауабымызға қанағат бірдірді»- дейді [16]. Қазір Қасым хан қабірін іздеген археологиялық зерттеулер әзірше нәтиже бермей отыр.

Академик тек Сарайшық қаласын ғана емес, сонымен бірге Атырау түбіндегі Ақтөбе-Лаэти қаласын, Сағыз өзеніндегі Таскешу керуенсарайы мен көпірін, Жем өңіріндегі Алгелді қаласын т. б. мекендердің жобаларын алып зерттеген. Бұл ғылыми «есебі» сақталмаған. Батыс Қазақстан аймағы, археологтар, тарихшылар мен басқа да зерттеушілер үшін ақтаңдақ болып келген. Бұл өңірде қалалар мен елді-мекендер өмір сүруіне қолайлы жағдай жоқ деп саналған. Кейінгі зерттеулер көрсеткендей бұл өңірде елді-мекендер көп болғаны белгілі болып отыр. Қазіргі кезеңде 60 қала мен мекен белгілі.Олардың көбісі соңғы ортағасыр кезеңінде салынған. Олардың орна- ласу аймағы су бойлары мен керуен жол тармақтарының маңы. Мекендердің үлкен қалаларға айналмау себебі олардың табиғаты қатал аймақта орналасуы еді. Қалалар мен елді-мекендердің көлемі мен орнын анықтауда негізгі қиыншылық, оларда қорғаныс қамалдарының жоқтығынан.

Сарайшық қаласы өз заманында ірі қалалардың бірі ғана емес, сонымен бірге астана-орталық болды. Қаланың құлдырауының негізгі себебі жалпы Алтын Орданың саяси-экономикалық жағдайына байланысты болды. Келешекте Батыс Қазақстан аймағындағы қалалар мен елді-мекендерді біртұтас жүйе ретінде қарастырып, олардың өзара мәдени экономикалық,саяси қатынастарын анықтау ғана, отырықшы мәдениетінің дамуын анықтауға мүмкіндік береді.

Археологиялық қазбалардан табылған жәдігерлерді пайдалану арқылы қаланың мәдени-экономикалық дамуын анықтауға болады. Келешекте қала туралы жаңа де- ректер табылар. Батыс Қазақстан отырықшылық мәденитін зертеу арқылы біртұтас қала өркениетінің дамуын анықтауға болады.

Академик Ә.Х.Марғұлан 50 жылдары ақ Батыс Қазақстан аймағындағы қалалар мен мекендерді зертеп жол салып кеткен.Соны жалғастыру қажет.

Алтын Орда тарихын Қазақстан тарихымен бірге байланыстыра зерттеу арқылы ғана толық тарихты қалыптастыруға болады.

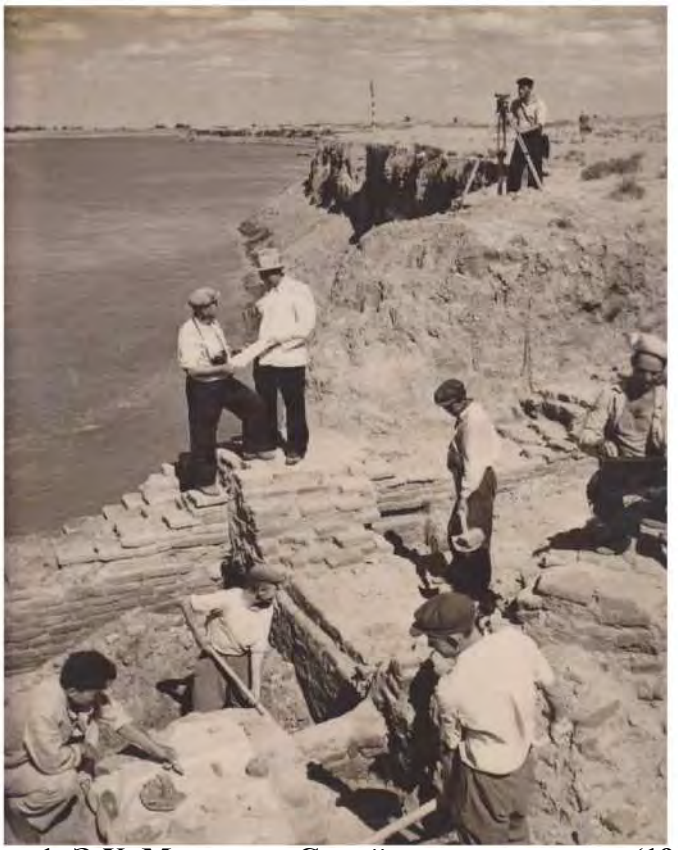
* * *

Статья посвящена истории изучения средневекового города Сарайшык. В тезисах отражены результаты археологических исследований, проведенных в разное время экспедициями под руководством А.Х. Маргулана, Г.Н. Пацевича, Е.И. Агеевой. Особое внимание уделено изучению мавзолея Касым-хана. В тексте статьи приведен сопоставительный анализ письменных и археологических источников, сделанных А.Х. Маргуланом. А.Х. Маргулан не только изучал средневековое городище Сарайшык, но и открыл новые памятники средневековья в окрестностях города Атырау. В результате

деятельности археологических коллективов на территории Западного Казахстана обнаружено около 60 городищ и поселений.

Қолданылған деректер мен эдебиет тізімі

1. Агеева Е.Н., Сенигова Т.Н., Пацевич Г.И. Археологические работы за 1950-1953 // Архив ИА. МН -АН РК. Опись 2, дело №24.
2. Агеева Е.И. Керамика Сарайчика. Рукопись. Архив. ИИАЭ. АН Каз ССР. 956. ф.2. д.91. С. 63
3. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960. таб.1.
4. Вельминов-Зернов В.В. Исследования о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб. 1864. С. 145.
5. Выписка из протокола заседания секции археологии Средней Азии Пленум Института истории материальной культуры АН СССР. От 24 апреля 1951г. по докладу А.Х.Маргулана. «Раскопки в Сарайчике» // Архив Археологического Института археологии им. А.Х.Маргулана.МН-АН РК. Инв. № 741. 1953
6. Гинзбург Т.А.,Трофимов.Т.А. Палеонтропология Средней Азии. М., 1972. С. 257- 259
7. Дулати М.Х. Тарих и Рашиди // МИКХ. АлмаоАта. 1969. С. 223
8. Маргулан А.Х. Раскопки Сарайчика. Архив ИА. д. 763. а.
9. Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма Ата. 1950. С. 85
10. Маргулан А.Х. Древние караванные пути через пустыню Бетпак - Дала // Вестник АН Каз ССР. 1949. № 1 (46). С. 72
11. Маргулан А.Х. Джезказган-древний металлургический центр. (Городище Милы- кудук) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата. 1973. С. 33
12. Мухамеджан Тынышбаев. Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент. 1925. С. 45
13. Толстов С.П. Города гузов // Советская этнография. 1947. №3. С. 90.; Сонікі,- По следам древне хорезмской цивилизации. М. 1948. С. 228-265
14. Тоқтабаев А. Сарайшық ақку көлі // Егемен Қазақстан. 1998. 21 наурыз.
15. Пацевич Г.И.Гончарная печь на городище Сарайчик // Труды ИИАЭ АН Каз ССР. 1956. Т.1. Археология.С.221-226.; Сонікі,- Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике // КСИИМК, 1957-вып 69. С.111-114
16. Қадырғали Жалайыр. Шежірелер жинағы. Алматы. 1997. 121 бет.
17. Чулошников А.П. Очерки по истории Казак-Киргизского нрода. Оренбург. 1924. С. 124



Сур. 1. Ә.Х. Марғұлан Сарайшық қаласында (1950 ж)

Сур. 2. Ә.Х. Марғұлан Сарайшық қаласында, Гурьев пионерлері арасында (1950 ж)

Макаров *Л. Д.*
Россия, Ижевск

Проблемы исследования древнерусских археологических памятников (по материалам Прикамья)

В настоящее время в бассейне р.Камы обнаружено 293 археологических объекта, на которых выявлены древнерусские находки X-XV вв. Это разнохарактерные памятники с преобладанием поселений (64 городища и 100 селищ), а также 48 могильников, 56 местонахождений, 24 клада, 1 пещера. Отметим, что по отдельным регионам рассматриваемой территории данные памятники распределены, в основном в силу неравноценной их изученности, явно неравномерно. Так, более всего их в Нижнем Прикамье - 86, в бассейне р. Вятки - 83 (54 - на Средней Вятке, 29 - на Чепце и Верхней Вятке), в Верхнем Прикамье - 80, меньше в Юго-Восточном Прикамье - 44 (19 - на р.Сылве, 16 - в Среднем Прикамье, 9 - в бассейне р. Белой). При этом материалы, связанные с пребыванием в Прикамье выходцев с территории Древней Руси, обнаружены на 166 объектах, а импортные - на 127 (часть предметов импорта обнаружена и на поселенческих комплексах с признаками проживания на них русских поселенцев) [7, с.7].

Приведенные цифры выглядят весьма внушительно, однако они не должны вводить нас в заблуждение. Конечно же, значительное число памятников содержат единичные русские находки, а многие исследованы крайне поверхностно. Поэтому основной фонд древнерусских археологических материалов составили комплексы, выявленные в результате стационарных раскопок достаточно широкими площадями. Рассмотрим состояние изученности анализируемых объектов по отдельным регионам Прикамья.

В Нижнем Прикамье на 41 поселении волжских болгар обнаружена древнерусская керамика [4, рис.18-23], сопровождающаяся нередко и другими этнически определимыми предметами, например славянскими племенными височными кольцами [4, рис. 11, 1-3, 5, 8, 9; 13-15]. Кроме того, пребывание выходцев из Древней Руси фиксируется на данной территории по находкам языческих подвесок и атрибутов православия (крестики, энколпионы, иконки, писанки, церковная утварь) [4, рис. 9-12], изредка и по специфическим бытовым изделиям. Этнически однородных русских поселений пока не обнаружено, хотя в городах и на отдельных селищах выявлены сооружения с преобладанием древнерусских находок. Например, в посаде Болгара обнаружен поселок ремесленников середины XIII - первой половины XIV в. [16], всего же в городе изучено 14 русских жилищ [12, с. 58-66, рис. 25-27], а около одного из них прослежена деревянная мостовая [15, с.10]. Две жилые полуземлянки и несколько хозяйственных сооружений вокруг них с многочисленным инвентарем исследованы в г. Биляре [17]. Упомянутое в русской летописи православное кладбище в Биляре [11, с. 124] пока не обнаружено. Известен лишь один разрушающийся древнерусский могильник - Хри- стофоровский, на котором Е.П. Казаковым исследовано 5 погребений предположительно XIII-XV вв.

Вместе с болгарским и древнерусским материалом на поселениях выявлены предметы балто-скандинавского и поволжско-финского происхождения. Поволжско- финские находки XI-XIII вв. вместе со славянскими маркируют последствия миграции «ростовской черни» «от крещения рускаго» [14, с.27]. Помимо поселений с этими древностями обнаружены отдельные захоронения их носителей близ г. Елабуги (две могилы Котловского могильника, Кумысское погребение) и аналогичные находки из разрушенных могил (Танайка, Ананьино, коллекция Е.К. Тевяшёва). На Танкеевском могильнике зафиксированы три муромских погребения середины-второй половины X в. Найдены также разрозненные вещи славяно-финно-скандинавского происхождения и Балымерский курганный могильник X-XI вв., которые в той или иной мере авторы связывают с мигрантами из прибрежных областей Балтии [1; 2]. Таким образом, проблемы межэтнических взаимодействий в Волжской Болгарии, в т.ч. с участием древнерусского компонента, остаются во многом дискуссионными [13].

Средневятский регион надежно обеспечен материалами археологических памятников,

значительное число которых (третья часть) исследовано достаточно широкими площадями. В их числе городища (Никульчинское, Котельничское, Ковровское, Шабалинское, Хлыновское, Орловское, Кривоборское, Слободское, Подчуршинское), селища (Искра, Покста II, Никульчинское II, Шабалинское, Родионовское, Мысы IV), могильники (Еманаевский, Покста, Шабалинский, Усть-Чепецкий, Никульчинский I). Получено достоверное представление о материальной и духовной культуре населения Вятской земли. До некоторой степени спорными остаются вопросы хронологии и межэтнического взаимодействия на исследуемой территории [3; 9].

Собраны древнерусские материалы в бассейне р. Чепцы, в основном разрозненные, исключая находки из раскопок городища Иднакар [4, с. 21-22, рис. 64, 65; 6], однако степень участия русских поселенцев в освоении этого региона остается во многом не прояснённой.

Верхнее Прикамье периода ранней русской колонизации (XIII-XV вв.) исследовано недостаточно. Так, археологические раскопки проведены на ряде городищ, где найдены немногочисленные древнерусские вещи и керамика (Анюшкар, Роданово, Троицкое в Чердыни, Искорское, Урольское, Корнинское, Редикорское, Эсперово, Лобани- хинское, Красная Горка), отдельные предметы и керамика обнаружены на селищах (Покчинское, Мелехинское) и в родановских захоронениях [4, с.23-29, рис.66-79]. Пока совершенно неизвестны ранние русские могильники региона. Много вопросов сохраняется относительно заселения русскими верхокамского микрорегиона [4, с.29-30, рис.80]

Менее всего изучены юго-восточные регионы Прикамья - бассейн р.Сылвы, северная половина бассейна р.Белой и Среднее Прикамье, в которых львиная доля материалов представлена сборами либо немногочисленными находками XIIГXVI вв., добытыми в стационарных исследованиях [4, с.31-33, рис.81-83; 5; 7, с.39-42; 8; 10].

Таким образом, несмотря на безусловный успех в исследовании древнерусских памятников бассейна р. Камы, остается ряд вопросов, требующих привлечения дополнительных источников. Для успешного их получения необходимо усовершенствование методики полевых изысканий, как в количественном, так и в качественном отношениях. Во-первых, это рост вскрытия памятников широкими площадями. Во-вторых, расширение разведочных и рекогносцировочных работ по поиску новых объектов исследования, особенно сельских поселений и могильников. В-третьих, усиление использования естественных методов (дендрохронология, почвоведение, палеоботаника, палеозоология, антропология). В-четвертых, настоятельная необходимость использования метода флотации культурного слоя, что позволит значительно усилить его информационно-источниковую отдачу. И наконец: проблема сохранения памятников археологии, в т.ч. русских городских поселений, православных могильников и селищ, в последние десятилетия еще более обострилась и требует немедленного вмешательства федеральных государственных органов, ибо региональные власти от этой функции (охраны) фактически отказались.

* * *

Баяндама ерте орыс археологиялық ескерткіштеріне қатысты зерттеу жұмыстары мәселелеріне арналған. Аймақта X-XV ғ. Жататын 293 ерте орыс археологиялық ны- сан табылған. Ерте орыс ескерткіштерін зерттеу аясында белгілі бір жетістіктерге қарамастан шешілмеген мәселелер де кездеседі. Сол себепті де автор дала зерттеулері әдістемесін дамыту, онда жаратылыстану гылыми сараптамасынын, эдістерін, флотация эдісін кешенді қолдану, сонымен қатар тарихи-мәдени ескерткіштерді сақтау
мәселелеріне қатысты өз ойларын айтады.

Список использованных источников и литературы

1. Измайлов ИЛ. Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: Доклады международного

научного симпозиума по вопросам археологии и истории. СПб.: ИПК «Вести». 2000. С. 70-86
2. Казаков Е.П. О ранних контактах волжских булгар со славянами и поволжскими финнами по археологическим материалам // Волжская Булгария и Русь: (К 1000-ле- тию русско-булгарского договора). Казань. 1986. С. 76-88
3. Макаров Л.Д. Типология и хронология древностей Хлынова // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск. 1995. С.166-189
4. Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X-XV вв. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет». 2001. 143 с.
5. Макаров Л.Д. Русское население юго-восточного Прикамья (по данным археологии) // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Уфа. 2003. С. 239-245
6. Макаров Л.Д. Русские археологические памятники на реке Чепце // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: История и современность: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Глазов. 2005. С. 130- 131
7. Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X-XV веках: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ижевск. 2006. 56 с.
8. Макаров Л.Д. Русские в Удмуртском Прикамье: Материалы к историкоархеологической карте // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во «Апельсин». 2008. С. 70-85
9. Макаров Л.Д. Древнерусские памятники бассейна Вятки в свете их этнической идентификации // Финно-угры - славяне - тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет». 2009. С. 49-54
10. Макаров Л.Д., Пастушенко И.Ю., Салангин Д.А. К вопросу о времени появления русских в бассейне Средней Сылвы // Историко-культурное наследие городов и заводских поселений Урала. Пермь. 1995. С. 5-18
11. Московский летописный свод конца XV в // ПСРЛ. М.; Л. 1949. Т.25. 464 с.
12. Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X-XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.
13. Руденко К.А. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X-XIV вв. по археологическим данным: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ижевск. 2004. 47 с.
14. Сказание о царстве Казанском. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. 527 с.
15. Смирнов А.П. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Города Поволжья в средние века. М.: Наука. 1974. С. 4-13
16. Хлебникова Т. А. Древнерусское поселение в Болгарах //КСИИМК. Вып.62. М., 1956. С.141-146
17. Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И Славяно-русские материалы в Биляре // Волжская Булгария и Русь: (К 1000-летию русско-булгарского договора). Казань. 1986. С.97- 116

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А., Журавлев А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О., Ромащенко А.Г.

Россия, Новосибирск

К вопросу о связях населения территории современного Казахстана и Барабинской лесостепи в эпоху бронзы (по материалам археологии, антропологии и палеогенетики)[3]

С момента появления первых популяций на территории Барабинской лесостепи около 13-14 тысяч лет назад этнокультурные процессы в регионе определялись двумя основными группами факторов: преемственностью разновременных групп аборигенного населения, приводящими к их автохтонному развитию, и взаимодействием с этнокультурными группами сопредельных территорий Евразии, которое обуславливало проникновение в

3 Работа выполнена в рамках Междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН 115 (2009-2011 гг.) и гранта РФФИ 09-06-00357-а (2009-2011).

регион различного рода новаций извне. Эти процессы находили отражение в материальной и духовной культуре населения, особенностях физического облика его представителей, а также в структуре генофонда. Целью наших исследований на территории Барабинской лесостепи является всестороннее изучение и реконструкция особенностей этнокультурных процессов в регионе на протяжении последних нескольких тысячелетий. Наиболее информативны в этом отношения мультидисциплинарные исследования, позволяющие объединить возможности нескольких направлений науки. Использование в нашей работе методов археологии, физической антропологии и палеогенетики позволяет получать информацию по всем основным аспектам этнокультурных процессов на территории Барабы.

Данная работа посвящена анализу связей древнего населения Барабинской лесостепи и территории современного Казахстана, а также роли последних в этнокультурных процессах, протекавших в западносибирской лесостепной зоне в эпоху бронзы (IV - начало I тыс. до н.э.). Проведен сравнительный анализ накопленных за последние 40 лет материалов из археологических памятников эпохи бронзы Барабы и Казахстана: особенностей материальной и духовной культуры, краниометрических и одонтологических характеристик населения, а также структуры генофонда митохондриальной ДНК (мтДНК) разновременных групп населения.

Для проведения оценки внешнего влияния на этногенетические процессы в исследуемом регионе необходимо иметь представления об археологическом, антропологическом и генетическом фоне, существовавшем здесь до начала вероятного миграционного воздействия. В регионе исследовано несколько десятков захоронений эпохи неолита, позволивших получить представление, как об облике культуры, так и об антропологическом типе ее носителей [3; 6]. Установлено что в VI - V тыс. до н.э. население региона относилось к краниологическому типу, причисляемому к особому варианту неолитической расы лесной полосы Северной Евразии, названному В.В. Бунаком «северной евразийской антропологической формацией» [7]. Наиболее ранняя группа эпохи бронзы представлена населением усть-тартасской культуры, в настоящее время представленной серией могильников и датируется IV - началом III тыс. до н.э. [3]. Краниотип усть-тартасского населения однороден и восходит к предшествовавшему населению неолитической культуры [7].

К настоящему моменту для неолитического и усть-тартасского населения Барабы суммарно исследовано более 30 образцов мтДНК, что позволяет нам судить о генетическом фоне в регионе. Установлено, что ранние группы населения уже характеризовались смешанной структурой генофонда мтДНК, включавшего варианты западно- и восточно-евразийского кластеров мтДНК. Состав восточно-евразийского кластера (гаплогруппы A,C, D, Z) имеет черты, сближающие его с генофондами современного (и, вероятно, древнего) населения регионов к востоку об Барабы (Восточная Сибирь, Центральная Азия). Западно-евразийский кластер представлен только линиями гаплогруппы U (U2, U4, U5 подгруппы) и сближает население Барабинской лесостепи с древними группами охотников собирателей западной половины северной Евразии. Данные о структуре мтДНК населения неолита и усть-тартасской культуры свидетельствует в пользу существования генетической преемственности между этими группами [5].

Таким образом, мы имеем возможность судить о культурной, антропологической и генетической ситуации на момент начала эпохи бронзы. Сравнительный анализ с аналогичными результатами для более поздних групп позволяет выявлять случаи внешнего влияния на аборигенов Барабы, а также отслеживать его вектор и характер.

В III - начале II тыс. до н.э. население Барабы было представлено носителями одиновской и кротовской культур эпохи ранней и начала развитой бронзы. Имеющиеся данные по одиновской культуре свидетельствуют о ее автохтонном формировании и развитии на базе предшествующих групп, как в отношении материальной культуры

[4] , так и краниометрических особенностей [7]. С этим выводом согласуются и данные палеогенетики.

Кротовская культура также развивается автохтонно [1]. Вместе с тем, и в особенностях погребальной практики и в инвентаре, мы наблюдаем несомненные новации, связанные, вероятно, с эпизодическим проникновением на данную территорию носителей, вероятно, петровской культуры с территории современного Северного Казахстана. Более того, присутствие в погребальных комплексах и в виде случайных находок кинжалов специфической формы, черешковых наконечников копий и других артефактов уводит нас далее на юг в Среднюю Азию, что позволяет выводить этот импульс в Барабу именно из этого региона [2].

Таким образом, методами археологии для кротовской культуры получено наиболее раннее для Барабы (III тыс. до н.э.) свидетельство влияния древнего населения Казахстана. Характер этого влияния позволяют уточнить данные физической антропологии и палеогенетики. Представители кротовской культуры демонстрируют автохтонный, по сути, морфологический комплекс. Палеогенетические данные также не позволили выявить новых генетических компонентов, появление которых могло быть связано с влиянием более южных групп населения. Таким образом, данные физической антропологии и генетики свидетельствуют, что южное влияние на кротовское население, зафиксированное на уровне материальной культуры, не сопровождалось влиянием на генетическом уровне. По-видимому, в данном случае мы наблюдаем пример культурного взаимодействия без какого-либо миграционного потока в регион.

Принципиально иная ситуация наблюдается в первой половине II тыс. до н.э. В период существования в Барабе позднего варианта кротовской культуры, происходит масштабная миграция на эту территорию носителей андроновской (федоровской) культуры, по-видимому, с территории современного Центрального Казахстана. Пришлое население оказало сильное влияние на все аспекты развития автохтонных аборигенных культур региона. Мигранты определенное время сосуществовали с аборигенами. Происходит инфильтрация андроновцев (федоровцев) в среду позднекротовцев, что находит отражение в погребальной практике и инвентаре, где ярко проявляются как традиции, так и новации. Этот процесс адаптации пришельцев в новых условиях протекал довольно длительный срок и завершился их полным триумфом. Частично носители кротовской культуры были вытеснены на север, частично ассимилированы.

Постепенно материальная и духовная культура андроновцев (федоровцев) возвращается к исконным традициям, хотя и приобретает некоторые своеобразные для них особенности.

Отчетливо проявляются изменения морфологического комплекса, произошедшие на позднем этапе развития кротовской культуры. Направления изменчивости признаков краниологического комплекса в мужской группе могли быть обусловлены вовлечением в ее антропологический состав компонента носителей андроновских (федоровских) культурных традиций. В наиболее активной форме этнорасовое взаимодействие мигрантов и автохтонных групп населения происходит в Барабинской лесостепи и верхнеобском правобережье [7]. Европеоидный компонент, вошедший в антропологический состав женской группы поздних кротовцев, не соответствует хорошо известным и общепринятым критериям антропологического типа населения андроновской (федоровской) культуры. Судя по антропологическим данным, кротов- ское население могло также смешиваться не с андроновцами (федоровцами), а с группами населения, выдавленными с юга и запада волной мигрантов (федоровцев) и уже ощутивших на себе их влияние [7].

С целью оценки влияния пришлого андроновского (федоровского) населения на структуру генофонда мтДНК аборигенов Барабы мы исследовали серии образцов мтДНК от позднекротовского и андроновского (федоровского) населения Барабы, а также андроновского (федоровского) населения сопредельных с территорий (Верхнее Приобье,

Кузнецкая котловина). Наиболее вероятным маркером генетического влияния пришлого андроновского населения являются линии гаплогруппы Т, синхронно появляющиеся в генофондах позднекротовского и андроновского населения Барабы, и полностью отсутствовавшие у более ранних групп населения. У представителей других групп андроновского (федоровского) населения также выявлена высокая частота линий гаплогруппы Т. В то же время основу серии мтДНК носителей андроновской культуры Барабы составляют линии, характерные для предшествовавших групп населения региона (гаплогруппы А, С). По-видимому, в генофонд андроновской (федоровской) культуры они проникли в результате генетических контактов с аборигенами. Таким образом, происходили взаимные генетические контакты мигрантов с аборигенами [5].

Миграция андроновского населения и его взаимодействие с аборигенами западносибирской лесостепи привело к формированию целого ряда самобытных культур эпохи поздней бронзы. Одной из основных, на территории Западной Сибири, становится ирменская культура. В этот же период наблюдается новое воздействие с юга на население лесостепного пояса Западной Сибири. Наиболее сильная волна связана с бегазы-дандыбаевской культурой эпохи финальной бронзы. Приход и адаптация этого населения в западносибирских степях привел к формированию ряда синкретичных культур, которые вероятно под давлением бегазы-дандыбаевцев распространялись далее на север и восток. Такой культурой была, например, пахомовская, носители которой приникают в Барабинскую лесостепь, где активно взаимодействуют с носителями ирменской и сузгунской культур. Яркими следами отмеченного процесса являются появившиеся на закате позднебронзовой эпохи погребальные комплексы типа могильников Старый Сад, Гришкина заимка и др., со специфической погребальной практикой и своеобразным антропологическим типом ее носителей. Выявленный в серии краниологический комплекс соотносится в расогенетическом отношении с южной евразийской антропологической формацией. Женская часть серии проявляет сходство с представителями андроновской культурно-исторической общности северного Казахстана, что может свидетельствовать об участии последних в формировании рассматриваемого культурного образования. Одним из вариантов объяснения конкретного пути их появления в Барабинской лесостепи может быть своеобразная структура брачных связей, обусловившая приток женщин из среды бегазы-дандыбаевской культуры, принесших в Барабу южные традиции изготовления керамических изделий [7].

Мы исследовали небольшую, но информативную серию образцов мтДНК от представителей культуры эпохи поздней бронзы Барабы. В составе серии были обнаружены линии, которые маркируют преемственность с предшествовавшим аборигенным населением Барабы. В тоже время в серии присутствует и вариант гаплогруппы Т, который, по нашему мнению, маркирует андроновское влияние. Таким образом, наши данные согласуются с предположением о происхождении этой группы в результате ассимиляции андроновского (или андроноидного) населения с аборигенами Барабы
[5].

В переходный период от бронзы к железу происходит еще большая интенсификация миграционных процессов в западносибирской лесостепи. Резкое похолодание климата в западной Сибири спровоцировало интенсивный отток населения из таежной зоны на юг. В результате в западносибирских лесостепях формируются синкретичные культуры, такие как гамаюнская, красноозерская, завьяловская. Этот мощный меридиональный по своему направлению поток спровоцировал интенсивные подвижки различных этнокультурных групп в лесах, лесостепях и даже степях не только в меридиональном, но и в широтном направлении.

На территории городища Чича-1 в Барабинской лесостепи зафиксировано присутствие как аборигенного позднеирменского населения, так и появление мигрантов с севера, носителей сузгунской и даже северо-таежной атлымской культуры, северо- запада (представители

красноозерской культуры) и с юго-запада из казахстанских степей и лесостепей (берликская культура). Несомненно, это вело к смешению населения, носителей разных этнокультурных групп, проявившееся как в смешении культурных черт и традиций аборигенов и пришельцев, так и в физическом смешении населения на уровне разноэтнических браков.

Мы исследовали серию образцов мтДНК от населения городища. Было обнаружено сильное изменение состава гаплогрупп мтДНК по сравнению с предшествовавшей ситуацией. Генофонд в основном состоял из западно-евразийских гаплогрупп. Появилось несколько новых гаплогрупп - Ula. U3, U5b, H, J, W. Филогеографический анализ показал, что значительная часть этих линий имеет южное происхождение (гаплогруппы Ula, U3, Нбаі). По-видимому, их появление в генофонде населения городища Чича-1 связано с миграцией населения с территории современного Казахстана и коррелирует с присутствием на городище носителей берликской культуры. Наши данные свидетельствуют, что именно население с территории Казахстана оказывало наибольшее влияние на генофонд населения Барабы в переходный период от бронзы в железу. Этот результат согласуется и с присутствием южных маркеров в одонтологическом комплексе населения городища Чича-1.

Таким образом, полученные нами результаты свидетельствуют, что взаимодействие групп населения эпохи бронзы Барабы и территории современного Казахстана играло существенную, а нередко и определяющую роль в этнокультурных процессах в регионе начиная с эпохи развитой бронзы. Это взаимодействие происходило в разных аспектах: как культурного влияния без существенных генетических контактов, так и массовой миграции населения, сопровождавшейся и культурными, и генетическими контактами. Очевидно, что именно потоки мигрантов с территории Казахстана были наиболее значимыми среди миграционных волн в эпоху бронзы для западносибирской лесостепи.

* * *

Бұл зерттеу тақырыбында Барабин орман-даласының ежелгі тұрғындары қазіргі Қазақстан жеріне байланысты саралуға, бағамдауға және Батыс Сібір орманды дала аймағындағы қола дәуірінің кезеңіндегі (б. з. д. 4-1 мыңжылықта) этномәдени қатынастардағы Қазақстанның рөлі туралы айтылады. Бараб пен Қазақстанның соңғы 40 жылда қола дәуір ескерткіштерінен алынған материалдар салыстырыла са- раптама жасалып, олардың рухани және материалдық мәдениетінің ерекшіліктері, тұрғындардың краниометрия және одонтологиялық сипаты мен тектік жүйесі сара- ланып, әр дәуірдегі тұрғындар тобының ДНКсы салыстырулы нәтижесі баяндалады.

Список использованных источников и литературы

1. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука. 1985. 186 с.
2. Молодин В.И. О южных связях носителей кротовской культуры // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Досоветский период. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР. 1988. Вып. 1. С. 36-37
3. Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: ИАЭ СО РАН. 2001. Т. 1. 128 с.
4. Молодин В.И. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: Материалы Всерос. Науч. конф. Екатеринбург. 2008. С. 9-13
5. Пилипенко А.С. Реконструкция процессов формирования населения Барабы эпохи бронзы методами анализа вариабельности мтДНК.: Автореф. дис... кандидата биол. наук. Новосибирск. 2010. 18 с.
6. Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск: Наука. 1989. 102 с.

7. Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита - раннего железного века: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск. 2010. 50 с.

Папин Д.В., Федорук А.С.
Россия, Барнаул

Об особенностях скотоводческого хозяйства племен восточного ареала саргаринско-алексеевской культуры

До недавнего времени представления о хозяйственной деятельности населения эпохи поздней бронзы степного Обь-Иртышского междуречья носили самый общий характер. Однако благодаря изучению поселений Новоильинка, Калиновка-2, Рублево-VI, Бурла-3, Кайгородка-3, Гридино, Гилево-1, Миронов Лог-2, Су слово-1, была получена возможность реконструировать хозяйство саргаринско-алексеевской археологической культуры [4; 1; 8; 2; 3; 5]. Огромное значение для подобных исследований имеют обнаруженные на поселениях археозоологические коллекции, в различные годы их определением занимались А.В. Гальченко, В.П. Данильченко, П.А. Косинцев Д.А. Явщева. Наиболее представительные материалы, были получены на двух крупных поселениях: Рублево-VI и Жарково-3 (определения П.А. Косинцева). Несмотря на то, что оба памятника содержат материалы различных археологических культур (эпохи развитой и поздней бронзы) саргаринско-алексеевский комплекс выделялся, как стратиграфически, так и планиграфически.

На поселении Рублево-VI в общей сложности анализу было подвергнуто более 19150 костей животных, однако 8075 из них оказались неопределимыми. Из оставшегося количества более 11000 костей принадлежали к млекопитающим, а 5 костей - птицам. Кости птиц не были определены.

Удалось выяснить, что в целом коллекции представлены комплексами костей двух типов. Один - хозяйственно-бытовой - состоит из фрагментов трубчатых и плоских костей и, относительно целых, мелких костей и фаланг. Образовался комплекс в результате хозяйственно-бытовой деятельности населения и отражает преимущественно пищевую утилизацию животных Остатки диких животных очень немногочисленны, что свидетельствует о небольшой роли охоты в хозяйстве населения. Соотношение остатков домашних копытных различно в разных объектах. Так, в верхнем горизонте зольника значительно больше остатков лошади и, соответственно, меньше крупного и мелкого рогатого скота. Соотношение их остатков в жилище №1 отличается от соотношения в верхнем и нижнем горизонтах зольника. Можно полагать, что в течении формирования зольника произошли изменения в соотношении попадавших туда костных остатков домашних животных. В целом, соотношение костных остатков свидетельствует о различиях в процессах их формирования, как по территории поселения, так и во времени его функционирования. Комплекс второго типа представлен целыми черепами или скелетами. В зольнике найдены: часть скелета взрослой овцы (голова и позвоночник с ребрами) и часть скелета молодой собаки. В жилище №1 найдено: 3 черепа самок овец; 6 парных челюстей 3 молодых особей лошадей; целый обгорелый череп взрослой лошади. В углу жилища найден комплекс: череп без затылочной части очень старого жеребца; части черепа взрослого жеребца; кости молодой (лопатки, таз, нижняя челюсть) и взрослой (целые левые бедро и берцовая) особей лошадей. Черепа обоих взрослых лошадей имели прижизненные патологии. Интерпретация описанных выше комплексов представляется сейчас преждевременной [6].

В среднем доля костей КРС на памятнике составляет 36,4% всех домашних животных (КРС, МРС и лошадей). Возрастная структура забиваемых животных во всех случаях определялась по состоянию зубной системы. Во всех объектах преимущественно забивались взрослые и полувзрослые особи КРС, что указывает на мясомолочное направление, с

преобладанием молочной направленности. Средняя доля костей МРС на памятнике составляет 20,5% всех домашних животных. В стаде МРС подавляющее большинство составляли комолые овцы. Среди коз доля рогатых особей была выше, чем среди овец. Последние были заметно крупнее коз. По возрасту абсолютное большинство забитых животных относится ко взрослым и полувзрослым. Это говорит о широком использовании овец для получения шерсти. Средняя доля костей лошади на памятнике составляет около 43% домашних животных. Доля разновозрастных лошадей среди изученных комплексов примерно одинакова.

Таким образом, анализ материалов поселения позволил выяснить, что практически все остатки независимо от объектов, представляют собой типичные кухонные отбросы. Следует отметить, что подобное соотношение состава стада свидетельствует
о придомно-отгонном характере скотоводства, поскольку в стаде явно преобладают животные, способные самостоятельно добывать себе корм из-под снега. Видовой состав костных остатков однозначно свидетельствует, что основой экономики населения поселка было животноводство. Кости диких видов очень малочисленны и, очевидно, что охота играла небольшую роль в хозяйстве. Среди них наиболее многочисленны кости лося и, в целом, копытных, что свидетельствует и доминировании «мясного» направления в охоте.

Второй комплекс - поселение Жарково-3. Всего было обнаружено 6672 костей (а также два скелета овец и два скелета коз из объекта №5), из которых как показали исследования, млекопитающим принадлежит 6659 костей, остальные принадлежат птицам.

Раздробленность костей довольно высокая, соотношение определимых и неопределимых костей составляет 56,9% и 43,1% соответственно. Степень раздробленности костного материала в разных группах различна. Более всего материал фрагментирован в жилище №1 и из раскопа (процентное соотношение определимых и неопределимых костей примерно составляют 30% и 70% соответственно). Менее раздробленный костный материал происходит из зольника и объекта №1 (68,8% и 31,2%, 58% и 42% соответственно).

В совокупности на памятнике преобладают кости МРС (47,7% определимых костей) на втором месте стоит КРС (31,2%) и третье место занимают кости лошади (19,1%). Вместе с тем, межвидовое соотношение животных в объектах существенно различается. Во всех объектах встречаются все виды костей КРС. Степень раздробленности костей сильная (жилище №1, зольник, раскоп 2006 года) или средняя (объект №1). Возрастную структуру забиваемых животных определяли по челюстям. Судя по состоянию эпифизов и зубной системы, в основном забивались взрослые животные, что характерно для молочного направления в скотоводстве. Во всех объектах встречаются все виды костей мелкого рогатого скота. Степень раздробленности костей сильная. Доля целых и условно целых костей составляет 35%. Большинство костей принадлежит овце. В среднем же доля костей МРС на памятнике составляет 32,2% всех домашних копытных. По объектам памятника эта доля также существенно различается. Судя по состоянию эпифизов и зубной системы: в объекте №1 и раскопе 2006 года представлены практически все возрастные группы животных, за исключением особей до трех месяцев, что говорит об отсутствии специализации в разведении МРС, т.е. МРС держался для получения мяса и шерсти. В жилищах №1, 3 и зольнике большинство костей принадлежит взрослым животным, что характерно для молочного направления в скотоводстве. Степень раздробленности костей лошади сильная. Доля целых и условно целых костей составляет около 35%. В среднем же доля костей лошади на памятнике составляет 21,8% всех домашних копытных. Судя по состоянию эпифизов, большинство костей принадлежит взрослым лошадям, однако присутствуют
и полувзрослые особи [6].

Таким образом, очевидна ярко выраженная скотоводческая направленность хозяйства

населения поселения Жарково-3. Охота, очевидно, не играла большой роли, и была в основном «мясной» направленности (преобладание диких копытных над пушными видами). Процентное соотношение костей принадлежащие КРС, МРС и лошади различно среди домашних животных, что может быть связано с различием куль- тур.

В результате анализа материалов поселений Рублево VI и Жарково III хозяйственная деятельность племен саргаринско-алексеевской культуры на территории Обь- Иртышского междуречья реконструируется следующим образом.

Исходя из видового и возрастного состава животных, можно утверждать, что у населения степного Обь-Иртышья сложилась скотоводческая направленность хозяйства с преобладанием мясомолочного направления. Охота не играла особой роли, видимо, охота на крупных копытных способствовала сохранению стада домашнего скота в летний период. По сравнению с андроновским периодом, в эпоху поздней бронзы происходит увеличение удельного веса МРС и лошади в стаде. Увеличивается доля животных способных самостоятельно добывать корм из-под снега в зимний период. Видимо, животноводство имело отгонный характер.

Как отмечается всеми исследователями, зимой основным видом выпаса животных являлась тебеневка. Большое значение в это время играла лошадь, так как она могла не только добывать себе корм, но и делать его доступным для других животных [12, с. 93-94; 11, с. 149; 7, с. 45; 10, с. 14; 9, с. 16]. Так, по описанию М.Ф. Косарева, тебеневка у казахов XIX века происходила следующим образом: «на зимние пастбища сначала выпускают лошадей, которые копытами разрывают снег и едят верхнюю часть растений, затем крупнорогатый скот, поедающий среднюю часть стеблей, после этого - овцу, которая, благодаря особенностям строения черепа, может откусывать траву у самого корня» [7, с. 45]. Возможно, близкая система выпаса в зимнее время сложилась и у основной части позднебронзового населения степного Обь-Иртышья.

* * *

Мақала Обь-Ертіс қос өзендерінің жағалауында кейінгі қола дәуірінде мекендеген тайпалардыңшаруашылықтарыңқайтақалпынакелтірумәселелерінеарналған.Рубле- во 6, Жарково 3 қола дәуірінің қоныстарында табылған остеологиялық материалдарға жасалған анализдерінің нәтижесінде келесі тұжырымға тоқталады. Обь-Ертіс қос өзендерінің жағал аул арында мекендеген тайпалармал шаруашылығыменайналысқан, етті және сүтті ірі қараны ұстаған. Аң аулаушылықпен тек қана жаз айларында, ірі қара мал басын сақтау үшін айналысқан. Зерттеулер нәтжесінде автор қола дәуірінің соңғы кезеңдерінде мал шаруашылдығында ұсақ және жылқы малының басы өскенің айтады.

Список использованных источников и литературы

1. Гальченко А.В. Скотоводческое хозяйство древнего населения Северной Кулунды в эпоху поздней бронзы (памятники «со станковой керамикой среднеазиатских земледельческих культур») // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 1993. С. 33-45
2. Иванов Г.Е. Археологические памятники у бывшего села Миронов Лог // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул. 1995. Вып. V. Ч.
   2. С. 36-41
3. Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-ле- тию с. Мамонтово). Барнаул. 2000. 160 с.
4. Кирюшин Ю.Ф., Гальченко А.В., Удодов В.С., Шамшин А.Б. Хозяйственнокультурные типы поздней бронзы лесостепного Алтая // Хронология и культурная принадлежность

памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: Изд-во ИИФиФ; АГУ. 1988. С. 138-142
5. Кирюшин Ю.Ф., Косинцев П.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Исследования Рублевского археологического микрорайона на юге Кулундинской степи в 2002 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. VII. С. 330-335
6. Кирюшин Ю.Ф., Косинцев П.А., Папин *Д.*В., Федорук А.С. Вопросы хозяйственной деятельности населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул. 2010. С. 112- 128
7. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М. 1991. 302 с.
8. Могильников В.А. Поселение Гилево-1 // Сохранение и изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул. 1995. Вып. 5. Ч. 2. С. 78-84
9. Ситников С.М. Саргаринско-алексеевская культура лесостепного и степного Алтая: Автореф...дисс. канд. ист. наук. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2002. 21 с.
10. Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алма-Аты. 1994.170 с.
11. Хабдулина М.К., Зданович Г.Б. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск. 1984. С. 136-158
12. Цалкин В.И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М. 1966. 160 с.

Полосьмак Н.В., Чистякова А.Н.
Россия, Новосибирск Уникальный образец китайской шелковой ткани из 20 ноин-улинского кургана[4]

В 2006 г. российско-монгольской экспедицией при раскопках кургана знатного хунну в пади Суцзуктэ, в горах Ноин-Ула, Монголия (конец I в. до н. э. - начало I в. н. э., Западная Хань) были найдены многочисленные фрагменты разнообразных шелковых китайских тканей и изделий из них. Наряду с известными видами ханьских тканей в погребении оказались фрагменты китайского полихромного шелка, не имеющие аналогов среди находок на территории Китая (рис.1).

Шелковая ткань песочного цвета являлась оторочкой нарядного кафтана. Ее верхняя часть имеет кромку, по нижней части фрагмента идет линия отреза. Ткань была сложена вдвое и окаймляла подол кафтана с внешней и внутренней стороны. На ней красными нитками был выткан орнамент из чередующихся фигур животных и птиц, а так же древний иероглиф Ip - хуа, состоящий из двух элементов Ip - хуа «цветущий», «процветающий» и UU — шань «гора» (рис. 1) Конечно, исполнение иероглифа на ткани не полностью совпадает с приведенным нами печатным вариантом. Это, связано с тем, что иероглиф выткан и это несколько изменило, модифицировало его вид. Кроме того, для китайского языка характерна омонимия: заменяемость иероглифов с одинаковым звучанием, но различным написанием. У выбранного нами иероглифа несколько значений: а) название горы; б) гора Хуашань (гора Цветущая); в) фамильный иероглиф Хуа.

Гора Хуашань является одной из пяти Священных гор даосизма в Китае. В словаре «Канси цзыдянь» со ссылкой на толковый словарь «ІЙЗ^» «Шовэнь» записано, что это название Западного пика Сиюэ. В «Бохутун» «Й^ІШ» говорится, что Западный пик является

4 Работа выполнена при поддержке гранта «Интеграция» 24

горой Хуашань. В «Записках о горе Хуашань» «ІріЛіНЕ» сказано, что на вершине горы есть пруд, в котором растут множество лотосов. Съевшие [лотос], становятся небожителями. Поэтому гора получила свое название Цветущая [2, с. 340]. В толковом словаре «Цыхай» записано, что эта гора находится на востоке провинции Шэньси. Издали похожа на цветок, поэтому получила свое название Цветущая. Главный пик горы называется Тайхуа (Великий цветущий) [7, с. 694]. В «Каталоге гор и морей» в «Каталоге Западных гор» говорится, что в шестидесяти ли к западу [есть] гора под названием Великая Цветущая. Она отвесна со всех сторон и четырехугольна, ее высота - пять тысяч жэней, ее окружность десять ли [3, с. 34]. Анализируя 13 известных тканых надписей ханьского времени, Е.И. Лубо-Лесниченко отметил, что по содержанию их достаточно четко можно разделить на две группы: надписи благопожелатель- ного характера, составляющие большинство (10), и надписи, имеющие религиозномагический смысл [5, с. 196]. Иероглиф на рассматриваемом фрагменте ткани, носит, вероятно, религиозно-магический смысл и обозначает одну из священных гор даосов - Хуашань. Орнамент ткани уникален (рис. 2). На шелке песочного цвета вытканы красные изображения - «четыре духа» - «сы шэнь» расположенные по кругу. Это идущие драконы, за которыми стоит человек, перед которым находятся четыре параллельные линии, лежащие на его согнутых руках. В другой плоскости изображены черепахи и птицы-феникс. В даосской религиозной традиции багряный, красный и вишневый цвета прилагаются к божественным персонажам, явлениям и предметам высшего мира [4, с. 366]. По традиции считается, что «лазоревый дракон» (символ вое
тока), белый тигр (символ запада), киноварная птица (символ юга) и черная черепаха, обвитая змеей (символ севера) входят в состав четырех духов покровителей. Каждый располагается в своей части (стороне света). Такой орнаментальный

мотив в эпоху Хань часто использовался на концевой черепице, зеркалах, на фресках в погребениях и на сопроводительном инвентаре [7, с. 1590]. Среди духов-покровителей, изображенных на исследуемой ткани, присутствуют все кроме тигра.

Эти животные чаще всего ассоциируются с даосской страной бессмертных. Горы всегда считались их обителью. Недаром бессмертный сянь fill записывается иероглифом, состоящим из графем «человек» и «гора». В этом волшебном «небесном» окружении наиболее интересна фигура мужчины, стоящего рядом с драконом, за ним. Можно суверенностью предположить, что перед нами изображение первого из Пяти совершенномудрых легендарных правителей древности - Фуси. Этот культурный герой, научивший людей охотиться, ловить рыбу, обращаться с огнем, был чрезвычайно популярен в эпоху Хань. Его главной заслугой считаются восемь триграмм из трех сплошных и прерывистых линий, явленных его взору в рисунках на панцире волшебной черепахи, вышедшей из реки Лошуй (в одном варианте), или в завитке волос на спине дракона - коня, вышедшего из реки Хуанхэ (в другом варианте). Вытканное на ткани изображение наглядно отражает последнюю версию появления триграмм
- увиденную Фуси в завитках волос на спине дракона. От этих триграмм, служащих ключом к таинствам природных и социальных явлений, берут начало гадательная практика, медицина, геомантия и т. д. [1, с. 35-36]. Они составили основу «И цзин» - китайской Книги книг.

Возвращаясь к изображению на ткани, заметим, что в руках божественного правителя находятся четыре линии, а не три. Здесь мы сталкиваемся с интересным фактом, который, как нам кажется, находит следующее объяснение. Конфуцианцы, принявшие много лет спустя после смерти своего учителя «И цзин» (по мнению Ю.К. Шуц- кого это произошло между 213 и 163 гг. до н. э.), не только изучали «Книгу перемен», но иногда и подражали ей. Таковой является «Книга великой тайны» («Тай сюань цзинь») Ян Сюна. В этом неразгаданном тексте так же есть символические линейные фигуры, по поводу которых тоже высказываются афоризмы, только фигуры эти составлены из четырех черт каждая и есть три рода черт: целая, прерванная и дважды прерванная [8, с. 222]. Символические линейные фигуры из «Книги великой тайны» полностью соответствуют тому, что мы видим на

вытканном на рассматриваемой ткани узоре - божественный предок держит в руках комбинацию из дважды прерванной линии, двух целых и одной прерванной линии (рис. 3).

Известно, что изображение Фуси с ба гуа - восьмью триграммами появляется только на поздних, средневековых портретах. Так на гравюре, помещенной во «Всеобщем зерцале бессмертных...» Фуси изображен с эмблемой ба гуа, которую он держит руками, прижимая ее к животу [6, с. 66].

Изображение Фуси с символическими линейными фигурами вытканное на ткани, обнаруженной в 20 ноин-улинском кургане самое древнее из ныне известных. Фрагмент шелка, послуживший для отделки нарядного кафтана кочевника, является уникальным образцом ткани ханьской эпохи. В его орнаментации отразились даосские представления о стране бессмертных и горах, как местах обитания божественных предков.

Описываемый фрагмент - не первый случай находки в курганах хунну уникальных шелковых тканей. Так в шестом ноин-улинском кургане экспедицией П.К. Козлова был обнаружен большой фрагмент шелковой полихромной ткани с орнаментом, не имеющим аналогов в искусстве ханьской эпохи. Сюжет, вытканный на ткани, имеет явно выраженный мифологический характер и до сих пор не дешифрован [5, с. 197- 198]. В погребальных комплексах хунну Монголии, так же как и погребениях Синьцзяна, часто находят древний текстиль, который в силу обстоятельств не смог сохраниться в тех местах, где он был изготовлен.

* * *

Мақалада 2006 жылы Ресей-Монгол экспедициясы Ноин-Ула тауларында ғүн көсемі жерленген қорғаннан табылған материалдарының сипаттамасы берілген. Қорғаннан табылған өте сирек кездесетін Хань уақытындағы ою-өрнектелген жібек мата қалдықтары табылған. Аталмыш маталарда жануарлар, құстар және бірнеше иероглиф сызбалары қалған. Авторлар көне ою-өрнек сюжеттерге және иероглиф- терге сараптама жұмыстарын жүргізіп, көне Қытайлық жазбаларымен сәйкестіріп, түсініктемелерін береді.

Список использованных источников и литературы

1. Ермаков М.Е. Магия Китая. Введение в традиционные науки и практики. СПб.: издательский Дом «Азбука-классика»; «Петербургское Востоковедение». 2008. 192 с.
2. Канси цзыдянь [ШШ^Й]. - Шанхай, Шанхай шудянь чубаньшэ, 2006. 2052 с. (на кит. яз.).
3. Каталог гор и морей (Шань хай цзин). - М.: Наука. 1977. 236 с.
4. Кравцова М. История Искусства Китая: Учебное пособие. СПб.: Издательства «Лань», «Триада». 2004. 960 с.
5. Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. - М.: Наука «Издательская фирма Восточная литература». 1994. 326 с.
6. Рифтин Б.Л. От мифа к роману. М.: Главная редакция восточной литературы. 1979. 352 с.
7. Цыхай [5$/§]. - Шанхай: цышу чубаньшэ, 1999. 2611 с. (на кит. яз.).
8. Шуцкий Ю.К Китайская классическая «Книга перемен». М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН. 1997. 606 с.

Рис. 1. Фрагмент шелковой оторочки кафтана (Ноин-ула, курган 20)

ч* >

г V- /—

Рис. 2. Прорисовка орнамента на шелковой ткани (Ноин-ула, курган 20)

Рыбаков Н.И.
Россия, Красноярск Общие вопросы енисейского манихейства

Карта манихейской истории Центральной Азии на сегодняшний день не завершена. Изучение нового материала енисейских петрографических источников за последние 10 лет дают представление о неизвестных ранее миссионерских манихейских путях в пределы государства средневековых кыргызов. По месту предполагаемой ставки кыргызских каганов в период VTTT-X вв. в ландшафтах Июсских степей обнаружены памятники чужеродной религиозной традиции западного происхождения. В свое время финская экспедиция доктора И.Р. Аспелина (1887) задокументировала ряд памятников (Подкамень, Ошколь) с фигурами в длиннополых мантиях. В середине XX
в. О.Менчен-Хельфен в своей статье на основании этих открытий отождествляет фигуры с манихеями, но этой версии не была оказана поддержка в научном сообществе [9, с. 326]. Археологические открытия Л.Р. Кызласова в 70-е годы в дельте реки Уйбат западнее Абакана, по мнению ученого, неразрывно связаны с манихейством в южносибирской державе Древнехакасского каганата [1, с. 40]. Вместе с тем космологические фрагменты енисейской рунической письменности имеют манихейский фон [2, с. 446].

Поисковые работы по окраинам Июсских степей за последние 10 лет принесли ряд открытий: обнаружены гравированные изображения загадочных фигур в мантиях, несколько многофигурных мотивов, символическая геральдика и эпиграфика, которые тождественны аспелинскому кругу источников. В общем объеме изображений наблюдаются три типа персонажей, отличающихся деталями и другими специфическими атрибутами наряда, что характеризует их региональное, сектантское или коммуникативно-временное различие. Изучение символической манихейской геральдики в вариантах солярно-лунарных реминисценций позволило выделить тюркско- манихейское божество Кун-Ай-тенгри (Kun-Ai-tangri) среди петроглифов Междуречья Июсов [5, с. 60-83].

Другая группа родоплеменной геральдики, сопряженная с манихейской солярно-лунарной космографией констатирует религиозные контакты енисейских кереитов с манихеями [7, с. 116-128]. Касательно фигур в мантиях первый тип изображений назван нами "носители ваджр", наиболее многочисленная группа, часть которой за-свидетельствована финнской экспедицией. Группа этих персонажей с ваджрами подмышкой неразрывно связана с буддийско-манихейским туркестанским окружением. Скипетр как культовый предмет на короткой ручке подмышкой носителей имеет отношение к кругу символов тантрического буддизма Тибета и северной буддийской школы махаяны [3, с. 101-106]. Проповеднический наряд "носителей ваджр", как мы понимаем, трансформировал в себя несколько символических моделей культового костюма, оказавшись на перекрестке Великого Шелкового пути между Западом, Востоком и Индией. Набор декоративных украшений и другие нормативно-сценические элементы в мотивах шествующих фигур свидетельствуют о комбинированных языческих, буддийских, зороастрийских и иудео-христианских культовых компонентах. Что касается буддизма, то формальные элементы костюма персонажей констатируют форму северного буддизма тохаро-хотанского типа с примесью тенгрианства и шаманизма.

Культурно-исторический импорт членов чужеродного религиозного сообщества в среду енисейских кыргызов-язычников говорит о приспосабливаемости манихеев к местной традиции. Сововлеченность с центральноазиатским буддизмом, в оболочке традиционных тюркских верований, шаманизмом, астрологией и волшебством является формой множественности манихейского синкретизма. Социально-этническая неоднородность и смешанные атрибуты в наряде "носителей ваджр" комментируют сектантское различие пришельцев. Этот фактор смешения и неоднородности свидетельствует о временно

восстановленной минимальной группе из остатков рассеянной манихейской общины, как исключительное явление принудительных гонений. Принудительный привод проповедников на Июсы, после кыргызско-уйгурских столкновений начала IX в. и кыргызской экспансии (840) в монгольские степи, наиболее перспективная версия на сегодняшний день (Рыбаков Н.И., в печати: Алтайск.ГУ, 2011).

Второй тип изображений трактуется нами как согдийско-манихейская миссия на Енисей [6, с. 135-159]. Изображение процессии включает шествие членов манихейской миссии из десяти фигур, среди них - трех адептов странствующего театра: двух карликов и шута. Касательно трех женских персонажей (двух дипломатических невест? и прислуги) в составе шествующих пока не находим ясного ответа. Возможно к этому же типу июсских персонажей относится сцена "Приношения святых даров" [4, с. 171- 182]. Культовая церемония в рамках кыргызско-манихейских религиозных сношений показывает обряд инаугурации кагана в трехрогой тюркской тиаре с хлебом Нэн в руках. (Памятник в состоянии многолетнего исследования автора). Третий тип фигур в мантиях малочислен, находится в степени изучения.

Новая енисейская иконография чужеродной традиции, реликтовая по содержанию, находит только частичное сходство и подобие в манихейском своде источников Турфана. В целом представляет явление прихода отдельных групп локальной северомонгольской (уйгурской) религиозности, а также - визуальные графические факты согдийско-енисейских культурно-исторических взаимосвязей конца VIII - нач. IX ве-

населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб.статей / под.ред. П.К.Дашковского. Барнаул: Изд-во Азбука. 2008. В.II. С.60-83

6. Рыбаков Н.И. "Процессия" - памятник согдийско-енисейских культурно- исторических взаимосвязей // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб. научн.трудов / под.ред. П. К. Дашковского. Барнаул: Азбука. 2009. В. III. С. 135-159
7. Рыбаков Н.И. Дополнительные сведения об енисейских кереитах // Древности Сибири и Центральной Азии. Сб. научн.трудов / под.ред. В.И.Соенова. Горно- Алтайск: ГАГУ. 2010. В.3 (15). С.116-128
8. Appelgren-Kivalo Alt-Altaische Kunstdenkmaeler. Helsingfors. 1931
9. Maenchen-Helfen O. Manichaens in Siberia // Semitig and Oriental Stadies. Berkeley- Los-Angeles. 1951. P. 326

Рябкова Т. В.

Россия, Санкт-Петербург Изображения ромбовидных знаков как свидетельство миграций в эпоху ранних кочевников

На предметах узды и вооружения предскифского и раннескифского времени часто встречаются изображения знака в виде ромба с вогнутыми сторонами, заключенного в окружность, названного А.И. Тереножкиным «ромбовидным знаком с вогнутыми сторонами и кружочком в середине». Отмечая наличие подобных знаков на стелах эпохи бронзы из Минусинских степей, исследователь предположил, что ромбовидные знаки на предметах предскифского времени являются результатом культурного импульса, идущего из Сибири и Центральной Азии, и определил время их распространения как «позднейший предскифский период» [25, с. 174].

В результате анализа серии предметов с изображениями ромбовидных знаков, включающую свыше 200 экземпляров из памятников и случайных находок предскифского и раннескифского времени различных регионов скифо-сибирского мира, была создана классификация, в которой выделены четыре варианта (схемы 1-4) ромбовидных знаков и прослежена их трансформация. При создании классификации учитывались способы

включения ромбовидных знаков в композиционные схемы, форма предметов, являющаяся основой или дополнением композиционной схемы, усложнение (упрощение) изображений, взаимосвязь различных элементов [19, с. 309-311].

Удалось установить, что одним из основных мотивов является круг с точкой (отверстием) в центре, вписанный в ромб со слегка вогнутыми сторонами (схема 3). Ромб, как правило, передан контррельефом, круг - рельефом, внутренний кружок - контррельефом или сквозным отверстием. Мотив располагается на предметах круглой формы или вписывается во внешнюю окружность таким образом, что ромб не имеет точек пересечения с внешней окружностью, как правило, переданную формой предмета (рис. 1). Этим мотивом декорированы: накладная пластина из золотой фольги из кургана у с. Квитки [12, рис. 11, 7]; бронзовые предметы конской упряжи из кургана 10 мог. Памирская I [3, рис. 128, 9]; курганов 55 и 65 мог. Южный Тагискен [10, рис. 47,10; 62,5, 6]; клада у с. Камышинка [2, рис. на стр.79,12]; курганов 29,38, 60, 70 мог. Уйгарак [4, табл. XI, 4; I, 3; XVII, 1, 2; XVIII, 33]; Аксайского клада [15, рис.7, 2, 5, 7, 11]; погребения 798 мог. Старший Ахмыловский [16, табл. 114 1в]; золотые зооморфные фибулы из Михалковского клада [22, рис. 1, 4, 6, 7]. Этот же мотив использовался при оформлении предметов из дерева и кости - круг, вписанный в ромб, намеченный врезными треугольниками декорировал обкладку верхней части деревянных ножен кинжала у с. Квитки [12, рис. 11, 11]; лопатку и бедро оленя на костяной пластине из погр. у г. Константиновск-на-Дону [11, рис. 3]; муфтообразные выступы псалиев из курганов 468 и 470 у с. Аксютинцы [6, табл. 19,2; 20, 3]; Немировского городища (23, рис. 30, 1); из курганов роменской группы Сумской области [5,1963, рис.7] основания рогов баранов на костяных пронизях из курганов 1 и 2 мог. Келермес [7,1997, **Taf** 21,174 - 177,183,184; 22,239]; пронизи из к. II у с. Рыжановка [25,1976, рис. 92,5]. Характерно, что именно на предметах из кости этот мотив схемы 3 имеет наибольшее сходство со знаками на оку- невских изваяниях, названных исследователями «сложными знаками в виде круга и квадрата с лучами» [14, с. 56-57]. Так же, как и в окуневских знаках, он передан так, что круг с точкой внутри наложен на квадрат таким образом, что средняя часть квадрата закрыта и видны лишь углы, часто просто намеченные врезными треугольниками. О знаковом, а не декоративном назначении этого мотива свидетельствуют небольшие размеры изображений, размещение на недоступных для стороннего зрителя частях
предметов (например, на выступах псалиев) [19, с. 311]

О вероятной генетической связи ромбовидных знаков предскифского и раннескифского времени с окуневскими знаками, кроме внешнего сходства и явно знакового характера свидетельствует и то, что они могли заменяться изображениями косых крестов и декорировали лопатки и бедра животных [18, с. 326], а так же практически никогда не включались в орнаментальные ряды. В тех случаях, где подобные знаки являются частью орнаментального ряда (Михалковский клад, курган у с. Квитки), можно предполагать развитие, переосмысление и даже забвение традиции, как например, в декоре костяной коробочки из Кармир-Блура [17, рис. на л. 23].

Видимо, такой важный элемент мотива схемы 3 как точка (отверстие) в центре круга является признаком, диагностирующим наибольшую близость мотива к исходной окуневской традиции. На окуневских знаках точка в центре круга имела важное смысловое значение, поскольку она, переданная контррельефным углублением или рельефным кружком, присутствует практически на всех изваяниях. В резных костяных предметах раннескифского и предскифского времени, вероятно, именно с точки начиналось построение композиции [см. например: 9, 1984, с.78]. В декоре бронзовых предметов никакого технологического значения точка (отверстие) не имеет, и является скорее данью традиции, впоследствии забытой или переосмысленной, поскольку в изображениях ромбовидных знаков схем 1 и 2 точка не воспроизводилась.

Столь же важным и демонстрирующим связь с окуневской изобразительной традицией признаком можно считать отсутствие у мотивов схемы 3 точек касания ромба и внешней окружности, переданной формой предмета. На окуневских изваяниях подобные знаки изображались стандартно: круг с отверстием в центре наложен на квадрат, никогда не заключавшийся в дополнительный круг, что, видимо, и получило отражение в композиции мотивов схемы 3. Появление у ромба точек соприкосновения с внешней окружностью, переданную зачастую формой предмета, равно как и включение его в специально обозначенный круг, как на навершии из погр. 3. Комаровского могильника [1, рис.5] и фибулах Михалковского клада демонстрируют последующее развитие исходного мотива.

Таким образом, вероятно, что именно мотив схемы 3, как наиболее близкий окуневской традиции, является исходным - находится в начале эволюционного развития, происходившего за счет усложнения и переосмысления схемы, в которой, тем не менее, сохранялись основные элементы, позволяющие определять знак как ромбовидный.

Основным контраргументом гипотезе о существовании генетической связи окуневской и раннескифской изобразительных традиций является значительный хронологический разрыв между ними. Для окуневского комплекса сейчас имеются около 30 дат, относящихся к развитому и позднему периоду, укладывающихся в диапазон 2486-1887 г. до н. э. [24, с. 94]. Кроме этого, верхняя граница существования культуры для северных районов Южной Сибири может быть определена моментом расселения там андроновцев, а для юга Хакасско-Минусинской котловины - прихода карасукцев, то есть XIV-XIII вв. до н. э. [13, с. 41]. Возникшее противоречие может быть преодолено с учетом данных о длительном, вплоть до раннескифского времени, существовании традиций окуневской культуры [по: 21, с. 89]. Они нашли отражение в погребальном обряде алды-бельской культуры [по: 26,с. 239], в традиции создания антропоморфных личин в бассейне Верхнего Енисея [26,с. 239], в планиграфии херексуров и связанных с ними жертвенников Центральной Азии [21, с. 142-143], в некоторых элементах скифосибирского звериного стиля [29, с. 225].

Картографирование показывает, что максимальная концентрация кочевнических памятников, в инвентарь которых входят предметы, декорированные исходным мотивом схемы 3, наблюдается в центрально-азиатского регионе (Памирская, к. 10; Южный Тагискен, к. 55, к.65; Камышинка; Уйгарак, к. 29, к. 38, к. 60, к. 70) (рис. 1), единичные памятники находятся в Подонье, Приднепровье, Закубанье, Волго-Камье (рис 2). Характерно, что европейские материалы (Михалковский клад) демонстрируют развитие традиции в инокультурной среде - на фибулах из Михалковского клада сохраняется традиция декора бедра и лопатки зверя, однако изображение ромбовидного знака усложняется за счет включения в орнаментальный ряд, появления дополнительного круга, внутреннее пространство которого, кроме ромбовидного знака, заполняется изображениями птиц. Очевидно, трансформацию исходной традиции демонстрируют и изображения ромбовидных знаков из кургана у с. Квитки, погребения 3 Комаровского могильника, Келермесских курганов 1 и 2, раскопанных Н. И. Веселовским.

Концентрация предметов с изображениями ромбовидных знаков, соответствующих исходной традиции декора, к тому же в памятниках, территориально более близких Минусинской котловине, нежели европейские, может указывать на очаг формирования и распространения традиции. Вероятно, первоначальный импульс связан с миграцией носителей традиции, и памятники, в которых обнаружены предметы, декорированные ромбовидными знаками схемы 3, маркируют продвижение носителей этой традиции (рис. 2). Впоследствии эта традиция была переосмыслена и трансформировалась за счет влияния других культур, в результате чего мотив изменялся, совмещался с другими мотивами и в таком качестве получил чрезвычайно широкое распространение [19, рис. 1].

Вопрос о времени формирования и последующего распространения традиции декора

предметов ромбовидными знаками осложнен отсутствием надежных абсолютных датировок комплексов, в состав которых входят подобные предметы. Так, например, курганы 55 65 мог. Южный Тагискен отнесены к ранней группе комплексов, дата которых не выходит за рубеж VII в. до н. э. [10,с. 67], курганы 29, 38 мог. Уйгарак, как относящиеся к ранней группе погребений, датированы VII-VI вв. до н. э.[4, с. 120], а курганы 60, 70 мог. Уйгарак отнесены к основной группе захоронений и датированы временем не позднее VI в. до н. э. [4, с. 122]. О необходимости удревнения дат комплексов этого могильника свидетельствуют новые разработки по типологии различных предметов, входящих в их состав [см. например: 8, с.193; 27, с. 167; 28, с. 107]. Аксайский клад датирован «киммерийским временем» - VIII-VII вв. до н. э [15, с. 38]; погребение у г. Константиновск-на Дону - первой половиной VI в. до н. э. [11, с. 176], хотя есть мнение и о более ранней дате - VIII-VII вв. до н. э. [см. 11, с. 174], и. т. д.

Представляется, что начатая работа по выделению основных мотивов (схем) ромбовидного знака, выяснению линий их развития и определению генетических связей позволит использовать ромбовидные знаки различных схем как хроноиндикаторы.

Для исходной группы изображений схемы 3 знака, строго говоря, есть лишь одна хронологическая привязка: дата Михалковского клада - начало VIII в. до н. э. - который отнесен к группе кладов Михалково-Фокору-Дали [30, p. 59]. При этом необходимо учитывать, что фибулы из Михалковского клада демонстрируют развитие этой традиции в инокультурной среде, а значит, сама исходная группа изображений должна быть датирована временем не позднее даты Михалкова. Вероятно, можно опереться на пересмотренную датировку кургана 10 мог. Памирская I, укладывающуюся в VIII в. до н. э. и отнесенного к памятникам аржано-черногоровской фазы развития скифо-сибирских культур [20, с.239-240]. Очевидно, все предметы, декорированные ромбовидныими знаками исходного варианта схемы 3 должны быть отнесены к этому времени, что должно повлечь за собой пересмотр и удревнение дат соответствующих комплексов. Предметы же, декорированные близкими к исходным, но несколько видоизмененными знаками (схема 3 А), могут быть датированы несколько более поздним временем, тем не менее, укладывающимся в границы VII в. до н. э.

* * *

Мақалада ерекше суреттер символдарына жататын созылган робтарга талдау жасаған жұмыстардың нәтижелері берілген. Аталган суреттер символдармен скиф уақытында ат әбзелдердің әшекей элементтері ретінде көп қолданылған. Мақала авторы аталған суреттердің классификациясын жасаған. Ромб символы бар заттарға үқсастық талдау жасалған жұмыстарға сын айтады, әсіресе Окунев археологиялық мәдениетінің заттарымен салыстырғанда. Созылған ромб тәріздес суреттері бар заттардың көп таралған аймақтардың шекарасы белгіленген.

Список использованных источников и литературы

1. Абрамова М. П. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА. 1974. № 2.
2. Арсланова Ф.Х. Новые материалы VII-VI вв. до н. э. из Восточного Казахстана // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск. 1974. С. 77-83
3. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА. № 26. М-Л. 1952
4. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н. э. М. 1973. 159 с.

5. Вязьмитина М. И. Ранние памятники скифского звериного стиля // СА. 1963. № 2. С. 158-170
6. Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга). САИ. Вып. Д1-33. М. 1977. 65 с.
7. Галанина Л. К. Келермесские курганы. М. 1997. 269 с.: ил.
8. Горбунова Н. К. Конская упряжь ранних саков Центральной Азии //Древние цивилизации Евразии. История и культура. М. 2001. С.179-200
9. Грязов М. П. О монументальном искусстве на заре скифо-сибирских культур в степной Азии. АСГЭ. № 25. Л. 1984. С. 76-82
10. Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки Нижней Сырдарьи. (По материалам могильника Южный Тагискен). М. 1997. 186 с.
11. Кияшко В.Я., Кореняко В. А. Погребение раннего железного векау г. Константиновск-на-Дону// СА. 1976. № 1. С. 170-177
12. Ковпаненко Г. Т., Гупало Н. Д. Погребение воина у с. Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов. Киев. 1981. С. 39-58.
13. Лазаретов И. П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. 1997. С.19-41
14. Леонтьев Н. В., Капелько В.Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан. 2006. 235 с.
15. Мелентьев А. Н. Некоторые детали конской упряжи киммерийского времени // КСИИМК. Вып. 112. М. 1967. С. 38-44
16. Патрушев В.С., Халиков А. Х. Волжские ананьинцы. М. 1982. 276 с.
17. Пиотровский Б. Б. Кармир-Блурская экспедиция. Альбом рисунков № 6 за 1957г. Архив ГЭ, фонд 60. 82 с.
18. Рябкова Т. В. К вопросу о ромбовидных знаках на предметах предскифского и ранне-скифского времени // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Владикавказ. 2008. С. 324-327
19. Рябкова Т. В. Классификация изображений с ромбовидными знаками на предметах предскифского и раннескифского времени //Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Магас. 2010. С. 309-312
20. Рябкова Т. В. Памирская I, курган 10 (К вопросу о культурно-хронологических связях комплекса) //Древние культуры Евразии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб. 2010. С. 237-240
21. Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб. 1994. 208 с.
22. Свешников И. К. О символике вещей Михалковских кладов // СА. 1968. № 2. С. 10- 27
23. Смирнова Г. И. Скифское поселение на Немировском городище: общие данные о памятнике // Материалы по археологии, истории и этнографии Таври. Вып.VI. Симферополь. 1998. С. 77-120
24. Соколова *Л.* А. Окунево и Хараппа - свидетельства контакта //Древние культуры Евразии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-ле- тию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб. 2010. С. 87-95
25. Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев. 1976. 222 с.
26. Чугунов К. В. Новые находки личин в верховьях Енисея // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. 1997. С. 237-239
27. Чугунов К. В. К вопросу о формировании колчанного набора в восточных регионах

скифского мира // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул. 2000. С. 165-168
28. Чугунов К. В. Уздечные комплексы алды-бельской культуры в контексте развития конского снаряжения // Снаряжение кочевников Евразии: сборник научных трудов. Барнаул. 2005. С. 103-108
29. Шер Я. А. О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля //Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы-Москва. 1998. С. 218-230
30. Metzner-Nebelsick Carola. Der Schatz von Michalkow in Galizen // Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums. 2003. P. 56-62

Рис. 2. Карта-схема распространения памятников с декорированными ромбовидных знаков предметами, изображениями схемы **3.**

1 - клад у с. Камышинка; 2 - 3 - Уйгарак, к. 38; 4 - Уйгарак, к. 60; 5 - Уйгарак, к. 70; 6 - Памирская I, к. 10; 7 - Южный Тагискен, к. 55; 8 - Южный Тагискен, к. 65; 9 - Старший Ахмыловский мог., погр. 798; 10 - погр. у г. Константиновск-на-Дону; 11 - Аксайский клад; 12 - Келермес, к. 2В; 13 - Келермес, к. 1В; 14 - Комаровский мог., п. 3; 15 - Тлийский мог., погр. 68; 16- Кармир-блур, помещение IX; 17 - Аксютинцы, к. 468; 18 - Аксютинцы, к. 470; 19 - Квитки; 20 - Рыжановка, к. II; 21 - Рыжановка II; 22 - Михалковский клад.

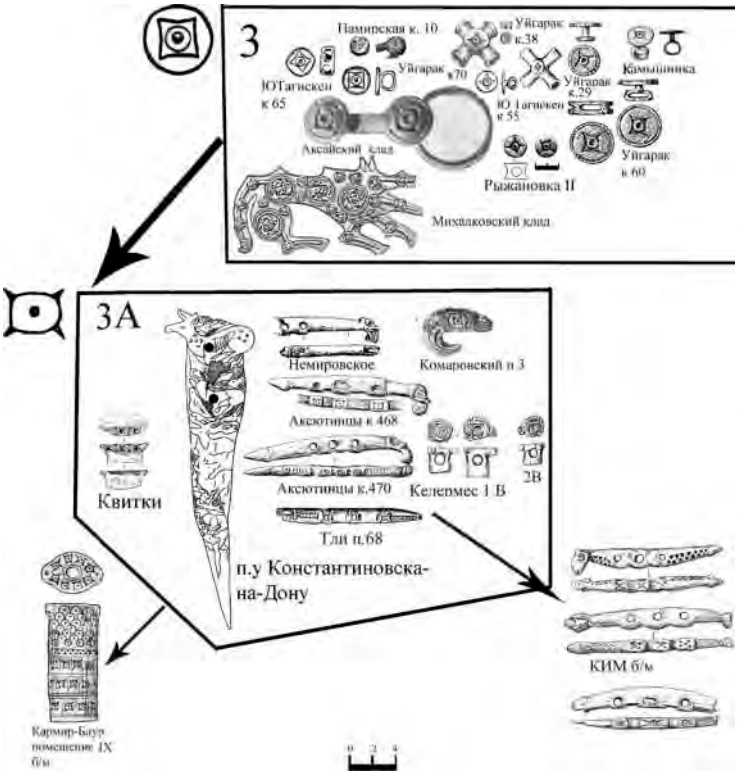
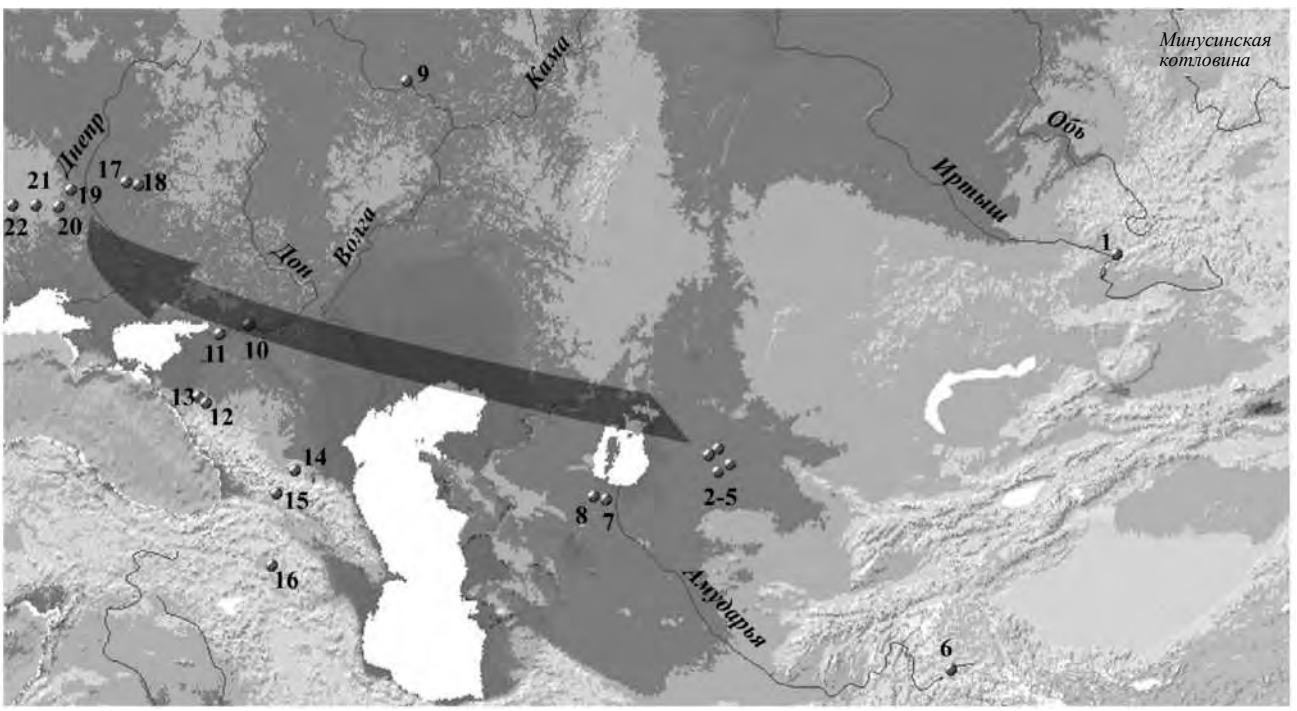


Рис. 1. Изображения ромбовидных знаков схемы 3 (бронза) и 3 А (кость) на предметах предскифского и раннескифского времени



Смагулов Е.
Казахстан, Алматы

Основные этапы историко-топографического развития города Ясы-Туркестан

Выдающаяся роль г. Туркестана в истории Казахстана обусловливает актуальность всестороннего изучения его истории и культуры. Анализ данных письменных источников, в силу их фрагментарности и специфичности не дает возможности детальной и научно обоснованной реконструкции истории города. Имеющиеся в научной литературе попытки такого рода реконструкции, включая и ранее предложенную нами, недостаточно обоснованы и могут рассматриваться в целом пока лишь как гипотезы [19; 24; 26].

Необходимо отметить, что предшествующие археологические работы на городище проводились время от времени и не были подчинены единой «Программе изучения прошлого города Туркестана» и истории его культуры. В значительной степени они обслуживали потребности и задачи реставрации здания ханаки и регенерации окружающей территории [7; 11; 32]. В настоящее время, на наш взгляд, назрела задача разработки подобной «Программы» исследования и увязки её с планами регенерации охранной зоны музея-заповедника Азрет-Султан.

Со времен первых археологических исследований, в ходе которых были высказаны первые предположительные суждения об этапах развития города [1;5;8], прошло достаточно времени и проведены целенаправленные стратиграфические исследования на основных структурных составляющих туркестанского археологического комплекса. Обобщая весь имеющийся материал можно наметить археологически обоснованную периодизацию топографического развития города Туркестан.

Историческая интерпретация стратиграфических данных с целью реконструкции основных этапов развития города может выглядеть следующим образом. Предтечей города Туркестана было поселение Ясы, упоминаемое в письменных источниках XIII - XIV вв. Его местоположение определяется на месте холма Куль-тобе на южной окраине позднего города Туркестана. Это невысокий двухъярусный бугор площадью
200 Х130 м. Стратиграфические исследования, проведенные на Куль-тобе в начале 80-х годов показали, что нижние слои могут быть отнесены к первой половине или середине I тыс. н. э. В V-VI вв. это было, очевидно, типичное раннесредневековое поселение с замком и небольшим поселением при нем. Привлекает внимание узел дорог, подходивший к городищу с восточной стороны и запечатленный в позднейшей микротопографии этого участка. Поселению на Куль-тобе синхронен его некрополь, располагавшийся на противоположном берегу речушки Бавлук, на месте где в XII в. был погребён суфийский святой шейх Ходжа Ахмед и сложился мемориально-культовый комплекс. Здесь под поздними наслоениями неоднократно отмечались ранние погребения, впущенные в материк. Участок этого раннего некрополя удалось исследовать при раскопках центрального зала "казанлык" внутри комплекса мавзолея-ханаки Ходжи Ахмеда Ясави [17, с. 59-70; 25, с. 18-26].

Стратиграфический раскоп на Куль-тобе вскрыл свиту культурных отложений общей мощностью 6 м. Выявлено шесть строительных горизонтов, которые иллюстрируют непрерывную жизнь поселения с первой половины I тыс. н. э. до начала XIV в.

Крупнейшим из объектов туркестанского комплекса является городище Туркестан XIV-сер. XIX вв. Оно представляет собой возвышенность подпрямоугольных очертаний высотой 6-7 м и площадью около 36 га. По периметру городище обведено крепостными стенами (в конце XVII- XУНТ вв. большая часть их была в руинах) и рвом, питавшимся двумя небольшими речушками, от которых теперь остались лишь овраги. За пределами стен имелась развитая сельскохозяйственная округа. Это был типично позднесредневековый

город Центральной Азии. Он традиционно делился на четыре административные части, управляемые аксакалами. Особый статус имела пятая часть - участок окружающий мавзолей-ханаку Ходжа Ахмеда Ясави. Описания города этого времени сохранились в ряде источников XVIII-XIX вв. В архиве первой российской академической экспедиции, отправленной Петром I для исследования Сибири, сохранился план-схема города Туркестан с печатью хана Тауке (рис. 1).

Время начала застройки этой территории теперь можно с достаточной уверенностью датировать XIV в. Об этом свидетельствуют данные стратиграфического раскопа «Тоган» в западной части городища, а также результаты стратиграфических исследований прошлых лет в районе, непосредственно прилегающем к зданию ханаки (М.Е. Массон, В.А. Левина, К.Шахурин, Т.Н. Сенигова). Можно полагать, что в этих границах город благополучно доживает вплоть до середины XIX века (рис.2).

Раскоп № VIII на берегу водоема Тоган в центре городища Туркестан был доведен до стерильного материка. Выявлено пять последовательных строительных горизонтов, охватывающих период с XIV в. и до конца XIX в. Общая толщина культурного слоя составляет 6 м (12 ярусов).

Как и следовало ожидать, стратиграфия городища Туркестан хронологически продолжила стратиграфию, выявленную нами ранее на городище Культобе [26, с.91]. Теперь можно представить консолидированную стратиграфию городища Культобе- Туркестан, являющегося археологическим памятником исторического города Ясы- Туркестан.

I. Строительный горизонт - XIX в. (1 (верхний) стр.гор. раскопа №VIII; 7 стр.гор. раскопа №1 на Культобе)
II. стр. гор. - XУНТ в. (2 стр. гор. р. №VIII)
III. стр. гор. - конец XVI - XVII вв. (3 стр. гор. р. №VIII)
IV. стр. гор. - XVI в. **(4** стр. гор. р. №VIII)
V. стр. гор. - XV (втор. пол. XIV?) в. **(5** стр. гор. р. №VIII)
VI. стр. гор. - XII- пер. пол. XIV вв. (6 стр. гор. р. №1. на Культобе)
VII. стр. гор. - VIII- XI вв. (**4-5** стр. гор. р. №1 на Культобе).
VIII. стр. гор . - VII в. (3 стр. гор. р. №1 на Культобе)
IX. стр. гор. - VI-VII вв. (2 стр. гор. р. №1 на Культобе)
X. стр. гор. - IV-V вв. (1 стр. гор. р. №1 на Культобе)

Хронологическими реперами для данной колонки являются следующие находки, четко связанные с определенными строительными горизонтами:

- погребение коня в VIII стр. гор. (по новой нумерации) из 3 стр. гор. раскопа №1 на Культобе.
- находка медно-серебряного клада монет в VI стр. гор. (6 стр. гор. раскопа №1 на Культобе).
- находка медного клада монет в III стр. гор. (3 стр. гор. раскопа №VIII-»Тоган»).

Получены выразительные стратифицированные комплексы керамики и других находок (монеты, клад медных монет, архитектурные остатки и др.). Среди редких изделий прикладного искусства - керамический глазурованный трехрожковый светильник в виде фигуры кошкара и бронзовое зеркало с геральдическим изображением священных драконов у трехногого жертвенника, отлитое, вероятно, по форме, снятой с более раннего (XII-XIII вв.) китайского образца. Находки происходят из слоя XVI
в. Получена также масса выразительной керамики так называемого «тимуридского стиля» (бело-синее семейство), характеризующая высокий уровень развития керамического искусства Туркестана в XV-XVI вв. [16].

В середине XIX в. в связи с военно-политическими перипетиями в истории Ко- кандского ханства, в состав которого в 1816 г. вошел Туркестан со всей округой, облик города

несколько изменяется. Город окружается новым кольцом стен. Местами они проходят по старым стенам, но большей частью по новым участкам, включая в город дополнительные площади и отдельно окружая участок вокруг ханаки Ходжа Ахмеда Ясави, образуя цитадель (арк) кокандского гарнизона. Можно предположить, что стена была построена в середине 40-х годов XIX в., т.к. под этими стенами оказались ряд построек XVГXVIII вв.

Имела ли "кокандская" стена, образующая цитадель/арк основание (по всему периметру) в виде развалин более ранней стены достоверно установить в данное время не представляется возможным. Мы можем лишь опираться на наблюдения археологов, осуществлявших в 50-х годах археологический надзор за сносом стены. В материалах Левиной В., Шахурина К. и др. нет и упоминания о том, что поздняя стена, окружавшая ханаку с ЮЗ, Ю, ЮВ и В, имела основание в виде горизонта с остатками более ранней крепостной стены. Отметим дополнительно, что и на упомянутом графическом плане города Туркестан начала ХУНТ в., отсутствует изображение цитадели, или даже намеки на ее наличие. Добавим также, что П. Рычков в описании города, которое можно отнести к середине ХУНТ в. отмечал: «Крепостного строения регулярного нет, только имеется круг всего жилья стена глиняная и вокруг нее небольшой ров с водою» [13, с. 18]. И лишь у П. Северцева (1859 г.) есть упоминание о цитадели [14, с. 214]. В 1957 г. археолог К.А. Шахурин, наблюдавший за сносом стены кокандского арка, пришел к выводу: «Археологические раскопки 1957 г. и дополнительное изучение источников позволяют говорить, что крепостные стены были возведены почти перед самым завоеванием русскими войсками города Туркестана» [32]. Т.е. вопреки высказанному нами же ранее мнению, что Ясы-Туркестан, переместившись с Культо- бе на новое место уже имел «цитадель», теперь можно утверждать, что Новый город к юго-западу от ханаки не имел отдельной «цитадели», а городские крепостные стены были построены, скорее всего, только в тимуридское время.

На плане стены этого времени довольно легко восстанавливаются, тем более что для реконструкции можно привлечь план г. Туркестана 1875 г. хранящийся в Военно-историческом архиве (г. Москва). Можно полагать, что по внешнему виду эта позднейшая крепостная стена была подобна мощному сырцовому забору (дувалу), соединяющему круглые толстые башни, на которых располагались пушки. Облик этих стен цитадели запечатлен на фотоснимках знаменитого «Туркестанского альбома» составленного А.Куном в 70-х годах XIX века. В ходе «благо устроительных» работ в окрестностях здания ханаки в 50-х годах даже следы этих стен были срыты вместе с поздним культурным слоем. В 80-х XX в. часть крепостных стен отстроена заново.

Таким образом, можно обозначить три основных этапа в эволюции города Ясы- Туркестан связанные с существенными преобразованиями его территории.

I этап- поселение-город и некрополь Ясы, IV-нач.XIV вв.н.э.

II этап- город Ясы-Туркестан, XIV-XIX вв.

III этап- город Туркестан, вторая половина XIX в,- нач.XX в.

Датировки строительных горизонтов Туркестана получены на основе метода относительной хронологии и сравнительного анализа керамических комплексов. Естественно, что они не окончательны и нуждаются в дополнительной аргументации и уточнении. Прежде всего, это касается VТТТ-X строительных горизонтов. Малочисленность находок и невыразительность нижних слоев Культобе, неразработанность периодизации массовых археологических материалов начала и середины I тыс. н. э. для Южно-Казахстанского региона - все это заставляет верифицировать предлагаемую хронологию новыми репрезентативными материалами.

В этой связи особо интересна стратиграфия городища Шойтобе (исторический г. Шавгар, в 5 км к Ю. от г.Туркестана). Локализация Шавгара письменных источников на городище Шойтобе принадлежит А.Н. Бернштаму, и была поддержана Агеевой Е.И. и

Пацевичем Г.И. [1, с. 94-95; 5, с. 81]. Альтернативное мнение о локализации Шавгара на городище Торткуль I Карачикском, сформулированное Байпаковым К.М., основано на недостаточно опубликованной (и выявленной!) информации по слою IX-XI вв. городища Шойтобе [2, с. 40-43]. Здесь пока следует отметить, что характеристики слоя IX-XI вв. и XTT-XTTT вв. на Шойтобе превышают по многим параметрам таковые на Торткуле I [23, с. 35-44]. Здесь прослежена последовательность культурных отложений от первых веков н.э. до XTT-XTTT вв., а так же расположенная в 200-300 м к ЮВ обширная территория со слоем XIII-XIV вв. (Шойтобе 2). На цитадели последовательно вскрыты четыре строительных горизонта (VII-XIII вв.) и мощный слой раннего поселения. Мощность культурного слоя на цитадели составляет 10-10,5 м. По характеру пока малочисленного материала, полученного из нижних слоев (обилие каменных орудий труда, каменные зернотерки, преобладание кухонной, «черной с песком» керамики, лощение по красному, коричневому, черному ангобу столовой посуды и пр.), можно заключить, что он подобен комплексу из самых нижних горизонтов Культобе. В нижнем слое зафиксированы следы круглых в плане, видимо, временных жилищ и остатки медеплавильных горнов. В ходе раскопок получены находки, характеризующие различные стороны материальной культуры этого города, отождествляемого традиционно с городом Шавгаром - центром Туркестанского оазиса в IX - XII вв. Это изделия из керамики, бронзы (зеркало, серьги и т.д.), костяные изделия [25]. К юго-западу от цитадели Шойтобе обнаружено место раннего (до мусульманского) городского некрополя. Пока расчищено три детских погребения. Обнаруженный погребальный инвентарь позволяет предварительно отнести некрополь к VI-IX вв.

Неожиданные результаты дали работы на крепостной стене шахристана Шойтобе. Оказалось, что мощная пахсовая стена сохранилась на высоту около четырех метров. С внутренней стороны она «вросла» в культурный слой шахристана, который, надо полагать, здесь составляет также не менее 3-4 метров. Дальнейшее послойное вскрытие его до материка может датировать время возникновения города-крепости. Пока, на основе разреза крепостной стены цитадели в р. №1, возникновение городских крепостных сооружений можно отнести к VTTT-TX вв., а их полное разрушение к XIII в.

Одним из важных итогов работ проведенных ТАЭ по Туркестанскому региону является переоценка масштабов развития оседло-земледельческой и городской культур в регионе. Были заложены стратиграфические шурфы на 21 средневековом городище. Тем самым уточнено время их существования. Выявлено и зафиксировано 7 ранее неисследованных городищ и поселений; проведена их топосьемка, картографирование и фотофиксация.

Особенно ярко явление перемещения города на новое место в послемонгольское время представлено на Сауране. В настоящее время установлено, что история Саурана представлена двумя городищами: на раннем домонгольском этапе это городище Каратобе, а в XIV-XVIII вв. это собственно городище Сауран [23].

Как оказалось, город возник не «на пустом месте», как это полагал А.Н.Бернштам [5, с.81], а на месте более раннего некрополя. Под самым нижним строительным горизонтом городища Сауран в материке расчищено «мусульманское» погребение с характерной золотой серьгой в виде знака вопроса.

Смена местоположения входе «возрождения» после монгольского завоевания свойственна для многих крупных городов в Чагатайском улусе, так же как в Джучидском.

Т.е. перемещение городов Туркестана, Шавгара и Саурана в конце XIII-нач.XIV вв. на новые места, которые расположенные рядом со старыми, как, оказывается, отражает общеевразийскую тенденцию. В послемонгольское время город Несеф на Кашкадарье «возрождается» не на прежнем месте (городище Шуллюктепа с раннесредневековыми субстратными слоями), а собственно Новый город постепенно складывается в районе юго-

восточных предместий, вокруг построенного Кепек-ханом дворца-«карши» [28, с. 28-29; 29, с. 23-24].

Другой крупнейший среднеазиатский город Термез после монгольского разгрома возрождается на новом месте, в десяти километрах к востоку от цитадели Старого Термеза на берегах Сурхандарьи. Здесь, на землях вокруг поместий термезских сай- йидов (древний клан местных духовных и светских правителей, возводивших свое происхождение к самому Пророку) складывается Новый город. По мнению Е. Некрасовой «он не походил на своего предшественника - Старый Термез и другие средневековые города, имевшие длительную историю сложения и состоявшие из нескольких укрепленных частей (цитадель, шахристан и рабад)» [10, с.9]. Новый город не имел топографически выраженной цитадели - средоточия власти, не имел крепостных строений, и его пространственное развитие ничем не сдерживалось. Архитектурнопространственный облик и застройка Нового города разительно отличались от облика прежнего Термеза. «Городская застройка имела разреженный характер, жилые дома без внутренних дворов, не образовывали сплошные массивы. Они располагались на некотором расстоянии друг от друга и были окружены садами» (там же).

Как известно и Самарканд в XIII в. переместился с места, где теперь городище Афрасиаб, на новое место, где сложился новый город, центром которого стала площадь Регистан. Этот город был обнесен стенами лишь в 1371/2 г., и лишь в начале XV в. при Улугбеке здесь началось строительство грандиозного медресе и ханаки [9, с. 2-3].

Интересно отметить, что во втор. четв. XIV в. отмечается смена местоположения ряда крупных поволжских золотоордынских городов, включая столицу, в Нижнем Поволжье, и в целом, в северном Прикаспии. Это явление, как известно, породило в историографии Золотой Орды условно называемую «проблему двух столиц». При решении ее исследователями выдвинуто ряд гипотез, от внутри- и внешнеполитических до экологических, объясняющих это явление. Анализ накопившихся нумизматических коллекций, по мнению Пачкалова В.В., решает эту проблему в пользу катастрофической трансгрессии Каспия во второй четверти XIV в. как основного фактора приведшего к смене местоположения ряда городов в Северном Прикаспии, и, в частности, к переносу столицы, и основанию Сарая ал-Джедид («Нового Сарая», «Новгорода») [12, с.171-180]. К сожалению, автору этой теории оказались не известными материалы исследования новооткрытого городища Жайык на правом берегу р. Урал, которые могли бы усилить его аргументацию гипотезы о решающем факторе смещения городов. При интерпретации причин запустения города на месте у впадении притока Чаган в р.Урал, у подножия Меловых горок, мы воздержались от однозначного ответа на этот вопрос, но было отмечено, что в этом однослойном памятнике найдены только монеты Узбек-хана. А предположительно выявленное название этого городища «Шакафни» (на «карте Дженкинсона»), созвучно названию не исследованного ногайского городка «Шакашин», что располагался выше по р. Урал у места впадения в него р. Киндалы, и что хотя бы на этом основании можно предварительно предполагать их преемственность, т.е. смещение города вверх по течению реки [21, с.
91- 102; 3, с. 121-126].

Конечно, подобное решение по Поволжским и Жаикским городам, не снимает актуальности прочих факторов, действовавших в тот исторический период в иных природно-географических зонах Евразии, в частности, в Приаралье. Известно, что экология Северного Прикаспия и Приаралья находятся в «обратной связи». Предельно обобщая можно говорить, что при трансгрессии Каспия происходит регрессия бассейна Арала и самого этого озера, и наоборот [6, с. 285-319]. В последнее время появились убедительные археологические свидетельства значительного падения уровня Арала в XIV в. Казахстанскими археологами обнаружены и исследованы на обнажившемся вследствие современной регрессии дне Арала

остатки нескольких поселений и некрополей датированных XIV в. [20, с.77-82; 4, с. 120-122]. Существенное обмеление Арала может свидетельствовать о значительной аридизации в XIII-XIV вв. бассейна одной из главных его питающих рек - Сырдарьи, следствием чего становится крайний дефицит воды в крупных городских центрах ее бассейна, таких как Сауран. Видимо, в этот период здесь в целях преодоления водного кризиса, активизируется строительство разветвленной системы кяризов, с помощью которых актуализировались глубоко залегающие грунтовые воды [22, с. 172-189; 33, с. 12]. Жизнь в городе становится предельно зависимой от насыщенности водоносных пластов, а к древнему Саурану (на месте городища Каратобе), вероятно, было затруднительно, если вообще возможно, подвести достаточное количество кяризной воды. В более выгодном положении, видимо, была местность в 3-3,5 км к северу, куда сходились водоносные пласты конусов выноса трех местных небольших рек, стекавших с гор Каратау.

Вряд ли только одна причина, сколь бы существенной она не выглядела, имела следствием перемещение на новое место крупного древнего города. Вероятно, в случае с Саураном и Туркестаном имел место еще и тот фактор, о котором, применительно к городам Золотой Орды, писал Г.А.Федоров-Давыдов [30, с. 2; 31, с. 77-80]. Стремление местной элиты выйти из-под власти, хоть и номинальной, но приводившей к оттоку налогов, каракорумских Великих ханов, было достаточной дополнительной мотивацией, или поводом, для осуществления больших градостроительных проектов.

О политико-экономических мотивах этого явления, отмечаемого на всей территории бывшей монгольской империя, нам приходилось писать в связи с зафиксированным территориальным перемещением города Туркестана. Возможно, что это перемещение города было связано с существенной перестройкой государственнополитического устройства, ставшего следствием распада монгольской империи и появлением на просторах Евразии новых государственных образований. Правитель Ак-Орды Эрзен-хан, очевидно, предпринимал активную строительную деятельность по существу в новостроящихся городах. Поэтому можно полагать, что его проекты не ограничивались прежними традициями городских застроек или мнением старой городской элиты. Есть основания полагать, что наиболее ранние сооружения на центральной городской площади нового Саурана, в том числе и расчищенная нами «Жума мечеть», были построены при нем.

Вероятно, что аналогичные политические мотивы лежали в основе историко-топографических преобразований внутри основных улусов на всей территории распадавшейся Монгольской империи. И если в Ясы-Туркестане преобразование второго этапа было подчинено общеэпохальным причинам, то преобразования третьего этапа в сер. XIX в. были обусловлены сугубо региональными причинами.

* * *

Мақалада Түркістан қаласында жүргізілген тарихи-археологиялық зерттеулеріне, қатысты теориялық мәселелері қарастырылған. Қаланыц қысқаша зерттеу та- рихы және қалаға қатысты ескерткіштер кешені берілген. Тарихи Ясы-Түркістан қаласына қатысты Күлтөбе-Түркістан қалашығыныц толығымен стратеграфиялық

зерттелуі берілген. Қалашықтың пайда болуы және даму үрдістері б.з. I мың. бірінші жартысының ортасында басталған.

Список использованной литературы и источников

1. Агеева Е.И., Пацевич В.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН Каз.ССР. т.5. Алма- Ата. 1958.
2. Байпаков К.М. О локализации средневекового города HIaBrapa//Transoxiana. History and culture/ Ташкент: Изд-во Р.Элинина. 2004. С. 40-43
3. Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык. Алматы. 2005
4. Байпаков К.М. и др. Археологические исследования на дне Арала//Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. Алматы. 2007
5. Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН Каз. ССР. №67. Серия археологическая. Вып.2. Алма-Ата. 1950
6. Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века (ландшафт и этнос) // Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М. 1993. С.285-319
7. Маньковская Л.Ю. Некоторые архитектурно-археологические наблюдения по реставрации комплекса Ходжа Ахмеда Ясави в г. Туркестане.// Известия АН Каз.ССР. Серия истории, археологии и этнографии. Вып. 3. Алма-Ата. 1960
8. Массон М.Е. О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда в городе Туркестане// Загадки древнего Туркестана. Алматы: Изд-во «Санат». 1998
9. Массон М.Е. Регистан и его медресе. Самарканд: Изд-во «Узкомстарис». 1929
10. Некрасова Е. Термез и его архитектура. Ташкент. 2001. С.9
11. Немцева Н.Б. Археологические раскопки у комплекса мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави (1958г.) // Известия АНКаз. ССР. Вып.1(15). Сер. истор., арх. и этнографии. 1961
12. Пачкалов А.В. Трансгрессия Каспийского моря и история золотоордынских городов в Северном Прикаспии // Восток-Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии. Вып.8. Казань. 2007. С.171-180
13. Рычков П. Топография Оренбургской губернии.1762. Оренбург. 1887
14. Северцев Н. Месяц плена у кокандцев. СПб. 1860. С. 214
15. Смагулов Е. Городище Культобе. //Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы. 1994. С.269
16. Смагулов Е. Туркестанские гончары //Города Туркестана. Алматы. 1999. С.128-156
17. Смагулов Е.А. Некрополь средневекового Туркестана // Города Туркестана. Алматы. 1999. С.59-70
18. Смагулов Е.А. Город Сауран: перспективы исследования, консервации и музеефи- кации // Отан тарихы. 2000. №1-2. Алматы. С. 100-109
19. Смагулов Е.А. Обзор стратиграфических данных и наблюдении по топографии средневекового Туркестана // Известия МОиН РК. 2000. №1. С. 3-17
20. Смагулов Е.А. Находка и исследование мазара на дне Аральского моря // Отан тарихы. № 4. 2001. № 4. С. 77-82
21. Смагулов Е.А. Проблемы исследования средневековых городов в Уральской области //Известия МОНРК. НАНРК. Сер. общественных наук. №1. 2002. №1. С. 91-102
22. Смагулов Е.А. Кяризы Туркестанского оазиса // Известия МОН РК. НАН РК. Сер. общественных наук. №1. 2003. С. 172-189
23. Смагулов Е.А. Сауранский археологический комплекс // Известия НАН РК. Сер. обществ.наук. № 1. 2007

24. Смагулов Е.А., Туякбаев М. Ясы-Туркестан-Шавгар: археологические данные к исторической идентификации //Известия МН-АНРК. 1. 1997. С. 35-44
25. Смагулов Е., Туякбаев М. Новое в ранней истории некрополя г. Туркестан // Известия МН-АН РК. 1. 1998. С. 18-26
26. Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П., Итенов А.О. Очерки истории и археологии средневекового Туркестана. Алматы: Изд-во «Гылым». 1999
27. Смагулов Е., Туякбаев М., Ержигитова А. Краткие итоги исследований Туркестанской археологической экспедиции в 1999 г // Известия МОиН РК. №1. 2000. С. 209- 214
28. Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Самарканд-Ташкент: Изд-во «Фан». 2000. С. 28- 29
29. Сулейманов Р.Х. Карши-Насаф-Нахшаб в системе мировой цивилизации // Роль города Карши в истории мировой цивилизации. Материалы Международной конференции, посвященной 2700-летнему юбилею города Карши. Ташкент-Карши. 2006. С.23-24
30. Федоров-Давыдов Г.А. Культура и общественный быт золотоордынских городов. М.: Изд-во МГУ. 1964. С. 2
31. Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ. 1973. С. 76-80
32. Шахурин К.А. Отчет об археологических раскопках в 1957г. на территории комплекса Ходжа Ахмеда Ясави // Архив НИПИ памятников материальной культуры. Инв. №67
33. Deom J.M., Sala R. The 232 Karez of the Sauran region // Сохранение и использование объектов культурного и смешанного наследия современной Центральной Азии. Алматы. 2005. С. 120-132

Сметанина Т.В.
Казахстан, Костанай Орнамент керамики как объект интерпретации

Заключение событий и моментов реальной жизни древнего человека в изображении на плоскости мы наблюдаем еще с эпохи верхнего палеолита (наскальные изображения). Уже в эту эпоху складывается костяк основных мотивов орнамента (линия, зигзаг, насечки, «елочка», треугольники, ромбы, а также «косая сетка», крест, меандр, ямочный орнамент и др.), имеющихся на предметах быта (костяные орудия), и «сакрализированных» вещах (антропоморфные фигурки, поделки из кости, бивней, украшения). Начинают формироваться принципы зональной орнаментации (чередование орнаментированного и «пустого» пространства). В неолите древними мастерами достигаются новые вершины в искусстве орнаментации. В первую очередь, это прослеживается в орнаментации керамических сосудов. Растет количество мотивов орнамента, приемов орнаментации (зубчатый и веревочный штампы, вдавления, насечки, прочерчивание и т.д.), а также вариантов зонального распределения орнамента. Такие тенденции в изобразительной фиксации моментов жизни человека на всем протяжении истории свидетельствуют о шагах, сделанных человечеством, от древнейших реалистических изображений сцен жизни людей верхнего палеолита, через более поздние схематические изображения петроглифов и орнаментов к современным алфавитам и математическим символам.

Взгляд на орнаментацию керамики как на средство выражения определенных мировоззренческих представлений имеет место среди ряда исследователей. Л.С. Клейн в терминологическом словаре к работе «Археологическая типология» дает следующее определение понятия «орнамент».

Орнамент, орнаментация - разделка поверхности, несущая по преимуществу (в качестве главных) эстетические, а также знаковые и изобразительные функции [4, с. 359].

Наличие смыслового содержания в элементах внешнего декора сосудов допускает и В.Ф. Генинг в одной из статей, посвященной рассмотрению керамики с фигурноштампованным орнаментом: «Все эти особенности керамики не обусловлены непосредственно функцией

сосудов и технологией изготовления емкостей для приготовления и хранения пищи. Поэтому их наличие следует рассматривать как проявление каких-то традиций в духовной сфере жизни древнего населения, выражения определенных идей.... Эти сакральные идеи инвариантны в оформлении керамических сосудов всех эпох...» [1, с. 163].

Таким образом, мы соглашаемся, что орнаментация керамических сосудов, за исключением особенностей технологии изготовления, могла быть обусловлена в основном двумя причинами: эстетическими потребностями ее производителя и мировоззренческими аспектами жизни общества, в недрах которого зарождались изобразительные традиции. В конечном итоге, подтверждением может служить наличие и функционирование керамики с различными вариантами внешнего оформления - от применения разнообразных мотивов, композиций орнамента, техник орнаментации и других видов обработки поверхности сосуда до полного их отсутствия.

В данном контексте особый интерес представляют теоретические разработки вопросов, связанных с выявлением принципов и условий исследования семантического содержания орнаментальных знаков (семантика, как раздел семиотики, изучает знаковые системы как средства выражения смысла).

В уже упомянутой статье В.Ф. Генинг отмечает условия трансформации предмета материального (внешнего) мира в свое знаковое отображение в сознании человека («материализация сакральных идей», «семантическая нагрузка опредмеченных элементов» [1, с. 163]). Это может происходить через построение ассоциативных рядов самим мастером, либо через применение длительно существующей традиции изображения системы представлений. Последнее исследователь ставит основным принципом выделения «сакральных идей» - их массовое распространение в «различных хронологических горизонтах» и на смежных территориях [1, с. 163]. Исходя из этого, интерпретация орнамента керамических сосудов должна восходить к истокам зарождения человеческого мировоззрения. Семиотический анализ символа не должен сводиться к его конкретному содержанию, вовлекая в исследование всю знаковую систему, проводя параллели между прошлыми веками и последующими, выявляя вертикальные и горизонтальные аналогии.

Чаще всего в исследованиях ученых, направленных на выявление семантической значимости орнамента керамики, основной упор делается на рассмотрение отдельных мотивов, либо композиций. Среди них труды А. Голана, М.Ф. Обыденнова, К.И. Корепанова, О.О. Поляковой, Э.Р. Усмановой и др. Данные исследователи предлагают свои толкования тех или иных символов, присутствующих на керамике определенных культур и периодов. Разработчики проблем практической семантики достигли определенных успехов, так как на сегодняшний день имеется некоторое количество орнаментальных символов, которые трактуются одинаково. Например, солярные символы (свастика, крест, спираль). Кроме того, многие современные толкования знаков исследователи выносят из глубин фольклора и бытовой этнографии (ведийские, зороастрийские тексты, мифология, ремесленные традиции и др.). С таких позиций мифологического подхода можно рассматривать значения меандровых узоров, зоологических мотивов (элементы бараньих рогов, водоплавающей птицы, змеи и т.д.). Причем, фактическим фундаментом для построения теорий выступают не только артефакты давно ушедших цивилизаций, но и предметы быта некоторых современных народов с длительно существующей традицией передачи мифов, легенд, ритуалов, ремесленных приемов из поколения в поколение.

Другие исследователи направляют свою мысль в сторону теоретических построений. В качестве примера можно назвать ученых, имеющих взгляд на орнамент керамики как на определенную систему знаков. Так, многие исследователи эпохи развитой бронзы считают геометрический орнамент андроновцев «универсальным знаковым комплексом» [6, с. 97]. Среди приверженцев данной идеи можно назвать И.В. Калинину, Ю.И. Михайлова, И.В.

Ковтуна, П.М. Кожина.

Немалое место, наряду с семиотическим анализом мотивов и композиций орнамента, в исследованиях занимает разработка семантики зонального деления орнамента - расположения определенных мотивов на поверхности конкретных функциональных частей сосуда. Показательны здесь различные взгляды ученых на смысловое содержание и соотношение орнаментированного и «пустого» пространства на поверхности сосуда, а также те случаи, когда орнаментирована вся поверхность (Д.В. Деопик, П.Е. Митяев, И.В. Калинина и др.).

В рамках разработки проблемы привлечения керамического материала к раскрытию мировоззренческих аспектов жизни древних обществ, автором также предпринимались попытки исследования семантических особенностей орнаментации керамики, для чего была выработана определенная схема анализа. Основой схемы стала разработка семантической структуры символа В. Тэрнера, который является автором ряда работ по изучению ритуала и его символики в современных традиционных обществах. Однако нам кажется возможным проецирование его семантической структуры символа на орнаментацию керамических сосудов, что позволит проанализировать

семантику различных составляющих орнамента в определенной четкой последовательности.

Итак, по В. Тэрнеру, семантическая структура обладает следующими признаками: I - множество значений - объекты, воспринимаемые в символической форме, имеют много значений; II - объединение диспаратных (т.е. взаимно несовместимых, не имеющих общих признаков или свойств) значений - различные по существу значения взаимосвязываются посредством аналогии или ассоциации в действительности или в воображении; III - конденсация - множество идей, отношений между вещами, действий, взаимодействий представляются одновременно символическими средствами (в целях сокращения того, что в словесном выражении было бы длинным рассказом или высказыванием); IV - поляризация значений - группирование символов на противоположных семантических полюсах [7, с. 33]. Стоит отметить, что данная схема анализа разрабатывалась нами на основе орнаментальных особенностей керамики синташтинско-петровского периода (рис.1), однако в данной работе мы не отражаем результаты наших исследований, так как ставим перед собой задачи теоретической направленности.

Итак, рассмотрим первый признак семантической структуры. Множество значений символа в нашем случае может рассматриваться как смысловая структура мотивов орнамента. Существует довольно неопределенное количество значений, придаваемое отдельным мотивам орнамента керамики разными исследователями. К примеру, нередко ромб отождествляют с квадратом, считая обе геометрические фигуры символами мужского начала и знаком земельного участка. Имеется и обратная связь. Часто, одно и то же понятие выражается несколькими знаками. Например, считается, что для выражения понятия «дождь» древними мастерами могли использоваться в качестве знаков вертикальные зигзаги, волнистые линии [2, с. 14], а также наклонные линии или оттиски штампа.

Второй признак - признак объединения диспаратных значений - воплощается в разделении знаковой системы на две антагонистические группы. Причем количество пар групп неограниченно. Примером таких противоположных по своему семантическому значению групп, являются символы мужского и женского начала; неба и земли; солнечного света, иссушающего тепла и влаги и т.д. Реализация данного признака в орнаментике древних обществ является важным показателем степени развития той сферы человеческой жизни, которая влияет на становление и эволюцию мировоззрения и мировосприятия древнего человека. Условием разделения символов на группы

В. Тэрнер называет взаимосвязь посредством аналогии или ассоциации в действительности

или в воображении. Ассоциации в воображении связаны с уже отмеченными изобразительными традициями, существующими в обществе; в действительности - с тем, какой знак мастеру покажется наиболее близким к предмету, который должен быть запечатлен. Так, предположительно, водный источник обозначался волнистой или зигзаговой линией [2, с. 14]. Данное предположение выходит из ассоциации с волнистой водной рябью. Такие ассоциации между водой и волнистой линией существуют и в наши дни. Символом солнца является крест или свастическая фигура. Можно предположить, что это уже упрощенное символическое выражение «солнца», так как казалось бы солнечный диск не находит прямых аналогий с крестообразными фигурами. Тем не менее, круг с вписанным крестом является символом солнца в небе [2, с. 122]. Сам по себе данный знак вызывает аналогию с колесом. Отсюда ассоциации с движением и круговоротом. Таким образом, крест может являться символом солнца, но не в небе, а сам по себе.

Третий признак семантической структуры символа - конденсация - также может найти свое частичное отражение в семантике мотивов орнамента. Однако более показательной становится его реализация на примере композиций. Так как здесь мы имеем дело уже с не столько символом, сколько с системой знаков. Данный признак семантической структуры наиболее близко подводит нас к таким фундаментальным философским и религиозным понятиям как «картина мира» и «картина бытия». Кроме того, в качестве примера для реализации признака лаконичного изложения множества идей можно рассматривать и отражение календарной символики в орнаменте керамических сосудов, анализу которой посвящено множество исследований (С.В. Пасынков, В.И. Беседин, И.Е. Сафонов и др.).

В своем четвертом признаке семантической структуры символа - поляризации значений - В. Тэрнер выделяет два полюса: идеологический (или нормативный) и сенсорный (или возбуждающий). Смысл этого заключается в раскрытии связи между предметом или явлением и его знаковым выражением. То есть, изобразительное воплощение смысла зависит не только от идеологической потребности запечатлеть на поверхности символ с произвольным приданием ему значимости, но и от его изначальной ассоциативной связи с предметом. Четвертый признак сходен со вторым. Однако в четвертом признаке речь идет не о разделении значений символов на антагонистические группы, а о поляризации значений внутри одного символа, т.е. его значение как элемента знаковой системы и как части реального предмета или явления. В качестве примера, можно привести «треугольник» как символ плодородия (или ряд треугольников). Выступая как знак плодородия на идеологическом полюсе, на сенсорном полюсе ряд треугольников является символом плодородия благодаря аналогии соития женского и мужского начал, так как ассоциативный ряд отсылает нас к образу горы и пещеры, характерному для мифологических и религиозных взглядов древнего человека на протяжении длительного периода [2, с. 84]. Другим примером может служить знак «круг» как символ неба на идеологическом полюсе. Чтобы понять значение данного символа на сенсорном полюсе, нужно вновь прибегнуть к ассоциациям. По второму признаку семантической структуры мы получаем две противоположные группы - символы неба и земли. Символом земли выступает квадрат, так как он может являться ограничителем земельного участка [2, с. 57]. Круг же - символ бесконечности (нередко отождествляется со спиралью). У неба, как и у круга, нет конца и начала. Таким образом, мы приходим к значению круга как символа неба и на сенсорном полюсе.

Итак, рассмотрев проблему выявления семантики орнамента древней керамики, мы пришли к выводу о недостаточной разработке теоретической стороны вопроса. Рассматривая мотивы, узоры и композиции орнамента с позиции семантической структуры символа по В. Тэрнеру, мы предпринимаем первоначальные шаги в построении схемы изучения семантики орнамента керамики. Такой подход позволяет опираться не на собственное субъективное мнение о смысле того или иного знака, а на логическое рассуждение, основанное на выявлении аналогий и ассоциаций как между орнаментами различных культур во времени и пространстве, так и между орнаментальными символами и предметами или явлениями внешнего мира. Выявление в каждом отдельном символе семантической структуры позволит глубже проникнуть в его суть, поняв не только его значение в системе знаков, но и причины

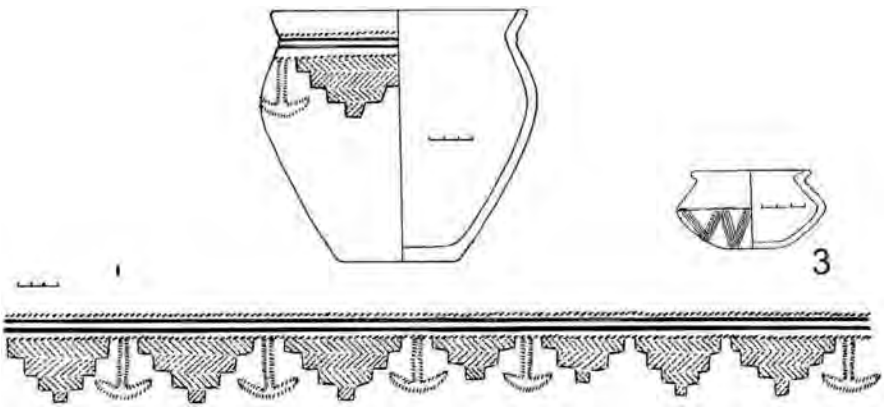
наделения того или иного знака определенным семантическим смыслом. Дальнейшая разработка данной проблемы должна происходить в симбиозе выводов теоретических построений и практики, при непосредственном привлечении фактических материалов. В конечном итоге, на сегодняшний день в научном сообществе существует понимание, что основными принципами семантического анализа орнамента керамических сосудов должна выступать комплексность исследования: разработка семантики отдельных мотивов и композиции в целом, зонального распределения орнамента и техники его нанесения, существующие в конкретной культуре изобразительные традиции, ареал их распространения, генетические связи и т.д.

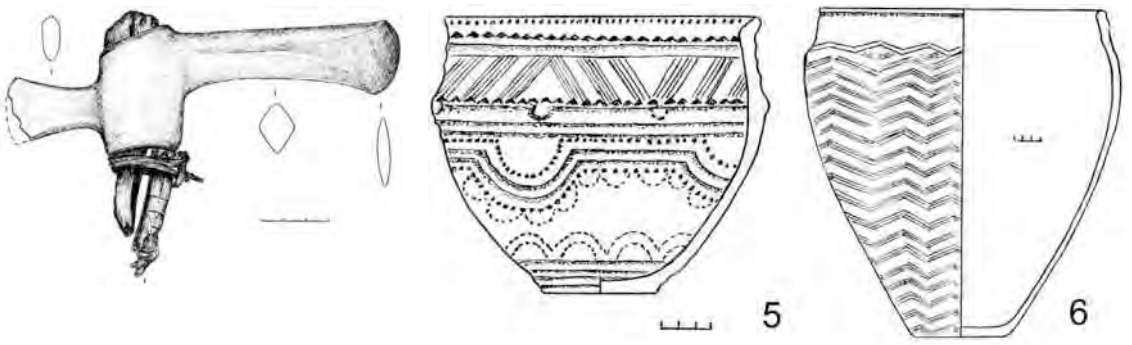
* * *

Мақала қола дәуірініц қыш ыдыстарыныц өрнектеріц зерттеу мәселесіне қатысты. Аталған мәселе бойынша қыш ыдыстарды өрнектелуін екі негізгі себептерге бөліп қарастырады. Ою-өрнек құрылымыныц төрт семантикалық сипатын қарастырады. Қыш ыдыстардағы өрнектердіц семантикасын зерттеу үшін теориялық зерттеулер әдістерін қарастыру қажет делінген.

Список использованных источников и литературы

1. Генинг В.Ф. К вопросу об археологической интерпретации «кетской проблемы» (по материалам керамики с псевдотекстильной поверхностью и фигурноштампованным орнаментом) // Керамика как исторический источник (сборник научных трудов). Новосибирск. 1989
2. Голан А. Миф и символ. Москва. 1991. 374 с.
3. Калинина И.В. Образ и семантика // Археологический сборник. 1999. №34
4. Клейн Л.С. Археологическая типология. Ленинград. 1991. 447 с.
5. Михайлов Ю.И. Особенности композиционного построения андроновской орнаментации // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово. 1987. С. 135-138
6. Петров Ф.Н. Геометрические символы степных культур эпохи бронзы как универсальный язык описания мира // Материалы XIV Уральского археологического совещания. Челябинск. 1999. С. 97-99
7. Тэрнер В. Символ и ритуал. Москва. 1983. 277 с.
8. Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский: факты и параллели. Караганда - Лиса- ковск. 2005. 231 с.


3


5
6

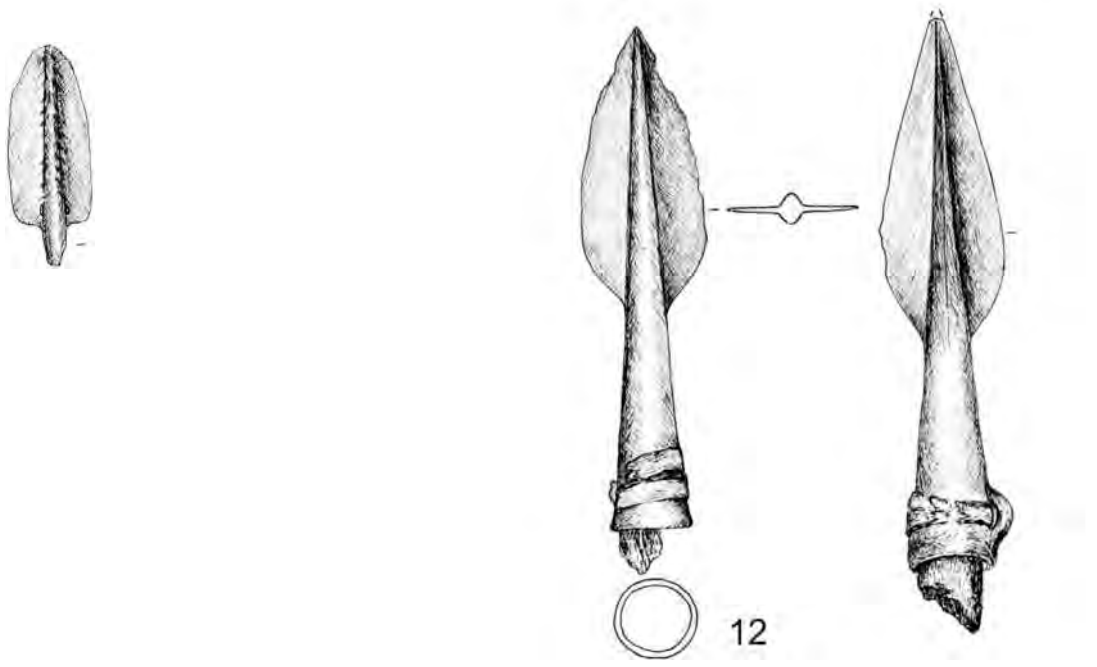

12

Рис. 1. Орнаментальные особенности керамики синташтинского-петровского периода. Комплекс мог. Халвай

Сулейманов Р.Х.
Узбекистан, Ташкент К символике орлиного пера в Центральной Азии

Среди колоссального количества мифов о царе пернатых - орле, а также культов и символики орла, следует обратить внимание на проявления культа орла среди племен и народов древней Центральной Азии, наиболее специфическим проявлением которого был обычай украшения головных уборов перьями орла, а позже и других хищных птиц. В отличие от когтей орла, клыков кабана, рогов быка, оленя или архара, которые тоже использовались в символике ритуальных костюмов или корон в древности, символика перьев орла, зародившись в среде первых скотоводов Центральной Азии, очень долго, до XX в., продолжала и продолжает играть роль амулета и оберега.

В 1980 отец и сын Акишевы опубликовали небольшое, прекрасное исследование, посвященное анализу семантики головного убора погребенного сака из Кургана Иссык, близ Алматы. В работе собран обширный материал, касающийся темы остроконечных головных уборов сако-скифских и более поздних кочевников средних широт Евразии. Отдельно рассмотрена семантика атрибутов головного убора Иссыкского кургана, такие как перья хищной птицы, стрелы, протомы коней, и мировое древо. Авторы приходят к справедливому мнению, что головные уборы царей и жрецов древних кочевников по существу отражали структуру космоса, трехслойного по вертикали и четырехстороннего по горизонтали, отмечая при этом сакральную роль самого царя как носителя и гаранта гармонии космических процессов, неотъемлемой частью которых были и людских социумы [2].

В этот же период, когда был раскопан курган Иссык, раскапывался городской храм Еркургана - руин древнего столичного города Каршинского оазиса. Здесь, в забутовке под полом III строительного периода в святилище храма были найдены отпечатки длинных маховых перьев крупной птицы вместе с трубчатыми костями крыла [26. с.97]. Перья и кости были залиты жидкой глиной, которая подстилала штукатурку пола святилища III строительного периода. Этот уровень пола датировался по всему комплексу находок IV веком. Тогда нам казалось, что это могло быть следами жертвоприношения петуха, которое местное население практикует в связи с различными событиями или памятными датами и по сей день. Хотя эти перья были гораздо крупнее, чем у домашней птицы и было ясно, что здесь замуровано одно целое крыло. Это находка осталась непонятой в тот момент, т.к. храм был посвящен женскому божеству, разбитые остатки скульптуры которой, были найдены тоже под ремонтными закладками.

Дальнейшие исследования привели нас к выводу о том, что эта находка, скорее всего, связана с культом орла хорошо известным по гимну Веретрагны яштов Авесты. Некоторые новые материалы позволяют развить тему социальной значимости перьев хищной птицы в ритуале и костюме народов Центральной Азии эпохи древности и средневековья. Поиск и исследование корней традиции украшения головного убора парой птичьих перьев уводит нас в глубины архаических культовых традиций народов Центральной Азии. Материальные следы украшения головного убора перьями хищной птицы прослеживаются в эпоху древности от Ирана до Корейского полуострова на Востоке.

С конца IV тыс. до н.э. племена древнеямной культуры, сложившейся в районах Южного Приуралья и Северного Прикаспия, формируют отгонный пастушеский тип хозяйства с преобладанием в экономике скотоводства. Крытые повозки, запряженные волами, позволяют им интенсивно осваивать ранее безлюдные степные пространства. Аридизация климата и расширение степных ландшафтов в III тыс. до н.э.

приводят к резкому расширению ареала этого уклада хозяйства вместе с носителями

В это время, как отмечает В.А. Новоженов, происходит процесс распада Циркумпонтийской металлургической провинции эпохи энеолита и сложение обширной Евразийской металлургической провинции эпохи конца энеолита и бронзы, это сопровождается

распространением особенностей материальной культуры скотоводов с курганными погребениями. Считается, что представители древнеямной культуры распространили ранние диалекты индоевропейской языковой группы. В течении III- II тыс. до н.э. курганный обряд захоронения, присущий древнеямной культуре, распространяется от Центральной Европы до обширной степной зоны Центральной Азии, достигая берегов Енисея и западных районов Монголии [19, с.75-119; 12, с. 102 - 117]. Следы этой миграции на восток представлены афанасьевской археологической культурой. Она генетически связана с древнеямной культурой. Письменные памятники эпохи раннего средневековья, написанные на диалектах тохарского языка, считаются памятниками письменности потомков носителей афанасьевской культуры.

Древние божества различных народов, как известно, представляют собой персонификации различных стихий и сил природы - неба, земли, воды, различных растений, животных и т.д. Прежде всего, это касалось насущных ресурсов и условий жизнеобеспечения древнего человека. С эпохи раннего энеолита в районах формирования племен индоевропейской языковой группы, в широких границах степного региона Восточной Европы, весенние и летние дожди, сопровождавшиеся громом с молниями, играли решающую роль в процессе вегетации зерновых злаков, которые в основном и возделывались этими племенами. Кроме того, обильные и своевременные осадки обеспечивали густой травостой - естественную базу отгонного скотоводства. Поэтому божества грома и молнии были очень почитаемы в пантеоне ранних скотоводов- земледельцев этого региона. Они продолжали играть важную роль в языческом пантеоне Восточной Европы вплоть до распространения христианства и ислама. В мифологических системах иных хозяйственно-культурных типов, таких, как египетская или тюркская, явления грома и молнии не имеют ярко выделенной персонификации.

В этих мифах о борьбе, свадьбах и других функциях небожителей находят отражение зачатки практических знаний и наблюдений ранних скотоводов и земледельцев об экологии и агрономии, о свойствах камня, воды, растений и животных. Божества покровительствуют также и быстро развивающейся медной и бронзовой металлур-

Божества грома и молнии собирали тучи и вызывали живительные дожди, способствуя росту травы и злаков. Это Зевс и Юпитер Греко-римской мифологии, Индра - индийской мифологии, славянский Перун, литовский Перкунас, хеттский Пирва и др. Согласно мифу, эти божества громом и молниями побеждают дракона- хранителя вод, девы, скота и других видов богатства и освобождают влагу, вызывая дожди, которые способствуют процветанию флоры и фауны и обеспечивают плодородие. Эти божества имели свое символическое оружие - топор, палицу, меч, лук и стрелы, бич, камни, а спутником их, как правило, был орел, что указывает на небесную сущность этих божеств. Они ездят по небу в колесницах запряженных различными животны-

При миграции ранних скотоводов на Восток вместе с хозяйственным укладом, комплексом материальной культуры и языковыми диалектами, распространялись и их представления об окружающем мире, а также ритуалы, обряды и мифы этих этнически родственных групп ранних индоевропейцев. Об этом свидетельствуют многие сюжеты петроглифов Центральной Азии III - II тыс. до н.э.

Именно к этому времени III - II тыс. до н.э., наряду с другими сюжетами эпохи, относятся сюжеты петроглифов, посвященные тематике божества грома и молнии. Чаще всего это мужские фигуры с палицей или булавой в руке [24, с. 34], а также, возможно, т.н. рогатые человечки с топором или булавой в руках [33, рис. 106]. Подобные изображения встречаются на территории Средней Азии, Казахстана, Южной Сибири и Монголии [33, рис.106; 32, рис 7; 15, рис.40].

На петроглифах Саймалы-Таша в Ферганской долине и восточнее, в Северной Монголии

встречаются целые сцены посвященные мифу божества грома и молнии. В данном случае изображение божества с колесницей дополняют типичные участники этого мифа: козел, бык, конь - спутники божества, реже в этой сцене изображен змей или дракон, антагонист божества. В руках у божества стрекало, в одном более позднем случае, на петроглифах Сармышсая лук со стрелой.

В этих сценах Саймалы - Таша мы видим наиболее ранние в Центральной Азии перья, украшающие прически или головные уборы божества грома и молнии (рис. 2). Я.А. Шер автор обобщающей монографии по петроглифам Центральной Азии, анализируя подобные сцены на петроглифах Саймалы-Таша и аналогичные сцены других памятников наскального искусства региона, отмечает характерный для этих сцен битреугольный стиль, профильные изображения колесниц, сплошные архаические колеса повозок небольшого диаметра. Он отмечает, что все это свидетельствует об очень раннем возрасте подобных сцен [33, рис.107-108]. Согласно последних аналогий с расписной керамикой Суз и культуры Анау, для этой сцены им предлагается дата в пределах конца IV - III тыс. до. н.э. [33, с. 194 - 215]. Это время продвижения носителей древнеямной культуры на Восток и сложения на этой базе афанасьевской культуры. В Средней Азии процессы сложения стилистических особенностей изобразительного искусства в это время происходят не без влияния изобразительного стиля архаических очагов древнеземледельческих центров юга.

В последние годы на территории Узбекистана Н.А. Аванесовой обнаружены отдельные пункты культуры энеолитической эпохи с керамикой и кремневыми наконечниками аналогичными афанасьевским. Они дополняют археологический комплекс эпохи энеолита скотоводческой зоны Средней Азии, представленный ранее лишь петроглифами Саймалы-Таша. Все это намечает трассы движения древнейших индоевропейцев с Запада на Восток. З. Самашев, рассматривая изображения колесниц эпохи бронзы в Центральной Азии, отмечает, что они встречаются в основном в полосе степей от Южного Казахстана и Семиречья до Алтая, Монголии, Сибири (южной) и Китая (северного) [24, с.26].

В упомянутой публикации Я.А. Шера приведена большая многофигурная сцена из Саймалы-Таша, где изображены несколько колесниц с маленькими сплошными колесами, в каждую из которых впряжены конь и бык, в одном случае в упряжке пара быков. Погонщики хвостатые, изображены идущими за колесницами, у них хвосты имеют шишки или кисточки на концах, как и у хвостов быков этой же сцены, такие же шишки есть и на концах рогов некоторых быков этой сцены [33, рис.107,108]. Некоторые кони и быки этой сцены имеют козлиные бороды, что ассоциируется с фигурой бородатого быка, впряженного в колесницу божества на золотом кубке из Хасанлу. Попутно отметим, что такие же шишки на концах хвостов имеют и упомянутые изображения т. н. рогатых человечков петроглифов Сармышсая. Что касается их т.н. рогов, возможно, что на головах их изображены не рога, а те же перья.

Важно отметить присутствие в этой сцене изображения большого змея, а также отдельные фигуры козлов, быков и крупных хищников (лев?). Но главное для нашей темы - маленькие птичьи головы возничих этой сцены, изображенные в профиль и украшенные перьями, автор принимает их за хвосты, которые развеваются по ветру [33, с. 282]. Как показывает дополнительная публикация подобных сцен Саймалы-
Таша - это перья [27, с. 73 рис.1]. Здесь тоже, за колесницей, в которую впряжены бык и конь, идет мужская фигура с хвостом и двумя длинными перьями на голове. Колесницу встречают два адоранта с воздетыми вверх руками (рис. 3).

Здесь же приведена вторая упряжка с быком и конем, возница изображен лежащим на круглом кольце, прикрепленном к дышлу без колес. Вся сцена как бы парит в воздухе [27, рис. 2]. Третья сцена, приведенная там же [27, рис. 3], не менее многозначительна. В центре сюжета бык и большой змей, которого поражают три стрелка из лука. С другой стороны композиции быка и змея непонятная человечья фигура с хвостом или фаллосом и хищник, напоминающий льва. Отмечалось, что индоевропейские божества грома и молнии Перкунас, Перун и другие

божества этого типа, поражая космического змея - господина загробного мира, освобождают воды, женщину и скот. Индра, убив змея, освобождает из пещеры коров, которых возвращает богам. Видимо, на рис.3 и представлена сцена убийства змея и освобождения скота. В левом поле этой сцены изображена куча камней, а камни, как известно, тоже служили оружием Громовержца.

Возвращаясь к сцене Саймалы-Таша опубликованной Я.А. Шером, отметим, что она истолкована автором как культовая, где, вероятно, изображен образ божества грома и молнии, на что указывают непарные упряжки этих небесных или чудесных колесниц и фантастический облик возничих, погоняющих животных стрекалом - атрибутом авестийского божества Иимы. Отмечается, что Перкунас и Тор ездят по небу в колесницах с запряженными козлами и что, непарные упряжки с различными животными принадлежность богов Ригведы и греческой мифологии [33, с. 284-285].

Однако автор не упоминает важнейшего персонажа мифа о Громовержце - его антагониста Змея, извивающаяся фигура которого отделена от основной группы колесниц двойной чертой, делящей сюжет на две части. По обе стороны от этой линии изображены быки, козлы, кони. При этом змей превосходит по размерам колесницы с быками и направляется сверху прямо к центру всей сцены. Центральный сюжет всей сцены, состоящий из небесных колесниц и гигантского змея, окружают фигурки быков, коней и козлов.

Мы полагаем, что здесь миф о боге Громовержце изображен в полном объеме: Змей хозяин загробного мира, домашние животные и священные колесницы с хвостатыми возницами, имеющими на голове перья, только не ясно - это изображения самого божества со стрекалом в руке или это возница, идущий за колесницей, а невидимое божество подразумевалось стоящим на колеснице? Видимо, здесь тоже изображена сцена освобождения Громовержцем домашнего скота из загробного мира змея. При этом диагональная двойная линия могла символизировать рубеж между миром живых и миром мертвых.

Аналогичную по содержанию сцену приводит Э.А. Новгородова [19] в долине р. Чулуут на севере Монголии (рис. 4). Здесь в колесницу впряжены кони, парящие в воздухе с ногами, обращенными в обе стороны от колесницы. На кузове колесницы стоит мужская фигура с топором или молотом на поясе, на голове у него широкополая шляпа. Здесь опять в центр колесницы упирается голова гигантского змея. Над этой центральной композицией фигура козла, оленя и какого-то небольшого животного. В данной сцене тоже представлены все персонажи мифа о Громовержце: само божество на колеснице, змей и животные, которые были похищены им [19, с. 154]. Автор в истолковании этой сцены вполне резонно обращается к образу Индры, бога грома и молнии Ригведы, который поражает дракона Вритру [19, с. 153]. Среди сцен петроглифов Монголии автор также отмечает непарные упряжки, где в колесницу впряжены конь и козел [19, с. 156]. Судя по сюжету и архаической конструкции колесницы с маленькими сплошными колесами без спиц, эта сцена тоже довольно древняя. Хотя манера передачи коней и самой колесницы и бога Громовержца анфас более поздняя, в стиле карасукской эпохи. Близкие по сюжету сцены с изображениями колесницы и змея приводятся также и в публикации З. Самашева о петроглифах Казахстана [23, с. 35].

Иную трактовку бога грозы и молнии отметил А.П.Окладников в горах Гобийского Алтая на скалах Хобдо-Сомона. Здесь божество представлено крупной пропорционально изображенной фигурой воина с короной из перьев или полукруглым шлемом на голове и топором за поясом. Неподалеку на огромной глыбе высечено изображение либриса - ритуального топора Зевса в виде двойной секиры, которая на Крите в эпоху крито-микенской культуры была символическим оружием бога грома и молнии. Рядом на соседней базальтовой глыбе было высечено изображение четырехколесной квадриги. В самой колеснице изображен диск солнца с крестом посредине, кроме того, на колеснице водружен вертикальный штандарт с фигурой горного козла наверху - предмет типичный для сакского ритуального реквизита. Возница идет сзади. Весь этот комплекс солнечного культа, как и бога громовержца, автор

относит к эпохе бронзы [20, с. 16-17].

Еще один сюжет этого мифа отмечен в петроглифах ущелья Кашкарата хребта Ка- ратау Южного Казахстана. Над солярным знаком в виде креста в круге большой змей, над ним слева верблюд, справа большая круглая лунка. Над всем этим три ряда мелких лунок по 7 в каждом ряду [4, с. 22] (рис. 5). Подобные лунки известны на скальных поверхностях Ташкентской области и Ферганской долины. Население называет их Обирахмат - вода милосердия (эпитет Аллаха), т.е. священная, небесная влага. Часто эти лунки дополняют канавки, которые при дожде подводят текущую по скале влагу к лункам. На упомянутом рисунке, кажется, приведена не вся сцена, т.к. на фотографии этой же сцены [4, с. 78], под солярным знаком и змеем просматриваются и другие изображения.

Таким образом, с IV-III тыс. до н.э. вдоль северной степной и предгорной части Центральной Азии, в связи с миграцией племен индоевропейской языковой принадлежности, распространяются основные сюжеты индоевропейской мифологической традиции, важное место в которой занимал сюжет божества грома и молнии, частым признаком которого, судя по петроглифам Саймалы-Таша, были перья, украшавшие головной убор божества или служителей его. Это был символ орла - спутника Громо- вежца.

Во всех этих интенсивных процессах миграции и взаимодействиях различных этносов, языков и культур на Востоке широких равнинных пространств Евразийского континента участвуют и представители автохтонного монголоидного расового типа. Материальные следы, которых представлены окуневской культурой I пол. II тыс. до н.э. на Енисее и культурой плиточных могил Восточной Монголии, с которыми взаимодействуют носители карасукской культуры второй половины II тыс. до н.э.

Образ орла в Восточной Монголии, Забайкалье и бассейне реки Амур в эпоху бронзы был не менее популярен, чем в Центральной Азии. Изображения парящего в небе орла - типичный образ петроглифов Забайкалья [19, с. 150]. По А.П. Окладнико- ву у бурят и якутов орел - великая птица - светлое небесное божество и могущественный покровитель человечества [20, с. 194]. Буряты считали его владыкой острова Ольхой, священного обиталища шаманских небожителей (подобие греческого Олимпа).

Древние изображения хвостатых антропоморфных фигур с перьями на голове есть и в районах Горного Алтая, они были открыты В.Д. Кубаревым на плитах могильника Каракол [14] (рис.6).

К эпохе бронзы относится открытая на петроглифах Кантенгира Л.Р. Кызласовым изображенная охрой фигура однорукого и трехпалого антропоморфного существа с коническим колпаком на голове, увенчанном перьями [18, рис. 6, 9]. Это самый ранний прототип конического скифского колпака тиграхауда. На этой же таблице Но- воженов В.А. приводит изображения антропоморфных фигур с орлиной головой и перьями на головах на плитах могильника Тас-Хаза (рис. 7). О том, что это один из иконографических типов образа Громовержца свидетельствует такая же орлиноголовая фигура с палицей в руке на петроглифах Оленты в Казахстане [23, с. 22].

Так же к эпохе бронзы относит М.Е. Дэвлет известные от Енисея до Амура многочисленные т.н. личины с антеннами на головах. Антенны больше напоминают обсуждаемые нами перья, хотя часть их более схожа с бычьими рогами [10, с. 6-21] (рис.8). В этой же публикации автор приводит в качестве аналогий ряд головных уборов шаманов Сибири, украшенных перьями.

С рубежа II -1 тыс. до н.э. в обществе скотоводов Центральной Азии происходят кардинальные изменения. В результате очередной фазы аридизации климата поздние андроновцы мигрируют в основном на юг, население карасукской культуры начинает передвигаться вдоль степей средней широты на запад. Широко распространяется технология верховой езды. Складывается скифский тип культуры. Это эпоха раннего железного века и сложения древних частей Ригведы и Авесты.

Носители традиций поздней карасукской культуры, пройдя степи Казахстана, достигают

Северного Причерноморья. А.И. Тереножкин, отмечая распространение с востока до Дуная мечей карасукского типа и поздних типов оленных камней, приходит к выводу о том, что их принесли киммерийцы из Азии [28].

Все эти процессы кардинальных этнокультурных изменений степной зоны находят отражение в тематике и стиле наскального искусства этой поры [24, с. 37-38]. Наиболее популярными образами этой поры являются воины с луками или чеканами, а также фигуры козлов, оленей, кабанов. Истоки стиля сакского искусства прослеживается уже на петроглифах Монголии карасукского времени, для которых типичны изображения воинов с луками в руках и перьями на голове. Со временем образ воина с луком или мечом, и перьями на голове появляется на петроглифах Казахстана и Узбекистана [19,с.167,194.196;15, рис. 55; 13,рис.13,26,36](рис.9).

Но в Средней Азии наиболее ранним изображением воина с луком и пером на голове, и, видимо, в то же время наиболее поздней сценой Громовержца, поражающего змея, является сцена петроглифов Сармышсая в Узбекистане, на которой стрелок сакского облика поражает змея стрелой из лука [13, рис.13] (рис. 10). По стилю сцена относится к раннесакскому времени, но М.Хужаназаров отмечает, что фигура змея тут дорисована после изображения стрелка. В любом случае, она свидетельствует, что в это время миф о боге Громовержце и змее еще был известен и это еще не тот Вере- трагна, что приводится в Бахрам - яште.

Классическим образцом головного убора - сакского кулаха украшенного двумя парами перьев орла является кулах принца из кургана Иссык, о котором уже упоминалось (рис.11).

Известный синолог А. Ходжаев, критически прорабатывая научное наследие И. Бичурина, восстанавливает древние формы прочтения китайских иероглифов. Он приходит к выводу о том, что формы передачи этнонимов древних соседей Китая на его северо - западных границах, таких как ди, динлин, теле, торе есть не что иное, как формы названия древнетюркского этнонима [31]. Э.А.Новгородова подробно разбирает вопросы этнической атрибуции культур эпохи бронзы Монголии и соглашается с тезисом С.В. Киселева о том, что динлины китайских источников это носители карасукской и последующей тагарской культур [19, с. 311-315].

Движение носителей карасукской культуры далеко на запад вдоль степей средних широт стимулировало формирование культур сакского типа или сако - скифской культурной общности. Видимо, именно потомки носителей карасукской культуры были теми самыми царскими скифами Геродота, которые объединяли и консолидировали этносы степной полосы политически в единое целое. Имена царя скифов Атея, объединившего под своей властью все Северное Причерноморье и Таргитая скифского первочеловека, сообщаемые Геродотом, имеют явные тюркские корни. Таргита- ем звали и посла Хазарского каганата VI в. в Византию [16,с.44]. Конечно, общность, объединяемая древними авторами понятием скифы, была неоднородна в языковом отношении. Мы далеки от мысли о том, что все скифы могли быть тюркоязычны, но полагаем, что поздние карасукцы, носители прототюркских диалектов, или элементов этого языка, сыграли важную роль в этногенезе, культурогенезе и политогенезе древних кочевников Евразии.

Ономастика Авесты носит ираноязычный характер, имя покровителя Заратуштры Виштаспы также имеет ясную ираноязычную принадлежность, хотя отмечено, что сам Виштаспа из рода турья. В недавней статье, посвященной тохарской проблеме и культуре расписной керамики раннежелезного века Средней Азии, А. Сверчков полагает, что язык туров или турья, скорее всего, был тохарским [25, с.191]. Эта гипотеза, как говорится, имеет право на существование, но учитывая, что Авеста помимо арья и турья, упоминает сайрима, даха, хьяона, сайни и др., и что такую же этническую пестроту фиксируют и более поздние греко-римские и китайские источники, можно полагать, что с эпохи поздней бронзы и раннежелезного века для большинства районов Центральной Азии был характерен полиэтнизм с вытекающими отсюда явлениями билингвизма и трилингвизма.

Этому способствовал и экологический кризис с последующей вековой засухой в конце II тыс. до н.э., когда многие народы и племена Центральной Азии приходят в движение, исчезают традиционные культуры эпохи бронзы, складывается кочевничество с вытекающими отсюда культурно-политическими последствиями. Являлись ли туры тохарами, проживавшими в Восточном Туркестане, а возможно и в Ферганской долине, кажется пока этот вопрос без ответа. И хотя текст Авесты написан на одном из древнеиранских диалектов, он уже фиксирует активное взаимодействие и соперничество разных этносов на западе Центральной Азии, приводившее к покорению одних этносов другими с вытекающим отсюда социальным неравенством, что завершилось созданием учения Заратуштры, призывавшим ко всеобщей гармонии и сотрудничеству во имя добра, истины и света. Это было первое в истории вселенское учение, где все народы, племена и роды были объявлены равно ответственными перед этими вечными ценностями.

В это время происходит формирование текстов Авесты и циклизация сюжетов авестийской мифологии, где важное место занимает божество воинов и победы Вере- трагна. Он согласно своего имени, как и Вритрахан Индра является драконоубийцей, хотя в авестийском гимне Веретрагне нет ни слова о драконе Вритра. Из всех инкарнаций Веретрагны главной является священная птица Варагн. Магическое значение перьев Варагна раскрыто в Бахрам-яште Авесты или гимне Веретрагны. Текст гимна сообщает о Варагне, что он один догоняет; из всех воодушевленных; полет стрелы, что пущена; без промаха летящей [Бахрам-яшт 7,20]. В идентификации этой птицы нет единодушия, но большинство исследователей отождествляет ее с орлом, хотя часто Варагна так же отождествляют с вороном или ястребом. Указание гимна, что только он один способен догнать стрелу, пущенную из лука, свидетельствует о том, что Варагн это орел. Именно орел способен переломить хребет своей жертве, что тоже подчеркивается в гимне Веретрагне. Следует напомнить, что на монетах Кушанских царей-выходцев из степей Центральной Азии, это божество названо Орлагно, оно изображено в виде орла, парящего над мужской фигурой. В зороастрийском пантеоне Веретрагна божество военной победы, удачи и силы, он дает стойкость, выносливость. Перья Варагна обладают магической силой, они оберегают от чар колдовства. Сам Ахурамазда отвечает Заратуштре: возьми перо, Спитама; ширококрылой птицы; перо от птицы Варанг; и, проведя по телу; пером заклятье снимешь; ты своего врага [Бахрам-яшт 14,35].

Также в гимне Веретрагне отмечается, что перо Варагна дает ее владельцу неодолимую силу. Два или четыре пера Варагна, протянутые перед войском, обеспечивают ему поддержку божества и победу. Божество откликается на призыв владельца пера.

В согдийских текстах эпохи раннего средневековья Веретрагна передан в форме Ва- шагн, что позволяет увязывать его с известным в армянской мифологии божеством грома и молнии Вахагном.

Этот образ не был чужд, видимо и скифам Причерноморья. Б.Н. Граков в своей книге, посвященной скифам Восточной Европы [8, с.84], приводит образец бронзового навершия боевого штандарта скифов, по четыре сторонам его боковые ветви завершаются фигурками парящих орлов, центральный стержень штандарта завершается стоящей мужской фигурой, над головой которого припаяна такая же фигура парящего орла. Эта фигура является скульптурной копией иконографического типа упомянутого божества Орлагно кушанских монет, хотя Б.Н. Граков называет его Папаем.

Веретрагна отличается от всех других индоевропейских Громовержцев своими функциями, он утерял роль тучегонителя и свое символическое оружие как топор, молот или дубина. Но связь его с орлом, символом неба, тут гипертрофирована, и имя его напрямую связано с именем орла. Остальные инкарнации его второстепенны.

Мы склонны объяснять эти деформации авестийского Веретрагны длительной эволюцией образа этого божества в Центральной Азии, где происходит циклизация мифов и культов

древних иранцев и туров, культово-мифологические представления которых в дальнейшем были канонизированы в яштах Авесты, Веретрагна Бахрам-яшта Авесты. При этом сложился образ божества военной победы и стойкости, заметно отличающийся по профилю и своим функциям от функций изначального Громовержца.

Видимо, по мере усиления общей аридизации региона в конце II тыс. до н.э. население, там, где позволяют условия, переходит к орошаемому земледелию и оседлой жизни, но чаще, где не было этому условий, начинает развивать кочевое скотоводство. Неорошаемое земледелие в этих условиях уже не дает урожая. В условиях Южной Сибири, Восточного Туркестана и Монголии, где тотальная зависимость урожая зерновых и степного травостоя от осадков атлантических циклонов теряют актуальность, в скотоводческой среде происходит трансформация божества - тучегонителя в божество воинской доблести, стойкости и победы. Почти все инкарнации Вретрагны связаны с образами самых быстрых и мощных животных, основным среди которых является орел - самая почитаемая хищная птица в степной зоне.

Не последнюю роль при этом сыграли и процессы синкретизации близких по типу божеств различных этнокультурных традиций, принадлежащих различным этносам, которые на рубеже II-I тыс. до н.э. приходят в активное движение и взаимодействие между собой. Археологически хорошо прослежено, как в бассейнах рек Чирчика и Ангрена в Ташкентском оазисе (Туябугуз, Шаштепе) на одних и тех же поселениях, в едином культурном слое залегают фрагменты керамики позднефедоровского типа с лепной керамикой, окрашенной геометрическим орнаментом типа Яз I в более грубом исполнение (бургулюкская культура). Аналогичная ситуация была отмечена нами и при раскопках позднеандроновского поселения Бургулюк в верховьях реки Бадам на юге Казахстана. Такая же картина отмечается в керамическом комплексе поселения Теренкара в Алмате [11; 30,рис.4; 5,с.105-106]. О том, что тесный процесс взаимодействия локальных культур Центральной Азии происходит и в эпоху бронзы, свидетельствуют материалы поселения бронзолитейщиков Тугай в долине Зарафшана. Н.А. Аванесова при раскопах жилища установила, что здесь в едином культурном слое залегали черепки керамики поздней саразмской культуры, выполненной в анау- ской традиции гончарства, вместе с черепками горшков петровского варианта андро- новской культуры Центрального и Северного Казахстана.

Как уже отмечалось, через некоторое время, вдоль этой же обширной степной полосы с востока на запад мигрируют носители традиций поздней карасукской культуры, которые могли быть представителями прототюрских диалектов. В низовьях Сырдарьи этот археологический комплекс представлен хорошо известными царскими мавзолеями могильника Северного Тагискена. Недавно в самых ранних слоях древнего Самарканда, на городище Афрасиаб, были найдены фрагменты лепной посуды такого же облика, что и в могильнике Северного Тагискена [9]. Видимо не случайно традиция Авесты упоминает туранца Франхрасьяну в роли узурпатора власти над арийскими странами. По Шахнаме он правитель Турана и столица его в Самарканде.

В это время в результате взаимодействия различных мифологических традиции видимо, и сложился синкретический образ Веретрагны Авесты, с его культом орлиных перьев, которые украшали головы далеких предков скифов создателей карасукской культуры. Геродот сообщает о скифском Аресе боге войны, но не передает его скифского имени, возможно, имя этого грозного бога было табуировано. Его символизировал короткий скифский меч акинак (это слово сохранилось в языках Центральной Азии в названии ножен - кин, названии кинжал или ханжар), которому они поклонялись, вонзив поверх кучи хвороста, и приносили ему в жертву кровь животных и убитых врагов. Акинак является обязательным атрибутом оленных камней всех типов, наряду с луком и чеканом. Меч, высекающий молнии, оружие Перкунаса. Меч защищает девственницу от хтонического чудовища (Персей и Андромеда). То есть акинак мог символизировать образ божества близкого Веретрагне.

Но Веретрагна не просто божество войны. Это божество победы и воинской славы. В этом

он близок второму авестийскому божеству Фарну, основными инкарнациями Фарна тоже были орел или баран - кочкар. Золотая фигурка барана в виде дикого архара венчала конический головной убор принца из кургана Иссык, такая же фигурка украшала не сохранившийся головной убор сакского правителя I вв. до н.э. из погребения на Тиллятепе в Северном Афганистане. В древнетюркской мифологии прямым аналогом Фарна является Кут (Qut) - слава, успех, счастье, благо.

В Видевдате говорится, что Веретрагна в образе ветра несет божественный знак Фарна [29,с. 557]. Фарн отходит от павшего Иимы-Жамшида в образе орла-Варагна.

Гимн Веретрагне отмечает:

" Дают нам благо перья
И кости сильной птицы,
Могучей птицы Варагн."
...[Яшт 14, Бахрам Яшт, XIV. 36].

Выше было отмечено, что в закладке пола в городском храме Еркургана (IV в.) были найдены не только следы перьев, но и кости крыла крупной птицы.

Пассаж Бахрам-Яшта, разъясняющий роль перьев хищной птицы, перекликается с аналогичными мотивами магии пера чудесной птицы в эпических циклах тюркоязычных народов - в прошлом кочевников, выходцев из степей Центральной Азии. Подобные представления сохранились в эпосе Гороглы, где речь ведется о двух чудесных перьях, проведя ими по лицу, герой обретает молодость или превращается в старца. Аналогичные мотивы содержат эпические циклы "Хушкелди" и " Гулихиромон". Мифическая птица приходит на помощь и персонажам народных сказок, которым она оставляет свое перо за добрые дела, сделанные ими ранее [17]. Как уже отмечалось, обычай украшать головные уборы детей и невесток перьями диких птиц у тюркоязычного населения Средней Азии имеет под собой глубокие исторические корни и апотропеический смысл.

Как мы полагаем, первоначальная трансформация образа архаического божества грома и молнии в Веретрагну Авесты происходит в степях Центральной Азии в среде кочевников эпохи поздней бронзы и раннего железного века. Для саков была характерна сакрализация перьев хищной птицы и магические обряды, связанные с ее перьями. Орел становится символическим спутником божества победы, и перья его используется в качестве амулета. Этот, уже трансформированный образ Веретрагны, скорее всего, и вошел в гимны Авесты.

В эпоху вхождения Средней Азии в состав империи Ахеменидов, Александра и Селевкидов и позже в Кушанское время мы не имеем иконографических или других свидетельств об украшении головных уборов перьями.

Всадники на известных Орлатских пластинах I вв. имеют на макушках своих шлемов лишь небольшие хохолки в виде волосяных кисточек, они четко отличаются от перьев птицы.

Но в Восточном Туркестане в гунно-сяньбийских погребениях в районе озеро Лоб- нор мягкие головные уборы кочевников в хуннское время украшены крупными перьями [табл. 54] (рис. 12). Крайней юго-западной точкой распространения сакского конического головного убора, украшенного перьями, является фигура катафрактария изображенная графитти из Дуро-Европос парфянского времени.

Уже отмечалось, что на кушанских монетах головной убор антропоморфного божества Орланго заменяет парящий над его головой орел. На синхронных монетах хо- резмшаха Вазамара и более поздних чеканах Хорезма есть короны в виде фигуры или протомы орла.

В раннее средневековье, начиная с эпохи хионитов и эфталитов, на монетах Эфта- литских и Сасанидских правителей портреты шахиншахов имеют короны, украшенные по бокам парой распахнутых декоративных крыльев (рис. 13). Этот тип корон широко распространен и в настенной живописи Средней Азии эпохи Тюркского каганата, вплоть до оккупации арабов. Судя по сценам настенной живописи, это металлические короны, окрашенные в желтый цвет, видимо золотые. В живописи Пен- джикента, где подобные короны часто встречаются на

головах божеств и царственных персонажей эпических сцен, они стилизованы и имеют мало общего с орлиным крылом, также как и на коронах портретов монет Эфталитских и Сасанидских правителей [6, табл. VIII, XVII] (рис. 14).

В это же время обычай украшения головных уборов перьями или парой распахнутых крыльев проникает и далеко на восток до Корейского полуострова.

Сам Корейский полуостров, несмотря на кажущуюся изоляцию, начиная с эпохи палеолита, входил в восточную зону человеческой ойкумены Евразии, участвуя в качестве не только конечного терминала всех этнокультурных процессов и миграций, протекавших на Дальнем Востоке. Сами корейцы тоже принимали участие в событиях, протекавших на континенте. Об этом свидетельствует имя корейского генерала китайской армии Гао Сян Чжи в битве с арабами на р. Талас в VIII в. а так же фигуры корейских послов, изображенных и на фресках дворца Вархумана VIII в. в Самарканде [7, с. 305; 3].

Сам корейский этнос по происхождению связан с древними скотоводами - горными жунами. Они занимались разведением овец и коней, сеяли просо. По мере освоения Корейского полуострова, имевшего иные экологические условия, они перешли к рисоводству и возделыванию овощей. Со временем они стали рыболовами и морскими торговцами. Сверх того, на полуостров периодически продолжают проникать волны кочевнических культур из Центральной Азии, это племена каракуской, затем тагарской культур, влияния хуннов [21, с. 12, 61, 69]. Все это стимулировало сложение корейской государственности. На северных границах полуострова зарождается государство Чосон, затем Когуре, Тэкче и Силла. Со временем, в раннее средневековье, Силла, самое южное из них, более развитое, благодаря мореходству и международной торговле, используя силы Танского Китая, объединяет весь полуостров. К этому времени и относятся деятельность Гао Сян Чжи в битве при Таласе и изображения корейских послов на стенах дворца правителя Самарканда. Прически последних украшают пара воткнутых перьев.

При раскопках знаменитого царского кургана Хвангнамдаечонг, где были захоронены правители Силлы IV-VI вв., наряду с богатейшими принадлежностями разнообразного погребального инвентаря, имевшими явственные скифо-сакские и гуннские параллели, были найдены и короны правителей. Среди них следует отметить коническую золотую тиару с парой больших распахнутых крыльев на лобной части и серебряную корону в виде кольцевого обруча с парой высоких перьев по бокам [35, p. 29, 32-39] (рис. 15).

Фигуры Корейских посланцев в живописи VIII в. на стенах дворца Самарканда тоже имеют перья, воткнутые в прически на голове. Средневековая погребальная живопись в мавзолеях Кореи также изображает мужчин с парой перьев, закрепленных поверх головного убора (рис. 16).

Все это, безусловно, указывает на теснейшие этнокультурные связи аристократии Корейского полуострова с культурой Центральное Азии эпохи гуннов и Тюркской империи. Эти элементы степной культуры постепенно исчезают в Корее по мере распространения буддизма и китайского конфуцианства.

На средневековых материалах памятников эпохи централизованных мусульманских государств Центральной Азии и Танского Китая у нас нет иконографических свидетельств о головных уборах или прическах, украшенных перьями или изображениями крыльев. Но в степной кочевнической среде этот обычай не исчезал, т.к. после походов Чингизхана в книжной миниатюре Турана и Ирана мы вновь видим портреты коронованных особ и их отпрысков шлемы и прочие головные уборы которых венчают 1-2 маховых пера крупных хищных птиц, в частности, шлем Амира Тимура украшен большим пером (рис. 17). И как уже указывалось, обычай украшения головного убора детей и невест перьями филина или других хищных птиц сохранился в степной среде Центральной Азии до XX в., как сохранилась и вера в чудодейственные свойства пера орла или мифической птицы, которое может помогать людям.

Но в исламизированной среде степной Центральной Азии это уже обобщенный образ легендарного Хумо, Хумаюна, Гамаюна - птицы счастья, которая садится на голову или руку, отмеченного свыше претендента на трон. Это уже этнографический реликт древнего Фарна или тюркского Кут (Qut), дающего власть и удачу.

* * *

Бұл баяндамада Орталық Азия халықтарынын арасында кец тараган бүркіт қауырсыны туралы айтылады. Саймалы Таша петроглифтерінде найзагай құдайлары бейнеленеен. Осы Саймалы Таша қабырғаларында Орталық Азияға тән бүркіт қауырсыны, найзағай құдайлары кездеседі

Список использованных источников и литература

1. Авеста. Избранные гимны. Гимн Веретрагне (Яшт 7. (Бахрам-Яшт)). Перевод И.М.Стеблин - Каменского. Душанбе. 1990
2. Акишев К.А., Акишев А.К. Происхождение и семантика Иссыкского головного убора// Археологические исследование древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата. 1980
3. Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент. 1975
4. Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Байтанаев Б.А. Новые петроглифы Каратау . Алматы. 2007
5. Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К Археология Казахстана. Учебник. Алматы. 2006
6. Беленицкий А.М. Новые памятники искусства древнего Пянжикента. Опыт иконографического истолкования.//Скульптура и живопись древнего Пянжикента. М. 1959
7. Буряков Ю.Ф. Историко-культурные международные отношения в раннесредневековом Чаче//Сборник истории культуры Согда. Сеул. 2007. На корейском языке.
8. Граков Б.Н. Скифы. М. 1971
9. Грене Ф., Рахманов Ш. Новые данные о первой системе фортификации Афрасиаба // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития. Ташкент- Самарканд. 2008
10. Дэвлет М.А. Петроглифы Улуг-Хема. М. 1976. С. 6-21
11. Дуке Х. Туябугузское поселение бургулюкской культуры. Ташкент. 1982
12. Залізняк Л. Нариси стародавньої' історіі Украіни. Кйів.1994
13. Кабиров Ж. Сармишсойнинг қоя тошларидаги расмлар. Тошкент. 1976
14. Кубарев В.Д. Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. Новосибирск. 1987
15. Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Алма-Ата. 2007
16. Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик. 1986
17. Мирзаев Т.М., Жураев М. Авеста мифологияси ва ўзбек халқ огзаки ижоди // Узбекистан тарихи. 2001. 3
18. Новоженов В.А. Петроглифы Сары-Арки. Алматы. 2002
19. Новгородова Э.А. Древняя Монголия (некоторые проблемы хронологии и культурной истории). М. 1989
20. Окладников А.П. Олень золотые рога. Л-М. 1964
21. Пак.М.Н. Очерки ранней истории Кореи. М. 1979
22. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. М. 1965
23. Самашев З. Петроглифы Казахстана. Алматы. 2006
24. Самашев З. Наскальные изображение Казахстана как исторический источник. Алматы. 2010
25. Сверчков Л. «Тохарская проблема» и культура расписной керамика эпохи раннего железа//Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сборник статей в честь Поля Бернара. Ташкент. 2010
26. Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Ташкент. 2000. С. 97

27. Ташбаева К.И. Новые исследования Саймалы-Таша // Новое о древнем Кыргызстане. Бишкек. 1999
28. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев. 1976
29. Топоров В.Н. Фарн//Мифы народов мира. М. 2002. Т-2
30. Филанович М.И. Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. Ташкент. 2010
31. Ходжаев А. Из истории древних тюрков. (Сведения древнекитайских источников).

Ташкент. 2010
32. Хўжаназаров М. Сармишсой. Самарқанд. 2004
33. Шер. Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М. 1980
34. Яценко С. А. Костюм // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.2000
35. Golden Splendors : The Royal Tomb of Silla Hwangnamdaechong. Seul. 2010

Рис. 1

Рис.3

Рис.2

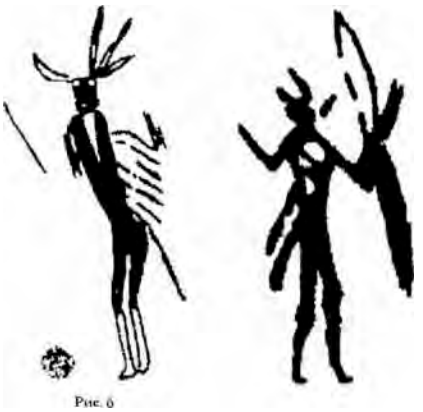


Рис. 6

Рис. 8

Рис.10

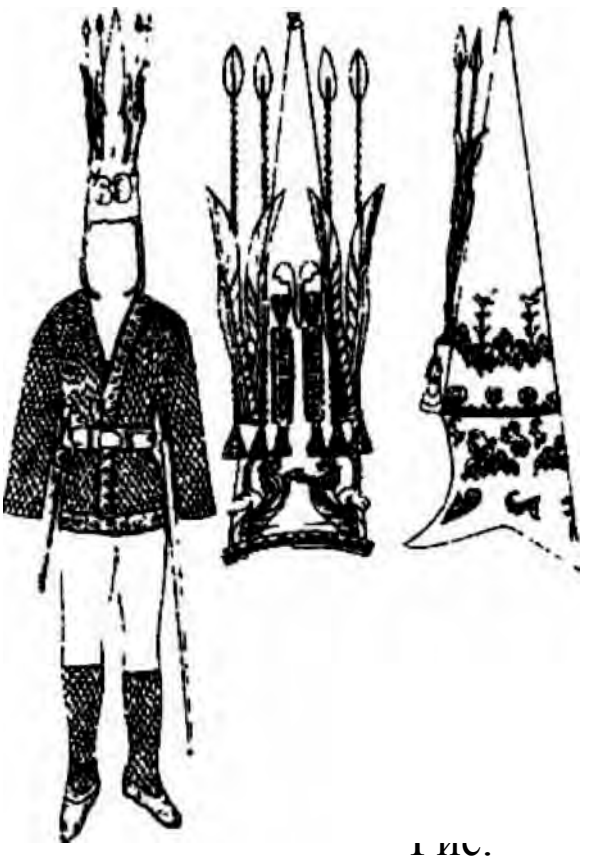


Рис. 11

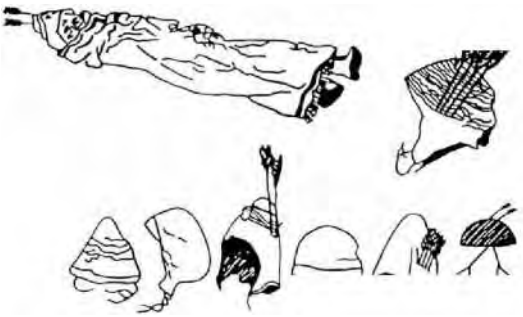


Рис. 17

Список иллюстраций

Рис. 1. Громовержец и рогатые человечки. Тамгалы и Сармыш. По А.Г. Медоеву и М. Хужаназарову.

Рис. 2. Сцена с колесничими и змеем. Саймалы-Таш. По Я.А.Шеру.
Рис. 3. Сцены с колесничими и змеем. Саймалы-Таша. По К.И.Ташбаевой.
Рис. 4. Сцена с колесницей и змеем. Чулуут. По Э.А.Новгордовой.
Рис. 5. Сцена со змеем в ущелье Кашкарата. По К.М.Байпакову и др.
Рис. 6. Хвостатые антропоморфные фигуры с перьями на голове. Могильник Каракол. По В .Д. Кубареву.
Рис. 7. Орлиноголовые персонажи с перьями на головах. Фигура с перьями на головном убора. Тас- Хааза. По В.А. Новоженову.
Рис. 8. Личины с антеннами. По М.А. Дэвлет.
Рис. 9. Воины с перьями на голове. 1-Монголия. 2-Казахстан. 3-Узбекистан. По Э.А. Новгородовой, А.Г.Медоеву, Ж.Кабирову.
Рис. 10. Громовержец поражающий змея. По Ж.Кабирову.
Рис. 11. Головной убор кулах принца кургана Иссык. По К. А.Акишеву и А.К.Акишеву. Рис. 12. Украшенные перьями головные уборы погребенных гунно-сяньбийского времени из могильника близ озера Лобнор. По Яценко С.А.
Рис. 13. Крылатые короны на портретах правителей Эфталитов и Сасанидов. V-VI вв. Рис. 14. Портрет принца с крылатой короной. Живопись Пенжикента. По А.М.Белиницкому.
Рис. 15. Короны с крыльями и перьями правителей Силы. Царское погребение IV-VI вв. По Glden Shlendors...
Рис. 16. Посланцы из Кореи на живописи дворца VIII в. в Самарканде и фигуры корейцев в средневековых костюмах. По Л.И. Албауму.
Рис. 17. Портрет Амира Тимура. XV в. Книжная миниатюра. По Г.А.Пугаченковой и Л.И. Ремпелю.

Сутягина Н. А.
Россия, Санкт-Петербург

Погребальный обряд населения Илийской долины в конце I тыс. до н.э. - начале I тыс. н.э. (по материалам памятников Синьцзяна, КНР)

Изучение археологических памятников, расположенных в контактных зонах, вызывает интерес у исследователей. Особое внимание ученые уделяют территории Синьцзяна. За последние десятилетия здесь было открыто и исследовано большое количество памятников.

Одним из наиболее интересных районов Синьцзяна является Илийская долина.

По своим природным характеристикам она безусловно связана со Средней Азией [14, с. 168, 304]. Это нашло отражение и в формировании культурных особенностей этой территории.

Изучению погребального обряда Семиречья в целом, и, в частности, долины р. Или, всегда уделялось особое внимание. Среди множества научных публикаций стоит отметить обобщающие исследования К.А. Акишева и Г.А. Кушаева, А.М. Досымбаевой [1/4].

Работы китайских археологов позволили существенно расширить и дополнить наши знания о развитии этого региона в период конца I тыс. до н.э. - начала I тыс. н.э. Большинство могильников, материалы которых стали доступны для изучения, расположены в верховьях р. Или, по берегам рек Кунгес, Каш и Текес (рис. 1). Количество погребений, известных по опубликованным материалам, составляет около 300, хотя раскопанных погребальных комплексов значительно больше.

Могильники находятся на высоких террасах, и компактными группами вытянуты вдоль береговой линии рек (мог. Цюнкэкэ I, мог. Цяфуцихай, группа A-XV) [15, с. 184, рис.1; 11, с. 23, рис. 2]. Наземные каменно-земляные конструкции (диаметр 4 - 12 м, высота 0,3 - 1 м) состоят из кольца-ограды и надмогильной каменной наброски, маркирующей контуры могильной ямы (рис. 2, 1,7). Данные признаки могут встречаться как в комплексе, так и по отдельности, что, возможно, связано с особенностями погребальной традиции. В большинстве случаев кольцо-ограда расположено на уровне древней дневной поверхности, а не на насыпи.

В могильниках Цижэньтохай и Шанькоушуйку были исследованы курганы с земляными

насыпями (диаметр 18 - 20 м, высота 1,5 - 2 м). В основании земляной насыпи иногда фиксируются от одного до трех каменных колец.

Количество исследованных курганов с каменной насыпью невелико. Они раскопаны в могильниках Цюнкэкэ-I, Шанькоушуйку, Цяфуцихай, группа А-XV. Эти курганы тоже достаточно крупные (диаметр 12 - 20 м, высота до 1,5 м). И именно эта группа памятников отличается не только характером наземного сооружения, но и особенностями внутреннего устройства погребения.

В пределах одной ограды могло находиться от одной до трех могильных ям. Большинство исследованных захоронений — одиночные. Парных и коллективных погребений раскопано гораздо меньше.

Основными формами могильной ямы являются грунтовая яма и яма с подбоем (рис. 2, 3-4,9). Они имеют овальную или прямоугольную в плане форму, вытянуты по оси запад-восток с возможными отклонениями к северу и югу. Подбой чаще всего устроен в северной стенке ямы (высота 0,2 - 0,6 м, ширина до 1 м). Характерно наличие приступка вдоль южной стенки, ступени при входе в подбой. В некоторых погребениях зафиксирована каменная забутовка входной ямы (мог. Тэмулике - М9, Mil, М16; мог. Цижэньтохай - М106; мог. Шанькоушуйку - М46, М48) [8, с. 256-260; 5, с. 84, рис. 52; 7, с. 21, рис. 43].

В грунтовых ямах также фиксируются приступки, расположенные вдоль одной стороны (южной), двух продольных сторон или по периметру ямы. В некоторых погребениях могильника Шанькоушуйку (М20, М60, М61) обнаружены ниши, куда помещался сопроводительный инвентарь и части туши жертвенного животного (рис. 2. II). Аналогичные ниши были зафиксированы в погребениях могильника Караша I [12, с. 121-128]. В некоторых грунтовых ямах была прослежена каменная обкладка по периметру. В погребениях могильника Гуннайсы она фиксируется на всю высоту стен [13, с. 94. рис. 5], в могильнике Цюнкэкэ I — только на дне ямы. Интересно, что именно в этом могильнике ямы с каменной обкладкой сконцентрированы в западной части могильника и в них похоронены преимущественно мужчины [15, с. 189-191]. Ямы с частичной обкладкой стен обнаружены в могильнике Цяфуцихай, группа А-X (М7) [11, с. 44. рис. 6].

В могильниках Шанькоушуйку и Цижэньтохай были раскопаны катакомбы. Количество их невелико. Они различаются по расположению входной ямы относительно погребальной камеры: на одной оси, перпендикулярно друг к другу, под углом. Размеры катакомб варьируют в широких пределах.

Перекрытия погребений фиксируются редко. В ямах с подбоем такую функцию выполняли каменные блоки (мог. Цюнкэкэ-I, М50) или бревна, поставленные под наклоном (мог. Содунбулак, М 6, Цяфуцихай А-X, Ml) [17, с. 19, рис. 3; 11, с. 45, рис. 7)]. В грунтовых ямах выявлены горизонтальные перекрытия: бревенчатые, опирающиеся на уступы (мог. Содунбулак, М 30, М33 [17, с. 21, 22, рис. 7,11)], и блоки, опирающиеся на каменную обкладку (мог. Гуннайсы) [13, с. 94, рис. 5)].

Захоронения людей произведены по обряду ингумации в положении вытянуто на спине с некоторыми вариантами в положении головы, рук и ног. Большинство погребенных ориентировано головой в западном направлении с небольшими отклонениями к северу или югу. Иная ориентация встречается редко. Характерной чертой погребального обряда является помещение вместе с сопроводительным инвентарем курдючной части туши барана (хвостовые позвонки и крестец барана), редко встречается грудная часть (ребра) и лопатки. В одном погребении обнаружена половина туши барана (мог. Шанькоушуйку, М44) [7, с. 20)]. Традиционно, место для сопроводительного инвентаря и заупокойной пищи - в изголовье или специальной нише, иногда в керамическом или деревянном сосуде. В единичных случаях найдены кости коровы и лошади (ребра, копыта) в заполнении могильной ямы. Возможно, это были шкуры животных.

Вещевой комплекс, полученный при исследовании этих памятников, включает определенный набор предметов. Наиболее многочисленную группу находок составляет посуда. Здесь найдены

миски, кружки, кувшины, сосуды с «носиками»-сливами (рис. 2, 6,10). Большинство сосудов круглодонные, но есть и плоскодонные экземпляры. В погребение ставили один сосуд, редко два и более. В некоторых погребениях обнаружена деревянная посуда.

Специального внимания заслуживает расписная керамика. В настоящее время известно 34 сосуда, которые происходят из комплексов долины верхнего течения реки Или. Роспись наносилась на ангобированную поверхность. В орнаменте доминируют геометрические мотивы: треугольники, горизонтальные и вертикальные линии, сетка. Цветовые сочетания ангоба и росписи, а также орнаментальные композиции различаются в каждом отдельном могильнике. Отдельные мотивы росписи встречаются в оформлении поверхности керамической посуды из погребений могильников Чауху- гоу-1, 2, 4 (уезд Хэцзин) [2, с. 290-291, 293-294, 296], но форма сосудов, зональность в нанесении орнамента на поверхность различаются. Некоторые аналогии керамике из могильника Содунбулак можно найти в комплексах Актамского могильника [3, рис. 31]. Интересно, что в синхронных памятниках нижнего течения реки Или найден расписной сосуд (мог. Унгур-Кора I, кург. 28) [1, табл. VI,1], орнамент которого скорее
указывает на близость к скифским традициям Саяно-Алтайского региона.

В одном комплексе с керамикой в могилу помещались ножи, зеркала и различные украшения (рис. 2,I, II). Бронзовые ножи встречаются трех типов: пластинчатые прямые, с выделенной рукоятью и с кольцевым навершием на рукояти. Сохранность железных ножей часто очень плохая и об их форме можно судить только по отдельным находкам. Иногда вместе с ножами в погребениях находят железные проколки (шилья).

В двух погребениях были обнаружены бронзовые зеркала: дисковидное со слегка загнутым бортиком [7, с. 34, рис. 66,11] и зеркало с короткой боковой ручкой, которая оформлена фигурой стоящего козла (рис. 2, 5).

Украшения представлены каменными бусами, бронзовыми или золотыми серьгами, бляшками, подвесками. В погребении М35 мог. Шанькоушуйку найдена золотая серьга с каменной вставкой (камень черного цвета, порода не указана) и колпачком, украшенным зернью. Верхняя части серьги оформлена композицией из трех рогатых животных (козлы?). Эта категория находок очень интересная. Серьга с колпачком и бирюзовой вставкой была обнаружена в могильнике Кзылауз I (курган 11) [1, табл. I, 5]. Типологическим особенностям серег Саяно-Алтайского региона и их аналогиям посвящена отдельная публикация [19, с. 386-395]. Однако точных аналогий находке из могильника Шанькоушуйку пока не известно.

Предметы вооружения представлены бронзовыми и костяными наконечниками стрел. Стрелы были найдены в погребениях могильников Цюнкэкэ I, Шанькоушуйку, Цяфуцихай, группа А-XV. В последнем случае, в погребении М68 был обнаружен колчанный набор из 23 костяных и 4 бронзовых наконечников. Костяные наконечники в погребениях в основном черешковые трехгранные, иногда с уплощением одной из сторон. Среди бронзовых наконечников встречаются трехгранные втульчатые с остатками древка, есть и трехгранный черешковый экземпляр (рис. 2,11).

К единичным находкам относятся бронзовые бляшки разных типов, крюк. Также единичны находки оселков овальной и прямоугольной формы, зернотерки, костяные и роговые изделия. В некоторых случаях в погребениях сохраняются мелкие фрагменты изделий из кожи.

Наиболее спорные вопросы в изучении памятников Илийской долины — хронология и периодизация памятников, которые были оставлены населением этого региона на рубеже эр. К. А. Акишев и Г.А. Кушаев датировали такие погребальные комплексы в пределах III в. до н. э. - III в. н. э. [1]. Относительно недавно А. М. Досымбаева предложила датировать близкие памятники Семиречья II в. до н. э. - V в. н. э [4].

В китайской историографии сложился неоднозначный взгляд на памятники верхнего течения реки Или [20. с. 1-6]. Чэнь Гэ выделил так называемую «культуру течения реки Или», которая охватывает собственно долину реки Или, Центральный Тянь- Шань и Памир. На основании дат, полученных с помощью радиоуглеродного анализа и метода «широких аналогий», он предположил длительный период существования этой культуры: рубеж IX-VIII вв. до н. э. -

рубеж эр [20, с. 9-11]. Хань Цзянье поддержал выделение такой культуры, но удревнил её нижнюю границу, определив время существования периодом «XI - I вв. до н. э». Отдельные могильники этой культуры он предложил датировать следующим образом: Цюнкэкэ I — XI - VIII вв. до н. э., Со- дунбулак — VIII - V вв. до н. э., Темуликэ — V -1 вв. до н. э. [16, с. 30-32, 35, 37, 39-40)].

В публикациях материалов погребальных памятников этого региона авторы иначе определяют время их существования: Цижэньтохай —V в. до н.э. - рубеж эр [5, с. 86], Цяфуцихай, группа A- XV — V—III вв до.н. э. [21, с. 33], Содунбулак — I/II вв. до н.э.- III/ IV вв. н.э. [17, с. 26], Шанькойшуйку — рубеж эр - III/IV вв. н.э. [7, с. 39]. Китайские исследователи связывают эти могильники с саками и усунями. В основу датирования были положены аналогии в погребальном обряде и комплексе сопроводительного
инвентаря, которые известны в памятниках западной части Илийской долины.

Таким образом, в результате исследования могильников верхнего течения реки Или можно сделать следующие выводы. Данная территория являлась контактной зоной, что нашло отражение в традициях погребального обряда населения. Аналогии конструкциям погребальных сооружений и предметам сопроводительного инвентаря встречаются как в памятниках Семиречья, так и в глубинных районах Синьцзяна. Отдельные находки позволяют говорить и о более широком круге аналогий, происходящих из памятников Центральной Азии. Что касается времени существования этих могильников, то в настоящее время его можно определить концом I тыс. до н.э. — началом I тыс. н.э.

* * *

Мақалада автор Синзянь (ҚХР) территориясында Іле даласында зерттеген жер- леу ескерткіштердіц қортысы берілген. Цижэньтохай жэне Шанькоушуйку зерттел- ген жерлеу қорымдарында б.з.б., I мыц. соцы - б.з. I мыц. уақытыныц материалда- ры шыққан. Жерлеу қорымдарынан табылган олжаларды автор Жетісудегі усунь кешендерімен салыстырады. Жұмысында Отандық және шетелдік аталған мәселеге қатысты түжырымдары талқыланған. Қытай территориясында зерттелген қорымдар сақ-усунь кезецдердіц кейбір мәселелерін шешуге ықпал жасайды деп қортындыл айды.

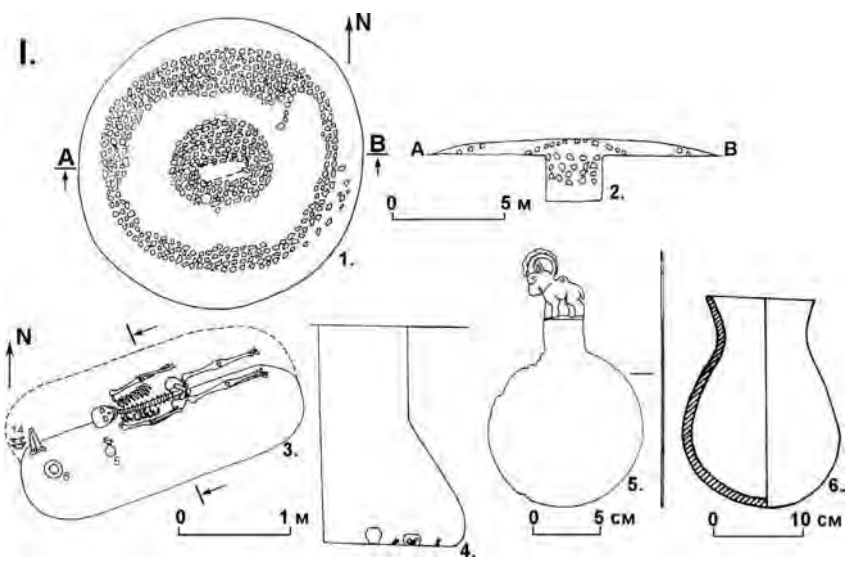
Список использованных источников и литературы

1. Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во Акад. Наук КазССР. 1963. 300 с.
2. Синьцзян Чаухугоу. Дасин шицзу муди фацзюэ баогао (Могильник Чаухугоу. Сообщение о раскопках погребального комплекса крупного родового объединения (СУАР)). Пекин: Дунфан чубаньшэ. 1999. 416 с. (на кит.яз.).
3. Гамбург Б. 3., Горбунова Н. Г. Ак-тамский могильник // КСИИМК. Вып. 69. 1957. С. 78-90
4. Досымбаева А. М. Культурный комплекс тюркских кочевников Жетысу II в. до н.э. - V в. н.э. (по материалам археологии). Алматы. 2002. 217 с.
5. Жуань Цюжун, Юй Цзяньцзюнь, Гуань Ба. Или чжоу нилэкэ сянь Цижэньтохай муди фацзюэ цзяньбао (Сообщение о раскопках могильника Цижэньтохай в уезде Нилэкэ, Илийский округ) // Синьцзян вэньу. 2004. №3. С. 60-87 (на кит. яз.).
6. Жуань Цюжун, Чжан Тэнань, Ху Синцзюнь. Или цяфуцихай шуйли шуню гунчэн нань'ань ганьцю каогу фацзюэ цзяньбао (Сообщение об археологических раскопках в районе строительства гидросооружений на южном берегу канала, Цяфуцихай, Или) // Синьцзян вэньу. 2005, №1. С. 13-32 (на кит. яз.).
7. Жуань Цюжун, Чжан Тенань, Ху Синцзюнь, Линь Исянь. 2005 няньду Или чжоу гунлю сянь Шанькоушуйку муди каогу фацзюэ баогао (Сообщене о раскопках могильника Шанькоушуйку в уезде Гунлю, Илийском округе в 2005 году) // Синьцзян вэньу. 2006. № 1. С. 1-40 (на кит. яз.).
8. Литвинский Б.А., Лубо-Лесниченко Е.И Погребальные памятники // Восточный Туркестан в

древности и раннем средневековье. Хозяйство, материальная культура. М.: Изд-во «Восточная литература». 1995. С. 255-359

9. Лю Сюэтан, Жуань Цюжун. Нилэкэ сянь Цюнкэкэ и хао муди каогу фацзюэ баогао (Сообщение о раскопках могильника Цюнкэкэ I, уезд Нилэкэ) // Синьцзян вэньу. 2002. №3-4. С. 13-53 (на кит. яз.).
10. Люй Эньго, Кан Пин, Чжоу Сяомин. Тэкэсы сянь Ешэнькэлэкэ муцзан фацзюэ цзяньбао (Сообщение о раскопках могильника Ешэнькэлэкэ в уезде Тэкэсы) // Синьцзян вэньу. 2005. №3. с. 20-30 (на кит. яз.).
11. Люй Эньго, Ай Цзецзы, Бахэби'эргань. Тэкэсы сянь Цяфуцихай А цюй Х хао муди фацзюэ цзяньбао (Сообщение о раскопках могильника Цяфуцихай, группа А-Х в уезде Тэкэсы) // Синьцзян вэньу. 2006. №1. С. 41-47 (на кит. яз.).
12. Максимова А. Г. Цепочка курганов из могильника Караша I // По следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата: Наука. 1970. С. 121-128
13. Молодин В. И. Кан Ин Ук. Памятник Ярхото к контексте гуннской проблемы // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. 2000. №3. С. 89-99.
14. Мурзаев Э. М. Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии. М.: Наука. 1966. 382 с.
15. Сутягина Н. А. Новые данные о погребальном обряде населения долины реки Или в конце I тыс. до н.э. - начале I тыс. н.э. (по материалам могильника Цюнкэкэ I) // Записки ИИМК РАН. - СПб: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН». 2010. №5. С. 183-199
16. Хань Цзянье. Синьцзян дэ циньтун шидай хэ цзаоци теци шидай вэньхуа (Культуры бронзового и раннего железного века на территории Синьцзяна). Пекин. 2007. 140 с. (на кит. яз.).
17. Чжан Юйчжун. Синьцзян Чабуча'эр сянь Содунбулакэ гу муцюнь (Древний могильник Содунбулак, уезд Чабуча'эр, Синьцзян) // Каогу. 1999. №8. С. 17-28 (на кит. яз.).
18. Чжан Юйчжун. Синьюань Тэмуликэ гу муцюнь фацзюэ баогао (Сообщение о раскопках могильника Тэмулике, уезд Синьюань) // Синьцзян вэньу каогу синь шоухо (1979-1989). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ. 1995.
19. Чугунов К. В. Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая (происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. Кн.1. Барнаул: Изд-во АГУ. 2003. С. 386-395
20. Чэнь Гэ. Синьцзян Или хэ лююй вэньхуа чулунь (К вопросу об археологических культурах в бассейне реки Или, Синьцзян) // Оу я сюэкань. Пекин. 2000. №3. С. 1-36 (на кит. яз.).
21. Чэнь Хунхай, Люй Эньго. Тэкэсы сянь цяфуцихай А цюй XV хао муди фацзюэ цзяньбао (Сообщение о раскопках могильника Цяфуцихай, группа А-XV, уезд Тэкэсы) // Синьцзян вэньу. 2005. №4. С. 22-33 (на кит. яз.).

Рис. 1. Карта расположения памятников (1):
1 - мог. Цижэньтохай (по: Жуань Цюжун и др., 2004), 2 - мог. Цюнкэкэ I (по: Лю Сюэтан и др., 2002), 3 - мог. Тэмуликэ (по: Чжан Юйчжун, 1995), 4 - мог. Илэгэдай (по: Жуань Цюжун и др., 2005), 5 - мог. Дунфан Чжуанчан (по: Жуань Цюжун и др., 2005), 6 - мог. Хунци чжуанчан (по: Жуань Цюжун и др., 2005), 7 - мог. Лункоу (по: Жуань Цюжун и др., 2005), 8 - мог. Шанькоушуйку (по: Жуань Цюжун и др., 2006), 9 ДО, 12 - мог. Ешэнькэлэкэ А-С (по: Люй Эньго и др., 2005), 11 - мог. Цяфуцихай, группы А-X, А-XV (по: Люй Эньго и др., 2006), 13 - мог. Содунбулак (по: Чжан Юйчжун, 1999)



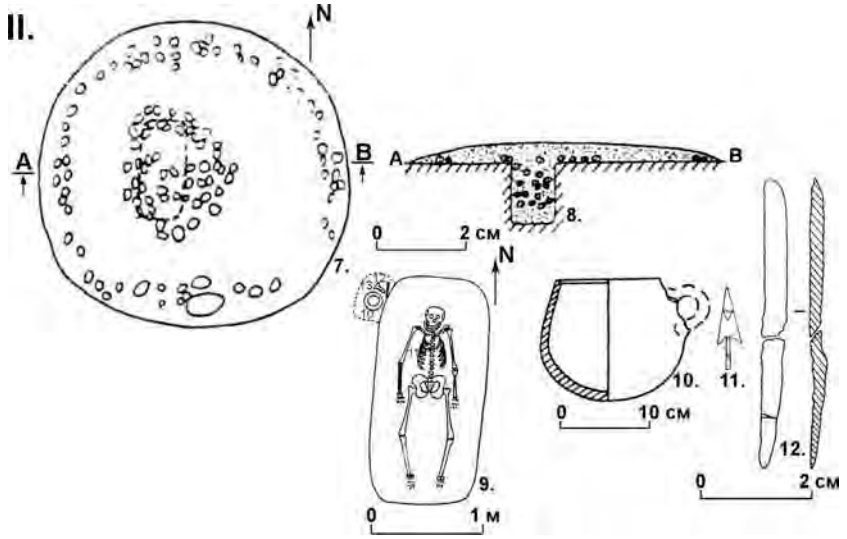


Рис. 2. Погребальные комплексы (2):
I - мог. Ешэнкэлэкэ, А-М5 (по: Люй Эньго и др., 2005)
II - мог. Шанькоушуйку, М61 (по: Жуань Цюжун и др., 2006)
1, 7 - **общие планы курганов; 2, 8 - разрезы по линии А-В; 3,4, 9 - планы и разрез погребений; 6,10 - керамика, 5,11 - бронза, 12 - железо, 13,14 - кости животных;**

Примечания:

1. Названия памятников даны с использованием правил транскрипции по: Большой китайско-русский словарь / Под ред. Б.Г. Мудрова. Изд. 5-е, испр. М., 2002 - 528 с. Исключением являются названия, которые имеют устоявшуюся форму написания в русском языке (например, могильник Содунбулак).
2. На планах могильных ям обоих погребений направление севера отмечено неверно. В описании погребений указано точное количество градусов относительно севера для ориентации погребенных (Люй Эньго и др., 2005. с. 22, Жуань Цюжун и др., 2006. с. 26), что было скорректировано в данной публикации.

Телятникова Н.В.
Россия, Омск Архивные материалы о могильнике Дандыбай

Полное описание бегазы-дандыбаевской культуры (БДК) Центрального Казахстана дано А.Х. Маргуланом в 1970-х годах. Памятники культуры представлены некрополями, менгирами, поселениями, древними горными выработками, металлургическими комплексами. К ее памятникам относят комплексы Бугулы, Алеп-аул, Кент, Центральный хутор, Сангру, Былкылдак и другие. Исследователи датируют культуру X - VIII вв. до н.э. Основой выделения БДК послужили находки у аула Дандыбай близ Караганды и в урочище Бегазы в Северном Прибалхашье. Визитной карточкой БДК являются мегалитические могильные сооружения, а также керамика, обращающая на себя внимание особенностями техники изготовления, формы сосудов, приемов орнаментации. Таковы характерные черты БДК, отмеченные А.Х. Маргуланом в монографии, которая вышла в 1979 году [5]. В последние годы изучением культуры успешно занимается В.В. Варфоломеев [1; 2; 3].

Нельзя сказать, что в литературе представлена исчерпывающая информация об эталонных памятниках БДК, в частности, о могильнике Дандыбай, открытом в 1933 г. Нуринской археологической экспедицией под руководством П.С. Рыкова, хотя материалы памятника были неоднократно опубликованы: П.С. Рыковым [6, с. 57-58, 7, с. 40-88], М.П. Грязновым [4, с. 129-162] и А.Х. Маргуланом [5]. В этих работах были представлены не все материалы, добытые Нуринской экспедицией на могильнике Дандыбай. Публикация П.С. Рыкова в 1933 году представляла собой небольшую заметку о работах экспедиции в Центральном Казахстане, изданную по окончании сезона. Его обобщающая статья была опубликована уже через год, а,

значит, написана за короткий срок, по горячим следам. Поэтому вполне естественно, что в публикации представлена лишь часть материалов, зачастую без подробного описания и иллюстраций. Имеющиеся же фотографии глиняных сосудов очень мелкие, особенности керамических изделий по ним уловить сложно. М.П. Грязнов опубликовал только материалы погребения 11, нехарактерные для бронзовой культуры Центрального Казахстана, с подробным описанием погребального сооружения и находок. В монографии А.Х. Маргулана материалы могильника Дандыбай также опубликованы выборочно. За основу брались только наиболее показательные находки, передающие своеобразие выделенной бегазы-дандыбаевской культуры.

Таким образом, широкой научной общественности доступна только часть имеющихся материалов, в связи, с чем представления об одном из эталонных памятников БДК неполны. Материалы из архива М.П. Грязнова, хранящиеся в Музее археологии и этнографии ОмГУ (фонд 3), позволят дополнить недостающие сведения.

Среди документов М.П. Грязнова по могильнику Дандыбай имеются планы курганов и погребений, рисунки керамики, костяных и бронзовых изделий, реконструкции керамических штампов. Часть из этого, как уже отмечалось, была опубликована. Нас же интересуют документы, не попавшие на страницы изданий.

Нуринской экспедицией в 1933 году на памятнике Дандыбай было раскопано 10 курганов. Планы шести погребальных сооружений (1,4, 6,8, 9,11) с описаниями представлены в статье П.С. Рыкова [7], рисунки остальных (2, 5, 10, 12) отсутствуют, хотя автор также останавливался на их характеристике. В документах Михаила Петровича имеются планы курганов 2,10 и 12 (Рис. 1,2,3), а также могил, обнаруженных при раскопке сооружений 10 (с разрезом) (рис. 3) и 12 (рис. 4). Для характеристики кургана 5, раскопанного М.П. Грязновым, П.С. Рыков отвел всего две строчки, иллюстративные материалы отсутствовали. Любопытно, что в архиве Михаила Петровича никаких рисунков или фотографий этого кургана мы так же не находим.

Из-за того, что памятник был ограблен, инвентаря в его погребениях мало. Найдены были только фрагменты керамических сосудов, большую часть из которых удалось реконструировать, изделия из бронзы и кости.

В связи с этим, наибольший интерес представляют рисунки глиняных сосудов. Михаил Петрович рисовал их по нескольку раз, попутно указывая цвет, характер орнаментации, наличие примесей к тесту, измерительные данные (например, диаметр венчика или дна, емкость сосуда).

Сосуд из кургана 1. Это плоскодонный горшок со слегка отогнутым венчиком, желтого цвета, орнаментированный желобками. Диаметр шейки - 19 см, диаметр дна - 14см (рис. 5.1).

Сосуд из погребения 1 кургана 2. Горшок с уплощенным дном и слегка отогнутым венчиком. Цвет - желтовато-серый. Орнамент представляет собой ряды зигзагов из желобков, опоясывающих верхнюю часть сосуда. На дне с внутренней стороны также имеется орнамент. Верхняя часть деформирована, вероятно, до обжига. Емкость -1015 $см^3$.

Сосуд 1 из погребения 2 кургана 2. Горшок с плоским дном и слегка отогнутым венчиком. Цвет - желтый, в изломе - темно-серый. Орнамент состоит из выполненных оттисками гребенки треугольников и меандров, разделенных желобками и рядами круглых ямочных вдавлений (рис. 5.2).

Сосуд 2 из погребения 2 кургана 2. Плоскодонный горшок со слегка отогнутым венчиком. Поверхность залощена. Цвет - темно-серый. Орнаментальная композиция состоит из меандров, треугольников, выполненных гребенкой, желобков и рядов под- треугольных ямок (рис. 5.3).

Сосуд из погребения 3 кургана 2. Плоскодонный горшок со скошенным верхом. Цвет - светло-желтый. Орнамент - гребенчатый. Емкость - 1600 $см^3$ (рис. 5.4).

Сосуд из кургана 6. Горшок с уплощенным дном и скошенным верхом. Без орнамента.

Сосуд 1 из кургана 8. Плоскодонный горшок со слегка отогнутым венчиком. Поверхность залощена. Цвет - темно-серый. Орнамент состоит из треугольников, заполненных оттисками гребенки, и желобков. На дне имеется орнамент в виде свастики (рис. 5.5).

Сосуд 2 из кургана 8. По сохранившейся придонной части видно, что сосуд был украшен желобками и гребенчатым орнаментом. Цвет - желтовато-серый (рис. 5.6).

В архиве М.П. Грязнова имеются также рисунки бронзовых изделий из погребения 2 кургана 2: в основном, колец из бронзовой проволоки с подписями «26 из. целых + ок. 5 из. из обломков» или «60 шт. целых + ок. 30 шт. из обломков» (рис. 6).

Таковы материалы по некрополю Дандыбай, хранящиеся в архиве М.П. Грязнова. Они немногочисленны. Но не стоит забывать, что находок на могильнике в виду его разграбления было найдено немного, поэтому публикация даже небольшого количества находок позволит расширить наши представления об этом памятнике. А.Х. Маргуланом была проделана большая работа по обобщению и систематизации археологических источников бронзовой эпохи в Центральном Казахстане. М.П. Гряз- нов также занимался этой проблемой, как видно из содержимого его документов. Использование этих материалов позволит существенно дополнить характеристику памятников эпохи бронзы, данную А.Х. Маргуланом, расширить наши представления об этом времени.

* * *

Бұл баяндама жазу барысында кезінде Омбы МУ археология және этнология институндағы мұражайда сақталған (Фонд 3) М.П. Грязновтың Беғазы-Дәндібай мәдениетіне қатысты мұрағаттық материалдарын қолданған. М.П. Грязновтың мұрағаттық материалдары осы оқулықтарды толтыруға жол ашады. М.П. Грязновтың құжаттары ішінде Дәндібай обасына қатысты қорғандар мен жерлеу сызбалары, суреттер. сүйек және қола бүйымдар, қыш ыдыстары кездеседі.

Список использованных источников и литературы

1. ВарфоломеевВ.В.Квопросуо мощном миграционном потокебегазы-дандыбаевских племен // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово. 2003. С. 60-65
2. Варфоломеев В.В. Кент и его округа (некоторые итоги палеоэкономического и социокультурного анализа памятников восточной Сары-Арки) // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т.1. Древние эпохи. Астана. 2003. С.88-108
3. Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда. 1987. С. 56-68
4. Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. XVI. 1952. С. 129-162
5. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма- Ата. 1979
6. Рыков П.С. Нуринская экспедиция // ПИМК. 1933. №9-10. С. 57-58
7. Рыков П.С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). Отчет о работах // Археологические работы академии на новостройках / Известия ГАИМК. Вып. 110. М.-Л. 1935. С. 40-88
8. Тихонов С.С. Могильник Дандыбай и его исследования Нуринской археологической экспедицией Института истории материальной культуры в 1933 году // Мар- гулановские чтения. Караганда. 2008

ХНАНАы- бай. Ліогила Jf?2.

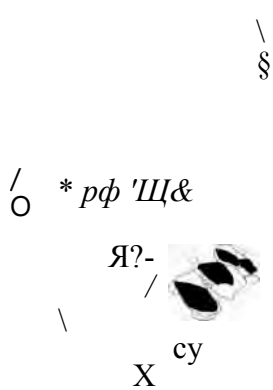


Рис. 1. План кургана 2

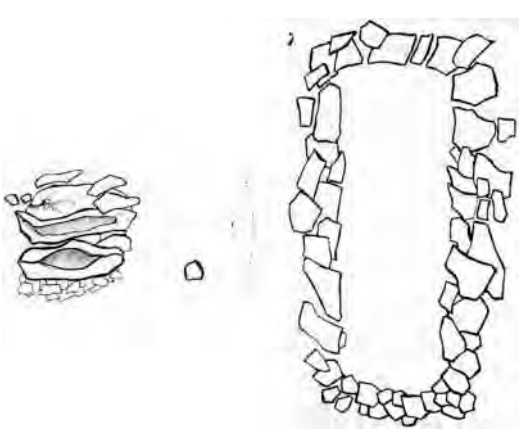
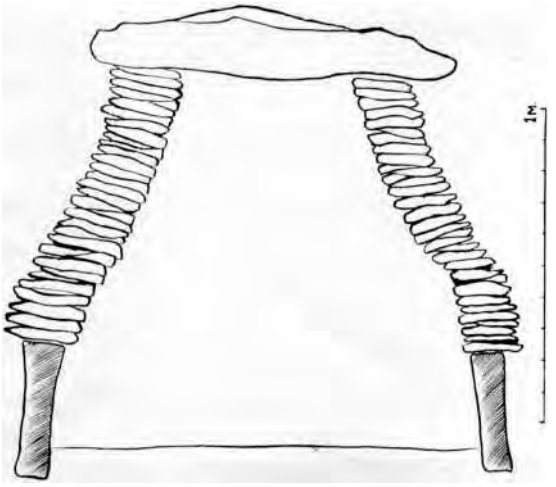


Рис. 2. План кургана 10



Дыңды-бай, кург.

Рис. 4. План кургана 12 и могилы

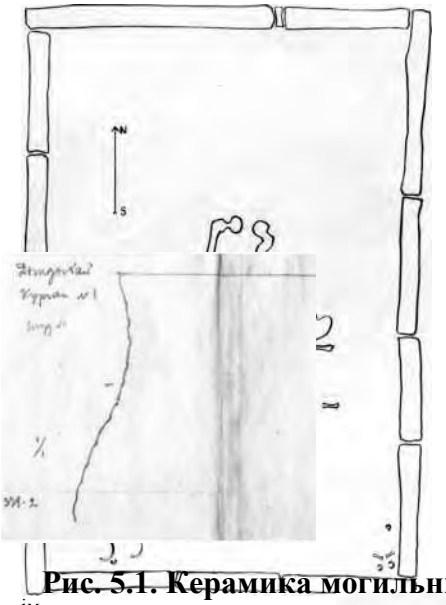
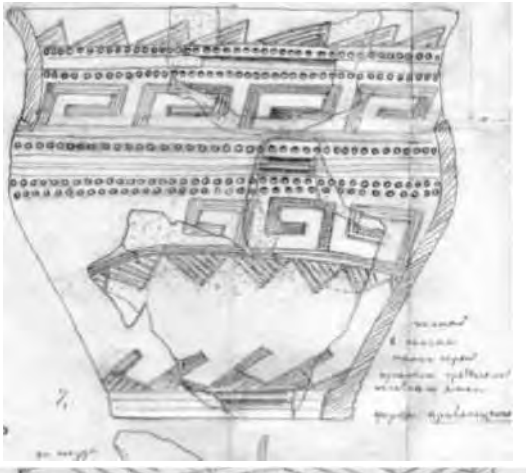


Рис. 5.1. Керамика могильника Дандыбай курган 1

ім.

Рис. 3. Курган 10. План м



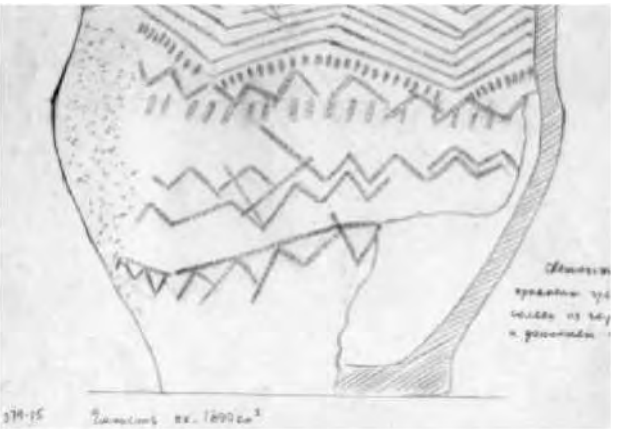


Рис. 5.4. Керамика могильника Дандыбай

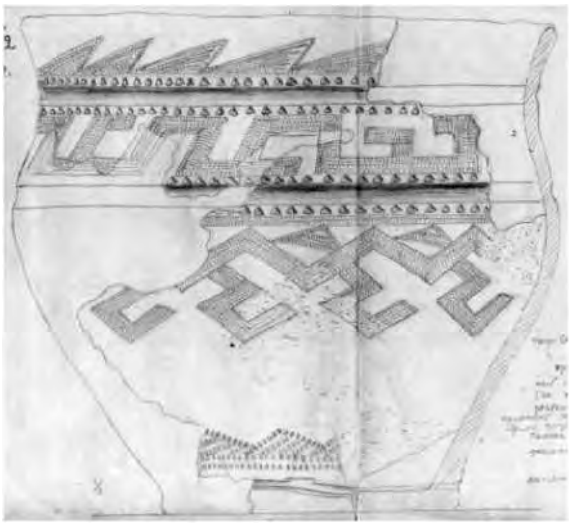


Рис. 5.3. Керамика могильника Данды- бай курган 2, погребение 2, сосуд 2

Рис. 5.5 Керамика могильника Дандыбай курган 8, сосуд 1

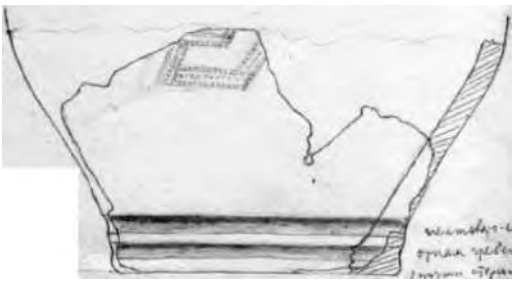


Рис. 5.6 Керамика могильника дандыбай курган 8, сосуд 2

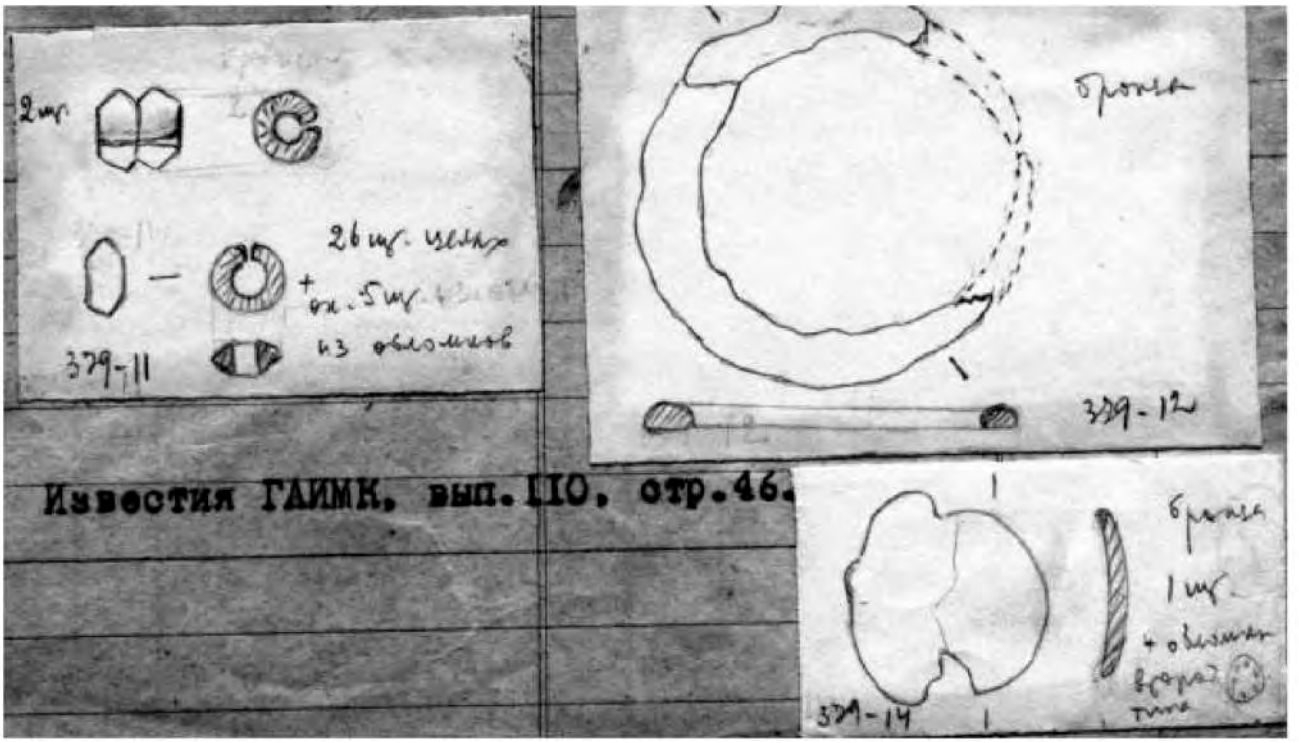


Рис. 6. Керамика могильника Дандыбай курган 2, погребение 2, сосуд 2

Тихонов С.С.
Россия, Омск

Полевые материалы 1929 года и изучение древностей Акмолинска

Одним из источников в археологических исследованиях могут быть архивные материалы, и порой архивные изыскания становятся такими же увлекательными и плодотворными, как и полевые. В архиве М.П. Грязнова, хранящемся в Музее археологии и этнографии ОмГУ (Фонд III) есть материалы, касающиеся Акмолинского района, собранные Л.Ф. Семеновым в 1929 году.

Предположу, что это был тот самый Леонид Федорович Семенов, краткую биографию которого составила Главный хранитель областного историко-краеведческого музея М. Орыспаева и разместила на одном из сайтов, касающихся музеев [3]. Она писала, что Леонид Федорович Семенов родился 1 апреля 1901 года в семье приказчика, который незадолго до революции стал купцом. В 1919 году Л.Ф. Семенов окончил Петропавловское реальное училище, затем прослужил один год и четыре месяца в Красной Армии в должности заведующего библиотекой 253-го стрелкового полка. После этого при Петропавловском ГУБОНО прослушал месячные курсы библиотекарей. В июле 1921 года по слабости зрения был демобилизован из армии и вернулся в Акмолинск. Здесь поступил в уездный отдел народного образования на должность инспектора библиотечного дела, вскоре был переведен на должность заведующего городской уездной библиотекой. В 1923 году по своей инициативе открыл в Акмолинске уездный музей. В 1924 году организовал двухнедельные курсы библиотекарей изб-читален. С конца 1924 по 1926 годы проработал в Петропавловске в библиотеке, а потом был переведен на должность заведующего Домом просвещения, затем назначен его директором. В 1927 году вернулся в Акмолинск и был назначен заведующим библиотекой и музеем. В 1932 году его пригласили работать в Центральный музей Казахстана, но через полтора года по болезни жены вернулся в Акмолинск. С 1937 по 1958 годы Семенов Леонид Федорович работал директором Карагандинского краеведческого музея. Семенов Леонид Федорович умер 9 мая 1986 года. В областном историко-краеведческом музее хранятся собранные им материалы.

В 1929 году Л.Ф. Семенов провел археологическую разведку в окрестностях Акмолинска, и нашел несколько памятников, в том числе и городище на озере Бузукты, которое он шурфовал. Судя по тому, что отчет о полевых работах находится в ГАИМКе, Л.Ф. Семенов вел работы совершенно официально, и после их окончания отчитался перед организацией, ведавшей в те годы организацией и проведением археологических работ в Советском Союзе. М.П. Грязнов законспектировал описание городища (рис. 1)

Сведения приведены сверхкраткие: указано месторасположение памятника на озере, расстояние от Акмолинска, количество и размеры шурфов, их глубина. Конечно, это не значит, что так описал городище исследователь, но так законспектировал описание М.П. Грязнов.

Имеется и план городища. Вернее, его копия, снятая Михаилом Петровичем (рис. 2**).**

Из плана видно, что городище расположено на восточном берегу озера Бузукты на невысокой, четырехметровой террасе озерной близ дороги на Ильинский хутор. Городище состоит из трех площадок, окруженных валом и рвами. Размеры городища по линии север — юг — около 160 м, по линии запад — восток приблизительно 130-140 м. На площади городища в разных местах было заложено 5 шурфов, больше похожих на то, что сейчас называется «закопушками». Найденное Л.Ф. Семеновым городище

можно соотнести с памятником известным ныне как Бозок (рис. 3).

На рисунке 3 приведена карта территории к западу от Астаны (бывшегоАкмолин- ска). На

ней виден населенный пункт Ильинка (старый Ильинский хутор), озеро Бузукты в западу от Астаны. Отмечу, что Л.Ф. Семенов указывал, что от городища до Акмолинска 12 км. Это не совпадает с современной географической ситуацией. С другой стороны неизвестно как и от какой точки было измерено расстояние в 1929 году. В программе GoogleEarth есть съемка участка местности с городищем Бозок. По конфигурации (три площадки) и расположению (восточный берег озера) оно соответствует городищу Бузукты. Вывод очевиден: в 1929 году Л.Ф. Семенов, заведующий библиотекой Акмолинска и Акмолинский уездным музеем, нашел городище, сведения о котором сохранились только в архиве ГАИМК, ставшего затем затем ЛО ИА АН СССР, а ныне — Институтом истории материальной культуры РАН.

В 1998 году К.А. Акишев вновь открыл памятник и организовал на нем археологические раскопки, из которых стало ясно, что городище Бозок, один из ключевых памятников в изучении древней истории Казахстана, раскопками которого занимаются ученые НИИ археологии им. КА. Акишева Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Реконструкцию внешнего вида городища, основанную на материалах раскопок можно найти в Internet'e (рис. 4) на сайтах по адресу [4; 5].

Результаты раскопок памятника опубликованы [1]. Что касается Л.Ф. Семенова, то на следующий год после разведки он написал книгу [2], а затем занялся музейной работой. В раскопках он если и участвовал, то эпизодически. Но коллеги отмечали доброжелательность, увлеченность историей и готовность помочь, присущую Леониду Федоровичу. Как пример, приведу его участие в становлении писателя и историка
С.Н. Маркова, печатавшегося в акмолинской газете «Красный вестник». Но более он известен как исследователь, изучивший полярную эпопею боцмана Бегичева, именем которого названы острова в Северном Ледовитом океане, а также нашедшего архивы уральских промышленников Строгановых.

К сожалению, мне неизвестны другие результаты археологической деятельности Л.Ф. Семенова, кроме тех, что сохранились в архиве М.П. Грязнова. Но жаль, что его археологический потенциал не был реализован.

* * *

Бұл баяндама коне Ақмола өцірін зерттеуде үлес қосқан, белгілі өлкетанушы Л.Ф.Семенов туралы жазылған. Л.Ф.Семенов XX ғ. 20 жылдары Ақмола қаласында жүмыс жасап, қала мацындағы бірқатар ескерткіштерге зерттеу жүргізді. Осы зерттеулердіц барысында қазіргі тацда белгілі ортағасырлық Бозоқ ескерткіші табылған болатын. Баяндаманы жазу кезінде Омбы МУ археология және этнология институндағы мүражайда сақталған (Фонд 3) М.П.Грязновтыц архив материалдарын қолданған.

Список использованных источников и литературы

1. Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Астана: ЕНУ. 2008
2. Семенов Л.Ф. Акмолинск за 100 лет. Материалы к летописи. Акмолинск, 1930
3. http://museum.karaganda.kz/index.php/ru/kraevedenie
4. http://info-tses.kz/red/article.php?article=33727
5. http://www.kazakhstanlive.ru/citys/astana/history/bozok/

/Jj -iI^-rC t<-«4 , ^ ^ ^ Уог,~<

К- 5, ,/3-Si.^O A £C^^ И^АЛ^ J %_^Z^<L~2)*

J-»}frjL.J [C]К> [t]hT e^*

(*-^> ^ ^v7 j /3

sSU А—

j ^Ю и^хЛ .кі—^ к /•'t. ж,

К-о <-СП,

Рис. 1. Описание городища Бузукты (1929 год)

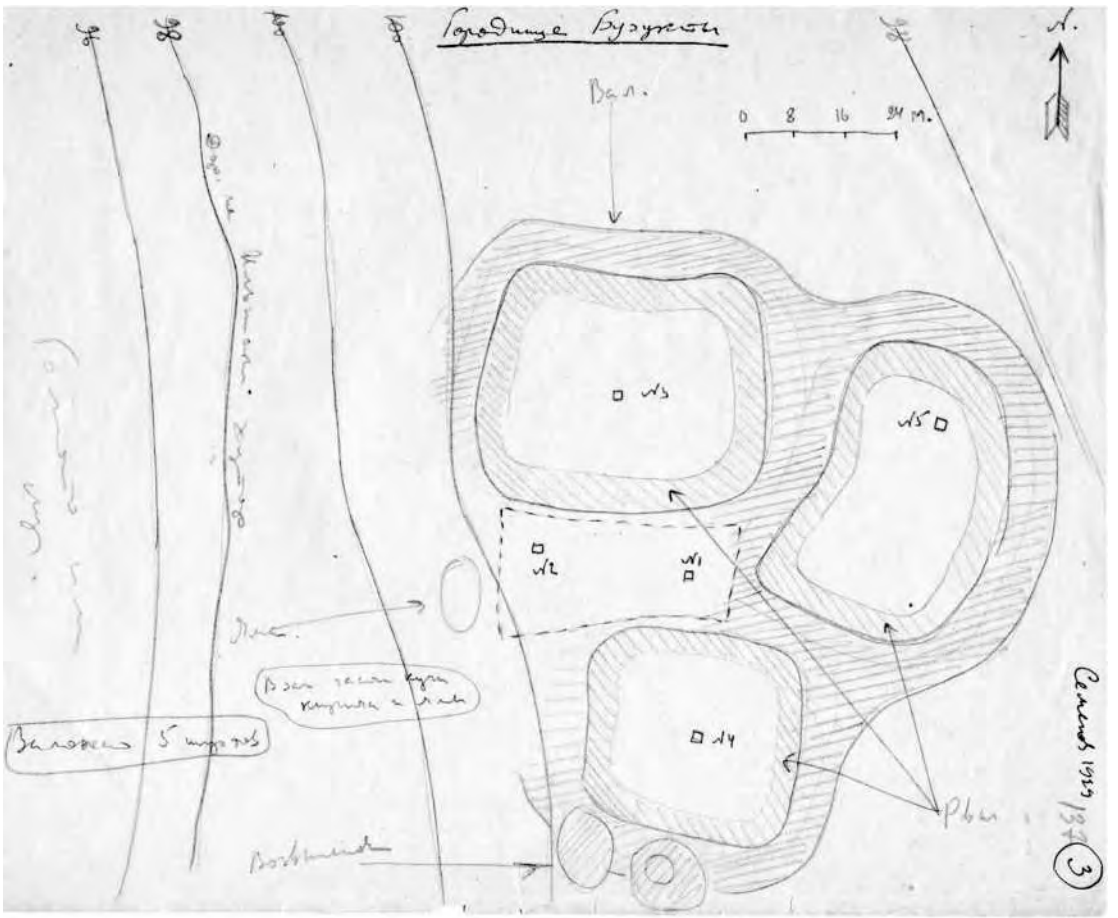


Рис. 2. План городища Бузукты

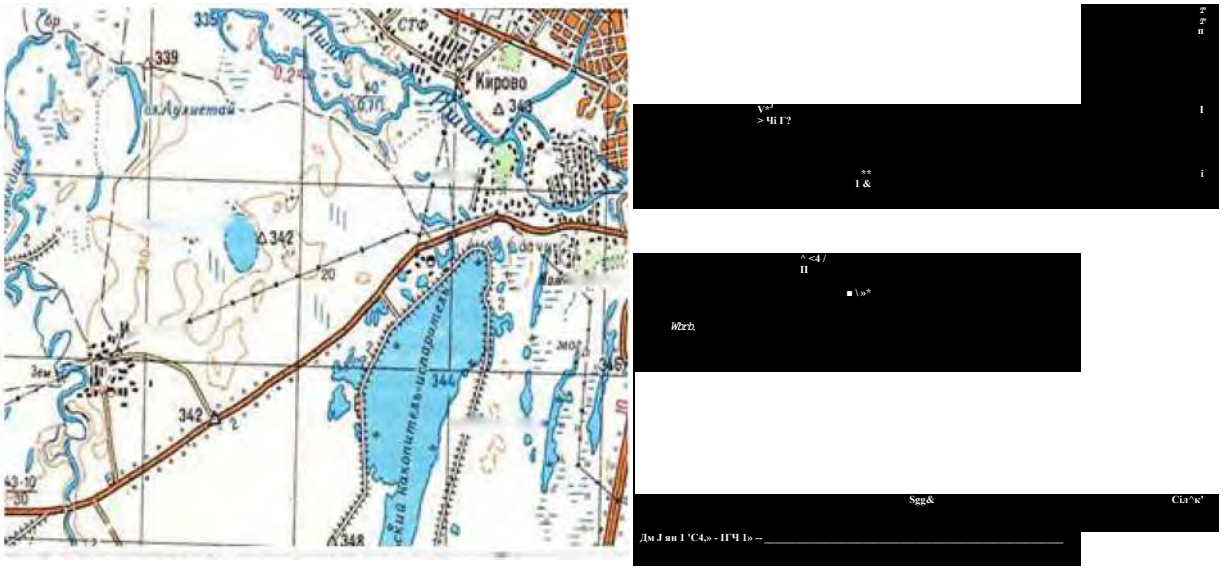


Рис. 3. Озеро Бузукты и вид городища Бозок

Рис. 4. Реконструкия городища Бозок

Ткачев А.А.
Россия, Тюменъ

К вопросу о соотношении нуринских комплексов Центрального Казахстана

История исследования нуринских памятников начинается со второй половины 1940-х гг., когда были изучены могильники Бугулы I, Акшатау и Аксу-Аюлы II Центрально-Казахстанской археологической экспедицией. Несмотря на то, что полученные материалы рассматривались в рамках федоровской культурной традиции, их сравнительный анализ показал значительные отличия погребальной обрядности и элементов материальной культуры центрально-казахстанских памятников от зауральских [1, с. 4-5]. В 50-60 гг. прошлого века исследуются могильники Байбала I, Косагал, Канаттас, Ботакора, Сангру II, материалы которых позволили обосновать выделение нуринского этапа в истории развития андроновского населения Центрального Казахстана [9, с. 60, табл.III; 20, с. 71-91]. Исследуются и поселенческие комплексы - в нижнем строительном горизонте многослойного поселения Атасу I выявлены постройки, содержащие нуринскую и атасускую посуду, при значительном преобладании первой [12]; нуринский керамический комплекс типологически выделен в коллекции многослойного поселения Мыржик [13, с. 312].

Период 1970-1990-х гг. связан с активным изучением нуринских древностей среди разновременных погребальных объектов на могильниках Ак-Мустафа, Койшокы II, Атасу I, Мыржик I, Талды I, Жиланды [10; 11; 13]. В северной зоне Сары-Арки, исследуется серия нуринских погребальных памятников - могильники Акимбек, Кзылтас
I, Алпымса, Самара, Шоиндыколь [4; 17; 24]. Жилые комплексы, содержащие нурин- ские материалы, получены на поселениях Усть-Кенетай, Ташик, Акимбек, Икпень I, Икпень III [6; 7; 23].

Накопление источниковой базы позволило охарактеризовать систему жизнедеятельности нуринского населения, а также наметить основные этапы культурного развития путем вычленения характерных компонентов, слагающих данную культуру. М.К. Кадырбаев, после изучения могильника Сангуыр II (Сангру), впервые предпринял попытку хронологического членения нуринских комплексов, выделив позднену- ринские материалы как переходные от нуринских к атасуским древностям [9, с.60]. Несколько позднее, рассматривая проблемы культурно-хронологического членения памятников бронзового века Сары-Арки, казахстанские археологи согласились с мнением М.К. Кадырбаева и атрибутировали керамический комплекс могильника Сангру II как поздненуринский, подчеркнув характерные черты посуды данного памятника [20, с. 278, табл.ЬХ].

Е.Е. Кузьмина разработала, по мнению автора, наиболее аргументированную периодизацию андроновско-федоровских древностей [15, с. 30-34; 16, с. 42-46,114-118], выделив в рассматриваемых комплексах две хронологические группы. По мнению исследователя, наиболее ранние федоровские признаки прослеживаются только в Центральном Казахстане и связаны с местным энеолитическим населением. Для ранних памятников характерны соразмерные сосуды высоких и стройных пропорций; для поздних - приземистые горшки с искаженными пропорциями, нарушенной зональностью и обедненным орнаментом. Однако, обосновывая формирование комплексов нуринского типа в степях Сары-Арки, Е.Е. Кузьмина не привела ни одного объекта, который можно было бы соотнести с данной стадией развития. Памятники ранней группы выделены по захоронениям, изученным в Зауралье (Субботино, Черняки II, Кинзерский) и Северном Казахстане (Бурлук I, Алыпкаш). К позднефедоровским комплексам отнесена значительная серия некрополей (Туктубаево, Смолино, Биырык-
Коль, Зевакино), в том числе и единственный могильник Центрального Казахстана
- Сангру II.

Разделение федоровских памятников на ранние и поздние признает Г.Б. Зданович [8, с. 100Д12-114Д48]. Т.С. Малютина выделила в развитии федоровских керамических комплексов классический и позднефедоровский периоды [18, с. 22, рис. на с.25-26]. В то же время точка зрения Е.Е. Кузьминой и позиция Г.Б. Здановича и Т.С. Малютиной различны по поводу соотношения федоровских и алакульских древностей. Если, по мнению Е.Е. Кузьминой, федоровское и алакульское население развивается и взаимодействует длительный период времени, то Г.Б. Зданович и Т.С. Малютина выводят федоровскую культуру из алакульской через промежуточный этап. К последней точке зрения близки взгляды А.В. Матвеева, хотя исследователь не исключает возможности хронологического расчленения федоровских памятников в процессе дальнейших работ, считая их более однородными, чем алакульские. По его мнению, памятники, выделенные Е.Е.Кузьминой в поздний комплекс (Ново-Бурино, Туктубаево, Приплодный Лог, поздний комплекс могильника Путиловская Заимка II, курганы 15,16, 60-62 Кинзерского могильника), являются не федоровскими, а степными черкаскульскими некрополями [21, с. 31-32].

Андроновскую проблематику невозможно решить без привлечения центрально-казахстанских материалов, где на сегодняшний день представлена наиболее значительная группа поселенческих и погребальных памятников нуринского-федоровского типа. Совокупные материалы, полученные в степях Сары-Арки, во много раз превышают аналогичные, изученные в степной и лесостепной зонах Зауралья, Северного Казахстана и Западной Сибири. Обобщение и систематизация данного корпуса источников, несмотря на их значительную вариабельность, позволяют наметить вехи развития нуринских комплексов [25].

Импульс к формированию нуринской культуры дала миграция восточноказахстанского населения в степи Сары-Арки. Ранненуринские материалы получены при исследовании серии поселений (Икпень II, Черниговское, Коктюбе, Караайгыр) и могильников (Балыкты, Звенигородка, Мырза-Шоку) [19; 24; 13]. В северо-западной части Сары-Арки близкий керамический комплекс происходит из детского некрополя, впущенного в энеолитический горизонт поселения Кожай I [14]. Посуда ба- лыктинского типа представлена банками и слабопрофилированными невысокими горшками стройных пропорций, имеющими слегка раздутое тулово. В орнаментике преобладают принципы геометризма, а в технике нанесения узора - мелкогребенчатый штамп. В погребальной обрядности используются безнасыпные ограды, грунтовые ямы, распространено трупоположение, кремация встречается как исключение. Сопроводительный инвентарь по многим показателям сходен с материалами нуртай- ских комплексов.

Своеобразный характер балыктинских материалов и их незначительное количество позволяют рассматривать данные комплексы как переходные, относящиеся к кратковременной фазе формирования нуринской культурной традиции, развивавшейся на основе мигрировавшего восточно-казахстанского андроновско-канайского населения.

К следующему, развитому или классическому этапу нуринской культуры относится большинство памятников, содержащих материалы нуринского облика - поселение Икпень I (средний слой), Икпень III (средний слой), Усть-Кенетай (ранний слой), Та- шик (ранний слой), могильников Самара, Алпымса, Шоиндыколь, Акимбек. Самостоятельное существование этого комплекса подтверждается горизонтальной и вертикальной стратиграфией исследованных поселений [23, с. 71,104, рис. 5, табл. 22,40]. Керамические комплексы становятся более разнообразными, но их культурную принадлежность определяют горшки высоких и стройных пропорций, с плавно профилированным туловом и слегка отогнутой шейкой. Для орнаментики характерен ярко выраженный геометризм. В технике нанесения узора преобладает мел ко гребенчатый штамп, с постепенным нарастанием узоров, выполненных оттисками с зубцами средних и крупных размеров.

Большое значение в орнаментальных композициях начинает придаваться желобкам. Если в балыктинских комплексах желобок имел вспомогательное значение и использовался в основном как разделитель орнаментальных зон шейки и тулова, то для посуды классического этапа характерны три зоны орнаментации: по венчику, шейке и верхней части тулова (орнаментация в придонной части встречается как исключение), разделенные одним-двумя желобками, превратившимися в самостоятельный элемент орнаментики. Иногда шейка и тулово украшены значительным количеством «смещенных» желобков.

В погребальной обрядности развивается курганное строительство, постепенно начинают преобладать грунтовые ямы с уступчиками, в которые впускались ящики, появляются цисты и сложные подкурганные каменные сооружения, включающие двойные ограды и двойное перекрытие могил, сооруженных горизонтальной кладкой. Для погребальной обрядности этого периода характерен биритуализм, при некотором преобладании ингумации. Погребальные комплексы отличаются незначительным присутствием промежуточных горшечно-баночных форм, имевших в основном хозяйственно-бытовое назначение.

Среди многочисленной серии памятников достаточно трудно вычленить памятники финальной стадии нуринской культуры. Небольшие группы нуринского населения, проживая рядом с атасуским, должны были достаточно быстро раствориться среди многочисленных атасуских коллективов. Вместе с тем к этому периоду можно отнести нуринские захоронения могильника Самара (курган 1-3, ограда 3), Талды I (курган 6) , Аксу-Аюлы II (курган 1-3), Ортау II (курган 1,2), Айшрак Б (курган 6, 7, 11), Егизек I (ограда 2, 23,15), Егизек II (ограда 2), Сангру II (ограда 1, 4-6, 20). На поселениях Икпень I и Майоровка поздненуринские комплексы посуды типологически вычленяются из керамических коллекций.

Поздненуринскую керамику характеризуют следующие признаки: высота сосуда становится меньше диаметра устья; тулово приобретает чашеобразную форму; сосуды выглядят широкогорлыми и приземистыми; в орнаментации преобладают горизонтальные и вертикальные зигзаги, нанесенные резной техникой и крупногребенчатым штампом. Отличительным признаком завершающего этапа в развитии нуринских керамических традиций является «косой» треугольник, обрамленный треугольными вдавлениями или овальными «ресничками», что позднее, как пережиточное явление, отмечается и на алексеевско-саргаринской посуде.

Для поздненуринского этапа характерны захоронения в крупных курганах, имеющих сложную внутреннюю структуру: большие ограды из вертикально установленных плит и мавзолеи, сложенные горизонтальной кладкой. Для захоронения лиц высокого социального ранга сооружались массивные каменные ящики и цисты. По своим конструктивным особенностям крупные поздненуринские курганы имеют прямое сходство с позднеканайскими (кызылтасскими) погребальными памятниками Верхнего Прииртышья, для которых также характерно наличие цист и сложных надмогильных конструкций (Зевакино [2, с. 76-77], Кызылтас I [3, с. 119-121], Меновное IX [26, с. 204-229]).

Сравнительный анализ материалов Центрального и Восточного Казахстана позволяет утверждать, что гипотеза о формировании протофедоровских памятников в пределах Восточного Казахстана более предпочтительна, чем остальные. В регионе

на основе комплексного скотоводческо-земледельческого и металлургического хозяйства, при сохранении определенной роли охоты на диких животных, сформировалась канайская культура. Кроме того, носители данного культурного типа в силу природно-географических условий, являются создателями крупнейшего металлургического центра, снабжавшего оловом, медью и бронзой родственные западные и южные андроновские племена [27, с. 87-

91, 132-136]. Развитие подвижных форм хозяйства и металлургии способствовало развитию миграционных процессов в среде канайского населения.

Проникновение в степи Центрального Казахстана могло происходить двумя путями. Одна группа андроновско-канайских мигрантов двинулась на запад по рекам внутреннего стока с территории Верхнего Прииртышья. Обогнув с юга Каркаралинско-Кентский горный массив, переселенцы проникают в южные районы Центрального Казахстана, где появляется нуринское поселение (Атасу I) со специфическим скотоводческо-металлургическим хозяйством, о чем свидетельствуют многочисленные отходы металлургического производства и печи для плавки руды [12, с. 139-142, рис. 2; 13, с. 32-44, рис. 8,10,11,15-18]. Если передвижение первой группы гипотетично, так как степные пространства Верхнего Прииртышья к западу от Иртыша и восточная зона Казахского мелкосопочника практически не исследованы, то пути перемещения второй группы населения, мигрировавшей с территории Павлодарского Прииртышья, можно проследить по памятникам, изученным на Ишимо-Иртышском водоразделе. Данная группа, попав по небольшим речкам внутреннего стока на водораздел Иртыша и Ишима, вступила в контакт с нуртайским населением (Балыкты, Звенигородка), затем по долине р.Шидерты проникла в степи Северной Сары-Арки. Пути перемещения канайского населения отмечены небольшими кратковременными поселениями (Караайгыр, Коктюбе) [22, с.88-91]. Контакты разнокультурного населения проявились в отдельных канайских чертах, отмеченных на поздненуртайской посуде (Нуртай, Икпень I). Естественный ход эволюции племен Центрального Казахстана был нарушен, и в степях Сары-Арки параллельно начинают развиваться две культурные традиции, выразившиеся в формировании атасуской и нуринской культур, сосуществовавших на протяжении XVI - XIV вв. до н.э.

* * *

Бүл баяндама Орталық Қазақстандағы Нұра кешеніне қатысты жасалған. Андроновтық проблематиканы шешу Орталық Қазақстанныц материалдарын қолданбай шеше алмайтынидығын көрсетеді. Қазіргі кезде осы Нұра -Федеровтық үлгідегі қоныстар мен жерлеу ескерткіштері кездеседі. Автор өз зерттеуінде Нұра кешенініц даму мәдениетін 3 кезецге боліп қарастырады.

Список использованных источников и литературы

1. Акишев К.А. Эпоха бронзы Центрального Казахстана: Автореф. дис. ... канд.ист. наук. Æ: Гос. Эрмитаж. 1953. 18 с.
2. Арсланова Ф.Х. Погребения эпохи бронзы Зевакинского могильника // Первобытная археология Сибири. Æ: Наука. 1975. С.73-78
3. Арсланова Ф.Х. Археологические находки в Казахстане // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Башк. ун-т. 1983. С. 119-125
4. Варфоломеев В.В. Погребения эпохи поздней бронзы могильника Шоиндыколь // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Караганд. ун-т. 1989. С. 76-84
5. Варфоломеев В.В. Сары-Арка в конце бронзовой эпохи: Автореф. дис. ...канд.ист. наук. Алма-Ата: ИИАЭ АН КазССР. 1991. 21 с.
6. Евдокимов В.В. Поселение эпохи бронзы Усть-Кенетай // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. - Караганда: Караганд. ун-т. 1982. С. 3 - 20
7. Евдокимов В.В. Исследования в Карагандинско области // АО в 1983 г. М.: Наука, 1985. С. 507-508
8. Зданович Г.Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей. - Свердловск: Урал, ун-т, 1988. 184 с.
9. Кадырбаев М.К. Могильник Сангуыр II // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1961. Т.12. С. 48-61
10. Кадырбаев М.К. Археологические раскопки в Северном Прибалхашье // Поиски и раскопки в Казахстана. Алма-Ата: Наука. 1972. С. 107-122
11. Кадырбаев М.К. Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. Алма-Ата: Наука.

1974. С. 25-45
12. Кадырбаев М.К. Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Башк. ун-т. 1983. С. 134-142
13. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алматы: Гылым. 1992. 247 с.
14. Калиева С.С. Поселение Кожай I. Алматы: ИА МН-АН РК. 1998. 255 с.
15. Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности //Инф. бюлл. Междунар. ассоциации по изучению культур Центральной Азии UNESCO. М. 1985. С. 24-45
16. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Рос. ин-т культурологии РАН и МК РФ. 1994. 464 с.
17. Кукушкин И.А. Андроновские погребения Кентского ущелья // Маргулановские чтения 1990. М.: ИА АН Казахстана. 1992. 4.1. С. 90-93
18. Малютина Т.С. Федоровская культура урало-казахстанских степей: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. М.: ИА РАН. 1994. 28 с.
19. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура. Алма-Ата: Наука. 1979. 360 с.
20. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука. 1966. 453 с.
21. Матвеев А.В. Лесостепное Зауралье во II - начале I тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... док. ист.наук. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН. 2000. 50 с.
22. Ткачев А.А. Археологическая разведка на р.Шидерты // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Алтай, ун-т. 1998. Вып. IX. С. 88-91
23. Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002а. 4.1. 289 с.
24. Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 20026. 4.2. 243 с.
25. Ткачев А.А. Бронзовый век Центрального Казахстана.: Автореф.дис. ...док.ист. наук. М.: ИА РАН. 2003. 50 с.
26. Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука. 2008. 304 с.
27. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. №88. 1960. 272 с.

Усманова Э.Р.
Казахстан, Караганда Имитация черепа как символический смысл погребения (по материалам могильника Лисаковский VI)

Погребение есть культурно отработанный стереотип действий по отношению к умершему человеку. По ритуальным правилам умершего сопровождает предметная погребальная атрибутика. Если могильная яма оказывается без костей погребенного, при этом имеются артефакты или таковы вообще могут отсутствовать, то такое погребение считается кенотафом, т.е. символическим погребением. Но есть погребения, которые несколько ломают стереотип в понимании их как захоронения, связанного с умершим. Их сравнительно немного, и они отличаются своими предметами, которые находятся в могильном пространстве. Эти предметы, по всей видимости, относятся к культовым и имеют отношение к ритуалам, истинное значение которых остается для нас неизвестным. Их захоронение - это тоже погребальный акт относительно предмета, который «умирает», уходя из обрядовой практики.

В погребальном ритуале могильника Лисаковский I (Костанайская обл., г. Лиса- ковск) есть захоронение деревянного идола в форме столба в кургане, который находился в системе оград, где были погребения с набором инвентаря согласно правилам алакульской

культурной традиции. [1, с. 107-108]. В дно могильной ямы был вертикально врыт столб, который позже был подожжен и закинут камнями, грунтом. В другом погребении (Лисаковский VI, курган 3) был похоронен камень, имитирующий своей формой череп (рис. 1).

Погребение было скрыто под насыпью кургана из колотого щебня высотой 0,3 м, диаметром 12 м. Погребальная камера (размерами 2,4 х 1,7 м, ориентирована по линии 3-В) была устроена в скальном материке, и плотно забутована в три слоя большим количеством камней, пересыпанных щебнем. По северной и южной стенкам камеры установлены вертикально камни. Западная стенка имела ступенчатый вид, с небольшой нишей, и походила на некое сиденье природного происхождения. Когда вскрывалось данное погребение, то было очевидно, что в него не было проникновений. Конечно, как археологи, мы понимали, что это не грабленое погребение, и по этому поводу строились всевозможные догадки на тему будущих находок. Но каково было наше удивление, когда в придонной части вместо ожидаемого предмета «необыкновенной» ценности, появился камень (известняк белого цвета), который заметно выделялся на фоне забутовки из камней индезитных пород коричневого цвета.

Первоначально этот, названный условно «белый камень» представлялся маркером находки, которая могла находиться под ним. Сам камень лежал на плоской плите, под которой был материковый щебнистый слой. Вертикальная позиция «белого камня» укреплялась несколькими мелкими камнями, которые явно фиксировали его специальную постановку. Камень подтреугольной формы, с полукруглым основанием размерами 0,3 х 0,35 м и высотой 0,18 м, ориентирован острым концом на северо- восток по направлению к реке (рис. 1: 1, 2). Именно этот «белый камень» явился главной интригой данного погребения!

При его внимательном обследовании обнаружены следы обработки в виде легкой шлифовки по одной из граней. Если камень повернуть правой стороной для просмотра, то с острого угла начинается «превращение» его в скульптурную форму: четко обозначается профиль с слегка выступающим вздернутым носом, надбровная дуга выполнена в рельефе, чуть обозначена треугольная глазная впадина, линия скулы подчеркнута естественным сколом камня. Первобытный «ваятель» умело использовал природные качества камня - известняка - его рельефность и конфигурацию. Переносица и линия губ обозначена методом легкой шлифовки по боковой грани камня (на рисунке показано стрелкой). Нельзя сказать, что над камнем вдохновенно трудились как над Венерой Милосской. Но в результате мастером была подана очень деликатная скульптурная форма черепа человека, которая представляется только с одной, правой стороны. С левой стороны плоскость камня имеет природную поверхность. Верхняя плоскость горизонтальная с округлым основанием без рельефных линий. Белый известняк был специально принесен из другой местности, потому что скалистая линия берега реки Тобол - это туфовые выходы камней красно-коричневого цвета. Потом камень был обработан в виде формы черепа. Каким образом он использовался: в обрядовой погребальной церемонии или в других ритуальных практиках - сказать невозможно. Так же как и невозможно понять его обрядовую роль как заместителя черепа. Курган с «белым камнем», расположенный в комплексе с курганами, принадлежавшими к культурам финальной бронзы, скорее всего, относится к этому периоду.

Занимательна сама интрига погребения, то есть обрядовое соотношение самого предмета и тех скрытых за ним ритуальных обстоятельств, которые и привели к созданию этого погребального комплекса. Безусловно, что это преднамеренное погребение, совершенное с целью захоронить данный объект - «белый камень», который являлся культовым камнем. Отсюда следует такая тщательность его сокрытия большим количеством камней, щебенкой. Это тайное желание не дать возможность увидеть чужому глазу священное,

предназначенное только для узкого круга людей. «Белый камень» по закону погребальной ритуальности оказался в «каменном плену» - погребальная камера, можно сказать, вырублена в скальном материковом выходе, прослеживается мощная каменная забутовка. Земляное заполнение почти отсутствует, как будто следуя формуле захоронения: камню - каменное.

Культовый камень своей формой имитировал череп: избран белый цвет; легкой шлифовкой получен контур профиля. С точки зрения «культа черепа», весьма распространенного в традиционных культурах и связанного с культом предков, становится понятным, почему камню приданы очертания черепа. Другой вопрос, что могло символизировать погребение «белого камня» своей формой имитирующий череп? В андроновской части могильника Лисаковский I и IV известны случаи захоронения отдельных человеческих черепов и челюстей [1, с. 126; 2, с. 70-81].

Возможно, будучи культовым камнем, «белый камень» использовался в обрядах, связанных с культами плодородия и предков. И затем по каким-то причинам он подлежал захоронению. Например, деревянный столб-идол был подожжен и «погребен» (могильник Лисаковский I, группа Б, курган 3). Видимо, культовые предметы, по истечению своего срока магического действия, подлежали погребению-уничтожению для дальнейшего символического возрождения. Ведь смысл погребения как обряда перехода в первобытных культурах - это последующее возрождение через принятие смерти [3]. Наверное, в таком контексте культуры смерти, возможно, рассматривать столь редкое, специальное погребение «белого камня». Погребения, не укладывающегося в рамки привычного для ученого ума представления о погребальном обряде эпохи бронзы.

* * *

Мақалада жерлеу ғұрыпында, адамдардыц бас қанқа сүйектерініц орына та- сты қолдану үрдістері көрсетілген. Симантикалық анализ жасалып жіне әр-түрлі фитишизмдерді пайдалану ғұрпыныц болғандығы көрсетіліп, түжырымдар үсынылды.

Список использованных источников и литературы

1. Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда - Лиса- ковск. 2005
2. Усманова Э.Р., Мерц В.К, Колбина А.В., Вентреска А. О некоторых сюжетах в «тексте» погребального обряда эпохи бронзы // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар. 2006
3. Gennep Arnold Von. The Rites of Passage // The Cambridge University of Chicago Press, 1966

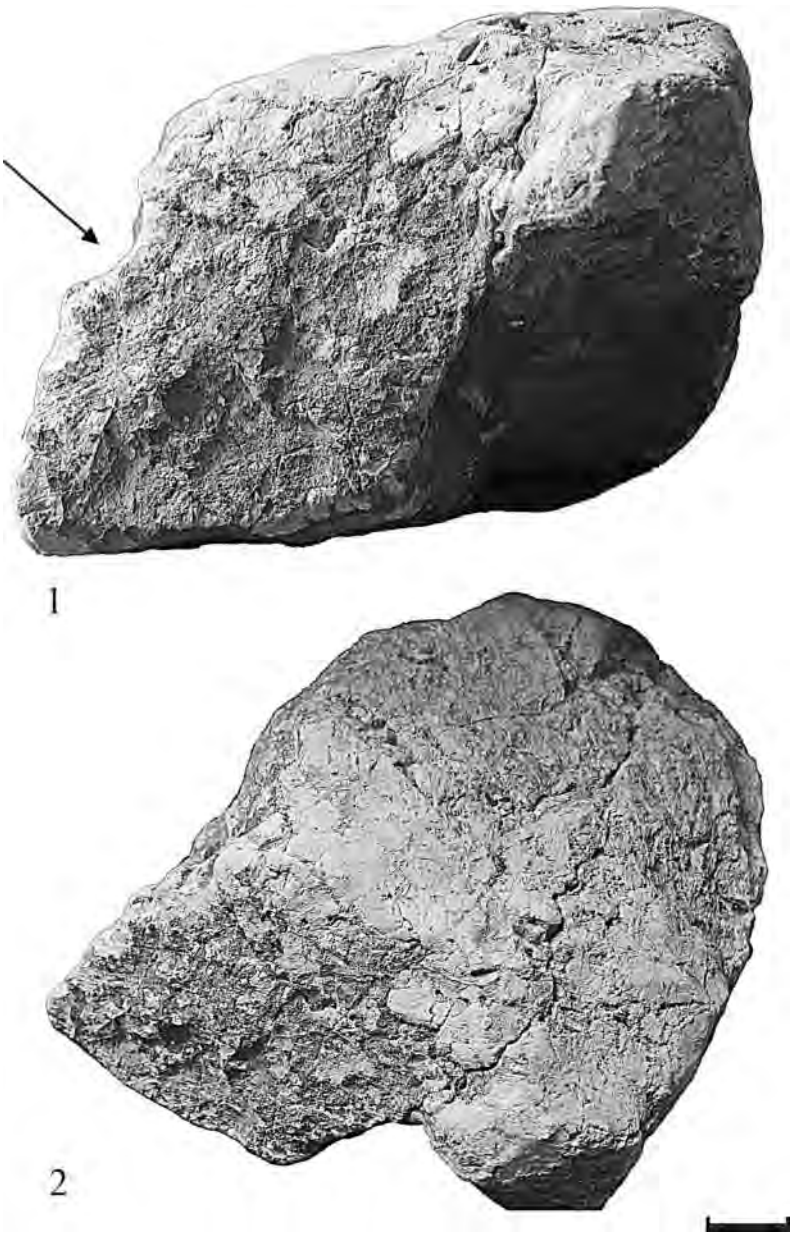


Рис. 1. Могильник Лисаковский VI, курган 3. Имитация черепа в природной форме камня: вид сбоку и сверху

Хасенова Б.М.
Казахстан, Астана К вопросу о семантике образов кимакской торевтики

Художественная обработка поверхности металла в Кимакском каганате использовалась при оформлении предметов, по функциональному назначению подразделяющихся на: 1) предметы украшений - пояса, застежки-подвески, копоушки, булавки, бляшки, подвески, навершия головных уборов; 2) оформление оружия - ножны, на- вершия, обоймы, фигурные бляхи; 3) предметы конского снаряжения - бляшки, султанчики, налобные бляхи, наконечники ремней, тройники-распределители, пряжки.

Преимущественное их использование при оформлении определенной группы предметов вещного мира позволяет выделить круг социально значимых явлений в жизни степных обществ. Таким образом, характер использования этих предметов в рамках данных культур определяет торевтику как один из важнейших способов художественной деятельности рассматриваемого периода. Древние мастера фиксировали приоритеты данного общества, нацеленного на демонстрацию воинской доблести и силы, на осуществление защитных мер.

Анализ изображений на поверхности предметов позволил выявить ряд определенных закономерностей, объяснимых с точки зрения гендерных отношений в кимакском обществе.

При анализе оформления поверхности металла в первую очередь обращает внимание стремление мастеров передать фактурность поверхности. Она выражается путем нанесения мелких изобразительных элементов, густо заполняющих поверхность предметов. Интересное прочтение этого художественного приема стало возможным в результате анализа современного изобразительного искусства. Передача структурности, фактуры находит отражение в произведениях современного искусства, так в среде художников, создающих работы в технике абстракционизма, зафиксировано увлечение свойствами используемой для изображений поверхности. «Художники утверждали, что они стремились проникнуть непосредственно в материал, следовать составу материала..., что приводило к воспроизводству на картине живописными средствами текстуры холста, рисунка древесных волокон и т.п.» (наблюдение сделано У. Эко) [5, с. 153].

Анализ изображений, используемых в торевтике кимаков, показал следующие закономерности их использования. Костюм является важнейшим источником по гендерной идентичности, так как он входит в список социальных признаков пола. При выборе изображений для демонстрации гендерной информации в кимакском костюме фиксируются ряд особеннностей. Так, общим для мужского и женского костюма является использование зооморфных, растительных, геометрических изображений. В свою очередь, антропоморфные изображения характерны для оформления облика мужчины. Они выполнены в виде личин-подвесок, подвесок в виде полнофигурных изображений пешего воина или всадника, воспроизводятся на поверхности бляшек пояса, ножен, навершия и обойм ножен сабли. На ножнах и навершии сабли были изображены участники пира- танцующий с играющим на музыкальном инструменте (лютне?) (к. № 145, Зевакинский могильник). На поверхности обойм ножен той же сабли запечатлен облик мужчины в пиршественной позе в сопровождении двух птиц. На поверхности бляшек пояса из кургана № 6 Бобровского могильника имеется изображение всадника, который охотится на кошачьего хищника. Антропоморфные персонажи характеризуются натуралистичностью. Мужские персонажи изображены идущим, верхом на лошади или как участники эпического пира, Необходимо отметить, что антропоморфные личины, возможно, означают другой круг представлений, так их образ выполнен с использованием стилизации. Для них характерны открытый рот (изображается наиболее часто), большие глаза, варьируются наделение образа свойствами антропоморфности (на некоторых подвесках черты лица человека только намечены) и зооморфности (стилизация с наделением черт животных). Также при оформлении поверхности бляшек, наконечников ремней пояса использованы образы дракона, ланей (к. № 145, Зевакинский могильник; погребение подростка, к. № 1, Орловский могильник).

Обращает внимание факт размещения человеческих фигур в пространстве на поверхности предметов торевтики из погребения к. № 145 Зевакинского могильника. Так, ноги танцора и музыканта изображены на некотором расстоянии от края рамки, они находятся как бы в подвисшем состоянии. При этом, головы вплотную соприкасаются с рамкой в верхней части. В свою очередь, пирующий персонаж очень четко вписан в пространство, на котором он изображен. Но при этом, очертания его скрещенных ног проработаны отдельно от края рамки, в отличие от птиц, ноги которых соединяются с нею.

Эти наблюдения могут быть объяснимы с точки зрения ведущей изобразительной традиции степной Евразии, обусловленной культом предков и обрядами героизации. В рамках данной традиции происходила выработка определенных изобразительных стандартов и предписаний. Ее истоки обнаруживаются в «изобразительных памятниках погребальных комплексов скифо-сарматского мира» [7, с. 98]. Большее количество подробностей, характерных для изобразительных памятников этого хронологического периода, позволило

выявить такую важнейшую закономерность.

Так, женский персонаж «изображается сидящим, опираясь ногами о землю, голова его покрыта убором и «не касается Неба». Мужской персонаж не касается ногами земли, так как сидит на лошади, но, в свою очередь, обнаженной головой «достает до неба». Таким образом, иконография изображений представляет женщину как «существо, связанное с хтоническим миром, и мужчину связанного с верхней, небесной сферой» [7, с. 99]. Исходя из данного предположения, возможно объяснить отмеченное своеобразное размещение мужских фигур на поверхности предметов.

Обращает внимание, что акцент в мужском костюме ставится на поясной гарнитуре, именно она в подавляющем большинстве наиболее эффектно оформлена.

В женском костюме использование художественной обработки поверхности металла характерно практически для всех категорий украшений. Маркируемыми зонами являются область висков, грудь (причем, здесь сосредоточено наибольшее количество деталей), область пояса.

В большинстве своем, в женском костюме задействованы цельнолитые изображения. Этот факт, видимо, обусловлен, условиями их использования, в качестве отдельных предметов. Обычно они выступали самостоятельными элементами костюма, в составе оформления какого-либо предмета встречаются редко. Имеются изображения собаки, рыб, птиц. В группе птиц имеются образы феникса, грифона, водоплавающих птиц, фиксируются также стилизованные изображения с использованием орнито- морфных элементов.

Практически все предметы, относящиеся к оформлению области головы, выполнены с использованием образа птицы. Необходимо обратить внимание на 2 комплекта, где образ птицы передается при исполнении разных категорий предметов. В погребении к. № 145а Зевакинского могильника навершие головного убора в виде стилизованной фигуры птицы компонуется вкупе с парными застежками-подвесками, изображающими летящих водоплавающих птиц. Навершие в виде грифона дополнено пятью застежками-подвесками со стилизованными изображениями образов водоплавающих птиц (п. 2, объект № *23,* Карашат I).

Возможно, к матерчатому поясу прикреплялись подвески, состоящие из двух половинок с изображением сдвоенных рыб (к. № 3, Трофимовка; к. № 146, Зевакинский могильник). Фиксируется случай обнаружения аналогичной подвески в области плечевой кости левой руки (п. 1, объект № 22, Карашат I). Внутри них в одном случае находились фрагменты ткани, в другом - шнура.

Стилизация характерна, прежде всего, для проработки образов птиц и рыб. «Стилизация связана с трансформацией реального облика в некую условность и подразумевает отбор, фиксацию или подчеркивание и даже гиперболизацию отдельных черт и характеристик объекта и способы их передачи в изобразительной версии» [4, с. 17]. В процессе стилизации при передаче образа птицы использован принцип «часть вместо целого», показаны наиболее характерные особенности первоначального образа (силуэт, перья, хвост). Необходимо также отметить, что фигура птицы в ряде случаев характеризуется змеевидностью тела, выраженной в его пропорциях - продолговатом и узком. Такая трактовка образа была использована при изготовлении навершия головных уборов, булавок.

Своеобразна работа по стилизации образа рыбы. Он использован при оформлении подвесок к поясам, состоящих из двух половинок, на каждой из которых изображено по 2 рыбы. Имеются изображения, выполненные натуралистично, при этом фигурки рыб соприкасающихся друг с другом брюшками, и их очертания, показаны отчетливо. На некоторых изображениях никаких границ между силуэтами рыб не прослеживается. То есть обыгрывается идея слитости, назначение которой не ясно. Также, возможно, было важно, что пары рыбок были изображены на разных створках подвески. На поверхности рыб в

подавляющем большинстве нанесен богатый растительный орнамент из пальметт и растительных побегов.

Птичья символика относится к разряду универсальных явлений в традиционном костюме. Примеры ее использования в литературе многочисленны, хотелось бы привести ряд дополнений. По данным этнографии птичья символика является неотъемлемой составляющей и казахского женского костюма. Х. Барданес засвидетельствовал уникальные подробности женского головного убора, записи датируются 70-ми гг. XVIII в., при оформлении которого использованы каркара, представляющие собой рога, «зделанные из дерева и обтянуты кожей с перьями черные из шеи птицы, которую они называют каркараля турна». Его основой является такия. Также он приводит такие варианты, рога делаются «из кожи головок селезней диких больших; а некоторые по три или четыре правильных утячьих перушек черных втыкают в верхушку такий» [1, с. 178]. Аналогичный головной убор, с использованием шкурки птицы засвидетельствован в тувинском костюме, здесь он используется шаманами [2, с. 161].

Орнитоморфная символика присутствует при оформлении и саукеле: тулья увенчивается султанчиком из перьев филина қозалы үкі [8, с. 91]. Еще одним свидетельством наличия круга определенных представлений, связанных с образом птицы в традиционном обществе, являются узбекские налобные украшения коштилло, используемые в костюме невесты. Они имеют подтреугольную форму и плавно изгибающиеся боковые стороны, напоминающие брови или крылья птицы [3, табл.II]. По мнению исследователей, это созвучие не случайно и проявляется вполне сознательно. Так, даже обычай красить брови, чтобы они соединялись между собой, связывается с воспроизведением распахнутых крыльев [по: 3, с. 60].

Важно, что среди зооморфных защитников шамана у тувинцев фигурирует бел- ээрен (таймень-эрен), обычно сделанный из дерева, «он настигал злых духов даже тогда, когда те, превращаясь в рыб, скрывались в воде» [9, с. 141]. Сильным личным защитником также являлся чылан-ээрен или моос-ээрен, то есть змей-эрен, он изготавливался из нового войлока, при этом, чтобы его усилить, несколько таких фигурок сшивали вместе [9, с. 140-141]. Данное наблюдение может способствовать выяснению причин именно такой трактовки образа в кимакской торевтике.

В обрядах различных традиционных обществ, связанных с рождением ребенка, зачастую фигурирует именно собака. Фиксируется ее важнейшая охранительная функция. Так, у казахов и хакасов первую распашонку ребенка надевали сначала на щенка или котенка. У многих народов фигурирует специальная одежда - «ит койлек» (собачья рубашка). Алтайцы, хакасы ложили сначала в колыбель щенка и только после этого ребенка [9, с. 62].

Таким образом, при объяснении значений образов, воспроизводимых древними мастерами, необходимо учитывать также информацию о гендерной идентичности своих носителей. Наибольшей социальной значимостью при оформлении облика мужчины наделялись пояса. К числу характерных, используемых в мужском костюме, относятся антропоморфные изображения. Важными при этом, видимо, являются и подробности: изображения мужчин в пиршественной позе, сцены пира, охоты, как пешего воина, всадника. Более разнообразным является костюм женщины, художественный металл использован при оформлении всех зон, маркируемых с помощью украшений: области головы, груди, пояса. Наиболее важным при оформлении облика женщины является орнитоморфная символика. Разнообразен репертуар и ассортимент предметов, выполненных с ее помощью: фениксы, грифоны, водоплавающие, голуби (?) на поверхности подвесок, наверший головных уборов, булавок, застежек- подвесок. Широко представлены и различные способы проработки: имеются как натуралистичные, так и различные варианты стилизованных изображений. Необходимо отметить, что образ рыбы требует своего дальнейшего исследования. Неоднократно засвидетельствовано, что круг представлений,

связанный с образом рыбы, имеет четко выраженный сакральный характер. К сожалению, недостаточное количество информации о практиках использования этого образа в кимакской среде (большинство фигурок рыб обнаружено в разрушенных погребениях), пока не позволяет высказаться более определенно.

* * *

Мақалада Қимақ қағанаттында темірден жасалған бұиымдардыц бетінде сызылған көркемдік ою-өрнектердіц функциялары қарастырылған. Көркемдік ою-өрнектердіц функцияларын бірнеше топтарға бөліп қарастырған: 1) зергерлік; 2) көркемдік ою- өрнектері бар қару жарақтар; 3) ат әбзелдері. Автордыц пікірінше көркемдік ою- өрнектелген заттар топтары арқылы далалық қоғамдардыц өмірлік құбылыстарыныц әлеуметтік жақтарын ажыратуға болады. Темір бұиымдардын беттіне сызылған сюжеттері арқылы Қимақ қоғамыныц гендерлік қатынастарын ацықтауға мүмкімдік береді. Ерлердіц әлеуметтік рөлін көрсететін белбеулері көркем оюмен өрнектелсе, ал әйелдердіц зергерлік бұиымдарыныц барлығы көркем оюлармен өрнектелген.

Список использованных источников и литературы

1. Барданес Х. Киргизская, или казацкая хорография // История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Т. IV. Алматы: Дайк-Пресс. 2007. С.93-194
2. Вайнштейн С.И Мир кочевников центра Азии. - Москва: Наука. 1991. 296 с.
3. Ермакова Е.С. Женские ювелирные украшения Бухары конца 19-начала 20 века. Москва, 2000. 157 с., табл.
4. Королькова Е.Ф. Теоретические проблемы искусствознания и «звериный стиль» скифской эпохи. К формированию глоссария основных терминов и понятий. Санкт-Петербург. 1996. 78 с.
5. Кузин-Лосев В.И. Область смыслов, знаков, символов катакомбной культуры // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т.2. Донецк. 2005. С. 153- 196
6. Лобачева Н.П. Отражение этногенетической информации в материальной и духовной культуре народов Среднеазиатско-Казахстанского региона (по материалам середины XX в.). - Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. V. Москва: Наука. 2006. С. 47-94
7. Мотов Ю.А. Головной убор в изобразительной традиции древнетюркской эпохи (на материале каменных изваяний) // Культуры степей Евразии 2-ой половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов III Международной археологической конференции. Самара. 2000. С. 99-100
8. Тохтабаева Ш. Ж. Серебряный путь казахских мастеров. Алматы. 2005. 471 с.
9. Тюркские народы Восточной Сибири. - Москва: Наука. 2008. 422 с.

Чотбаев А.Е.

К/азаqстан, Алматы Ерте темір дәуіріндегі Қазақстанның қару-жарақ кешені (б.з.б. 8-5 ғғ.)

Ұлы даланың ежелгі тарихының маңызды кезеңі болып келетін сақ-скиф дәуірі Қазақстан тарихында да үлкен орын алады. Осы мәселенің зерттелуіне бүгінгі күні бір ғасырдан астам уақыт болды. Бұған қарамастан бұл кезеңнің тарихы әлі де кешенді зерттеулерді қажет етеді. Себебі, қазіргі кезге дейінгі жүргізілген зерттеулер ескерткіштерді қазу және сол кешендерден табылған заттарды сипаттау, ішінара мән- мағанасын түсіндіру мен мерзімдерін анықтау секілді сараптаулапмен шектелген. Осындай заттардың қатарында қару-жарақтар да бар. Сонымен қатар, Ертіс пен Орал арасындағы кеңістікте орналасқан кең далада бой көтерген ескерткіштер өз алдына біртұтас мәдени орта ретінде әлі де қарастырылмай отыр. Сондықтан, қазіргі кезде археология ғылымының алдында түрған

мәселелердің бірі бір ғасырдан астам уақыт бойы жинақталған заттай деректерді бір ортаға топтастырып кешенді түрде зерттеу.

Б.з.б. VIII-I ғғ. ғасырлардағы Ұлы даланы мекендеген халықтардың тарихы жонінде, соның ішінде олардың әскери ісі мен онері туралы қытай, эллиндік және парсы деректерінде мағлұматтардың аз болғандығына орай, сақ-скиф әлемін танып-білудегі бірден-бір жолы, бұл археология ғылымына жүгіну. Археологиялық деректердің негізгі козі жар тас бетіндегі бейнелер, тасқа қашалған жауынгерлер, қоныстар мен жерлеу-ғұрыптық ескерткіштері және сол ескерткіштердің сырын, мән-мағанасын, сонымен қатар ескерткіштердің замандастары туралы мәліметтерді оз ішіне түндырған коне мұралар болып табылады. Аталған мұралардың ішінде қару-жарақтардың сан жағынан басым екендігі сөзсіз. Сонымен қатар, бұл заттардың бойына таңылған мағыналары мен беретін мәліметтері де аз емес.

Қазақстан территорриясындағы алғашқы қазбалардан бастап қазіргі кезге дейін археологиялық деректердің бірі болатын қару түрлерінің орасан зор қоры жиналды. Бүгінгі таңда оңірлік түрғыдан зерттелген ескерткіштерден табылған қару-жарақтар мен сауыт-саймандар жеке мәдени ортал ықтарға негізделіп шоғырл анған. Ал, олардың өткен ғасырдың ортасына дейін жинақтал ған кейбір түрлері ғана топтау мен жіктеуден өткізілген. Бұл зерттеулер тек жерлеу ескерткіштерінен коп табылатын жебенің үштарына ғана арналған. Ресей, Украина археология ғылымында қару-жарақты зерттейтін үлкен мектептер құрылып, кең өрісті зерттеулер жүргізіп жатқапда, еліміздің аталмыш ғылымында бұндай сала әлі де пайда болмаған. Сақ әлемінің та- рихын зерделеуге мүмкіндік тудыратын қару-жарақтарға арналған түжырымды ғылыми еңбек жоқ. Оларға зерттеушілердің жеке мақалалары мен еңбектердің тарау- лары арналады және ғылыми есептердің бетімен шектеліп қалынады. Қарастырылып отырған далалы өңірде айтылмыш кезеңде үлкен мәдени-экономикалық озгерістердің әсерінен дала халықтары әскери-демократиялық қоғамға өтеді. Бұл кезеңнің жерлеу ескерткіштерінде қару түрлері кобейеді.

Қола дәуірінде қолданыста болған қарапайым қарулар заманына сай күрделеніп, алуан түрлі пішіндерге ие болады. Кейде тату, бірде қанды қарым қатынастарға толы ерте темір дәуірінің халықтарында қару-жарақтар мен сауыт-саймандар зат айналымдағы орны толмас заттардың алдына шығады да, олардың даму қарқыны үдемелі түрдегі түрақты үрдіске айналып, таралу өрісі кеңейеді. Әр тарихи кезеңде саяси-экономикалық, этномәдени үрдістердің әсерінен қару-жарақтар мен сауыт- саймандардың келбеті озгеріп, сапасы мен әрленуіне жаңа сипаттар қосылып отыр- ды. Оларға әлеуметтік корсеткіш пен ғұрыптық мән-мағыналар таңыла бастады. Осы дәстүрдің шарықтаған шегі ерте темір дәуіріне дәл келеді.

Қару-жарақтар мен сауыт-саймандарға таңылған тарихи мағлұматтарды оқи оты- рып дала халықтарының әскери ісі мен өнерін зерттеу арқылы жергілікті халықтардың
Еуразиядағы ерте темір дәуіріндегі мәдениеттердің тарихына қосқан үлесі мен ала- тын орнын анықтаймыз. Сол себепті қару түрлерін зерттеу Қазақстан археологиясы ғылымындағы шешімін таппаған мәселелердің бірі болып табылады.

Ерте темір дәуірінің әскери ісін зерттеудегі алғашқы міндет қару-жарақтардың кешенін анықтап алу және олардың таралу аумағын нақтылай отырып, мерзімі мен қолдану жиілігін айқындау. Қазақстан территориясындағы ерте темір дәуірінің мұраларын жергілікті мәдени ерекшеліктеріне негіздеп үш үлкен аймаққа шоғырландырып, мерзімі жағынан екі топқа бөліп қарастырған жөн. Үш аймақтың негізін құрайтын өңірлер: Шығыс Қазақстан мен Жетісу, Оралық және Солтүстік, Батыс және Оңтүстік Қазақстан. Мұраларды осылай топтастырудың негізінде археологиялық ескерткіштер мен олардан табылатын археологиялық жәдігерлердің аталған өңірлерде бір мерзімде бір-біріне үқсастығы жатыр. Ал екі мерзімдік топтаудың басты көрсеткіші осы кезеңдердегі қару-жарақтардың үзақ қолданыста болуы мен өтпелі кезеңдегі күрт өзгеріске үшырауы. Бұл зерттеуде біз б.з.б. **V<u>TTT</u>-V** ғасырлармен мерзімделетін қару түрлерін қамтимыз.

Б.з.б. **V<u>TTT</u>-V** ғғ. қару-жарақтар мен сауыт-саймандар. Қазақстан жеріндегі жерлеу

ескерткіштерінен табылатын қарулардың қатарында жебенің үштары, қанжар, сем- сер, чекан және найзаның үштары бар. Қанжар, семсер, садақ пен жебенің үштары, найза үштары және сауыт жапсырмалары, дулыға секілді кару-жарақ түрлері ерте темір дәуіріндегі дала жауынгерінің негізгі әскери жабдықтарын құрады. Қарулардың ішіндегі басым бөлігін жебенің үштары алады, найза үштары қанжарлар мен семсер- лерге қарағанда аз кездеседі. Садақтар жасалған шикізатының нашар сақталуына бай- ланысты жекелеген бөлшектері ретінде табылады, ал олар-дың пішіндері бізге тасқа түсірілген бейнелері аркылы белгілі. Аталып отырған кезеңге тән сауыт-саймандар жоқтың қасы. Ерте темір дәуірінің қару түрлерінің қалыптасуы мен даму үрдісін ашып түсіну мақсатында қару-жарақтарды қолдану саласына қарай шабуылдау және қорғаныс қарулары деген екі үлкен топқа бөліп қарастырамыз. Шабуылдау тобына садақ пен жебелер, қанжар, чекан, найза секілді қару түрлерін жатқызамыз, екінші топқа қалқан, дулыға, сауыт және тағы басқа қорғануға арналған жабдықтарын жатқызамыз. Ұрыс алаңындағы бетпе-бет шайқаста колданатын қару түрлерінің ішінде қанжарлар ерте пайда болып, кең қолданылған, сол себепті төменде қару-жарақтардың осы түріне тоқталамыз.

Қанжарлар мен семсерлер. Қазақстан территориясынан табылған қанжарлардың ертелері қола дәуірінің соңымен мерзімделеді, бірақ ерте темір дәуірінің бастапқы кезінде әлі де қолданыста болуы мүмкін (сур. 1).

Бүндай қанжарлардың қазіргі кезде төрт данасы белгілі. Олардың үшеуі Павлодар, ал соңғысы Қостанай мұражайының қорында сақтал ып түр. Павлодар мұражайындағы қанжарлардың сабтарында балдақтары мен үштықтары жоқ. Қанжардың біреунің сабы екіжүқатемірденжасалған, арасы ашық. Қарудыңжүзісабынанбасталартүсында сүйірленген, ортасына қарай кеңейіп, үшына қарай қайта сүйірленеді. Екіншісінің жүзі жапырақ пішінді, сабының ортасы үзына бойы кішігірім төртбүрыштарға бөлінген. Жүзінің кескіні ромб тектес болған қанжардың үзындығы 23 см. Үшінші қанжардың сабының үшы жалпақ кішігірім доғалдау, жүзі мен сабының арасын- да шығып түрған доғал жолақ орын алған. Қостанай қаласының мұражай қорында сақтауда түрған қола қанжардың сабы оралған сым темірлерге үқсатылып жасалған. Қанжардың жүзі жалпақ жапырақ пішініне келеді, ортасында балдақтан бастап үшына дейін созылған жолақ бар. Төртбүрышты балдағының жүзіне қараған жағы ойылып, жүзі сол жерге киіліп түрғандай болып көрінеді, бірақ бүл қанжар бүтіндей құйылған. Ерте темір дәуірінің басында қола дәуіріне тән қанжарлар жоғала бастап, олардың орнына жаңа балдақтары қарасүқ типтес болатын қанжарлар қолданысқа түседі. Бірақ бүл жағдай тек Қазақстанның солтүстік және шығыс өңірлеріне ғана тән.

Б.з.б. VTTT-V ғғ. қанжарлары қоладан және қола мен темірден (сабы қола, жүзі темір) жасалған (сур.2). Ерте кезеңнің қанжарлары созыңқы ілгек тәрізді балдақтарының болуымен ерекшеленеді. Ал кейінгілерінің балдақтары көбелек тәріздес формада.

Ұзынша ілгек тәріздес балдақты қанжарлардың үштығы доғалдапғап, жүзі үшбүрышты болып келеді. Қанжарлардың үзындығы 34 см. Саптарының қимасы созыңқы дөңгелек, үзындығы 11,2 см., сабының балдақ түбіндегі ені 5,7 см. Жүзі екі жақты, қимасы линза тәріздес. Қазақстанда бүл типтес қанжарлар көптеп кездеседі, белгілі аналогтары бойынша бүл қанжарлар б.з.б. VIII-VII ғғ. жатқызамыз. Солтүстік Қазақстан қанжарларының айтылмыш түрлеріне үқсас қарулар көбінесе Шығыс Қазақстан мен Алтай жерлерінен кездеседі. Бүл типтегі қанжарларды жергілікті жер- де жасағап, жасалу технологиясы екі мәдениеттің үлгілерін - андрондық - жүзін жа- сауда, және қарасүқ мәдениетіне тән элементтері қанжардың келбетінде кездеседі.

Павлодар қаласының мұражайында сақталған қанжарлардың арасында жақсы сақталған үш қанжар бар. Біріншісінің сабының үштығы доғал шатырлы, балдағы тікенек тәріздес. Жүзі екі қырлы ортасында сабынан бастап сүйірленген жолақ бар. Қанжардың сабы мен жүзі алғаш құйылған кезде жалғасып жатқан болуы ке- рек. Содан кейін шебер сап пен жүздің ортасын керту арқылы балдағын жасаған тәрізді. Екінші қанжардың сырт бейнесі алдынғынікіне үқсас, бірақ оның жүзі жалпақ болып келген және тікенекті балдағы көрінер-

көрінбестей ғана. Жалпақ жүзі біркелкі, қырларының екі шет жүздері ғана қайралған. Қанжардың сабы мен жүзінің үзындықтары бірдей. Сабының кескіні дөңгелек, жүзінікі линза іспеттес. Үшінші қанжардың пішіні де алғашқы екеуінікімен бірдей, бірақ бұл қарудың сабының ортасында, үштығынан балдаққа дейін созылған кертік жолағы бар, және де үштығы мен балдағының түсында дөңгелек шегелері бар. Жоғарады қарастырып кеткен қаруларға үқсас қанжардың бір данасы Шығыс Қазақстанның Самар ауданына қарасты Палацы ауылының маңынан кездейсоқ табылған. Бұл қарудың үштығы доғал шатыр тәрізді, бірақ павлодарлық қарулардікіне қарағанда әлсіздеу көрсетілген. Сабының балдағы тікенекті және түзу созыл ған. Шығыс Қазақстанда тек бірнеше қанжар табыл ған. Семей қаласының маңынан табылған қанжардың балдағы палацынікіне үқсас, бірақ көлемі үзындау, жүзінің төменгі үш жағы ежелде сынған. Қанжардың сабы жалпақ, үштығы доғалданған шатыр тәрізді. Балдағы үзынша төртбұрышты. Бірінші қарағанда сабы жүзімен жалғасып кеткендей, ал жүзінің қырлары мен қанжардың балдағы соларға жапсырылған тәрізді. Бірақ қанжар қоладан құйылып жасалған. Жүзі екі қырлы, арық тәріздес ойық бар. Қанжардың сақталған үзындығы 22,5 см., сабының үзындығы үштығын қосқанда 8 см., жүзінің үзындығы 13 см., ені 4 см. Бұл қанжардың балдағы Тағар мәдениеттінің ерте кездегі қаруларына тән, сол себепті бұл қанжарды б.з.б. VII ғғ. жатқызуға болады.

Қару-жарақтарды зерттеуші ғалымдардың пікірлері бойынша ерте сақ кезеңінің қанжарлары қарасүқ мәдениетінің қаруларына үқсастырылып жасалған. Жоғарыда көрсетілген қазақстандық қарулардың пішіндері қарасүқтық қанжарлардікіне сәйкес. Аталмыш қанжарлардың Ертіс бойындағы ескерткіштерден табылғандығына қарағандаҚарасүқмәдениетініңәсерінегізіненҚазақстанныңСолтүстігіменШығысына
жайылған. Осындай түрдегі қанжарлар бірен саран басқа да мәдениеттерден кездеседі. А.И. Тереножкиннің ойынша ерте сақ кезеңінің қанжарлары қарасүқ мәдениетінің әсерімен Азияда пайда болған және қола дәуірінің қанжарларын б.з.б. 7 ғасырдан бастап қолданыстан ығыстырады [4, с. 21-22]. Қарасүқ түрпаттас қанжардың жалғыз данасы Жетісудағы Текеліден табылды. Биже өзенінің жағасынан кездейсоқ табылған көмбенің арасында болған. Қанжардың үштығы доғал шатырлы, балдағы түзу. Бұл қаруға үқсас қанжарлар Орта Азия, Кавказ, Үндістан және Тәжікстан жерлеріндегі
б.з.б. VIII-VII ғасырлармен мерзімделетін ескерткіштерден табылады.

Батыс Қазақстан облысының Лебедевка деген ауылының жанынан табылған дулыға, карастырып отырған өлкенің ежелгі жауынгерлерінде басты қорғайтын киімнің болғандығына дәлел болады.

Қазіргі күні Қазақстаннан табылған қанжарлар саны 120 асады және олардың барлығы қола мен темірден жасалған, кейбіреулері үштықтары мен белдеулері сақталмаған бөлшектер күйінде кездеседі.

Қанжарлар сабының үштығына қарай бес бөлімге, ал бөлім өз ішінен белдеулерінің пішініне негізделіп бірнеше түрлерге жіктеледі.

Б.з.б. VII ғасырдың басында қарастырып отырған өңірде үштығы доғал шатыр іспетті, балдағы бүйрек пошымды қанжарлар қолданыста болады. Бұл кезде қанжарлардың үштықтары қола дәуірінен бері келе жатқан доғал шатыр түрлері мен ерте темір дәуіріне тән балдақтарымен сәйкестіріледі. Қанжарлардың осындай даналары екі дәуірдің ортасындағы, яғни қола дәуірінің қаруларынан сақ кезеңің қаруларына ауы- су процесіндегі өтпелі түрі болып табылады. Осы түрпаттағы қанжардың бір данасы 1989 ж Ақмола облысының Зеренді ауданындағы Айбол ауылында салқын қойма қазу кезінде табылған. Қанжардың жалпы үзындығы 24,2 см, ені 4,0 см. Қанжардың енді бір данасының үштығы мен балдағы бар сабы және жүзінің үшы, Қапал қорымынан табылған. Темір қанжардың балдағы бүйрек пошымды, үштығы доғалданған.

Оңтүстік Қазақстанда жақын қашықтықта пайдаланылатын қару түрлері Ұйғарақ қорымының 14, 21, 26 және 50-ші обаларынан табылған. Екі қанжар бүтін күйінше табылған (21, 50 қорған), біреуінің үштығы мен сабының жартысы жоқ (26 қорған). 14-ші қорғаннан

табылған қанжардың тек шірінділері сақталған. Қанжарлар қола мен темірден жасалған, түрлері жағынан әр қайсысы өзіндік ерекшеліктерге ие. 50-ші қорғаннан табылған қанжар қоладан құйылған, кескіні жалпақ, жалпы ұзындығы 27 см., жүзінің ұзындығы 14,5 см. Жүзі екі қырлы және де жүзінің ені сабынан кеңірек (жүзінің ені 4,2 см., сабынікі 2,7 см.). Ұштығы саңырауқұлақ әлпеттес. Балдағы шығыңқы ассиметриялы жарты шеңбер тәрізді. Ұштығы мен балдағының қалпы бойынша бұл қанжар Солтүстік Қазақстанда кездейсоқ табылған қаруларға жақын (Барнаул аймағы, Вавиловка ауылы). Сонымен қатар бұл қару Орталық Қазақстанда Нұрманбет 4 қорымынң бірінші қорғанынан табылған қанжарға жақын. Айтыл- мыш аналогтардың мерзімі б.д.д. VII- б.з.б. VI ғасырдың бірінші жартысына тән. 50- mi қорғаннан табылған қанжардың шикізатымен жанынан табылған ат әбзелдеріне байланысты оны осы уақытқа жатқызуға болады. 21, 26 және 14 қорғаннан табылған қанжарлар темірден жасалған. 21 қорғаннан табылған қанжардың жалпы ұзындығы 31,5 см., жүзінің ұзындығы 18 см. Сабы салмақты, кесіндісі сопақша дөңгелек. Ұштығы саңырауқұлақ тәрізді, балдағы доғал пішінді. Қанжардың жүзі екі қырлы, кесіндісі линза тәрізді. Қанжардың жүзі ассиметриялы, бір жақ шеті саптың жалғасы ретінде кетеді, сол себепті бұл жағында балдағы шығыңқы емес. Бұл қанжардың тура ана- логтары әлі белгісіз. Саңырауқұлақты үштық бұл уақыттың темір қанжарларына тән емес. Бұндай қанжарлар Қарасұқ және Тағар мәдениетінің алғашқы кезіне тән. Скифияда бұндай үштықтар қола мен темірден (сабы қоладан, жүзі темірден) жасалған қанжарлардан кездеседі. 26-шы қорғаннан табылған қанжардың жүзі, балдағы және сабының жартысы сақталған. Балдағы кобелек тәрізді, жүзі екі қырлы. Сақаталған бөлігінің ұзындығы 18 см., сабының сақталған бөлігінің кескіні сопақша дөңгелек. Айтылмыш қанжар жүзінің формасы мен балдағына байланысты және бұл қанжармен бірге табылған сулық пен ауыздыққа қарап, қаруды б.д.д. VI ғасырмен мерзімдеуге болады. 14-ші қорғаннан табылған қанжардың балдағының жартысы, жүзінің кейбір бөліктері және алтын жапсырмалары сақталған. Алтын жапсырма- ларымен қарудың сабы әрленуі мүмкін. Мерзімін қанжардың балдағымен жанынан табылған ат әбзелдеріне негіздеп анықтауға болады (б.з.б. V ғ.). Усть-Буконьнан табылған қанжардың сабы жіңішке, үштығы доғалданған шатыр тәрізді, балдағы кобелек пішінді. Қанжардың жүзі екі қырлы, бір қыры түзу, ал екіншісі доғалданған.

Жүзінің балдақ жағындағы бөлігі ортасына қарағанда жіңішке. Қанжардың сабында теріден жасалған қынның қалдықтары сақталып қалған [3, p. 143]. Бұл қанжарға жақын қаруларды бүкіл сақ әлемінің территориясынан, әсіресе Қазақстаннан кездестіруге болады. Қазақстанда табылып, мерзімделген қанжарлар бойынша және бұл қарудың жанынан табылған жебе үштарына негіздеп, б.з.б. VI-V ғғ. жатқыза аламыз. Вавило- новка ауылының жанынан кездейсоқ табылған қанжардың үштығының жоғарғы жағы үшкірленіп балдағының пішінін қайталайды. Вавилонокадан табылған қанжардың балдағын қайталайтын қанжар Абай ауданынан кездейсоқ табылған. Бұл қанжардың сабы үштығымен сақталмаған. Темірден жасалған қанжардың бұл түрі Алебастрово 2 қорымының 17 обасынан табылған. Ол мүрденің сол жамбасының жанына қойылған. Қанжардың ұзындығы 47см., екі жақты жүзінің кескіні линза тәрізді. Осыған үқсас қару түрі Лебедевка 6 корымының 5 обадан табылған, ол алғашқысына қарағанда ұзынырақ (52см.). Орталық қазақстандағы Тасмола мәдениетінің Нұрманбет4 қорымының 1 обасынан табылған қанжардың сабы ерекше толқынды. Сабы толқын немесе үтір тәрізді өрнектермен безендірілген. Ұштығы доғал, балдағы бүйрек іспеттес қанжардың жүзі екі қырлы [2, с. 344]. Қанжармен бірге үш қанатты, шегелері ұзын қоладан жасалған үш жебенің үшы табылды. Қоладан жасалған жебелердің аталмыш үштары К.А. Акишевтың зерделеуі бойынша Қазақстанда б.з.б. 9-8 ғасырларда пайда болады. Жебе үштарының осы түрлері Қазақстанның орталық және шығыс өңірлеріне ғана тән ерекшелік болуы керек, себебі басқа өңірлерде аталмыш түрдегі жебенің үштары б.з.б. 6 ғасырмен мерзімделетін ескерткіштерден табылады. Нұрманбет қанжарын бірге табылған жебе үштарының және қанжардың аналогияларына қарап б.з.б. VII ғасырдың басымен мерзімдегенді жөн көрдік.

Қазақстан территориясында б.з.б. VI-V ғасырлардан бастап кобелек пішінді балдақтары бар қанжарлар қолданыла бастайды. Қанжарл ардың үштықтары өзгеріске ұшырамайды.

Есік маңынан табылған қазына бірнеше қоладан жасалған заттардан тұрады. Олардың ішінде бір қола қанжар кездеседі [1, с. 110]. Қанжардың жүзінің үш жағы ежелде-ақ сынған. Қарудың үштығы ұзынша төртбұрышты, балдағы көбелектәріздес. Ұштығы мен саптың ортасында баспалдақ тәрізді орын қалдырылған. Қанжардың сабын ұзына бойы тілген екі жолақ бар. Жүзі томен жағына қарай үшкірленеді, екі қырлы, ортасында жүзінің сапасы мен мықтылығын артыратын қабырға жасалған. Қанжардың сақталған ұзындығы 18 см., сабының ұзындығы үштығын қосқанда 8 см. Ұштығының ұзындығы 4 см., сабының ені 2 см. Балдағының ұзындығы 6 см., жүзінің ені 3 см. Қанжардың сабындағы екі тілінген жолақ сапты ағашпен аптау үшін жасалған болуы керек. Есік көмбесіндегі қанжардың пішінін қайталайтын қарудың бір үлгісі Алматы қаласының жанынан кездейсоқ табылған. Қанжардың балдағы жіңішке, жүзінің ортасында балдақтан ұшына дейін үш жолақ созылып жатыр (Атырау қаласының тарихи-өлкетану мұражайының қорында сақтаулы).

Жар тас бетінде бейнеленген қанжарлардың қарастырып отырған кезеңнің түрлеріне сәйкес қару Зевакино тауындағы жауынгердің белдігіне ілінген. Қанжардың үштығы тік төртбұрышты, балдағы кобелек пішінді.

Жоғарыда қарастырып кеткен ерте темір дәуірінің басымен орта кезеңіне тура келетін қанжарлардың жерлеу ескерткіштерінен, жар тас бетіндегі суреттер мен бұғы тастарда кездесуіне қарағанда, Қазақстанның Жетісу, шығыс, орталық және солтүстік өңірлеріндегі дала халықтары қарудың бұл түрін кеңінен қолданғандығын аңғарамыз.

Ежелгі көшпелілер қоғамында соғыс — өмір салтына немесе тұрақты күн көрістің көзіне айналғанда, жауынгердің беделі артып, қару-жарақтар нақты ырым-жораларға бөленеді де, жауын-гердің жабдықтары элем туралы түсініктердің «кітабына» айнала- ды.

Қазақстан даласын ежелде мекендеген шеберлердің қару-жарақтарды аң стилінде әрлеуінде терең мән бар. Қару түрлеріне әсіресе жыртқыш андардың (аю, қасқыр, ба- рыс, қабан) бейнелері, сонымен катар қиялдан шыққан мақұлықтар (гри-фон түрлері) орналастырылады. Сауыт-саймандарға ішінара шөпқоректі жануарлар да (бұғы, елік, арқар, жылқы) бейненленетін болған.

Қару түрлерінің ішінде аң стилінде жасалған үлгілері қызықты, себебі айтылмыш заттарда ежелгілердің діни сенімдерінің және әлеуметтік жіктелудің таңбасы басылған (сур.3). Бірақ карастырылып отырған еңірден табылған қанжарлардың аң үрдісінде жасалғандары санаулы ғана, сол себепті оларды жеке бөлім ретінде қарастыру мәселесі өлі ашық. Бұндай қанжарлар кебінесе Қазақстанның солтүстік және шығыс аймақтарынан көп табылады.

Жоғарыда тізіліп, сипатталған қарулардың әр қайсысының өзіне ғана тән ерекшеліктері бар. Бұл қанжарлар қола дәуірінде пайдаланылған лавр жапыраға әлпеттес жүзді қанжарлардың дамыған үлгілері болуы мүмкін. Ең бірінші қанжардағы әр уақыттың бел гілерінің болуы (үштығының жал пақ шатыр тәрізді болуы - бұл кейінгі кезеңге тән үштығының ұзынша төртбұрыш болуы - қола дәуірі қанжарларының пішіні), бұл өтпелі кезеңнің немесе қарудың дамуы мен жаңа формаларын іздеу үстінде болған уақытқа тән.

Қарулардың пішініне байланысты, оларды жасауда екі жақтық әсердің болғанын көруге болады, солтүстігінен - Тағар мәдениеті, оңтүстігінен және батыснан Қазақстандық сақтардың үдемелі әсері.

Чекандар мен найзалар. Қазақстан территориясындағы археологиялық ескерткіштерден табылатын қару-жарақтардың ішіндегі сирек кездесетін түрлерінің бірі чекандар. Қазіргі кезде белгілі болып отырған чекандардың басым бөлігі Ертіс өзенінің бойынан, Қазақ Алтайынан табылған. Орталық және Солтүстік Қазақстан ескерткіштерінен табылған 4 данасы ғана белгілі. Қазақстанның батыс өңірлерінде қарудың бұл түрі табылмаған.

Н. Л. Членова зерттеулерінде қанжар мен чекан жаяу әскердің қолданатын қаруы, ал садақты атты жауынгерлер қолданған деген пікірін айтып кеткен [5, с. 39]. Тағы да бір түжырымдамасы бойынша қанжар мен чекан қойылған жерлеу ескерткіштерінде жебенің

үштары болмайды [5, с. 39]. Бірақ қазіргі кезде белгілі болып отырған бірқатар ескерткіштерден бүл қарулар бір кешен ретінде табылып отыр. Жоғарыда қарастырып кеткен катондық чекандар жебе үштарымен бір мәйіттен табылған. Сондай ақ, Н.Л. Членованың бүндай түжырымдамасын жоққа шығаратын мәліметтің бірі бүл Сағыр тауындағы бейнелердің біріндегі жауынгерлердің қаруларының қатарында чекан мен бірге қорамсаққа салынған садақтардың болуы.

Минусин ойпатындағы қарасүқ кезеңінен қалған мүралардың басым бөлігін күрайтын чекандар, қола дәуірінде қару-жарақтардың олданыстағы негізгі түрі болған [5, с. 40]. Сонымен қатар қарудың бүл түрі бүғытастарда да бейнеленген. Чекандардың бейнелері тас бетіне салынған көріністердің ішінде де кездеседі. Тамға- лы петроглифтерінің арасында орын алған чекан зерттеушілердің мерзімдеуі бойынша қола дәуіріне жатады. Бүл қаруға үқсас түрлері Қаратау мен шығыс Қазақстанның тас суреттерінде де кездеседі, бірақ олардың өзіндік ерекшеліктері бар. Чекандармен шайқасып түрған екі жауынгердің бейнесі Сағыр тауындағы көріністердің ішінде кездеседі (сур. 4). Қарудың бүл түрін қолына үстап түрған енді бір жауынгердің бейнесі Күлжабасы жар тас суреттерінде кездеседі. Қарастырып отырған көріністегі чеканный, сабының төменгі жағы дөңгеленіп кеткендігіне қарағанда чеканный, сабында алыпқаштық қарудікінде кездескендей саптамасы болған болуы керек.

Қазақстанда чекандардың аз кездесуі оларды топтап, жіктеуге қиындық туғызып отыр. Чекандардың қазіргі кезде белгілі болып отырған түрлерінің басым бөлігі үңғылары шықпаған екі жақты, тек екеуінің артқы жақтары үруға арналмаған, соның ішінде боровойлық чеканный, бүл түсы аңның бейнесімен әрленген. Алыпқаш

қорымынан табылған чеканный, ғана ұңғысы сыртқа шыққан. Осы ерекшеліктерді ескере отырып Қазақстан территориясындағы дала халықтарының жауынгерлері
б.з.б. VII-I ғасырларда чекандардың ұңғысы қарудың көлемімен шектелген және ұңғысы шығып тұрған түрлерін қолданған болуы керек. Сонымен қатар, Алыпқаштан табылған чеканный, саптамасына қарағанда чекандардың саптары темірден жасалған осындай бөлшектермен жабдықталған болуы керек.

Чекандарды асыну тәртібін анықтауға тас мүсіндердегі бейнелер мен жерлеу ескерткіштерінде қойылған орындары мүмкіндік береді. Алтайдағы Ак-Алаха 1 қорымының 2 обасынан табылған қола чеканный, сабы шығар түсында белдікке ілуге арналған тері ілдірмегі сақталған. Бұл ілдірмекке қарағанда чеканды белдікке сабы- мен томен қаратып ілетін болған.

Чекандар атпен жерленген ескерткіштерден табылуы мен Сағырдағы жауынгерлердің бейнелеріне қарағанда, бұл қаруларды жаяу және атты жауынгерлер қатар қолданған деген түжырымдама жасауға болады.

Берел қорымынан табылған жылқылардың барлығының бас сүйектерінің маңдайшаларында кішігірім дөңгелектесіктері бар. Осы кезеңнің қару-жарақтарының ішінде бұндай көлемдегі ізді чеканмен ғана қалдыруға болады. Соған қарағанда, дала халықтары чекандарды соғыста қолданумен қатар ғұрыптық рәсімдерде де қолданған болуы керек.

Найза. Қазақстанның археол огиял ық ескерткіштерінен қазіргі кезде бел гілі **30** шақты найзаның үштары белгілі. Қола дәуірімен мерзімделетін **10** нан астам найзалардың үштары Қазақстанның әр өңірінен табылған. Бұл қаруларды сабына қондыру әдісі жағынан екіге бөліп қарастырамыз: 1 - ұңғылы; 2 - шегелі. Ұңғылы найзалардың бізге алты данасы белгілі.

Қазақстандық найзалардың қола дәуірінде қолданыста болған түрлері мен ерте темір дәуірінің осындай қаруларын салыстыра отырып, олардың жергілікті жер- де пайда болған деген түжырымдама жасауға болады. Қазақстанның орталық өңірлерінен қазіргі кезге дейін найзалардың үштары табылмаған. Белгілі болып отырған найзалардың басым бөлігі ескерткіштерден тыс жерлерден табылғандығы олардың мерзімдерін нақтылауға қиындық туғызып отыр.

Еуразия даласындағы қару-жарақтар бір үрдісте дамыды деген қағидаға негізделсек, онда қазақстандық найзалардың үзындықтары да 2 метрге жуық болған. Б.з.б. 5 ғасырда үзеңгінің болмауына байланысты жауынгерлер найзалармен соғу тәсілінен қарағанда лақтыру әдістерін қолданған деген болжам жасауға болады. Себебі үзеңгісіз бар екіпінімен алдыға қарай шауып келген атты жауынгер найзаны қолынан шығармай соққы жасайтын болса, онда оның өзі атынан шалқасынан құлап түсу қауіпі туады. Соған қарағанда атты жауынгерлер жауларына 30-50 метрге жақындап қалғанда қарсыластарын қолдарындағы найзаларын лақтыру арқылы жәбірлейтін болған. Жаяу әскердің құрамындағы найзашылар керісінше найзаны түйреу тәсілін қолданған болуы керек, әсіресе олар атты әскерлерге қарсы қолданған. Себебі, бұл кезеңдегі жауынгерлердің қолданатын қанжарларының үзындықтары 40-50 см аспаған. Бірақ, қару-жарақтың бұл түрінің жерлеу ескерткіштерінен тыс жерде табылуы оларды әскердің қандай бөлігі үтымды қолданғандығы жөнінде түжырымдама жасауға мүмкіндік туғызбайды.

Садақ және жебенің ұштары. Қазақстан территориясындағы ерте темір дәуірімен мерзімделетін жерлеу ескерткіштерінде жебе үштарының коп табылуы және қару- жарақ кешенінің басым бөлігін құрауы садақтардың болғандығына, әрі садақшылар әскердің негізін құрағандығы жөніндегі түжырымдама жасауға мүмкіндік туғызып отыр. Садақтардың өздері ескерткіштерде сақталмаған. Садақтардың түрлері бізге жар тас бетіндегі су репер деп, тас мүсіндерден, ыдыстарға салынған бейнелерден және әшекей бұйым ретінде жасалған заттардан белгілі. Жерлеу ескерткіштерінде сақталған садақтардың жапсырмалары мен қалдықтарын жоғарыда тізіп кеткен бей- нелермен салыстыра отырып сараптамадан өткізген жағдайда, оларды толық қалпына келтіруге болады. Бұл мәселені қарастыру барысында жебенің ұштарын назардан тыс қалдырмай, олардың көлемдерін,

салмағын және жалпы ұзындықтарын ескерген жөн.

Жебе ұштарының Қазақстан территориясындағы ескерткіштер мен кездейсоқ табылған 1500 данадан астамы сараптамадан өткізілді. Қазақстан территориясының зерттелуі өңірлік принципте жургендігінің салдарынан археологиялық ескерткіштер біркелкі зерттелмеген. Сол себебепті жебе ұштарының әр өңірде табылған түрлерін сан жағынан сараптауда кейбір қиындықтар туындап отыр. Соған қарамастан қазіргі кезде белгілі болып отырған ұштарды сан жағынан алғанда бүкіл қордың 70 пайызын Қазақстанның батыс оңірлерінен табылған жебенің ұштары құрайтындығы анық болып отыр. Жалпы Қазақстандағы обалардан, қоныстардан табылған жебе ұштарын анализдеп қарасақ, айтылмыш қарудың түрінің шығу тегі мен дамуы жергілікті, яғни Қазақстан территориясында жасалған қола дәуірінің тайпаларымен байланысы бар екендігін көруге болады. Жебе ұштарын коп жылдар бойы зерттеудің нәтижесінде, оларды жасалған материалы бойынша кластарға (қола темір, сүйек, ағаш, I мүйіз), жебеге қатыру формасы бойынша топтарға (үңғылы, шегелі, қысылмалы), жебе үштарының қимасы бойынша болімдерге (2 қанатты жалпақ, 3 қанатты, 3 қырлы, 4 қырлы, дөңгелек), жебе үштарының формасы мен қондыру түріне қарап типтерге бөлінеді. Жебе үштарын ғалымдардың осындай типологияға бөлуі, осы мәселемен айналысушы ғалымдарға біраз жеңілдіктер берді.

Дала халықтарының садақ пен жебенің үштарын салып жүретін қорамсақтары жерлеу ескерткіштерінде шіріген бөлшектер ретінде сақталған. Жерлеу ескерткіштерінде олардың жапсырмалары мен белдікке ілетін ілгектері ғана сақталады.

Ерте темір дәуірінің саяси құрылымын, әлеуметтік жіктемелері мен дүниетанымдарының кейбір жақтарын анықтаудағы бірден-бір мәліметтің көзі болатын қару-жарақтар. Археологиялық мәдениеттердің өзіндік сипаттары мен мерзімдерін айқындауда заттай мұраның осы түрі мүмкіндіктуғызады. Қазақстан ерте темір дәуірінің әскери ісін зерделеудегі негізгі дерек болатын қару-жарақтарды талдау мен топтау арқылы олардың түрлерін анықтау және мерзімін нақтылау мақсатында қарастырып отырған оңірден табылып, қордаланған қару түрлері жүйелі түрде сараптамадан өткізілді.

Ежелгі түрғындардың әскери ісін зерттеудің арқасында Қазақ даласының ерте темір дәуіріндегі мәдениеттерінің Еуразия өркениетіне қосқан үлесі мен алатын ор- нын айқындап, білуге мүмкіндік туады.

Жоғарыда қарастырған қару-жарақтарға қарағанда б.з.б. VIII-V ғғ Қазақстан трриториясының түрғындары көбінесе садақты, қанжарды және аз мөлшерде най- за мен чекандарды қолданғандығын көреміз. Сонымен қатар әр өңірде әр кезеңде қарулардың ерекше түрлері қолданычта болғандығы да белгілі болды.

Сонымен ертедегі жауынгердің негізгі қару түрлері садақ пен қанжар болған, ал чекан мен найза сирек пайдаланылған десек, негізгі әскер құрамы садақ пен қанжарды асынған атты жауынгерлерден құралған деген түжырымдамаға келеміз.

* * *

В статье дается описание предметов вооружения сакской эпохи Казахстана по следующим категориям: кинжалы, чеканы, копья, наконечники стрел. Приведены количественные данные. Источниковой базы послужили артефакты, найденные разное время, в разных районах Казахстана. Кинжалы систематизированы по материалу (бронза, железо). В статье описаны вещи, известные по публикациям. Приведены их аналогии. В конце дается характеристика вооружения населения раннего железного века Казахстана.

Қолданылған деректер мен эдебиет тізімі

1. Акишев К.А., Памятники старины Северного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. 1959. Т.7, б. 110
2. Кадырбаев М.К. В глубь веков (Археологический сборник) // Могильник Жиланды на реке Нуре. А-А. 1974. б. 344
3. Отчет ВКАЭ за 1956. Сур. 143

4. Тереножкин А.И. Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир. Киев, 1975, б. 32
5. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М. «Наука». 1967. б. 39-40

Сур. 1. Қола дәуірінің қанжарлары

Сур. 2. Қанжарлары (б.з.б. 8-6 ғғ.)

Сур. 3. Сабтары аң бейнесімен жасалған қанжарлар
Сур. 4. Сағыр тауы суреттеріндегі чеканмен қаруланған жауынгерлердің бейнесі

Чугунов К.В.
Россия, Санкт-Петербург Культурные связи населения Тувы в раннескифское время (по материалам кургана Аржан-2)

Анализ материалов из погребально-поминального комплекса Аржан-2 позволяет наметить два основных направления культурных контактов - юго-восточное и западное. Обширная коллекция элитного памятника алды-бельской культуры включает находки, впервые обнаруженные на территории Тувы. Специфика некоторых из них и аналогии в памятниках

отдалённых регионов демонстрируют связи населения, характер которых может быть в каждом случае различен.

Прежде всего, определённые контакты выявляются при рассмотрении декоративно-прикладного искусства, хотя трасологическое исследование найденных ювелирных изделий показало, что большинство предметов было изготовлено специально для погребального наряда «царя» и «царицы» на месте похорон [8, с. 44; 21, с. 184]. Однако Р.С. Минасян не согласен с Б. Армбрустер в реконструкции некоторых технологических приёмов производства и декорирования аржанских предметов. В частности, украшение железного оружия из основного погребения, по его мнению, было произведено не инкрустацией, а аппликацией. С этим следует согласиться, так как, помимо трасологических наблюдений, на этот способ декора указывают зафиксированные химиками следы клея под золотой пластиной на лезвии женского кинжала. Несколько расходятся мнения трасологов и в оценке возможности производства аржанских шедевров кочевниками. Реконструируя многоплановость и сложность древних технологических приёмов, немецкая исследовательница привлекает этнографические параллели и допускает мобильность мастеров-ювелиров внутри кочевой культуры [21, с. 195]. Р.С. Минасян осторожно выражает сомнение в возможности производства некоторых шедевров кочевниками и предполагает их производство мастерами, прошедшими хорошую ювелирную школу [8, с. 44]. Последнее касается, в основном, филигранных изделий, выполненных с применением тонкой пайки. Но и мельчайший бисер разных форм [23, taf. 34], сплошь покрывавший штаны погребённого «царя», также едва ли мог быть произведён кочевниками. Общий вес этих украшений, выполненных из проткнутых насквозь золотых шариков или тонко нарезанных трубочек, составляет почти 2 кг! Изготовление такого количества изделий, каждое из которых имеет диаметр около 1 мм, требует отлаженной работы коллектива ремесленников, обладающих профессиональными навыками тонкой ювелирной работы.

Автором высказано предположение, что в изготовлении некоторых групп изделий принимали участие мастера из оседлых культурных центров, работавшие специально для кочевых вождей по их заказу [18]. Возможно, что один из них - княжества Восточного Чжоу, где встречается орнамент, похожий на аниконические аппликации на клинке акинака [16]. Подобные мотивы известны на изделиях китайских металлургов и ювелиров, начиная с раннего периода Чуньцу, то есть примерно с VII в. до н.э. [15, рис. 5-32; 11]. В китайской историографии такой декор имеет особое название, которое переводится как орнамент в виде облаков. При этом отметим, что сам акинак по своим морфологическим признакам соответствует клинковому оружию, распространенному в раннескифское время на территории Казахстана и Южного Зауралья. Возможно, что мастер, прошедший китайскую школу торевтики, принимал участие и в декорировании других предметов, выполненных в орнаментальной манере. В связи с этим показательно, что пекторали, типичные для алды-бельских памятников, встречены в трёх комплексах могильника Юйхуанмяо около Пекина. Там же найдены наборные пояса с бронзовыми обоймами, аналогичными золотым из Аржана-2 [19, с. 867, рис. 561-2-4; с. 1232, рис. 722-13,14] (Табл.-1-3,6-8). Судя по типу уздечных комплектов, этот памятник датируется несколько позже Аржана-2, вероятно первой половиной VI
в. до н.э. Во Внутренней Монголии, в более раннем памятнике Сяохэйшигоу найдены бронзовые сосуды, сопоставимые по типу с небольшой чашечкой с горизонтальной петлевидной ручкой из основного погребения Аржана-2 [13, с. 373, рис. 303-2; с. 396, рис. 320-3; с. 401, рис. 323-4]. Эти аналогии едва ли случайны, вероятно, свидетельствуют о связях двух отдалённых территорий.

Однако в памятниках начала 1 тыс. до н.э. на территории Китая практически неизвестны ювелирные изделия с использованием зерни. Традиция грануляции, конечно, могла быть заимствована кочевниками и даже воспроизводиться ими, так как среди них были высококлассные литейщики. Тем не менее, происхождение этой технологии едва ли может

быть связано с культурой номадов. Нагляднее всего это демонстрирует самая распространённая категория так декорированных изделий - серьги с припаянным конусом и подвесами к нему. В захоронениях кургана найдена серия из десяти серёжек такого типа. Эти изделия можно считать своеобразным культурным «маркером» алды-бельской культуры Тувы и племен Алтая раннескифского времени, так как в памятниках этого региона обнаружено уже около трёх десятков таких украшений. Западнее, на территории Казахстана и далее, найдено пока всего несколько экземпляров. Находки этих украшений со следами грубой починки [23, taf. 110-1] свидетельствуют об отсутствии навыков тонкой пайки у людей, их носивших. Кроме того, присутствие в коллекции Аржана-2 изделия из могилы 20 [23, taf. 110-2], больше похожего на кустарное подражание мастерски выполненным серёжкам из других комплексов памятника, может указывать на изготовление их в какой-то довольно удалённой и не всегда доступной мастерской.

Е.В. Переводчикова поддержала гипотезу о не кочевническом производстве некоторых изделий из Аржана-2, добавив к ним предметы, дополненные эмалевыми вставками [9, с. 157]. Это предположение верно лишь отчасти, так как едва ли нужно отказывать кочевникам в умении производить простейшее стекло. В то же время, эмаль, использованная в оформлении филигранных украшений для имитации бирюзовых вставок, возможно, говорит об отсутствии необходимого материала у ювелиров, выполняющих заказ далеко от источников сырья. Можно предположить, что бирюзу добывали в месторождениях на территории Южного Казахстана или Кызылкумов

- ближайших из известных в древности, но не исключено, что поставка поделочных камней шла также из Нишапурского месторождения. Изделия из Аржана-2 не имеют вставок из бирюзы, однако из этого камня здесь сделаны многочисленные бусы и подвески, которые могли доставлять в готовом виде.

Регион, где филигранные изделия представлены широко - современная территория Казахстана. Здесь открыты несколько комплексов, демонстрирующих ювелирное искусство высочайшего класса. Прежде всего, это Жалаулинский клад [12], дата большинства предметов из которого едва ли может быть более поздней, чем у Аржана-2. Из набора вещей, составляющих его, можно достаточно уверенно выделить роскошные украшения конской сбруи, выполненные с применением техники грануляции и инкрустированные камнями. Вероятно, все они являются одним набором, созданном в едином стиле для парадного убранства одной лошади. На это указывают восемь распределителей, четыре из которых могли использоваться на оголовье, и четыре - на ремнях двойного нагрудника, отходящих от широкого ремня подпруги. Назначение фрагмента наконечника ремня в этом комплекте указать затруднительно, а вот так называемое короновидное украшение можно определить по аналогии с материалами Аржана-2 как украшение гривы или оголовья коня. Оно, конечно, массивнее и чуть больших размеров, но имеет такую, же форму, как и пластины, найденные на черепах у всех 14 лошадей. Остальные изделия из клада могут относиться к украшениям портупейного ремня (обоймы в виде оленя), пояса и костюма. Нашивки со сценой терзания кошачьим хищником антилопы, изготовленные в технике басмы, сопоставимы с трактовкой этих животных в искусстве Аржана-2. Особенно примечательна полусвёрнутая поза хищника, характерная для комплекса тувинского кургана. Такая специфическая иконография известна и западнее, вплоть до памятников Восточного Приаралья. Реминисценции этой иконографической схемы Ю.Б. Полидович прослеживает и далее, в несколько более поздних памятниках Причерноморья [10, с. 220- 222, рис. 2]. Кроме этих образов, искусство кочевников Казахстана и Тувы сближают сложные орнаментальные мотивы и особенности проработки и моделировки фигур изображаемых зверей [18, с. 99-101]. Так, оформление тела животного клювовидными фигурами является особенностью практически всех изображенных образов в Жалау- линском кладе. В Аржане-2 эта деталь присутствует на резных фигурах шпилек и некоторых других изделиях. Кроме того, очень важно, что этот элемент присутствует на петроглифическом изображении оленя на одной из

плит, синхронной памятнику [17, с. 64, плита 7/02]. Это позволяет утверждать, что мастер-носитель такой традиции присутствовал при сооружении кургана. Замечу, также, что образ быка-зебу, вырезанный на шпильке (табл.-5), также демонстрирует знакомство ювелира с этим животным, неизвестным в Туве.

Открытие в 2010 г. А.З. Бейсеновым в могильнике Талды-2 богатейших комплексов раннескифского времени, включает в ареал изделий, выполненных в технике грануляции, Центральный Казахстан [1, с. 77-79]. Ранее из такого рода находок здесь были обнаружены только серьги алды-бельского типа в могильнике Жиланды [7, с. 44, рис. 12]. Однако на этой территории зафиксирован другой редкий технологический приём. В классическом памятнике тасмолинской культуры - могильнике Тасмола V - давно известны изделия из железа, украшенные золотом. Это псалии и бляшки от украшений узды из курганов 3 и 6 [6, с. 325, 333]. Технологически и стилистически они соответствуют аппликированным золотом предметам вооружения из Аржана-2. Отметим, что при публикации этих находок М.К. Кадырбаев обратил внимание на следы обработки железа в слоях предскифского времени городища Дальверзин в Фергане [6, с. 383], то есть предполагал наличие оседлого центра, обслуживавшего кочевников.

В рамках исследуемой проблемы, интерес вызывает конструкция плоских дужек двух серёжек из Южного Приаралья, состоящих из спаянных витых проволок [20, с. 32, рис. 7:7, 19:11]. Плоские дужки имели серьги женщины из основной могилы Аржана-2, но изготовлены они гораздо более сложным способом. Они сделаны из расплющенной трубки, спаянной из рядов тонких круглых и скрученных вдвое проволочек, уложенных в геометрический узор. Обе дужки отрублены от одной трубки. Пайка, несмотря на чрезвычайную сложность технической задачи, выполнена безукоризненно чисто, что не характерно для кочевнического производства [8, с. 43]. Серьги из могильников Сакар-Чаги производились на месте, о чём свидетельствуют находки следов их производства на поселении Куюсай [3, с. 17, 18, табл. XIa]. В связи с этим показательно, что в основном погребении Аржана-2 найден каменный жертвенник клювовидной формы [23, taf. 83-5] (Табл.-4). Каменные изделия такой формы так же характерны для памятников Приаралья (Табл.-9), как серьги с припаянным конусом для алды-бельской культуры Тувы. Подавляющее большинство их найдено в раннесакских комплексах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и только несколько штук за пределами этого ареала. Экземпляр из Аржана-2 - самая восточная находка жертвенников такого типа. На мой взгляд, ритуальный сосуд особой формы показывает гораздо более тесные связи между регионами, обусловленные не только общим сходством раннекочевнического комплекса на огромных пространствах ареала степных культур, но и непосредственными контактами их носителей.

Возможно, мастерские, обслуживавшие кочевнических вождей, следует искать на городищах архаического Хорезма, на что косвенно указывает находка золотой бляшки в виде головы джейрана в Кюзели-Гыре [4, с. 165, рис. 7: 1]. Как считают О.А. Вишневская и Ю.А. Раппопорт [4, с. 171], культура архаического Хорезма возникла на основе раннесакского компонента, находящегося в тесном контакте с земледельческими цивилизациями Маргианы, где традиции ювелирного искусства имеют очень глубокие корни. На возможность удревнения нижней даты кюзелигырской культуры сейчас указывают многие разработки [2].

Ещё один пласт находок говорит о непосредственных контактах населения Тувы с далёкими западными регионами. В основном захоронении Аржана-2 найдены остатки плодов и семян растений, большинство из которых определено и является привозными [24, с. 242-248]. Ближайшие к Туве границы ареала произрастания этих растений находится в юго-западном Казахстане (сыть круглая), юго-западной Сибири и северо- восточном Казахстане (карликовая вишня), западном Тянь-Шане (черёмуха-антипка) и Ближнем Востоке (кориандр). Представляется, что эти растительные продукты также могли доставляться через посредничество какого-то земледельческого центра, расположенного где-

то на южной границе ареала кочевых культур.

Не исключено, что впоследствии будут выявлены неизвестные пока культуры номадов в горностепных долинах Северной Индии и Пакистана, которые транслировали на север продукцию и технологические достижения древнеиндийских земледельцев и ремесленников. На связи с этими областями указывает значительное количество орнаментированных сердоликовых бус и находка огромной золотой гривны в Паттане [25], которая типологически и стилистически сходна с гривной из Аржана-2. Упомянутое изображение быка-зебу на шпильке (Табл.-5), ареал дикого обитания которого ограничен территорией Индии, возможно, также свидетельствует о непосредственных контактах с мастерами из этих регионов. Впрочем, не исключено, что все эти контакты происходили при посредничестве племён Казахстана.

В рамках небольшой статьи могут быть затронуты лишь отдельные аспекты контактов населения Тувы в раннескифское время. Они намечены лишь пунктирно и требуют дальнейших углублённых исследований. Юго-восточные связи, выявленные на основе анализа археологического материала, хорошо согласуются с антропологическими исследованиями скелетов из Аржана-2. Не исключено, что наибольшая из всех серий скифского времени монголоидность погребённых в «царском» кургане [14; 22, с. 270], может быть объяснена гораздо более тесными, чем считалось ранее, контактами населения Тувы с племенами, обитавшими на границе княжеств эпохи Чжоу. Многочисленные западные параллели, неоднократно отмечаемые предыдущими исследованиями [11], сейчас могут быть объяснены непосредственными перемещениями носителей различных, но родственных, археологических кочевых культур. Эти контакты, помимо других причин, были связаны с получением из оседлых земледельческих центров предметов роскоши для кочевой элиты, а иногда и самих мастеров. При этом сейчас становится очевидной ведущая роль казахстанско-среднеазиатского региона, который, с одной стороны, близок к очагам древнеземледельческих культур на юго- западе, с другой - находился на древнейшем пути, связывавшими степь с цивилизацией Древнего Китая. Элитарные могильники Семиречья и Восточного Казахстана, несмотря на тотальное ограбление, донесли до нас множество великолепных произведений древнего искусства. Однако их хронологическое соотношение со статусно близкими памятниками Тувы требует дополнительной научной разработки. Пока можно только предположить, что курганы Чиликты, по-видимому, расположены на хронологической шкале до времени возведения Аржана-2, а некрополи Бесшатыра, вероятно, могут быть синхронизированы с древнейшим пластом кочевых культур - временем Аржана-1.

* * *

Баяндамада Аржан 2 қорғанындағы мәліметтерге сараптама жасау негізінде ерте скиф тайпаларының мәдени байланысы мәселелеріне арналған. Қолжазбалы өнерге сараптама жасаған кезде Тува хадқының ерте скиф кезеңдегі негізгі мәдени байланыс аймағы анықталды. Көшпенділер мәдениетінде зергер ұсталардың мүмкін болғандығы анықталды. Зерттелген бұйымдардың дайындалу аймағы келтірілген.

Список использованных источников и литературы

1. Бейсенов А.З. К изучению особенностей крупных курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Кадырбаевские чтения - 2010. Материалы II межд. науч. конф. Актобе. 2010. С. 77-79
2. Болелов С. К вопросу о периодизации раннего этапа истории древнего Хорезма // Transoxiana. Ташкент. 2004. С. 48-55
3. Вайнберг Б.И. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. Труды ХАЭЭ, XI. М. 1979. С. 7-52
4. Вишневская О.А., Раппопорт Ю.А. Городище Кюзели-Гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма. ВДИ (2). 1997. С. 150-173

5. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН. 1997. 187 с.
6. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К, Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата. 1966. С. 302-402
7. Кадырбаев М.К. Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. Алма-Ата. 1974. С. 25-45
8. Минасян Р.С. Секреты скифских ювелиров // Аржан. Источник в долине царей. СПб: «Славия». 2004. С. 40-44
9. Переводчикова Е.В. О различных формах диалога искусства степи и цивилизаций: к постановке вопроса // Скифские интерпретации. Stratum-plus № 3. 2005 - 2009. СПб, Кишинёв, Одесса, Бухарест. 2009. С. 155-161
10. Полидович Ю.Б. Находки в тувинском кургане Аржан-2 и «звериный стиль» Северного Причерноморья: поиск соответствий //Древние культуры Евразии. СПб: «Инфо-ол». 2010. С. 217-224
11. Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб: Изд-во СПбГУ. 2002. 203 с.
12. Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. Алматы, 2005, 184 с.
13. Сяохэйшигоу: сяцзяцзянь шан цэн вэньхуа чужи фацзюэ баогао / Нэймэнгу цзич- жицю вэньу каогу яньцзюсо, Нинчэн сянь Ляо Чжун цзин Боугуань (Сяохэйшигоу: отчет о раскопках поселения культуры Верхнего слоя Сяцзядянь / Институт археологии Автономного р-на Внутренняя Монголия, Музей Средней столицы Ляо уезда Нинчэн) - сост. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ. 2009. 488 с., илл.
14. Чикишева Т. А. К вопросу о формировании антропологического состава ранних кочевников Тувы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4 (36). С. 120-139
15. Чжу Фэнхань. Гудай Чжунго цинтун ци (Бронзовые изделия древнего Китая). Тянь- цзин, 1995
16. Чугунов К.В. Кинжал-акинак из кургана Аржан-2 // Сообщения Государственного Эрмитажа. 62. СПб. 2004. С. 72-74
17. Чугунов К.В. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржано-майэмирского стиля) // Тропою тысячелетий: К юбилею М.А. Дэвлет. Ке

мерово: Кузбассвузиздат. 2008. С. 53-69
18. Чугунов К.В. Некоторые особенности искусства кургана Аржан 2 // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. - М.: ИА РАН. 2008. С. 98-**101**
19. Цзюньдушань муди - Юйхуанмяо / Бэйцзин ши вэньу яньцзюсо - бяньчжу (Могильники [в горах] Цзюньдушань - Юйхуанмяо / НИИ культурного наследия Пекина - сост.) Пекин: Вэньу чубаньшэ. 2007. В 4-х тт.
20. Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М.: ИА РАН, 1996. 185 с.
21. Armbruster B. Technologische Aspekte der Goldschmiedekunst aus Arzan 2 // Cugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Ftirstenkurgan Arzan 2 in Tuva. Archaologie in Eurasien 26. Steppenvolker Eurasiens 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. S. 183-199
22. Cikiseva T.A. Die palaoanthropologischen Materialen // Cugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Ftirstenkurgan Arzan 2 in Tuva. Archaologie in Eurasien 26. Steppenvolker Eurasiens 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. S. 256-302
23. Cugunov K., Parzinger H, Nagler A. Der skythenzeitliche Ftirstenkurgan Arzan 2 in Tuva. Archaologie in Eurasien 26. Steppenvolker Eurasiens 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. 330 S., 289 Abb., 153 Taf.
24. Neef R. Die Pflanzenreste // Cugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Ftirstenkurgan Arzan 2 in Tuva. Archaologie in Eurasien 26. Steppenvolker Eurasiens 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. S. 242-249.
25. Rahaman S. Unique find of Gold Ornaments from Pattan (Kohistan) //Journal of Central Asia, Vol. XIII, No. 1, July, 1990

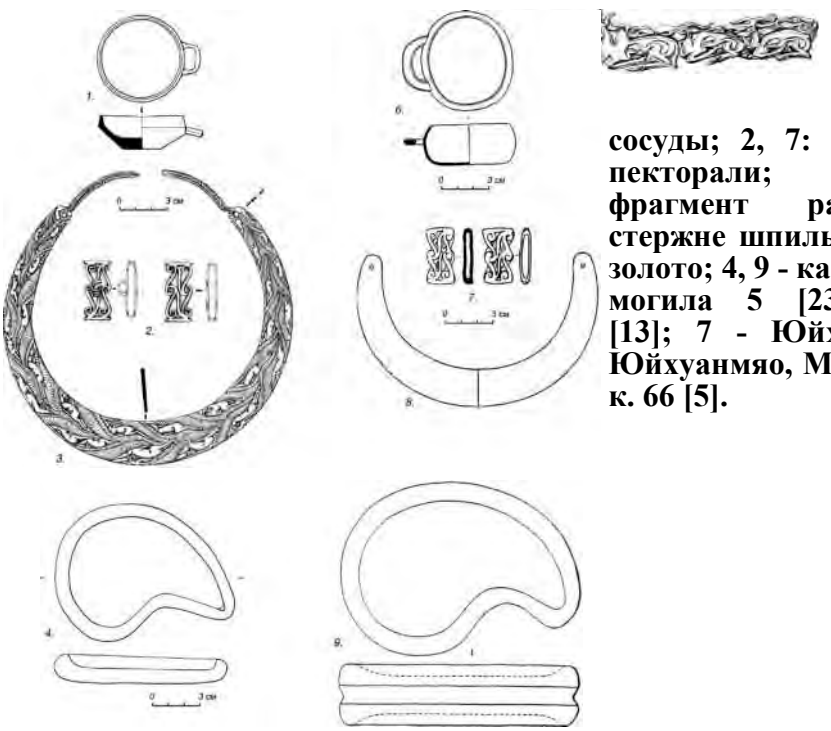


Таблица. 1. 1, 6: сосуды; 2, 7: поясные пекторали; 4, 9: обоймы; 3, 8: фрагмент развёртки жертвенники; 5: стержне шпильки. 1, 6, изображений на золото; 4, 9 - камень. 7 - бронза; 2, 3, 5, 8 - могила 5 [23]; 6 - 1- 5: Аржан-2, [13]; 7 - Юйхуанмяо, Сяохэйшигоу, М9601 Юйхуанмяо, М174 [19]; М230, М95 [19]; 8 - к. 66 [5]. 9 - Южный Тагискен,

Шоназаров Ш.Б.

Узбекистан, Ташкент Позднесредневековые надмогильные плиты Каршинского оазиса и их аналогии в Казахстане

Статья посвящена анализу погребений и надмогильных плит позднесредневековых могильников Имам Муин и Авлия Шамсиддин Ата и их аналогиям на синхронных могильниках юга Казахстана. Рассматриваемые нами могильники находятся на окраине кишлака Каучин, расположенного в 20 км к западу от г. Карши и 7 км к западу от г. Бешкента.

Могильник с. Каучин расположен вокруг мавзолея Имам Муин, занимает площадь около 40 га. Этот могильник хорошо сохранился, и один из наиболее крупных в Кар- шинском оазисе.

Мазар Хазрат Имам Муин на протяжении последних веков почитался местным населением как могила святого, к которой совершало паломничество население всего Каршинского оазиса и долины Кашкадарьи. Быть похороненным поблизости от этого мазара было большой честью для каждого мусульманина, и поэтому здесь погребались только самые уважаемые и авторитетные люди всей округи. По свидетельству местных жителей, ранее на территории кладбища было много средневековых надмогильных плит с арабскими надписями. В настоящее время сохранилось около 350 надмогильных камней. Из них более 20 датируются XV - XVI вв., а остальные относятся к более позднему времени (XVIII - к началу XX вв.).

Могильник Авлия Шамсиддин Ата находится в селении Туракул, примерно в 1 км к юго-востоку от мазара «Имам Муин» к югу от селения Каучин. На кладбище обнаружено более 16 каменных надгробий позднего времени (XVIII - начала XX вв.). Среди этих каменных надгробий выделяется одно изящное в виде узкого высокого параллелепипеда, увенчанного сводчатой верхней частью в виде узкой стрельчатой арки в поперечном сечении. Это надгробие по типу относится к XV-XVI вв. [7, с. 15].

Надмогильные камни с. Каучин и Туракул различаются по форме и внешним признакам, что послужило, основой для их классификации. Выделяются следующие типы:

Первый тип надмогильных камней в разрезе имеет трапециевидное сечение. В поперечном сечении они все имеют широкую верхнюю грань и сужаются к основанию. Как правило, у них орнаментирована только верхняя грань, редко боковые грани имеют каёмку чередующихся треугольников, тексты также нанесены только по верхней грани. Они датируются не ранее XУНТ в. Некоторые из них изготовлены из мрамора, но большая часть из известняка и других более доступных пород камня.

Второй тип надмогильных камней представляет собой дальнейшую трансформацию трапециевидных надмогильных камней. У них, видимо в целях экономии материала поперечное сечение сильно сужено, а верхняя часть расширена таким образом, что этот тип камней в поперечном сечении обретает Т-образный профиль. При этом основание слегка расширено.

Третий тип надмогильных камней представляет собой трансформацию второго типа. Этот тип в поперечном сечении также имеет Т-образный профиль в верхней части, дополнительно в основании он также расширен. Таким образом, в поперечном разрезе этот тип напоминает двутавровую балку или железнодорожный рельс.

Все типы надмогильных камней морфологически связаны между собой множеством промежуточным форм. Так трапециевидные надмогильные камни в большинстве случаев также имеют слегка выступающие края своих верхних и нижних граней.

Подавляющее большинство надмогильных камней имеют орнамент и короткие, схематически исполненные надписи. Орнамент зачастую, особенно на самых поздних экземплярах, отсутствует. А самые поздние экземпляры вообще лишены как надписей, так и

орнамента.

Что касается сырья камня, обычно они изготовлены из разных пород известняка, реже из мрамора или гранита. Мрамор нуратинской породы. Трапециевидные надмогильные камни известны во всем Каршинском оазисе.

Исследование текстуры памятников также свидетельствует о том, что камнерезы, сначала, изготавливали надмогильные камни - «полуфабрикаты». На это очень часто указывает специфическое размещение эпиграфики - нередко в верхних частях камня надписи оставались незаполненные места. Мастер-камнерез, имея под рукой текст эпитафии, безусловно, такого не допустил бы. Очевидно, что он, делая заготовку на продажу, оставлял нетронутой верхнюю грань плиты, на которой оставалось высечь текст эпитафии.

Рассматривая техники нанесения текста на надмогильных памятников позднего периода, отметим существование двух техник: надписи, выбитые или процарапанные на камне, уходящие вглубь, т. е. врезные, и надписи, выступающие над стёсанным полем текста (фоном), барельефные. Барельефные шрифты отличаются более качественной проработкой, врезные более примитивные.

Прежде всего следует отметить, что палеографически все рассматриваемые тексты выполнены традиционными для этой поры почерками насх и настаълик. Эти почерки в период позднего средневековья применялось для рукописных книг и для эпиграфических текстов.

При большом тексте чаще используется контурный почерк. Характерны палеографические особенности надписей надмогильных плит районов Каршинского оазиса.

Во многом прослеживаются аналогии с намогильными плитами синхронных могильников Южного Казахстана. В ряде случаев при датировке наших материалов возможно привлечение надмогильных надписей с кладбища Арыстанбаба в Отрарском района Южно-Казахстанской области. Сопоставление надписей Каршинского оазиса с надписями с кладбище Арыстанбаба приводит нас к заключению об особенной близости письма эпиграфических памятников Каршинского оазиса с памятниками Южно-Казахстанской области.

Среди довольно большого числа надмогильных камней позднего периода найденных с. Туракул и Каучин представляется возможным выявить очень близкие по стилю исполнения надмогильные камни. Так, надписи надмогильных камней могильников Туракул (рис. 1, 2, 3,4) и Каучин (рис. 5, 6, 7) по почерку и палеографии полностью аналогичны надписи из кладбища Арыстанбаба [5, с. 15,18]. Эти надписи обнаруживают не просто палеографическое сходство, но и единство почерка.

Сходство в формах букв, их пропорциях, в характере лигатур не вызывает сомнений. Не исключено, что эти надписи были исполнены в одной мастерской.

Нередко можно наблюдать единую стилистику исполнения эпитафий применения насха с утолщениями нижних частей букв.

Важны также не только совпадения особенностей палеографии исследуемых памятников, но и часто встречающиеся слова: «баласы», «бай», и др. Специфично также некурсивное оформление отдельных букв в конечных позициях - «нуна», «сина» и т. д.

Немалое место в орнаментике занимают и сходные по значимости космогонические мотивы. В первую очередь это солярные знаки в виде звезд, солнца, круглые полусферические ямки и выпуклости. Они носили ритуальный характер.

Эпиграфический материал проливает свет на одно из направлений культурных контактов Каршинского оазиса с других Среднеазиатских регионов, в том числе и Южного Казахстана.

Этническая история узбекского народа в XVIII - начале XX в., как и ранее, была тесно связана с этнической историей родственных народов - казахов, киргизов, туркмен, каракалпаков, а также таджиков. В результате длительных этнокультурных связей в хозяйстве, быту, материальной и духовной культуре народов обширного региона Средней

Азии и Казахстана сложилось много сходных черт [6, с. 56].

Данные археологии и письменных источников свидетельствуют, что город Отрар как и Карши в средневековье был не только крупным ремесленным центром, но и был один из самых важных пунктов международной торговли в Средней Азии. Он с самого начала своего существования играл огромную роль в истории народов Казахстана, занимая ключевые позиции в торговле Южного Казахстана со Средней Азией.

Эти регулярные торговые пути через степь обычно прокладывались по известным трассам кочевых скотоводов; в частности, таким известным, но еще неосвоенным путем, по прямой кратчайшей линии провели два туркмена войско Чингиз-хана от г. Отрара на среднем течении Сырдарьи через Зарнук и Нурату к Бухаре. Впоследствии по этой трассе проходили караванные пути [1, с. 475].

Изучение средневековых маршрутов Нуратинских и Малыузарских гор показало, что одна из средневековых дорог шла из Бухары в районы Ташкента и в казахские степи, через город купцов Кедер (Отрар), по диагонали пересекая Голодную степь. Дорога вела из бухарского Согда через средневековый город Нур, затем по степи вдоль северного склона Нуратинского хребта на расстоянии 25-30 км от него. В районе озера Тузкан путь резко поворачивал на северо-восток к Сырдарье, значительно сокращая расстояние [4, с. 42.].

Возможно, было несколько направлений дорог, одно из которых шло через крупный древний город Центрального Согда - Коктепа и через перевал Бел выводил в район Нураты и далее в степи Центрального Казахстана. Еще одна дорога через перевал Саврбел выводила в район Фариша и к переправе в среднем течении Сырдарьи, к городу Отрару [3, с. 102].

С севера, со стороны Южного Казахстана, Джизакский район в значительной степени прикрывается цепью скалистых бугров из системы восточных отрогов Нуратинского хребта. В 30 км к северу от Джизака Чим-Курганский хребет с запада образует крючкообразный изгиб. Вблизи гор ее пересекает извилистое русло горько-соленой речки Кили. Протекая по направлению с юго-востока на северо-запад, Кили пересекает по ущелью Чим-Курганский хребет. За ущельем начинается территория Казахстана. Через Кулпи-сар и ущелье р. Кили проходит старая дорога, связывающая Джизакский оазис с Чим-Курганом и Южным Казахстаном [2, с. 93].

Сопоставление надписей Каршинского оазиса с надписями всех указанных областей приводит нас к заключению об особой близости письма эпиграфических материалов данного оазиса памятникам других областей Узбекистана, а также Казахстана. Проясняет поразительную близость надмогильных плит то, что рядом с Нурата промежуточным торговым пунктом меду Каши и Отраром находятся каменоломни качественного голубовато-серого мрамора, где могли изготавливаться полуфабрикаты и готовые надмогильные плиты с надписями.

Археологические исследования Каршинского оазиса продолжаются. Они могут, несомненно, дать новые материалы для внесения дополнений в наш, пока предварительный обзор.

* * *

Мақалада Өзбекстан Республикасында, Бешкент қаласының мацында зерттелген кейінгі ортағасырлық Имам Муин және Авлия Шамсиддин Ата қорымдарындағы құлпы тастардың зерттеу нәтижелері берілген. Құлпы тастарды сипаттау және оларды Оңтүстік Қазақстан территориясында табылған құлпы тастармен салыстырмалы сараптау жұмыстарын жүргізген. Зерттелген кешендерді тұрғызу уақыты XVIII-XX ғғ. Каршин оазисінде құлпы тастардағы жазуларды басқа аймақтағы жазулармен салыстырмалы талдау нәтижесінде автор келесі тұжырымға тоқталады: Өзбекстан және Қазақстан аймақтарында кездесетін эпиграфикалық ескерткіштердің ұқсастықтары бар дейді.

Список использованных источников и литературы

1. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Собр. соч.: в 9 т. М. 1963. Т. I. С. 475

2. Гулямов Я.Г. Кладбище Кулпи-Сар //История материальной культуры Узбекистана. Т. 1961. С. 93
3. Мавланов У. Самарканд в системе древних путей Среднеазиатского Междуречья. // Самарқанд шах,ринингумумбашарий маданий тараққиёт тарихида тутган үрни. Самарқанд шах,рининг 2750 йиллик юбилейига бағишланган халқаро илмий симпозиум материаллари. Тошкент-Самарқанд. 2007. С. 102
4. Немцева Н.Б. Караванными дорогами голодней степи. Вехи времен. Рассказы о памятниках истории и культуры Узбекистана. Т. 1989. С. 42
5. Серик Акылбек. Эпиграфические памятники кладбища Арыстанбаб. Шымкент. 2000**.**
6. Шаниязов К.Ш. Некоторые вопросы этнической динамики и этнических связей узбеков в XIV-XVII вв. // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Т. 1986
7. Шоназаров Ш.Б. Классификация надмогильных камней XV-XIX вв. (по материалам Каршинского оазиса) // Узбекистон тарихи. I. Тошкент. «Фан». 2003

Рис.1

Рис.2

Рис.3

Рис.4

Рис.5

Рис.6

Рис.7

Акишев К. А.,Свиридов А.Н.
Казахстан, Астана Курган № 28 могильника Актас 1

В Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева хранится часть научного архива видного казахстанского археолога - К.А. Акишева. Один из его разделов содержит материалы могильников Актас, раскопанных в 1962 г. Этой статьей коллектив НИИ археологии планирует начать цикл публикаций по группе могильников Актас. Для первой публикации был выбран материал кургана 28, из которого происходят широко известные золотые подвески -колты.

Могильник Актас всегда расценивался К.А. Акишевым как перспективный археологический объект, дающий материал для исследования некоторых вопросов политической истории Семиречья в усуньское время, в частности взаимоотношения древних усуней с пришлыми племенами. Он считал, что в итоге изучения Актасского могильника удастся выделить для территории Семиречья хуннскую культуру в наиболее чистом виде, что в свою очередь имело бы важное значение, для решения научного спора о датировке и этнической

принадлежности памятников типа Кенкол, расположенных на территории Средней Азии и Казахстана. По материалам 1962 г. исследователи датировали могильник хронологический широко, в пределах I в. до н.
э. - V в. н. э.

Группа могильников Актас 1-6 располагается в Раиймбекском районе Алматинской области. Могильник Актас 1 находится на мысу образованном ущельями рек Курай- лы и Коксай и горными ручьями протекающими по этим ущельям. Могильник состоит из 61 кургана и каменных оград, расположенных двумя довольно компактными группами. Памятник исследовался Семиречинской археологической экспедицией в полевом сезоне 1962 года.

Северная группа состоит из 44 насыпей бессистемно вытянутых по правому берегу ручья Коксай по направлению с востока на запад. В группе кроме насыпных курганов имеются оградки кольцевой и четырехугольной формы, выложенные из дикого камня. Насыпи курганов состоят из земли и щебня, иногда с включением камня. На насыпях курганов имеются круглые, иногда четырехугольные выкладки из камня. В северной группе раскопаны 13 курганов: 18-19, 23-25, 30-35.

Южная группа расположена в 50-70 метрах от северной, состоит из 17 курганов и плоских кольцевидных оградок. Насыпи состоят из земли и камня, на насыпи отдельных курганов имеются каменные кольца. С западной стороны каждого кургана расположены небольшие каменные кольца или скопления камней. В южной группе раскопано 2 кургана: № 50,51.

Курган № 28. На насыпи кургана в центральной части - скопление камней. Диаметр насыпи - 10 м, высота - 0,6 м. В 2 м на запад от кургана находится наброска камней в виде округлой оградки. Раскопки оградки не дали никаких данных, позволяющих судить о ее назначении.

На насыпи кургана обнаружена зернотерка (60х30 см) с курантом (рис. 1: 2, 3). Изношенность рабочей поверхности зернотерки и куранта свидетельствуют о продолжительном употреблении в быту. Под насыпью обнаружены две могильные ямы. Судя по форме каменной наброски, центральная могила, ориентированная по линии север-юг - основная, а вторая могила, расположенная в западной половине кургана - вводная. Она ориентирована по линии запад-восток с небольшим отклонением (рис. 1: 1). Центральная могильная яма размерами 2,6 х 1,3 м, при вскрытии ее, на глубине 1,3 м обнаружены разрушенные кости человека, череп лежал у восточной стены моги-
лы. Возможно, что покойник был захоронен головой на восток. Кроме костей в могиле обнаружен небольшой черепок глиняного сосуда.

Центральная могила была завалена крупным камнем. Останки погребенного обнаружены на глубине 3,6 м, в подбое, выкопанном вдоль западной стенки ямы (дро- моса) (рис. 2: 1). Глубина (ширина) подбоя - 1,2 м. Вход в подбой заложен короткими наклонно поставленными бревнами. Полный нетронутый костяк лежал у западной стены подбоя вытянуто на спине, головой на север. Костяк с восточной стороны отгорожен кладкой камней в один ряд. В северной части могилы, в пространстве между каменной выкладкой и бревнами заставки обнаружены два сильно разрушенных деревянных столика (рис. 1: 4, 5). Рядом с ними находились остатки деревянного сосуда. На одном из столиков лежали крестец, трубчатая кость, ребро и тазовые кости овцы - остатки предназначенной для умершего пищи. Деревянные столики прямоугольной формы с закругленными углами формы (размеры 40х25 см и 55х27 см), бортики приподняты на 4-6 см. Каждый столик имеет по четыре ножки высотой 10 см.

В могиле вместе с останками погребенного были найдены различные предметы: на костях правой руки железный браслет (рис. 2: 4), рядом лежало пряслице выполненное из темно-зеленого нефрита (рис. 2: 2). На костях левой руки находилась нитка из бочонковидных бус, по-видимому, из пасты. В виду плохой сохранности взять бусы не удалось. Между

большими берцовыми костями лежал неизвестного назначения предмет, выгнутый из четырехгранного бронзового стерженька (игла?) (рис. 2: 3). На нем сохранились остатки дерева. В области грудной клетки были обнаружены два крючковидных предмета из такого же бронзового стерженька (рис. 3: 6). Концы этих стерженьков сплющены и имеют по два отверстия. На одном из них сохранился кусочек кожи. Под черепом с правой стороны обнаружена железная серьга (рис. 2: 5).

Здесь же найдена золотая подвеска. Вторая аналогичная подвеска лежала под подбородком. Подвески полулуновидной формы нарядно украшены зернью и инкрустацией из цветного камня. По обоим концам подвесок имеются двойные петли для продевания шнурков или цепочки (рис. 2: 7).

К сожалению дневниковые записи не полные. Поэтому привести более подробное описание погребального обряда и сопроводительного инвентаря не представляется возможным. Мы намеренно не приводим никаких аналогий и датировок данного погребения, оставляя материал таким, как он представлен в архиве. Считаем, что только после публикации материалов всего могильника представиться возможность для каких-либо интерпретаций.

* * *

Мақалада Ақтас қорымындағы 28 обаның мәліметтері берілген. Обаның қазба жұмыстарын К.А. Ақышев басқаруымен Жетісу археологиялық экспедициясы 1962 ж. жүргізді. Жерлеу қорымының мәліметтері әр-түрлі себептерге байланысты әлі күнге дейін жарияланған жоқ. Ғылыми айналымда Ақтас қорымының мәліметтері Жетісудағы дәуір шебіндегі этногенетикалық үдерістерді жацадан қарастыруға мүмкіндік береді.

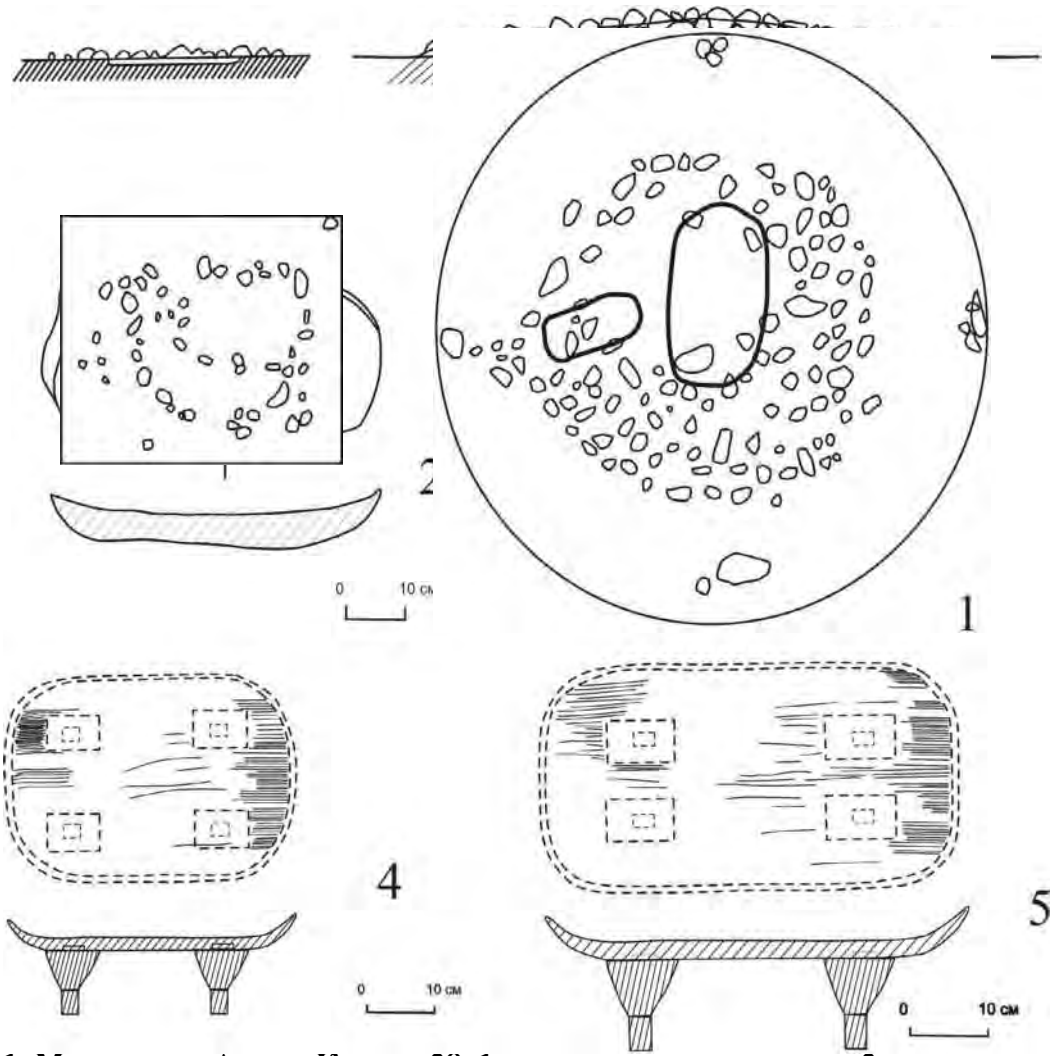
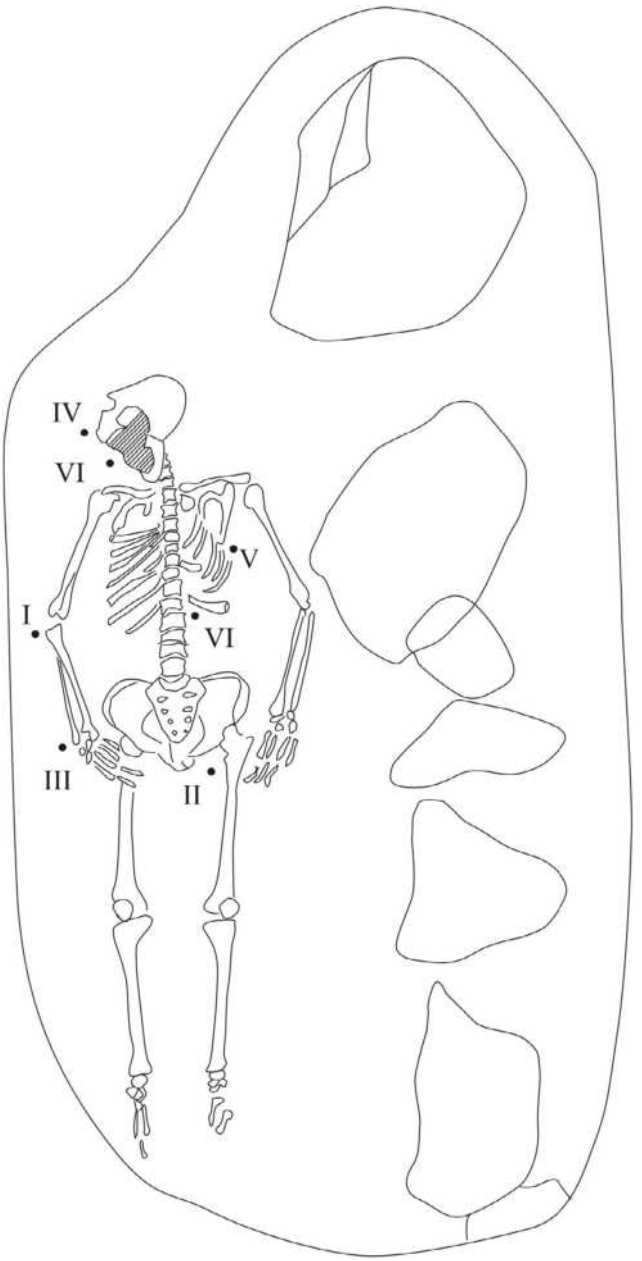
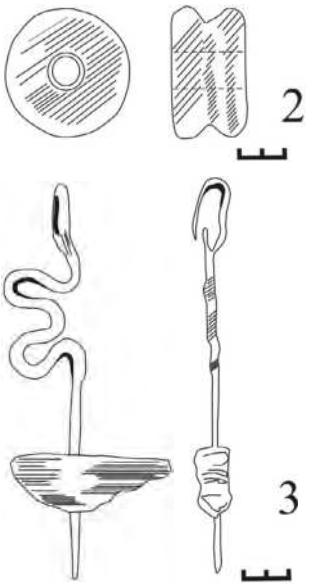


Рис. 1. Могильник Актас. Курган 28. 1 - план и разрез кургана; 2 - зернотерка; 3 - курант; 4-5 - деревянные столики



1

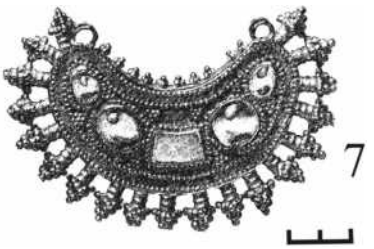
0 10 20 30 см.



2

3

6



7

Рис. 2. Могильник Актас. Курган 28.1 - план погребения. I - пряслице, II - бронзовая игла, III - железный браслет, IV - железная серьга, V - бронзовые проколки, VI - колт; 2 - пряслице; 3 - бронзовая игла; 4 - железный браслет; 5 - железная серьга; 6 - бронзовые проколки; 7 - кол ты.

Байпаков К.М., Воякин ***Д. А.,*** Акылбек С.Ш., Долгушев А.С.,
Сорокин Д.В., Антонов М.А.

Казахстан, Алматы Раскопки городища Отрар в 2010 году

В 2010 году проведены дальнейшие раскопки на городище Отрар. На территории шахристана разбито три раскопа. У центральных городских ворот было заложено 2 раско-па. Первый раскоп явился продолжением раскопа 2009 года. Второй раскоп был разбит западнее ворот. Третий раскоп был заложен на территории двора мечети.

На месте юго-западных ворот шахристана городища Отрар были продолжены полевые археологические изыскания. В целях дальнейшего изучения были расконсервированы ранее вскрытые структуры предвратных сооружений.

Раскоп 4 был расширен в восточном направлении прирезкой размером 9х9 м. Раскоп был доведен на глубину 1,6 м. Во время раскопочных работ в слоях зафиксированы оплывы, эоловые наносы, натеки, зольные линзы. Выявлены верхние ряды обкладки платформы. Линия платформы плавным изгибом поворачивает в сторону крепостных стен. Для уточнения данных на наиболее важных, узловых участках раскопа, таких как стыки башен, уровни древних дневных поверхностей произведены небольшие рекогносцировочные раскопы. Для выявления первоначальной формы и размеров башни, на стыке северной башни с платформой был заложен шурф. В шурфе под ремонтной кладкой зафиксирован ранний первоначальный фасад башни. На месте, где должны располагаться внешние ворота, башня имеет выступ. В ходе раскопок удалось установить диаметр башни в его наземной части - 6,7 м.

В расчете захватить фасад платформы, и для выяснения его формы, с интервалом в 2 м были заложены шурф 2 и 3.

Шурф 2, размером 3,2х2,4 м, ориентирован углами по сторонам света. При снятии слоя на глубине 0,6 м зафиксирована сырцовая кладка платформы; на глубине 1,5 м обли-цовка платформы жженым кирпичом. Направление линии платформы с юго- запада на северо-восток.

Шурф 3, размером 2,7х1,3 м, ориентирован сторонами по сторонам света с небольшим отклонением. На глубине 1 м зафиксирована платформа ограниченная стенкой из сырцовых кирпичей. Облицовка платформы жженым кирпичом выявлена на глубине 1,7 м. Направление линии платформы с юго-юго-запада на северо-северо-восток.

Шурф 4, размером 1х1 м, был заложен на линии крепостных стен, где должны были располагаться ворота 14 века. Затем, в процессе раскопок шурф был расширен.

Раскоп выявил остатки крепостных стен 10-12 вв. В ходе работ удалось обнажить часть внутреннего фаса стены. Стена в этом месте поворачивает вовнутрь. Из-за ограни-ченности площади раскопа параметры стены не выявлены. Ворота 14 в. были устроены непосредственно на стенах предыдущего периода и, к сожалению не сохранились. Во время снятия напластований уличного покрытия найдены 7 монет.

Раскоп 2 был заложен на бугре овальной формы размером 20х15 м, высотой 2 м. Бу-гор находится в 20 м к западу от опоры моста, напротив въезда в город, на пологом бе-регу городского водохранилища. Расположение бугра подталкивает на мысль, что конст-рукции скрытые под оплывами как-то связаны с воротами и носили оборонительный ха-рактер.

Раскоп размером 10х10 м, ориентированный сторонами по странам света, заложен в центре бугра. С поверхности раскопа расчищен дерновый слой толщиной 10 см. В этом рыхлом слое найдены два фрагмента декоративных плиток, фрагмент поливной тагоры с росписью синей и черной красками по белому фону, фрагменты чаш и
кувшинов (поддо-ны, ручки, тулова, венчики). Раскопками выявлено, что сохранность конструкций верхне-го строительного горизонта не удовлетворительная. В центре раскопа, в наиболее возвы-шенной его части, вскрыты остатки помещения жилого дома, вытянутого с

юга на север. Параметры помещения по внутреннему периметру 3,7х2,8 м. Контуры помещения выяв-лены по следам последнего ряда кладки стен из сырцовых кирпичей. Северо-западная стена имеет длину 5,1 м, ширина 0,6 м. Юго-западная стена длиной 5,2 м, ширина 0,55 м, юго-восточная стена длиной 5,4 м, шириной 0,75 м. Сохранившаяся высота стен не пре-вышает 0,5-10 см. Пол в помещении не сохранился. В восточной части помещения приле-гающей к восточному углу помещения, на уровне предполагаемого пола выявлены остат-ки двух очагов.

К северо-западу от помещения, у западного угла, обнаружена мусорная яма округлой формы, диаметром 1 м, глубиной 0,3 м. Яма использовалась не долго, и была заполне-на незначительным количеством мусора. Из заполнения происходят кости МРС и фраг-менты керамических изделий.

При дальнейшем углублении в пределах раскопа, в его северной части, на глубине 0, 4 м обнаружены борта площадки с ташнау, хронологически относящийся ко второму строительному горизонту. К югу от ташнау в 20 см расположен тандыр, диаметром 0, 4 м, глубиной 0,3 м. В заполнении тандыра обнаружены обломки стенок тандыра, керамиче-ских изделий и золистый грунт. В заполнении, в пределах предполагаемого помещения, найдены инкрустация серьги из красного стекла, бусина из стеклянной пасты и два экзем-пляра медных монет. Монеты сильно коррозированы.

По уровню второго строительного горизонта, на всей площади раскопа, на различной глубине расчищены четыре хозяйственных ям. При расчистке ямы найдены железные крицы. Такие же крицы были во множестве обнаружены в северо-восточной части раскопа на глубине 0,7 м. В северном углу раскопа расчищен завал из сырцовых кирпичей. Завал вытянут с севера на юг. Завал относится к более раннему периоду, чем раскопанные конструкции.

В 2 м от южной бровки, в 4,3 м от западной бровки обнаружена печь, точнее его огневая камера. Диаметр камеры 0,75 м, глубина 1 м. Назначение печи не установлено. Стенки камеры выложены сырцовыми кирпичами и обмазаны. В дальнейшем, при экс-плуатации печи, стенки были прокалены под воздействием высокой температуры. В за-полнении найдены керамический материал представленный фрагментами поливной и неполивной посуды, крицы, остеологический материал.

Раскоп 3 был заложен в северной части двора мечети 14 века. В ходе исследований были вскрыты четыре строительных горизонта. В верхнем строительном горизонте выяв-лены строительные конструкции, являющиеся остатками жилых помещений, расположен-ные в юго-восточной части и ближе к западному углу раскопа. Во втором и третьем строительных горизонтах выявлены в основном ямы. Конструкции четвертого строитель-ного горизонта представляют собой остатки стен, тандыров и ям, которые не поддаются структуризации и являются разрозненными элементами не связанными друг с другом.

Первый строительный горизонт. Поверхность раскопа являлся уровнем дневной по-верхности 14 века. Во время удаления рыхлого слоя с поверхности раскопа, были зафик-сированы следы конструкций вскрытых и изученных в раскопах прошлых лет. Конструк-ции первого строительного горизонта относятся, скорее всего, к уже изученному и уда-ленному ранее слою. В юго-восточной части раскопа выявлены остатки жилого дома, со-стоящие из коридора и жилого помещения с тандыром, площадкой с ташнау, и очагом, размещенном на суфе. Выявленная часть дома вытянута с юго- запада на северо-восток, углами ориентирована по сторонам света. Юго-западная стена дома полностью разруше-на, другие стены сохранились на высоту одного, двух рядов кладки. Северо-западная сте-на длиной 10 м. Шириной 1 м, высота 10-15 см. Северо-восточная и юго-восточная стены сохранились примерно на высоту 3-5 см. Длина северо-восточной стены 5,6 м, ширина не выявлена, так как, часть стены осталась за пределами раскопа. Выявленная длина юго-восточной стены 8,2

м, ширина 1,3

Вскрытая часть дома состоял из жилого помещения и, возможно, коридора. Вход в дом расположен на северо-восточной стене, у восточного угла. Стена, разделяющая жилое помещение от коридора не сохранилась, но его наличие и расположение можно опреде-лить по расположению элементов интерьера, таких как, дымоход и порог прохода.

Общий размер коридора 3,3х1,6 м. Коридор состоит из двух отсеков перед главным входом в дом и проход в жилое помещение. Отсек перед входом в помещение расположен в северном углу, размер 1,5х1,5 м. Стены изнутри обложены битыми жжеными кирпичами. Пол был выложен также жжеными кирпичами, остатки выкладки сохранились в западном углу. Вход в помещение расположен на юго-западной стене, порог выложен одним рядом жженых кирпичей.

В северной части раскопа, в 2 м от северо-восточной бровки, в 2,5 м от северо- западной бровки обнаружен очаг. Очаг сложен из сырцовых кирпичей. Размер: 0,8х0,4 м, глубина 20 см. Такой же очаг расчищен у юго-западной бровки. Параметры очага не уста-новлены. Стенки сильно разрушены. Очаг зафиксирован по уровню огневой камеры с золой.

У западного угла раскопа, на глубине 20 см, обнаружена Г-образная стена (13), часть которой осталась под северо-западной бровкой. Длина северо-восточной стены 2,1 м, ширина 0,3 м, сохранившаяся высота 15-20 см. Длина северо-западной стены 1,6 м, ширина 0,3 м, высота 0,2 м.

Юго-западную часть раскопа занимали пять ям, разных по диаметру и глубине. В заполнении ям при расчистке ям найдены фрагменты керамических изделий

Второй строительный горизонт. На уровне второго строительного горизонта обнаружены отдельные очаги, не привязанные никаким строительным конструкциям.

Хозяйственные ямы, в большинстве своем, использовались для складывания мусора. При расчистке ям найдены три медные монеты и собран керамический материал, состоя-щий из фрагментов поливных и неполивных изделий, а также бусина и половина медной монеты. Кроме этого обнаружены медная подвеска серьги и собран керамический матери-ал, состоящий из фрагментов поливных и неполивных изделий, ручка, боковина и поддон кувшина, несколько фрагментов поливной чаши.

Третий строительный горизонт. По уровню третьего строительного горизонта у се- веро-западной бровки зафиксирован завал жженых кирпичей по форме и размерам дати-рующиеся 11-12 вв., расчищены три ямы.

В северо-западной части раскопа, у северо-западной бровки обнаружены три ямы, примыкающие и прорезающие друг друга.

Четвертый строительный горизонт. Раскоп был доведен до глубины 1,8 м. На этом уровне выявлены конструкции четвертого строительного горизонта, представленные ос-татками дома в восточном углу раскопа, тандыра и пяти ям.

Тандыр-очаг был обнаружен в северо-западной части раскопа, в яме третьего строи-тельного горизонта. Стенки тандыра сложены из жженых кирпичей поставленных на реб-ро и обмазаны изнутри. На обмазку нанесен ромбовидный геометрический орнамент. Поддув тандыра выведен на юго-запад. Дымоход тандыра не сохранился. С северо-запада от тандыра сохранился борт суфы, вытянутый с востока на запад, прорезанный ямой. Пол перед тандыром обмазан глиной. В 1,2 м к югу от тандыра обнаружена деревянная плаха, длиной 0,8 м, шириной 10 см, вытянутый с юго-востока на северо-запад. Возможно, это был порогом помещения.

В восточной части раскопа, на глубине 1,3 м выявлен кусок сырцовой стены, Г-образной формы, оконтуривший часть помещения. Сохранились последние ряды юго-восточной и юго-западной стен. Пол помещения утрамбован и обмазан глиной, сохранил-ся довольно

хорошо. Западный угол прорезала яма. В промежутке между отметками 1,6 м и 1,8 м на площади раскопа обнаружены завалы сырцовых кирпичей и обломки жженых кирпичей, характерных для караханидского периода. Сопутствующий керамический ма-териал позволяет датировать слой второй половиной 13 века.

Таким образом, в раскопе 3 изучены слои предшествовавшие постройке монументального сооружения - мечети в 14 в. Данный участок территории города в караха- нидский период представлял собой пустырь, куда сваливался строительный мусор, с целью нивелировки. В монгольское время тут появляются жилые дома, которые просуществовали до конца 14 века, вплоть до постройки мечети.

Работы, проведенные в 2010 году, являются продолжением предыдущих исследований. В результате работ выявлена часть городской застройки, существовавшей раньше центральной мечети. Полученные данные в виде находок и керамического материала да-тируют данный строительный горизонт - 13 вв.

Продолжены работы у главных городских ворот, на территории мечети. Раскопки велись на широких площадях, для получения информации о городской застройке, харак-тере жилищ, общественных построек разных хронологических этапов, выделение истори-ко-культурных комплексов, определение этнокультурных связей со Среднеазиатскими оседло-земледельческими оазисами.

* * *

Мақала 2010 жылгы Отырар қалашығындағы зерттеу жұмыстарына арналады. Барлығы 5 қазба жүргізілсе, оның үшеуі шахристан , ал екеуі қалашық орталық қақпасы зерттелуіне шолу. Жұмыс нәтижесінде ертеректе орталық мешіт болған қалалық үүрылысының бөлігіде анықталған. Табылған заттар мен керамикалық ма- териалдардын алынған мәліметтер аталған құрылысыц XIII ғасырға жататынын көрсетеді.

Байпаков К.М., Воякин Д.А., Сорокин ***Д.***В., Акылбек С.Ш.,
Долгушев А.С., Кудабаев Ч.А.

Казахстан, Алматы Раскопки городища Жанкент в 2010 году

Городище Жанкент, которое является развалинами Янгикента, имеет подпрямо- угольную форму, вытянуто с востока на запад, со значительным расширением (уступами в обе стороны) в восточной половине. Размеры 375х225 м (в восточной части 300 м). С запада на восток идет главная улица, от которой под прямым углом отходят переулки. В северо-западном углу находится квадратный бугор цитадели размером 100х100 м, подни-мающийся на 7-8 м над окружающей местностью. Внешние стены городища, кроме вос-точной, превратились в вал высотой до 8 м, вдоль которого местами видны расширения - следы бывших башен. Восточная стена городища сохранилась относительно хорошо. В основании ее прослеживается кладка из кирпича размером 40х40х9 см, над которой идет сохранившаяся на высоту около 3 метров пахсовая кладка рядами высотой 1,35 см, между которыми лежат прослойки камыша.

Посередине восточной стены сохранилось предвратное сооружение в виде полукруглого выступа стены около 15 м длиной (с юга на север), с воротами, перпендикулярными стене, на северном конце. Выступ фланкирован двумя выносными башнями.

В 2007-2009 гг. работы были сконцентрированы на цитадели городища. В юго- восточной четверти цитадели раскопана часть жилого квартала, которая была устроена вдоль улицы, вытянутой по линии восток-запад. В одном из помещений внутриквартал-ной застройки выявлен уникальный керамический алтарь в виде про- том баранов, покры-тых пышной резьбой. С внешней стороны алтаря зафиксированы обгорелые доски с ос-татками резного орнамента. Интересна находка фигурки терракотовой птицы, найденной в 2009 году в одном из раскопанных помещений, примыкавших к ранее раскопанному алтарному помещению.

Стратиграфия городища на данном этапе выявила два последних этапа существования - 14-15 и 11-12 века.

В полевом сезоне 2010 года были проведены археологические работы на городище Жанкент. Раскоп был заложен на территории цитадели, западнее раскопа 2009 года. Первоначальная площадь раскопа составила 200 кв. м (Р. №1). Позднее с запада выполнена прирезка такой же площадью (Р. №2). Общая площадь раскопочных работ составила 400 кв. м.

Исследуемый участок с внутренней стороны примыкает к городской стене, восточной частью захватывает улицу. Конструкции подверглись сильному разрушению в ре-зультате использования городища как кладбища в более позднее время. Всего на террито-рии раскопа выявлено 25 захоронений.

Раскоп №1 был разбит на территории жилого квартала, о чем свидетельствуют выявленные конструкции. На раскопе №1 было выявлено 13 помещений. Стены помещений сложены из сырцового кирпича размерами 30х17х8 см. Сохранность стен не превышает 50 см.

В центральном помещении был обнаружен алтарь, состоящий из двух камер. Размеры алтаря составляют 145х83 см. Алтарь расположен в центре помещения эл. №42 и вы-тянут по направлению С-Ю. Заполнение алтаря представлено золой и мелкими угольками. Сырцовое дно прокалено, приобретя красноватый оттенок. Алтарь сформирован сырцовыми бортиками шириной 7 см, высотой до 9 см. В северной камере алтаря расположена протома в виде двух стилизованных голов барана, обращенных друг на друга. Сверху алтарь был перекрыт фрагментами керамических сосудов.

В северо-восточном углу раскопа было вскрыто помещение, заполненное золой и битой керамикой, продолжающееся в более раннем строительном горизонте.

На раскопе 1 в северной части помещения, во время раскопочных работ обнаружен красноглиняный лепной хум. Хум был вкопан в сырцовый пол. Венчик хума украшен вырезами в форме мерлонов.

В процессе раскопок на территории цитадели в помещениях найдена разнообразная лепная и станковая посуда, украшенная штампованным и прочерченным орнаментом. Часть керамики покрыта ангобом красного и светлого тонов.

В одном из помещений заложен шурф, для выявления мощности пола и глубины залегания следующего строительного горизонта. В результате на глубине 10 см была выявлена мощная сырцовая кладка, более раннего строительного периода.

На территории раскопа №2 конструкции выявлены лишь в следах и относятся к еледующему, более раннему, строительному горизонту.

Раскопы на цитадели городища позволили выявить конструкции верхних строительных горизонтов и получить комплекс своеобразной керамики, которая находит близкие аналогии в группах кангарской и огузской керамики, полученной при раскопках городищ Отрарского оазиса.

Работы, проведенные в 2010 году, являются продолжением предыдущих исследований. В ходе планомерных раскопок на цитадели городища выявлена часть городской за-стройки и планировка улиц. Полученные данные в виде находок и керамического мате-риала подтверждают дату существования данного строительного горизонта -11- 12 вв.

* * *

2010 жылдыц қазба маусымында жаркент қалашығындағы археологиялық жұмыстардыц зерттелуы баяндалады. Қазба 2009 жылғы батысын бөлігін, цитатель аумағында зерттелсе, Қазбаныц бастапқы ауданы -200м^2. Кейінірек батыс болігінен де осы көлемдегі қазба жүргізілді. Қазба жұмыстарыныц жалпы колемі 400 м^2. Зерттеу барысында қала

құрылысыныц және көшелерді жобалаудыц бір болігі анықталды. Алынған мәліметтер аталған құрылыстыц XI-XII ғғ.жататындығы дәлелденді.

Байпаков К.М., Сейткалиев М. К.

Казахстан, Алматы Археологические исследования на могильнике Кырык-Оба II в 2010 году

Могильник находится в 77 км от г. Уральска и в 5-ти км от отделения Даниляколь Борлинского района Западно-Казахстанской области. Памятник насчитывал 29 курганов, вытянутых неровной цепочкой по линии восток-запад. Могильник в прошлом, вероятно, содержал больше курганов, но многолетняя распашка и другие негативные факторы стерли их с лица земли. Диаметр сохранившихся курганов различный - от 8 до 120 м, высота - от 0,15 м, до 7 м. Общая протяженность могильника составляет более 5 км. Могильник можно условно разбить на две части. Восточная часть состоит из 8 курганов, расположенных компактной группой, близко друг к другу. Западная часть насчитывает 21 курганную насыпь, расстояние между которыми колеблется от 10 до 180 м.

Основная площадь могильника находится в частной собственности и интенсивно распахивается, в результате чего усилился процесс эрозии, что негативно сказывается на состоянии курганных насыпей. Раскопки курганов показали, что глубина пахотного слоя местами достигала 0,3 м. Несколько курганов могильника, расположенных на лесополосе, разрушаются деятельностью Борлинского лесхоза, в результате высадки деревьев и кустарников на поверхности некоторых курганных насыпей. Часть курганных насыпей была разрушена при строительстве автотрассы Уральск - Аксай. Кроме того, в непосредственной близи от могильника проложены линии электропередач и связи, при прокладке которых, возможно, пострадали полы некоторых курганных насыпей. Следует также отметить попытки ограбления царского кургана могильника Кырык-Оба, находящегося в 5 км к югу от исследуемого памятника. Таким образом, в настоящее время можно констатировать тот факт, что территория памятника сильно пострадала в ходе хозяйственного освоения, вследствие чего основная часть курганов находятся в аварийном состоянии, что обуславливает необходимость принятия мер по скорейшему их исследованию.

В полевом сезоне 2010 года были продолжены раскопки могильника Кырык-Оба II, который находится в 77 км от г. Уральска в Борлинском районе Западно-Казахстанской области.

Объектом исследования в 2010 году стал курган № 3, исследование которого началось в 2006 г. За полевой сезон 2006 г. раскоп был доведен до глубины 1,6 м и был за-консервирован. Летом 2009 г. раскопки кургана были продолжены под руководством Ж.Е. Смаилова. Раскопки кургана сводились к закладке двух траншей в юго-западном секторе. Траншеи были заложены по линии С-Ю, З-В и прорезали всю насыпь кургана до материкового слоя.

В полевом сезоне 2010 г. были продолжены исследования кургана. Было исследовано практически все подкурганное пространство.

Курган находился в восточной части некрополя. Диаметр насыпи 55 м, высота 3,8 м. В ходе раскопок удалось расчистить остатки сложного погребального сооружения. На уровне древней поверхности выявлен настил, сложенный из камышовых матов и древесной коры. Диаметр внешней границы настила составлял 30 м. Внешняя граница настила проходила почти по центральной части кольцевого вала диаметром 31 м и шириной 2 м. Вал был сложен из суглинка желтого цвета. В южной части вала имелась перемычка, служившая видимо в древности входом в сакральную площадку опоясанную валом. В северо-восточном секторе на вершине вала найдены два бронзовых втульчатых трехлопастных наконечника стрел. За пределами вала в юго-западном и юго-восточном секторе найдены остатки

поминальных тризн, представленные позвонками, костями ног и ребрами лошадей.

В центре курганной насыпи на уровне древней дневной поверхности были выявлены отпечатки бревен, которые были уложены на слой жидкой глины и образующих раму прямоугольной в плане формы, ориентированной длинными стенками по линии С-Ю. Длина рамы составляла 8,7 м, а ширина 6,3 м. С внешней стороны рамы у северо-восточного и юго-восточного угла сооружения были выявлены столбовые ямы диаметром 0,3 м и глубиной 0,6 м. Конструкция была перекрыта накатом из бревен, остатки которых фиксировались по всему внутреннему пространству рамы. Выявленные элементы деревянной конструкции говорят в пользу того, что расчищенное каркасно-столбовое сооружение относится к типу срубных построек. Поверх бревен был уложен тростниковый настил. Внутри рамы были выявлены две могильные ямы.

Погребение 1. По форме в плане могильная яма приближалась к широкому прямоугольнику размерами 4,9 х 3,6 м. Длинной осью она была ориентирована по линии З-В. Дно ямы располагалась на глубине 0,7 м. На дне могильной ямы были расчищены остатки детского костяка сложенные кучкой грабителями в центральной части могилы. Среди разбитых костей найдены одна золотая ворворка, пять бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел, одна каменная ритуальная плитка, фрагменты железного изделия и осколки керамического сосуда.

Погребение 2. Могильная яма подпрямоугольной формы с сильно закругленными углами. Длинной осью она была ориентирована по линии З-В. Размеры могильной ямы 4,1 Х 1 м. Дно ямы располагалась на глубине 0,8 м. Дно ровное. Стенки практически отвесные. Настил поверх могильной ямы был непотревожен что говорило о том что погребение не разграблено.

На дне могильной ямы был расчищен железный вислообушной топорик, каких либо других предметов сопроводительного инвентаря, как и остатки погребенного отсутствовали, видимо это кенотаф.

Курган как и большинство погребальных памятников того времени был почти полностью разграблен. Размеры кургана и сложность погребального сооружения свидетельствуют о том, что курган сооружен над представителем племенной верхушки, а находка ритуальной плитки говорит о принадлежности к жреческой ее части.

Особый интерес представляет находка иранского керамического сосуда - это уже не первый предмет древневосточного происхождения найденного в могильнике. На основании последних раскопок могильников древних кочевников Западного Казахстана можно говорить, что их культура развивалась при тесном взаимодействии, как с соседними кочевыми народами, так и с древневосточными цивилизациями. Полученный при раскопках кургана материал позволяет на предварительном этапе датировать его V - IV вв. до н.э.

* * *

Мақалада 2010 жылы Қырық Оба 2 қорымына жүргізілген жұмыстар арқасында алынған жаца материалдарға қатысты. Зерттеу жұмыстары 2006 жылы басталған, 2010 жылы далалық маусымда екі сынған жерлеу қабірлеріне қазба жұмыстары жүргізілді. Аталған қабірлерді автор б.з.д. V-IV ғғ. мерзімделеді.

Байпаков К.М., Воякин ***Д.А.,*** Сералы Н., Амиров Е.Ш., Кудабаев Ч.А.

Казахстан, Алматы Археологические исследования на городище Каялык в 2011 г.

Широко известное городище Каялык локализуется в Северо-Восточном Семиречье, в 190 км северо-восточнее г. Талдыкорган, на восточной окраине современного села Койлык (Алматинская область, Саркандский район).

Городище его - самое большое в Илийской долине. Оно расположено на берегах р. Ащи-Булак. Территория городища окружена стеной, высота которой 3,5-4 м. городище в плане имеет форму неправильного четырехугольника, ориентированного углами по сторонам

света. Северо-восточная стена имеет протяженность около 1200 м, юго-западная 750 м, а своей юго-западной стороной городище вплотную примыкает к горам. Приблизительно через каждые 30-45 м на стене устроены башни округлой в плане формы. Неподалеку от западного угла расположен бугор, подквадратной в плане формы размерами 70х80 м и высотой 4,5 м. Въезды в городище были устроены в северо-западной, северо-восточной и юго-восточной сторонах. Внутри вся обширная территория городища покрыта многочисленными буграми, впадинами - следами былой застройки.

Город известен в источниках XI - нач. XIII вв. как столица государства карлукских джабгу - самостоятельного владения тюрков-карлуков в каганате караханидов, а в середине XIII в. - городом монгольской империи. Археологические исследования, проводимые на городище, позволили датировать памятник IX-X - XIIIГXIV вв.

Археологические исследования городища начались еще в 1964 году, когда был заложен ряд шурфов и снят план городища. Дальнейшие работы возобновились в 1998 году в рамках Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции, в ходе которых был раскопан объект, идентифицированный как «буддийский храм», а так же исследована жилая усадьба на цитадели городища. В 1999-2000 гг. проводились работы на «усадьбе богатого человека», локализованной в юго-восточной части городища. В 2001 году вскрыта баня типа «хаммам», сложенная из жженого кирпича, а так же исследован мавзолей, возведенный на территории городища в период его запустения. В 2002-2003 гг. работы были сконцентрированы на изучении стратиграфии, создании цифровой трехмерной топографической основы памятника, а так же кон- сервационных мероприятиях и мониторинге, проводимых на «буддийском храме». Полевые сезоны 2004 и 2005 годов ознаменованы открытием пятничной мечети столп- ного типа, «манихейского» храма, мавзолеев, фасады которых были украшены резной терракотой, а так же ханаки, расположенной вблизи мавзолеев. В 2006 году частично раскопана усадьба на территории юго-западной части шахристана городища, а так же исследована территория примыкающая к бани-хаммам, начаты раскопки торткуля на шахристане.

Основная цель археологических исследований 2010 года: продолжить изыскательные работы в северо-западной части городища: вскрыть и изучить особенности конструкции, обнаружить кладку крепостной стены и т.д. Так же продолжить исследование на раскопе 17, начатые в 2009 году.

Раскоп №17 является продолжением изыскательных работ начатых в 2008-09 годах. То есть, раскоп был заложен на уже начатом раскопе. Размеры раскопа 20,60х19 м. Был расчищен третий строительный горизонт, выявились несколько помещений. Для изучения четвертого строительного горизонта раскоп был углублен.

В центральной части раскопа, на глубине 0,4 м была обнаружена основная сырцовая стена. Стена расположена в 3 -х метрах от юго-восточной границы раскопа, вытянута по оси СВ-ЮЗ, длина её 17,30 м, ширина 2 м. Стена сложена из сырца, в некоторых местах сохранилась обмазка. Поверх этой стены было построено сооружение третьего строительного горизонта. Конструкции третьего и четвертого строительного горизонта отличаются друг от друга. Третьий строительный горизонт содержит архитектурный комплекс со сложной планировкой и особой строительной техникой возведения стен. Он был построен сырцовым кирпичом размером 42х21-22х10см, который устанавливался в деревянные коробки из балок, торцовой стороной один ряд, а следующий один ряд плашмя и так в чередовании. Возводились параллельно две такие линии, а середина заполнялась сырой глиной. Стены приобретали толщину от 60-90см. Долго было непонятно, почему в некоторых направлениях шла только одна такая каркасная стена. Стены покрывались толстой глиняной обмазкой, потом затирались алебастром и белились меловой побелкой красного цвета. Потолочное перекрытие также делалось из балок с камышовым настилом, потом обмазывалось густым глиняным раствором и алебастровой штукатуркой более толстой, чем на стенах.

В восточной части раскопа, на глубине 1,2 м была расчищена площадка или двор усадьбы

относящаяся к четвертому строительному горизонту. Размеры площадки 9,6х3 м. Юго-восточная стена площадки сохранилось в высоту 1,1 м. На 40% стена испорчена норами грызунов.

При расчистке выше описанного двора было обнаружено несколько фрагментов поливной керамики. Внешняя сторона фрагментов окрашена в зеленый цвет, а внутренняя сторона окрашена желтым цветом. Венчик с внутренней стороны окрашен зеленым цветом. Так же были найдены два фрагмента форфоровой посуды. С внешней стороны они окрашены в небесно-голубой цвет. В центральной части двора бы найден археологический целый чираг-светильник высотой 4,5 см, толщина стенок 0,6 см. Общая длина 16 см, длина носика 9 см, диаметр основной части 8,5 см. Было найдено много фрагментов бытовой посуды: хумчи, горшки, котлы. В большинстве они красного цвета.

В южной части раскопа было найдено первое помещение. Так как юго-восточная граница помещения осталась вне границе раскопа, точные размеры помещения не установлены. В северо-восточной части помещения на глубине 0,8 м были найдены камни. Они были выложены на длину 2,5 м, толщиной 10-15 см образуя что-то вроде каменного слоя или выкладки. В центральной части помещения заметна мусорная яма диаметром 2 м. В заполнении ямы встречаются фрагменты горелой древесины, зола и обломки сырцовых кирпичей. Вокруг ямы опоясывает выложенные камни размером 10-40 см.

Северо-восточная стена помещения 1 является разделяющей между помещением 1 и двора. Длина стены 2,9 м, ширина 0,8 м, высота 0,3 м.

Жилой дом, состоящий из нескольких комнат, относится к четвертому строительному горизонту. Первая комната расположена в юго-западной части раскопа. Размеры комнаты 7,1х3,5 м. При расчистке помещения встречались фрагменты горелой древесины, обломков сырцовых кирпичей и фрагменты керамики.

Северо-восточная стена первого помещения является так же стеной конструкции третьего строительного горизонта. Сохранившаяся высота стены 0,7-0,8 м, ширина 0,3-
0, 7 м, длина 6,4 м.

Строители использовали основания ранней постройки, если они совпадали с намеченным планом. Другие стены подтесывали и оставляли под жилым уровнем или обыгрывали их в виде суфы. Здание возводилось сырцовым кирпичом размером 40- 42 Х 21-22 Х 9-10см, с особой техникой строительства стен, когда выкладываются две каркасные стены с деревянными коробками из балок и досок. Промежутки заполняются кладкой сырцовыми кирпичами, поставленных на торец. Выше их перекрывают одним рядом положенного сырца и опять кладется кирпич на торце. Внутреннее пространство закладывают сырой глиной. Стены приобретают толщину от 0,6 до 1м. Такая техника строительства была распространена на территории Средней Азии. Она получила термин «елочка». Архитекторы предполагают, что этот метод выработался как сейсмостойкий. Он позволял быстро возводить стены, меньше растрачивалось
строительного материала.

Третья комната второго дома была полностью расчищена. Размеры составляют 6,4- 4,6 м. При расчистке на глубине 0,7 м, у северо-западной стены было обнаружено скопление жжёных кирпичей. Так же при расчистке в большом количестве встречаются обломки сырцовых кирпичей.

Раскоп №18 был заложен в северо-западной части крепостной стены. То есть, была осуществлена прирезка к раскопу 2009 года, который был продолжен на юго-запад. Высота вала крепостной стены 2-2,5 м. Размеры прирезки составили 8,8х4 м. Толщина дернового слоя 20-30 см, слой рыхлый, проросший корнями растений. При раскопках была выявлена крпестная стена. Хорошо просматривается профиль:

Первый слой рыхлый, проросший корнями растений, толщина 20-30 см.

Второй слой глина серого цвета с включением песка, толщина 20-25 см.

Третий слой черно-коричнего цвета, встречаются обломки сырцовых кирпичей, толщина 20-70 см.

К внешней стороне крепостной стены примыкают арык и деревья, поэтому конструкция была несколько повреждена. Глубина прирезки была доведена до уровня раскопа 2009 года. Обмазка стены не сохранилась, сложен из сырца. Воздвигались две стены, затем пространство между ними заполняли грунтом. Высота выявленной стены 1,80х1,60 м, ширина 4,70 м. На глубине 1,2 м было обнаружено скопление камней и сырцовых кирпичей. Одна половина этой массы была обнаружена при раскопках 2009 года.

В южной части раскопа, в 0,9 метрах от границы раскопа, на глубине 1 м был найден железный наконечник стрелы. Длина его 12 см, плоский. Так же был найден орнаментированный фрагмент керамической крышки. По краям нанесены ровные горизонтальные линий и волнистые линий.

Керамика из раскопа №18. Всего было обнаружено 21 фрагмент неполивной керамики. Это обломки кувшинов, небольших котлов и крышек.

Ручки. Была найдена петлевидная ручка красного цвета, покрытая ангобом. На ручке заметны следы вдавливания пальцем.

Котелки. Венчики. Были найдены два фрагмента венчиков, сделанные из глины красного цвета покрытые ангобом. Немного отогнуты во внешнюю сторону, по краям имеются линий.

Кувшины. Ручки. Найден фрагмент ручки кувшина. Так же был изготовлен из глины красного цвета и покрытый ангобом. На месте где ручка примыкает к сосуду, имеется следы вдавливания.

Была найдена горловина кувшина. Так же изготовлена из хоршого теста красного цвета. Толщина стенки 0,4 см.

Боковины. Были найдены фрагменты боковин сосудов. Изготовлены из глины красного цвета. Внешняя сторона покрыта ангобом. Некоторые из боковин без ангоба. Качество теста не очень хорошое: заметны присутствие песка и слюды.

Найдены донца сосудов. Изготовлены из глины красного цвета. Качество теста не очень хорошое: заметны присутствие песка и слюды. Диаметр 6,5 см.

Крышки. Изготовлены из глины красного цвета. Внешняя сторона покрыта ангобом. На лицевой стороне прорезаны прямая и волнистая линии. Диаметр 32 см, толщина 1,7 см.

Первый разведочный шурф. С восточной стороны подчетырехугольного бугра расположенного перед северными воротами городища, примыкает бугор в виде вала. Бугор посередине с севера на юг прорезает грунтовая дорога. В южной части бугра, с юго-восточной стороны дороги, был заложен шурф размером 3,20х1,20 м, вытянутый по линии северо-восток юго-запад (Рис.43), на глубине 0,3 м, в восточном углу шурфа обнаружена глиняный подиум размером 50х40 см, обмазанный толстым слоем глины. На подиуме установлен камень плитняк. На этой глубине, под камнем обнаружен кан, вытянутый с севера на юг. Кан длиной 0,7 м, шириной 20 см, высотой 10 см, устроен из плитняка толщиной 1 см. В кан положено бревно (70х12 см), поверхность бревна обмазана. У юго-восточной бровки шурфа обнаружен слой зольника размером 30х30 см. У северо-западной бровки найден прокаленный кирпич (28х15х5см). Южная часть шурфа заполнена битыми прокаленными кирпичами и грунтом серого цвета с примесью песка. Раскоп доведен до глубины 0,5 м, других строительных конструкций не обнаружено.

Второй разведочный шурф. Шурф заложен на небольшом бугре, расположенном у восточного угла соборной мечети. Целью раскопу на данном участке являлость выявление конструкции относящихся к соборной мечети.

Шурф размером 4х2 м был прирезан с юго-востока к старому раскопу (Рис.45), поверхность раскопа не ровная, имеет уклон на юго-восток. Дерновый слой раскопа состоял из мелькой речной гальки и органических веществ, с содержанием костей животных и керамики. В 1 м от юго-восточной стены обнаружена каменная кладка длиной 2 м, вытянутый с востока на запад. Часть кладки длиной 6 м был расчищена в предыдущие сезоны. На глубине 0,3 м у северо-восточной бровки, в 0,7 м от нее обнаружен завал камней. Отдельные камни зафиксированы по всему раскопу. В раскопе не обнаружены строительные конструкции имеющие отношения к соборной мечети.

В полевом сезоне 2010 года на городище Каялык раскопки велись на нескольких участках. Первый разведочный шурф был заложен у северных ворот. Второй разведочный шурф был заложен на шахристане у соборной мечети.

Основные раскопки велись на подчетырехугольном бугре перед северными воротами, где вскрывались остатки жилого согдийского квартала. 2008-09 гг. Здесь раскапывались конструкции четвертого строительного горизонта (Рис.46-47). Площадь раскопа 20х12 м, археологическими раскопками вскрыта площадь в 240 кв. м. Стены третьего строительного горизонта основывались на конструкциях четвертого горизонта. Были раскопаны несколько жилых помещений, относящихся к раннему строительному горизонту. Стены жилого дома из пахсы, высотой 0,6-1 м, шириной 0,8-0,9 м.

Жилые дома третьего строительного горизонта в интерьере имеют суфы, глиняные подиумы, тандырные очаги, сложную отопительную систему. В четвертом строительном горизонте эти элементы отсутствуют. Помещения отапливались открытыми очагами без дымоходов, устроенных в одном из углов помещения.

Жилые помещения раннего периода заполнены золой с содержанием костей домашних животных и завалами сырцовых кирпичей. В процессе раскопок керамический и другие материалы были найдены в малом количестве. Керамический материал происходит в основном из зольного злоя первого помещения второго жилого дома и раскопок двора. В жилых домах третьего строительного горизонта были найдены алтари огнепоклонников, в четвертом строительном горизонте они отсутствуют. После археологического исследовния, вскрытые строительные конструкции были рекультивированы.

Архитектурная структура вскрытых строительных конструкций не так разнообразна, как в третьем строительном горизонте. По уровню четвертого строительного горизонта материалы, позволяющие датировать слой, не обнаружены.

* * *

Мақала 2010 жылы Қаялық қалашығыныц зерттеу жүмыстарына арналған. Қаялық қалашығы қаралүқ джагбулердіц астанасы болғандығы белгілі. Аталмыш қалашық түрік-қарлүқтердіц Қарахан қағанатыныц ішіндегі өзіндік бақлаудағы аймақ болып саналған. 2010 жылығы жүргізілген жүмыс солтүстік-батыс бөлігіне көніл бөлінді. Қазба жүмыстары қалашықтын бірнеше жерлерге жүргізілді. 2009 жылы басталған қазба жүмыстары жалғастырылды, атқарылған жүмыстар нәтижесінде согдалық кварлдары ашылды, онда үйлердіц күрлыс қалдықтары табылды.

Бейсенов А.З., Касеналин А.Е.

К/азацстан, Алматы Беғазы зиратындағы зерттеу жүмыстарының барысы

Беғазы өлкесіндегі коне қорымдар туралы алғашқы деректер Семей облыстық статистика комитетінің үйымдастыруымен 1900 жылдан бастап жүргізілген археологиялық ескерткіштер туралы ақпараттар жинау шарасы аясында Н. Коншиннің 1903 жылы баспадан шығарған еңбегінде жарияланды [4]. Аталған еңбекте көрсетілген ескерткіштердің сипаттамасы бойынша Беғазы қорымындағы соңғы қола дәурінің тас кесенелер туралы айтылғандығы байқалады [4, с. 19].

Қорымды ғылыми түрғыда игеру шаралары Ұлы Отан соғысынан кейінгі жылдары орын алады. 1946 жылы алғашқы зерттеушілердің бірі болып Ә.Х.Марғұлан қорымның түңғыш ғылыми сипаттамасын жасады. Археологиялық қазба жүмыстары 1947-1952 жылдар аралығында, арасында ҚазССРҒылым Академиясы Ш.Ш.Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнография Институты қарамағындағы Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының ғылыми қызметкерлерімен атқарылды, соның ішінде қорымды зерттеу жүмыстарына белгілі зерттеушілер Ә.Х.Марғұлан, К.А.Ақышев, Ә.М.Оразбаев және Л.Р.Қызласов (Мәскеу) сынды ғалымдар қатысты.

Қорымда өткізілген зерттеу жылдары Андронов тарихи-мәдени қауымдастығының 18 қоршауы мен Беғазы-дәндібай мәдениетінің 6 тас кесенесінде археологиялық қазба жүмыстары жүргізілді. Атқарылған ізденіс жүмыстары барысында алынған матери- алдар

негізінде көптеген хабарлама, баяндама, мақалалар мен бірнеше монография- лар дайындалып [5, 6, *7,* 8, 9], кандидаттық диссертация қорғалды [1].

XX ғасырдың орта кезеңінде атқарылған зерттеу жұмыстарынан кейін, бұл қорымда ешқандай ғылыми ізденістер, қорым құрамындағы нысандардың сақталуын қадағалауға, әсіресе, консервация және реставрация бағытындағы арнайы іс-шаралар жүргізілмеді. Тек қана, 70-ші жылдары, қазіргі уақыттың заманауи талаптарына сәйкес келмейтін, «ҚазССР. Қола дәуірі қорғандары. Мемлекет қарамағында» атты сөйлемі бар, қорғауға алынғаны жонінде хабар беретін арнаулы тақта мен №1, №2 тас кесенелерді периметрі бойынша қоршаған темір тор ғана құрылған.

Беғазы қорымындағы орын алған ахуал 2003 жылдан бастап өзгерді.

Алғашында Мемлекеттік «Жібек жолы» бағдарламасы бойынша Қарағанды облыстық мәдениет департаменті мен ҚР БжҒМ ҒК «Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты» РМҚК арасында жасалған мекемеаралық келісім шарт негізінде қолға алынған «Беғазы зиратындағы археологиялық зерттеулерді жалғастыру» атты арнаулы жоба қазір Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша жүзеге асы- рылуда.

Далалық зерттеу жұмыстарды Археология институтыныц «Сарыарқа» экспедици- ясы ғылыми тобын жүргізуде (жетекшісі т.ғ.к. А.З. Бейсенов).

Далалық зерттеулерге және алынған материалды камералды оцдеу жұмыстарында, жүзеге асырылып отырған жалпы ғылыми-зерттеулерге Республикадағы алдыцғы қатралы ЖОО студенттері мен магистранттары да қатысуда. Атап айтсақ, әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті, Абай атындағы Қазақ Ұлттық Педагогикалық Университеті және Е. Бокетов атындағы Қарағанды Мемлекеттік Университеті.

Қабылданған жобаныц ец басты мақсаты - Беғазы қорымын алдағы уақытта жүргізілетін музейлендіру жұмыстарына археологиялық түрғыдан дайындау.

Жоба бойынша алға қойылған мақсатқа жету үшін Тапсырыс беруші жағынан зерттеушілерге төмендегідей көпбағытты міндеттер қойылды. Олар:

- қорымныц толық құрылымын анықтау;
- аспаптық өлшемдер жасап, қорымныц нақты жобасын түсіру;
- қорым құрамындағы ертеректегі қазба жұмыстары барысында аршылған нысандардың басым көпшілігі қайта жер жамылып қалғандықтан, ескерткіштерде қайта аршу жұмыстарын атқару;
- нысандардың айналасын кейінгі уақыттарда үйілген қоқыстардан тазалау;
- ескерткіштердің техникалық сақталу деңгейін анықтау,
- қорымды толығырақ зерттеу мақсатында кейбір ескерткіштерге қосымша археологиялық зерттеу жүргізу;
- археологиялық ескерткіштерді тіркеу және есепке алу үшін қорым орналасқан аумақта барлау жұмыстарын атқару;
- бүлінген ескерткіштерге, жалпы қорымға қатысты үсыныстар дайындау және

Зерттеулер мен түрлі арнайы дайындық жұмыстарынан соң, 2007 жылдан бастап Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы аясындағы «Беғазы-дәндібай және Тасмо- ла мәдениеттерінің ескерткіштері» ғылыми жобасы бойынша Қарағанды облыстық мәдениет басқармасымен бірлесе отырып Беғазы қорымында консервация және реставрация жұмыстары жүзеге асырылып келеді [2, 53 б.; 3].

Беғазы қорымы әкімшілік түрғыдан Қарағанды облысы, Ақтоғай ауданы, Шабан- бай би селолық округының территориясында орналасқан.

Қаратал өзенінің (кейбір деректерде Беғазыбұлақ) оң жағалауы мен Беғазы тауының баурайында орналасқан қорым алып жатқан жердің жалпы аумағы 10 га құрайды. Қорым құрамындағы көне орындар үзын сызық болып оңтүстік-батыстан солтүстік- шығыс бағыт бойынша жайғасқан. Аталмыш қорым көпшілік қауымға, негізінен, қола дәуірі ескерткіші ретінде танымал болғанымен де, қорымда әр кезеңмен мерзімделетін ескерткіштер бар.

Мерзімделуі бойынша алдыңғы сапта түрған Андронов-тарихи мәдени қауымдастығының 50 төртбұрышты, дөңгелек, сопақ, тікбұрышты пошымдағы қоршаулары шашыраңқы сипатта қорымның орта түсын алып жатыр.

Беғазы-дәндібай мәдениетінің 5 тас кесенесі жинақы түрде кешеннің орта бөлігінің жоғары қаптал ында және осы кезеңнің тағы 1 кесенесі кешеннің оңтүстік-батыс шетінде болса, ерте темір дәуірінің обалары кешеннің солтүстік аумағында орналасқан. Сонымен қатар, қорым құрамына саман кірпіштен салынған қазақ мазарлары мен кешеннің басым бөлігін алып жатқан кейінгі қазақ заманының үзындығы 2,5-3 м және биіктігі 1 м болатын қарапайым жерлеулері де кіреді. Кешенде жалпы саны 300 астам нысан тіркелген.

Зерттеу жұмыстарын жүргізу кезінде қорым құрамындағы ескерткіштер келбетінің сақталу деңгейінің едәуір төмендеп кетуі басты 2 себептің салдарынан екені тіркелді:

1 - табиғи фактор. Яғни, қорым орналасқан аймақтың, жалпы Орталық Қазақстан территориясының шұғылконтиненталды, қатал климаттылығы, демек, қыс мезгілі суық, қардың қалың түсуі болса, жазғы маусымы, керісінше, ыстық, тұрақты желдің, жаңбырлы ауа-райының орын алуы, - міне, осылар нысандардың сыртқы келбетіне өзіндік өзгерістер енгізген;

2 - адами фактор. Жергілікті тұрғындар арасындағы егде жастағы информатор- лардан алынған ақпараттары бойынша, 1960-1970 жылдар уақыт аралығында, қорым құрамындағы ескерткіштер қарқынды шаруашылық жұмыстар барысында салынған құрылыстарға шикізат көзі ретінде, тас алу орны сынды мақсатта пайдаланылғандығы белгілі болды. Мұндай түрғыдағы атқарылған жұмыстардан тигізілген зардаптардың көрінісін қорым құрамына кіретін барлық санаттағы ескерткіштерден байқауға болады, әсіресе, кейінгі қазақ заманының жерлеулері қатты қираған.

Жоғарыда көрсетілген қос фактордың қосындысының қорытындысында, ескерткіштер авариялық деңгейге дейін жетіп, Беғазы кешенінің алғашқы табиғи бет- бейнесі күрт өзгеріп, зерттеу жұмыстарының бастапқы сатысы корсеткендей, сырттан келген келушілерге жағымсыз эсер қалдыратыны байқалған.

Ескерткіштерді қайта қалпына келтіру жұмыстарын бастамас бұрын, зерттеушілер тобымен, тапсырыс беруші мекеме мамандарымен бірлесе отырып, атқарылатын іс-шаралар кешені қалай және қандай бағытта жүргізілетіні жөнінде бірнеше рет талқылаулар өткізілді.

Талқылаулар нәтижесінде, қорым құрымындағы нысандарды реставрациялау Ә.Х.Марғұлан еңбектерінде көрсетілген сипаттамаға сәйкес жасалынуы керек жөнінде негізгі түжырым қабылданды.

Ғалымның іргелі екі еңбегін назарға ала отырып, қазіргі таңда, қорымдағы 6 беғазылық тас кесене, оннан астам андроновтық тас қоршаулар қайта қалпына келтірілді.

Сонымен қатар, қазақ заманының шағын тас бейіттері де жергілікті аналогиялары- на сәйкес қайта жаңғырытылуда.

Консервация және реставрация жұмыстарына архитектор-рестовраторлар Егорки- на Н.Д. (№1, 2 тас кесенелер), Сүйіндіков Е.Т. жетекшілік етуде.

Аталған қорымда «таза» реставрациялық жұмыстардан болек, қорым тоңірегі бойынша аббатандыру жұмыстары да жүргізілуде. Бұл жұмыстардың қатарына, қорымды қоқыстардан тазарту, ескерткіштерді жоғарыдан көруге арналған мұнаралар салу, тау тасынан салынатын соқпақ жолдарды төсеу, қорым аумағын толығымен қоршау, ақпараттық тақталар ілу жұмыстары кіреді.

ҚазіргітаңдаБеғазы қорымындағы жұмыстардың біраз болігі орындалып, жергілікті түрғындар мен зиялы қауым өкілдері бұған оң пікірлерін білдіруде.

Тағыбірескererлікжағдай,Беғазықорымындағытас кесенелер ЮНЕСКО үйымының Әлемдік мұра тізіміне алынуға үміткер ескерткіштердің қатарына қабылдануы, бұл тарихи-мәдени мұраның маңызын арта түсіруде [10].

* * *

В данной статье в краткой форме представлены промежуточные итоги научно-исследовательских работ, проводимые на территории могильника Бегазы. Здесь сосредоточены памятники, охватывающие временной интервал начиная с андроновской эпохи до этнографического времени. Раскопочные работы проводились в 1947-1952 гг., когда были исследованы 18 оград андроновского времени и 6 крупных каменных мавзолеев бегазы-дандыбаевской культуры. В последние годы начаты на могильнике работы, нацеленные на сохранение каменных сооружений. Авторы, затрагивая тему о сохранности памятников, вкратце описывают процесс консервационных и реставрационных работ на памятниках, входящих в состав могильника.

Қолданылған деректер мен эдебиет тізімі

1. Акишев К.А. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореф. дисс...канд.ист. наук. Æ: 1953
2. Бейсенов А.З., Касеналин А.Е., Жамбулатов К.А. Беғазы-дәндібай және Тасмола мәдениеттері бойынша зерттеулер // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2008 жылғы археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Алматы. 2009
3. Бейсенов А.З., Жамбулатов К.А., Касеналин А.Е. Қарағанды облысындағы Беғазы-дәндібай мен Тасмола мәдениеттеріниң ескерткіштерін зерттеу // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2009 жылғы археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Алматы. 2010
4. Коншин Н. О памятниках старины в Семипалатинско области // Записки Семипалатинского подотдела Западно-сибирского отдела Императорского русскаго географического общества. Семипалатинск. 1903
5. Кызласов Л.Р. и Маргулан А.Х. Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИИМК. 1950. XXXП.
6. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма- Ата. 1979
7. Маргулан А.Х. Главнейшие памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана // Вестник АН КазССР. №3. 1956
8. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К, Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата. 1966
9. Маргулан А.Х. Отчет о работе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции за 1947 год. ИАН Каз.ССР. Серия археологическая. 1949. Вып. 2
10. http://whc.unesco. org/en/tentativelists/1132

Сур. 1. Бегазы қорымындағы консервация жэне реставрация жұмыстарыныц барысы

Бейсенов А.З.[1], Солодовников К.Н.[2]
Казахстан, Алматы[1]; Россия, Барнаул[2] К характеристике донгальских погребений могильника Кызыл

Спустя более полувека Институтом Археологии были возобновлены археологические исследования памятников урочища Бегазы в Центральном Казахстане. Инициатором этих работ выступили Управление культуры и Госинспекция по охране историко-культурного наследия Карагандинской области. В рамках местного бюджета был разработан план благоустройства, консервации и реставрации могильника Бегазы с проведением общего археологического исследования местности [1].

Затем исследования в урочище Бегазы вошли в план мероприятий по государственной программе «Культурное наследие».

В течение ряда лет, помимо работ на могильнике Бегазы, проводились работы по поиску и фиксации разновременных памятников археологии, включая раскопки на некоторых из них. Преимущественно поисково-раскопочные работы охватили окрестности могильника Бегазы на десятикилометровом участке побережия реки Каратал. В ходе работ к 2008 году здесь

были зафиксированы свыше 40 разновременных местонахождений, в числе которых поселения, могильники и одиночные погребения, культовые сооружения, петроглифы.

Одним из объектов, открытых и исследованных Институтом археологии, стал могильник Кызыл, расположенный в районе могильника Бегазы.

Могильник был открыт в полевом сезоне 2006 года [4, с. 77] и в общий список вновь открытых памятников попал под названием «могильник Бегазы-ЗБ» [1, с. 28].

В ходе проведения раскопок могильника и открытия в его составе впервые погребений донгальского типа, в связи с тем, что в археологической науке Казахстана и Евразии слово «Бегазы» прочно ассоциируется с понятием «Бегазы-дандыбаевская культура», встала необходимость переименования памятника. Объект был назван «могильник Кызыл», исходя из того, что он расположен у подножия горы Бегазы, южнее каменистого поднятия, носящего название «Кызыл» [3].

Памятник находится в 1,29 км к ССВ от могильника Бегазы, в 1,37 км к северу от центра села Бегазы и расположен на северо-западном склоне горы Бегазы, на левом берегу реки Каратал. Географические координаты - N 48.16709; E 075.21654 .

Могильник Кызыл - разновременный и состоит из погребальных сооружений донгальского времени, группы каменно-земляных курганов раннего железного века, а одно безынвентарное погребение лошади, вероятно, относится к средневековью.

Раскопки донгальских памятников могильника проведены в 2007-2008 гг. Погребальный обряд донгальцев был представлен впервые, памятники были отнесены к указанному периоду на основании керамики - плоскодонных горшков с такими особенностями в орнаментации как валик в сочетании с жемчужинами, наклонные отрезки валика [2, с. 174, рис.1: 2-5; 3].

В составе могильника Кызыл 8 объектов отнесены к донгальскому времени - сооружения 1-8. По своим особенностям эти 8 сооружений группируются в 2 типа: расположенные на близком расстоянии друг от друга по линии 3-В и занимающие центральное место в могильнике большие сооружения 1 и 2 [2, с. 174, рис.1: 1] представляют собой подквадратные каменные выкладки, длина каждой стороны которых достигает 5-6 м. Оба ориентированы сторонами по странам света. Судя по сохранившейся конструкции, наземная часть их сложена из крупных обломков плит, плашмя уложенных на древний горизонт преимущественно в 1-2 слоя. По углам строений фиксировались отдельные вертикально установленные крупные камни высотой до 1 м. Оба сооруже-
ния имеют могильные ямы.

Остальные 6 объектов (№№ 3-8) выступают как малые сооружения, наземная часть которых имеет вид прямоугольных, округлых, небрежно выполненных выкладок из плашмя уложенных плит. Насыпь как таковая у них отсутствует и все 6 объектов были обнаружены только благодаря методике сплошного раскопа, предпринятого после фиксации небольшого скопления камней южнее сооружения 2.

Из них 5 сооружений (№№ 4-8) твердо относятся к категории погребальных - в могильных ямах здесь присутствуют скелеты или отдельные разрозненные кости людей. В сооружении 3 небольшая яма оказалась совершенно пустой, ни в заполнении ее, ни в наземной части строения также не встречены отдельные человеческие кости или какие-либо находки. В планиграфическом отношении сооружение 3 расположено южнее большого сооружения 1, все остальные малые сооружения располагались в районе большого сооружения 2, почти являясь его пристройками.

Из указанных 8 объектов 7 имеют могилы. Относятся к типу грунтовых ям, имеющих прямоугольные очертания (кроме одной округлой). Только в одном случае (соор.1) могила ориентирована по линии 3-В, во всех остальных они проходят по меридиональной линии. Костяки находятся в положении скорченно, на правом [1, с. 42; фото 2], или левом боку и ориентированы черепом в южный сектор.

В двух погребениях - в сооружениях №№ 6 и 8 - сохранились черепа более или менее удовлетворительной сохранности.

Ниже приводятся краткие описания этих, впервые полученных донгальских чере-

Сооружение 6. Череп с нижней челюстью. С некоторыми повреждениями, в т.ч. сломанной правой частью мозговой коробки, лицевым отделом. После предварительной реставрации воско-канифольной мастикой оказался подходящим для краниометрического исследования.

Пол женский, возраст по стиранию зубов и зарастанию швов предварительно может быть определен в 40-50 лет. На теменных костях фиксируются два участка подоваль- ной формы локальной деформации костей свода с несколько вогнутой поверхностью. Деформации вытянуты в переднезаднем направлении, расположенны симметрично на одинаковом расстоянии от саггитального шва и приближаются к нему в своей задней части.

Подобное явление, по мнению Т.А. Чикишевой, может быть следствием нарушений в нервно-сосудистой сети на участках волосистой части головы из-за особенностей постоянно носимой прически (туго стянутые пучки волос). Возможно, с данным нарушением васкуляризации могут быть связаны следы локального, частично зажившего воспалительного процесса (?) в виде глубокой деструкции костной ткани в задней части правого описываемого участка деформации. Данный очаг резорбции верхней компакты и части губчатого вещества расположен рядом с сагиттальным швом, имеет округлую форму и диаметр более 20 мм.

По измерительным и описательным признакам данный череп в категориях размеров и по балловым оценкам характеризуется следующим образом. Мозговая коробка овоидной формы средней массивности и со среднеразвитым наружным рельефом, очень длинная и среднеширокая, гипердолихокранная. Высота ее от базиона и от по- рионов крайне большая. Лобная кость среднеширокая, средневыпуклая, очень длинная, резко профилированная в горизонтальном плане. Угол наклона лба малый от назиона и средний от глабеллы. Затылок широкий, резко изогнутый. Лицевой отдел выражено ортогнатный по углам и указателю выступания, сильно профилированный в горизонтальной плоскости (особенно на верхнем уровне), со среднеуглубленной клыковой ямкой. Значение ширины лица на уровне скуловых дуг находится на границе

средних и больших величин, верхняя ширина лица большая. Верхняя и полная высота лица большая. Соответствующие указатели характеризуют лицевой отдел как ме- зопрозопный на границе с лептопрозопией. Носовой отдел высокий среднеширокий, относительно узкий с атропинной формой нижнего края. Орбиты очень широкие и средневысокие, относительно низкие. Носовые кости широкие, очень высокие абсолютно и по указателю. Угол выступания носовых костей к линии лицевого профиля также очень большой. Нижняя челюсть длинная и среднеширокая от углов, с широкими и средневысокими вертикально поставленными ветвями, высоким и узким ее телом и выступающим подбородком.

В целом, череп характеризуется резко выраженными европеоидными особенностями. Морфологически может быть отнесен к обширному расогенетическому пласту долихокранных европеоидов, широко расселенных в эпоху бронзы как по степному поясу, так и заселяющих древнеземледельческие районы. В предшествующее время подобные краниологические типы были распространены и среди населения андро- новской общности, носителей бактрийско-маргианского археологического комплекса, культур степной бронзы Средней Азии, а также на значительно более западных территориях.

Учитывая риск принять индивидуальные особенности за типологические характеристики, данный череп все же может быть отнесен к кругу южных европеоидных форм (ранее многими антропологами называемый восточносредиземноморским или средиземноморским антропологическим типом).

Ближайшие синхронные морфологические аналогии этот череп находит среди краниологических материалов из мавзолеев северного Тагискена.

Два женских черепа из них, опубликованные по сокращенной программе, были отнесены

В.В.Гинзбургом и Т.А.Трофимовой к восточносредиземноморскому типу. Отмечалось, что они не могут считаться представительными для погребенных в Та- гискене, т.к. нельзя исключать попадания в местную среду женщин иных антропологических типов. Один из черепов (мавзолей 7а) сближался с черепами из погребений тазабагъябской культуры. Другой, из пристройки к мавзолею (4д), по сумме измерительных и описательных признаков наиболее сходен с женским черепом из могильника Кызыл.

Сооружение 8. Череп. Почти полной сохранности, принадлежал мужчине в возрасте около 30 лет. Его мозговая коробка долихокранная, умеренно длинная, среднеширокая и средневысокая, эллипсоидной формы в вертикальной норме. Наружный макрорельеф выражен значительно. Лобная кость среднеширокая, слабовыпуклая и очень наклонная. Затылок среднеширокий и среднеизогнутый. Лицо ортогнатное по указателю выступания и общему лицевому углу, мезогнатное в альвеолярном отделе. Ширина его на уровне скуловых дуг и верхнем уровне большая, верхняя высота лица средняя, полная высота большая, по указателям лицевой отдел относительно средневысокий, его горизонтальная профилировка резкая. Носовой отдел средних размеров и пропорций с приостренным нижним краем грушевидного отверстия и сильно выступающей передненосовой остью. Орбиты широкие средневысокие хаме- конхные. Переносье и носовые кости в месте наибольшего сужения предельно высокие, как абсолютно, так и по симотическому и дакриальному указателям. Угол выступания носовых костей к линии общего лицевого профиля большой. Нижняя челюсть очень длинная и очень широкая от углов. Наименьшая ширина, высота и угол ветви характеризуются средними категориями размеров. Ширина и угол выступания подбородка также средние. При средней массивности, тело нижней челюсти и симфиз очень высокие.

В общем, данный череп также характеризуется выраженно европеоидным сочетанием признаков. Учитывая очень слабую изученность эпохи финальной бронзы Казахстана в антропологическом отношении, найти морфологические аналогии данному черепу непросто.

Он отличается от типичного сочетания признаков андроновского варианта протоевропейского антропологического типа, характерного для населения федоровской культуры. Но, учитывая имеющиеся материалы андроновской общности с территории Казахстана (отдельно алакульские и федоровские), тем не менее, можно предположить, что на данном черепе отразились морфологические особенности потомков местного, в широком смысле, населения эпохи развитой бронзы, возможно, в смешанном виде с представителями иных, в том числе южных европеоидных антропологических типов.

* * *

Мақалада археолог А.З.Бейсенов пен антрополог КН.Солодовников Орталық Қазақстандағы Беғазы оңірінде орналасқан Қызыл қорымының құрамындағы донғалдық жерлеулерге байланысты ғылыми мәліметтер береді. Мұнда барлығы 8 құрылыс аталмыш кезеңге жатқызыл ған. Авторлар бұл ардың қысқаша археологиялық сипаттамасын үсынуымен қатар, 2 моладан алынған бас сүйектердің арнайы зерттеу деректерін береді. Қазір Орталық Қазақстан жерінде алғаш рет доңғал сатысының жерлеу орындары белгілі болып отыр. Сондықтан доңғал бойынша ең алғашқы антропологиялық мағлұмат болып табылатын бұл деректердің маңызы зор.

Список использованных источников и литературы

1. Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В. Могильник Бегазы. Центральный Казахстан в бегазы-дандыбаевскую эпоху. Алматы. 2008
2. Бейсенов А.З., Касеналин А.Е. Археологические исследования на могильнике Бегазы //

Отчет об археологических исследованиях по ГГТ «Культурное наследие». Алматы. 2008. С. 172-174

3. Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Кызыл - первый могильник с донгальскими погребениями в Центральном Казахстане // Бегазы-дандыбаевская культура Центральной Евразии. Алматы. 2011. В производстве.
4. Касеналин А.Е., Мукажанов М.Ф., Бейсенов А.З. Выявление памятников раннего железного века Центрального Казахстана // Отчет о работах Сарыаркинской археологической экспедиции в Карагандинской области в 2006 году. Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Алматы. 2007

Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н.

Казахстан, Актобе Памятники ранних кочевников в окрестностях пос. Жиренкопа Актюбинской области

В 2010 г. работы Актюбинской международной археологической экспедиции (в ее состав входили сотрудники Актюбинского областного центра истории, этнографии и археологии, Института археологии им. А.Х. Маргулана и Германского археологического института), как и в прошлом полевом сезоне, были сосредоточены на исследовании древностей р. Илек. Памятники бассейна этой реки уже многие десятилетия вызывают интерес ученых. В 80-х гг. XIX столетия во время археологических работ Ф. Д. Нефедова и К.А. Фишера было исследовано несколько своеобразных раннекочевнических погребений, что сыграло большую роль в привлечении внимания интеллигенции начала XX в. Работы дореволюционных лет не остались в стороне и предопределили в последующие годы тематику одной из школ советского кочевниковедения. Археологические исследования, проводившиеся с XIX в., по сегодняшний день показывают разнообразие памятников этого района и дают новые материалы, пополняя источниковую базу сарматской археологии.

Внимание нашей экспедиции привлекли левобережные памятники окрестностей пос. Жиренкопа на р. Хобда - крупного притока р. Илек. Памятники долины этой реки и на сегодня являются мало исследованными. В большинстве своем они занимают возвышенности глубоко в степи, редко - надпойменные террасы, и представляют собой курганные могильники из 3-5 и более насыпей. Нами была произведена зарисовка каменного изваяния («кайрактас Кобланды») и в трех могильниках раскопано четыре кургана, давших разновременные погребения от эпохи бронзы до средневеко-

«Кайрактас Кобланды». По распространенной у местных жителей легенде камень служил Кобланды батыру нечто вроде кайрактаса - точилом. Сегодня он находится в мемориальном комплексе «Кобланды батыр», куда был привезен из окрестностей поселка. Примерное изначальное местонахождение изваяния по объяснению жителя пос. Жиренкопа Накеша А. это приграничная территория с Оренбуржьем к северо- западу от населенного пункта.

Сама стела представляет собой монолитный каменный столб удлиненных пропорций. К моменту зарисовки она была сломана в трех местах. Ее размеры: длина 3,43 м, ширина в нижней части 0,72 м, в верхней - 0,44 м, толщина 0,35 м. В сечении верхняя часть столба подквадратной формы, нижняя - подпрямоугольна. Стелу отличает скошенность правого бока в верхней части. Ниже она суживается и приобретает прямое очертание. Морфологически стела мало напоминает фигуру человека и не имеет антропоморфных элементов (голова, руки, ноги и т.д.), хотя в верхней части лицевой поверхности наблюдается уступ, которым, возможно, мастер обозначил голову. С другой стороны в этом месте и была сломана стела, и он мог образоваться позднее (рис. 1).

На жиренкопинской стеле зооморфные изображения не прослеживаются. Возможно, это объясняется качеством самого материала, на котором из-за бугристой поверхности довольно

трудно воспроизводить образы зооморфного мира и предметы материальной культуры. С лицевой стороны имеются только две горизонтальные линии выполненные контррельефом и разделенные значительным промежутком. Расстояние между ними составляет 1,47 м. В 40 см выше нижней линии имеется сквозное отверстие диаметром 5-7 см. На боковых сторонах изображения и линии также не просматриваются. Тыльная сторона по причине хранения и массивности не была зарисована.

Могильник Жиренкопа VI. Расположен на территории пос. Жиренкопа, среди жилых строений ближе к его северной окраине. Состоит из двух земляных курганов, воздвигнутых на первой надпойменной террасе левого берега реки Большая Хобда в 400- 500 м к югу от самого русла. Курганы вытянуты по оси северо-запад - юго-восток, на расстоянии около 100 м друг от друга. Раскопкам были подвергнуты оба кургана, так как их насыпи сильно разрушались при хозяйственной деятельности.

Курган № 1. Находится в юго-восточной части. Земляной, в плане округлой, в разрезе линзовидной формы. Поверхность насыпи кургана слабо задернована. Его высота от уровня древней погребенной почвы 1,8 м. Диаметр насыпи 33 м. Северо-восточная, северная и северо-западная стороны насыпи пострадали в ходе хозяйственной деятельности. В северо-восточной части отсутствовала часть насыпи. В остальном месте (северо-запад, север) визуально прослеживалось понижение. По северному и юго- восточному основанию кургана проходила проселочная дорога.

К рассматриваемому времени относятся три погребения (№№ 1, 3 и 5), происходивших с первого кургана.

Погребение № 1. Впускное. Находилось в центральной части подкурганной площадки в 180 см к юго-западу от 0. Пятно могильной ямы выявлено на глубине 110 см от уровня современной дневной поверхности. На этом уровне оно выделялось суглинком светлого цвета, который доходил до дна могильной ямы.

Могильная яма, ориентированная по направлению северо-запад - юго-восток имела неправильную подовальную в плане форму. Ее размеры на уровне погребенной почвы составляли 213 см в длину, в ширину - 123 см. Дно ямы от уровня погребенной почвы было заглублено на 15 см (рис. 2,1).

На дне ямы по ее центру вытянуто на спине лежал костяк взрослого человека (коренные зубы потерты). Головой погребенный был ориентирован на северо-запад. Кости скелета покоились на органической подстилке светлого цвета. Череп и кости предплечья погребенного смещены вправо. Кости левой руки лежали вдоль туловища. Правая, согнутая в локте, кистью покоилась на тазовых костях. Кости ног вытянуты и сведены в стопах.

В качестве сопутствующей пищи слева от погребенного на уровне туловища были положены кости мелко рогатого скота. Никаких других находок при погребенном не было найдено.

Погребение № 3. Впускное. Было выявлено в юго-западной части подкурганной площадки в 2,8 м к югу от 0. Могильная яма выделялась на срезе стратиграфического профиля, где фиксировалась воронка в виде желтого суглинка.

Погребение принадлежало взрослому человеку. Было совершено над могильной ямой основного погребения, ближе к северо-западному углу. Погребенный лежал на органической подстилке вытянуто на спине головой на юго-запад, череп лицевой частью был повернут на север. Кости правой руки погребенного согнутые в предплечье и в локте были отставлены в сторону. Кости левой руки лежали вдоль туловища. Ноги, широко расставленные в сторону, были потревожены. В изголовье погребенного лежала бедренная кость человека, никак не связанная с последним. В качестве сопутствующей пищи рядом с погребенным были положены (рис. 2, 2):

1. возле правой голени кости задней ноги мелко рогатого скота;
2. у левой бедренной кости позвонки мелко рогатого скота.

У правой бедренной кости находились куски мела. Сопровождающий инвентарь был

представлен только каменным блюдом из песчаника, располагавшегося под тазовой костью и левой кистью (рис. 2, 3).

В ходе расчистки и снятия костей погребенного под ребрами правой стороны был найден бронзовый втульчатый наконечник стрелы.

Погребение № 5. Полностью разрушено. Было обнаружено в центральной части в слое насыпи. От него сохранились только лучевые и трубчатые кости человека. Заупокойная пища представлена только костью мелко рогатого скота. Скорее всего, к этому погребению относится каменное блюдо. Оно изготовлено из плотного плоского плитняка бордового цвета. Представляет собой грубую плитку подквадратной формы. Имеет неглубокое углубление, по центру которого сделана небольшая выемка. Его размеры 14х15 см, толщина - 3,7 см (рис. 2, 4).

Могильник Бесоба. Находится в 4 км к юго-западу-запад от пос. Жиренкопа и в 2,5 км к юго-юго-западу от пос. Когалы. Состоит из пяти компактно расположенных земляных курганов, воздвигнутых на еле заметном поднятии, вытянутом в направлении северо-восток - юго-запад. К северо-востоку и юго-востоку от памятника проходят полевые дороги. Наибольшим в группе является курган № 1 диаметром 60 м, высотой 8 м, с триангуляционным знаком на вершине. Размеры остальных значительно меньше, диаметр их колеблется от 30 до 40 м, высота от 2,5 до 3 м. Все насыпи курганов по периметру имеют круговые рвы (кроме № 1 с перемычкой в южной стороне), воронки или западины на вершинах. Рвы курганов №№ 2 и 3 сливаются. К кургану № 1 с юго- запада примыкает неправильной формы сооружение из вала и рва с земляными конструкциями и кулпытасами (рис. 3).

Из пяти объектов для исследования был выбран курган № 3, находившийся в 45 м к северо-западу от центрального. К моменту раскопок курган представлял собой земляную насыпь в плане округлой, в разрезе линзовидной формы. Южная сторона насыпи имела более пологие очертания. Насыпь кургана по основанию была окружена кольцевым рвом, обильно поросшим густым разнотравьем и кустарником (чилига). На поверхности кургана в его центральной части визуально прослеживались три западины. Южная более крупных размеров, в плане округлая диаметром около 4 м и глубиной 0,5-0,6 м. Остальные две незначительны. Современные размеры кургана: диаметр 37 м, высота от уровня погребенной почвы 2,5 м (рис. 4,1).

В процессе раскопок было обнаружено:

1. в слое насыпи юго-западной части на глубине 1 м от дневной поверхности череп лошади;

2. в северо-западном основании на уровне погребенной почвы был расчищен комплект узды из: железных сильно коррозированных удил с двумя двудырчатыми пса- лиями; двух бронзовых псалии с окончаниями в виде голов лошади и верблюда; трех бронзовых пронизей в виде голов птицы; одной бронзовой бляхи в виде головы птицы с рогом архара на затылке; одной бронзовой пронизи (налобник) в виде головы птицы; одной бронзовой подпружной пряжки, железных круглых и ромбовидных пронизей (рис. 4, 3-18).

Подкурганная площадка была устлана тонким слоем органики коричневого цвета, вероятно, являлась остатками коры, чилиги или камыша. В центре нее было расчищено деревянное сооружение, от которого сохранились сильно раздавленные плахи или бревна, образующие нечто вроде настила шириной около 1,3 м. Вероятно, сооружение представляло собой сруб длиной около 10 м и шириной 5,8 м. Для устойчивости его стен строители применили столбы, округлые ямы которых, диаметром 16-36 см находились по всему периметру могилы. Под деревянным сооружением находилась большая прямоугольная яма, ориентированная также с запада на восток, длиной 6,6 м, шириной 4 м и глубиной 0,7 м от уровня погребенной почвы. У западной торцевой стенки была сделана прямоугольной формы яма размерами 2,78х2,0 м, длинной осью направленная в меридиональном направлении. Вдоль стен ямы была вырыта неглубокая канавка шириной около 20 см и

глубиной 19 см. Таким образом, на дне ямы образовывался погребальный «стол-ложе». В засыпи встречались трубчатые кости, позвонки человека, фрагменты керамики и предметы конской узды. Кости располагались в северо-западном углу на глубине 0,3 м. Керамика относится к двум сосудам. Первая тонкостенная с невысоким и слабо отогнутым венчиком (рис. 4, 21). Другой толстостенный с плохим качеством обжига. Фрагментарность сосудов не позволяет восстановить их формы. Предметы узды представлены двумя пронизями в виде головы лошади (рис. 4,19-20). На дне ямы ближе к южной стенке находились череп, ребро и мелкие кости человека плохой сохранности.

Таким образом, из раскопанных курганов к раннежелезному веку были отнесены четыре погребения. По характерным признакам погребального обряда погребения могильника Жиренкопа VI отличаются от бесобинского. Анализ погребального обряда рассмотренных погребений позволяет отделить жиренкопинские от погребения могильника Бесоба. Их отличает впускной характер захоронения. Заупокойная пища скудна и представлена только костями мелко рогатого скота, что позволяет предположительно отнести погребения к эпохе ранних кочевников. Не противоречит этому и находка кусков мела с третьего погребения [16, с. 96, 100, табл. 6; 6, с. 96]. Ориентировка погребенных (северо-запад и юго-запад) не может служить достоверным хронологическим индикатором. Каменное блюдо с рассматриваемого погребения № 3 по классификации В.Н. Васильева относится ко II типу первой группы жертвенников без ножек (рис. 2, 3). Это изделие подпрямоугольной формы, сделано небрежно из песчаника и имеет неглубокое углубление, что сближает его с 1-ым подтипом [2, с. 25-26]. На донной части блюда прослеживаются остатки мела. Аналогичные блюда в «сарматских» памятниках получают распространение в V в. до н.э. Второе блюдо с погребения № 5 не имеет аналогов (рис. 2, 4). По форме и оформлению оно близко к аморфным плиткам, представляющих собой просто доработанные заготовки. Датируются эти находки VI-IV вв. до н.э. [6, с. 40]. К сожалению, наконечник стрелы имеет очень плохую сохранность, что не позволяет определить его тип. Наконечник бронзовый с двухлопастной боевой головкой и выступающей втулкой. Время их использования на территории Южного Приуралья падает на VII-V вв. до н.э. [15, с. 37-44, табл. 1].

Особый интерес представляет погребение с кургана 3 могильника Бесоба. Безусловно, перед нами памятник кочевой элиты, о чем говорят погребальный обряд и инвентарь. Дата комплекса определяется, прежде всего, по предметам конской упряжи. Металлические изделия, выполненные в зверином стиле позволяют говорить, скорее всего, о конце VI - середине V в. до н.э. [15; 7; 8]. Не противоречит отнесению к этому периоду и погребальный обряд, а именно клад конских предметов, органический настил на подкурганной площадке и деревянное сооружение. Специфической особенностью данного погребения является наличие канавки вдоль стен могильной ямы. Погребения этого типа на территории Южного Приуралья большого распространения не получили. Известно всего лишь два погребения с аналогичным обрядом. Сюда относятся мог. Бисоба курган 10, погр. 2 и мог. Покровка 2, курган 3, датирующиеся этим же временем, что и рассматриваемый [6, с. 94; 19, с. 33-35]. Аналогичные погребения также использовались в погребальной практике населения сопредельных регионов. На территории Северного Причерноморья их можно насчитать десятки. Но в большинстве случаев канавки применялись для облицовки стен или в них находились столбы. В свое время для лесостепной части Украины (Поднепровье) В.С. Ольховский выделял три погребения, в которых дерево как конструктивный элемент отсутствовал. Датированы эти комплексы им VII-V вв. до н.э. [13, с. 22]. Хотя Л.К. Галанина определяет их как памятники VI, V-III вв. до н.э. [5, с. 22, 38]. Сюда же следует отнести два погребения с Песочинского курганного могильника. По мнению Л.И. Бабенко они датируются сер. - 2 пол. V в. до н.э. (к. 5) и IV в. до н.э. (к. 16) [1, с. 16-17, 24]. В степи ямы с канавками известны в белозерское время. Два погребения этого региона также относятся к V в. до н.э. [13, с. 22].

В Приаралье такие могильные конструкции встречаются с конца поздней бронзы в

мавзолеях Северного Тагискена [3, с. 198]. Девять погребений Уйгарака с подобными конструкциями датируются в пределах VII-V вв. до н.э. Причем здесь мы наблюдаем их разнообразие. Канавки могли устраиваться как по всему периметру могилы, так и вдоль продольных стенок [4, с. 60-61, 120-126].

Весьма любопытна находка каменной стелы - редкого памятника монументального искусства ранних кочевников Южного Приуралья. В связи с отсутствием изображений достаточно сложно определить тип этой стелы. Она, как нам кажется, морфологически наиболее близка к «киммерийским» стелам (иногда в литературе их называют оленными камнями западного региона или европейскими оленными камнями). Датируются они X-нач. VII в. до н.э. и соотносятся с предскифскими древностями черно- горовской и новочеркасской групп. Территорией распространения «киммерийских» стел является главным образом степная часть Восточной Европы от Приуралья до Восточной Германии [14, с. 3-4].

Обычно они монолитны, представляют собой каменные столбы или блоки удлиненных форм. В сечений прямоугольные, реже квадратные или округлые. Рассматриваемую стелу также сближает скошенность их вершин. Ширина лицевой грани больше боковой, что также характерна для «киммерийских» [14, с. 17].

Линии, изображенные на рассматриваемой стеле, трактоваться могут по-разному. Изображения на оленных камнях концентрируются в трех частях и обычно делятся линиями (гривной, ожерельем или поясом). В верхней, отождествляемой с «лицом», содержатся три полосы, кольца. Для средней части характерны в основном изображения оленей. Нижняя отделяется так называемым «поясом» с предметами вооружения [12, с. 98].

В решении семантики этих изваяний в научной среде нет однозначного ответа. Ряд ученых в стелах видят, прежде всего, изображения фигур человека (Веселовский Н.И., Диков Н.Н., Членова Н.Л., Савинов Д.Г., Батчаев В.М., Волков В.В. и др.). По Ольховскому, воспроизведенный на стелах образ соответствует фаллосу и связан с реализацией идеи мировой оси - мирового древа, упорядоченного по вертикали и горизонтали мира (космоса) [14, с. 23].

По мнению Килуновской М.Е. стелы имеют четкую трехчастную структуру и горизонтальными линиями делятся на три зоны, которые соответствуют трем сферам обобщенной модели мира [12, с. 100]. Подобное трехчастное деление, но без изображений наблюдается и на жиренкопинской стеле.

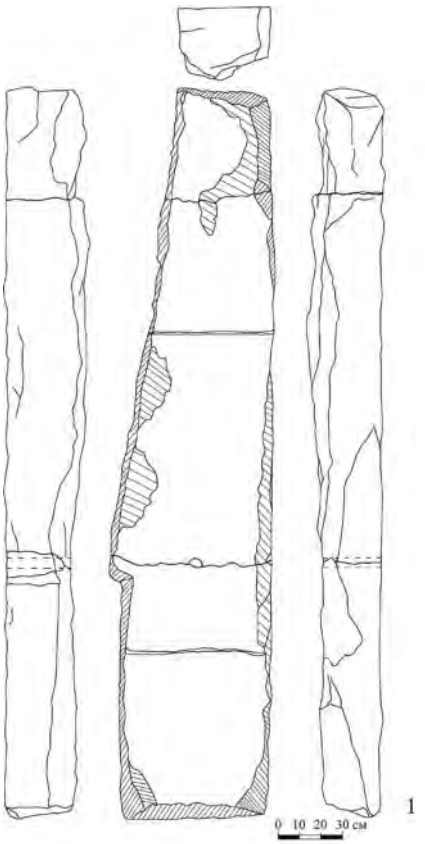
На территории Южного Приуралья известна только одна стела рассматриваемого типа, происходящий с Большого Гумаровского кургана [11, с. 29-47]. Датируется эта находка в литературе разным временем, VII в. до н.э. [18, с. 43], началом VII в. до н.э. [10, с. 89] и концом VIII в. до н.э. [9, с. 110]. Судить о дате стелы можно говорить только условно. Вероятно, она датируется VIII-VII вв. до н.э. Позже этого времени на территории Южного Приуралья кочевники устанавливали антропоморфные изваяния с присущими им элементами человеческой фигуры [17, с. 162-168].

* * *

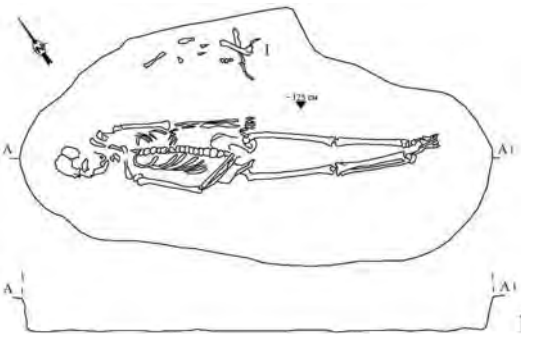
Мақала Илек өзенніц жагалауларында Ақтөбе облыстық тарих, этнография жэне археология орталыгымен археологиялық барлау нэтижесінде ашылган жаца ескерткіштердіц сипаттамалары берілген. 2010 жылы далалық маусымда орталық бірнеше тарихи-мәдени объектілеріне зерттеулерін жүргізген: «қайрақтас Қобыланды» құлпы тас, Жиренқопа VI қорымы, Бесоба №1 қорғаны. Археологиялық қазба жұмыстары нәтижесінде жерлеу қорымдардан табылған артефактілерді автор- лар ерте темір дэуірімен мерзімдейді. Жерлеу ғұрыптарға талдау жасау арқылы Бесоба жерлеу қорымдары мен Жиренқопа жерлеу қорымдағы айырмашылықтарына
көңіл бөлген.

Список использованных источников и литературы

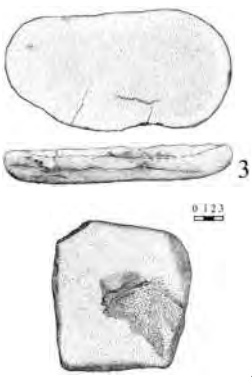
1. Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков: ИД Райдер. 2005. 284 с.
2. Васильев В.Н. 1998. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник: Сб. науч. статей. Вып. 1. Уфа: НБ РБ. 1998. С. 25-43
3. Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья // МИА. № 177. М. 1971. 207 с.
4. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. по материалам Уйгарака. М.1973.160 с.
5. Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е.Бранденбурга) // САИ. вып. Д1-33. М. 1977. 68 с.
6. Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья. Уральск. 2004. 136 с.
7. Гуцалов С.Ю. Погребение знатного кочевника в урочище Илекшар // РА. № 3. 2009. С. 71-78
8. Гуцалов С.Ю. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // РА. № 2. 2010. С. 51-66
9. Зуев В.Ю.. Исмагилов Р.Б. Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралье // АПО. Вып. III. Оренбург. 1999
10. Исмагилов Р.Б. Каменная стела и золотые олени из Гумарово // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск. 1987
11. Исмагилов Р.Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. Вып. 29. Л. 1988. С. 29-47.
12. Килуновская М.Е. Рисунки на скалах Тувы // А.В.: Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. С-Пб. 2007
13. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степей Скифии (VIII-III вв. до н.э.). М. 1991. 256 с.
14. Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа как исторический источник: автореф. диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М. 2001. 50 с.
15. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. № 101. М. 1961. 162 с.
16. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М. 1964. 380 с.
17. Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю. О генезисе каменных антропоморфных изваяний арало-каспийского региона // Материалы по археологии волго-донских степей. Вып. 1. Волгоград. 2001. С. 162-168
18. Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. (На примере Сев. Кавказа). Новосибирск. 1984. 100 с.
19. Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М. 1994. С. 18-53



1



кости мрс



3

4

1 - кал
2 - позвонки

астраг ал мрс кости мрс куски мела органическ ая подстилка наконечник стрелы

Викторова В .Д., Ченченкова О.П.
Россия, Екатеринбург Погребение эпохи бронзы в горнолесном Зауралье

Некрополь эпохи бронзы расположен на верхней, северо-западной площадке (памятник Палатки I) острова Каменные палатки, возвышающегося над уровнем поймы на 5 м. В настоящее время остров окружен болотами. В древние эпохи это был южный остров палеоозера Романовского, одного из больших проточных озер верховьев р. Исети.

Могильник был разрушен каменоломней периода поздней бронзы и производственными металлургическими площадками эпохи раннего железного века. Сохранились лишь два кенотафа в юго-восточной части площадки и предметы из разрушенных погребений [2].

Раскопками 2008 г. на юго-западном мысовидном выступе площадки обнаружены остатки погребения. От него сохранились два скопления сильно раздробленных костей, среди которых лежали фрагменты двух бронзовых браслетов. Отметим, что «сырые» кости в щелочной почве горнолесного Зауралья не сохраняются. Два скопления косточек от кисти руки и черепа, по-видимому, оказались законсервированы окисью меди от браслетов. Размещение костей скелета предположительно было следующим. Судя по местонахождению браслетов, кисть одной руки находилась перед черепом. Вторая, по всей вероятности согнутая рука, была слегка откинута в сторону, так как скопление костей пальцев находилось в 20 см от черепных косточек. По темным полосам в пределах 1,2 х 0,7 м, сохранившихся на уровне находок, можно предположить, что захоронение было скорченным, на правом боку и ориентировано головой на С-СЗ. Восточнее костей черепа, между двумя камнями находился третий предмет

- верхняя часть каменного жезла. Центральный фрагмент жезла обнаружен в 2 м восточнее погребения, нижняя часть - в 5 м севернее.

После реставрации браслетов определилась их технология - желобчатые, свернутые из обрезка листа из бронзы. Браслет с руки, лежащей на отлете, имеет овальную форму, размер - 4,7 х 3,5 см. По одному из загнутых краев, через неравные интервалы нанесено 23 насечки, по другому - 5 насечек, общим числом - 28. Второй браслет круглой формы, с заходящимися краями, имеет диаметр 3,4 см. По одному загнутому краю, также с неравными интервалами нанесена 41 насечка, по центру другого - 8 насечек, общим числом - 49. И первое, и второе количество насечек на браслетах составляет кратное 7. Вполне вероятно, что на предметах представлен лунный календарь.

Жезл изготовлен из мягкого камня светлого бежевого цвета с черными вкраплениями. После подклейки фрагментов жезла определился его размер (33,3 х 4,3 х 2,3 см) и форма. Стержень в плане подпрямоугольный, разрез подпрямоугольный (в средней части выпуклый), сечение линзовидное.

Авторы выражают благодарность ведущему археологу отдела археологических исследований НПЦ по охране памятников истории и культуры Свердловской области Р.Б.Волкову, выполнившему трасологический анализ жезла, и старшему научному сотруднику отдела древней истории народов Урала Свердловского областного краеведческого музея С.Г. Бузуновой, определившей породу камня. Жезл сделан из ожелезненного кварцито-песчаника с вкраплениями полиметаллических руд. Орудие тщательно отполировано (шлифовкой и полировкой уничтожены все следы предварительной обработки). На торцах фиксируются следы выкрошенности (забитости). На рабочей плоскости (ребро) фиксируется выкрошенность. Фасетки расположены под углом около 90° к рабочей поверхности. Верхняя часть пришлифована. На противоположном торце (угол той же плоскости) так же фиксируется забитость (гораздо менее интенсивная). Точную функцию изделия определить не удалось. Орудие использовалось в качестве ударного, возможно, по отрицательной поверхности. Удары наносились при помощи деревянной колотушки. Обрабатываемая поверхность также, вероятно, являлась деревянной.

Рассматриваемый жезл, несомненно, знаковое изделие. Помимо формы об этом свидетельствуют мягкая непрактичная для какой-либо работы порода камня и столь излишняя, бессмысленная для утилитарного орудия обработка как шлифовка. Использование -удары деревянным инструментом по деревянной поверхности - можно объяснить как символические действия. Материал - камень с включением полиметаллических руд - подтверждает версию о распространении жезлов в эпоху освоения металла и их связи с металлообработкой [1] и символикой металла [6, с. 70-71]. Возможно (но и здесь мы не выходим из области предположений), форма жезла заключает идею вертикали. Подчеркнем, что знаковый характер данного изделия не вызывает сомнений. Они касаются лишь расшифровки конкретного содержания этой знаковости.

Обратимся не к семантике, а к синтактике. Жезл очень интересен при сопоставлении с многочисленными каменными жезлами с изображениями. Фигурные жезлы классифицированы [12,13]. Существуют жезлы с изображением какого-либо 1) персонажа (человек, конь, баран, бык, медведь, птица), 2) знака (солярный, фаллический), 3) орудия труда (пест, молот, топор, оселок). В последнем случае имеются в виду именно изображения, а не утилитарные орудия - то есть изделия лишь имитирующие форму топора или песта, но изготовленные из мягких пород камня или шлифованные, что исключает практическое использование. Жезл из погребения демонстрирует следующую (и видимо предельную) стадию абстрагирования. Он не имеет ни одного внешнего визуального изобразительного намека на символику, помимо самой формы, акцентирующей знаковый неутилитарный характер изделия, и возможно породы камня, связанной с металлопроизводством. Возможность такой степени абстрагирования в первобытное время поражает и подтверждает неизменность законов искусства, которые определяются не столько культурно-исторической ситуацией, сколько особенностями мышления человека [11,12].

Можно ли определить культурно-хронологическую принадлежность погребения, если в нем не было сосуда?

Судя по технологии изготовления и форме браслетов можно отнести погребение к алакульской культуре [9, рис. 5; 10, рис. 69, 1-5; 70, 5-14]. От лесостепи Зауралья до Казахстана алакульским захоронениям присуща преимущественно З или СЗ ориентировка, кости ног полусогнуты, руки согнуты в локтях, кистями к черепу [7, с. 170; 9, с. 70; 10, рис. 16, 17, 18, 26, 27]. На первый взгляд, алакульская принадлежность погребения с памятника Палатки I подтверждается, правда, немногочисленными, находками на этом памятнике керамики алакульского облика.

И вместе с тем, есть серьезный альтернативный вариант культурной принадлежности погребений эпохи бронзы горнолесного Зауралья. Первый аргумент - отсутствие сосуда при захоронении. В алакульских погребениях часто может отсутствовать костяк, но всегда стоит сосуд или два сосуда.

Аргумент второй - среди находок из разрушенных погребений некрополя на памятнике Палатки I есть совершенно не характерные для алакульской культуры, а присущие только памятникам самусьско-кижировского облика предметы: кинжал с бронзовой орнаментированной рукоятью и обломок второго такого же кинжала, фрагмент кельта, каменные наконечники стрел с плоским основанием, кремневый нож. Подобные изделия, а также желобчатые браслеты и керамика коптяковского типа, в большом количестве найдены на памятнике Шайтанское озеро II, расположенном в том же регионе горно-лесного Зауралья, что и остров Каменные палатки [8, рис. 6, 35, 42, 44, 45, 54; 12;13]. Время бытования памятников коптяковского типа определяется по радиоуглеродным датам с памятника Палатки I в пределах рубежа ТТТ-ТТ - нач. II тыс. до н.э.

Дополнительным аргументом является находка жезла. Территория распространения

подобных каменных шлифованных изделий начинается от Алтая и теперь доходит до горнолесного Зауралья. По мнению ряда авторов, подобные жезлы могут быть датированы XIX-XVII вв. до н.э. и связаны с сейминско-турбинским феноменом [5, с. 51], в пределах которого зауральский центр с самусьско-кижировским набором предметов и керамикой коптяковского типа, по-видимому, был самостоятельным звеном.

Есть основания полагать, что рассматриваемое погребение с памятника Палатки I принадлежало женщине. Об этом свидетельствует малый диаметр браслета с заходящимися концами и наличие на браслетах следов лунного календаря, имеющего существенное значение для женщин. Похоже, что погребенная была неординарной личностью. Ряд авторов неоднократно отмечал особую роль женщин в ритуальной сфере уральского населения эпохи бронзы [3, с. 191]. Но мог ли жезл принадлежать женщине? Судя по отдельным женским захоронениям синташтинской культуры, в них содержались различные ритуальные предметы, в том числе, навершия жезлов [4, с. 72].

* * *

Баяндамада Оралдыц таулы орман аймагында табылган қола дәуіріне жата- тын қорымға қатысты зерттеу нәтижелері берілген. Қорым түгелдей жойлып, табылғандардың арасынан жезл ерекшеленеді. Жан-жақты сараптама барсында, авторлар аталмыш артефакт материалдық мәдениеттің айшықты элементі деген нәтижеге келеді. Жерлеудің мәдени дәстүрі толық анықталмаған.

Список использованных источников и литературы

1. Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1992
2. Викторова В.Д. Погребальные комплексы на острове Каменные палатки // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург. 2001
3. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск. 1992.
4. Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск. 1997
5. Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е. Новый сейминско-турбинский могильник Шипуново V на Алтае // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул. 2001
6. Михайлов Ю.И Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбасвузиздат, 2001
7. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М. 1985
8. Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография. Антропология Евразии. Новосибирск, 2009. № 2
9. Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург. 2006
10. Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда - Лиса- ковск. 2005
11. Ченченкова О.П. Развитие эстетической функции ранних изображений (на примере древней западносибирской скульптуры // Маргулановские чтения: Тезисы. Петропавловск. 1992. С. 142-144
12. Ченченкова О.П. Западносибирская скульптура: вещь, знак, символ // Мировоззрение Археология Ритуал Культура: Сб. ст. к 60-летию М.Л.Подольского. СПб. 2000. С. 194-212
13. Ченченкова О.П. Песты из коллекции Свердловского областного краеведческого музея (в сравнении с каменной скульптурой западносибирской лесостепи) // Четвертые

Берсовские чтения. Екатеринбург. 2004. С. 156-173

Рис. 1.

Волошин В.С.

Казахстан, Астана Литические серии в инвентаре стоянки Аксу 6

Общей чертой мезо-неолитических памятников Центрального Казахстана является разнообразие использованного на них каменного сырья. При этом во многих случаях природа представленных здесь литических серий (групп) - культурная, хронологическая, хозяйственная или же иная, остается не известной. Выяснение последней должно являться отдельной задачей исследования, без разрешения которой в условиях слабой изученности эпохи наши культурно-хронологические интерпретации неизбежно будут построены на песке. Ниже приводится описание материала по сырьевым группам с памятника Аксу 6.

Стоянка Аксу 6 расположена в окрестностях Степногорска в 1,3 км к северо-западу от каменного карьера, на левом берегу речки Аксу возле родника. Памятник приурочен к выступу 3-ей скульптурной террасы. Он был обнаружен в 1998 г. и неоднократно обследовался. В 2002 г. здесь был заложен раскоп площадью 56 кв.м, принесший основную массу археологического материала (2175 экз.). Последний происходит из легкого коричневатого суглинка (слой 2), мощностью 10-17 см, который в данном месте активно эродируется, местами прикрыт современным гумусом и лежит также на маломощном слое стерильной супеси. Под ней располагается кора выветривания с блоками кварцитовых песчаников эоцена. Материал был получен при просеивании грунта через сито.

В каменном инвентаре памятника выявлено 14 сырьевых групп. Ниже описывается материал трех лучше всего представленных серий.

Кремень качественный, образцы патинированы (593 экз.). Нуклеусы - 4 экз. (0,7%). Среди них - два выразительных плоскостных одноплощадочных (рис. 1: 29-30), одна заготовка подобного же ядрища (Рис. 1: 31) и небольшой типичный клиновидный нуклеус для микропластинок (рис. 1: 27). Орудия ретушированные-52 экз. (8,8%). Среди орудий из

пластинок (20 экз.) имеются вкладыши с притупленными спинкой и торцом (рис. 1: 5-6), а также своеобразные формы вкладышей с короткой притупленной спинкой на краю - скошенной в дистальной части (рис.1: 4) и выемчатой с зарубкой в нижней части (рис. 1: 3). Последний, будучи изогнутым в профиль, оставляет впечатление углового резчика. Имеется и образец вкладыша с вентрально ретушированным обушком (рис. 1: 8). Больше всего орудий с вентральной краевой ретушью (8 экз.), различным образом наложенной (рис.1: 1-2, 10), в том числе из микропластинок (рис. 1:
11- 13). Имеются также четыре сечения с дорзально ретушированной выемкой на краю (рис.1: 7), два резца на углу сечения (Рис. 1: 14) и один угловой резчик. Орудия из от- щепов в этой группе доминируют - 32 экз.Представлены выпуклое скребло со смежным шипом из укороченного отщепа (рис. 1: 28) и шесть типичных скребков (рис. 1: 17-18), в том числе массивный двухсторонний (Рис. 1: 19) и с притупленным основанием (рис. 1: 16). Особую группу составляют вкладыши с поперечным лезвием на конце, имеющие конструктивную ретушь (рис. 1: 15, 23-24). К ним близки две сеченые формы (рис. 1: 25). Характерен вкладыш в форме скошенного острия из маленького скола (Рис. 1: 9). Есть два боковых ножа с базальной подтеской (рис. 1: 26). Остальные орудия: шесть выемчато-зубчатых скобелей (рис. 1: 22), три угловых резчика (рис. 1: 20), три угловых проколки (рис. 1: 21), обушковый нож из плиточки и отщепы с ретушью. Пластинки - 126 экз. (21,3 %). Все они представлены сечениями и их обломками. Ширина варьирует в пределах 7-16 мм, доминирует группа шириной 9-12 мм. Отходы производства - 411 экз.

Кварцит мелкозернистый, качественный, образцы патинированы (678 экз.). Нуклеусы - 4 экз.(0,6 %). Это призматическиеодноплощадочный (рис. 2: 55) и двухпло

щадочный (рис. 2: 56) ядрища. У последнего - нижняя скошенная фасетированная площадка использовалась для снятия пластинок в одной плоскости. Третий нуклеус - конусовидный (рис. 2: 58), четвертый - остаточная форма призматического (рис. 2: 57). Последние два нуклеуса подверглись реутилизации. Орудия ретушированные -154 экз.(22,7 %). Среди них явно доминируют орудия из пластинок (127 экз.). В этой группе наблюдается аномальное содержание вкладышей (68,5 %). Это, прежде всего, сечения и их обломки с притупленной спинкой (53 экз.), вариации которых проистекают от таких признаков, как удлиненность корпуса, частичность, ровность или неровность спинки, использование биполярной притупливающей ретуши (рис. 2: 19-
22, 33). Интересны вкладыши с вогнутой спинкой, охватывающей часть края; у них контакт между спинкой и боковым краем может быть как плавным (Рис. 2: 36), так и резким, с зарубкой (рис. 2: 35, 37-39). Другую группу представляют вкладыши с притупленными спинкой и торцом - 18 экз. (рис. 2: 23-24, 26, 28-32). Единичные изделия из них имеют на торце вентральную ретушь (рис. 2: 25) или просто фасетку (рис. 2: 27). Еще одна группа - вкладыши со спинкой и обоими притупленными торцами. Их
- 9 экз. (рис. 2: 12-18). Острия со спинкой - 3 экз. (рис. 2: 9-10). У одного изделия основание притуплено (рис. 2: 9). Вкладыши с притупленным торцом - 4 экз. (рис. 2: 40). Имеются также скошенные острия (2 экз.), в том числе специфическая форма (рис. 2: 41), а также маленькое острие с крутой получешуйчатой ретушью (Рис. 2: 8).Другие орудия: сечения с боковой, преимущественно вентральной ретушью (11 экз.), есть образцы с глубокой ретушью (рис. 2: 52-53), преобладает, однако, тонкая ретушь (рис. 2: 50, 54); угловые резчики - 10 экз. (рис. 2: 45-47); резцы - 5 экз., один из которых боковой косоретушный (рис. 2: 43); изделия с дорзально ретушированными выемками и зубчиками - 8 экз. (рис. 2: 34, 49, 51). Единично представлены концевой резчик (рис. 2: 44), невыразительные проколка и концевой скребок. Среди орудий из отщепов (27 экз.) преобладают типичные скребки (13 экз.), у которых основание часто сеченое (Рис. 2:
2- 4) или нет (рис. 2: 6-7); крупный образец сочетается с пильчатым лезвием (рис. 2: 5). Имеются также боковые ножи с наискось сеченым окончанием, иногда со следами притупливающей ретуши (рис. 2: 1). Остальной материал маловыразительный. Пластинки - 221 экз. (32,6%). Это сечения и их обломки. Ширина изделий варьирует в пределах 5-16 мм, доминирует группа шириной 8-10 мм. Отходы производства - 299 экз.

Халцедон, образцы без патины (194 экз.). Нуклеусы - 2 экз. (1%). Один из них - небольшой конусовидный плоский с негативами узких пластинок, снятых по большей части окружности (рис. 3: 21). Другой - фрагмент крупного торцевого (рис. 3: 22). Орудия ретушированные - 31 экз. (16%). Доминируют орудия из пластинок - 18 экз. Вкладыши - 10 экз. (55,5%). Наиболее выразительны формы с вентрально ретушированным обушком (2 экз.): у одного - торецтакже притуплен (рис. 3: 16), у другого - противоположный край с ретушью (рис. 3: 17). Вкладыши с притупленной спинкой
- 6 экз. Здесь есть формы с прямой (рис. 3: 9-10) и вогнутой (рис. 3: 4) спинкой, а также
- с ретушированной выемкой-зарубкой на краю (Рис.3:7), причем два фрагмента могли принадлежать наконечникам стрел (рис. 3: 5-6). Вкладыши с притупленным торцом - 2 экз. (рис. 3: 1). Среди других орудий - резцы (4 экз.): срединный (рис. 3: 14) и маловыразительные на углу сечения (рис. 3: 11-13). Пластинки с боковой ретушью - 2 экз. (рис. 3: 15). Единичны угловой резчик (рис. 3: 2) и пластинка с выемкой (рис. 3: 8). Орудия из отщепов -13 экз. Здесь есть типичные скребки (рис. 3:18), в том числекаре- ноидный скребок (рис. 3: 19), а также скобели (рис. 3: 20) и маленькая сеченая форма вкладыша (рис. 3: 3). Пластинки - 40 экз.(20,6%). Это сечения и их обломки. Отходы производства -121 экз.

Среди других видов сырья (586 экз.) присутствуют изделия уже известных типов: вкладыши с притупленной спинкой (рис. 3: 38-39, 41),с притупленным торцом (рис. 3: 40), со спинкой и одним или двумя притупленными торцами (рис. 3: 24-26), с вогнутой спинкой и зарубкой (рис. 3: 28-29), более сложная форма (рис. 3: 36), острие с притупливающей ретушью (рис. 3: 27), вкладыши с вентрально ретушированным обушком (рис. 3: 31-32),

микропластинки с вентральной ретушью (рис. 3: 34), скребок с вентральной подтеской (рис. 3: 43). Однако, здесь имеются и новые формы: концевые скребки (рис. 3: 30), орудия типа «сверла» (Рис.3:42), пластинчатый наконечник стрелы с боковой зарубкой и сеченым основанием (Рис.3:35), клиновидный нуклеус с двухсторонним клином в основании (рис. 3: 44). Они могут быть более позднего происхождения.

Анализ материала Аксу 6 по литическим сериям позволяет заключить, что его преобладающая часть, а именно кварцитовая и халцедоновая серии, а также многие образцы из других серий, принадлежат индустрии раннего неолита. Аномально высокие показатели пластинчатых вкладышей (55,5 - 68,5%), вероятно, указывают на производственно-хозяйственную специфику памятника (кратковременная охотничья стоянка). Что касается серии (кремень с патиной), то она обладает рядом особенных черт и, возможно,несколько древнее. Самый поздний кремневый материал принадлежит к среднему-позднему неолиту, подтверждением чему служит находка на памятнике крупного двухсторонне обработанного топора.

* * *

Мақалада неолит дәуірініц Ақсу 6 жаца ашылган ескерткішінец табылган кременнец жасалган археологиялық материалдарга сипаттама берілген. Материалдарга типологиялық-статистикалық талдау жасау нэтижесінде өцірдін ерте неолит уақыттында микролиттік индустриясы ацықталды. Микролиттік индустрия кварцит жэне халцедон шикі заттармен қамтамас етілген. Табылған құралдардыц ішінде орта және кейінгі неолиттік индустрия кездеседі. Мәдени қабатта табылған кремень шикі заттынац жасалған құралдар ескерткішті ерте неолит дәуіріне жатқызуға мүмкімдік

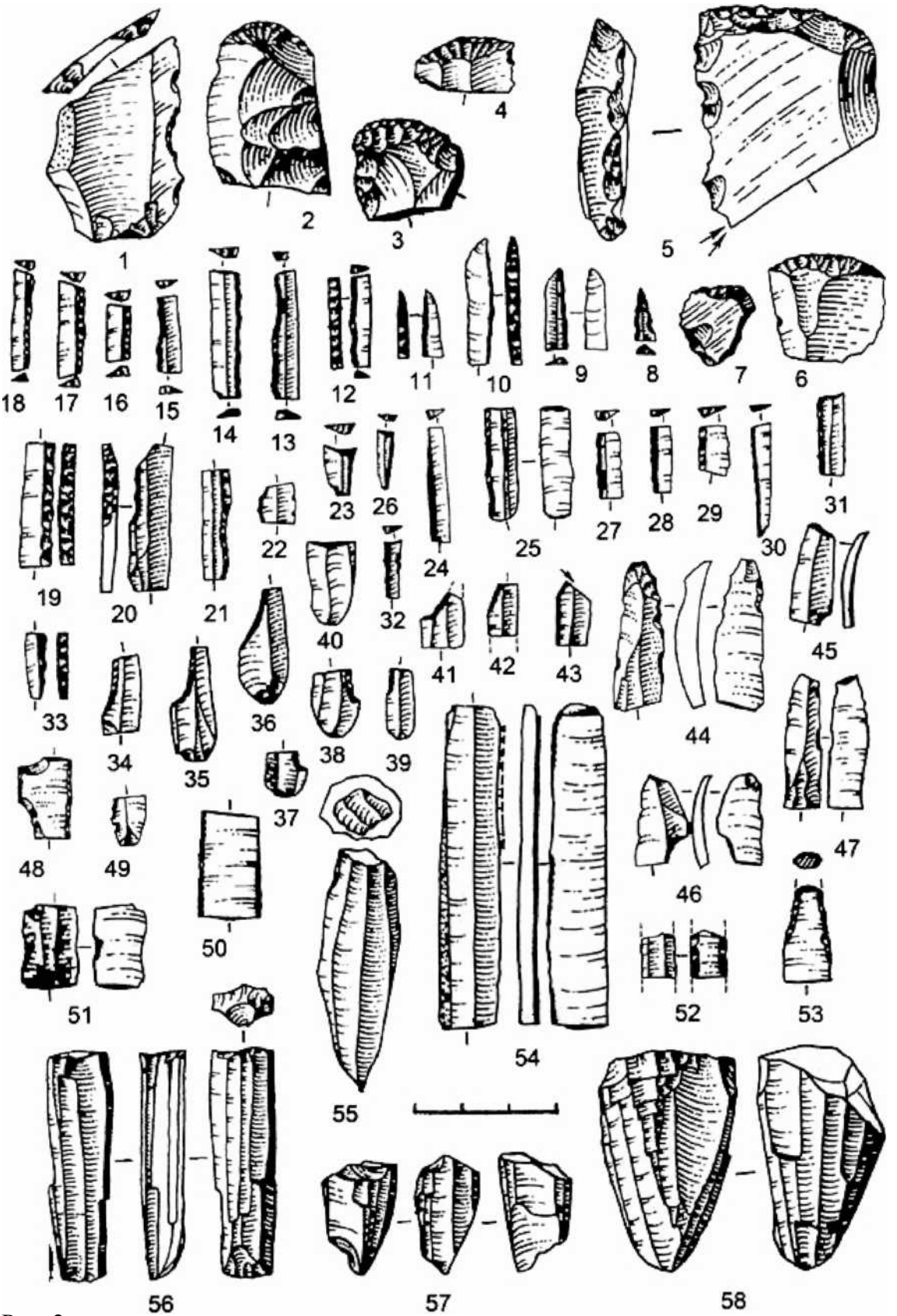

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58

Рис. 2.

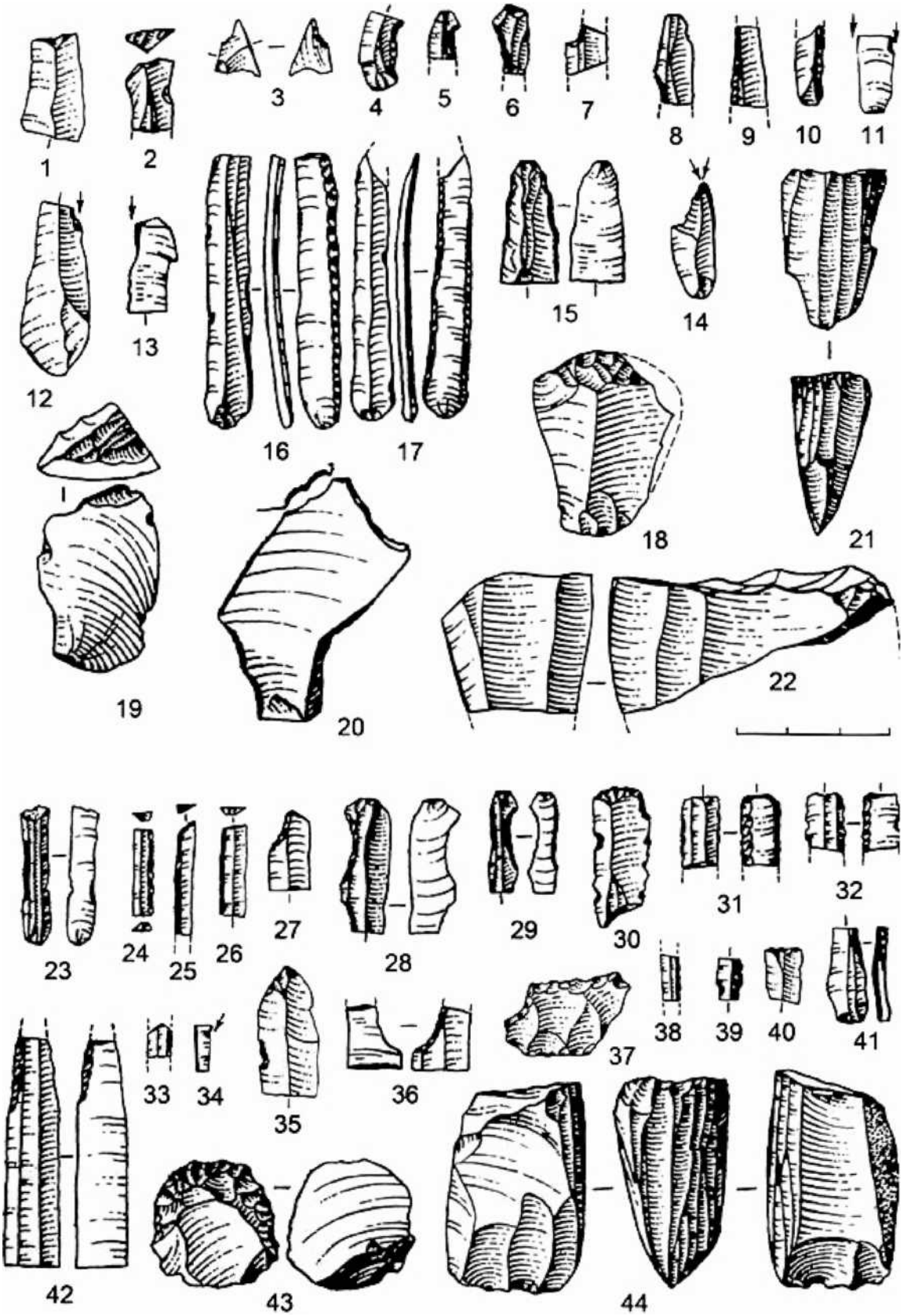


Рис. 3. 228

Горячев А. А.
Казахстан, Алматы

Археологические исследования стоянки и могильника раннего железного века в верховьях ущелья Тургень

Археологический комплекс Тургень-II находится в верховьях ущелья Тургень в 3км к юго-западу от астрономической обсерватории на относительно ровной площадке древней морены, образующей правый берег реки Кызылбулак (рис. 1). Памятник находится непосредственно на границе леса с тянь-шаньской елью и зоны альпийских лугов и состоит из нескольких разновременных памятников: двух слоев поселений эпохи бронзы, двух слоев стоянок сакского времени и могильника усуньского периода. Все слои установлены раскопом, размерами 36 х 24 м, на глубине от 0,4 до 2,5 м. Площадь комплекса, по предварительным подсчетам, составляет 7500 м2.

В 2004-2009 гг. исследования комплекса были продолжены по программе «Культурное наследие». В результате исследований был накоплен материал, который позволяет сделать предварительные выводы о функционировании памятника в раннем железном веке.

Принципиальные изменения в устройстве жилищ начинают происходить на переходном этапе от эпохи бронзы к раннему железному веку. На месте, где раньше фиксировались грунтовые полуземлянки с деревянными конструкциями стен, устраиваются наземные жилища - протоюрты и шалаши. На сегодняшний день выявлено 2 таких строения 3 стратиграфического уровня памятника.

В традициях древних жителей этого поселения существовал обычай плотно утрамбовывать полы стоянок глиной с целью защитить жилище от грунтовых вод. Полы строений были устроены поверх конструкций рухнувшей крыши более раннего жилища, которые сохранились в виде слоя плотной спрессованной глины со следами древесного угля. Оно округлой формы, диаметром около 7 м, было заглублено на 30-40 см от уровня древней поверхности. С северной стороны строения обнаружена ровная площадка темно-коричневого цвета подпрямоугольной формы, обозначенная по контуру, с одной стороны каменной выкладкой, с другой - контуром склона, размерами 3х5 м. Она могла фиксировать специально обозначенный вход в основное помещение. В 2 м к северу от входа найдено захоронение двух котят снежного барса (?).

Вещевой материал стоянок 3 стратиграфического уровня на археологическом комплексе Тургень-II (рис. 2) представлен серией инструментов из кости, глины и камня, которые демонстрируют преимущественное развитие среди домашних промыслов кожевенного ремесла. По ряду элементов, зафиксированных при расчистке данного строения, мы можем предположить, что это помещение использовалось в ритуальных целях. В частности, впервые обнаружена серия культовых предметов (керамический жертвенник с останками жертвенного животного, детали шаманского или жреческого посоха и костюма) и серия захоронений различных животных возле помещения. Эти данные позволяют считать расчищенный объект культовым. Стратиграфическая позиция комплекса позволяет предположить время его существования на переходном этапе от эпохи бронзы к раннему железному веку и в раннесакский период.

Ко второму стратиграфическому уровню относится слой стоянки позднесакского периода раннего железного века, который позволил выявить конструкции 6 жилых помещений. Для их устройства в этот период расчищались неглубокие площадки (20- 40 см) овальной и округлой формы, размерами 3х4 м или диаметрами от 4 до 6 м. Вероятно, их место было выбрано за счет существовавшего углубления котлована более раннего жилища. Пол представлял собой уплотненный суглинок светло-коричневого цвета. В центре были установлены 1-2 опорные столба. По периметру через 2 м устанавливались боковые столбы, а между ними сооружалась стенка по типу плетня. Крыша имела, вероятно, коническую форму. Возможно, данные жилые конструкции использовались периодически длительное время, в том числе, судя по керамической посуде, вплоть до 3-2 вв. до н.э.

В восточной части комплекса Тургень-II находится могильник раннего железного века Кызылбулак-IV, состоящий из группы курганов, вытянутых в неровную цепочку вдоль

правого берега ручья Кызылбулак. Как выяснилось в ходе исследований, к этому же могильнику относятся небольшие курганы, расположенные в центральной части комплекса и составляющие верхний его стратиграфический уровень. Всего исследовано 11 курганов, в которых зафиксировано 21 захоронение.

Основу могильной конструкции во всех случаях составляет округлая каменная забутовка, перекрывающая одну или две могильные ямы (рис. 4). Вокруг такой забутовки фиксируется кольцевая каменная выкладка шириной 1-2 м. Они и составляют основу курганной насыпи. По периметру насыпи обычно устанавливалась крепида из камней и валунов крупных размеров. Могилы представляли собой грунтовую яму, перекрытую деревянными плахами-горбылями и плотно забутованную вплоть до погребальной конструкции окатанными речными валунами. Погребальные камеры в виде деревянной рамы в один венец перекрывались сверху плахами-горбылями. Данная традиция характерна именно для высокогорной зоны Жетысу (Семиречья), начиная с эпохи бронзы, и отражает скорее местные особенности, обусловленные географическим ландшафтом.

Во всех случаях и в захоронениях взрослых и в захоронениях детей, умершие были похоронены в вытянутом положении на спине, головой в западном направлении. Вещевой инвентарь либо полностью отсутствует (в таком случае в изголовье обычно фиксируются фрагменты костей мелкого рогатого скота), либо у головы погребенного устанавливалась миска, а у западной стенки кувшинообразный сосуд (у детей раннего возраста устанавливалась кружка или чашка). В захоронениях детей также встречаются многочисленные подвески, серьги и бусы (рис. 5).

К традициям поминальной обрядовой практики следует отнести устройство жертвенников, обычно с западной стороны от кургана, овальной или округлой формы. Внутри жертвенника закладывались либо керамический сосуд, либо голова мелкого рогатого скота. Следы поминальной тризны фиксируются также в виде стремян, металлических бляшек, наконечников стрел, разбитой керамической посуды и фрагментов костей мелкого рогатого скота, обнаруживаемых внутри кольцевой каменной выкладки. Это также дает основание предположить, что ее сооружение происходило постепенно в течение ряда лет.

Подобные традиции погребальной практики характерны для отдельных захоронений усуньского периода в долине реки Или. В них также присутствуют основные элементы обряда в виде кольцевых каменных выкладок, опоясывающих овальную или округлую каменную забутовку, которая полностью заполняет могильную яму вплоть до погребальной камеры. Аналоги отдельным деталям погребального обряда фиксируются в захоронениях раннего железного века долины реки Коксу, в материалах Талгарского могильника и на северных склонах Киргизского Алатау. Все перечисленные памятники датируются в пределах III -1 вв. до н.э., а ряд захоронений соотносится исследователями с материалами середины I тыс. до н.э.

На основе полученных материалов выясняется, что данная площадка использовалась под древние поселения и стойбища на протяжении почти 1200 лет. Выявлена преемственность культурно-бытовых традиций на разных этапах функционирова

ния памятника. В дальнейшем территория памятника использовалась под кладбище усуньского времени, вплоть до начала нашей эры. Таким образом, археологический комплекс Тургень-II позволяет проследить эволюцию древних культур на территории горной зоны Заилийского Алатау на протяжении почти 1,5 тысяч лет - с середины II тысячелетия до н.э. и до рубежа нашей и до нашей эр.

* * *

Мақалада 2004-2009 жж. Турген шатқалында жүргізілген археологиялық зерттеулер қортындысы берілген. Зерттелген археологиялық ескерткіштер орманды және жазық дала түйіскен жерде орналасқан. Шатқалда әр дәуірдің ескеркіштері кездеседі. Екі қабаттан тұратын қола дәуірінің қоңысы, сақ уақыттының қоңысы және усунь кезеңіндегі жерлеу қорымдары бар. Турген II археологиялық кешені Іле Алатауы аймағы 1,5 мың жылдық мәдениеттердің эволюциясы жайлы көрніс береді.

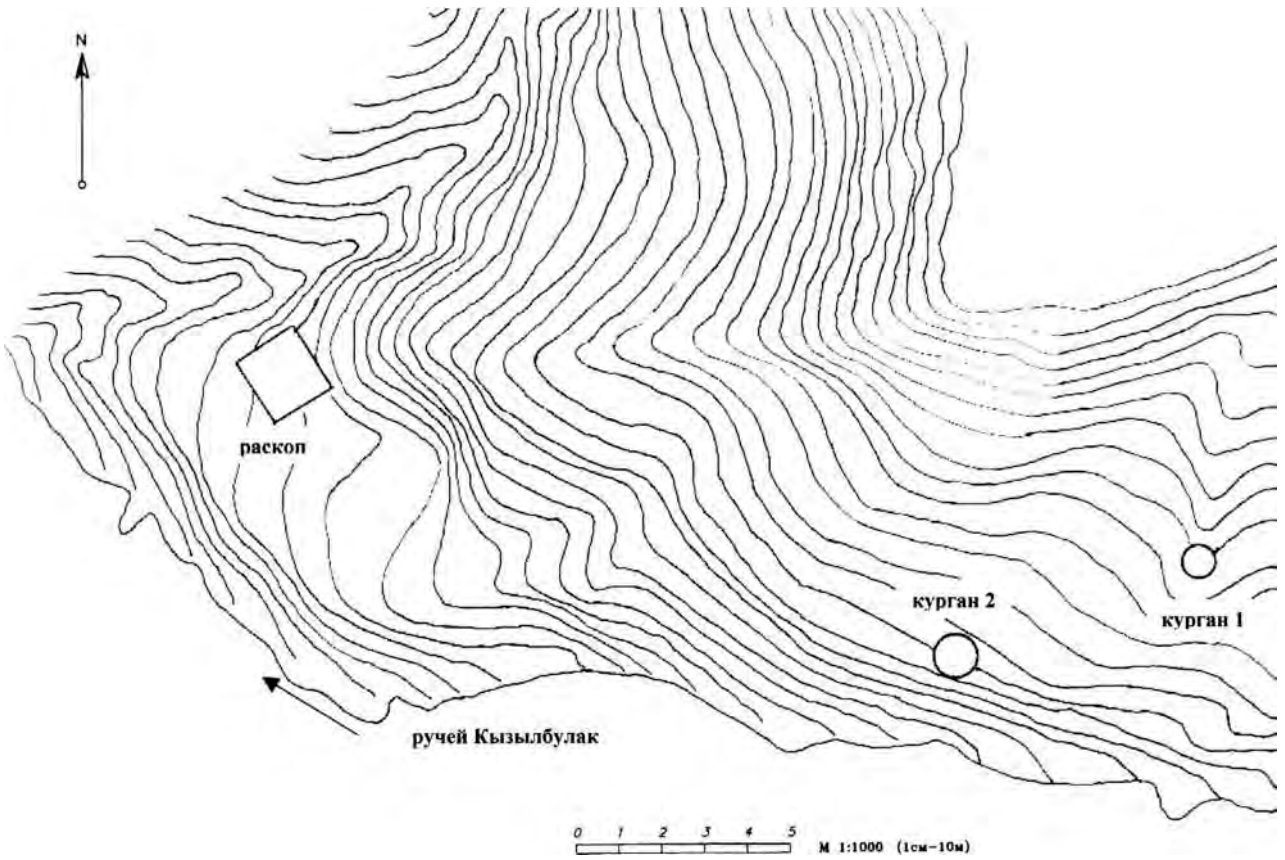


Рис. 1. Топографический план археологического комплекса Тургень-II

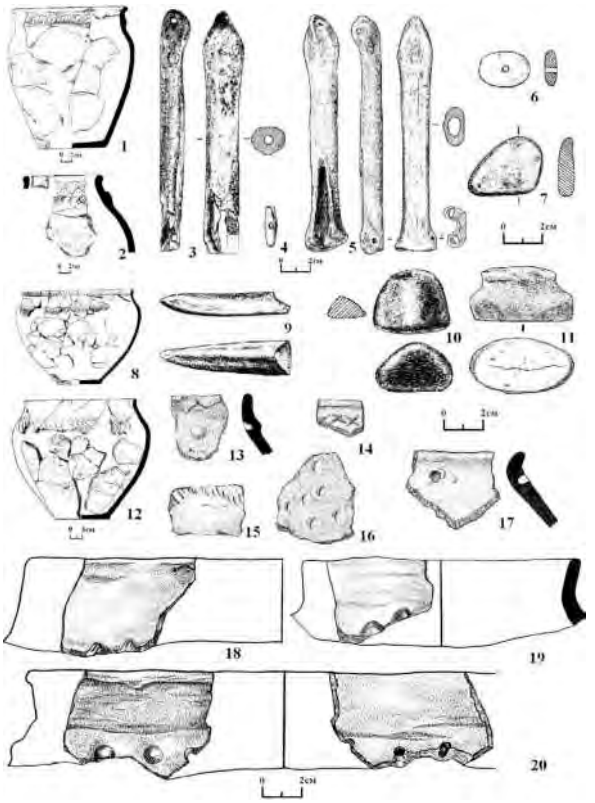


Рис. 2. Вещевой инвентарь из слоя стоянок финальной бронзы и раннесакского времени (3 стратиграфический уровень) на археологическом комплексе Тургень-II: 1, ***2,*** 8,11-20 - керамика; 3-5 - кость; 6, 7, 9,10 - камень

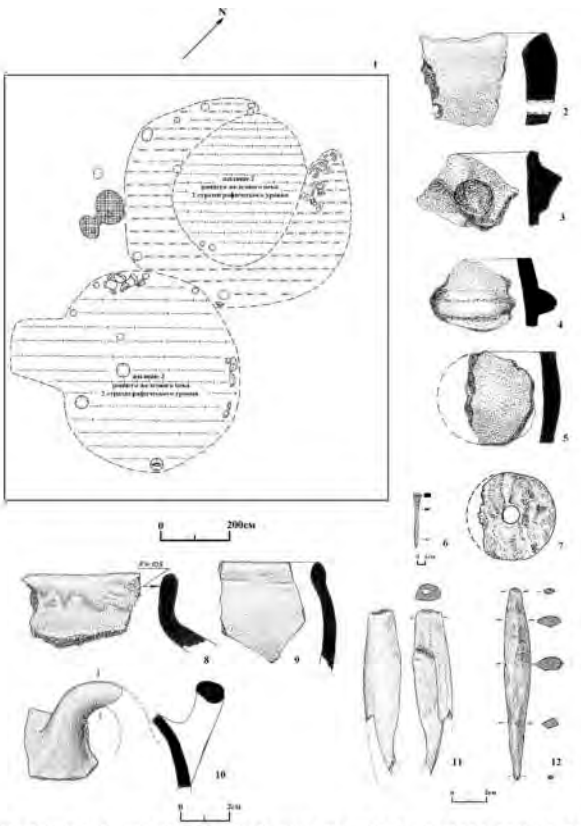


Рис. 3. Жилища и инвентарь позднесакского времени на археологическом комплексе Тургень-II: 1 - план; 2-5, 8-10 - керамика; 6 - железо; 7 - камень; 11Д2 - кость

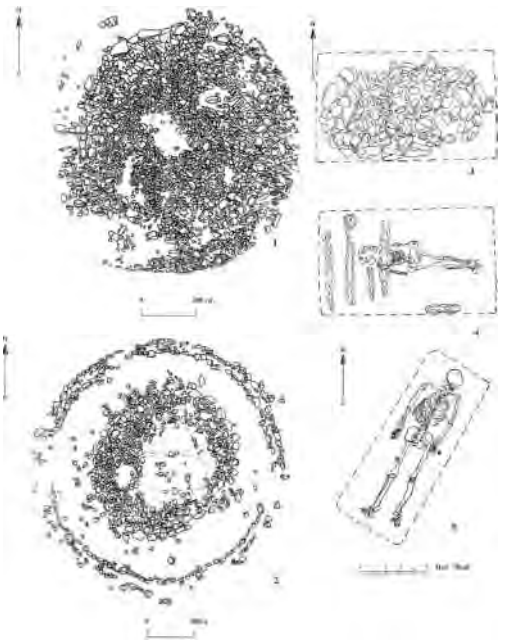


Рис. 4. Планы курганов и погребений могильника раннего железного века на археологическом комплексе Тургень -II: 1,2 - устройство каменных курганных насыпей; 3 - заполнение могильной ямы кургана; 4,5 - планы погребений

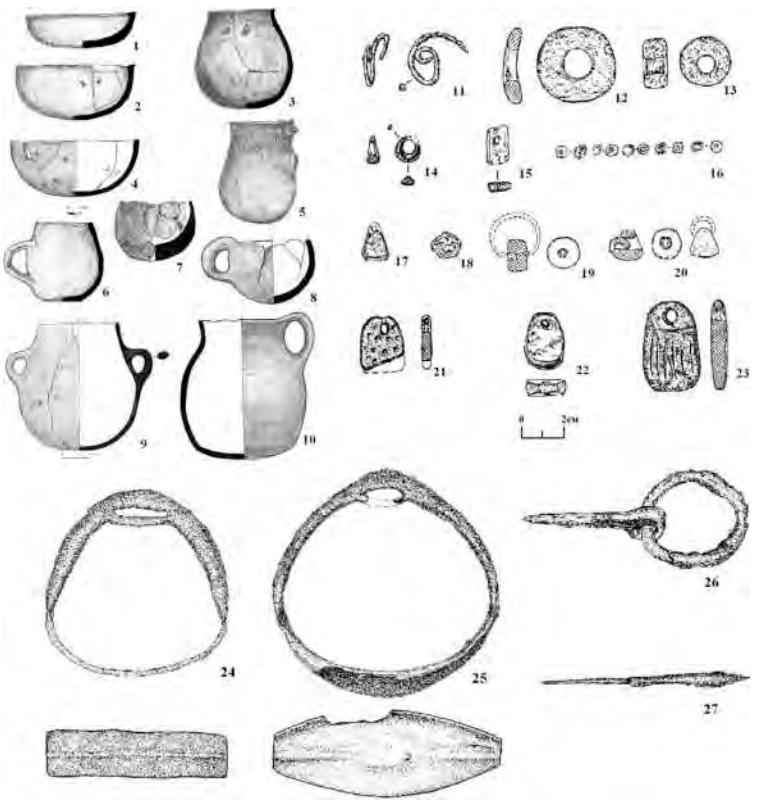


Рис. 5. Вещевой материал из погребений могильника раннего железного века археологического комплекса Тургень-II: 1-10 - керамика; 11 - бронза; 12,13 - кость; 14-17, 21-23 - камень; 18, 24-27 - железо; 19-20 - железо и камень

Горячев А.А., Мотов Ю.А.

Казахстан, Алматы Археологические исследования комплекса Бутакты-I на территории города Алматы в 2010 году

Археологический комплекс Бутакты-I расположен на юго-восточной окраине г. Алматы, в 500 м к юго-востоку от 9 км трассы в урочище Медео. Территория памятника представляла собой ровную террасу правого берега реки Жарбулак (Казачка), протяженностью 1,5-2 км и шириной до 1 км, упирающуюся в отроги северного склона хребта Заилийского Алатау. Сохранилась лишь его западная часть в виде уплощенного холма, доминирующего над близлежащей местностью, отсеченного крутым и глубоким оврагом. На этой площадке длиной 200 м и шириной до 50 м были зафиксированы остатки погребальных сооружений и фрагменты поселенческой керамики (рис. 1).

Памятник был обнаружен в 1996 году и находился в аварийном состоянии в результате хозяйственно-строительной деятельности. Поэтому в сезонах 1997 - 2008 годов сотрудниками Института археологии МОН РК были произведены аварийно- спасательные археологические изыскания с целью определения времени функционирования комплекса. В результате исследований расчищено одно жилище эпохи бронзы и стоянка раннего железного века над ним, выявлено и обследовано 30 погребений раннего железного века и средневековья.

Раскопками полевого сезона 2010 года охвачены участки поверхности к югу от основного раскопа, где зафиксированы остатки стоянки раннего железного века и серия захоронений раннего железного века и средневековья. В 2010 году исследования на территории памятника Бутакты-1 проводились на площади в 15 квадратов, размерами 4 Х 4м. Общая площадь раскопок составила 240 м2.

Стоянка раннего железного века.

В полевом сезоне 2010 года были расчищены конструкции жилища 4 турлучного типа в южной части памятника. Жилище и хозяйственные постройки стоянки раннего железного века определяются по остаткам хозяйственных ям под каркасно-столбовые конструкции и также концентрации фрагментов керамики и костей животных.

Жилище 4 обнаружено в западной части раскопа. Восточная часть конструкции разрушена более поздним средневековым погребением 35. Жилище представляло собой заглубленную наземную стоянку юртообразной формы. Для ее устройства подготовлена площадка округлой формы, диаметром около 7 м и глубиной 20 см. По окружности устанавливались опорные столбы, диаметром от 10 до 20 см, которые вкапывались на глубину 20-30 см. В центре жилища устанавливались две центральные опорные столбовые конструкции, которые делили пространство жилища на две половины. Затем площадка заливалась раствором жидкой просеянной глины с песком и органическими добавками (возможно кизяка или соломы).

Конструкции стен и крыши не определяются, хотя по материалам раскопок можно предположить, что их основу составляли каркасы из жердей и прутьев. Стены тщательно штукатурились глиняным раствором. Крыша, вероятно, имела конусовидную форму и накрывалась кошмой или шкурами животных. Вход в помещение обозначен с западной стороны прерыванием ямок под столбовые конструкции жилища. Следов очага внутри жилища не найдено, что дает основание соотнести его с юртообразными сооружениями.

Перед входом в жилище с западной стороны отмечена округлая выровненная площадка, диаметром 4м, предположительно, под наземную жилую конструкцию типа юрты. По всей территории хозяйственного двора стоянки зафиксированы крупные фрагменты битой керамической посуды и фрагменты костей животных.

Костяные орудия труда в материалах этого полевого сезона представлены астрагалами, проколками, скребками и инструментами для лощения. Среди многочисленных каменных изделий в верхних слоях раскопа встречаются фрагменты каменных зернотерок и их курантов, пестообразные изделия, каменные лощила, терочники, крышки и изделия яйцевидной формы. Наиболее значительной находкой следует считать находки каменных мотыг различных типов в хозяйственном дворе жилища 4. Всего определимых орудий труда

и предметов хозяйственного назначения около 50 (рис. 2).

Также было обнаружено свыше 1500 фрагментов керамики. Среди них встречаются фрагменты кувшинов, котловидных сосудов с налепными ручками, крупных хумоо- бразных и горшковидных сосудов, а также кружек и мисок различных размеров. Ряд фрагментов орнаментирован пальцевыми защипами по венчику и налепным прямоугольным валиком по шейке.

Наиболее близкие аналогии керамике стоянки среди семиреченских материалов обнаруживаются в материалах стоянки сакского времени на археологическом комплексе Тургень-II. Близость керамических комплексов материалам памятников сако- усуньского времени долины реки Или и горной зоны Заилийского Алатау позволяет соотнести с кругом памятников позднесакского периода и датируется в пределах IV
- III вв. до н.э.

Погребальные памятники.

Всего было выявлено и исследовано 9 разновременных погребений (с цифровыми индексами от 29 до 37), располагающихся двумя относительно компактными группами в южной части комплекса (рис. 3). На площади раскопа выявлено, расчищено и зафиксировано большое количество ямок, значительная часть их находится рядом с могильными сооружениями: вокруг отдельных могил прослеживаются ряды ямок, следующих контуру могилы, в ряде случаев столбовые ямки «связывают» соседние могилы. Большинство погребальных камер в виде грунтовых ям имеют определенное разнообразие в зависимости от того, кто был похоронен в каждой из могил. Так все детские захоронения производились в грунтовых ямах с прямыми стенками (3). Захоронения взрослых встречаются в грунтовых ямах с подбоем (4) или в катакомбе (2). В некоторых случаях подбой отделен от дромоса деревянным перекрытием из тянь- шаньской ели.

Погребения в основном были ориентированы по оси северо-запад - юго-восток, кроме погребения 37, ориентированного по направлению юго-запад - северо-восток. Тем интересней тот факт, что группа захоронений, расположенных с западной стороны холма (29-31) имеют признаки мусульманской погребальной традиции. Погребенные с восточной стороны холма (32-36) принадлежали группе населения, придерживающихся прежних языческих религиозных представлений. Это выражено в отдельных деталях погребальных традиций (заклад жертвенной пищи, подзахоронение в дромо- се коня и т.д.) и вещевом материале, найденном при останках умерших. В погребении 35 найдено парное захоронение, предположительно мужчины и женщины. В дромосе погребения 36 обнаружено захоронение коня.

Среди вещевого материала, обнаруженного в раскопанных погребениях этого полевого сезона, встречаются металлические пластины, ножики, пряжки, застежки, каменные бусы глазчатого типа (рис. 4) и бронзовые серьги с подвесками (одна из них выполнена из нефрита). Погребения 29-36, исследованные в этом сезоне, могут быть определены с опорой на находки вещевого материала и характер погребальный кон

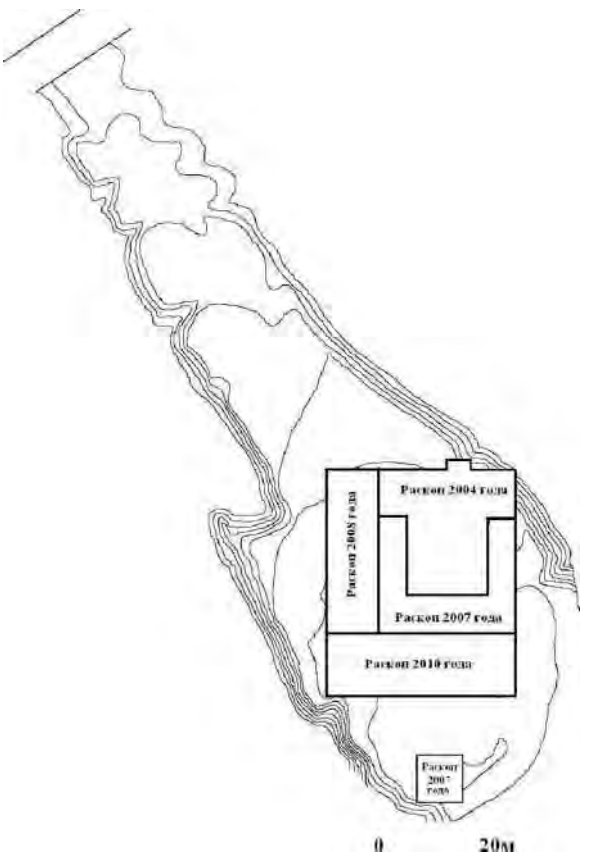
струкций, как раннесредневековые, и отнесены к XI - XII вв.

Среди исследованных могил выделяется захоронение в погребении 37. Оно представляет собой погребальную камеру в виде грунтовой ямы с подбоем, ориентированную по оси юго-запад - северо-восток. В подбое обнаружены остатки жертвенной пищи в виде костей мелкого рогатого скота. Умерший был уложен в подбое в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад, руки вытянуты вдоль туловища. Среди костей погребенного найдены следующие предметы: железный ножик, крючок- застежка от колчана и фрагменты металлической пряжки. Положение погребенного и вещевой материал позволяют отнести данное захоронение к поздним этапам раннего железного века.

Таким образом, обследованные ранее поселение эпохи бронзы и зафиксированные в этом сезоне стоянка позднесакского времени и захоронения раннего железного века и средневековья дают возможность проследить развитие древних культур на северных склонах Заилийского Алатау на протяжении 2,5-3 тысяч лет. Это делает продолжение его изучения, учитывая угрозу его возможного быстрого разрушения и гибели как археологического памятника, особенно актуальным.

* * *

Мақала 2010 жылы Бүркітті I археологиялық кешенінде жүргізілген зерттеулер жұмыстарына арналған. Ескерткіш Алматы қ. оңтүстік-шығыс аймағында, Ме- dev шатқалынан 500 м жерде орналаскан. Казба жұмыстары етре темір дәуірінің



I I I

Рис. 1 план комплекса Бутакты-1

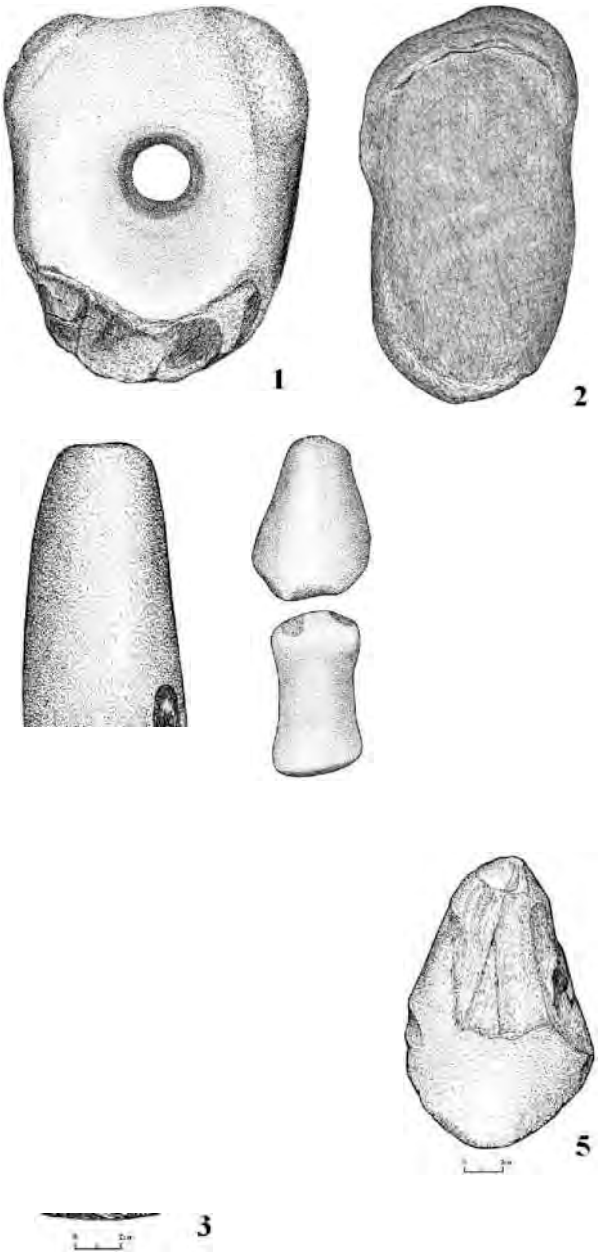


Рис. 2. Каменные орудия труда из слоя стоянки раннего железного века комплекса Бутакты-1

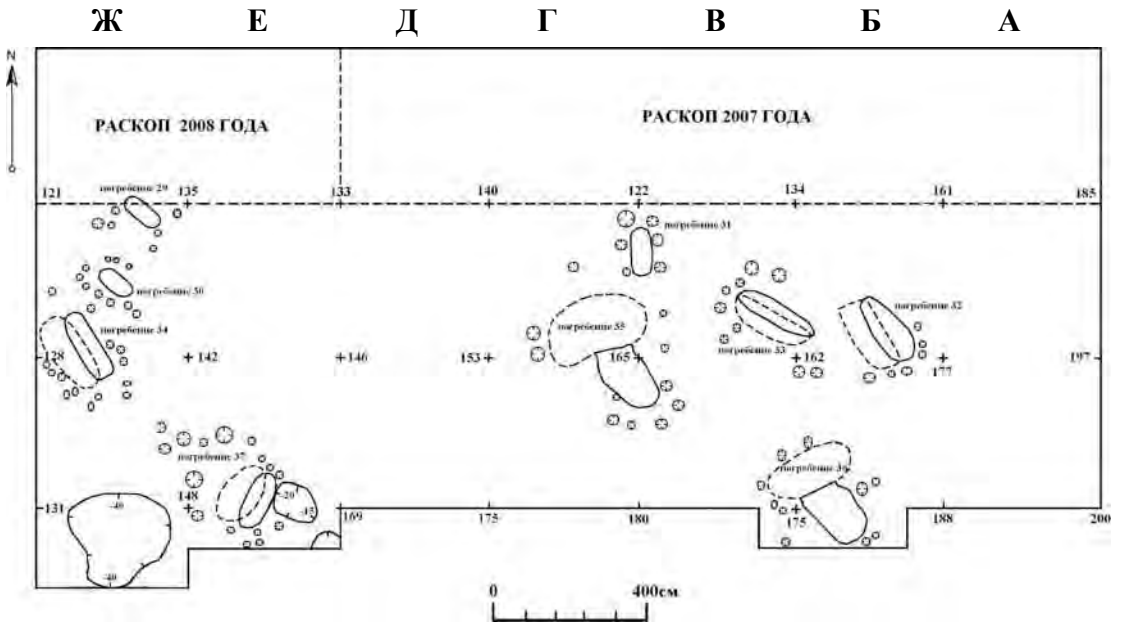


Рис. 3 План раскопа 2010 года археологического комплекса Бутакты-1

О **5см**

Рис. 4. Подвески и бусы из погребения 32 комплекса Бутакты-1

Досымбаева А., Нускабай А., Бондарев М.

Казахстан, Астана Тюркский культурный комплекс Кумай.
Вопросы изучения и сохранения наследия в ландшафте казахской степи

Памятники культурного комплекса Кумай открыты в результате разведочных исследований, проведенных в 2009 году, на территории Ерейментауского района Акмолинской области. Памятники занимают территорию на площади террасы левого берега реки Кумай, в радиусе от 3-х до 7 км, в восточной и северо-восточной части урочища Соколиные горы. Согласно территориально-административному районированию земель, памятники находятся в пределах округа аула Торгай, в 5-7 км к югу от одноименного села, в непосредственной близости от аула Карагайлы (бывш. Ста- ханово), на левом берегу реки Кумай и занимают пространство в радиусе 1,5 - 6 км. Комплекс состоит из нескольких групп разновременных памятников, компактно расположенных в восточной и юго-восточной части подножий гор Акшокы и Жыланды.

Упоминания о памятниках, расположенных в долине реки Селеты, в районе урочища Торгай есть в труде А.Х. Маргулана, посвященном тюркским каменным изваяниям [1, с. 41, рис. 120.1-3]. В работе академика отсутствовали фотографии, а графические рисунки изваяний, стоящих у оград не были похожи на статую, которую мы увидели в степи. В 4 томе Казахской Советской энциклопедии опубликована информация о Ерейментауских каменных скульптурах, в количестве 3 экземпляра, установленных с восточной стороны оград, расположенных в 8 км к югу от села Торгай [2, с. 158]. Текст сопровожден рисунками и ссылками на статью академика А.Х. Маргулана. В обоих источниках написано, что пара каменных изваяний, находится в местности, именуемой казахами «Кос батыр». Похожая информация, но без рисунков, опубликована в энциклопедии «Акмола» [3, с. 207]. В последнем издании написано, что памятники находятся под охраной государства.

Комплекс работ археологической экспедиции по изучению тюркского наследия в 2009 и 2010 гг, включал работы по поиску, исследованию и полному документированию открытых памятников. Итоги разведочных исследований подведены в паспортах, содержащих объективную информацию о вновь открытых памятниках. Каждый паспорт состоит из основного документа, содержащего исчерпывающую информацию о памятнике, учетной карточки с кратким описанием информации о памятнике, графического плана и фотографии памятника. Паспорт памятника прошел регистрацию в государственных органах по сохранению и использованию культурного наследия, в акимате Ерейментауского района и Управлении по охране и использованию культурного наследия Акмолинской области, в г. Кокшетау, с последующей рекомендацией для регистрации в Департаменте Республики Казахстана в качестве памятников республиканского значения.

Наряду с культовым памятником Кос батыр, в 2009 г выявлено, документировано и зарегистрировано 4 комплекса, два из которых содержат в своем составе разновременные памятники и относятся к нескольким историческим эпохам развития культур населения Казахстана. В результате археологических работ в полевом сезоне 2010 г был открыт еще один ритуальный памятник, состоящий из двух оград, с двумя каменными изваяниями и одно позднесредневековое поселение. Рядом с одним из жилых построек на территории поселения обнаружен торс каменной статуи, с отчетливо выраженными чертами лица и головного убора. Каменное изваяние, частично поврежденное, найдено у одиночной ограды на памятнике Карагайлы 2.

Тюркский культовый комплекс Косбатыр. Координаты на местности - N - 51^{e}40, 713, E - 072 ^{2} 43, 687. Памятник расположен на террасе левого берега реки Кумай, в 2,5 км к юго-западу от русла реки, в 6 км к югу от аула Карагайлы (рисунок 1,1). Комплекс Косбатыр представляет собой ритуальное сооружение, состоящее из двух прямоугольных в плане оград, которые сооружены рядом. Ограды ориентированы с юга на север. Стенки оград

сооружены из плоских каменных плит, поставленных на ребро. Размеры ограды 1 составляют 1,25 м х 2,25 м х 2,35 м х 2,05 м (рисунок 1,2). Высота стен оград составляет от 0, 6 м до 0, 73 м. В левом верхнем углу каменной плиты, представляющей собой восточную стену оград, нанесены два знака (рисунок 1, 3). В процессе раскопок, снаружи у восточной стенки второй ограды, было найдено основание от каменного изваяния, которое было увезено. В первой ограде, внутри и снаружи, были найдены кости черепа лошади. На наружной стороне каменной плиты, восточной стенки ограды нанесены знаки, напоминающие тамги. А.Х. Маргулан писал, что «по свидетельству, инженера - геолога А. Ж. Машанова, по бокам скульптур были высечены знаки, напоминавшие орхонское письмо, но они настолько выветрились, что воспроизвести и расшифровать их не удалось». Знаки, обнаруженные нами, находились в левом верхнем углу, восточной стенки ритуальной ограды.

С внешней, восточной стороны ритуальной ограды, снаружи, по центру установлено мужское каменное изваяние (рисунок 1,4; фото 1). Изваяние, размерами 1, 8 м х 0,4 м Х 0,15 м, изготовлено из гранита красного цвета. Черты лица и фигуры переданы отчетливо. Линии бровей переходят в черты прямого по форме носа, ноздри слабо выражены. Широкие усы показаны с загнутыми вверх кончиками. Рот очерчен овальными линиями. В мочке левого уха изваяния изображена серьга, каплевидной формы. В правой, полусогнутой на уровне пояса, руке изваяния, на уровне груди изображен сосуд, в левой руке, ниже пояса показано клинковое оружие. Рукоять оружия изображена с прямым перекрестием. Персона держит оружие за рукоять, концы прямого перекрестия показаны ниже согнутой ладони. Абрис прямого, удлиненной формы клинка изображен ниже рукояти и продолжается на левой, боковой части статуи.

С южной стороны от ограды 1 находится ограда 2, являющаяся второй частью культового комплекса Косбатыр. Размеры ограды 2 равны: 2,2 м х 1,75 м х 2,05 м х 2,08 м. Высота стен ограды равна: южной - 0,55 м, северная - 0,55 м, восточная - 0,68 м, западная - 0,45 м. С восточной стороны восточной стенки ограды находилось основание от изваяния 2, но само изваяние в 2006 г было увезено в районный музей села Ереймен- тау. После проведения переговоров с дирекцией музея, заместителем акима района и Областным упралением культуры изваяние было привезено обратно и установлено с восточной стороны, снаружи ограды 2, где в процессе раскопок была найдена его нижняя часть.

Мужское изваяние, высечено из гранита светлокрасного цвета, высотой 1,9 м, шириной 0,32 м Х 0,2 м. Каменное изваяние по стилю изображения близко круглой скульптуре. Голова изваяния отчетливо отделена от туловища глубокой выемкой, подчеркивающей шею. Изображение мужчины передано в традиционном тюркском стиле (рисунок 1,5). В чертах лица статуи изображения глаз переданы в форме овальнокаплевидных, выпуклых миндалин, брови, прямой нос, с широкими ноздрями, усы, с загнутыми вверх кончиками, и линии рта отчетливо проработаны. На лбу высечена тамга, округлой формы. В правой руке, на уровне груди изображен сосуд, кубковидной формы, в левой, полусогнутой, на уровне пояса руке, изображен короткий кинжал. Рукоять кинжала изображена выше согнутой ладони. Ладонь персоны изображена на клинке оружия.

В процессе раскопок ограды 1, на глубине 0, 2 м, перед изваянием обнаружена передняя челюсть лошади. В центре ограды 2 выявлено пятно, диаметром 0, 5 м, с остатками золистых отложений, оконтуренное мелкими камнями.

Все этапы процесса изучения документированы, произведено описание, графическая и фотофиксация. После проведения археологических раскопок, памятник реконструирован и занимает свое прежнее место в пространстве степи (фото 2).

Тюркский культовый комплекс Карагайлы 1. Координаты на местности - N - 51°40, 713, Е - 072 ° 43, 687. Памятник расположен на террасе левого берега реки Кумай, в 0, 4 км к юго-западу от русла реки, в 2 км к югу от аула Карагайлы. Изваяние находилось рядом с ритуальным сооружением, каменные стенки которого были едва заметны. Одна из

стен ограды находилась в горизонтальном положении и лежала рядом с изваянием. Очертания двух других плит конструкции, установленных вертикально, частично задернованны, но отчетливо просматривались с западной и восточной сторон памятника. Каменное изваяние было установлено вертикально, рядом с оградой. Мужское каменное изваяние на памятнике Карагайлы 1 изготовлено из светло-серого гранита. Размеры сохранившейся фигуры, без основания, равны 1,55 м х 0,43 м х 0,2 м. Совместно с обнаруженным во время грабительских раскопок основанием общая высота статуи достигает 2 м. Изображение скульптуры выполнено в традиционном тюркском стиле. В технике глубокого барельефа выбиты широкие, слитные брови, глаза овально-каплевидной формы, показаны навыкате, широкие ноздри крупного, прямого по форме носа, усы, рот. Мужественный характер персоны подчеркнуто выделен в форме выпирающих скул и щек изваяния. В правой руке статуи, на уровне груди показан сосуд, в левой руке, ниже пояса изваяние держит за рукоять оружие. Оружие показано в ножнах, подвески от которого также просматриваются отчетливо.

Культовый комплекс памятников Карагайлы 2. Координаты на местности: N - 51^{e}43, 360, E - 072 ^{2} 40, 291 Памятник расположен на террасе левого берега реки Кумай, в 2 км к юго-западу от аула Карагайлы, у подножия горы Жыланды. Памятник выявлен при осмотре территории террасы, в процессе проведения разведочных исследований по поиску новых объектов культурного наследия. Комплекс памятников состоит из памятников, относящихся к нескольким эпохам исторического развития.

В состав комплекса Карагайлы 2 входят погребальные памятники эпохи бронзы и один курган более позднего времени. Памятники эпохи бронзы расположены в 60 м к северо-востоку от тюркских ритуальных оград. Погребальные сооружений эпохи бронзы представлены округлыми в плане конструкциями, которые окружены вертикально установленными каменными плитами. Всего в группе Карагайлы 2 зафиксировано 8 погребальных оград. Размеры сооружений в диаметре от 4-х м до 8 м.

Тюркский культовый памятник, в комплексе Карагайлы 2 представляет собой ритуальное сооружение, состоящее из двух смежных оград, с двумя каменными изваяниями, которые лежали в непосредственной близости от самих конструкций, снаружи. Изваяния, когда-то, установленные вертикально, при осмотре находились: изваяние 1 лежало лицом вниз у восточной стены ограды 1, а изваяние 2, находившееся у восточной стенки ограды 2, лицом вверх. Ритуальная ограда 1 вплотную примыкает к ограде 2 с северной стороны. В силу задернованности, на поверхности отчетливо прослежена восточная стенка ограды, длиной 1, 7 м, шириной до 0,2 м. Сохранилась и прослежена также одна из плит южной стены, длиной 0,6 м. Изваяние 1, находившееся с восточной ограды, высечено из гранита темно-красного цвета. Размеры изваяния равны: 1,72 м Х 0,45 м Х 0,35 м. Изваяние погрудное, изображает мужчину. Изваяние высечено на стыке двух граней каменного монолита. В технике барельефа переданы черты лица, брови, нос, рот, бородка, каплевидной формы. Уши изваяния, высеченные на боковых гранях каменной глыбы, особо выделены.

Ритуальная ограда 2 представляет собой прямоугольную в плане конструкцию, сооруженную из каменных плит, поставленных вертикально. Отчетливо прослежены все четыре стенки оград. Размеры ограды 1,52 м х 1,50 м х 1,55 м х 1,46 м. Каменное изваяние, находившееся с восточной стороны ограды, высечено из гранита светло красного цвета. Размеры изваяния равны 1,70 м х 0,4 м х 0,2м. В стиле изображения изваяния переданы только черты лица, отчетливо видны глаза и нос фигуры. Изваяние относится к типу погрудных скульптур.

В юго-восточной части от тюркских оград, в 30 м расположен курган, представляющий собой каменно-земляную насыпь, диметром 7 м, высотой 0, 4 м.

Произведена документация памятника, изваяния установлены на первоначальном месте. Составлен Паспорт памятника (до проведения археологических раскопок), с исчерпывающей информацией, содержащей данные о ритуальном комплексе Карагай- лы 2, совместно с

графическими рисунками, фотографиями, описанием и координатами на местности. Произведена регистрация памятниках в государственных органах по охране и использованию памятников в Ерейментауском районе и в г. Кокшетау.

Комплекс памятников Карагайлы 3. Координаты на местности: N - 51^{e}43, 158, E - 072 ^{2} 40, 666. Памятник расположен на террасе левого берега реки Кумай, в 3 км к юго- западу от аула Карагайлы, у подножия гор Акшокы и Жыланды. Памятник выявлен при осмотре территории террасы, в процессе проведения разведочных исследований по поиску новых объектов культурного наследия. Комплекс памятников состоит из памятников, относящихся к нескольким эпохам исторического развития.

Всего в составе комплекса выявлено 66 разновременных мемориальных сооружений. На площади, в радиусе 3 км, мемориальные сооружения сосредоточены несколькими изолированными друг от друга группами. 11 оград эпохи бронзы компактно расположены в северо-западной части комплекса, 8 оград находятся в северной части, 24 ограды сосредоточены в центре и 21 конструкция находятся в юго-восточной части памятника. Одиночный курган с усами и одна каменно-земляная насыпь расположены среди группы памятников эпохи бронзы.

Все конструкции, относящиеся к эпохе бронзы, являются однотипными погребальными сооружениями. Основой погребального сооружения является кольцевая ограда, сооруженная из каменных плит, поставленных на ребро. Размеры оград, в диаметре, приблизительно равны от 3-х до 12 м. Часть оград сильно задернована и каменные плиты, оконтуривающие их, видны частично, лишь по отдельным плитам. Часть погребальных сооружений, соредоточенных в юго-восточной части могильника, имеют невысокие насыпи, высотой до 0,5 м. Каменные плиты на таких сооружениях с насыпями видны более отчетливо и возвышаются на дневной поверхности от 0, 3 до 0, 5 м. Внутри отдельных сооружений прослеживаются плиты каменных ящиков, в которых совершены захоронения. Выявлена одна разграбленная погребальная конструкция - ограда, внутри которой остались стенки от двух каменных ящиков, сооруженных из каменных плит. Плиты перекрытия лежали рядом.

Курган с усами расположен в северной части группы сооружений эпохи бронзы, сосредоточенных в юго-восточной части комплекса. Курган представляет собой каменно-земляную насыпь диаметром 6 м, высотой 0, 5 м. К востоку от кургана, полудугами, отходят две полосы каменных гряд, именуемых «усами», общей длиной по 70 м каждая. Ширина каменных гряд равна 1 м. Расстояние между усами в восточной части равна 50 м. В начале, по центру и на окончании каменных гряд сооружены небольшие, округлые каменные выкладки, диаметром до 1, 2 м, которые с трудом прослеживаются из-за обильной растительности.

К кургану с усами с южной стороны примыкает каменно-земляная насыпь диаметром 10, высотой 0, 7 м. Среди погребальных сооружений эпохи бронзы, расположенных в центральной части комплекса, выявлены две одиночные тюркские ритуальные ограды, на одной из которых, в полевом сезоне 2010, с восточной стороны, снаружи обнаружено каменное изваяние, с поврежденной лицевой частью. Ограда с изваянием представляет собой, подквадратную в плане конструкцию, сооруженную из каменных плит, поставленных на ребро, с размерами сторон 1,2 м х 1,2 м х 1,3 м х 1,2 м (рисунок
10, фото 28).

Комплекс памятников Карагайлы 4. Координаты на местности: N - 51^{e}44, 141, E - 072^{e} 39, 870. Памятник расположен на террасе левого берега реки Кумай, в 1,5 км к северо-западу от аула Карагайлы. Комплекс памятников состоит из погребальных сооружений эпохи бронзы, соредоточенных на площади 0, 7 км с севера на юг и 0, 3 км с востока на запад. Всего выявлена и зафиксирована 61 конструкция. Погребальные сооружения представляют собой ограды, окруженные по периметру крупными каменными плитами, которые высятся над уровнем дневной поверхности, высотой до
0. 5 - 0, 8 м. Большая часть погребальных сооружений имеют насыпи, высотой от 0, 3 м до 1, 5

м. Часть конструкций разрушена в процессе распашки земель, другая часть сооружений, примыкающая к террасе реки, повреждена в результате оползней в сторону реки. В размыве, на краю террасы обнаружены остатки отдельных захоронений в виде полуразрушенных каменных ящиков.

В результате продолжения поисково-разведочных и раскопочных работ в полевом сезоне 2010 карта памятников было дополнена данными по тюркским ритуальным конструкциям с изваяниями. Число открытых каменных изваяний, входящих в культурный комплекс Кумай достигло 9. Найдено поселение, расположенное в непосредственной близости от описанных выше мемориальных и культовых конструкций.

Вновь открытые и вводимые в научный оборот памятники культурного комплекса Кумай представляют собой замечательные образцы многовекового наследия, компактно расположенного в ландшафте долины реки Кумай. Имеет особое значение, что памятники входят в буферную зону государственного национального природного парка Буйратау, созданного на территории Ерейментауского района. В перспективе, проведение комплексных работ по изучению и сохранению комплекса памятников Кумай приведет к созданию теоретической и практической модели преемственности этнической культуры в ландшафте естественной среды обитания. Результаты научно- исследовательских работ послужат основанием для воссоздания целостной картины, истории развития культуры населения казахской степи в период протяженностью в четыре тысячелетия и в последующем окажут содействие развитию инфраструктуры туризма к объектам культурного наследия, расположенного вблизи Астаны.

* * *

Мақала Ақмола обылысында жацадан ашылган түркілердіц монументальдық мүсіндері жайлы. Ерементау ауданында археологиялық барлау жүмыстарын жүргізу нәтижесінде Қосбатыр, Қарағайлы 1, Қарағайлы 2 ғұрыптық кешендері табылған. Автордыц ойынша Солтүстік Қазақстанда табылған түркілердіц ғұрыптық кешендері өте сирек кездеседі, кез келген жаца ашыл ған кешендерді ғыл ымға ецгізу орта ғасырлық Қазақстанныц археологиясын зерттеуге қосқан үлесі деп санауға болады делінген.

Список использованных источников и литературы

1. Маргулан А.Х. Каменные изваяния Улытау. Соч. Т.3.4., 2003. 50 с. + вкл. 246 с.
2. Казахская Советская Энциклопедия. Алматы. 1974. с. 158
3. Энциклопедия «Акмола». 1995. с. 207

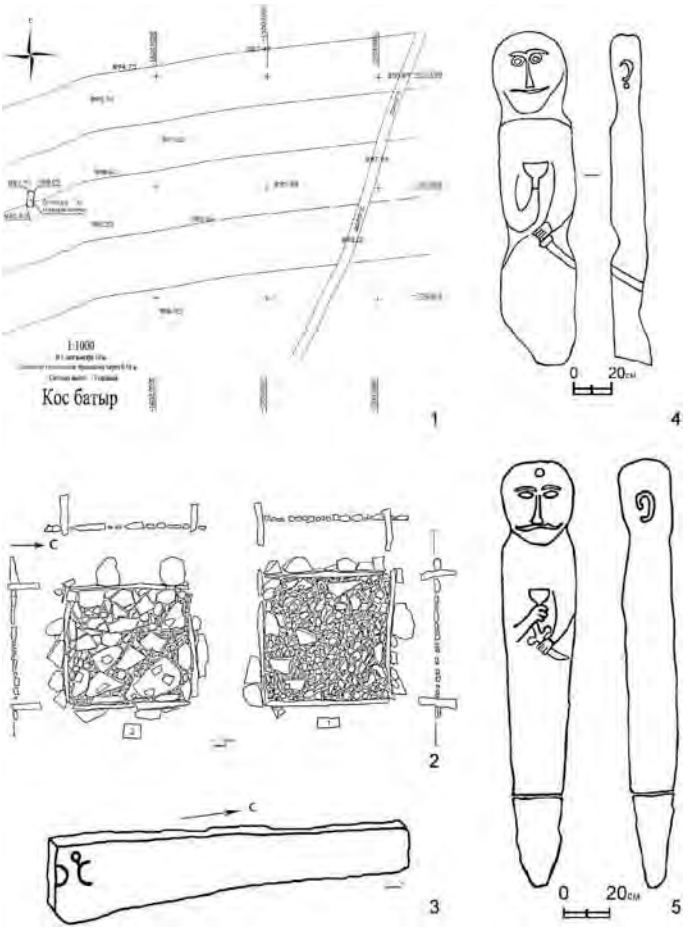


Рис. 1. Тюркский культовый комплекс Косбатыр. 1 - план памятника; 2 - план и разрез ритуальных оград; 3 - знаки на лицевой стороне восточной стенки ограды 1; 4 - изваяние 1; 5 - изваяние 2

Рис. 2. Косбатыр. 1 - фото памятника до раскопок; 2 - Вид на памятник после раскопок и реконструкции

Елеуов М.
К/азацстан, Алматы

Түран археологиялық экспедициясының 2009-2010 жылдары Қаратауда жүргізген археологиялық зерттеулері

Түран археологиялық экспедициясы «Ұлы Жібекжолының бойындағы Қаратаудың ортағасырлық қалалары мен керуен жолдары» тақырыбындағы ғылыми жоба бойынша 2009

жылы Қаратаудың солтүстік беткейінде Маймақ шатқалынан ортағасырлық Шолаққорған қаласына дейінгі аралықта, оңтүстігінде: Түркістан, Сығанақ оазистерінде және Боралдай өзенінің төменгі ағысында Боралдай тауының оңтүстік шығыс беткейінде [1], 2010 жылы Қаратаудың солтүстік беткейінде Қаратау - Жаңатас қалалары аралығындағы тауаралық жазықта, оңтүстік беткейінде - Түркістан, Шаян оазистерінде зерттеу жұмыстарын жүргізді [2]

2009 жылы Қаратаудың солтүстік беткейінде оңтүстік-шығысында Маймақ шатқалынан солтүстік-батысында ортағасырлық Шолаққорған қаласы аралығында жүргізілген археологиялық барлау кезінде Тамды өзенінің жағасындағы өзен шайып, жүргізілген шаруашылық жұмыстарының барысында бүзылып жатқан ортағасырлық Тамды қаласының тарихи-топографиялық құрылымын қайта зерттеп, оның қорғау аймағын анықтады және Шабақты өзенінің шатқалдан шыға берісіндегі ортағасырлық Шабақты елді мекенін ашып, зерттеді. Шабақты елді мекені (VIII-XII ғғ.) Жамбыл олысының Созақ ауданындағы Саудакент ауылынан 9,9 км оңтүстік- шығыста орналасқан, географиялық координаттары: С. 43^{e}39'044», Ш. 069^{e}58'785», теңіз деңгейінен биіктігі (т.д.б.) 376 м. Шығыстан батысқа қарай бағытталған елді мекеннің ұзындығы 72 м, ені 64 м, биіктігі 3,9 м, онан дән үккіш тастар, әртүрлі ыдыс сынықтары жинап алынды.

Ортағасырлық Саудакент, Құмкент, Шолаққорған қалаларында болып, олардың қазіргі экологиялық ахуалымен танысқан экспедиция Түрлан асуымен асып Қаратаудың оңтүстік беткейіндегі Хантағы шатқалындағы төрткүлде зерттеу жүргізді.

Хантағы (Кіндіктөбе) төрткүлі (VIII-XII ғғ.) Хантағы өзеннің оң жағасында, Хантағы ауылының солтүстік шетінде орналасқан, географиялық координаттары: С. 43°31'47», Ш. 067°35'59», т.д.б. 489 м. Қабырғалары әлемнің төрт жағына қарай бағытталған төрткүлдің көлемі 100х120 м, оның шығыс қабырғасы жол салу ал солтүстік-батыс бұрышы мен батыс қабырғасының бірқатар жері құрылыс жұмыстарына топырақ қазып алу кезінде бүзылған. Төрткүлді оңтүстік, батыс, солтүстік жағынан қоршап жатқан ені 10-15 м (мұнараның түсында 15-20 м), биіктігі 3-4 м жалдың оңтүстік-батыс бұрышында, қабырғасында олардан сыртқа 8-10 м шығып түрған мұнара орындары сақталған. Төрткүлді қоршаған жалды, оның сыртындағы мұнараның құрылысын, салынған уақытын анықтау үшін ескерткіштің бүзылып жатқан батыс қабырғасына шығыстан батысқа қарай бағытталған үзындығы 13 м, ені 1 м кесік салынды. Табиғи жерге дейін (2,75 м) қазылған кесіктен солтүстіктен оңтүстікке қарай бағытталған ені 2,5 м бөлме ашылды, оның шығыс (ішкі) қабырғасының қалыңдағы 2,5 м, батыс (сыртқы) қабырғасы 3,5 м. Бөлменің қабырғалары 1,25 м дейін пахса, пахса блоктарынан қаланып, үстіндегі қорабы көлемі 48х23-24х10-12 см кесекетен өрілген. Батыс қабырғаның сыртындағы мұнара 3 м сыртқа шығып түр. Бөлменің еденіндегі құландыдан құты, құмыра, көзе, қазанның сынықтары табылды.

Ал енді ашылған құрылыстардың салыну ретіне келсек, алдымен құрылыс салына- тын жер тегістеліп, оның батыс жағына (болашақта салынатын мұнараның астына) тас төсеген, сонан кейін пахса қабаты мен пахса блоктардан бөлменің қабырғалары мен батыс қабырғаның сыртындағы мұнара бір мезгілде түрғызылған.

Хантағы төрткүлінен шыққан экспедиция Қаратаудың оңтүстік беткейіндегі тау- алды, тауаралық жазықтармен солтүстік-батысқа қарай жүріп Бозбұтақ шатқалына жеткенде өзеннің оң жағасында, Бәжі асуына баратын керуен жолдын, бойында орналасқан ортағасырлық елді мекенді ашып зерттеді.

Бозбұтақ елді мекені (YIII-XII ғғ.) Оңтүстік Қазақстан облысының Түркістан ауданындағы Абай ауылынан 37 км солтүстікте тауаралық жазықта орналасқан, географиялық координаттары: С. 43^{e}44'908», Ш. 068^{e}12'936», т.д.б. 574 м. Солтүстіктен оңтүстікке қарай бағытталған төрткүлдің көлемі 60х40, оны қоршаған жалдың ені 10 м, биіктігі 1-1,5 м. Төрткүлдің ішіндегі алаңның көлемі 15х20 м. Ескерткіштің жобасы сызылып, суреті түсірілді, үстінен ыдыс сынықтары жиналды.

Бозбұтақ шатқалынан шығып солтүстік-батысқа қарай жүрген экспедиция Сығанақ оазисіндегі шатқалдан шыға берісте, тауалды жазығында орналасқан ортағасырлық Қосүйеңкі, Құмбұлақ, Ақтөбе, Асарық, Үшкілтөбе, Ордакент, Ақтөбе (сығанақтық), Мортық, Бестам,

Нәнсай, Омбай қалалары мен елді мекендерінде болып, олардың қазіргі экологиялық ахуалымен танысып, ортағасырлық Шиліөзек қалашығын ашып, зерттеді.

Шиліөзек қалашығы (X-XII ғғ.) Қызылорда облысының Шиелі ауданындағы Ы. Жақаев ауылынан 1,2 км оңтүстік-батыста, каналдың сол жағасындағы қалың қамыс оскен ескі озектің ортасындағы шағын аралда орналасқан, географиялық координаттары: С. 44°09'947», Ш. 066°40'228», т.д.б. 142 м. Оңтүстік-батыстан солтүстік-шығысқа қарай бағытталған қалашықтың ұзындығы 340 м, ені 180-200 м, биіктігі 2-2,5 м. Қалашықты қоршап жатқан ені 10-15 м, биіктігі 1-1,2 м жалдың қалдығы солтүстік- шығыс, оңтүстік-шығыс және оңтүстік-батыс қабырғалардың кейбір бөліктерінде сақталған. Қалашықтың оңтүстік-шығыс қабырғасын жиектей орналасқан әуіздің ұзындығы 140 м, ені 20-30 м, тереңдігі 1-2 м, оның батыс жағындағы кейіннен қазылған ордың ұзындығы 50 м, ені 10-12 м, тереңдігі 0,5-1 м. Ені 10-12 м, қақпаның орны солтүстік-шығыс қабырғада, шығыс бұрышқа жақын орналасқан.

Боралдай өзенінің төменгі ағысында жүргізілген зерттеу кезінде Көктөбе ауылынан оңтүстік-батыста 2 км жерде орналасқан, Боралдай өзені шайып бұзылып жатқан ортағасырлық Жартытөбе елді мекені қайта зерттеліп, суреті түсіріліді және онан 1 км солтүстікте орналасқан Көктөбе елді мекені ашылып, зерттелді.

Көктөбе елді мекені (YIII-XII ғғ.) Көктөбе ауылынан оңтүстікте 0,82 км жерде, Боралдай өзенінің екінші оң жағалық террасасында орналасқан, географиялық координаттары: С. 42°37'838», Ш. 069°24'318», т.д.б. 321 м. Елді мекен екі боліктен тұрады. Жобасында бес бұрышты болып келген шығыс бөліктің солтүстік қабырғасы-25 м, шығысы - 25 м, оңтүстік-шығысы - 40 м, оңтүстік-батысы-20м, солтүстік - батысы-35 м, биіктігі 2,6 - 3 м. Осы бөліктің оңтүстік-шыңғыс қабырғасынан қазылған шұңқырдың ұзындығы 20 м, ені 5 - 7 м, тереңдігі 1,5 - 2 м.

Шығыс бөліктің солтүстік-батыс қабырғасынан 5-7 м жерде орналасқан батыс болік жобасында төртбұрышты, оның солтүстік-шығыс қабырғасының ұзындығы 70 м, оңтүстік-шығысы - 45 м, оңтүстік-батысы - 65 м, солтүстік-батысы - 40 м, биіктігі
1,5 - 2 м. Ескерткіштің үстіндегі қазылған жерден қолдан және шарықта жасалған ыдыстардың сынықтары табылды.

Боралдай тауының оңтүстік-шығыс беткейімен Арыс өзенінің жоғарғы ағысында Қарабұлақ-Шақпақата ауылдары аралығында жүргізілген барлау кезінде осы оңірдегі ортағасырлық қалалар мен елді мекендерден шығып Боралдай тауынан асқан Қостұра, Шілікті, Бозторғай, Жыланды, Қызылбел керуен жолдарының бағыттары анықталды.

Қостұра жолы. Арыс өзенінің оң жағасындағы ортағасырлық Керейт және Мақталы қалаларынан шығып солтүстік - батысқа қарай жүрген жол Қараүңгір өзенінен өтіп қазіргі Қызыларық ауылына жеткенде Сарыбұлақ өзенінің оң жағасына өткен, онан әрі қарай өзеннің оң жағасын жағалап солтүстік - шығысқа жүрген жол Сарыбұлақ, Ақбастау, Ұзынбұлақ озендерінің суайрығына жеткенде батысқа бұрылып тау үсті жазығы арқылы өтіп, Кіші Түра тауының оңтүстік - шығыс бұрышындағы асумен таудан түсіп, Қостұра таулары аралығындағы жазықта орналасқан ортағасырлық Қарағашты (Молатөбе), Теректі елді мекендері арқылы жүріп Боралдай өзенінің оң жағасына өткен. Теректіден шыққан жол Бала Бөген өзенінің оң жағасындағы Домалақана ортағасырлық қалашығына жеткенде Сайрамнан шығып осы қалашық арқылы Шаянға өткен керуен жолына қосылған.

Шілікті жолы. Арысқа Балықты өзенінің құяр жерінен солтүстік - шығыста 1 км жерде, Балықты өзенінің сол жағасында орналасқан Төрткүлтөбеден шыққан жол солтүстікке қарай жүріп Көкбұлақ өзенінің жағасындағы ортағасырлық Үлкен және Кіші Көкбұлақ елді мекендері арқылы өтіп, өзеннің жоғарғы ағысына, оның Шіліктісу саласымен жоғары өрлеп Шілікті Ақсу асуымен асқан, онан әрі солтүстікке қарай аққан Шілікті өзенін жағалап барып Боралдай өзенінен өткен жол солтүстік
- шығысқа жүріп, Арқарлы тауының солтүстік - батысымен жүріп, Талдыбұлақ өзенінің суайрығы арқылы ортағасырлық Көлтоған елді мекеніне жеткенде оңтүстік - шығыстан солтүстік-батысқа қарай өткен керуен жолына шыққан.

Бозторғай жолы. Төрткүлтөбеден шығып солтүстік - шығысқа қарай жүрген жол Бозторғай

өзенімен өрлеп барып Бексай шыңын батыс, солтүстік - батысынан айна- лып өтіп, Көлтоғанға барғанда оңтүстік - шығыстан солтүстік - батысқа қарай өткен жолға қосылған.

Жыланды жолы. Арыс өзенінің сол жағасындағы ортағасырлық Азаттық қаласынан шыққан жол Түлкібас тауының шығыс, солтүстік-шығыс жағымен өтіп Жыланды өзеніне шыққан, әрі қарай осы өзенді өрлеп солтүстік - шығыс бағытында жүріп асу- дан асқан, Бөкей тауының шығыс етегімен өтіп ортағасырлық Қоңыртөбе қалашығына жеткенде оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай өткен керуен жолды кесіп өткен. Қоңыртөбеден солтүстікке бұрылған жол Теріс өзенін жағалап солтүстік- шығысқа қарай жүрген де оның суайрығына жеткенде Қаратаудың үстімен оңтүстік- шығыстан солтістік-батысқа қарай өткен Көсегенің Көкжоны керуен жолын кесіп өтіп, Тікасу арқылы Қаратаудан түсіп ортағасырлық Майтөбе қалашығына жеткенде тау алды жазығымен оңтүстік-шығыстан солтүстік- батысқа қарай жүрген керуен жолына қосылған.

Қызылбел жолы. Арыс өзенінің оң жағасында орналасқан Азаттық қалашығынан шыққан жол Қызылбел асуымен асып Құлан өзенін жағалап солтүстік-шығысқа жүрген, Боралдай тауынан асып ортағасырлық Құланауыз төрткүліне жеткенде тау алды жазығымен оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай жүрген керуен жолын кесіп өткен.

2010 жылы Қаратаудың солтүстік беткейінде Қаратау-Жаңатас қалалары аралығындағы тауаралық жазықта жүргізілген археологиялық барлау кезінде Көкбұлақ 1, Көкбұлақ 2 ортағасырлық елді мекендері ашылып, зерттелді.

Көкбұлақ 1 елді мекені (X-XII ғғ.) Жамбыл облысының Сарысу ауданындағы Ақтоғай ауылынан 9,6 км оңтүстік-шығыста, Қаратау - Жаңатас тас жолынан 3,2 км оңтүстікте, Көкбұлақ (Көлме) шатқалына кіреберістегі күрғақ өзектің сол жағасындағы үйлердің жанында орналасқан. Географиялық координаттары: С.43° 22' 679», Ш. 069° 58'503», т.д.б. 688 м. Оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай бағытталған елді мекеннің ұзындығы 62 м, ені 52 м, биіктігі 2,5-3 м. Елді мекеннің солтүстік, солтүстік-батыс және оңтүстік-батыс бөліктері үй, қора-жай салу кезінде және жүргізілген шаруашылық жұмыстары барысында бұзылған. Ескерткіштің өмір сүрген уақытын анықтау үшін оның солтүстік-батыс бөлігіндегі оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай қазылған ұзындығы 12 м, ені 8 м, тереңдігі 2,5 м шұңқырдың солтүстік-шығыс бұрышына кесік салынды. Ұзындығы 4 м кесік 2,75 м тереңдікте қазылып, онан екі кезеңінің құрылыстары ашылды. Жоғарғы құрылыс кезеңіндегі қалыңдығы 3 м қамал 10-15 см пахса қабаттарынан өрілген, оның сақталған биіктігі 1,75 м. Ол төменгі құрылыс кезеңіндегі қабырғалары 10-15 см пахсадан өрілген құрылыстың үстіне салынған. Жоғарғы кезеңдегі қамалдың іргесінде жатқан құландыдан ыдыс сынықтары табылды.

Көкбұлақ 2 елді мекені (X-XII ғғ.) Ақтоғай ауылынан 9,42 м оңтүстік-шығыста Көкбұлақ 1 елді мекенінен солтүстікте 110 м жерде, тауалды жазығы арқылы өткен жоғары кернеулі электр желісінің жанында орналасқан. Географиялық координат- тары: С.43° 23' 669», Ш. 069° 59'621», т.д.б. 687 м. Елді мекеннің аумағы 56 м, биіктігі 2-2,5 м. Оның оңтүстік, оңтүстік-батыс шетін жол бұзып өткен. Ескерткіштің жобасы түсіріліп, үстінен ыдыс сынықтары жиналды.

Қаратаудыңоңтүстікбеткейіндежүргізілген зерттеулер кезіндеТүркістаноазисіндегі бұзылып жатқан ортағасырлық Жүйнек, Шаян оазисіндегі төменгі боралдайлық Ақтөбе 1, Жартытөбе қалалары мен елді мекендерінің тарихи-топографиялық құрылымы қайта зерттеліп, инструменттік жобалары сызылды (суреттер 1,2,3) және Хантағы төрткүлі мен Жартытөбе елді мекенінің бұзылып жатқан бөліктерінде қазба жүргізіледі.

Хантағы төрткүлінде 2009 жылы қазылған кесіктен ашыла бастаған бөлмені толық ашу үшін 2010 жылы көлемі 12х7 м қазба салынды. 2,5 м тереңдікте жүргізілген қазба солтүстіктен оңтүстікке қарай бағытталған ұзындығы 7,5 м, ені 2,5 м, үсті қораптап жабылған бөлмені толық ашты. Бөлменің шығыс, батыс қабырғалары 1,25 м биікке дейін пахса, пахса блоктарынан қаланған. Еденнен 1,25 м биіктен басталған қорап көлемдері 48х23-24х10-12 см кесектен өрілген. Бөлменің қалыңдығы 1,5 м оңтүстік қабырғасы көлемдері 48х23-24х10-12 см кесектен қаланған. Осы қабырғаның батыс бұрышында орналасқан есіктің ені 0,7 м. Қазба кезінде бөлменің ішіндегі құландыдан, оңтүстік-шығыс бұрышта еденнің үстінде жатқан

қалыңдығы 5-10 см күлдің арасынан X-XII ғғ. кезіндегі ыдыстардың сынықтары табылды.

Жартытөбе елді мекені (төменгі боралдайлық) Төменгі Боралдай ауылынан 6,6 км оңтүстік-батыста, Боралдай озенінің сол жағалық жарқабағында орналасқан, географиялық координаттары: С. 42°41'808», Ш. 069°31'685», т.д.б. 356 м. Елді мекенді 2007 жылы Түран археологиялық экспедициясы (М. Елеуов) ашып, зерттеген [3, 75- б.] 2010 жылы экспедиция елді мекеннің инструменттік жобасын түсіріп, бүзылып жатқан бөлігінде қазба жүргізді. Жарқабақта орналасқан елді мекеннің батыс бөлігін өзен шайып кеткен, сақталған шығыс болігінің солтүстіктен оңтүстікке қарай үзындығы 90 м, ені шығыстан батысқа қарай 45 м, биіктігі 4 м. Оның бүзылған бөлігін жиектей жүргізілген үзындығы 14 м, ені 5-6 м, тереңдігі 0,6-1,5 м қазбадан 5 бөлме ашыла бастады. Бөлмелердің рет саны ашылуына қарай белгіленді. Қазбаның оңтүстік болігінен ашылған колемі 4,5х3,5 м 1-бөлменің 0,2-0,6 м биіктікте сақталған қалыңдығы
0, 6-1,5 м. қабырғалары кесектен (36х18х8,18-19х19х9-10 см) қаланған. Оңтүстік-шығыс қабырғаның жиегіндегі шүңқырдың аумағы 0,5 м, тереңдігі 0,4 м. Солтүстік-батыс қабырғаның жиегіндегі сүпаның ені 0,5-0,6 м, биіктігі 0,4 м. Сүпаның оңтүстік шетінде орналасқан тандырдың аумағы 0,35 м. Ені 0,8 м есік бөлменің батыс бүрышында орналасқан.

1-болмемен оңтүстік-шығыс қабырғасы ортақ 2-бөлменің оңтүстік-батыс қабырғасын өзен шайып кеткен, бөлменің сақталған бөлігіндегі ені 1,75-2,5 м. Ені 0,95 м есік солтүстік-батыс қабырғада орналасқан.

Оңтүстік-батыс қабырғасы 1-болмемен солтүстік-батыс қабырғасы 2-болмемен ортақ 3-бөл менің колемі 2х1,6-2,5 м. Бөл менің оңтүстік-батыс қабырғасының жиегіндегі сүпаның ені 0,4 м, биіктігі 0,4 м, онда орналасқан тандырдың аумағы 0,4 м, 3-болмемен қалыңдығы 1,15 м оңтүстік қабырғасы ортақ 4-бөлмеменің бір бүрышы ғана ашылды. Ені 1 м ашылған үзындығы 3,5 м 5-бөлменің солтүстік-батыс қабырғасы 1-болмемен ортақ, оның қабырғалары 0,15-0,2 м биіктікте сақталған.

Қазба кезінде бөлмелерден күмның, құмыраның, қазанның, күтының, саптыаяқтың, дөңес қақпақтардың, бояулы-сырлы шырағданның сынықтары, қатты тотыққан теміз зат табылды.

Жартытөбеден табылған тік не сәл сыртқа қайырылған ернеуінің үсті әртүрлі үлгідегі жапсырма түрінде болып келген қазандар ортағасырлық Бабата [4, с. 199, рис. 60], Тамды [5, 23, 30-6.], Түймекент [6, 41, 59-6.] қалаларының X-XII ғасырлар кезіндегі мәдени қабатынан табылған.

* * *

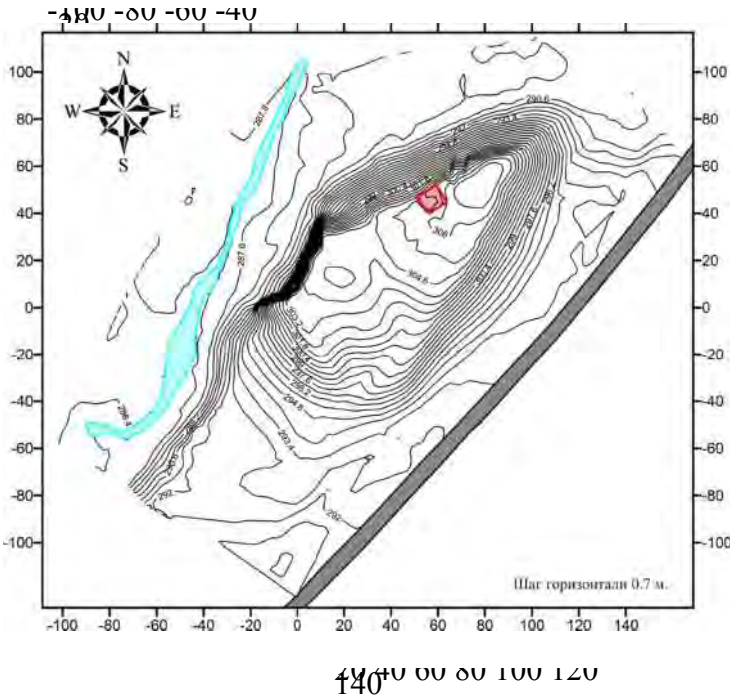
В статье приведены результаты археологических работ 2009-2010 гг. Туранской археологической экспедиции. Была проведена археологическая разведка и осмотр состояния некоторых памятников Великого Шелкового пути. В ходе работ обнаружено средневековое городище Тамды, находящееся в аварийном состоянии. На памятниках сняты подробные топографические планы, сделаны описания. Реконструированы маршруты караванных путей и отмечены средневековые памятники, расположенные на этих караванных тропах.

Қолданылған деректер мен эдебиет тізімі

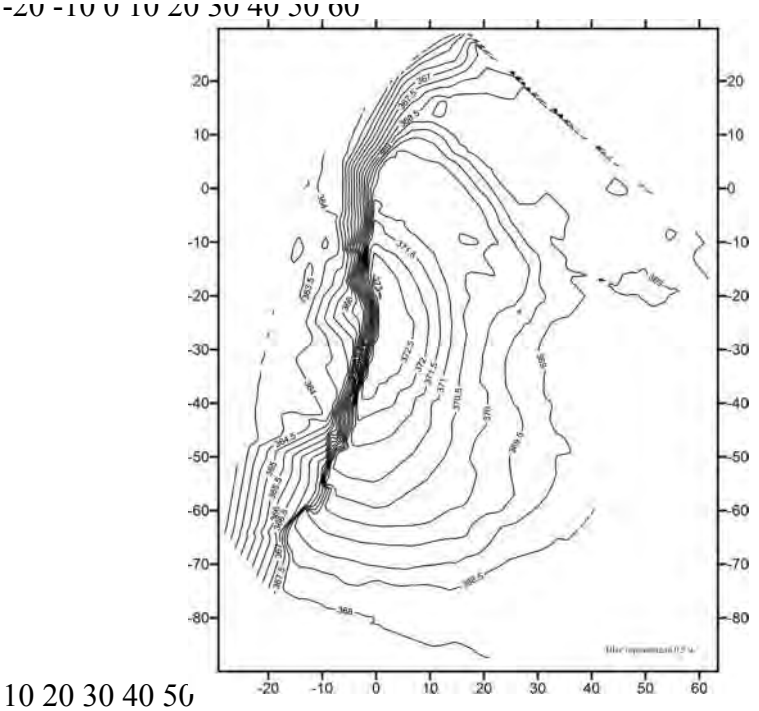
1. Ұлы Жібек жолыңц бойындағы Қаратаудың ортағасырлық қалалары мен керуен жолдары / Ғылыми зерттеу жүмысының (аралық) есебі. Алматы. 2009. 40 б.
2. Ұлы Жібек жолыңц бойындағы Қаратаудың ортағасырлық қалалары мен керуен жолдары / Ғылыми зерттеу жүмысының (аралық) есебі. Алматы. 2010. 66 б.
3. Қаратаудың археологиялық ескерткіштері / Ғылыми зерттеу жүмысының (аралық) есебі. Түркістан. 2007. 179 б.
4. Агеева Е.И. Общий обзор находок // Труды Института Истории, археологии и этнографии имени Ч.Ч. Валиханова. Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма - Ата: Изд. АН КазССР. 1962. Т. 14. С. 188-219
5. Ортағасырлық Тамды қаласы / Ғылыми зерттеу жүмысы туралы аралық есеп. Алматы. 2009. 45 б.

6. ОртағасырлықТүмкент,Тамды,Тастүмсыққалалары/Ғылыми зерттеужұмысының (аралық) есебі. Алматы. 2010. 80 б.

Сур. 1. Ортағасырлық Жүйнек. Батыстан көрінісі



Сур. 2. Ортағасырлық Жүйнек. 2010 жылы түсірілген жоба



Сур. 3. Ортағасырлық Жартытөбе. 2010 жылы түсірілген жоба

Ержигитова А.А.
Казахстан, Шымкент

Могильник Борижары

Наиболее крупным некрополем в Южном Казахстане является Борижарский могильник. Его исследование, можно сказать, началось еще работами Остроумова Н.П. в 1893 году. Следующий этап изучения Борижарского могильника связан с работами ЮКАЭ (под рук. А.Н.Бернштама) в конце 40-х - нач.50-х годов прошлого века. В 1949г. сотрудниками экспедиции были раскопаны 2 кургана на верхней террасе. Под ними не было обнаружено следов погребений, и они были определены как «кенотафы». Через три года, в 1951г. экспедиция вновь возвращается к исследованию курганов этого могильника, но теперь исследуются курганы, как на вершине террасы, так и на склоне, обращенном к городищу Жуантобе. Т.е. как мы теперь бы сказали, параллельно исследовались курганы «Борижарского могильника» и «некрополя Жуантобе». И вновь на «могильнике Борижары» под насыпями курганов погребений не обнаружено (здесь всего исследовано 6 курганов), а вот на «некрополе Жуантобе» сразу же стали встречаться погребения (обломки керамики и прочие находки, кости скелетов). Всего в 1951г. было расчищено 9 «курганов». Погребальные сооружения и погребальный обряд были по итогам раскопок интерпретированы следующим образом: «Нижняя группа, к которой относятся курганы № 36,35,55,28,57,38,59,75,98, имеют следующую конструкцию могильной насыпи: на дневной поверхности делалась невысокая четырехугольная, прямоугольная или со слегка закругленным краем оградка из набивного дувала по своей форме, напоминающая современные казахские надмогильные сооружения - тамы. Внутри оградки пол застилался тонким слоем мелкой речной гальки, которую брали тут же в Арыси (в одном случае пол

был застлан боем керамики, что дает возможность сделать предположение о том, что захоронение было произведено зимой, когда Арысь была замерзшей). Ближе к одной из стенок оградки располагался костяк. Оградка эта затем засыпалась землей, и над ней возводился курган» [2].

В конце 60-х к раскопкам Борижарского могильника обратилась САЭ (под рук. Акишева К.А.). Руководить этими работами было поручено Б.Н.Нурмуханбетову. Обобщая итоги проведенных работ Б.Нурмуханбетов, выделил в этих материалах четыре основных типа погребальных сооружений:

1) подкурганные погребения на площадках на уровне древней дневной поверхно-
ное наследие», что позволяет проводить здесь исследования на систематической основе с применением более совершенных методических подходов. Ежегодно вскрываются курганы, расположенные как на склоне террасы, так и на ее поверхности. Данное сообщение посвящено итогам исследований 2010 года.

В полевой сезон нами продолжены раскопки курганов на верхнем участке террасы, расположенных в 700 - 800 м к югу от городища Жуантобе, где исследовано 5 курганов.

Курган 32 до раскопок представлял собой холм диаметром север-юг 18 м, восток- запад 15 м, высотой около 1,5 м. Насыпь уплощенная. Пятно дромоса выявлено в южной части раскопа на глубине 2,1 м от высшей точки насыпи. Дромос прямоугольной формы, ориентирован с юга на север. Длина дромоса 3,2 м, ширина в начале 1,25 м, в конце 1,4 м. При расчистке дромоса на ступенях найдена разбитая керамическая курильница (сосуд 1). Камера расположена перпендикулярно дромосу. В камере находилось парное захоронение. Погребения ориентированы головой на юго-восток.

Скелет 1 находился почти в центре камеры, уложен на спине, руки вдоль туловища, фаланги пальцев находились под тазовыми костями. Ноги слегка сходятся в коленях. У изголовья стояли два керамических сосуда: кувшин (сосуд 2) и кружка (сосуд 3). У костей правого предплечья находилась керамическая курильница (сосуд 4). В ногах между двух скелетов находилась чаша керамическая (сосуд 5).

Скелет 2 находился ближе к входу. Имел анатомический порядок. Скелет лежал на спине, руки вдоль туловища.

Курган 33 до раскопок представлял собой холм диаметром 10,5х10,0 м, высотой около 0,3 м. В западных полах кургана на глубине 1,25 м выявлено пятно ямы. К сожалению, обильные осадки, выпавшие в ходе работ, помешали выявить конструкцию погребального сооружения. Удалось лишь расчистить керамическую чашу, рядом с которой лежал железный нож длиной 16,5 см, очень плохой сохранности.

Курган 34 выбран нами как продолжение раскопанных курганов в 1949, 1951 гг. ЮКАЭ под руководством А.Н.Бернштама. Раскопанные курганы исследователями были определены как кенотафы. Работы уже раскопанных и названных кенотафами были нами выбраны в целях проверки достоверности мнения прежних исследователей. В предыдущие годы нами подобные курганы докапывались и в результате были найдены погребальные сооружения типа катакомб (раскопы 2007, 2009 гг.).

Курган до раскопок представлял собой яму диаметром 5,5х5,5м, глубиной 1,0 м. Раскопы заложены в восточном и западном секторах размером 8,0 х 4,0 м и доведены на глубину 1,5м. В результате работ в юго-западном секторе раскопа на глубине 1, 2 от современной дневной поверхности расчищено пятно дромоса. Дромос находился за пределами кургана, ориентирован с юго-запада на северо-восток. Длина дромоса 3,1 м, ширина в начале 1,0 м, в конце 1,3 м.

Камера расположена перпендикулярно дромосу, прямоугольной формы, длина 3,3 м, ширина 2,8 м. В камере находилось коллективное захоронение. Вдоль восточной стены в беспорядке раскиданы кости скелетов, среди которых 5 черепов. Почти в центре камеры один скелет находился на правом боку (скелет 1). Ноги согнуты в коленях, головой

ориентирован на юго-восток. Второй находился рядом ближе к входной части камеры (скелет 2). Скелет детский. Головой ориентирован на юго-восток, руки вдоль туловища. Третий скелет, находившийся у входной части, также детский. Ориентирован также на юго-восток.

При расчистке камеры из погребального инвентаря найдены керамические сосуды. Между скелетами 1 и 2 у изголовья стояла керамическая кружка (сосуд 1) и дно от сосуда (сосуд 2). Слева от входной части лежал фрагмент боковины сосуда (сосуд 3). Среди скопления костей был найден керамический горшочек (сосуд 4).

Курган 35. Насыпь кургана до расчистки высотой около 0,5 м, диаметр север-юг 16,5 м, запад-восток 12 м. Насыпь оплывшая. Погребальное сооружение расположено в южном секторе. Пятно дромоса проявилось на глубине 1,2 м от самой высокой точки насыпи. Оно трапециевидной формы, ориентировано с юга на север. Имеет размеры: длина 3,1 м, ширина в начале 1,15 м, в конце 1,6 м. На глубине 0,7 м от начала расчистки дромоса вдоль стрех стен имеет суфу шириной 0,35 м. За счет суфы размеры дромоса уменьшились до размеров: длина 2,5 м, ширина 0,4м. Входная часть конструкции расположена в северной стенке дромоса. Имеет размеры: длина 0,3 м, ширина 1,1 м, высота 0,8 м.

Камера расположена перпендикулярно дромосу. Длина камеры 2,1 м, ширина 1,8 м. Она прямоугольной формы, с закругленными углами. Пол камеры ниже пола дромоса на 0,25 м. В камере было расчищено коллективное захоронение: 2 скелета находились в анатомическом порядке, кости двух скелетов собраны в кучку у восточной стенки камеры. Погребенные лежали на спине, руки вдоль туловища, головой ориентированы на восток. С права у входа в камеру стоял керамический кувшин (сосуд 1). Среди скопления костей была найдена маленькая кружка (сосуд 2).

Курган 36 Насыпь кургана до расчистки высотой около 0,2 м, диаметром 15 х 12,5 м. Дромос ориентирован с юго-востока на северо-запад. Дромос прямоугольной формы. Длина дромоса 3,80 м, ширина в начале 0,5 м, в конце 1,15 м.

Камера длиной 2,4 м, шириной 1,5 м. Сохранившаяся высота стенок камеры 0,2 м.

В камере расчищено 8 человеческих скелетов. Лишь два скелета имели анатомический порядок. Первый скелет, находившийся у северо-западной стены камеры, был в анатомическом порядке, но на него были накиданы кости других скелетов. Второй скелет, находившийся ближе к входу, перевернут влево. Остальные кости были раскиданы вдоль северо-западной и северо-восточной стен камеры. 6 черепов были перемешаны и сосредоточены у северо-восточной стены. В восточном углу камеры находилось 4 керамических сосуда.

Одновременно был исследован еще один наземный склеп, расположенный на склоне террасы, обращенный к городищу Жуантобе. Визуально холм выделялся среди окружающих своими уплощенными, расплывшимися очертаниями не более полуметра высотой в юго-восточной части и нисходящей к уровню дневной поверхности в северо-восточном направлении. Диаметры холма: север-юг 17 м, восток-запад 15 м. Средняя высота до 0,5 м.

На глубине 0,3 м в западном и восточном секторах холма обнаружены фрагменты костей скелета, фрагменты керамического сосуда. Последующая зачистка на этом же уровне выявила конструкцию наземного склепа.

Склеп прямоугольной формы с ориентацией стен по линии юз-св. Общая длина склепа 5,0 м, ширина 3,4 м. Средняя толщина стен от 0,6 м до 0,85м. Входная часть в юго-западной стене. Сохранившаяся высота стен 1,1 - 1,2 м. Заполнение камеры рыхлый лес с включением кусков пахсовой глины, различаемой темными пятнами в почвенных срезах при зачистке пристенных участков и по горизонту. Пол был выстлан галькой и фрагментами керамики; вымостка лучше прослеженной вдоль западной части сооружения.

Таким образом, за период с 1997 г. на некрополе Жуантобе нами исследовано 38 курганов; во всех случаях в «курганной насыпи» выявлены конструкции наземных сырцово-

пахсовых склепов. Это обстоятельство заставляет нас признать, что и ранее на некрополе Жуантобе раскапывались погребальные сооружения в виде наземных склепов, ошибочно интерпретированные как погребальные открытые площадки, сырцовые оградки и т.п.

В это же время на могильнике Борижары вскрыто 29 курганов с подкургаными конструкциями двух типов: первый - грунтовые ямы; второй - катакомбы. Первый тип представляет собой могильную яму прямоугольной формы, расположенную под центром кургана, ориентированную с северо-востока на юго-запад, глубиной до 1,5 -1,7 м. Второй - это катакомбы Т-образного типа, с короткими или длинными дромосами.

Критическое переосмысление материалов, полученных ранее при раскопках могильника Борижары, и новые данные, полученные нами за последние годы [3,122-125; 4, с. 183-187] привели нас к выводу, что ранее описанные типы, называемые «подкур- ганные погребения на площадках на уровне древней дневной поверхности», а так же сооружения, описываемые как «погребения в глиняных оградках», по сути, являются остатками одного вида погребальных сооружений - наземных склепов [6, с.40-55].

Другим существенным выводом, вытекающим из вышеприведенного обзора, является заключение о том, что основными типами погребальных сооружений Борижар- ского некрополя являются подкурганные «катакомбы» и «наземные склепы». Причем во всем среднесырдарьинском регионе наблюдается хронологическая последовательность этих двух типов: катакомбы датируются первыми вв. до н.э. - IV в. н.э. [6, с.114], а склепы IV-VШ вв. Очевиден вывод о смене ведущих типов погребальных сооружений с присущими им погребальными обрядами. Эти два вида погребальных сооружений связаны, как нам представляется, с различными погребальными обрядами, которые являются, как известно, отражением эсхатологических идеологических воззрений. Смену форм погребальных сооружений логичнее трактовать как смену идеологических представлений, а если это происходит в достаточно краткий отрезок времени, то можно усматривать в этом распространение мощного пласта нового пришлого населения.

* * *

Мақалада 1883 жылдан қазіргі кезецге дейінгі Бөріжар зиратын зерттеу тари- хына қысқаша шолу жасаган. 2010 жылы қазылған жерлеу нысанына түсініктеме жазылган. Бөріжар зиратын бүрын зерттеген (А.Н. Бернштам, Б.Н. Нүрмуханбетов) зерттеушілердің қағидаларына сүйене отырып, жерлеу күрлысына типологиялық тексеріс жасаған.

Список использованной литературы и источников

1. Агеева Г.И., Пацевич Е.И. Работа Южно-Казахстанской археологической экспедиции в 1951 году. Архив отдела археологии ИИАЭ, инв. № 79. фонд № 11, дело 221, св. 15
2. Бернштам А.Н. Отрарский оазис в раннем средневековье (Отчет о работах Южно-Казахстанской экспедиции за 1949 г.). Отдел археологии ИИАЭ. Архив, инв. № 17, дело 165, св.12
3. Ержигитова А.А. Раскопки Борижарского могильника//«Археологические исследования в Казахстане». Труды научно-практической конференции «Маргуланов- ские чтения-14». Шымкент-Алматы. 2002. С.122-125
4. Ержигитова А.А. Исследования могильника Борижары // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие-2004». Алматы. 2005. С.183-187
5. Нурмуханбетов Б. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника//По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата. 1970. С. 108-120
6. Нурмуханбетов Б.Н. Катакомбы Борижарского могильника // Древности Казахста

на. Алма-Ата. 1975. С.107-112
7. Смагулов Е.А. К реконструкции погребального обряда Южного Казахстана ранне-средневековой эпохи// Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практической конференции Маргулановские чтения-15». Алматы. 2004. С. 40-55

Рис. 2. Керамические сосуды из катакомбы 32

Рис. 1. Общий вид катакомбы кургана 32. Вид с юга

0 20см

Рис. 3. Керамическая крышка-заслонка склепа 31

Ермоленко ***Л.Н.***[1], Курманкулов Ж.К.[2]
Россия, Кемерово[1]; Казахстан, Алматы[2]

Изваяние раннего железного века из музея Улутауского заповедника (предварительное сообщение)

В фондах музея Улутауского заповедника хранится каменное антропоморфное изваяние, привезенное из урочища Сартоган Терисакканского сельского округа (близ населенного пункта Жантел)[1]. Данное изваяние вместе с другим изваянием большего размера прежде лежало у полы насыпи кургана, визуально отнесенного сотрудниками музея к памятникам раннего железного века. Всего в урочище выявлено два кургана.

Доставленное в музей изваяние высечено из глыбы мелкозернистого камня коричневого цвета (рис. 1). Голова и основание отбиты. Размеры сохранившегося фрагмента 68 Х 29 Х 22 см. В верхней части видны следы нескольких сколов. Участок на правой стороне груди - от шеи до согнутой в локте руки - разрушен глубокими выбоинами. Незатронутое повреждениями левое плечо объемно моделировано. Детали изваяния выполнены барельефом. Кисти обеих рук прижаты ладонями к торсу: правая - к груди, левая - к животу. Барельеф правой руки прослеживается от уровня выше локтя до кисти. Сколом уничтожены большой и указательный пальцы кисти; остальные пальцы показаны расставленными. Кисть левой руки несоразмерно большая (остальная часть руки не воспроизведена), пальцы разъединены. Полоса гладкого пояса прослеживается со всех сторон фигуры. К поясу привешено оружие - кинжал и чекан. Горизонтально подвешенный кинжал, у которого выделены выступы перекрестья, изображен на передней грани слева. Кинжал висит на одном ремешке, отходящем, очевидно, от верхнего края ножен. Рукоять кинжала имеет округлое завершение. Очертания конца ножен разрушены. На правом боку изваяния высечен обращенный рукоятью вниз чекан, который прикреплен к поясу на одном ремешке. Чекан имеет вид довольно широкой полосы, заостренной с одной стороны и почти прямоугольной с другой. Острие направлено к тыльной стороне изваяния.

Положение рук сартоганского изваяния находит аналогии в иконографии скифских изваяний (Виноградовка, вторая половина VI - начало V в. до н.э.; Кожемяки, конец VI-V в. до н.э.; Мамай-гора, первая половина V в. до н.э.) [7, ил. 6-8, 20,30]. Хотя на скифских изваяниях встречается и обратная (зеркальная) позиция рук [7, ил. 39, 45, 78, 147]. Положение рук в «сарматской» скульптуре IV - II вв. до н.э. из святилищ арало-каспийского региона в общем иное. Так, в иконографии наиболее распространенного байтинского варианта правая рука обычно представлена опущенной, а левая
- согнутой в локте под прямым углом [6, с. 142-143]. Жест левой руки на некоторых «сарматских» изваяниях (Байте III, Карамунке) сходен с сартоганским [6, ил. 141-1, 144-2,151-2 и др.]. Между тем положение обеих рук на отдельных образцах скульптуры арало-каспийского региона аналогично сартоганскому (Меретсай 2) [8, с. 168] или отличается зеркальностью (Тубежик 2) [8, с. 190]. Ввиду этого ассоциацию с жестом правой руки сартоганского изваяния вызывает левая «пятерня» на груди изваяния из некрополя Куйрук (Манкыстау) и разбитого изваяния из святилища Кызылуйык (Ак- тюбинская область) [8, с. 223, 272]. Хотя куйрукское изваяние предположительно отнесено исследователями к средневековью [8, с. 272], в его иконографии, кроме трактовки руки, есть еще признак, зафиксированный на изваяниях раннего железного века. Абрис углубленной линии вокруг рта изваяния из Куйрука напоминает очертания IБлагодарим руководство и сотрудников музея Улутауского заповедника за предоставленную возможность изучить изваяние и всяческое содействие. Авторы признательны А.Д. Таирову за ценные консультации по поводу вещественных аналогий атрибутам сартоганского изваяния.
отвислых усов, концы которых достигают края лица. Такие усы показаны на лицах нескольких скифских изваяний конца VII - V вв. до н.э. [7, ил.1, 20, 21- 34, 39 и др.], а также двух изваяний южноуральской группы из кургана 4 могильника Наурзум IV, датирующегося

«в рамках конца V, и, возможно, самого начала IV в. до н.э.» [3, рис. 8-4, 6, с. 247].

Итак, положение рук, свойственное сартоганскому изваянию, не является единичным в иконографии раннекочевнической скульптуры. Задаваясь вопросом о смысле этого признака, укажем, что, по мнению Л.Н. Ермоленко, варианты позиций рук скифских и «сарматских» изваяний соответствовали ритуальным (адорационным) жестам [4, с. 50-51, 53]. Прямое или зеркальное изображение того или иного положения рук, возможно, зависело от точки зрения древнего скульптора - внутренней либо внешней [10, с. 10, примеч. 2, с. 173]. Подобное варьирование зрительной позиции было свойственно раннекочевническим резчикам, но почти не проявлялось у создателей средневековых кочевнических изваяний.

Общим атрибутом для сартоганского, многих скифских (особенно ранних) и «сарматских» изваяний является пояс. На скифских изваяниях, за редкими исключениями, изображен гладкий пояс, тогда как на «сарматских» он чаще бывает орнаментирован.

Форма кинжала сартоганского изваяния специфична. Кинжалы с подобной рукоятью в атрибутике скифских и «сарматских» изваяний не представлены. Горизонтальная же подвеска кинжала отмечена на одном скифском изваянии с Северного Кавказа (Замай-Юрт, вторая половина VI в. до н.э.) [7, ил. 81- 1416] и на нескольких «сарматских» скульптурах (Карамунке) [6, ил. 148,151 и др.].

Судя по форме рукояти, кинжал, изображенный на сартоганском изваянии, принадлежит к довольно редкой разновидности так называемых «кинжалов без навершия». По данным С.В. Махортых и С.А. Скорого, кинжалы и мечи без навершия встречаются от Карпато-Дунавья на западе до Прикамья на востоке [5, с. 74, рис. 1;
8, рис. 2- 8]. Такое оружие в основном датируется VI-V вв. до н.э. [5, с. 72-74]. Самые ранние образцы, происходящие с Кавказа (меч и кинжал), датируются концом VIII
- серединой VII в. до н.э. К числу поздних артефактов принадлежат мечи, один из которых найден в Никопольских курганах (IV—III вв. до н.э.), другой в Сырлытамской катакомбе (I в. до н.э.) [8, с. 181].

Чекан сартоганского изваяния напоминает по форме «боевой топор или клевец» изваяния из Кожемяк (конец VI - V в. до н.э.) [7, ил. 20]. Клевцы, топоры, секиры на скифских изваяниях изображены в вертикальном положении рукоятью вниз. На изваянии из Кожемяк клевец высечен ниже пояса, чеканоподобный топор на изваянии из Прохладного (первая половина VI в. до н.э.) - на поясе [7, ил. 85], «топор или клевец» на изваянии из Куцеволовки (третья четверть VI в. до н.э.) - над поясом [7, ил. 45]. В двух случаях заостренный конец оружия направлен к передней грани скульптуры, в одном (Куцеволовка) - к тыльной. На обломке изваяния из Мариуполя (середина V в. до н.э.) «секира или топор» показан подвешенным к поясу на ремешке [7, ил. 48-83]. Отметим, что клевец /секира/топор располагаются на правом боку скифских изваяний. По поводу этих атрибутов В.С. Ольховский писал: «Есть основания признать изображения топоров, секир и клевцов индикаторами изваяний ранней (VII-VI и VI-V вв. до н.э.) хронологической группы» [7, с. 71]. Изображение (узкого) чекана известно на одном «сарматском» изваянии (Карамунке). Чекан здесь тоже высечен на правом боку. Очевидно, он также висит на поясе, но рукоятью вверх [6, ил. 150-2].

Что касается предметных соответствий чекану сартоганского изваяния, то, возможно, его прототипом послужил биметаллический чекан [1, рис. 4]. Согласно А.Ю. Алексееву, «...цепочка подобных находок прослеживается с территории Приаралья - через
Поволжье, Северный Кавказ, Подонье - в Закавказье и в Анатолию», а их датировка в основном укладывается в пределы VII в. до н.э. [1, с. 50, 52].

Таким образом, сравнение сартоганского памятника со скифскими изваяниями причерноморско-кавказского и «сарматскими» изваяниями арало-каспийского регионов показало, что вводимое в научный оборот изваяние обнаруживает больше черт сходства с (ранне)скифской скульптурой и вместе с тем отличается своеобразием. В целом,

изобразительные и вещественные аналогии позволяют датировать сартоганское изваяние раннесакским временем, которому на территории Центрального Казахстана соответствует ранний период тасмолинской культуры [2, с. 214; 11, с. 182]. Публикуемое изваяние не является уникальным. Еще одно изваяние с подобным сартоганско- му положением рук (зеркальным), обнаружено нами in situ в урочище Айбас-Дарасы (Улутау) (рис. 2). Оно вкопано в центре каменного курганообразного сооружения. Характерный способ изображения руки, отмеченный в иконографии изваяний из Куй- рука (Манкыстау) и Кызылуйыка (Актюбинская область), возможно, также свидетельствует об их принадлежности к группе скульптур раннесакского времени.

* * *

МақаладаҚарағандыобылысында,Ұлытауауданындатабылғанертесақуақытындағы антропоморфтық балбал тас сипатамасы берілген. Сипатама жұмысымен ғана шек- телмей, авторлар балбал таста қажалған қару жарақтардың толық аналогиялық са- раптау жұмыстары берілген. Белбелуі, қанжары, балтасы жеке қарастырылған. Еу- разия даласындағы скиф балбал тастарымен Сарытаған балбалдарымен салыстыра отырып авторлар келесі түжырымға тоқталады: ерте скиф балбалдарымен Ұлытаудан табылған балбалдардың арасында үқсастықты да, және Ұлытаулық ерешеліктер де бар дейді.

Список использованных источников и литературы

1. Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII-IV веков до н.э. СПб.: Изд- во Гос. Эрмитажа. 2003. 416 с.
2. Бейсенов А.З. Ранний железный век // Восточная Сары-Арка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. Алматы: Эверо. 2004. С. 210-226
3. Гуцалов С.Ю., Таиров А.Д. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: ГЕОС. 2000. С. 226-251
4. Ермоленко Л.Н. Изобразительные памятники и эпическая традиция: по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии. Томск: Изд-во Томского гос. пед. универс. 2008. 288 с.
5. Махортих С.В., Скорий С.А. Мечі та кинжали скіфского часу без навершів // Археологія. 1986. Вып. 56. С. 72-78
6. Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука. 2005. 299 с.
7. Ольховский В.С., Евдокимов ГЛ. Скифские изваяния VTT-TTT вв. до н.э. М. 1994.188 с.
8. Самашев З., Кушербаев К, Аманшаев Е., Астафьев А. Сокровища Устюрта и Манкыстау. Алматы. 2007. 400 с.
9. Таиров А.Д., Боталов С.Г. Могильник Карсакбас // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара: Диалог. 1996. С. 164-175
10. Успенский Б.А. Поэтика композиции // Семиотика искусства. - М.: Школа «Языки русской культуры». 1995. С. 9-218
11. Хабдулина М.К. Тасмолинская археологическая культура: современное состояние // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. №2. С. 181-194

Рис. 1. Изваяние из урочища Сартоган (Улутау)

Рис. 2. Изваяние из урочища Айбас-Дарасы (Улутау)

Есенов С.
Қазақстан, Алматы Табиғи апаттан бүзылып жатқан ортағасырлық Түймекент қаласы

2010 жылы «Археолог» Халықаралық ғылыми-зерттеу орталығы» жауапкершілігі шектеулі серіктестігі мекемесі (директоры профессор, М.Елеуов) Республикалық «Мәдени мүра» стратегиялық бағдарламасы бойынша ортағасырлық Түймекент қаласының тарихи-топографиялық құрылымын зерттеп, әртүрлі бөліктерінде қазба жүмыстарын жүргізді.
Ортағасырлық Түймекент қаласы Жамбыл облысындағы Байзақ ауданына қарасты Түймекент (бүрынғы Шаповаловка, Буденовка) ауылының оңтүстік шетінде орналасқан.

Түймекент қаласы туралы алғашқы мәліметтер Талас өңіріндегі Ақыртас кешенімен байланысты халық аузында жүрген тарихи-мекендік аңыздарда айтылады [1, 79 б.]. Ал, ғылыми түрғыдағы зерттеулер XIX ғ. соңынан бастау алады.

Ортағасырлық Түймекент қасасын 1890 жылы белгілі шығыстанушы Е.Ф.Каль ашып, зерттеп, оның орналасқан жері мен құрылысына қатысты мәліметер қалдырған [2, с. 223]. 1894 жылы сол кездегі қалның тарихи - топографиялық құрылымын жайлы С.М. Дудин зерттеу жұмысын жүргізген [3, с. 31-32].

В.А. Каллаур 1896 жылы Археология әуесқойларының Түркістан үйірмесінің хат- тамасында жарық көрген «Древности Аулиеатинского уезда» атты мақаласында ортағасырлық Түймекент қаласы Әулиеата уезінің Шаповаловка ауылының жанында орналасқанындығын және 1897 жылы ол осы қалада болып, ондағы бүзылып жатқан құрылыстарды көргендігін айтқан [1, с. 79].

1936, 1938 жылдарда А.Н. Бернштам ортағасырлық Түймекент қаласының тарихи-топографиялық құрылымын зерттеп, оның өмір сүрген уақытын анықтау мақсатында қаланың әртүрлі бөліктерінде байқау қазбаларын жүргізген [4, с. 118-119].

Г.И. Пацевич бастаған Жамбыл археологиялық бекетінің экспедициясы 1941 жылы ортағасырлық Түймекент қаласының тарихи-топографиялық құрлымын зерттеп, жо- басын түсірген [5, с. 286-288].

Ә.Х. Марғұлан Талас өңірінде жүргізген археологиялық барлау кезінде Түймекентті Талас өзенінің оң жағасында орналасқан үлкен ортағасырлық қала екенін және оның жобасын сипаттай келіп, шығыс деректері бойынша бұл қалада көптеген мешіттер, керуен сарай және сырты қалың жалмен, ормен қоршалған әскери бекініс болғандығын айтады. [6, с. 43-46].

М. Елеуов жетекшілік еткен С.М. Киров атындағы Қазақ мемлекеттік университеті археологиялық экспедициясының тобы 1983 жылы Жамбыл облысында барлау жүргізген кезде ортағасырлық Түймекент қаласының тарихи-топографиясын зерттеп, Талас өзені шайып жатқан батыс бұрышындағы қамалына кесік салып, оңтүстік- шығыс қабырғасында орналасқан қақпада қазба жүргізіліп, ені 5 м, ұзындығы 20 м қақпаның қалдығын және оның астында жатқан мәдени қабатты зерттеу кезінде оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай бағытталған екі қатар су құбырларын ашқан [7, с. 37-39].

К.М. Байпақовтың жетекшілігімен 1986 жылы Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнология институты және 2000 жылы Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының археологиялық экспедициясының тобы ортағасырлық Түймекент қаласының жобасын түсіріп, бірнеше байқау қазбаларын жүргізген [8, с. 122-123].

2010 жылы «Археолог» Халықаралық ғылыми-зерттеу орталығы» мекемесінің Түран археологиялық экспедициясы табиғи апаттан және шаруашылық жұмыстарының нәтижесінде бүзылып жатқан ортағасырлық ескерткішті қайта зерттеп, қазба жұмыстарын бастады [9, 41-76 б.].

Қала жобасында төртбұрышты болып келеді, оны қоршаған қамалдың ені 20-25 м, биіктігі 4-5 м. Қаланың солтүстік, шығыс, оңтүстік бұрыштарында және барлық қабырғаларының бойында диаметрі 12-16 м келетін мұнаралары бар. Олар қаланың қабырғасынан 1,5-2 м биіктікте сақталған және көзге айқын көрінеді. Батыс бұрыштағы мұнара және оған іргелес орналасқан оңтүстік-батыс, солтүстік-батыс қабырғалардың бірқатар жерін 8-9 м тереңдікте Талас өзенінің шайып кеткен (сурет 1).

Қала қамалының солтүстік, шығыс және оңтүстік бұрыштарындағы мұнаралар толық сақталған. Оған қоса қаланың жақсы сақталған солтүстік-шығыс қабырғасының ұзындығы 240 м, осы қабырғада бір-бірінен 34-41 м аралықта 5 мұнара орналасқан. Толық сақталған ұзындығы 303 м, оңтүстік-шығыс қабырғада бір-бірнен 36-51 м аралықта 7 мұнара орналасқан.

Оңтүстік-батыс қабырғаның сақталған ұзындығы 163 м, оның бойында бір-бірінен 35 м жерде 2 мұнара мен аумағы 24 м келетін үлкен 1 мұнара және қақпа мұнарасы орналасқан. Солтүстік-батыс қабырғаның сақталған ұзындығы 206 м, оның бойында бір-бірінен 31-42 м аралықта 4 мұнараның орыны бар.

Қаланың орталық бөлігінде орналасқан оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай созылып жатқан цитадельдің табанындағы үзындығы 50 м, ені 35 м, биіктігі 6 м, үстіндегі көлемі 30х15 м. Оның үстінен солтүстік-шығыстан оңтүстік-батысқа қарай көлденең қазылған ордың үзындығы 13 м, ені 5 м, тереңдігі 1-1,5 м.

Цитадельдің оңтүстік-батыс шеті аумағы 20х20 м, тереңдігі 1-1,5 м келетін шұңқырға (профессор М. Елеуовтің пікірінше хауыз [1, 77 б.]) үласады. Оған іргелес жатқан шағын құрылыс орындарын жалпы колемі 100х120 м, ал, жалының ені 8-10 м, биіктігі 1-1,5 м келетін төрткүл қоршаған.

Қаланың солтүстік-шығыс бөлігінде құрылыс қалдықтары сирек кездеседі, олардың қатарында көлемдері 50х20,40х15,24х20,20х10 м және аумағы 20 м, биіктігі 0,5-1,5 м болатын жекелеген құрылыс орындары байқалады. Қаланың ішіндегі көлемдері әртүрлі құрылыстар цитадельдің оңтүстік, оңтүстік-шығыс бөліктерінде сақталған. Түймекентті сырттай қоршаған ордың ені 20-30 м, тереңдігі 1-2 м. Талас өзенінің ескі арнасы қала қамалының оңтүстік шетіне жақын келеді, соған қарағанда қаланы қоршаған орға су осы өзек арқылы келген болса керек.

Ортағасырл ық қал аның Тал ас өзені шайып кеткен оңтүстік-батыс бөлігінде жүргізіл ген кесік пен 1-қазбаның нәтижесінде оның мәдени қабаты ашылып, қала қамалының салынған уақытын, кезеңдерін анықтауға қажетті маліметтер алынып, оңтүстік-батыс қақпаның қалаға кіретін жолы ашыла бастады. Осы қақпаның жанында, цитадельді қоршаған торткүлдің батыс бүрышында жүргізілген 2-қазба кезінде XI-XII ғасырлар кезіндегі құрылыс қалдықтарының 4 бөлмесі ашылып, оның еденіне төселген қыш ке- сектер (26х26х4,5-5; 27х27х4,5-5 см) табылды. Сонымен қоса жүргізілген қазбалардан ыдыс сынықтары: күм, құты, саптаяқ, қазан, т.б. кездесті. Жалпы қазба барысында IX- XII ғасырлар кезеңіне жататын заттай деректер алынды [9, 50 б.].

Жан-жақты зерттеулер барысында ортағасырлық Түймекент қаласын Талас өзені шайып және әр жылдарда жүргізілген шаруашылық жүмыстарының нәтижесінде қатты бүзылған ескеткіш екендігін көруімізге болады. Оның батыс бүрышын Талас өзені шайған, соның нәтижесінде қамалдың солтүстік-батыс қабырғасы 100 м, оңтүстік- батыс қабырғасы 70-75 м аралықта, 9-10 м тереңдікте бүзылып, тік жарға айналған және қаланың осы болігінің мәдени қабаты 1-1,5 м тереңдікте бүзылып жатыр (сурет 2).

Ортағасырлық қаланы айналдыра жол салу кезінде оны оңтүстік, батыс, және шығыс жағынан сырттай қоршаған ордың сыртқы жиегі тегістеліп, тас жолдар салынған. Соның нәижесінде ордың тарихи бедері бүзылып, үсті тегістелген. Сонымен қатар, қала арқылы солтүстік-батыстан оңтүстік-шығысқа қарай жол салу кезінде үзындығы 150 м, ені 30-35 м жердің тарихи бедері, мәдени қабаты қатты бүзылған. Жол салу кезінде солтүстік-батыс қабырғадағы 3 - және 4 - мүнаралардың арасы 18 м аралықта, 1-1,5 м тереңдікте қазылып, ал 4 - және 5 - мүнаралардың арасы 1 м тереңдікте бүзылып, тегістелген. Осы жолды салу кезінде цитадельдің солтүстік бүрышында аумағы 5х7 м, тереңдігі 1,5-2 м шүңқыр пайда болған және цитадельдің төрткүлін оңтүстік-батыс жағынан қоршап түрған жал бүзылып, солтүстік-батыс қабырғаға дейінгі аралықтың мәдени қабаты 1-1,5 м және осы қабырғадағы қақпа орналасқан жердің мәдени қабатын 2-2,5 м тереңдікте тегістеп өткен.

Солтүстік-шығыс қабырғаның сыртынан телефон желісін орнату үшін қазылған ордың (240х1 м) кесірінен осы қабырғадағы мүнаралардың сыртқы жиегі айтарлықтай бүзылған.

Оңтүстік-шығыс қабырғадағы 1983 жылы жүргізілген қазба кезінде ашылған қақпа ораналасқан жердің тарихи бедері шаруашылық жүмыстарына топырақ қазып алудың нәтижесінде қатты бүзылған. Қазіргі күнде қақпа орналасқан жерде көлемі 26х30 м, тереңдігі 3,5-4 м шүңқыр қалған.

Оңтүстік-батыс қабырғаға іргелес орналасқан құрылыс кешенін салу кезінде ортағасырлық қаланың сыртындағы оңтүстік, оңтүстік-батыс бөліктері тегістеліп, орға су келетің Таластың ескі өзегінің арнасы көміліп қалған.

Талас өзені шайып және әр жылдарда жүргізілген шаруашылық жүмыстарының нәтижесіндеортағасырлықТүймекентқаласының2010жылғыэкологиялықахуалының нашар

екеніне толық көзіміз жетті.

2010 жылы жүргізілген зерттеу жұмыстары барысында ескерткіштің қазіргі экологиялық ахуалымен таныса отырып, оны уақытша қорғау мақсатында қала қамалын бұзып өткен жолдарға тосқауылдар (шлагбаумдар) орнатылды және жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында ашылған құрылыс орында- рында (түрғын үй бөлмлерінде) уақытша сақтау жұмыстары іске асырылды. Қаланы болашақта толықтай қорғауға алу үшін оның қоршау аймағы белгіленді (сурет 1). Дегенмен, ортағасырлық Түймекент қаласының тарихи-топографиялық құрылымын тым болмағанда қазіргі қалпында сақтап қалу үшін, «Тараз мемлекеттік қорық- мұражайы», Жамбыл облыстық «Мәдениет басқармасы», Түймекент ауылдық әкімшілігі және осыған қатысы бар барлық тиісті мекемелер тарапынан шұғыл іс-шаралар қолға алынып, ескерткішті қоршап, оның қорғау аймағы арқылы мал жаюға, айдап өтуге және кез-келген көлік түрлерінің жүруіне тиым салып, мемлекет қарауындағы ескерткіш екендігін көрсететін қорғау тақтасын орнату керек.

* * *

В статье дается история изучения средневекового городища Түймекент. Раскопки его вызваны аварийным состоянием. В тезисах изложены некоторые предварительные результаты раскопок. Полностью описан план городища и его месторасположение.

Қолданылған деректер мен эдебиет тізімі

1. Елеуов М. Ортағасырлық Түймекент қаласы // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. Алматы. 2010. № 4 (59). С. 77-85
2. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. 2 изд. Алматы: Дайк - Пресс. 2007. С. 233
3. Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894 г. // Сочинения в 9 - ти том. М. 1966. Т. 4. С. 30-36
4. Труды Семиречинской археологической экспедиции (1936 -1938 гг.). Таласская долина / под общ. ред. проф. А.Н. Бернштама. Алма-Ата: Изд. АН КазССР. 1946. 216 с.
5. Пацевич Г.И. Историческая топография городов и поселений юга Казахстана VII-XV вв. н.э. (по археологическим данным): дис. на канд. истор. наук. М. 1954. С. 286- 288
6. Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусство древнего Казахстана. - Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 1950. 122 с.
7. Археологическая разведка на территории Джамбулской области: отчет о НИР / М. Елеуов Археолого-этнографическое изучение Чуской долины. Алма-Ата. 1984. С. 37-39
8. Байпақов, К.М. Түймекент қалашығы // Қазақстан Республикасының тарихи және мәдени ескерткіштер Жиынтығы. Жамбыл облысы. Алматы. 2002. Т. 2. 122-123 б.
9. Ортағасырлық Түмкент, Тамды, Тастұмсық қалалары / Елеуов М. ҒЗЖ (аралық) есебі. Алматы. 2010. 80 бб.

Сур. 1. Ортағасырлық Түймекент қаласының қоршау аймағы

Сур. 2. Ортағасырлық Түймекент қаласының Талас өзені шайып кеткен батыс бұрышы

Жолдасбаев С., Нүрханов Б., Бахтыбаев М.,
Мургабаев С., Арынов Қ.

К/азацстан, Туркестан Ортағасырлық Сығанақ қаласындағы 2009-2010 жылдардағы қазба жұмыстары

2009-2010 жылдары «Ортағасырлық Сығанақ қаласы» ғылыми жобасы- на ҚР Мәдениет және ақпарат министрлігінің 2009-2011 жылдарға жариялаған Республикалық «Мәдени мұра» гранты аясында Қ.А.Ясауи атындағы ХҚТУ Археология ғылыми-зерттеу орталығының Сығанақ археологиялық экспедициясы жүргізуде.

2009 жылы Ортағасырлық Сығанақ қаласында археологиялық қазба жұмыстар жүргізіле басталды, зерттеу барысында екі қазба салынды, олар: қаланың орталық бөлігінде салынған №5-ші қазба және батыс бөлігінде салынған №6-шы қазба (стратиграфиялық кесік).

№5 қазба (1-сурет) Сығанақ қалашығының орталық алаңының оңтүстік бөлігінде, күйдірілген кірпіш сынықтары мен топырық аралас төбеде салынды, оның көлемі 23х23 м шамасында. Алғашқы кезде аумағы 10х10 м келетін жерде қазба барысында күйдірілген қыш

сынықтары, сондай-ақ көлемдері 25х25х4,8-5 см бүтін кірпіш аралас құланды қабаты ашыла бастады. Сонан соң құрылыс жобасын анықтау мақсатында қазбаның орта түсынан үзындығы 5 м, ені 1 м келетін екі (солтүстік-батыстан оңтүстік- шығысқа және солтүстік-шығыстан оңтүстік-батысқа қарай бағытталған) кесінді салынды. Соның нәтижесінде, 1Д м тереңдіктен 2-4 қатар қабырға қаландысы табылды.

Қабырға оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай бағытталған. Ал, 1,3 м тереңдіктен қабырға қаландысы (бір қатар) және еден ашылды. Еден қалындығы 5-8 см. Қазба алаңының аумағы солтүстік-шығысқа қарай тағы 6 метрге және оңтүстік- батысқа қарай 4 метрге кеңейтілді. Нәтижесінде казбаның солтүстік батыс бөлігінен күйдірілген қыштан салынған солтүстік-шығыстан оңтүстік-батысқа бағытталған құрылыстың бұрышы анықталып, бұрыштағы қаландының биіктгі кей жерлерінде 4 қатар, кей жерлерінде төменгі жалғыз қатар ғана сақталған. Сонымен қатар қазбаның солтүстік бұрышынан күйдірілген қыштан 3-3 қатардан тұратын яғни 75х75 см, биіктігі үш қатар жеке түрған қаланды ізі анықталды.

Қазбаның 20 метрлік енін сақтай отырып оңтүстік-шығыс бағытына қарай жалғастырылып, қазба барысында жоғарыда аталып өткен 75х75 см «бағананың» оңтүстік шығысынан 7-9 қатардан тұратын қаланды және бұл құрылыстың алдынғы, яғни, солтүстік-шығыс беті тегіс қаланған, ал жартылай сақталған артқы бөлігінен ай- налма баспалдақтың қаландысы анықталды. Сондай-ақ құрылыстың осы бұрышына кезінде қосалқы тіреу қаланды салынған. Бұл қаландының төменгі жағы негізгі құрылысқа байланыссыз бөлек қаланып, жоғарғы жағы бірігіп кеткен.

Қазбаның оңтүстік-шығыс бұрышынан айналмалы баспалдақ қаландысына үқсас құрылыс ізі байқалды. Дегенмен бұл бұрыштағы қаланды ізі алғашқысына қарағанда нашар сақталған, биіктіг 4-5 қатардан ғана тұрады. Сонымен қатар ғимараттың алдыңғы бөлігі басқа бөліктерге қарағанда көбірек шөккен. Қосалқы тіреуіштің салы- нуы да осы себепті болса керек.

Құрылыстың алдыңғы бөлігі - айналмалы баспалдақтары бар қос мұнаралы, пор- талды ғимарат болған деп жорамалдауға болады. Осы ғимараттың кіре беріс алдыңғы жағында (солтүстік-шығыс бөлігінде) үлкен «алаң» орны ашылды. Алаңның бір қатар күйген кірпішпен төселген, оның кейбір бөліктері жақсы сақталып қалған. Осы ай- тылып отырған қаландының оңтүстік-шығыс, яғни, артқы бөлігінің ішкі жағында жо- басында төртбұрышты болып келген, анық сақталған құрылыс ізі анықталды. Бұл ғимараттың оңтүстік-батыс қабырғасының қаландысы толық ашылып, оның орта түсында «михраб» тәріздес ойық ізі болған.

Ғимараттың сыртқы бөлігінің жобасын дәл анықтау мүмкін емес, әйтсе де құрылыстың сақталған бөлігіне қарағанда бұл ортағасырлық «төрт құлақты» типінде салынған құрылыс болуы ықтимал. Сондай-ақ бұл ғимараттың 5 қатар қаландыдан тұратын бұрыштарының қалыңдығына қарағанда бұл құрылыс күмбезбен жабылған деп жарамалдаймыз. Құрылыстың сотүстік-батыс бөлігінде жапсарлана салынған қосалқы құрылыстың ізі байқалғанымен, оның жобасын анықтау қиын болып отыр. Қазба кезінде байқағанымыздай ғимарат толық немесе жартылай құлағаннан кейін бұл жердің керпіштерін жергілікті түрғындар толық бүзып алып кеткен.

Қазба барысында бояусыз керамикалық ыдыстарының бөлшектерінің табылған саны 200 ден астам. Керамикалық ыдыстардың құрамының негізін құмыралар, тегене- лер, орта кеселер және құтылар құрайды.

Бояусыз ыдыстарының тек сынық бөліктері табылды, жалпы саны 110-нан астам. Сазбалшығының сапасы жоғары. Қоспалары байқалмайды. Күйдіру сапасы біркелкі. Түсі қызғыш, сары қызыл және сары. Керамикалық ыдыстары екі жағыда (сырты мен іщі) сырланған, түсі ақ, ақшыл-кок, аспан көк, көк және жасыл. Олардың үстінен көк, қара боямен өрнек салынған. Өрнектер көбінесе өсімдік мазмүнында салынған.

2009 жылы №6-қазба қалашықтың солтүстік-батыс бөлігінде (қамал бекінісіннің орнында) салынды (2-сурет). Осы жылы жүргізілген қазба барысында 2 м тереңдікке жеттік, яғни 4 ярус ашылды (ярустың қалындығы 0,5 м.). Атқарылған қазба жүмыстары нәтижесінде

жоғарғы қабатынан (0,2 м ден 0,5 м дейін) топырақ аралас күл шықты. Онан төменгі қабатында бірінші құрылыс қабаты ашылды (0,5 м ден
0, 9 м дейінгі биіктік). Осы қабатта екі бөлме ашылды. Бірінші бөлме көлемі 3х4 м. Ашылған қабырғалар қалдықтары кесектерден қаланған, олардың көлемі 28х10х12 см. Қабырғалардың сақталған биіктігі 0,1-0,2 м. Сақталған бөлменің оңтүстік бұрышында бір бірінін үстінде орналасқан екі тас табылды. Жоғарғы жағында орналасқан тас жо- басында созынқы бесбұрышты болып келген. Өнделген тас көлемі 0,5х0,45х0,2 м. Оның төменінде орналасқан тас алғашқы тасқа үқсас. Бұл тас қол диермен жасауға арналған болуы мүмкін. Екінші бөлме бірінші бөлменің батысында орналасқан, оның шарты түрде алынған көлемі 4х5 м. Бөлме едені, көлемі 24х24 см болып келген күйдірілген қыштар төселген. Батыс бұрышында ошақ орны ашылды. Ошақ күйдірілген қыштан қаланған, оның диаметрі 1 м, ішкі ені 0,6 м. Бөлменің оңтүстік бұрышы бөлігіндегі еде- не тас төселген, бөлменің ортасында ташнау ашылды. Бұл шаруашылық бөлме болуы мүмкін. Қазба барысында шаруашылық ыдыстар, құмыра, құты, тағара сынықтары табылып, боялған ыдыстар арасында кесе сынақтары да кездеседі.

Ошақтың солтүстік-шығыс жағынан күл-қоқыс тастайтын шұңқыр шықты. Осы шұңқырды тазалау барысында бүтін ыдыстар мен көптеген ыдыс сынықтары да табылды. Бірінші құрылыс горизонтынан табылған керамикалық бүйымдары осы қабаттың тіршілік жасаған кезеңін анықтауға мүмкіндік түғызды.

Керамикалық бүйымдардан басқа тастан жасалған бүйымдар да табылды. Соның ішінде қайрақ тастар және диермендер. Сонымен бірге қазба барысында көптеген ірі және үсақ малдың сүйек қаңқалары да табылды.

Екінші құрылыс горизонты III - IV ярустарды қамтиды. Бұл кезеңнің құрылыс қалдықтары өте нашар сақталған. Күл қоқыстың қабатына қарай осы құрылыс кезеңін анықтауға ғана болады. Қазба барысында бұл қабаттан да бірнеше керамикалық ыдыстардың сынықтары табылды. Осы керамиаклық ыдыстардың бөліктері осы қабаттың хронологиясын анықтауына мүмкіндік береді.

Сыртқы қамал қабырғасының пішіні анықтала бастады. Сыртқы қамал қабырғасы негізінен пахсадан түрғызылған.

2010 жылы №6 қазбаның тереңдігі 10-11 ярусқа жеткізілді (5-5,5 м.). Қазба барысында 3 және 4 құрылыс қабаттары ашылып, сыртқы қамалының жобасы анықтала бастады.

Сыртқы қамал астына биіктігі 0,5-1 м топырақтан үйілген негіз жасалған, оның үстіне қамыс төселген. Оның үстінен кесектен шахристанның сыртқы қамалының қабырғасы қаланған. Қамал бірнеше рет жөндеу жүмыстарынан өткені байқалады. Өйткені жоғарғы қабаты қаландылары алғашқы (төменгі) қаландысына қарағанда ішіне қарай жылжытылған.

Қазба жүмыстары кезінде бұл жерде ыдыстарының көптеген бөліктері және тиын- дар табылды. Еденін тазалау барасында үш күл-қоқыс тастайтын шұңқырлардың орны анықталды, оларды тазалау барысында керамикалық ыдыстардың сынық бөліктері табылды. Олардың құрамында көбінесе кеселер, құмыралар және құтылардың бөліктері кездеседі. Керамикалық ыдыстар құрамына үсақ күм қосылған жоғары сапалы илен- ген балшықтан жасалғаны белгілі болды. Кеселер көбінесе ақ немесе аспан көк түсті бояумен безендірілген, сырты глазурьмен жабылған. Ыдыстар көбінесе өсімдік тәрізді өрнектермен безендірілген. Өрнектер көк, қара, қоңыр түсті бояумен салынған.

Шұңқырларды тазалап болғаннан кейін III құрылыс қабаты ашылды. III құрылыс қабатында құрылыс орындарының қалдықтары өте нашар сақталған, тек еден- де жатқан күлдің деңгейімен бұл құрылыс горизонтын анықтауға мүмкіндік туды. Екі бөлменің орны анықтадық. Бөлмелердің көлемі: 2,5 х 3 м. Дуалдары пахсадан түрғызылған, сақталған биіктігі 0,1-0,3 м.

IУ құрылыс қабатында үш бөлменің жобасы анықталды. Бір бөлмеде ошақтың орны тазаланды.

Қазба барысында көптеген керамикалық бүйымдардың сынық бөліктері шықты. Өкінішке орай бүтін ыдыстар табылмады. Жалпы сынық бөліктерінің саны 200 ден астам.

Олардың ішінде ыдыстың түрпатын анықтауға мүмкіндік беретін сынық бөліктерінің саны 30 дан астам. Керамикалық ыдыстардың сынықтарының арасында көбінісе құты, орта кесе, құмша, шырағдан, құмыралардың бөліктері.

№ 6 қазбадан табылған ыдыстарының кешені Отырардың, Сайрамның және Орталық Азия (Ташкент, Самарқанд, Хорезм, Ферғана және т.б.) қалаларының XV - XIV ғғ. қабатында кездескен керамикалық кешеніне сәйкес келеді [1, 15-27 б., 2, 35-81 б.].

Керамикалық ыдыстарының кешеніне қарай құрылыс горизонтарының хронлогия- сы төмендегідей белгіленді:

I - II құрылыс горизонтары - XV - XVII ғғ.

III құрылыс горизонты - XIV - XV ғғ.

IV құрылыс горизонты - XTT-XTTT ғғ.

Қазба №7 Ортағасырлық Сығанақ қаласының батыс бөлігінде, № 6 қазбадан оңтүстік-шығыста 15 м жерде орналасқан шағын төбеге салынды. Қазбаның жалпы көлемі 22х18х12м, солтүстік-шығыстан оңтүстік-батысқа қарай созылып жатыр (3-су-

Төбенің батыс бөлігінде көлемі 8х6 м келетін аумақта алғашқы қазба салынды. Қазба жұмыстары барысында, оның оңтүстік-батыс жағынан 4х6 м келетін аумаққа қазба кенейтілді. Бұл қазылған квадраттан алғашқы бөлменің нышаны байқалды. Бөлменің ұзындығы 4,3-4,8 м, ені 3,1-3,5 м болып келеді. Бөлменің солтүстік-шығыс және солтүстік-батыс қабырғалары пахсамен қаланған және өте нашар сақталған. Ал оңтүстік-шығыс оңтүстік-батыс бөліктері кесектен қаланған. Солтүстік-шығыс қабырғасына жанама екі астық салатын (?) қамба орны ашылды. Олардың біреуінің ұзындығы 0,7-1 м, ені 0,6-0,7 м, тереңдігі 0,2 м, ал екіншісінің ұзындығы 0,6-0,7 м, ені 0,6-0,7 м болып келеді. Қамбаның дуалының қалыңдығы 0,4 м. Сонымен қатар осы бөлменің оңтүстік бұрышынан суфа орны ашылды. Суфаның үстінен сынған құмыра табылды. Құмыраны сынғаннан кейін де пайдаланған, өйткені құмыраны бірнеше шағын тесіктер арқылы байлаған. Сонымен қатар бұл бөлмеден сынған қыш ыдыстардың ернеулері, түбтері табылды.

Осы бөлменің оңтүстік-батыс бөлігінде екінші бір құрылыс жалғасып жатыр.

Бұл құрылысты тазалау барысында күл және ірі, ұсақ мал сүйектері көптеп шықты. Бөлменің көлемі: ұзындығы ***5,5-6,1*** м, ені ***2,1*** м. Батыс қабырғасы екі қатар етіліп кесектен қаланған. Ал қалған бөліктері пахсамен қаланған. Жалпы бұл бөлменің оңтүстік- батыс бөлігінен аумағы 0,9 м, тереңдігі 0,8м шұңқыр анықталды. Бұл шұңқырдан керамика мен сүйек қалдықтары шықты.

Қазбаға салынған екінші квадратты аршу барысында бірінші бөлменің оңтүстік- батыс қабырғасы аршылды. Екінші квадраттың оңтүстік бұрышынан бір қатар етіліп өрілген екі қамба орны табылды. Олардың ұзындығы 0,8-0,9 м, ені 0,6 м, тереңдігі

0. 3.м болып келеді. Сонымен қатар бұл квадраттың оңтүстік бұрышынан пеш орны ашылды. Пештің ернеуінің аумағы 0,4 м, аузының биіктігі 35 см. Пештің төменгі қабаты көлемдері 25х25х4,8-5 см келетін күйдірілген қыштармен тік қалаған. Пештің ұзындығы 0,7 м, еден деңгейінен томен орналасқан. Пештің алды көлемдері 25х25х5 см келетін күйдірілген қыштармен қалаған. Пештен 0,5 м қашықтықта ташнау орны табылды. Сонымен қатар пештің батысынан ***1,1*** м қашықтықта үлкен құмыра табылды. Сонымен қатар пештің оңтүстігінде жанама орналасқан имек тәрізді құрылыс орны аршылды. Бұл құрылыстың солтүстік-шығыс бөліктерінің қабырғалары бір қатар етіліп кесектен қаланған қалған болігі пахсамен қаланған. Бұл квадраттан ұзындығы 4м, ені 2,5 м келетін еден ашылды.

Қазба алаңын кеңейту мақсатында үшінші және төртінші квадраттар салынды (10х12м). Бұл екі квадраттың орта болігінен күдірілген кыштан қаланған құрылыс орны ашылды.Бұл құрылыстың оңтүстік-шығыс қабырғасы ірілі ұсақты құмтастармен қаланған. Жалпы ұзындығы 3,4м, ені 1,7м. Бұл құрылысқа батыс қабырғасына жанама ұзындығы IДм, ені 0,9 м келетін пеш орны ашылды.

* * *

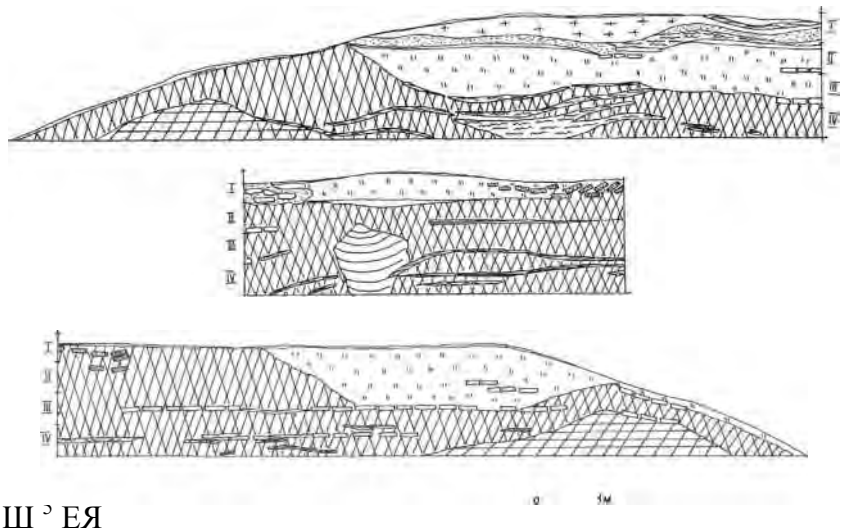
В статье приведены сведения о результатах полевых работ Сыганакской археологической

экспедиции в полевом сезоне 2009-2010 гг. Археологические работы проводились на городище Сыганак. Объектом исследования была выбрана центральная возвышенная площадка в южной части городища. В результате раскопок была выявлена кирпичная кладка стен и пол сооружения, размеры обожженных кирпичей соответствуют среднеазиатским стандартам. По предположению авторов в передней части сооружения, возможно, был портал и две башни круглой формы со ступеньками. Во второй части статьи дается описание раскопа заложенного в северо-западной части городища. Здесь было исследовано помещение, состоящее из двух комнат. В первой комнате найдены каменные плиты, по мнению авторов, они служили основой для жерновов, второе помещения - хозяйственное, здесь найдено много фрагментов керамики, хумов. Среди поливной керамики есть обломки чаши. В заключение статьи на основе стратиграфии дается хронология строительных горизонтов.

Қолданылған деректер мен эдебиет тізімі

1. ҚР Мәдениет және ақпарат министрлігініц 2009-2011 жылдарға жариялаған мемлекеттік «Мәдени мүра» гранты бойынша мәдениет және ақпарат саласындағы қолданбалы ғылыми зерттеулер бағдарламасы аясында орындалған Ортағасырлық Сығанақ қаласы ғылыми жобаның 2009 жылғы (аралық) есебі (қолжазба). - Түркістан, 2009. -61-6. / ХҚТУ архиві.
2. ҚР Мәдениет және ақпарат министрлігінің 2009-2011 жылдарға жариялаған мемлекеттік «Мәдени мүра» гранты бойынша мәдениет және ақпарат саласындағы қолданбалы ғылыми зерттеулер бағдарламасы аясында орындалған Ортағасырлық Сығанақ қаласы ғылыми жобаның 2010 жылғы (аралық) есебі (қолжазба). - Түркістан, 2010. -106-6. / ХҚТУ архиві.

Сур. 1. Мешіттің жалпы көрінісі



^{3} Ш ' Ш ^{ɔ} ЕЯ
$_{1}$ - ки
$_{2}$ - куланды
$_{3}$ - бос топырақ
$_{4}$ - қорған дуалы 5-күл
$_{6}$ - еден
$_{7}$ - күйген топырақ

Сур. 2. Стратиграфиялық кесінді. 2009 ж.

268

Сур. 3. № 7 қазба. № ***1,*** № 2 бөлмелерінің көрінісі

Илюшин А.М.

Россия, Кемерово Новые сведения о погребальном обряде восточных кипчаков

265

В конце XX - начале XXI вв. сибирские исследователи на степных и лесостепных

просторах Западной, Средней и Восточной Сибири выявили и обследовали отдельные объекты и памятники, которые были датированы в пределах XI-XIV вв. и которые можно генетически связать с культурой Восточного Дашт-и Кипчак [1; 2; 3, с. 167-174; 9; 10; 12; и др.]. На территории Кузнецкой котловины, являющейся составной частью северной периферии Саяно-Алтая, исследование кипчакских древностей с 1990-х годов проводит Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция (ККА- ЭЭ). За это время были раскопаны десятки археологических объектов и памятников, проведена классификация и систематизация предметов материальной культуры и элементов погребального обряда, которые отражают специфические черты культуры восточных кипчаков этого региона [4; 5, с. 33-35; 6, с. 75-77]. В то же время кипчакских древностей в Кузнецкой котловине позволили открыть ранее не известные артефакты, которые можно относить к категории уникальных, раскрывающих новое содержание изучаемой культуры периода развитого средневековья. Цель настоящей работы - познакомить коллег с результатами исследования элементов погребального обряда при раскопках кургана №4 на курганной группе Мусохраново-1, при раскопках которого были обнаружены ранее не известные в Кузнецкой котловине наземные конструкции и объекты (изгородь, наземное погребальное жилище, деревянное и каменное изваяния).

Курганная группа Мусохраново-1 расположена в долине среднего течения р. Кась- ма на административной территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области. На этом погребальном памятнике ККАЭЭ проводила аварийные раскопки пяти объектов (за №№ 3-7) в 2008-2010 годах. Исследуемый памятник по результатам раскопок предварительно был датирован в широком и узком хронологическом диапазоне с XI по XIV вв. и XTT-XTTT вв. [7, с. 95-105; 8, с. 175-184]. В 2009 году были проведены раскопки одного кургана за №4 [8, с. 175-184], который находится в северной части памятника. Внешне это овальная земляная, сильно задернованная насыпь. Размеры насыпи - 22,5 х 20 м с З на В и с Ю на С, а высота 0,69 м от уровня современной поверхности. Насыпь долгие годы была подвержена сильной распашке, а в ее ЮЗ поле была установлена железобетонная опора и деревянный столб ЛЭП. Насыпь кургана на 1,05 м возвышается над уровнем материка (светло-серый суглинок) и состоит из слоя дёрна 0,18-0,25 м, чернозёма 0,13-0,65 м и серого суглинка (представляющего собой смешанный слой из погребённой почвы и чернозема) 0,09-0,15 м. В процессе раскопок насыпи и зачистки бровок в центральной части кургана на глубине 0,21-0,68 м была зафиксирована линза из серого суглинка (смешанного слоя из погребённой почвы и чернозема), которая имела овальную форму вытянутую с Ю на С на 16,24 м, а с З на В на 11,42 м. Вероятно, это является материковым выбросом на древней дневной поверхности в момент сооружения грунтовых могил. В центральной части насыпи сразу же под дерном на глубине 0,23 м и до могильного дна фиксируются следы грабительского раскопа могилы 1 в форме сильно смешанного грунта - серого и светло-серого суглинка, и чернозема, с преобладанием последнего, а также костей человека и животных. Такой же по составу грунт, вместе с костями животных, был зафиксирован в местах грабительских раскопок могил 2 и 3. Скопления костей животных из грабительских раскопок, которые фиксировались в процессе разборки насыпи кургана, первоначально, воспринимались как наземные погребения 1, 3 и 4. Первое скопление костей располагалось на глубине 0,60-1,02 м над могилой 1, где были зафиксированы кости лошадей, собаки и человека. Второе скопление костей располагалось на глубине 0,51-
0, 52 м над могилой 2, где были зафиксированы череп, шейный позвонок и кость ноги лошади. Третье скопление костей располагалось на глубине 0,67-0,75 м над могилой
3, где были зафиксированы кости лошадей и овцы. Кроме этого над могилой 3 на глубине 0,62-0,65 м была зафиксирована деревянная плаха длиной 0,92 м и шириной 0,14 м, а в СЗ части насыпи кургана на глубине 0,48-0,52 м и в СВ части насыпи на глубине

0, 45-0,49 м были найдены единичные кости животных - ребра и позвонок (рис. 1). При разборке насыпи кургана в С и СВ частях в СЗ и СВ секторах раскопках и в бровках на глубине 0,39-0,52 м были зафиксированы более 34 единичных древесных угольков и 4 фрагмента бересты. В восточной части насыпи на глубине 0,53-0,55 м и 0,51-0,52 м были зафиксированы две обгоревшие плахи длинной 0,89 и 0,78 м и шириной 0,08 и 0, 1 м (рис. 1). Эти факты указывают на наличие деревянной наземной конструкции или сооружения, которое было в древности подвержено горению. В центральной части насыпи, сильно разрушенной грабителями и распашкой, были зафиксированы остатки наземной деревянной конструкции, ограждающей грунтовую могилу 1. На уровне древней дневной поверхности первоначально, вероятно, была сооружена четырехугольная рама (сруб?), которая состояла из бревен, распиленных вдоль и положенных плоской стороной на грунт. Остатки восточной стенки, в виде двух березовых полубревен, были зафиксированы в южной бровке на глубине 0,48-0,52 м и 0,55-0,58 м. Их длина составляла 1,27 и 0,93 м, а ширина - 0,15 и 0,11 м. Остатки северной стенки, в виде двух березовых полубревен, были зафиксированы в СЗ секторе раскопа на глубине 0,60 м и 0,60-0,65 м. Их длина составляла 0,48 и 2,37 м, а ширина - 0,12 и 0,14 м. Остатки западной стенки, в виде двух лиственничных полубревен частично перекрывавших друг друга, были зафиксированы в ЮЗ секторе раскопа на глубине 0,60 м и 0,65-0,70 м. Их длина составляла 0,94 и 0,97 м, а ширина - 0,17 и 0,23 м. Остатки южной стенки в виде одного березового полубревна были зафиксированы в ЮЗ секторе на глубине 0,65-0,70 м. Длина полубревна составляла 3,07 м, а ширина - 0,16 м. Рядом с этим полубревном на глубине 0,65-0,70 м были зафиксированы фрагменты бересты (рис. 1).

При разборке насыпи кургана и зачистке материка в ЮЗ секторе раскопа было зафиксировано основание каменного изваяния, размеры которого составляли 0,62 х 0,40 Х 0,30 м (рис. 1). Оно было установлено на уровне материка и ориентировано широкой плоскостью по линии Ю-С. Изваяние, видимо, было сломано в древности, а затем подвергалось разрушению при распашке (местные жители рассказывали, что во время распашки этого поля очень часто на кургане ломали лезвия плуга - А.И), но следы обработки камня и лощения сохранились в верхней части основания. В южной и западной части курганной насыпи, на уровне древней дневной поверхности, на глубине 0, 62-0,89 м были зафиксированы остатки изгороди из стволов молодых берез. В южной части их сохранились 38, а в западной 11. Стволы сохранились в виде березовых столбиков установленных впритык друг к другу. Их толщина колебалась от 0,04 до 0,07 м, а высота в пределах от 0,03 до 0,27 м (рис. 1). Эти конструкции, видимо, сохранились благодаря основанию каменного изваяния и бетонной опоре ЛЭП, которая была установлена вблизи ЮЗ угла этого сооружения в 1970-е годы, что спасло их от плуга. Под насыпью кургана были зафиксированы восемь деревянных столбов углубленных в материк (рис. 1).

Деревянный столб №1 располагался под Ю полой насыпи кургана. Он был изготовлен из березы, имел диаметр 0,12 м, на 0,17 м был углублен в материк и на 0,28 м возвышался над ним. Деревянный столб №2 располагался под ЮВ полой насыпи кургана. Он был изготовлен из березы, имел диаметр 0,12 м, на 0Д5 м был углублен в материк и на 0Д8 м возвышался над ним. Деревянный столб №3 располагался под ЮВ полой насыпи кургана. Он был изготовлен из березы, имел диаметр ОД м, на 0,12 м был углублен в материк и на 0,02 м возвышался над ним. Деревянный столб №4 располагался под центральной частью насыпи кургана. Он имел диаметр 0,25 м, на 0,72 м был углублен в материк и на 0,35 м возвышался над ним. Диаметр ямы, в которую он был установлен, равен 0,4 м. Деревянный столб №5 располагался под 3 полой насыпи кургана. Он имел диаметр 0,18 м, на 0,12 м был углублен в материк и на 0,2 м возвышался над ним. Деревянный столб №6 располагался под ЮЗ полой насыпи кургана. Он имел диаметр 0,15 м, на 0,35 м был углублен в материк и на 0,21 м

возвышался над ним. Деревянный столб №7 располагался под Ю полой насыпи кургана. Он имел диаметр 0,15 м, на 0,12 м был углублен в материк и на 0,52 м возвышался над ним. Деревянный столб №8 располагался под СВ полой насыпи кургана в 1,08 м на В от наземной могилы 4. Он имел диаметр 0,19 м, на 0,03 м был углублен в материк и на 0,35 м возвышался над ним.

Семь деревянных столбов за №№ 1-3 и 5-8, видимо, выполняли функцию опорных столбов изгороди и входа, а деревянный столб №4, судя по размерам и глубине грунтовой ямы для его установки, представляет собой остатки деревянного изваяния. Традиция постановки рядом каменных и деревянных изваяний на курганах известна у половцев (кипчаков) в период развитого средневековья [11, с. 155].

Зафиксированные при раскопках насыпи кургана и зачистке материка артефакты позволяют осуществить реконструкцию наземных погребальных сооружений, которые вероятно были подвергнуты сожжению в момент сооружения земляной насыпи кургана. По расположению полубревен деревянного сооружения, расположенных с четырех сторон грунтовой могилы 1, можно предполагать, что оно имело подчетыре- хугольную форму и было ориентировано стенками по сторонам света с небольшим смещением. Размеры конструкции, установленной на древней дневной поверхности, составляли 4,84 х 4,75 м. Присутствие бересты, традиционно используемой в качестве кровли коренными этносами Западной Сибири, внутри этого пространства позволяет предполагать, что она тоже выполняла функцию крыши. Вероятно, над могилой было сооружено деревянное посмертное жилище с берестяной крышей. В пользу этого предположения свидетельствует факт обнаружения в процессе разборки насыпи кургана и зачистки материка, деревянной изгороди. Остатки изгороди были зафиксированы под южной и западной полой земляной насыпи кургана. Конструкция изгороди представляла собой четырехугольное сооружение, размеры которого составляли 15,85 Х 12,63 м, длинной осью вытянутого по линии ЗСЗ-ВЮВ. В основе сооружения были опорные деревянные столбы, углубленные в почву или материк (на рис. 1 это деревянные столбы за №№ 1-3,5-8). Вероятно, на эти столбы крепились горизонтальные перекладины, между которыми вставлялись путем изгиба и опоры на дневную поверхность очищенные от веток стволы молодых березок впритык друг к другу. Такие пролеты фиксируются между деревянными столбами №1 и №7, №7 и №6, №6 и №5. Их длина была различной -4 м, 7,3 м и 5,6 м. Вход был с восточной стороны шириной 1, 56 м - это расстояние между деревянными столбами №2 и №3. Напротив входа располагались каменное, а за ним деревянное изваяния.

Таким образом, раскопки кургана №4 на курганной группе Мусохраново-1 в 2009 году позволили впервые выявить в культуре восточных кипчаков на территории Кузнецкой котловины, такие наземные конструкции как наземное погребальное жилище и изгородь, а также остатки таких объектов как деревянное и каменное изваяния внутри сакрального пространства.

* * *

Мақалада Саян-Алтай өңірінде Қыпшақтардың жерлеу ғұрыпы жайлы жаңа материалдар сипатамасы берілген. Автордың тұжырымына сәйкес, аймақтағы ескерткіштер түп тамырларын шығыс Дешты Қыпшақ жерімен байланыстырады.

2008- 2010 жж. Касьма өзеннің ортанғы ағысында, қазіргі Кемеров облысы, Ленинск-Кузнецк ауданның административтік территориясында табылған Мусохраново-1 қорымында Кузнецк кешенді археологиялық, этнографиялық экспедициясы зерттеу жұмыстарын жүргізген. Экспедиция зерттеулері 5 объектіні қамтыған, зерттеу нәтижесінде 11-14 ғғ. қатысты жаңа материалдар жарық көрді. Алғаш рет үй тәріздес жерлеу қабірлері зерттелді, ғұрыптық құрлыстың ішінде тастан және ағаштан жасалған балбалдар табылған.

Список использованных источников и литературы

1. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. Тобольск-Омск: Изд-во ОГПУ. 2000. 256 с.
2. Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X-XIII вв. Томск: Изд-во ТГУ. 1996. 272 с.
3. Дашибалов Б.Б. Кыпчаки в Восточной Сибири // Средневековые древности евразийских степей. Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. ун-та. 2001. С. 167-174
4. Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: Изд-во КузГТУ. 2005. 240 с.
5. Илюшин А.М. К вопросу о компонентах тюркского археолого-этнографического комплекса XI-XIV веков на территории Кузнецкой котловины // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск-Омск: Издательский дом «Наука». 2006. С. 33-35
6. Илюшин А.М. Материальная и духовная культура средневековых кыпчаков Кузнецкой котловины // Алтае-Саянская горная страна и история освоения её кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2007. С. 75-77
7. Илюшин А.М. Результаты раскопок Кузнецкой комплексной археологоэтнографической экспедиции в 2008 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2009. №1 (71). С. 95-105
8. Илюшин А.М., Бутьян В.А. Раскопки Кузнецкой комплексной археологоэтнографической экспедиции 2009 года на курганной группе Мусохраново-1 // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2010. №4. С. 175-184
9. Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII- XIV веках: усть-талькинская культура. Владивосток-Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН. 2004. 306 с.
10. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во ТГУ. 1997. 350 с.
11. Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV-XIII века): Учеб. Пособие. Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. ун-та. 2003. 248 с.
12. Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН. 2008. 424 с.

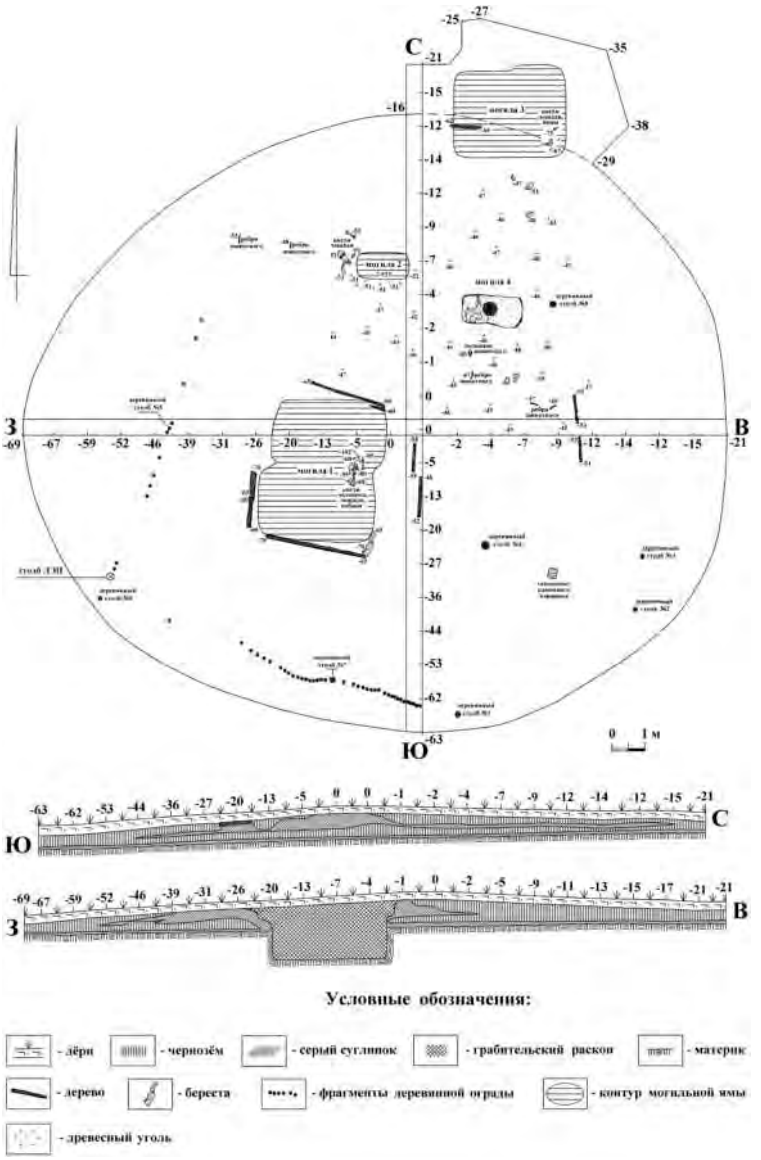


Рис. 1. Курганная группа Мусохраново-1. План

и профили бровок раскопа кургана №4

Калдыбаев М.С.

Казахстан, Астана Разведочные работы на территории Тенгиз-Коргалжинской впадины

В полевом сезоне 2010 года, на территории Коргалжинского района Акмолинской области была проведена археологическая разведка, в ходе которой были исследованы берега части озер Коргалжин-Тенгизской впадины: Жаныбек-Шалкар, Уялы-Шалкар, Жыланды-Шалкар, Ший-Шалкар, Биртабан, Шалкар, Коктал, Шолак, Керей, рек Нура и Кулан-Отпес. При этом было обнаружено 35 памятников, в хронологическом диапазоне от раннего железного века до нового времени. Это одиночные курганы и курганные могильники, зимовки-кстау, мавзолеи нового времени.

Мавзолеи составляют особую группу памятников Коргалжин-Тенгизской впадины. Традиция возведения мавзолеев в казахстанских степях берет начало с эпохи Золотой Орды, времени окончательного становления ислама в регионе. Таким образом, возраст данной традиции составляет около 700 лет. В силу множества объективных факторов, как природных, так и антропогенных, подавляющее большинство средневековых памятников подобного рода до нас в целости не дошло. Однако, мы имеем возможность изучать традиции и приемы строительства, проводить культурные аналогии благодаря исследованию казахских мавзолеев нового времени. Еще одной, немаловажной причиной изучения этих памятников является их сравнительная недолговечность. Как правило, основной материал для постройки мавзолеев - кирпич- сырец, очень легко разрушающийся под воздействием внешних факторов.

В ходе разведки были найдены 17 мавзолеев. Все они (кроме мавзолеев Агаш Бидай- ик, Агаш Бидайик II) входят в один достаточно компактный микрорайон, вытянутый с юго-запада на северо-восток приблизительно на 60 км и с юго-востока на северо-запад приблизительно на 30 км. Микрорайон выделен достаточно условно, границы его обусловлены руслом реки Нуры и расположением озер. Без сомнения, дальнейшее изучение региона позволит расширить эти границы.

Для обнаруженных мавзолеев можно выделить некоторые сходные черты. Материалом для их возведения во всех случаях послужил кирпич-сырец. Все памятники располагаются на естественных возвышенностях, недалеко от водных источников. Зачастую, мавзолеи располагаются на территории казахских кладбищ, часть которых до сих пор функционирует. Большая часть объектов имеют в плане округлую форму. Это 14 из 17-ти найденных памятников. И лишь 3 имеют подпрямоугольную планировку. 15 мавзолеев - однокамерные, 2 - двухкамерные. На 10 объектах зафиксированы купола. 7 мавзолеев имели выделенную портальную часть.

1. Мавзолей Алыптамар. СШ 50^{e} 33' 22,9", ВД 070 ^{2} 07' 36,5" Н=329 м. Расположен в 8 км к ЮВ от пос. Коргалжин на естественной возвышенности. Материал - кирпич- сырец. Мавзолей округлый в плане, диаметром 5 м, высотой 7 м. Мавзолей имеет купольное перекрытие. Толщина стен у основания приблизительно 1,2 м. Вход с юго- западной стороны, выделен одним рядом кирпичей в виде узкого арочного портала. Кирпичи вдоль стен портала выложены горизонтальной кладкой. Пол входа приподнят на высоту 0,4 м. Высота входа 1,2 м, ширина 0,5 м.

2. Мавзолей Абай. СШ 50 [2] 37' 51,2", ВД 070 [2] 05' 25,8", Н=333 м. Расположен в 7,2 км на СВ от пос. Коргалжин на правом берегу р. Нура, на первой надпойменной террасе. Мавзолей расположен на территории кладбища родов Темеш, Алтай. Мавзолей в плане прямоугольный, с куполом и портальной частью. Размеры сторон 7х7,3. Материал - кирпич-сырец. Высота без купола- 4 м. Высота с сохранившейся частью купола - 5 м. Вход с ЮВ, выделен порталом, высотой 3,2 м. Толщина стенок портала 0,9 м.

Портал выступает от юго-восточной стенки на 1,5 м. Высота входного отверстия 1Д м, ширина 0,7 м. Свод входа имеет арочное перекрытие

3. Мавзолей Балабейит. СШ 50 [2] 36' 17,8", ВД ***070*** [2] 10' 18,1", Н=332 м. Памятник расположен на правом берегу р. Нура, на первой надпойменной террасе, в 10,8 км к востоку от пос. Коргалжин, на территории кладбища. Мавзолей датируется 1936 г, если судить по камню, установленному у мавзолея, и принадежит Габидену Мустопоулы из рода Темеш. Мавзолей двухкамерный состоит из основной части и предвходовой пристройки. Материал - кирпич-сырец. Обе части мавзолея - округлые в плане. Диаметр основной части - 5 м. Диаметр пристройки - 2,5 м. Над пристройкой частично сохранился купол. Высота без купола 3,5 м. Высота с куполом 5 м. Вход оформлен в виде арки. Высота входа в пристройку 1,3 м, ширина 0,7 м. Вход из пристройки в основную камеру по размерам аналогичен первому, однако в виде арки оформлен только свод.

4. Мавзолей Уялы. СШ 50 [2] 38' 00,4", ВД 070 [2]14' 33,4", Н=347 м. Расположен в 7,5 км к западу от пос. Уялы и в 3,6 км к С от места выхода р. Нура из оз. Жаныбек - Шалкар. Памятник расположен на господствующей возвышенности. Памятник сильно разрушен. Материал - кирпич-сырец. В плане - округлый, диаметр -4 м, толщина стен 40 -50 см.

5. Мавзолей Арыкты. СШ 50 [2] 39' 24,4", ВД 070 [2] 28' 20", Н=338 м. Расположен на естественной возвышенности в 6 км к З от пос. Арыкты. В одном км к С от памятника расположено оз. Ший - Шалкар. Мавзолей располагается на территории казахского кладбища. Определить род невозможно из-за возраста кладбища; надгробные камни не сохранились. Материал - кирпич-сырец. Мавзолей в плане округлый. Диаметр - 9 м. Мавзолей сильно разрушен.

6. Мавзолей Арыкты 2. СШ 50 [2] 42' 13,7", ВД 070 [2] 23' 39,0", Н=333 м. Расположен на мысу, образованном изгибом р. Нура в 2,5 км к СЗ от западного берега оз. Жылан- ды - Шалкар, в 13,2 км к СЗ от пос. Арыкты. Памятник расположен на территории старого казахского кладбища, родовая принадлежность которого из-за возраста неясна; надгробные камни не сохранились. Материал - кирпич-сырец. Мавзолей в плане округлый , диаметр - 10 м, толщина стен 70 см. Высота сохранившейся части - 0,9 м.

7. Мавзолей Уялы II. СШ 50[2] 45' 10,9", ВД 070 [2] 25' 42,0", Н=336 м. Расположен в 13 км к СВ от пос. Уялы в 20 км к ЮЗ от пос. Сабынды на правом берегу р. Нура на территории кладбища род Тортуыл. Мавзолей разрушен. Сохранилась часть кладки из сырцового кирпича. В плане округлый, диаметр 7 м. Высота сохранившейся части 1,5 м. Толщина стены 0,6 м. Вход с восточной стороны. Ширина входа 0,8 м.

8. Мавзолей Каныкей. СШ 50[2] 37' 25,7", ВД 069 [2] 51' 55,4", Н=333 м. Расположен на правом берегу р. Нура в 5 км к северу от пос. Амангельды на территории казахского кладбища родов Даулет и Канай. Материал - сырцовый кирпич. Мавзолей округлый в плане, конусовидный. С восточной стороны примыкает портал. Высота мавзолея 5 м, диаметр мавзолея 8 м. Размеры кирпичей - 20х28х10 см. Толщина стен у основания

0, 5, вверху стены 0,3 м. Высота портала первоначально составляла 2 м, однако из-за разрушенности он значительно ниже. Портал выдается из стены в основной части на

1,5 м. Ширина фронтальной части портала 3 м. Ширина стен 1 м. Вход в нижней части имеет ширину 1 м, в верхней - 0,6 м. Длина входного коридора 2 м. В стенах мавзолея с южной, северной и западной стороны, на уровне входа и на высоте 0,5 м, проделаны

отверстия. На нижнем уровне отверстия симметричны входу, ориентированы по сторонам света и имеют такие же размеры и трапециевидную форму. Видны отверстия с северной и западной стороны, южная часть стены полностью развалена. Отверстия на верхнем уровне по ориентации аналогичны нижним, однако имеют подквадратную форму и размеры 0,5х0,5 м. Толщина стен 0,5 снизу и 0,3 вверху. В южной стороне того же кладбища расположены еще два сырцовых мавзолея. Восточный условно обозначен как Амангельды I, западный как Амангельды II.

9. Мавзолей Амангельды I, округлый в плане, диаметром 5 м. Стена с южной, юго-восточной и юго-западной стороны разрушена. Высота сохранившейся части 2,5 м. Купол, по-видимому, четко не выделялся и плавно выступал из стены. С юго-восточной стороны расположен вход с остатками портала, который выступает из стены на 0,8 м. Высота портала была, по-видимому, 1,3 м, однако из развала видна лишь его часть высотой 70 см. Ширина фронтальной части портала реконструируется как 4 м. Вход трапециевидный. Высота незаваленной остатками кирпича части входа 50 см от уровня современной поверхности 90 см. Ширина верхней части входа 40 см, средней - 60 см. Размеры кирпича 20х12х8 см. Толщина стен 0,4 м.

10. Мавзолей Амангельды II, подпрямоугольный в плане, ориентирован стенами по сторонам света. Длина восточной и западной стен 4 м, северной и южной - 5 м. Высота основной части 1,7 м, высота купола 1,5 м, диаметр купола 2 м. Вход с восточной стороны, портала нет. Толщина стен у входа 0,9 м. Ширина снизу 0,7 м, в верхней части
0, 4 м. высота входа 0,8 м. Размеры кирпича 22х12х6 см. Помещение в плане круглое, то есть мы имеем круг, вписанный в квадрат, диаметр круга 3,5 м.

11. Мавзолей Амангельды III. СШ 50^{e} 33' 22,4", ВД 069^{e} 53' 33,8", Н=338 м. Расположен на территории нефункционирующего кладбища, на естественной возвышенности в 3 км к Ю от аула Амангельды, в 1,8 км к З от берега р.Нура, в 2,7 км к СВ от берега
оз.Шолак. Материал - кирпич сырец. Размеры кирпича - 20х10х6 см. Мавзолей в плане округлый, диметр 8 м, кверху немного сужается. Высота сохранившейся части 3,5 м. Западная часть стены и купол разрушены. Вход с южной стороны, портал отсутствует. Толщина стены у входа 0,8 м. Вход сужается, с внешней стороны его ширина по низу 1 м, с внутренней - 0,6 м. По верху ширина остается без изменений - 0,6 м.

12. Мавзолей Шолак. СШ 50^{e} 34' 42,9", ВД 069 ^{2} 44' 43,6", Н=329 м. Расположен на возвышенной площадке в 1,5 км к западу от берега оз.Шолак, в 8 км к ЗЮЗ от пос. Амангельды, на территории кладбища рода Даулет. Материал - сырцовый кирпич. Мавзолей разрушен. Высота сохранившейся части 1,2 м. Мавзолей в плане подпрямоугольный. Размеры 4х6 м. Ориентирован углами по сторонам света. Вход с юго- восточной стороны. Ширина входа 0,7 м. Толщина стен 0,5 м.

13. Мавзолей Агаш Бидайик. СШ 50^{e} 00' 19,0", ВД 068^{e} 35' 01,4", Н=357 м. Мавзолей расположен на небольшой невысокой естественной возвышенности на территории старого неогороженного казахского кладбища, в 10 км к З от поселка Керей,в 9,3 км к ЮЗ от озера Керей. Материал - сырцовый кирпич. Мавзолей в плане округлый, диаметр 6 м. Высота без купола 3,6 м, высота с куполом 5,6 м. Портал с западной стороны выдается на 0,9 м. Толщина стен входа 1,6 м. Ширина портала 1,6 м. Ширина каждой из стен 0,4 м. Высота портала 3,6 м, однако к верхней части портала пристроена арка высотой 1,5 м, шириной 1,6 м. Высота входа 1,8 м, ширина 0,8 м. Свод входа оформлен в виде арки. Изнутри стены мавзолея декорированы нишами в виде арок, количеством
15. Ниши расположены по периметру размерами аналогичны входу и составляют с ним единую композицию. В вершине купола видно отверстие. Чуть ниже в куполе видны еще 4 световые отверстия, ориентированные по сторонам света. Стык купола и стены обозначен рядом кирпичей, поставленных углом.

14. Мавзолей Агаш Бидайик II. СШ 50^{e} 00' 19,0", ВД 068^{e} 35' 01,4", Н=357 м. Расположен на том же кладбище в 40 м к В от мавзолея Агаш Бидайик. В плане округлый, диметром 8 м. Купол и перекрытия отсутствуют. Высота мавзолея 4,5 м. На высоте 3,5 м и до верха декорирован нишами в виде арок, количеством 20, расположенными по периметру. Ширина арок по низу 0,6 м, высота 0,5 м. Вход с юга. Портал выдается из стены на 0,3 м. Толщина стены входа 1,2 м. Высота входа 2,1 м. Ширина входа 0,9 м. Свод входа оформлен в виде арки. Высота портала 5,3 м. Ширина портала 1,5 м. Ширина стенок портала 0,4 м. На высоте 3 м и до высоты 4,3 м портал декорирован нишей в виде арки. Ширина ниши 1,5 м, высота ниши 1,3 м.

15. Мавзолей Тілезлес. СШ 50^{e} 34' 36,3", ВД 069 ^{2} 59'38,4", Н=337 м. Расположен на левом берегу р.Нура на возвышенной площадке в двух км к ЮЗ от с. Коргалжин на территории действующего кладбища. Материал: сырцовый кирпич. Размеры кирпича 20х12х10 см. Мавзолей двухкамерный. Состоит из основной части и портальной. Основная часть округлая в плане. Высота 2,5 м, диаметр 5 м. Отдельного купола нет. По форме основная часть представляет собой круглый шатер. В основной части мавзолея на высоте 1,3 м имеются окна с северной, южной и западной стороны. Ширина окон приблизительно 30 см. Высота окон приблизительно 45 см. Вход с восточной стороны. Портальная часть мавзолея - высокая арка с выделенным сводом. Портал выдается из стены на 2,3 м. Высота портала 1,8 м, наверху портала выделяется элемент декора в виде башенки высотой 30 см. Размеры башенки 30х40 см. Ширина портала 2,2 м. Ширина стены 0,6 м. Ширина входа 1,4 м. Высота входа 1,4 м. Приблизительно на высоте 0,7 м начинается переход от стены к своду. Приблизительно на высоте 1 м заканчивается переход и начинается свод. Длина входного коридора 3,2 м. Толщина стены у входа 0,9 м. С западной стороны, у стены мавзолея стоит надгробный камень, из чего можно заключить, что в этом мавзолее похоронен Тілезлес улы Алибек, умерший в 1960 г.

16. Мавзолей Коргалжин. СШ 50^{e} 34' 38", ВД 069^{e} 59'37,4", Н=327 м. Расположен в двух км от с. Коргалжин, на том же кладбище, в 60 м к СЗ от предыдущего мавзолея. Мавзолей прямоугольной формы. Ориентирован углами по сторонам света. Размеры 6х6 м. Высота мавзолея 4 м. Материал: кирпич-сырец. Размеры кирпича разные, приблизительно 23х12х10 см. Вход с ЮВ стороны. Высота портала 2,2 м. Портал выдается на 1,7 м от стены. По-видимому, первоначально он имел прямоугольную форму, однако сильно разрушен. Реконструируемая ширина портальной части 2,4 м. Ширина стен 0,8 м. Ширина входа 0,9 м. Высота входа 2,5 м. Свод входа оформлен в виде арки. Окна отсутствует.

17. Мавзолей Мэмбе кажы. СШ 50^{e} 32' 50,8", ВД 069 ^{2} 57'37,4", Н=321 м. Находится на естественной возвышенности в 300 м от левого берега р.Нура, в 5 км от п. Біртабан. Мавзолей в плане округлый. Диаметр 5 м, высота 3,2 м. Материал - кирпич-сырец. Вход с восточной стороны. Портала как такового нет. На высоте 1,5 м начинается переход к перекрытию. На высоте 1,5 до 1,8 м - уступ, образующий переход к куполу. Ширина входа 0,6 м, высота 1,3 м. Ширина у начала 1,1 м, длина по низу 10 м. Находится на кладбище рода Темеш.

В ходе разведки было обнаружено также три одиночных кургана (Жанибек - Шалкар, Коржунколь, Керей II), 4 курганных могильника (Керей, Шолак, Актубек, Актьу- бек II). Не исключено, что упомянутые одиночные курганы ранее являлись частью курганных могильников. Особенностью рельефа изучаемого района являются пологие холмы, удобные для распашки. Как следствие практически все господствующие возвышенности в районе исследования долгое время подвергались сельскохозяйственной обработке. Сохранились, как правило, курганы, на которых установлены геодезические знаки, охраняемые государством. Либо, как в случае с курганом Коржунколь, находящиеся на территории кладбища. Предварительно памятники датируются ранним железным веком.

Третью группу памятников составляют 10 зимовок-кстау, относящиеся к новому времени. Данная датировка базируется на найденных артефактах (осколки керамики), а также на культурных аналогиях. Как показала разведка, большинство найденных памятников такого рода находится у берегов рек, на мысах, образованных естественными изгибами реки Нуры, либо, если речь идет об озере, то на приподнятых площадках выше уровня поймы. Как правило, большинство зимовок-кыстау появляется в регионе в 19 веке, что связано с начавшимся процессом седентаризации.

* * *

Мақала 2010 жылыныц дала маусымында Теңіз-Қорғалжын ойпатында жүргізілген барлау жұмыстарына арналган. Барлау жұмыстардың басты мақсаты аймақтағы оцделмеген архитектура ескерткіштерін тіркеу және тізімдерін жасау болды. Археологиялық барлау жолында кездескен барлық тарихи-мәдени ескерткіштерді тіркеуге алынды. Барлау жұмыс нәтижесінде ерте темір дәуірінен бастап қазіргі уақыттын 35 жуық ескерткіштер табылып тіркеуге алынды

Калиев С.

К/азацстан, Алматы Ортағасырлық Тамды қаласында 2009-2010 жылдары жүргізілген зерттеулер

ОртағасырлықТамды қаласы (11-13 ғғ.). Жамбыл облысы Талас ауданының орталығы Қаратау қаласының (бұрынғы Шолақтау ауылы) батыс шетінде, Ортағасырлық Тараз- дан шығып Саудакент қаласына баратын Қаратаудың солтүстік беткейімен жүрген ортағасырлық керуен жолының бойында, Тамды өзенінің оң жағалық жарқабағын ала орналасқан. Географиялық координаттары: N. 43°10'871», E. 070°25'901», т.д.б. 544 м.

Бұл қалан 1941 жылы алғаш ретЖамбыл археологиялықбекеті (Г.И. Пацевич) ашып, зерттеген болатын [1, с. 114-115]. Ал 1947 жылы Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясы (А.Н. Бернштам) ортағасырлық қаланың тарихи-топографиялық құрл ымына зер сала отырып, цитаделінде байқау қазбасын жүргізген, жүргізіл ген зерттеу жұмыстарының барысында қаланың мәдени қабатының 3 м болатының анықтап, қаланың пайда болуына байланысты келесі түжырымды жасады: «Егер Тамды қаласы ескі қаңлы жүртының орнында пайда болса (ерте кезеңнің ыдыс сынықтары табылған), ал қала құрылысының салынуы осы жерді мекендеген халықтардың өмірінің кейінгі кезеңдеріне түстас келеді деген» [2, с. 59, 99].

2000 жылы ортағасырлық Тамды қаласының тарихи-топографиялық құрлымын Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институтының археологиялық ескерткіштердің жинағы әзірлеу экспедициясы (К.М. Байпақов, Д.А.Лобас) зерттеп, жобасын түсіріп бұзылып кеткен бөліктерін корсеткен болатын [3, с. 161].

2009 жылы Республикалық «Мәдени мұра» стратегиялық бағдарламасы бойынша «Археолог» Халықаралық ғылыми-зерттеу орталығы» ЖШС-ніц Түран археологиялық экспедициясы (жетекшісі М.Елеуов) қаланыц топографиялық жобасын түсіріп, табиғи апаттан бұзылып жатқан цитаделініц жоғарғы қабатын және стратиграфия- сын зерттеу мақсатымен оныц солтүстік-батыс бөлігінде қазба 1, 2 және кесік салды. Жүргізілген зерттеу жұмыстарыныц нәтижесінде оныц пайда болу, қалыптасу және даму кезецдері анықталды.

2010 жылы Жамбыл облыстық әкімдігі Мәдениет басқармасы «Тарихи-мәдени ескерткіштерді сақтау, қорғау және қалпына келтіру» мемлекеттік дирекциясыныц қаржыландыруымен «Археолог» Халықаралық ғылыми-зерттеу орталығы» жауапкершілігі шектеулі серіктестігімен 2010 жылдыц 20-тамызда жасалған екі жақты № 29 келісім шарт бойынша «Ортағасырлық Тамды қаласын ашық аспан асты мұражайына айналдыру мақсатында алдынала жүргізілетін археологиялық зерттеу жұмыстары» атты тақырыпта Орталықтыц Түран археологиялық экспедициясы ортағасырлық Тамды қаласындағы 2009 жылғы археологиялық зерттеу жұмыстарын онан ары жалғастырды. Зерттеу жұмыстары

қаланың солтүстік-шығыс бұрышындағы мұнарада және қаланың цитаделінің 2009 жылғы қазба 2 мен кесіктен солтүстік- батысқа қарай жалғастырылып, XX ғасырдың 60 жылдары адам факторларынан бұзылған мұнараның орнында қазба жұмыстары жүргізілді.

Жүргізілген қазба жұмыстарының барысында қала өмірінің соңғы уақытына қатысты торт бөлме ашыла бастады. Бөлмелердің реттік саны қазба кезінде ашылу бағытына қарай белгіленді.

2009 жылы жүргізілген 2-қазбаның солтүстік-батыс болігінен ашылған 1-бөлменің колемі 2-2,25х3,25 м, бөлменің оцтүстік-батыс қабырғасымен оцтүстік-шығыс қабырғасында орналасқан есіктің колемдері қазбаның ашылмаған бөліктерінде қалғандықтан анықталған жоқ.

Тамдыда жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында YTTT - XII ғасырлар кезінде сүйектен, тастан жасалған заттар мен бояулы, бояусыз ыдыстардың сынықтары табылды.

Ортағасырлық Тамды қаласының тарихи-топографиялық құрылымы 1941-2010 жылдар аралығында Тамды өзенінің шаю әсерінен, әр жылдарда жүргізілген құрылыс, шаруашылық жұмыстарының нәтижесінде қатты бұзылған және бұзылып жатыр.

Цитадельдің батыс және солтүстік қабырғаларын Талас өзені шайып, бұзған, батыс бұрышындағы үлкен мұнара XX ғасырдың 50-ші жылдарында бұзылған. Оның солтүстік бөлігінен қазылған шұңқырдың ұзындығы шығыстан батысқа қарай 23 м, ені 10-12 м, тереңдігі 2-2,5 м.

Шахристанның солтүстік бөлігін Талас өзені шайып жатыр және оның осы бөлігі 110-120 м аралықта бұзылып, үстіне үй, қора-жайлар салынып, бау-бақша егілген.

Ортағасырлық қаланың солтүстік-шығыс бұрышында орналасқан мұнараның солтүстік, солтүстік-шығыс, оңтүстік-шығыс және оңтүстік жақтары жергілікті құрлыс жұмыстарына топырақ қазып алу, жол салу кезінде бұзылып кеткен.

Қаланың шығыс бөлігі жол салу кезінде қазылып, тегістелген, оның оңтүстік бөлігіне түрғын үйлер мен ДЭУ мекемесінің құрлыстары салынып, олардың сырты тастан өрілген қабырғамен қоршалған.

Қазіргі күнде ортағасырлық Тамды қаласының тарихи топографиялық құрылымы қатты өзгерген [5, 6 6].

2009- 2010 жылдарда жүргізілген зерттеу жұмыстарының барысында анықталған аса құнды археологиялық материалдарының көптігін және ескерткіштің күннен күнге нашарлап бара жатқан экологиялық жағдайын ескере отырып, ортағасырлық қаланы сақтап қалу үшін кешенді зерттеу жұмыстары жасалу керек деп есептейміз. Сондай-ақ ескерткіште қайта қалпына келтіру жұмыстарын жүргізудің де маңызы зор. Ортағасырлық қаланы қоршап, ашылған құрылыстар мен табылған жәдігерлер қайта қалпына келтіріліп, қорғауға алынып, ашық аспан асты мұражайына айнал- дырса, Қартау қаласының іргесінде орналасқан бұл ескерткіш үлкен туристік нсанға айналары сөзсіз.

* * *

Работа посвящена предварительным итогам археологического исследования средневекового городища Тамды в полевых сезонах 2009-2010 гг. В статье приводится история открытия памятника, отражены результаты аварийных археологических раскопок, заложенных на разрушающейся части городища. В ходе раскопок на городище расчищено несколько помещений, дан их описание. Автор акцентирует внимание на ежегодное ухудшение археологического памятника в связи с деятельностью человека.

Қолданылған деректер мен эдебиет тізімі

1. Агеева Е.И. Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселении и городов Южного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма- Ата. 1958. Т. 5: Археология. С. 3-215
2. Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия

АН КазССР. Серия археологическая. 1950. № 67. вып. 2. С. 59-99
3. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область. - Алматы: РГП «НИПК ПМК», 2002. Т. 2. 350 с.
4. Ортағасырлық Тамды қаласы / Елеуов М. ҒЗЖ (аралық есеп). Алматы, 2009. 45 б.
5. Ортағасырлық Тамды және Түймекент (бүзылып жатқан қалалар): Альбом / Алғы сөзін жазып, құрастырған М. Елеуов, С. Қалиев, С. Есенов - Алматы. 2010. 76 б.

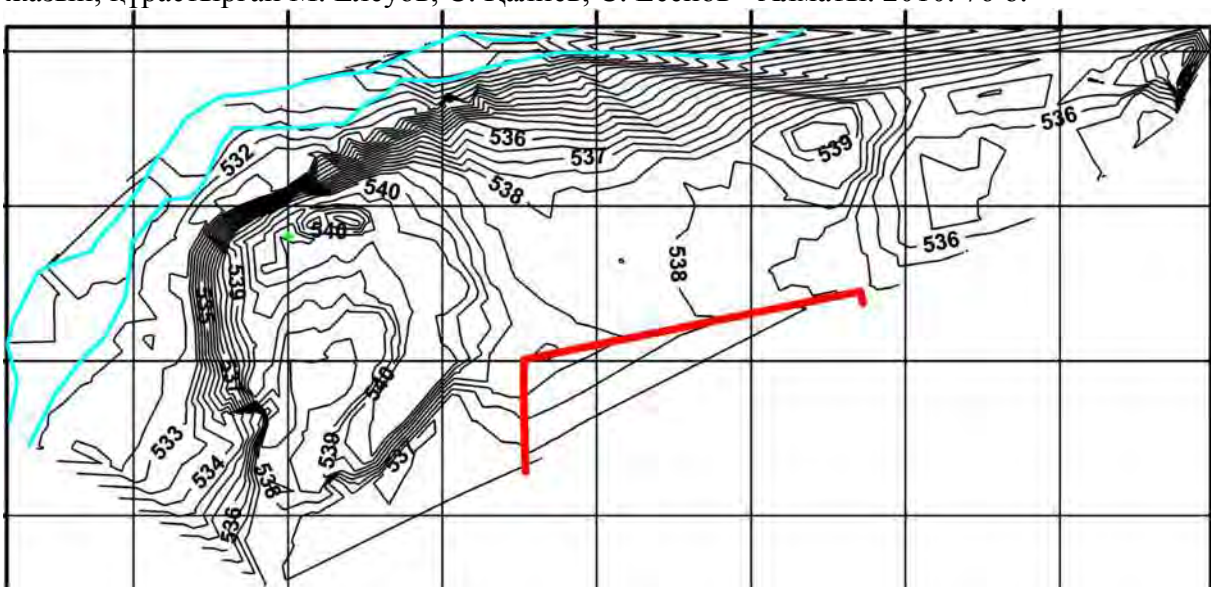


Рис. 1. Топоплан

Кукушкин А.И.

Казахстан, Караганда Предварительные итоги паспортизации археологических памятников Абайского района Карагандинской области

Абайский район, с райцентром в г. Абай, занимает центральную часть Карагандинской области. Местность характеризуется степными равнинными ландшафтами, чередующимися с мелкосопочником. Гидросистема представлена такими реками как Нура, Шерубай-Нура, Есен, Топар. Общая площадь района составляет 6,4 тыс. км^2 [4, с. 96].

В археологии Центрального Казахстана Абайский район имеет особый статус. Именно здесь в 1933 г. П.С. Рыковым и М.П. Грязновым был исследован знаменитый могильник Дандыбай [8;3], материалы которого легли в основу выделения К.А. Акишевым дандыбаевского этапа андроновской культуры [1].

Позднее могильники Дандыбай и Бегазы стали эпонимными для памятников самостоятельной культуры бронзового века, в дальнейшем обобщенных в монографическом исследовании А.Х. Маргулана [6].

В настоящее время местонахождение некрополя точно не установлено. Предполагается, что могильник Дандыбай вместе с одноименным аулом был в свое время затоплен водами Топарского водохранилища.

Ярким событием в центрально-казахстанской археологии стали также материалы кургана Кулаайгыр. В 1986 г. в музей археологии и этнографии КарГУ поступили сведения о грабительских раскопках местным населением средневекового кургана в Абайском районе вблизи п. Кулаайгыр. Выехавшему на место Ломану В.Г. удалось собрать у жителей позолоченные накладки из серебра, китайское бронзовое зеркало с изображением чайной церемонии и серебряный кубок с зооморфными рисунками. Находки были датированы 13-14

вв. и отнесены к аскизской культуре [2].

Эпизодические аварийные раскопки отдельных памятников, проводившиеся в Абайском районе экспедицией КарГУ, позволили выявить несколько детских погребений петровской культуры на могильнике Есенгельды (1982 г.), а также каплевидный каменный жертвенник, найденный в погребении Топарского могильника (1997 г.), ближайшие аналогии которому отмечаются у приаральских саков.

Последние значительные исследования были проведены в 2010 г Сарыаркинской археологической экспедицией под руководством А.З. Бейсенова. Были раскопаны крупный одиночный курган и могильник Шерубай на окраине п. Южный. Конструктивные особенности курганов и вещевой инвентарь позволили отнести памятники к скифо-сакскому периоду.

В целом вопросами выявления и паспортизации археологических памятников на территории Абайского района в разное время занимались В.В. Варфоломеев, В.Г. Ломан, В.А. Новоженов, А.Ю. Чиндин, И. А. Кукушкин, Н.Б. Попов, Е.Н. Нурмаганбетов. В общей сложности было зафиксировано более 40 объектов материальной культуры, неравномерно сконцентрированных в наиболее благоприятных для проживания природно-ландшафтных зонах [6,7].

В 2010 году в рамках составления «Свода памятников Карагандинской области», осуществляемого по региональной программе «Культурное наследие», была проведена сверка данных паспортов памятников с объектами, расположенными на местности. Подтверждено 36 памятников списочного учета.

В связи с малоизученностью района были осуществлены дополнительные мероприятия по выявлению и фиксации новых объектов истории и культуры. Разведочными маршрутами были охвачены бассейны таких рек как Нура, Шерубай-Нура, Есен, а также территория вдоль не эксплуатируемого канала Нура - Сарысу (аналог Иртыш
- Караганды). Общее количество раннее зафиксированных и вновь выявленных памятников археологии составило 65 единиц. В процессе проводимой паспортизации повсеместно применялся прибор глобального позиционирования (GPS), а также составлялись точные планы местности с последующей цифровой фотофиксацией объектов.

По эпохам и в количественном отношении зафиксированные объекты распределились следующим образом: к каменному веку отнесено 3 стоянки, к эпохе бронзы 7 памятников, к раннему железному веку 34 курганных групп и одиночных курганов, к периоду средневековья 21 объект (курганы и могильники).

Все учтенные стоянки каменного века расположены у водных источников. Представлены открытым типом стоянок, характерной особенностью которых является отсутствие культурного слоя. Подъемные сборы выявили орудия труда, изготовленные из кремнистых пород, а также отходы каменной индустрии. Памятники отнесены к неолитическому периоду.

Эпоха бронзы представлена двумя поселениями и пятью могильниками. Поселения располагались по берегам рек и были выявлены благодаря скоплениям керамики в обрывистых местах берега. Четко фиксируемых жилищных западин не отмечено, хотя в береговом срезе профили котлованов присутствуют. Могильники состоят из округлых в плане оград, сооруженных из плит, установленных на ребро. Нередко фиксируется курганная насыпь, причем такие курганы-ограды могут иметь довольно значительные параметры, достигая в диаметре 17 м при высоте 1 м (могильник Шерубай
1, к-н 3). Немногочисленность памятников бронзового века видимо предполагала наличие иных более благоприятных факторов, предъявляемых к условиям проживания и необходимых для ведения традиционной хозяйственно-культурной деятельности в этот период.

Основная масса памятников раннего железного века расположена вдоль обоих берегов реки Шерубай-Нуры, занимая обширные прибрежные долины. Наибольшая концентрация наблюдается у пос. Южный, от которого они тянутся на протяжении 30 км вплоть до пос. Шыгыс (Восток), постепенно уменьшаясь в количественном отношении. Около 50% памятников отнесено к так называемым «царским» и элитным курганам, иногда образующим небольшие группы по 2-3 объекта.

Курганы, как правило, имеют земляные или каменно-земляные насыпи, нередко окруженные широким кольцевым рвом. Наиболее крупным из них является курган Шерубай, имеющий диаметр порядка 60 м и высоту более 4 м.

Видимо, в период раннего железного века долина реки Шерубай-Нуры имела сакральный статус среди местного населения и играла ту же роль, что и священные Герры у «царских» скифов Северного Причерноморья.

Курганы с так называемыми усами отмечены лишь в единичном случае на левом берегу реки Нуры северо-западнее г. Шахтинска. Причем 2 кургана с дугообразными каменными выкладками были расположены в непосредственной близости параллельно друг другу.

Памятники средневекового периода представлены небольшими курганами, имеющими каменную насыпь, не превышающую в диаметре 10-12 м, высотой до 0,5 м. Обычно они тяготеют к естественным возвышенностям и высоким сопкам. На вершине нередко можно увидеть выложенное из камня обо. Возможно, высотное расположение погребальных сооружений связано с верой в Тенгри-божество синего неба.

Таким образом, Абайский район представлен всем спектром археологических памятников от эпохи камня до средневековья. Дальнейшее более углубленное исследование памятников данного региона позволит создать более целостную картину, опирающуюся на материалы фактических находок.

* * *

Караганды облысы бойынша 2008-2010 жылдарга арналган «Мэдени мура» аймақтық багдарламасын жүзеге асыру барсында Караганды облысыныц тарихи- мэдени ескерткіштер Жинагын дайындау мақсатында Абай ауданының археологиял ық ескерткіштері анықталып, паспорттары жасалды. Барлыгы 65 ескерткіш анықталды, соның ішінде 3 - неолит дәуіріне, 7 - қола дәуіріне, 34- ерте темір дәуіріне, 21 - ортагасырга жатады. Ескерткіштердің негізгі болігі Шерубай-Нұра озені алқабында орналасқан.

Список использованных источников и литературы

1. Акишев К.А. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореферат дисс.... канд. ист. Наук. Л. 1953
2. Боталов С.Г. Аскизский комплекс Кулаайгыр //СА. 1992. №2
3. Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. 1958. № XVI
4. Караганда, Карагандинская область: энциклопедия,- Алматы: Атамұра, 2008
5. Маргулан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана - Алма- Ата. 1979
6. Отчет о полевых исследованиях археологической экспедиции Карагандинского университета в Карагандинской области в 1988 году - Караганда, 1988. Архив САИ
7. Отчет об археологических исследованиях на территории Карагандинской области в 1991 г. Караганда, 1992. Архив САИ

8. Рыков С.П. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // Известия ГАИМК, вып. 110. Археологические работы Академии на новостройках. Т. II. М.-Л. 1935

Курманкулов Ж.К.[1], Переводчикова Е.В.[2], Болелов С.Б[2].
Казахстан, Алматы[1]; Россия, Москва[2]

Работы на цитадели городища Чирик-Рабат в 2009 - 2010 гг.

В 2009 - 2010 гг. Чирик-Рабатская экспедиция Института археологии им. А.Х. Маргулана (начальник Ж.К. Курманкулов) продолжала раскопки в ЮЗ части средневековой цитадели городища. Работы проводились на территории, прилегающей к траншее, в которой под пахсовой платформой был обнаружен ранний слой, относящийся к чирик-рабатской культуре V-II вв. до н.э. Траншея почти по всей длине была расширена и таким образом превращена в раскоп.

Слой пахсовых блоков общей толщиной 50-80 см снимался постепенно. В процессе работы в нем были обнаружены прослойки более мягкой разрушенной пахсы, в которой были найдены незначительные фрагменты керамики и кости. Эти прослойки можно трактовать как границы между отдельными слоями пахсовых блоков; во время сооружения платформы по их поверхности ходили строители и оставляли незначительные следы своей жизни (находки керамики, костей, а также слабые следы прокала обычны при подобных ситуациях). В теле платформы обнаружены стены из пахсовых блоков. Между ними укладывались неперевязанные блоки, которые местами несколько проседали. Подобный прием возведения субструкций уже был прослежен в средневековой застройке на цитадели Чирик-Рабата (пом. 10).

В раннем слое были найдены многочисленные остатки очагов, перекрывавших друг друга. Очаги были сильно размыты, а от связанных с ними поверхностей полов в большинстве случаев ничего не осталось. Удалось выделить только два верхних уровня полов, на которых стояли очаги, и местами были прослежены остатки стен, к которым под-ходи л и полы.

На одном из верхних полов стояло сложное сооружение - печь с тремя камерами, в которых сохранились следы золы и фрагменты керамики и костей. Наверху посередине этой печи находился очаг, обложенный кирпичами (рис. 1). Грань одного из его кирпичей составляла единую закопченную поверхность со стенкой нижней камеры.

Под верхними, в какой-то степени сохранившимися полами, находились фрагменты очагов, перекрывавших друг друга, Чем ниже, тем хуже была их сохранность. Остатки очагов здесь почти полностью разрушены натеками и песчаными надувами.

Такая ситуация близко напоминает картину, наблюдавшуюся в прошлом сезоне при раскопках средневековой стены цитадели: если кирпичи верхнего уровня еще сохраняли какую-то форму, то находившиеся под ними были практически сплошь размыты и покрыты надутым песком.

Это сходство позволяет полагать, что верхние слои чирик-рабатской культуры в этой части памятника находились в открытом виде и подвергались воздействию природных факторов. Отсутствие над ними пустынных наносов объясняется тем, что этот участок находился на самом ЮЗ краю террасы и был открыт сильному ветру. Перекрывавшая ранний слой пахса сыграла консервирующую роль для его верхней части.

В процессе расчистки слоя обнаружилось, что находящиеся здесь строительные ос-татки составляют часть некой единой картины: ряды кирпичей и пахсовых блоков тянутся в направлении С-Ю почти по всей раскопанной площади. Под ними залегает единая плотная светлая пахсовая поверхность, граница которой уходит в край раскопа. Иными словами, перед нами не отдельные помещения, а незначительная часть некоего достаточно большого сооружения, остатки которого находятся в очень плохом состоянии.

Одна из линий кирпичей упирается в яму квадратной формы, края ее размыты, один угол

покосился, одна стенка испорчена натеком. Яма была заполнена натечным слоем, в котором были найдены фрагменты керамики. Дно имеет четкий квадратный контур, вдоль стен оно плоское, в середине находится квадратное углубление. Каждый уступ вдоль стен разделен легкими углубления на три равных квадрата, по размерам, близким центральному углублению (рис. 2). Более всего эта яма напоминает основания колонн, найденных на городище Калалы-гыр 2 в Левобережном Хорезме [5, с. 75], где подобная композиция углублений тоже была заполнена натеками. Похожей формы углубление от основания колонны было обнаружено на Нурумском поселении, усадьба № 15 (раскопки С.Б. Болелова 1990 г.). Вообще находки оснований колон нечасты [4, с. 52-53], что говорит о важности нашей находки и необходимости поиска других колонн на прилегающей территории (колонны, как правило, встречаются по
2 или по 4). Эта находка свидетельствует также о значительности сооружения, к которому она относится.

Основание колонны было перекрыто описанной выше печной конструкцией, что свидетельствует о принципиальном изменении организации пространства и заставляет говорить о наличии как минимум двух строительных периодов жизни на городище в кон-це чирик-рабатской эпохи.

В ходе раскопок получен немногочисленный, но достаточно характерный керамический комплекс[5]. При обработке материала учитывались все профильные части керамических сосудов.

Большая часть керамики найдена в культурных слоях под пахсовой платформой. Наибольшее количество фрагментов происходит из заполнения трехкамерной печи, а так-же с поверхности под пахсовыми блоками. Незначительное количество керамики найдено непосредственно в слое пахсы, из которой была сделана платформа.

Исходя из стратиграфической ситуации на раскопе, комплекс из слоев под пахсовой платформой и, соответственно, относящийся к определенному периоду существования городища, можно рассматривать как единое целое.

По способу изготовления вся керамика подразделяется на две группы: посуда, изго-товленная на гончарном круге быстрого вращения, и посуда, изготовленная от руки и подправленная на гончарном круге[6].

Находки фрагментов сосудов первой группы единичны. Все они сформованы из глины хорошего качества с незначительными примесями извести и, в меньшей степени, хорошо измельченного шамота.

Обращает на себя внимание фрагмент стенки крупного гончарного сосуда, возмож-но фляги, на внешнюю поверхность которого до обжига был нанесен рисунок. Сохрани-лась только нижняя часть, как можно предполагать, фигуры птицы с длинным хвостом (рис. 3: 1, 4). Фрагмент по-своему уникальный, во всяком случае, ничего подобного в ке-рамических комплексах Чирик-Рабатской культуры пока не было известно. Если это действительно фрагмент плоской стороны фляги, то ее можно рассматривать как прямое местное подражание хорезмийским флягам с оттиснутыми рельефами на плоской стороне, тем более, что изображения птиц встречаются на хорезмийских вьючных керамических флягах IV-II вв. до н.э. [8, с. 124-125, рис. 65; 6, с. 205, рис.78; 7, ил. 15]. Возможно, этой фляге принадлежал найденный рядом фрагмент венчика сосуда из похожей глины (рис. 3: 2). Кроме того, следует отметить небольшой фрагмент красноглиняного кувшина, снаружи покрытого красным ангобом.

У сосуда был отогнутый, немного утолщенный, под треугольный в сечении, слабопро-

5 обработка керамики в поле (описание, подсчет и рисование) производилась в 2009 г. В.В. Пилипен- ком, в 2010 г. - А.А. Сычевым.

6 обработка керамики в поле (описание, подсчет и рисование) производилась в 2009 г. В.В. Пилипен- ком, в 2010 г. - А.А. Сычевым.

филированный венчик (рис. 3: 3). Не исключено, что к это-му же сосуду относится фрагмент дна, найденный рядом (рис. 3: 4). По технологическим и морфологическим признакам данный кувшин находит себе прямые аналогии в комплексах последней трети I тыс. до н.э. земледельческих областей Средней

Азии, прежде всего Хорезма [5, с.135, рис. 3/23, 9; с. 138, рис. 3/25, 1,3]. Следует заметить, что для чирик-рабатских кувшинов какая-либо профилировка венчика не характерна [2, с. 69-71]. Отдельно следует отметить фрагмент верхней части, надо полагать, крупного горшковидного сосуда с массивным венчиком, сечение которого имеет клювовидные очертания (рис. 3: 5), который по морфологическим признакам вполне сопоставим с клювовидными венчиками хумчей и крупных горшковидных сосудов, довольно широко представленными в керамическом комплексе Хорезма позднеархаического периода (V-первая половина IV вв. до н.э.) [3, с. 122-125, рис. 36; 1, с. 51].

В количественном отношении в комплексе, безусловно, преобладает керамика второй группы, где ведущими формами являются горшки и кувшиновидные сосуды без ручки с невысокой горловиной. По параметрическим признакам эти сосуды достаточно близки между собой. У всех было яйцевидное или удлиненное сферическое тулово и сравнительно покатые плечики. Основными формообразующими признаками, в данном случае, являются диаметр устья и высота горловины, а также их соотношение. Все горшки независимо от диаметра устья имели невысокую шейку (рис. 3: 6-8).

У большинства горшков был прямой, не утолщенный, в большей или в меньшей сте-пени отогнутый наружу верхний край (рис. 3:13-17). Вместе с тем, встречаются сосуды с округлым, четко выделенным венчиком в виде валика (рис. 3: 9). У отдельных сосудов отмечены следы декора. Обычно пальцевыми вдавлениями, прямыми или косыми насечками, нанесенными до обжига по слегка подсушенной глине украшался верхний край сосуда с внешней стороны (рис. 3: 6, 7, 10, 11). Этот вид орнаментации наиболее характерен для лепных сосудов Чирик-Рабатской культуры, но, в целом, в комплексе орнаментированных сосудов немного, менее 3% [2, с. 60, рис. 73].

У большинства кувшиновидных сосудов венчик не выделен. Они имели прямой отогнутый наружу верхний край. Вместе с тем встречаются сосуды с утолщенным, подтреугольным в сечении, также отогнутым венчиком, нижний край которого немного оттянут вниз, и в этом случае он приобретал очертания клювовидного.

Нижние части закрытых форм представлены немногочисленными фрагментами. Встречаются как плоскодонные сосуды, так и лепные сосуды на выделенном дисковидном поддоне (рис. 3: 19, 20), что свидетельствует об использовании одноэлементного донного начина при конструировании формы.

Открытые формы керамики второй группы представлены единичными экземплярами. Можно отметить, например, фрагмент полусферической миски с прямым верхним краем (рис. 3: 18). Этот тип лепной посуды достаточно хорошо известен в комплексах Чирик-Рабатской культуры [8, с. 170, рис. 95, б; с. 171, рис. 96, б].

Итак, в культурных слоях, подстилающих пахсовые блоки, получен немногочисленный, но, как представляется, достаточно гомогенный керамический комплекс. Основной составляющей комплекса, помимо невыразительных стенок крупных сосудов, среди которых, впрочем, выделяются фрагменты с росписью красной ангобной краской по светлому фону, характерной для керамики Хорезма V-II вв. до н.э., являются фрагменты горшковидных и кувшиновидных сосудов. В комплексе представлена как лепная, так и гончарная посуда. Наиболее характерны фрагменты венчиков лепных сосудов с немного утолщенным венчиком и округлым верхним краем, а также фрагменты кувшинов или кувшиновидных сосудов, изготовленных на гончарном круге с также утолщенным подтреугольным в сечении венчиком. Кроме того, следует отметить присутствие в слое фрагментов нижних частей лепных сосудов закрытой формы на низком, но четко выраженным дисковидном поддоне.

Все эти формы находят себе прямые аналогии в керамическом комплексе Чирик-Рабатской культуры [8, рис. 84, 96;2, с. 56 и сл.]. Таким образом, исходя из приведенных выше параллелей и аналогий, немногочисленный комплекс керамики, полученный из культурных слоев под пах- совой платформой, предварительно можно датировать в пределах V-II вв. до н.э., то есть всего периода существования Чирик-Рабатской культуры.

* * *

Мақалада Шірік-Рабат қалашығының 2009-2010 жылдарындағы цитаделдегі жұмыстардын нәтижелері берілген. Көрсетілген уақыттағы жұмыстары Оңтүстік- Батыс бөлігінде жүргізілген. Б.з.б. V-II ғ. Шірік-Рабат мәдениетіне қатысты ерте қабаттары анықталды. Құрылыс элементері және материалдық мәдениет заттары туралы айтылған.

Список использованных источников и литературы

1. Болелов С.Б. К вопросу о периодизации раннего этапа истории древнего Хорезма // TRANSOXIANA. История и культура. Ташкент. 2004
2. Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирик-Рабатская культура. Низовья Сырдарьи в др,евности. Вып. 1. М. 1993
3. Воробьева М.Г. Дингильдже. Усадьба I тыс. до н.э. в древнем Хорезме. М. 1973
4. Гертман А.Н. Строительная техника древнего Хорезма. Автореф. дис.... канд. ист. наук. М. 1989
5. Калалы-гыр 2. Культовый центр IV-II вв. до н.э. в левобережном Хорезме. М. 2004
6. Кой-Крылган-кала. Памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. - IV в. н.э. Труды ХАЭЭ. т. V. М. 1967
7. Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е., Левина Л.М. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М. 2000
8. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М. 1962

Рис. 1. Раскоп 4. Участок ЮВ-1. Очажная конструкция в слое чирик-рабатского времени. Вид с Севера

Рис. 2. Раскоп 4. Участок ЮВ-1. Яма основание колонны. Вид с ЮЮЗ

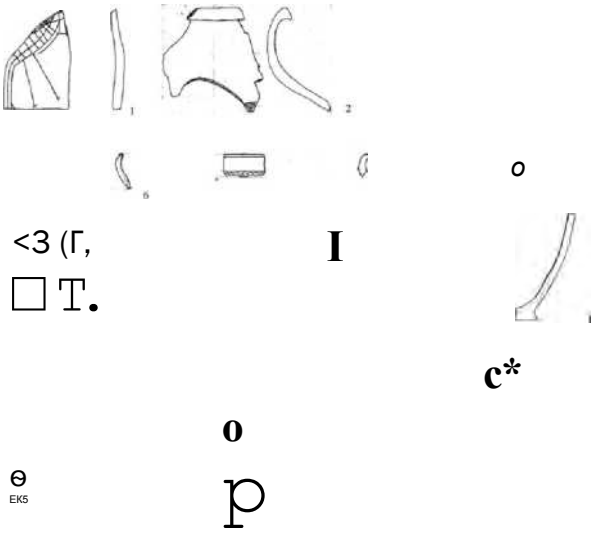


Рис. 3. Фрагменты керамических сосудов (1-5 - фрагменты гончарных сосудов, 6-20 - фрагменты лепных сосудов)

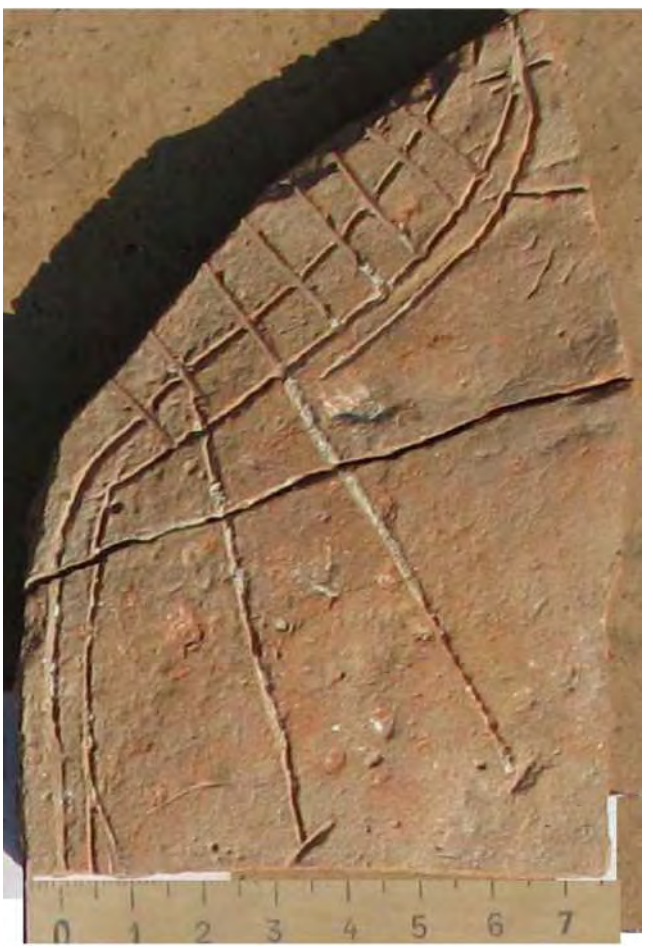


Рис. 4. Фрагмент фляги (?) с изображением птицы

Қабдоллаев М.С.
К/азақстан, Өскемен Шығыс Қазақстан өлкесіндегі жартас суреттерінің зерттелуі

Сонау жоғарғы палеолит дәуірінде пайда болып, қазіргі заманға дейін келіп жеткен жартас суреттері - бір жағынан, оларды салған адам баласының рухани жан-дүниесін көрсететін «ашық аспан астындағы галерея» болса, ал екінші жағынан, өткен дәуірлер мен қоғамдар тарихы үшін теңдесі жоқ дерек көздерінің бірі. Петроглиф - латынның «петро» - тас және гректің «глиф» - жазу деген сөздерінен құралған термин. Қазақ тілінде ол - жартастағы жазу немесе сурет деген ұғымды білдіреді [1, с.3]. Жартас суреттерінен біз ата-бабаларымыздың күнделікті түрмыс тіршілігіне, шаруашылығы мен кәсібіне, діни наным-сенімдері мен әдет-ғұрыптарына, дүниетанымына, қоршаған ортамен қарым-қатынасына және басқа да іс-әрекеттеріне байланысты мағлұматтарды ала-аламыз.

Шығыс Қазақстанның тасқа салынған суреттері жайлы алғашқы материалдар Г.И.Спасскийдің бастамасымен «Азиатский вестник», «Сібір хабаршысы» журнал- дарында жарық көрді. Г.И.Спасский Ертістің жоғарғы ағысындағы өз зерттеулерін жалғастыра отырып Смолянка өзенінің Ертіске құятын жерінің маңынан Зряновский кенішінен 7 шақырым батысқа қарайғы жерлерден әртүрлі «түзу, тік және бұрышты тор» түріндегі «сызбаларды» тапты. Әсіресе, Г.И.Спасский Бұқтырма өзенінің жағасындағы адамның екі ізіне ерекше тоқталып, бұл ескерткіштерді барлық жолау- шылар мен жүргіншілер үшін өте қызықты деп көрсетеді. Жал пы, Бұқтырма үңіріндегі суреттердің көшірмесі 1805 жылы жасалынса да, оны ең алғаш толық зерттеп жазған

- Г.И. Спасский. Ол суреттердің мағынасы мен уақыты турасында былай дейді: «Алып жартастарға салынған бұл суреттерді өзінің әдеттегіден тыс, дөрекі өрнектелгендігіне қарап оларды ойын-сауықшыл адамдардың ермек үшін салған шимайы демеуіміз керек. Олар қорғандармен бірдей, көнеден қалған ескерткіштерге саналады. Байқауға болатыны бұл жердің ежелгі түрғындары өрнек салудың оңай тәсілімен таныс бол- маса да, өздеріне тән әріп белгілері арқылы қандайда бір маңызды оқиғаны, өз түжырымдарымен ойларын кейінгі үрпақтарына жеткізгілері келсе керек. Олай болса бұл өрнектер әлі маңызын жоғалтпаған аса құнды жылнама деп есептеуімізге болады. Ал бұлардың жүмбағын шешу тарих пен философия үшін айтарлықтай жаңалық болар еді» - дейді. [2,с.5-7]

Сібірлік таңбаларды басқа аудандардың осы тәріздес ескерткіштерімен салыстыра отырып Г.И.Спасский олардың ортақ белгілерін анықтамақ болды. Сонымен бірге ол жалпы тастағы таңбаларға зерттеу жүргізудің бірқатар әдіс-тәсілдерін үсынды. Осыған ұқсас ескерткіштерді кейінгі үрпаққа жеткізу, сақтауды үлкен ерлік деп бағалады. Және тарих үшін маңыздылығын баса көрсетті.

Жалпы петроглифтер тас дәуірінен басталып әртүрлі тайпаларда реализмнен шарттылыққа дейін түрлі мағыналарда қолданылды.[3,с.254-55] Оларды зерттеу де ежелгі адамдардың материалдық және рухани мәдениеті жайлы жан жақты деректер аламыз.

Ертіс бойындағы тасқа салынған таңбалар - А.Н.Седельников, Т.П.Белоногов, П.Н.Сталпянский, С.И.Гуляев, Б.Г.Герасимов, К.Риттер, Н.М.Ядринцев сын- ды зерттеушілердің назарына іліккен нысанға айналды. Н.Н.Ядринцев - Ертіс бойындағы таңбалар осы өлкені мекендеген ежелгі түрғындардың бақташылықпен айналысқандығын дәлелдейді, ал Бұқтырма жартастарындағы түрлі геометриялық өрнектер жазудың басталғандығынан хабар береді - деген өзіндік пікірін үсынды. Сондай-ақ ол осы геометриялық өрнектердің бірқатарын пиктограммалар қатарын қосты [4,с.8].

XIX ғасырдың I жартысында В.Ледебур қазақ дал асынан өтіп Алтай таулары арқыл ы жол жүргенде жолшыбай Күршім өзенінің жоғарғы ағысындағы Дольн-Кара тауының оңтүстік беткейінен бұрын белгісіз болып келген арқардың, бұғының суреттерін тап- ты. «Бұл суреттерді қазіргі қырғыздар салмаған, бұл таңбалар Енисей бойындағы таңбалар тәрізді ежелгі дәуірге жатады» - деп Мейер нақтылай түсті. Штаб-капитаны А.Влангалидің жоғарғы орынға берген есебінде де жартасқа салынған таңбалар жайлы қысқаша айтылады.

Бұдан былайғы Шығыс Қазақстан өлкесін зерттеу жұмыстары орыстың географиялық қоғамының батыс сібір бөлімімен тығыз байланысты [4,с. 11-12]. Олар қазіргі Шығыс Қазақстан территориясындағы, атап айтар болсақ: Нарын тауындағы, Кара-Кабы ауданындағы

Чанағаты кентінің маңындағы және Қарой ауданындағы Көкпекті өзенінің алқабындағы Бюртастаган елді-мекеніндегі, сондай-ақ Кальжир өзені жүйесіндегі тастағы түрлі таңбаларға бақылау жасады.

Бұл қоғамның белсенді мүшелерінің бірі А.В.Андрианов 1881 жылғы өзінің «Алтайға сапарының жазбаларында» көне ескерткіштерді сақтау-қорғау қажеттігін ерекше атап көрсетті. Негізінен А.В.Адрианов таңбалар мен олардың орналасқан жерлерін өз ақпаратшыларының деректеріне сүйене отырып сипаттады. Ол осы таңбалар туралы өз сөзінде: «бұл мол таңбалар онердің әлсіз дамығандығымен, дорекі жасалғандығымен ерекшеленеді. Бір ескерте кететіні, озім бақылаған бұл таңбалардың озгешелігі - олардың эскиздігі. Ал мұндай таңбалар еш жерде кездеспейді. Мысалы: Минусинский уездіндегі мыңдаған фигуралардың арасынан мұндай таңбаларды тап- пайсыз!» - дейді.[5,с.72]

Таловка ауылының маңындағы жәнеКөксу озенініңбойындағы тау жартастарындағы суреттердің бірқатарын Н.Гуляев суреттеп жазды. Ол бұл таңбаларды Томи өзенінің таңбаларымен салыстырды. Алайда Таловкалық таңбалардың Томи өзенінің таңбаларына қарағанда әр келкі екендігіне козі жетті.

Өкіндіретін тағы бір жай: Орыс географиялық қоғамының Батыс Сібір болімі жинаған Шығыс Қазақстан жеріндегі тастағы таңбалар жайлы деректер бір жүйеге келтіріл меген және әлі күнге дейін тол ықтай жарық көрген жоқ. Ол ардың кейбіреулері заңнамалық құжаттарда ғана жай айтылып кетеді [4,с.14-15].

XIX ғасырдың аяғы XX ғасырдың басында Шығыс Қазақстан жерінің ежелгі ескерткіштерін зерттеумен Семей облыстық статистикалық комитетіне қарасты семейлік олкетанушылар айналысты. Осы өлкетанушылардың бірі - Б.Г.Герасимов. Г.И. Спасскийдің еңбектеріндегі Никитинка ауылына жақын жердегі таңбаларды қайта қарап, өзінше түсінік берді.

Н.Я.Коншиннің зерттеу жумыстарында да Семей аймағындағы ежелгі ескерткіштер жайлы ақпаратшылардан алынған біраз деректер келтіріледі. Кейінірек оның үсынған деректері түрлі ғылыми жинақтарға енді. Қызыл жосамен салынған түрлі суреттер және осылармен байланысты Борітастаған тауының пайда болуы жайлы аңыздар Б.Байбуловтың бастамасымен жарық корді.

1910 жылы Орталық және Шығыс Азияны зерттеу мақсатында В.В.Радловтың бастамасымен Ғылым академиясының В.И.Каменов бастаған экспедициясы үйымдастырылды. Экспедиция Сарыбұлақ шатқалындағы, Бердыбайки өзенінің бойындағы Никитинка елді-мекенінің маңындағы түрлі жануарлардың суреттерін анықтады. Және бұл суреттерді фотаға түсіріп, оздерінше сипаттама жасады.

В.И.Каменскийдің осы сапардағы соңғы зерттеу нысаны. Бөрітастаған жартастары болды.БұлжергеолбелгілізерттеушіА.В.Адриановпенбіргекелді.Бұлекізерттеушінің жинаған деректері үзақ уақыт бойы олкетанушылар мен зерттеушілердің назарын аударып келген ғажап таңбалар жайлы толық түсінік береді. Олар тау жартастары- нан қызыл жосамен салынған түрлі таңбалармен әртүрлі хайуандардың бейнелерін тапты. Зерттеу барысында В.И.Каменский «бұл таңбалар Қырғыз тауларындағы басқа таңбаларға үқсамайды, олардан өзгеше» деген түжырымға келді. Және өзінің есебінде ол Борітастаған тауының шығуы жайлы көптеген аңыздардың бірін келтіреді. Ал А.В.Адрианов «бұл жерге қырғыздар құрбандық әкелді және бұл таңбаларды қасиетті санайды» - деп көрсетеді.

1930 жылдың ортасына дейін Шығыс Қазақстан жерінде тас таңбаларды арнайы зерттеу ісі жүргізілмеді. Тек 1928 жылы ғана геолог В.В.Резниченконың мақаласында Күршім өзенінің оң жақ ағысындағы Қарақыстау шатқалындағы тастағы суреттер жайлы айтылады. Ол осы аймақтың ауа райы, климаты кеңірек тоқталып, тастардың геологиялық құрылысына ерекше назар аударады. Оның мақаласындағы осы суреттердің көшірмесі және оларға талдау жасауы өте қызықты. Бұл жердің петроглифтерін Батыс Еуропалық үңгірдегі суреттермен қатар қойып, олардың мерзімін белгілеуде қателік жасады. Бұл жердегі петроглифтерден басқа ол дольн каралық суреттерге де тоқталады.

1935 жылы С.С. Черников бастаған Шығыс Қазақстан археологиялық экспедициясының құрылды. Экспедиция біраз үзілістермен 1972 жылға дейін өз жұмысын жалғастырды. Осы өңірдің жартас суреттеріде экспедиция назарынан тыс қалмады. 1935-37 жылдары олар жоғары

Ертіс бойына жасалған археологиялық барлау барысында тас таңбалары бар 19 орынды тапты.

Тарбағатай тауындағы Қарашат деген жердегі Бұғытас жартасындағы таңбалар жайлы филолог С және А.С. Аманжоловтардың мақалаларында кездеседі. Бұл таңбаларды этнограф В.П.Куралов та зерттеді. Ол орталық бөліктегі ондаған бейнелерді ақ бояумен бояды.

1960 жылдың басында Шығыс Қазақстанда Эрмитаждың Оңтүстік Алтай археологиялық экспедициясы жұмысжасады. Экспедиция бірнеше белгісіз болып кел- ген жартас суреттерін тапты. С.С.Сорокин Қотан-қарағайлық бұғы суреттерін кеңінен танымал скиф бұғыларымен салыстырды және бұл суреттерді б.з.д. I мыңжылдықпен мерзімдеді. Осы зерттеушілермен қатар 60-70 жылдары аралығында Шығыс Қазақстан өлкесіндегі тасқа салынған суреттерді зерттеумен филолог А.С.Аманжолов шұғылданды.

1974 жылдан бастап өлкеніц петроглифтерін зерттеумен З.С.Самашев айналы- са бастады. Ол Қалба, Нарын, Күршім, Тарбағатай, Мацырақ тауларына зерттеу- лер жүргізді. Нәтижесінде «Жоғарғы Ертістегі жартастағы тацбалар», «Қазақстан петроглифтері», «Қазақ петроглифтері» тағыда басқа бірқатар ецбектері жарық көрді. Ол өз зерттеулерін бүгінгі тацда да жалғастыруда. Қазірде Семей, Өскемен қалаларындағы жоғарғы оқу орындарындағы зерттеушілер де Шығыс Қазақстан петроглифтері жайлы біраз деректер үсынуда.

Көктүркініц алтын бесігі саналатын Алтай, онымен қол үстасқан Тарбағатай таулары талай тарихи уақиғалардыц куәсі екендігі даусыз. Тарихымызда мақтан түтарлықтай із қалдырған ата - бабаларымыз жазба һәм археологиялық ескерткіштермен қатар жартастарға тацба қалдырды. Бұл тацбалардыц мәнін, мағынасын түсіну, оларды сақтау бүгінгі үрпақтыц борышы.

* * *

Статья посвящена истории изучения петроглифов на территории Восточного Казахстана. Историографическая работа автора охватывает историю открытия петроглифов от дореволюционного периода до современности. Внимание обращено на интерпретацию и хронологию петроглифов.

Қолданылған деректер мен эдебиет тізімі

1. Самашев З.С, Жетібаев Ж. Қазақ петроглифтері (Коне тамыры мен сабақтастығы) Алматы. 2005. 134 б.
2. Самашев З.С. Наскальное изображение Верхного Прииртышья. Алма-Атаю 1992. 288 с.
3. Хомутов А.Е. Антропология: Уч. Пособие. 2007
4. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата. 1960
5. Андрианов А.В. К археологии Западного Алтая. 1916

Логвин А.В., Шевнина И.В.

Казахстан, Костанай Курган Халвай 3 (предварительное сообщение)

Курган находится в 100 км к западу от г. Костанай, на левом берегу тобольского рукава Каратомарского водохранилища, в 7-ми км к северо-востоку от поселка Халвай, Тарановского района Костанайской области. Раскопки проводились Тургайской археологической экспедицией в 2009 - 2010 гг. Памятник обнаружен осенью 2008 года местными жителями. Диаметр кургана 32 м со рвом, высота 1 м. Ров глубиной до 0,7 м, шириной, до 3 м. Почти половина кургана оказалась размыта Каратомарским водохранилищем. Летом 2009 года Тургайской археологической экспедицией, при непосредственном руководстве авторов были организованы спасательные раскопки. Всего на кургане Халвай 3 было зафиксировано 11 ям (рис. 1). Ямы №1, 3, 6, 8, 9 расположены под насыпью и относятся к эпохе бронзы, остальные погребения (№ 2, 3А, 4, 5, 7, 8А) являются впускными и были совершены в разные археологические периоды. По инвентарю ямы №7 погребение отнесено к эпохе РЖВ (раннесарматская культура). Яма №8А не содержит инвентаря, но по положению костяка и фиксации ямы, (яма находится под раннесарматским погребением) можно предположить, что время сооружения ямы также ранний железный век. Также в насыпи кургана Халвай 3 зафиксированы три детских погребения (№2,4,5). Яма №5 уверенно относится к синташтино-

петровской эпохе по найденным в ней сосудам. Погребение №2 и №4 артефактов не имеют, но по аналогии с известной традицией синташтино-петровцев хоронить детей в насыпях курганов или на периферии могильников, можно предположительно отнести эти погребения к бронзе. Яма №3А по погребальному инвентарю относится к эпохе раннего средневековья (VI-VIII вв. н.э.).

Начнем с описания погребений эпохи бронзы. Яма №1 находилась в южной разрушенной части кургана (рис. 1). Это наиболее пострадавшая яма, она находилась непосредственно в воде. Яма прямоугольной формы, размером 2,9х2,3 м, глубиной 1,1 м, ориентирована на юго-запад. Над ямой находилось перекрытие из больших бревен. Под перекрытием, в южном, северном и западном углу зафиксировано 3 сосуда (рис. 2: 1, 2, 4). Кроме этого в яме были найдены колчанный набор из 10 каменных наконечников, бронзовый наконечник копья с остатками древка (рис. 2: 3), два песта, топор- тесло с деревянной рукояткой и кожаной оплеткой. Дно и стенки ямы были устланы корой.

Яма №3 находилась в северной части кургана (рис. 1). Яма прямоугольной формы размером 4,9х3,9 м, глубиной 3,2 м, ориентирована по линии запад-восток. На глубине от 1 м зафиксировано деревянное перекрытие из бревен сосны и березы. Бревна лежат поперек, опираясь на края ямы и центральное бревно, которое располагалась по длинной оси ямы. На перекрытии в юго-восточном углу лежал череп лошади (?). В северном углу ямы (бревна на этом участке отсутствуют) зафиксирован грабительский лаз, который фиксируется с самого верхнего уровня мы и до глубины 2,8 м. В грабительском лазе отмечены фрагменты бронзы, керамики, каменные наконечники, человеческие кости. Лишь южная часть ямы, на глубине 2,9-3,2 м, по всей видимости, осталась нетронутой. Вдоль южной стенки артефакты располагались следующим образом: в центре маленький сосудик в бересте, под ним бронзовое шило, нож в чехле из ткани и бересты. По бокам от сосудика по одному черепу человека и по два сосуда. У западной стенки, найдены частично сохранившиеся человеческие кости рук с браслетами из бронзовых бус, у восточной стенки - еще один сосуд и бронзовое тесло с деревянной рукояткой и кожаной оплеткой (рис. 3: 1-3). Дно ямы было устелено берестой. По определениям антрополога А.В. Колбиной, среди определимых человеческих костей в яме было захоронено двое мужчин в возрасте от 25 до 30 лет и одна женщина 20-25 лет.

Яма №6 зафиксирована в западной части кургана (рис. 1). Яма прямоугольной формы, размером 3Дх2,5 м, глубиной 3Д м, ориентирована по линии север-юг. Над ямой зафиксировано два деревянных перекрытия из досок, которые опирались на края ямы. Доски (толщиной 2 см) нижнего перекрытия были уложены поперек ямы на центральную плаху. Перекрытие поддерживалось четырьмя столбиками, диаметром
10 см, которые располагались попарно вдоль длинных стенок ямы (северной и южной). Стены облицованы горизонтально вкопанными досками, обложенными берестой. Дно ямы устлано корой толщиной 5 см. Среди находок большой камень и 3 песта. В северной стенке за берестой, которой была оформлена стена, на глубине 2,5 м находился «клад» из бронзовых изделий (нож, шило, долото и тесло). Все это было завернуто в камыш.

Яма №8 зафиксирована в центральной части кургана (рис. 1). Яма прямоугольной формы размером 2,7х1,7 м, глубиной 2,95 м. Начиная с глубины 1 м и до самого дна ямы зафиксированы альчики (80 шт.). Кроме этого в яме был найден бронзовый нож.

Яма №9 находится в восточной части кургана (рис. 1). Яма прямоугольной формы размером 3,2х2,57 м, глубиной 3 м, имеет деревянное перекрытие из бревен березы и сосны (диаметр бревен от 5 см до 25 см). Бревна лежат поперек ямы, опираясь на края ямы, и центральную балку, которая идет вдоль длинной оси ямы. Между бревен зафиксирован камыш (?), по всей видимости, им заткнуты дырки и связаны бревна между собой. Перекрытие поддерживалось четырьмя столбиками (диаметром 10 см), которые попарно расположены вдоль длинной оси ямы (у восточной и западной стенок). На перекрытии, в юго-западном углу, зафиксирован череп барана (?). Под перекрытием найдены два втульчатых бронзовых наконечника копья с

деревянными обломанными древками (рис. 3,12,13), у западной стенки - береста почти прямоугольной формы, в ней находилось 8 каменных наконечников стрел и человеческие зубы. Кроме этого, в яме были найдены точильный камень, два песта, два бронзовых ножа, 6 сосудов (рис. 3,5,6), топор и «колчанный набор» из трех бронзовых, 9 каменных и трех деревянных наконечников стрел (рис. 3, 4-7-11). Дно и стены ямы облицованы корой, толщиной от 0,6 см до 2 см.

Яма №2 овальной формы, размером 0,8х4,5 м, находилась в насыпи кургана. Глубина 0,2 м (рис. 1). В яме зафиксирован скелет младенца на правом боку.

Яма №4 находилась в насыпи (рис. 1). Глубина 0,2 м. Контура нет. В яме зафиксированы остатки скелета новорожденного младенца, на левом боку.

Яма №5 находилась в насыпи (рис. 1). Глубина ОД м. Контура нет. В яме был захоронен ребенок, головой на северо-запад, на левом боку, руки перед лицом. В головах стояло два маленьких сосуда.

Яма №7 зафиксирована в насыпи кургана, часть ее обрушена вследствие размыва водой (рис.1). Глубина ОД м. Сохранилась лишь нижняя часть скелета мужчины 40-50 лет. Костяк лежал в вытянутом положении на спине, левая рука на тазу. У левой ноги найдены сосуд, ребра и позвоночник крупного животного, с обломками железного ножа.

Яма №8А прорезает яму №8, находится под ямой №7, контура не имеет. Костяк женщины 40-50 лет, находился в вытянутом положении на спине, головой на юг, руки вытянуты вдоль тела. В ногах найдена лопатка животного.

Яма №3А прорезает юго-западную часть ямы № 3, находится в насыпи (рис.1). Яма овальной формы 1,7х0,7 м, глубиной 0,55 м. В яме погребен мужчина старше 60 лет, ориентированный головой на север, на спине, в вытянутом положении левая рука на тазу, правая вытянута вдоль тела. Голова лежит на правом боку. С левой стороны скелета, по всей его длине находился деревянный лук с костяными накладками. У лица лежали череп и конечности МРС (?). А также среди сопутствующего инвентаря зафиксированы железные наконечники стрел, кинжал, две округлые пряжки, удила и прямоугольная костяная пряжка.

Ямы №1,3,6,8,9 относятся к развитой бронзе и находят широкие аналоги с синташтинскими памятниками Южного Урала и Северного Казахстана, но при этом нельзя не отметить явные абашевские параллели. Рассмотрим некоторые из них. Расположение могил в кургане рядами находит аналогии в уральской абашевской культуре [4, с. 153]. Два сосуда из ямы №3 имеют типично абашевские пропорции (рис. 3: 1, 3). Орнаментация сосудов из ям №1, 3, 9 (рис. 2:1,4; рис. 3: 2, 3, 5) так же имеет характерные черты орнамента уральской абашевской культуры [3, с. 104, 105]. Отсутствие костяков в ямах № 1,9 и намеренное нарушение анатомического порядка костей скелета в яме № 3 также приводит нас к абашевским параллелям [4, с. 153, 154]. Бронзовый вислообушный топор с бойком на обухе из ямы №9, казалось бы, имеет вполне традиционный синташтинский вид (рис. 3: 4), но при детальном его рассмотрении, отмечена сильно скошенная верхняя грань обуха и четкий перегиб в профиле, отделяющий обушную часть от клинка. Данные черты характерны для традиционного абашевского типа топоров [1, с. 51]. Бронзовый наконечник копья из ямы № 1 (рис. 2: 3), имеет короткое треугольное перо, ромбическое сечение ребра жесткости, разомкнутую втулку, которая орнаментирована треугольниками. По классификации Е.Н.Черных и С.В. Кузьминых данный наконечник относится к разряду КД-2, «основные технологические типологические параллели которого могут восходить к металлопроизводству абашевского типа» [5, с. 64,221]. Два литых наконечников копий из ямы № 9 (рис. 3:12, 13) , по всей видимости, относятся к турбинским литым копьям [2, с. 300].

Таким образом, курган Халвай 3 является синташтинским с явными чертами абашевской культуры и частично сейминско-турбинского транскультурного феномена. Кроме этого необходимо отметить, что рассматриваемый памятник является самым юго-восточным памятником синташтино-абашевского круга.

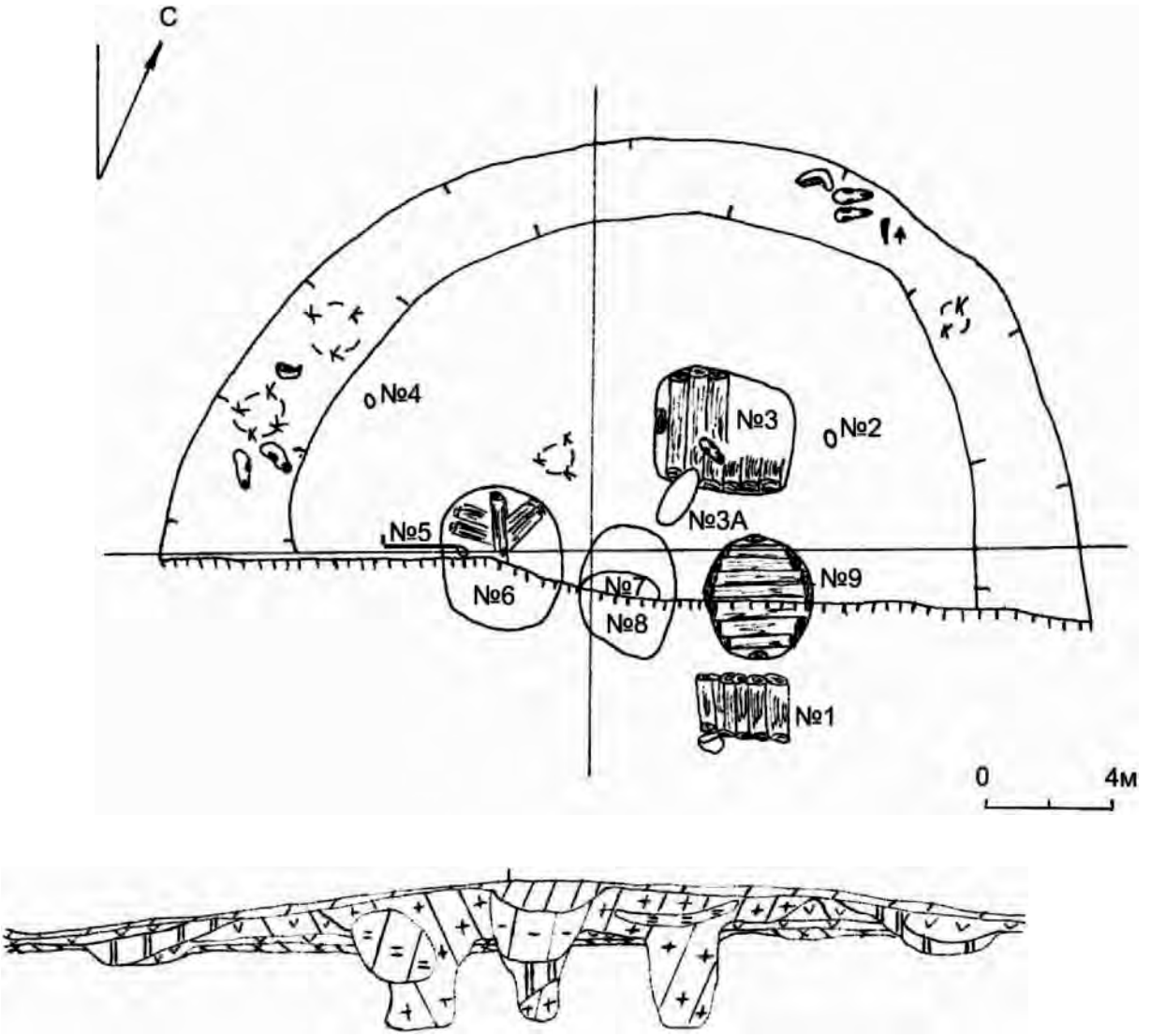
* * *

Мақалада Қостанай обылысы, Таран ауданында табылган, жойылу үстіде түрган қола ғасырыныц қорғанына шұғыл археологиялық қазба жұмыстарыныц нәтижелері берілген. Қазба жұмыстарын Торғай археологиялық экспедициясы 2009-2010 жылдары атқарған. Қорғаныц диаметірі 32 м, биіктігі 1м, жарты болігі Қаратомар су қоймасы шайып кеткен. Қорғанда барлығы 11 жерлеу шұцқырлары тіркелді, соныц бесеуі қола дәуірімен мерзімделеді, қалғандары әр-түрлі кезецдерге жатады.

Список использованных источников и литературы

1. Дегтярева А.Д. Металлические орудия труда синташтинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2006. №7
2. Дегтярева А.Д. Основные черты синташтинского металлопроизводства // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Москва. 2008. Том 1
3. Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара. 1992
4. Кузьмина О.В. Погребальный обряд абашевской культуры //Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Москва. 2003. - тезисы конференции. - Часть 1

5. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. Москва. 1989



[2] IVM -3 IVVMI777J - 5 VAAA-6(253-7 вғга-э^-ю

Рис. 1. Курган Халвай 3. План раскопа. 1 - супесь серовато-зеленого цвета; 2 - темно-серый суглинок (погребенная почва); 3 - суглинок пестроцвет; 4 - суглинок - серовато-коричневого цвета; 5 - гумусированная супесь темно-серого цвета; 6 - суглинок пестроцвет с белыми включениями; 7 - суглинок пестроцвет с белыми и зелеными включениями; 8 - супесь коричневого цвета; 9 - супесь темно-серого цвета; 10 - суглинок серовато-желтого цвета.

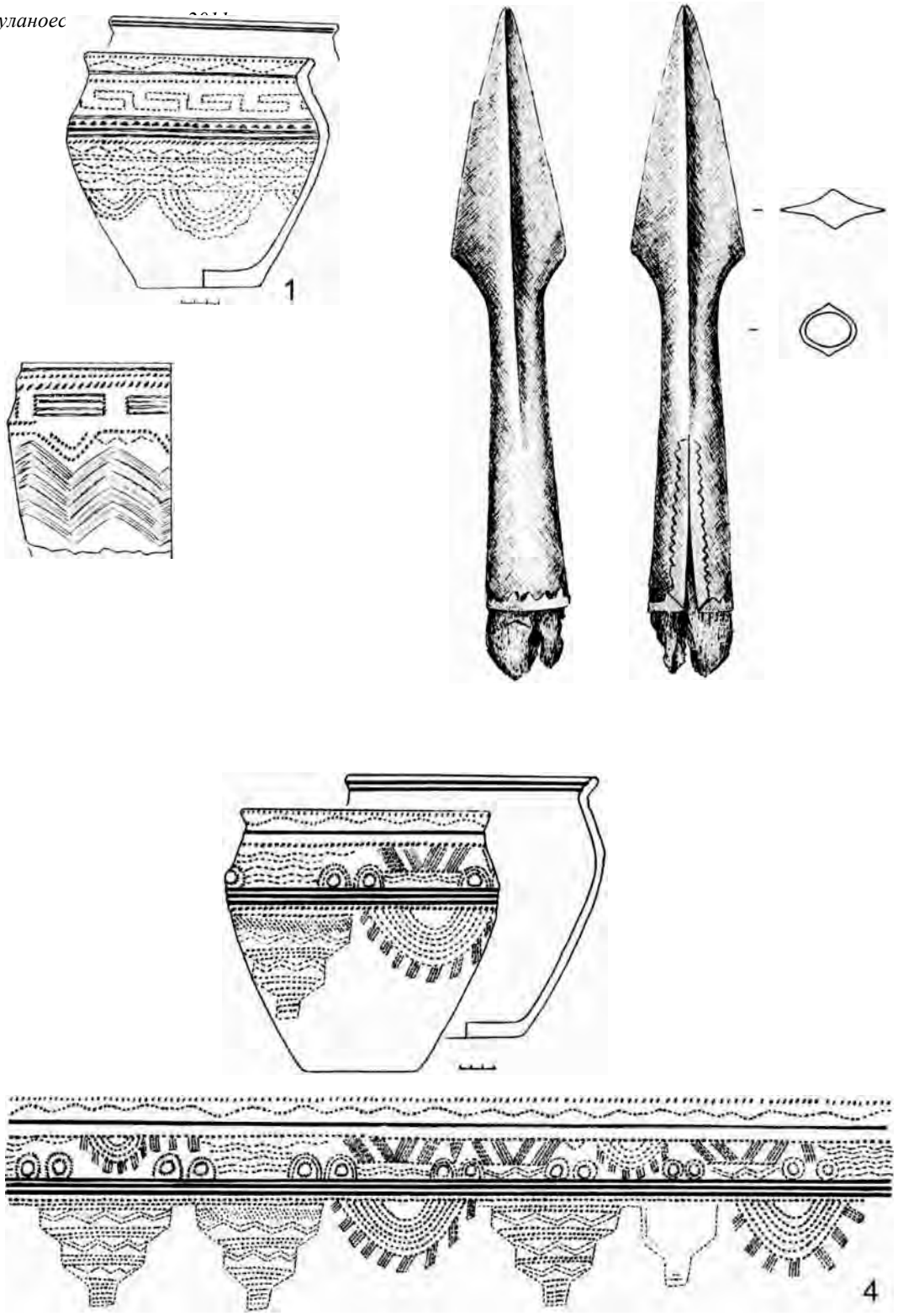


Рис.2. Курган Халвай 3. Яма № 1. Погребальный инвентарь. 1,2,4 - керамические сосуды; 3 - бронзовый наконечник копья.

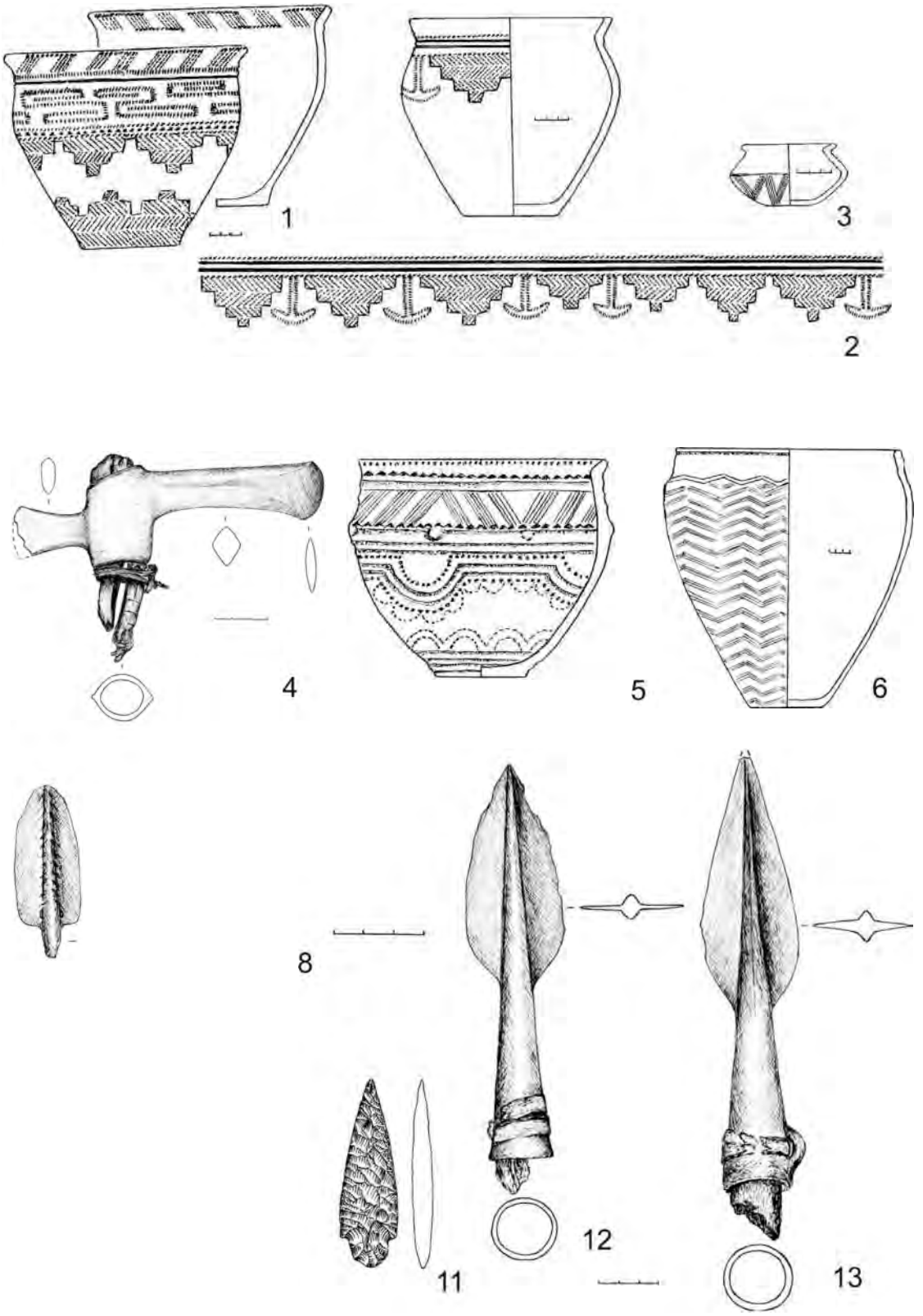


Рис. 3. Курган Халвай 3. погребальный инвентарь. 1-3 - яма № 3; 4-13 - яма № 9; 1-3, 5,6 - керамические сосуды; 4 -бронзовый топор; 7 - бронзовый наконечник стрелы; 8 -

деревянный наконечник стрелы; 9-11 - каменные наконечники стрел; 12,13 - бронзовые наконечники копий

Лошакова Т.Н.
Казахстан, Алматы Поселение Айтман на Устюрте (предварительное сообщение по итогам работ в 2006 и 2008 годах)

Археологические исследования на плато Устюрт, проводимые в последние годы, стали важным этапом в изучении памятников археологии на территории Прикаспия. В результате проведенных работ, археологическая карта Казахстана пополнилась десятками новых разновременных памятников, в том числе поселениями эпохи палеометалла Токсанбай, Айтман, Манайсор I-III.

Природно-географическая специфика региона, сложившаяся историческая ситуация на тот период, предопределили принцип расселения племен на Устюрте, выразившейся в приуроченности всех поселений к берегам соров, мысовидным выступам с обрывистыми склонами, которые являлись природной защитой от нападения. Из указанных поселений, к настоящему времени наиболее исследованным является поселение Токсанбай [1-3, 5].

В настоящей статье даны предварительные итоги изучения поселения Айтман. Поселение Айтман расположено в 134 км к северо-востоку от поселка Бейнеу, и в 10 км к югу от поселения Токсанбай, занимает мысовидный выступ чинка, который оказался устойчивее соседних с ним склонов и, поэтому практически не пострадал от природно-климатических влияний.

Впервые поселение было обследовано в начале 90-х годов, в рамках подготовки Свода памятников историко-культурного наследия. К сожалению, к началу исследований памятника отрядом Западно-Казахстанской археологической экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана, документация и материалы были утрачены. Повторное обследование памятника, проводившееся в 1997 году, показало, что проведенные ранее разведочные раскопки на поселении, проводились в северной его части, где были расчищены фрагменты конструкций, состоявшие из остатков основания стен помещений, и хозяйственных ящиков. В 1997 году также была проведена инструментальная съемка поселения и подняты два фрагментированных сосуда, составившие основную информативную часть керамической коллекции поселения.

Исследования в 2006 году были начаты в восточной части поселения, где четко прослеживались остатки конструкций. В ходе работ было выявлено, что принцип возведения жилых помещений имеет схожие элементы с архитектурной традицией, выявленной на поселении Токсанбай. Основным строительным материалом, так же служили плиты ракушечника. Расчищенные остатки каменных конструкций состоят из плит установленных и укрепленных разнообразными способами. Котлованы помещений также имели округлую форму. В основание стен устанавливались массивные вертикальные блоки, поверх которых укладывали плиты меньших размеров. Помещения обогревались очагом, устроенным в полу. В отличие от поселения Токсанбай, очаги вырубались в скальной породе. В расчищенной линии помещений отмечены в полу углубления округлой формы, диаметром от 7 до 10 см, предположительно относящиеся к столбовым конструкциям. Культурный слой поселения небольшой. На южной оконечности поселения, в результате выдувания, он вообще отсутствует, а в северной части доходит 50 см. Заполнение однородное - суглинок светло-коричневого цвета.

В ходе исследований с поселения была получена небольшая коллекция находок, в основном представленная сбором с поверхности поселения и со склонов: мелкие фрагменты керамики, изделия из кремния и камня, немногочисленная коллекция и палеозоологического материала.

Керамика, полученная на поселении Айтман, по данным технико-технологического анализа показывает, что исходным сырьем являлась ожелезненная глина с естественной примесью песка-кварца и известняка. Формовочный рецепт был зафиксирован один -

глина+шамот+органика (навоз). Содержание шамота доходит до 30 %, размер частиц достигает до 0,7 мм[7]. Большая часть керамической коллекции представлена мелкими фрагментами. Самыми яркими в коллекции керамики, являются поднятые с поверхности поселения в 1997 г. фрагменты двух сосудов, дата которых по C_{14} соответствует XVIII- XVII вв. до н.э.[8] [4]. В полученной керамической коллекции фрагменты верхней части сосудов в большинстве случаев указывают на не профилированные и слабо профилированные формы. Для орнаментации керамики использовались приемы гладкого прочерчивания, наколы и вдавления (рис.1). Изучая фрагменты керамики можно сделать вывод о том, что профилировка и технология изготовления сосудов, способ нанесения орнамента и традиция украшения сосудов аналогичны керамическому комплексу поселения Токсанабай.

Группа каменных орудий представлена пестом, который был обнаружен в основании кладки, в северной части раскопа, и фрагментом шлифованного орудия (рис. 2).

Коллекция кремневого инвентаря, полученная с поселения Айтман, насчитывает 143 экз., среди них: пластины и отщепы без ретуши, обломки камня, обломки нуклеусов, орудия на пластинах и отщепах, фрагменты наконечников, прочие орудия[9].

В качестве сырья использовались в основном халцедоны, кварциты.

Пластины без ретуши (10 экз.) шириной 12-18 мм, имеют следы сработанности.

Отщепы без ретуши (71 экз.) размером от 11 до 75 мм, преобладают размером 15-25 мм, практически все имеют следы сработанности. Обломки камня (24 экз.) размером от 12 до 35 мм, многие имеют следы сработанности. Нуклеусы (2 экз.) представлены обломками. Один обломок, видимо, конусовидного нуклеуса (рис. 3: 9) с негативами снятия пластин шириной 3-7 мм. Второй обломок имеет негативы снятия пластин шириной 3-4 мм.

Орудия на пластинах. Пластин с ретушью по боковому краю 6 экз. Две пластины с ретушью по одному краю с брюшка, имеются следы сработанности на проксимальной части, одна пластина обработана ретушью с брюшка по двум краям (рис. 3: 5), два орудия имеют ретушь по двум краям со спинки (рис. 3: 2), еще одно орудие обработано противолежащей ретушью (рис. 3: 1).

Все скребки на пластинах (3 экз.) имеют выпуклое ровное лезвие (рис. 3: 4,7), одно орудие дополнительно обработано притупливающей ретушью по краю, нанесенной со спинки (рис. 3: 4). Одно орудие изготовлено на продольном сколе с нуклеуса, боковые края имеют сильную сработанность, торцы притуплены ретушью, один торец ровный, второй скошен (рис. 3: 6). Орудие напоминает ассиметричную трапецию и видимо использовалось в качестве вкладыша.

Проколка изготовлена из обломка срединной части двусторонне обработанного наконечника, рабочая часть оформлена двусторонней ретушью (рис.3: 3). Клинышки (2 экз.) имеют линзовидное поперечное сечение (рис. 3: 11,13).

Двусторонне обработанных наконечников стрел - 9 экз. Три орудия целых, все черешковые. Один наконечник длиной 48 мм, ширина основания 19 мм, длина черешка 4 мм (рис. 3: 14). Два орудия отнесены к целым условно, у обоих обломан кончик перьевой части (рис. 3: 10, 12), ширина основания 22 и 13 мм, длина черешка 12 и 6 мм соответственно. Остальные орудия этой группы представлены обломками срединных (3 экз.) и перьевых (3 экз.) частей.

Все скребки (4 экз.) концевые (рис. 3: 8), два орудия изготовлены на целых отщепах и имеют по одному лезвию, два скребка представлены обломками.

Ножи (6 экз.) изготовлены двусторонней обработкой. Один нож целый, листовидной формы (рис. 3: 15), длина 75 мм, ширина 30 мм, толщина 9 мм, орудие типологически отнесено к ножам, но нельзя исключать возможность его использования в качестве

---

7 Технико-технологической изучение керамического материала проведено ИВ. Шевниной.

8 дата по С14, получена в лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического Института РАН.

3Типологическое изучение коллекции кремневого инвентаря осуществлено А. В. Логвиным.

наконечника дротика. Остальные ножи представлены обломками.

Одно орудие можно квалифицировать как скобель, на вогнутом краю отщепа ретушью оформлено рабочее лезвие.

Одно орудие дисковидной формы (рис. 3: 16) диаметром 35 мм, обе поверхности покрыты серией сколов, по краю имеются следы сработанности. Ретушеры (2 экз.) имеют специфические следы сработанности.

Коллекция остеологического материала небольшая и насчитывает не более 100 фрагментов. Необходимо отметить, что сохранность костного материала плохая. В остеологическом материале превалирует охотничье-промысловая фауна.

Поселения Токсанбай и Айтман возводились и обустраивались в одно время, населением с оригинальным КХТ и своим особым вариантом приспособления к природной среде.

* * *

Мақала Айтман қонысындағы зерттеу жұмыстарына арналады. Айтман қонысы XX гасырдыц 90 жылдары анылталган. Ә..М. Маргулан атындагы археология институты- на қарасты Батыс археологиялық зкспедициясы 2006-2008 қазба жүргізген. Ескерткіш палеометал дәуіріне жатады.

Список использованных источников и литературы

1. Самашев З. С., Ермолаева А. С., Тепловодская Т. М. Поселение Токсанбай на Устюрте // Изв. МН и ВО. Серия общ. наук. № 1 (219). Алматы, 1999. С. 49-69
2. Самашев З. С., Ермолаева А. С., Лошакова Т. Н. Североустюртский очаг культуры эпохи палеометалла // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара. 2001. С. 347-352
3. Самашев З., Ермолаева А. С., Лошакова Т.Н. Орудия труда и медеплавильное производство поселения Токсанбай (Северный Устюрт) // XV Уральское археологическое совещание. Оренбург. 2001. С. 109-110
4. Самашев З., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Поселение эпохи палеометаллаСеверо- Восточного Прикаспия //Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск. 2004. Вып. 3. С. 125-153
5. Самашев З., Ермалаева А.С., Лошакова Т. Костяные псалии с поселения Токсанбай. К вопросу о комплексе колесничих населения Устюрта в эпоху бронзы //Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск. 2007. Вып. 1. С. 87-102

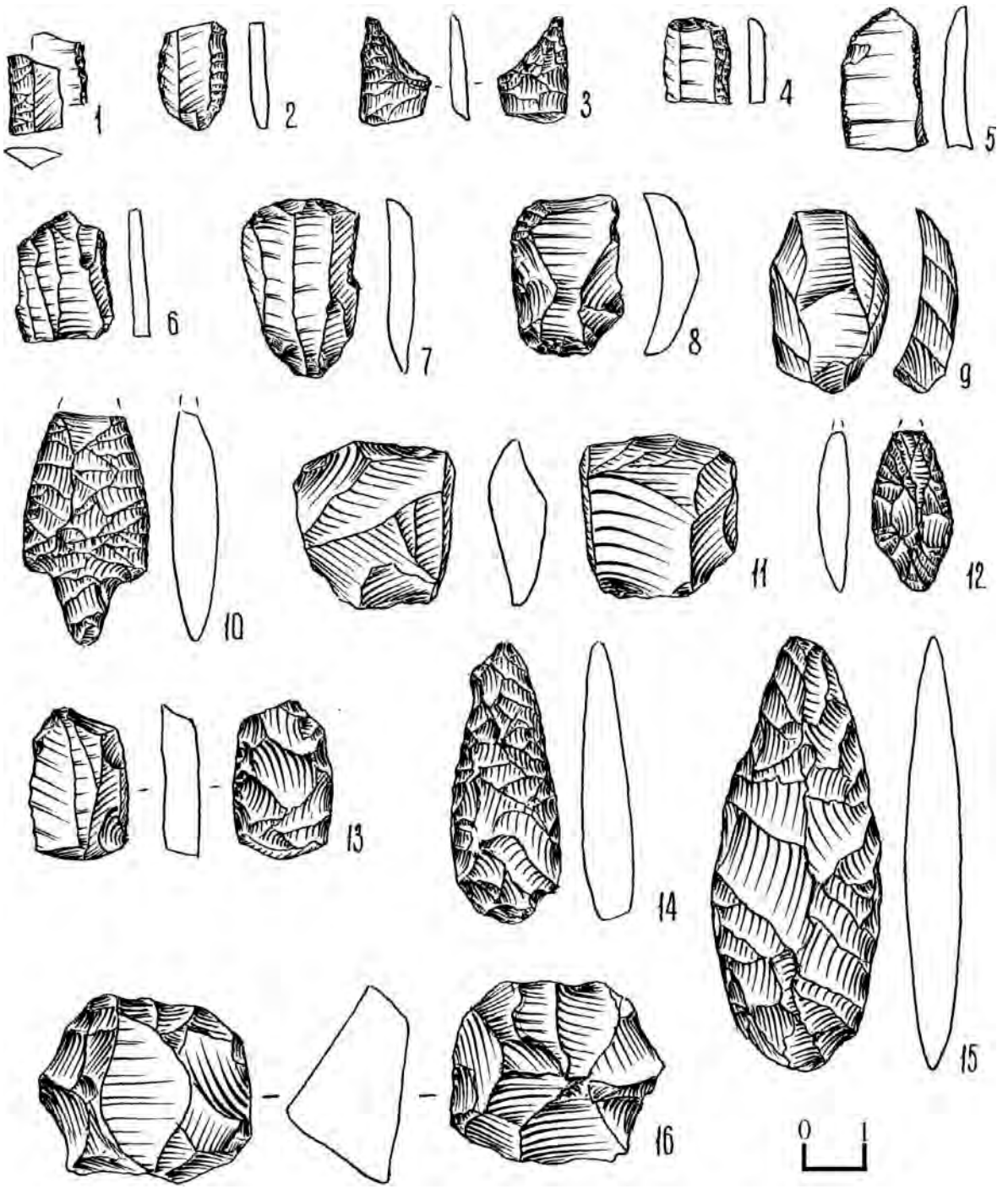


Рис. 3. Поселение Айтман. Изделия из кремния

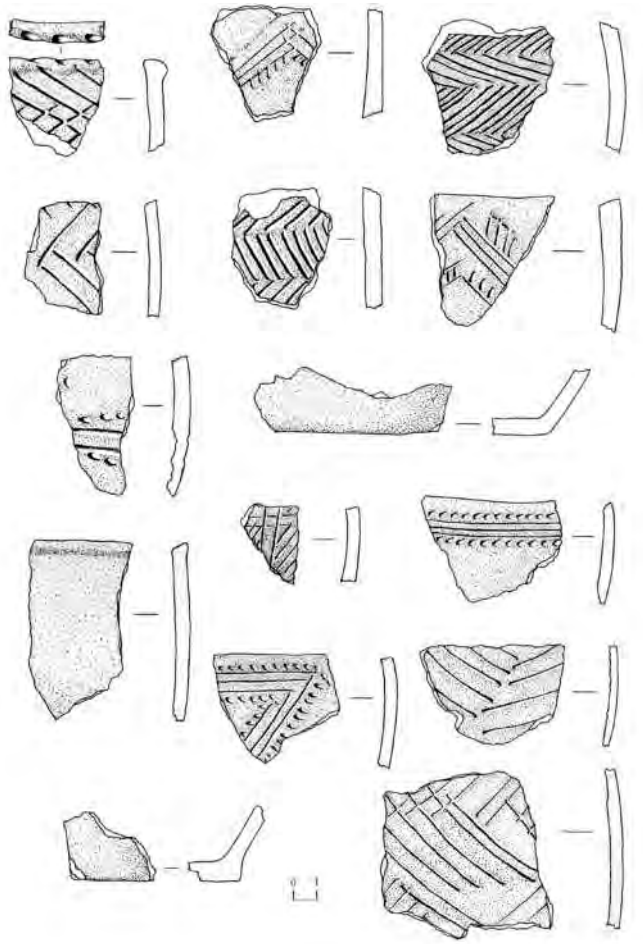


Рис. 1. Поселение Айтман. Фрагменты керамики

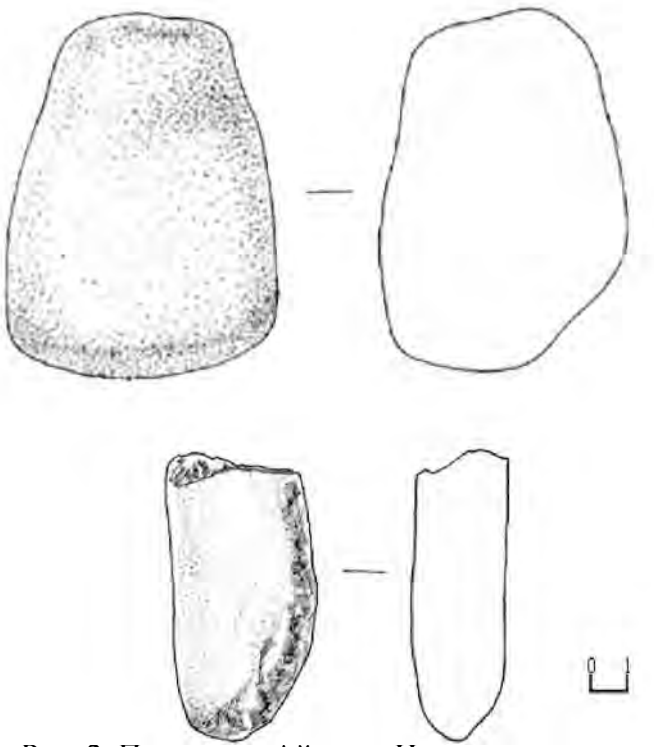


Рис. 2. Поселение Айтман. Изделия из камня

Лукпанова Я. А.

Казахстан, Уральск Катакомбные захоронения комплекса Акадыр II

Курганный комплекс Акадыр II расположен в 3 км северо-восточнее пос. Акадыр (бывшее

отделение №1 Жаксыбайского сельского округа пос. Молочное), на возвышенности. Курганы вытянуты цепочкой на расстоянии 1,2 км с запада на восток. Состоит из 43 земляных насыпей и 1 святилища. Комплекс выявлен в 2009 году [5, с. 4]. В 2010 году были произведены раскопки кургана №19. Курган расположен в западной части некрополя (рис. 1). В плане курган имел округлую форму, диаметром 21 м, высотой от дневной поверхности до 0,9 м. В ходе раскопа насыпи в разных секторах на разных уровнях[10] кургана были обнаружены кости человека, кости животных (лошади (56), коровы (5) и овцы (49))[11], фрагменты глиняного сосуда и трехлопастной наконечник стрелы. Наличие большого количества костей в насыпи объясняется тем, что основное погребение, расположенное по центру, было нарушено более поздней катакомбой, разграблено, а рядом была впущена детская катакомба.

Раскоп был выведен на уровень материка на глубину 1 м. Под насыпью кургана было выявлено 3 погребения, 2 из которых катакомбные (погр. № 2, № 3). Погребение №1 (основное) (рис. 2: 1а) обнаружено в центре подкурганной насыпи, яма прямоугольной формы вытянута по оси восток - запад, отчетливо виднелась на фоне погребенной почвы темным заполнением. Размеры ямы: длина 2,75 м, ширина 2,0 м. Заполнение ямы представляло собой рыхлую супесь. С северной стенки ямы прослеживался грабительский вкоп. Погребение разграблено. В насыпи ямы обнаружены тазовая кость, челюсть человека с 5 коренными зубами, позвоночные кости человека. Дно ямы фиксировалось на глубине 2,0 м. При расчистке дна ямы было обнаружено следующее: центральная часть ямы по оси север-юг была пробита более поздним захоронением (погребение №3). От дна ямы сохранились восточная и западная стороны. У южной стены в юго-восточном углу ямы обнаружены кости двух особей овец (лопатка, берцовая кость, ребра и позвоночные кости) - in situ.

У восточной стены ямы на органической подстилке (дерево? кора?) in situ лежали кости стоп 2 человек. В северо-западном углу грабительского входа, на глубине 0,70 м от материковой поверхности, обнаружены сложенные кости нижних и верхних конечностей, позвоночные, реберные кости человека и кости овцы. Таким образом, погребение №1 было парным, исходя из наличия костей нижних конечностей, их положения можно сделать вывод, что погребенные лежали головой на запад.

Погребение №2. (рис. 2: 2а), расположено в северо-западном секторе в 1,8 м к западу и в 0,6 м к северу от условного центра. Входная яма овальная, четко выделялась на фоне погребенной почвы. Длина входной ямы 1 м, ширина 0,65 м, яма вытянута по оси юго-запад - северо-восток. Заполнение ямы темное, комковатое. С северо-восточной стороны ямы к входу в камеру вели две ступеньки: на уровне 1,88 м, шириной 0,3 м и на уровне 2,08 м, шириной 0,18 м, вторая ступень постепенно понижалась до уровня -223 см. В засыпке встречались куски дерева. Вход в камеру катакомбы размерами
0, 42х0,50 м был узкий, поэтому был произведен вынужденный вскоп свода камеры.

Размеры подземной камеры: 0,50х1,30 м. На дне катакомбы на спине располагался скелет ребенка 2-3 лет в позе всадника, головой на юго-запад. Череп лежал лицевой частью вверх, на затылке, привалившись к левому плечу. Скелет лежал на органической подстилке, от которой сохранился тлен серовато белого и красного цвета. Инвентарь представлен фрагментом лепного керамического сосуда, обнаруженного с левой стороны головы ребенка.

Погребение №3 (рис. 2:1в) было совершено в катакомбе, вход в которую располагался по центру ямы погребения №1. Входная яма катакомбы прорубала яму погребения № 1 поперек с севера на юг. Яма имела овальную форму размерами 1,20х2,40 м. Заполнение ямы рыхлое.

---

10 Все глубины могильных ям в тексте и на чертежах даются от высшей точки насыпи кургана (R0).

11 Все палеозоологические определения произведены научным сотрудником Запад- но-Казахстанского центра истории и археологииА.А. Джубановым.

В насыпи ямы были обнаружены тазовые кости, ребра, крестец двух костяков, фрагменты двух черепов и фрагменты керамики из погребения №1. На глубине 2,90 м было зафиксировано дно входной ямы, которая с южной стороны постепенно углубилась до уровня 4,12 м, образуя при этом вход в катакомбную яму №3, уходящую на юг. Яма представляла собой просторную камеру руковичкообразной формы. Длина западной части камеры 3,20 м, ширина 1,05 м, высота 1 м. Длина восточной части камеры, примыкающей с западной стороны к первому отделению 1,90 м, ширина катакомбы на месте соединения двух частей камеры 2 м. На дне катакомбы было уложено 2 скелета взрослых людей и 1 скелет ребенка.

Скелет №1. Костяк лежал в деревянном гробовище, которое было сделано из продольных досок. Длина гробовища 2 м, ширина 50 см. После вскрытия гробовища было выявлено, что дно у гробовища отсутствует. Костяк был положен на войлочную подстилку, а потом накрыт деревянным гробовищем. Скелет лежал в анатомическом порядке, головой ориентирован на юг, руки сложены вдоль туловища, голова завалена на левый бок, лицом на запад. Под правым плечом погребенного лежало бронзовое зеркало в виде круглого плоского диска, с небольшим валиком по краю (рис. 3: 1а). С одной стороны зеркало отломлено и сохранилось отверстие от крепления ручки. Диаметр его 8,5 см, ширина валика 0,8 м, между ногами погребенного был обнаружен фрагмент железного ножа. Длина ножа - 4,5 см (рис. 3: 1в).

Скелет №2 уложен параллельно скелету №1 с восточной стороны на войлочную подстилку. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на юг, руки вытянуты вдоль туловища. Голова завалена на левое плечо. Скелет находился в анатомическом порядке - in situ. С правой стороны черепа был обнаружен лепной глиняный сосуд и кости овцы. Сосуд с яйцевидным туловом, с чуть уплощенным дном (рис. 3: 3а). Высота сосуда 14,5 см, диаметр дна 4 см, диаметр венчика 10 см. Высота бортика венчика
0, 5 см. Под шейными позвонками костяка были обнаружены стеклянные, гешировые бусы (рис. 3: 3в).

За пределами гробовища, на уровне бедренных костей скелета №1 был обнаружен костяк ребенка примерно до 1 года. Кости плохой сохранности. Среди костей ребенка был обнаружен предмет из дерева с вдетыми в него бронзовыми обоймочками, а также кости птицы (рис. 3: 2е).

Севернее скелета ребенка, на уровне коленных костей скелета №1 был обнаружен круглодонный гончарный кувшин с шаровидным туловом, с цилиндрической горловиной и с чуть отогнутым венчиком, с ручкой и сливом (рис. 3: 2а). Высота сосуда 29 см, горловины 5 см, диаметр венчика 10,5 см. Ручка кувшина уплощенная с желобком, соединяет горло с туловом. Ширина ручки 1,8 см, ширина желобка 0,5 см, высота ручки - 2 см. Носик - слив кувшина, оформленный в виде второй ручки, удлиненный, с желобком. Размеры те же, что у ручки. По верхней части тулова кувшина проходит орнамент в виде 3 параллельных непрерывающихся прочерченных линий, образующих 2 яруса. Ширина первого яруса 1 см, ширина второго яруса 4,5 см. Поле второго яруса орнаментировано косыми в виде 4 линий, образующими зигзаг. Дно кувшина с тремя сквозными отверстиями. Диаметр отверстий 0,3см.

На уровне нижних конечностей скелета №1 с правой стороны и с левой стороны плечевых костей скелета №2, севернее места расположения кувшина обнаружены кости овцы, собаки, птицы. Там же были обнаружены: пряслице керамическое бикони- ческой формы, высота пряслица 2,4 см (рис. 3: 2в), бусы стеклянные бочонковидные высотой 0,6 см (рис. 3: 2d) и пластинка слюды (рис. 3: 2с).

Таким образом, на комплексе Акадыр II был исследован курган № 19. В кургане было выявлено 3 погребения. Все они относятся к эпохе раннего железа. Погребение №1 более раннее, в пользу данного предположения свидетельствуют такие обрядовые признаки, как конструкция ямы, ориентировка скелетов, однако датировать данное погребение сложно

ввиду отсутствия инвентаря и разграбления в древности.

В III в. до н.э. значительно увеличивается количество могильных ям подбойного и катакомбного типа. Характеризуя особенности погребального обряда памятников III в до н.э., следует отметить значительное увеличение количества одновременных захоронений под одной насыпью. Типы могильных ям представлены следующим списком: неширокие прямоугольные, подбойные, катакомбные, с заплечиками. Начинают встречаться бронзовые зеркала с валиком по краю диска [4, с. 53]. КIII в. до н.э., по сравнению с IV веком до н. э., увеличивается количество ям с меридиональной ориентировкой с 43% до 61,3%. [3, с. 106; 1, с. 109]. Увеличивается в III в. до н.э. число погребений с гробовыми конструкциями [3, с. 106]. Южная ориентировка погребенных в в памятниках IV века составляет 40,3 %, возрастая к следующему столетию до 51,6 %. [3, с. 107]. Особенности погребального ритуала захоронений №2, №3 позволяют отнести их к концу IV- нач. III вв. до н.э. Это подтверждают следующие признаки: захоронения произведены в катакомбах; ямы с меридиональной ориентировкой; наличие погребения с гробовищем; ориентировка погребенных головой на юг. В пользу их принадлежности к вышеуказанному времени говорит и сопровождающий инвентарь - керамические сосуды, зеркало, стеклянные бусы, пряслице. Сосуды представлены двумя видами: лепные и гончарные.Для IV и III вв. до н. э. характерно преобладание лепной керамики. Гончарная керамика, представленная целыми экземплярами и фрагментами, более характерна для IV в. до н. э., чем для III [3, с. 112].

* * *

Баяндама №19 обасында жүргізілген зерттеу жұмыстары баяндалады. Қорған диаметрі 21 м, биіктігі 0.9 м Зерттеу кезінде 3 жерлек оррны анықталды. Жерлеу ерте темір дәуіріне жатқызылды. 2 жерлеу ор тәрізді келген

Список использованных источников и литературы

1. Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н. э. Уральск. 2004. 136 с.
2. Железчиков Б. Ф. Кригер В. А. Катакомбные захоронения Уральской области 1978. № 4. С. 218-228
3. Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV-III вв. до н. э. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета. 2002. 216 с.
4. Клепиков В.М, Скрипкин А.С., Сергацков ИВ. Прохоровская культура в нижнем Поволжье: становление и трансформация // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологичесих открытий» Оренбург 21-25 апреля 2008 г. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 2008. 206 с.
5. Сдыков М.Н., Лукпанова Я. А., Марыксин Д.В., Рамазанов С.К. Отчет о проведении

археологических разведок и раскопок в Жанибекском районе 2009 г. Уральск. 2010

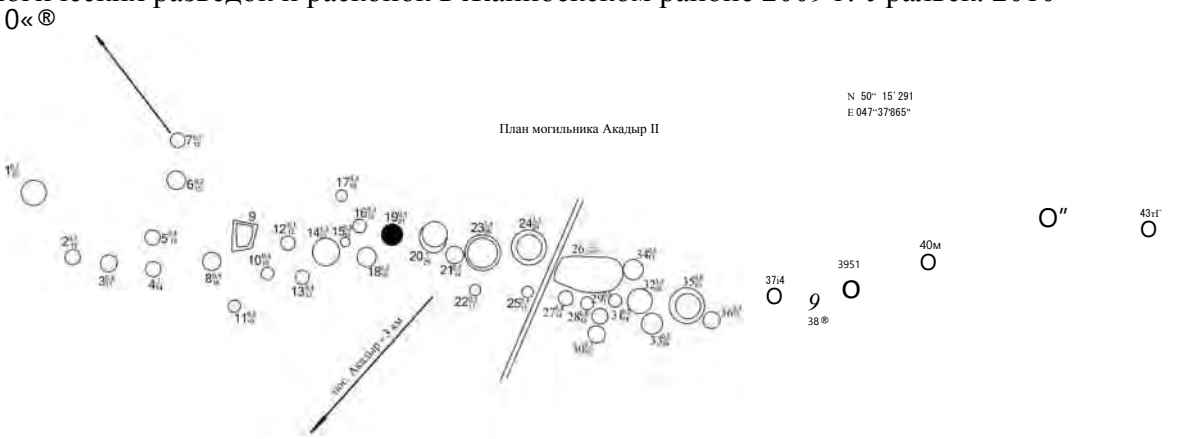


Рис.1. Курганный комплекс Акадыр II

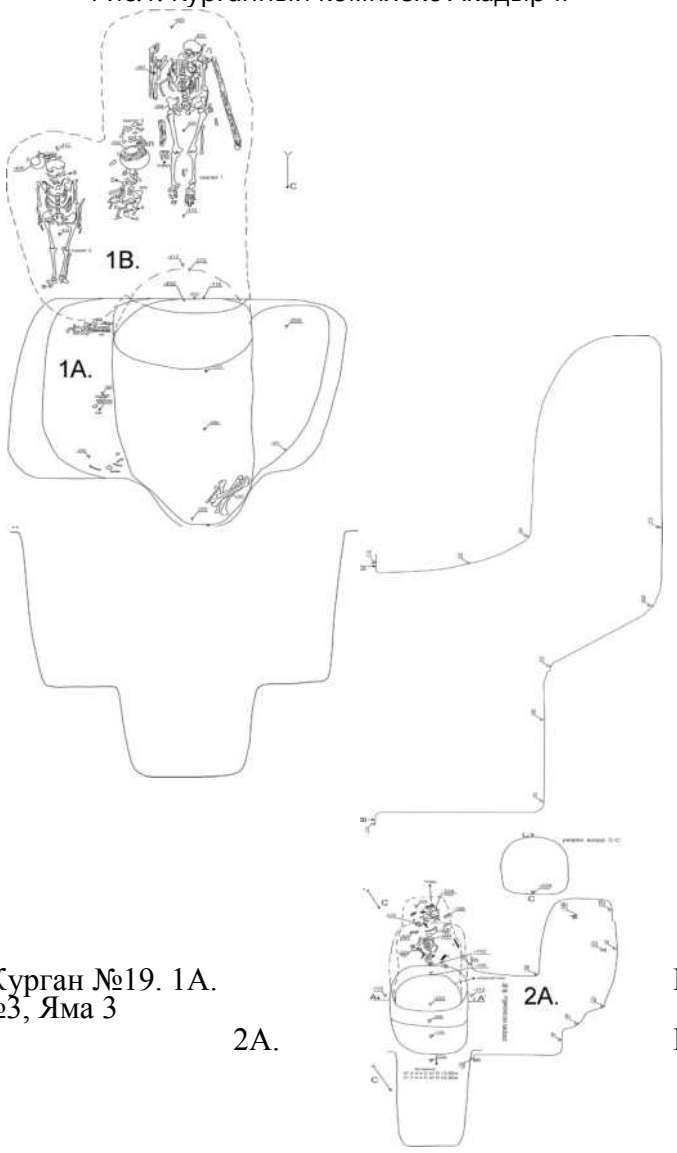


Рис.2. АкадырII. Курган №19. 1A. Погребение №1 Яма 1.
1B. Погребение №3, Яма 3
2A. Погребение №2 Яма 2

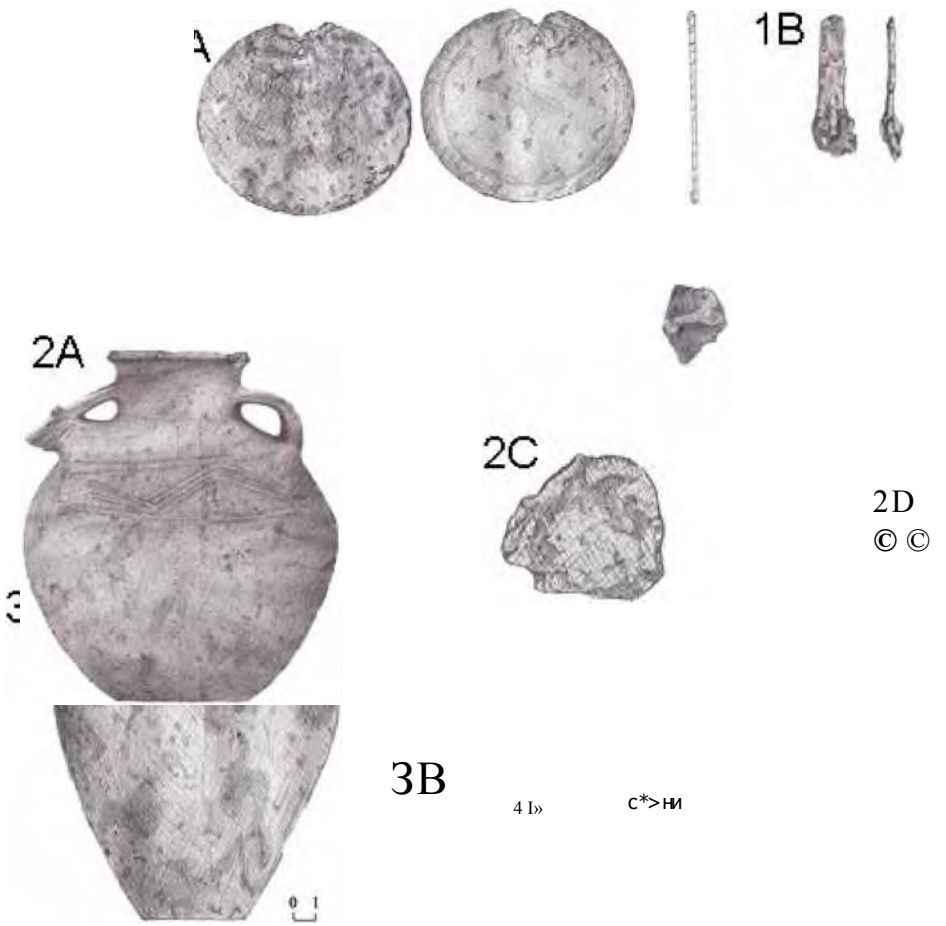


Рис. 3. АкадырII. Курган №19. 1А-бронзовое зеркало; 1В - фрагмент железного ножа. 2А - глиняный сосуд; 2В - пряслице керамическое; 2С- слюда; 2D- бусы; 2Е - обоймочки бронзовые. 3А- лепной сосуд; 3В- бусы

Тәңірберген М.

Қазақстан, Астана Кердері мәдениетін зерттеудің өзекті мәселелері

Арал теңізінің кепкен табанындағы беймәлім нысандар жергілікті тұрғындарға 1980 жылдан мәлім болғанымен, алғаш рет 2001 жылдан бастап (экспедиция жетекшісі Т. Мәмиев) зерттеле бастады. Онда Қызылорда облысы, Арал ауданы, Қаратерең елді мекенінен 75 км оңтүстік-батыста бұрынғы теңіздің құрғаған жерінен табылған "Кердері" мавзолейінде қазба жұмыстары жүргізілді (сур. 1). Оған Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институты қызметкері т.ғ.к. Е. Смағұлов қатысып, ҚР ҒА мүше- корреспонденттері, академиктер К.М. Байпаков пен О. Ысмағұлов ғылыми жетекшілік жасады

Арал теңізінің табанынан шығып жатқан археологиялық ескерткіштерді зерттеу екі ізденіс үмтылыстарына бөлінеді. Біріншісі, алғашқы кезеңіндегі тікелей автордың жетекшілігімен жазба және қазба жұмыстары деректері теңдестіріліп төмендегідей түжырымдармен ерекшеленеді:

1. Мавзолей аумағы 23х9 м. Бірінші бөлмесі 5х5 м, екіншісі бөлмесі 10х6 м белгісіз адамның сағанасы орналасқан. Ханака түрғыдағы құрылыс михрабты (сур. 2).

2. "Кердері" мавзолейінің құрылым жоспары михрабты қабырғалы, көп күмбезділік және қасбеттілік сәулетпен ерекшеленеді. Екі жоспарлы құрылыс: ғимараттың қасбеттілік көлемдік-кеңестік құрылымы үлгісі мен оны сәндеу жұмыстары бірі- бірімен әсемдік үйлесімін тапқан (сур. 3).

3. Тарихи деректерде «Кердері» атауы: Н. Веселовский, С.А. Аманжолов, М. Тыныш- паев, С.П. Толстов Хорезм елінің Арал теңізінің оң жағы 1000 жылдары Кердері теңізі болғанын, екі қаланың су астына кеткені жайлы деректер келтіреді [1, с. 22]. Ал Ә. Дербісәлиев «Кердеріні» Хорезм аймақтарының бірі, ол түркілермен шектестіріп, Жанкент-осы мемлекеттің кіндік қалаларының бірі деген түжырым жасайды. I-Y ғасырларда Хорезм елін билеген ғүн тайпасын - «Кердеріні» ғундар-эфталиттер тай- паларымен байланыстырады [2].

Мавзолейдің салу құрылысы, безендіру, әшекейлеу, көркемдік сәулет деректері бойынша, қыш қаптамалар, әртүрлі қыш кірпіштер және ою-өрнектердің үлгісі т.б. ерекшеліктерге қарағанда, Г.А. Пугаченкова мен Л.И. Ремпельдің еңбектерінде көрсетілген X-XIII ғасырлардағы соғдылық, жерортатеңізі және көшпелі түрік мәдениеттері тоғысынан шыққан Түрік әлемі өркениетіне жатады [3].

4. Ескерткішті аумақтық зерттеу түжырымынша, Кердері мәдениетінің этномәдени тегі- Жетіасар мәдениетінің жалғасы. Ол бүл мәдениеттіңжаңасатыдадамуына ықпал еткен. VII-VIII ғасырларда жетіасарлықтар «батпақты қалалар» ауданына қазіргі Сыр- дария мен Әмударияның төменгі ағысына қарай жылжыды [4]. Оның нәтижесі Арал өңірінде XIII ғасырға қарай түрік тілі Хорезм тілін ығыстырғаны, этнографиялық және лингвистикалық мәліметтермен дәйектелген.

Сәулет құрылысы оның ішінде ірге тас қаламалары Хорезмдегі X-XI ғасырлардағы Алан қала мен Білеулі ескерткіштеріне үқсас. Табылған жасыл-сүр, сүр сырлы емес керамикалары осы кезеңдегі Хорезм, Баба Ата, Жетісу керамикаларымен сәйкес келеді [5]. Сондай-ақ қалыптағы «Әмзе Шәміл» деген куфи араб жазуы XIII-XIV ғасырларға мерзімделіп, қыш кірпіштің бірінде қаңлының "көсеу" таңбасы кездесті [1, 78-6.] (сур. 4).

Атақты антрополог О. Ысмағүловтың краниологиялық жіктеуіне қарағанда, маузолейдің маңында жерленген мүрделер 7-8 жастағы жасөспірімдер мен 35-60 жастағы адамдар. Палеоантропологиялық деректері европоидтан монголоидқа дейінгі әртүрлі нәсілдік үлгіде ерекшеленеді. Негізі Қазақстандық тураноидтық [6]. 2001 жылдан кейін Арал теңізінің кепкен табанындағы шығып жатқан ескерткіштер түрақты зерттеу көрмеді. 2004 жылы айтылмыш маузолейден 30-40 км -дей оңтүстігінен қала орны жария болды. Онда ауыр диірмендер және түлғалы шарап, астық сақтайтын хүмдар табылды. Оларды тарихи танудын, орнына «жаңалықшылар» Арал теңізі бүрын болған ба деген дауды бастап, кейін оны зерттеушілердің барып, қайтумен шектелген салғырттығынан бүл мәдени мүраларды

зерттеу нәтижелеріне деген қызығушылық төмендеді.

2004 жылғы қыстықүнгі қысқа мерзімді сапарында (жетекшісі К.М. Байпаков) ізденісіне арналған басылымда табылған археологиялық деректерді жалпылай си- паттай отырып, В.В. Бартольд арқылы белгілі 1417 жылғы сарай тарихшы-географы Шахрук Хафиза-и Абрудың жазбасын еске салады. Онда Әмудария мен Сырда- рия озінің арнасын өзгерткені және Арал теңізі жайлы пікірін қайта дәйектейді [9]. Мүндай ойды зерттеуші Е. Смағүловта айтқан болатын [1]. Осыған орай Бабыр 1495 жылы: «Сейхүн өзенін жергілікті халық Ходжент суы деп те атайды. ...Түркістанды бетке ала, өзге өзенге құйылмастан құмға сіңеді» - деп жазған [7]. Ал ағылшын көпесі Женкинсонның 1558 жылғы хабарына қарағанда, Каспий теңізіне XVI ғасырда Сарықамыс көлі арқылы құйып жатқан түщы су болған [8]. Бүл ескерткіштер табы- лып жатқан өңірде құрғақ құрылық болғандығының тағы бір куәсы.

Сонымен жоғарыда деректерді қорыта келгенде төмендегідей түжырымға келуге болады:

1. Ескерткіштердің тарихи- мәдени аумағын анықтау бағытында далалық барлау жүмыстарын атқару мен Мәдени мүраларды зерттеуде Түрік әлемі, Түрік кеңістігі, Қазақтану және Қазақстан тарихы көзқарасы түрғысынан қарастыру қажет. Қазіргі сүранымға сәйкес Ресей археологиясындағы сияқты А.И. Мартынов көрсеткендей, жекеленген мәдениеттерге болінген жүйеленбеген үлт пен ру-тайпалардың тарихы- нан қащқақтаған зерттеулердің мәселелерін батыл шешу керек. Мысалы, жер атауы «Жетіасар мәдениеті» деп шатастырғаны түрік, оның ішінде «Кердері мәдениеті» екені анық.
2. Кердері ескерткіштерінің батысы Қарақалпақстан жағынан Арал ауданы Қүланды жеріндегі Қүланды қаладан ноғай жолымен Білеулі т.б. керуен сарайлар арқылы Сарайшыққа апаратын жол шығады. Одан әрі солтүстік-шығысында ертедегі Жан- кент қаласын жалғастыратынын археологиялық ізденіспен негіздеуге болады. Бір кезеңдерде болектенген Кердері (X- XI ғ.), Жент (XI!- XIII ғ.), Хорезм (XII!- XV ғ.) және т.с. теңізі, не көлі атауларына ие болғаны археологиялық зерттеулермен дәйектеледі.
3. Қобыланды жырындағы оқиғада Самарқанның Жүпар аймағын мекенде- ген Қобылан батыр Барса Келместегі Көбікті дәуге қарсы қол жинайды [9]. Бүл ауыз әдебиетінің мүрасымен шендестіріліп, ноғайлы дәуіріне XV-XVI ғасырларға сәйкес келіп отыр. Оны топонимдік, антропотопонимдік деректеріндегі, Отырар алқабындағы ортағасырлық Кедер (Күйрықтобе, Кердері) қаласы, Қызылорда облы- сы Шиелі ауданындағы Керделі ауылдық округі атаулары және ғүндардың кезеңінен осы күнге дейін Кердері руының сақталуы бүл этностың тарихилығын айғақтайды. Зерттеудің екінші кезеңінде 2005 жылы Ә.Х. Марғүлан атындағы археология институты мамандары ***Д.***А. Воякиннің жетекшілігімен жаңадан табылған қала орнында болып, ішінара археологиялық қазба және электрондық тахеометрмен топографиялық түсірім жасалды. Бірақ жария болғанымен, оның нәтижелеріне толық жан-жақты ғылыми сараптау жасалмады. Бүл ізденіс 2006 жылы жалғасын тауып, бүрын табылған Арал-асар және Кердері-2 маузолей нысандарында археологиялық зерттеу жүргізілді. Зерттеуде Аахена неміс университетінде профессор Майкл Янсеннің басқаруымен жасалған әдістемелік жүйесі тәжірибелік қолданылған. Оның негізгі мақсаты әрбір жүрғатарын қалт жібермей тізімдеу болып табылады.

Арал-асар қонысындағы ертедегі қала орны Қаратерең қыстағынан 65,2 м оңтүстік батыста орналасқан. Колемі 6 гектар. Үстінгі қабатындағы қыш сынықтары мен диірмендер, қола, темір заттардың қалдықтарының шашылып жатқандықтарына қарағанда, мүнда біркездері қайнаған тіршілік пен шаруашылық болғанын көрсетеді. Бірақ адамдар көшіп далалыққа айналып, кейіннен су шайып кебірлендіріп жой- ып жіберген. Орталығы 190x136 м ойыс бейнелі, кейбір жерлеріндегі төбелер болып құрылыс қалдықтары орындары байқалады. Солтүстік батысында ені 5-6 м тереңдігі 30-40 см кеуіп қалған арықтың іздері өткен. Оның маңындағы егістіктерден 15 көлемді диірмендер табылды. Қоныстың оңтүстік шығысында ұзындығы батыс-шығысқа бағытталған 400x110 м некрополь орны анықталған. Бетіндегі бақалшақ, құмдардың т.б. заттардың берекетсіз араласуына қарағанда ағынды судың екпінің қатты болғанын көрсетеді.

Кердері-2 маузолейі орны-1,6 биіктікте төрт бұрышты төбе бейнесінде қалған. Үстінде 25х25х5 см қыш кірпіштер шашылып жатыр. Ірге табаны 2,2 м көлемдегі қашалған тастардан қаланған. Жылан көз құрылыс қаптамалары сынықтары нысанның оңтүстік және батыс жағында көбірек кездеседі. Маузолейдің жанында екі мемориальдық құрылыспен үш кірпіш зауыты орындары байқалған. Оның орталық бөлмесі шаршы- лы бейнелі. Онда алты мәйіт жерленген. Олардың көбісі маңайдағы адамдар тарапы- нан кейінгі жылдары тоналып қазбаланып кеткен. Сонымен бірге маузолейдің гөрхана аталатын жылтыр жалатпалы кеспектер әшекейленген бөлігі бар. Бейіттерінің түрі көбісі XIII-XIV ғ.ғ. тараған сағаналарға үқсайды.

Мәйіттерді өртеп, ағаш табыттарға қойылғандарымен ерекшеленеді. Олардың бірінен жыртқыш арыстанның бейнесіндегі қара тастан ілмегі бар алтын екі сырға табылған. Оның өнерлік түрі Батыс пен Қазақстанның оңтүстік шығысында темір ғасырында кездесетін бүйымдарға үқсайды. Әсіресе, сарматтардың аңдық мәнердегі әшекейлеріне тән.

Зерттеушілердің пікірінше, маузолей құрылысында қолданылған әдістер мен материалдарына қарағанда Л. Манковская сыныптап жіктеген Орта Азиялық мау- золейлер түріне жатады. Кердері маузолейіндегі көрсетілгендей қасбетті сәулет құрылысты болған. Сөйтіп, деректері бойынша XIII ғ. аяғы мен XIV ғ. бірінші жарты- сына мерзімделген.

Қорыта келгенде, тарихи деректерде Кердері елі атауымен белгілі Н. Веселовский, С. А. Аманжолов, М.Тынышпаев, С.П. Толстов, В.Н. Ягодиннің Хорезм елінің Арал теңізінің оң жағында орналасқан екі қаланың су астына кеткені жайлы деректер шындығы археологиялық зерттеу барысында дәйектелуде [1; 7]. Оның ғылыми мәліметтері Қазақстан тарихы түрғысында Арал өңірінің этномәдени тарихына, географиялық, экологиялық және т.б. мәселелерге байланысты үлес қосатын әсіресе, әлемдік маңызы бар өркениет дамуындағы түріктердің орнын қайта қарауға жол ашатын жаңалық болары сөзсіз. Бірақ Аралдағы мәдени құндылықтар мен қала мәдениеті деректерін зерттеулер нәтижесі танымды үлттық үстанымда жан-жақты тарихи жаңғыртатын ғылыми ізденіс болмай отыр.

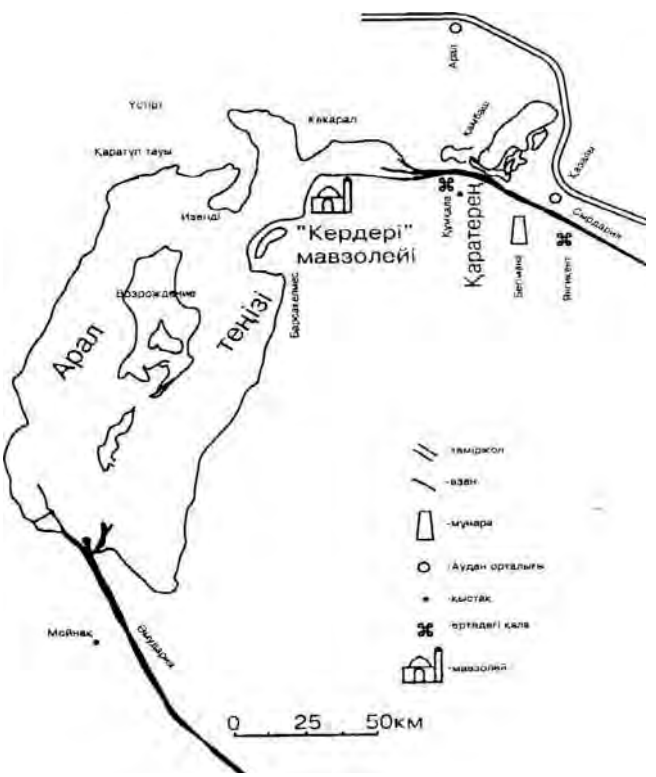
* * *

В статье рассмотрена история открытия и изучения памятника Кердери, обнаруженного на высохшем дне озера Арал. Автор делит историю изучения археологических памятников на два периода. Пишет, что в первом периоде им было начато обследование мавзолея, зафиксированы его размеры, открыто несколько погребальных комплексов

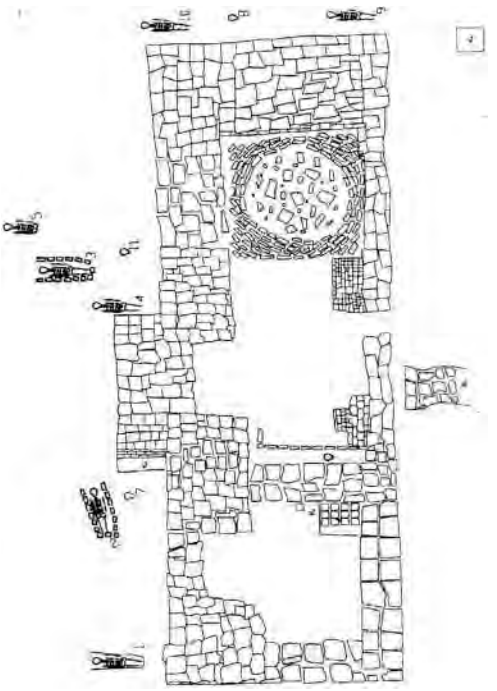
Для внешнего облика мавзолея Кердери характерна многокупольность. Во второй период исследования были продолжены сотрудниками Института археологи имени Ә.Х. Маргулана. Возле мавзолея были открыты остатки средневекового города. Ими проведены археологические раскопки, снят топографический план местности.

Қолданылған деректер мен эдебиет тізімі

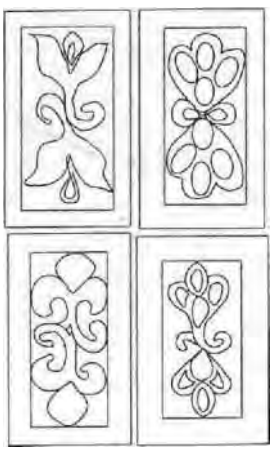
1. Смагулов Е. А. Находка и исследование мазара на дне Аральского моря // Отан тарихы, 2001, Б.77-81; Мэмиев Т. Кердері мавзолейін археологиялық зерттеу // ҚР БҒМҒА хабарлары. 1. 2002.
2. Дербісәлиев Ә. Қазақ даласының жұлдыздары, Алматы. 1995. 164 б.
3. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекста- на, Ташкент. 1958. С. 38
4. Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. Москва. 1996. С. 5-6
5. Археологические исследования на северных склонах Каратау, Алма-Ата, 1962.
6. Исмагулов О. Отчет по антропологической обработке костных материалов из без- ымянного мавзолея с высохшего дна Аральского моря) северо-восточный часть) // Мэмиев Т. Арал -2001 ж. археологиялық экспедициясы атқарган жұмыстардың есебі. Қызылорда-Алматы. 2002. С. 17
7. Захир ад-дин Мухаммед Бабыр Бабырнама. Алматы. 1990, 13 б.
8. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Москва. 1938. С. 176-177
9. Батырлар жыры. Алматы. 1986. 1-т. 29 б.
10. Маньковская Л. Ю. О типологии мемориального зодчества Средней Азии. Мавзолеи Фудины и Касби. Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М. 1975. С. 97

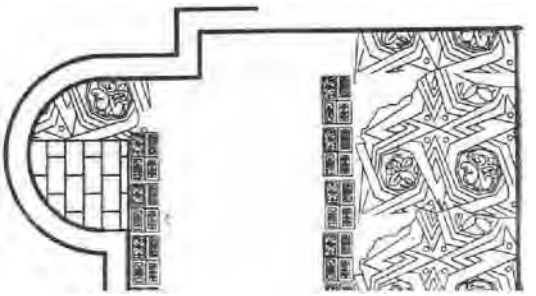


Сур. 1. Арал теңізінің жоба картасы. 2001 ж



Сур. 2. Кердері мавзолейінің қазбалық сәулеттік құрылымы. Орындағы Мэмиев Т, Әлиев Ж.





Сур. 3. Кердері мавзолейінің ішкі және сыртқы жаңғыртпасы. 2001 ж.

Марыксин Д.В.[12], Алпаткина Т.Г.[13]
Казахстан, Уральск[1]; Россия, Москва[2]

Первые результаты работ на городище Жалпактал

Городище Жалпактал расположено на границе Казталовского и Жангалинского районов Западно-Казахстанской области. Инструментальная съемка городища показала, что его площадь достигает 68 га. В центральной части городища наблюдаются несколько крупных холмов высотой до 2 м и диаметром до 50 м, на остальной части
- несколько десятков всхолмлений меньшего размера.

В 2010 г. в центральной части городища был разбит разведочный раскоп размером 10х10 м, который показал наличие культурного слоя. На глубине 0,2-0,3 м в раскопе выявилась часть постройки, выполненная из сырцового кирпича. По всей видимости, обнаруженная постройка представляет собой усадьбу. Выявленная конструкция состоит из двух помещений. Одно помещение имеет размеры 4х5 м. Размеры второго помещения установить не удалось, так как оно выходит за границы раскопа. Кирпичи уложены шириной в один кирпич и высотой в 4-5 кирпичей (рис. 1). Археологические исследования 2010 г. не позволили выявить всю высоту постройки из-за необходимости расширения раскопа, но уже сейчас можно с полной уверенностью говорить о наличии культурного слоя на городище мощностью не менее 0,5 м.

В раскопе обнаружено около 4000 фрагментов гончарной красноглиняной керамики с волнистым и линейным орнаментом (лишь один фрагмент лепной керамики). Также обнаружено 3135 фрагментов костей животных, из которых удалось определить 1582 кости, т.е. 50,4%. Основная часть костей принадлежит крупному рогатому скоту, овцам и козам, из домашних животных обнаружены кости верблюда и собаки. Дикие животные представлены кабаном[1].

Особый интерес представляет серебряная монета XIII в., обнаруженная на поверхности городища.

Вопрос о наличии золотоордынского поселения в междуречье Большого и Малого Узеня поднимался давно. В частности, посетивший данную местность в ХУНТ в. П.С.Паллас писал, что «между обеими реками Узенями весьма достопамятны следы древних водоводов, каковые наипаче около большого Узеня... в великом множестве проведены... Из множества таковых рвов и довольно многих курганов и из некоторых древних остатков жилищ явствует, что на Узенях в прежние времена довольно сильный.. . народ имел свои жилища» [6, с. 250]. Как известно Волго-Уральское междуречье являлось доменом ханов Золотой Орды и должно было быть достаточно освоенным. Подтверждением этому является наличие большого количества золотоордынских некрополей в округе городища Жалпактал.

Наиболее изученным погребальным комплексом является Мокринский I, расположенный в 7 км севернее поселения. Большая часть раскопанных 32-х курганов представляет собой сырцовые оградки, которые распространены в окрестностях крупных городов Золотой Орды. Отсутствие погребального инвентаря номадов также говорит об оседлом характере хозяйства [3, с. 246-272; 4, с. 312-317; 5, с. 311-321]. Также вблизи городища раскопаны комплексы Мокринский III и Жалпактал I и некрополь в окрестностях поселка Жанаказан, датирующиеся XIV веком.

---

12 Археозоологические определения произведены А.А.Джубановым, которому авторы выражают бла годарность.

Одним из самых интересных артефактов, обнаруженных на городище в 2010 г. являются фрагменты резной терракоты. Всего обнаружено 159 фрагментов, на 68 из которых сохранился орнамент.

Размеры фрагментов: ширина - от 3 до 6,5 см, длина - от 4 до 12 см, толщина - от 0,7 до 3,5 см, глубина резьбы - от 0,2 до 0,5 см. Материал - глина; техника - резьба, обжиг.

Обжиг, видимо, неравномерный, поскольку качество материала отличается у разных фрагментов. В целом терракота невысокого качества, а потому худшей сохранности, чем можно было ожидать от резной терракоты.

На сохранность фрагментов, учитывая слабый обжиг глины, повлияло и место их обнаружения - в свалке вперемешку с многочисленными фрагментами керамики и костями. Фрагменты в разной степени загрязненные, потертые, со сколами и с оббитыми или, напротив, оплывшими краями; на отдельных фрагментах имеются следы засоленности в виде белого налета, что, скорее всего, зависит от состава местного почвенного покрова.

На отдельных фрагментах имеются следы окрашивания черной краской.

Анализ техники резьбы и применяемых инструментов показывает, что работа выполнялась как минимум двумя мастерами разной степени квалификации. Среди них был опытный мастер-резчик по глине, об этом говорят твердые, уверенные линии резьбы на большом количестве найденных фрагментов. Это мог быть и резчик с опытом работы по ганчу из соседних с изучаемым городищем областей, где открыты памятники с резным ганчем. Вместе с тем на найденных фрагментах есть орнаменты, рисунок которых вырезан более неуверенно, об этом говорят следы неравномерного нажатия инструмента на сырую глину при проведении единой линии. Возможно также, что к изготовлению резной терракоты привлекался и мастер-керамист: на нескольких фрагментах терракоты имеется орнамент, часто встречающийся на керамике - несколько (в нашем случае - пять) параллельных, идущих рядами линий.

Отмечаются следы трех разных инструментов. В основном это нож. Кроме того - инструмент для выполнения выемок-желобков, а также оставляющий характерные следы инструмент типа расчески-гребёнки с пятью зубчиками (как на керамике с линейным орнаментом).

Тыльная сторона у подавляющего большинства фрагментов ровная. Однако по выпуклым следам на тыльной стороне единичных фрагментов можно предполагать, что они крепились в углах.

Фрагменты разрозненные, не стыкуются между собой. Тем не менее по рисункам, вырезанным на них, можно попытаться составить общее представление об орнаментации. Это могли быть орнаментальные панели, сложенные из стыкующихся между собой плиток: на большом количестве фрагментов имеются следы т.н. бордюров-рамочек (типа рамок для живописных картин), которые обрамляли отдельные сюжеты (рис. 2: 2-3, 5, 7). Имеется и фрагмент с бордюром, разделяющим два соседних орнамента.

Орнамент: стилизованный растительный (на большем количестве фрагментов) и геометрический (значительно меньшее количество фрагментов). Стилизованный растительный орнамент составляют длинные линии-стебли, прямые и наклонные, также встречаются отдельные лепестки; имеется орнамент, составленный из полукружий (рис. 2:1-2, 4-5, 7). В геометрическом орнаменте различаются угловые (треугольные) и прямоугольные детали, а также параллельные насечки (рис. 2: 3, 6).

Исходя из большого количества фрагментов с бордюрами, складывается впечатление, что найденные в полевом сезоне 2010 г. фрагменты - это края от плиток. А значит, при продолжении раскопок можно ожидать новых находок резной терракоты - фрагментов центральных частей плиток. Чаще всего резной терракотой отделывались внешние стены зданий. Но на настоящий момент слишком мало данных, чтобы точно ответить на вопрос о местонахождении описываемого декора.

В целом предварительно можно сделать следующие выводы.

По технике и стилю исполнения резьбы и по аналогиям с резьбой по глине с памятников Средней Азии и Казахстана [1, с. 3, 33-38,158-160] фрагменты резной терракоты с городища Жалпактал можно датировать второй половиной XIII века.

На наш взгляд, можно предпринять попытку реконструкции орнаментов даже по имеющимся в нашем распоряжении фрагментам, однако, это займет некоторое время, поскольку требует привлечения аналогий в резьбе по ганчу и глине на других памятниках Казахстана, а также Поволжья и Средней Азии.

В дальнейшем требуется проведение дополнительных реставрационно-химиче- ских анализов: для выяснения вопроса о составе сырья и для уточнения наличия или отсутствия краски поверх резьбы.

Также среди находок из раскопа нужно отметить фрагмент изразца. Размеры фрагмента: 4х4 см, толщина 2 см. Это майолика на кашине с подглазурной росписью, т.е. роспись цветными красками под прозрачной (бесцветной) глазурью. Растительный орнамент из длинных изогнутых стеблей выполнен черной краской на ярко-голубом фоне, по краю изразца идет широкая темно-синяя полоса. Подобные майоликовые изразцы появляются и получают распространение, как в Средней Азии, так и в Золотой Орде начиная с XIV в.

Это может служить подтверждением датировки описанных выше фрагментов резной терракоты второй половиной XIII века, т.к., как правило, с началом применения глазури в архитектурном декоре резная терракота стала покрываться поверх резьбы разноцветной глазурью, либо вообще переставала использоваться при отделке зданий. Дальнейшие раскопки покажут, продолжала ли резная терракота существовать одновременно с появившимися в начале XIV в. изразцами, или в какой-то период на исследуемом городище произошла смена архитектурной декорации и резьба по терракоте была заменена на майоликовые плитки.

Таким образом, обнаруженные на столь небольшом раскопе артефакты, а также обнаружение сырцовой конструкции позволяет говорить о большой перспективности археологического исследования городища Жалпактал и его округи. Как известно, основу золотоордынского градостроительства составляли усадьбы, вопрос о генезисе которых до сих пор остается открытым [2, с. 4, 90-112]. Дальнейшее подтверждение датировки городища XIII веком позволит решить многие спорные вопросы формирования улуса Джучи.

* * *

Мақала Батыс Қазақстанның ортағасырлық қалалық мәдениетінің жаца ескерткіштерінің зерттеуіне арналган. Үлкен және кіші Узен арасында орналасқан Жалпақтал қалашығы XIII ғ. жататынын көрсетті. 2010 жылдың далалық маусымында жүргізілген қазба жұмыстары бойынша, күйдірілген кірпіштен қаланған құрлыстары ашылды. Авторлардыцойынша, аталмыш құрлысқалашықтағыусадьбақалдығтарына жатқызылған. Қалашықтың архитектурасын зерттеу барысында толқынды және сызық өрнегі бар қызыл балшықтан жасалған қыш ыдыстар фрагментері және остеологиялық материалдар көптеп табылған.

Список использованных источников и литературы

1. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Резная глина Жетысу. Алматы: Институт археологии им. А.Маргулана МОН РК. 2004. 164 с.
2. Зиливинская Э.Д. Усадьбы золотоордынских городов. Астрахань: Издательский

дом «Астраханский университет». 2008. 172 с.

3. Марыксин Д.В. Археологический комплекс времен Золотой Орды Мокринский I // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (г. Астрахань, 18-21 октября 2010 г.) / Сост. и отв. ред. Д.В.Васильев. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2010. С. 312-317
4. Марыксин Д.В. Могильник эпохи Золотой Орды Мокринский I (по материалам работ2008 года) //Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. № 1/2009. С. 246-272
5. Марыксин Д.В. Погребения в сырцовых оградках Волго-Уральского междуречья (по материалам Мокринского могильника) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А.Федорова-Давыдова, 30 сентября - 3 октября 2008. Азов: [Изд-во Азовского музея-заповедника]. 2009. С. 311-321 (Донские древности; Вып. 10)
6. Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российской империи (избранные главы). Уральск: Оптима. 2006. 272 с.

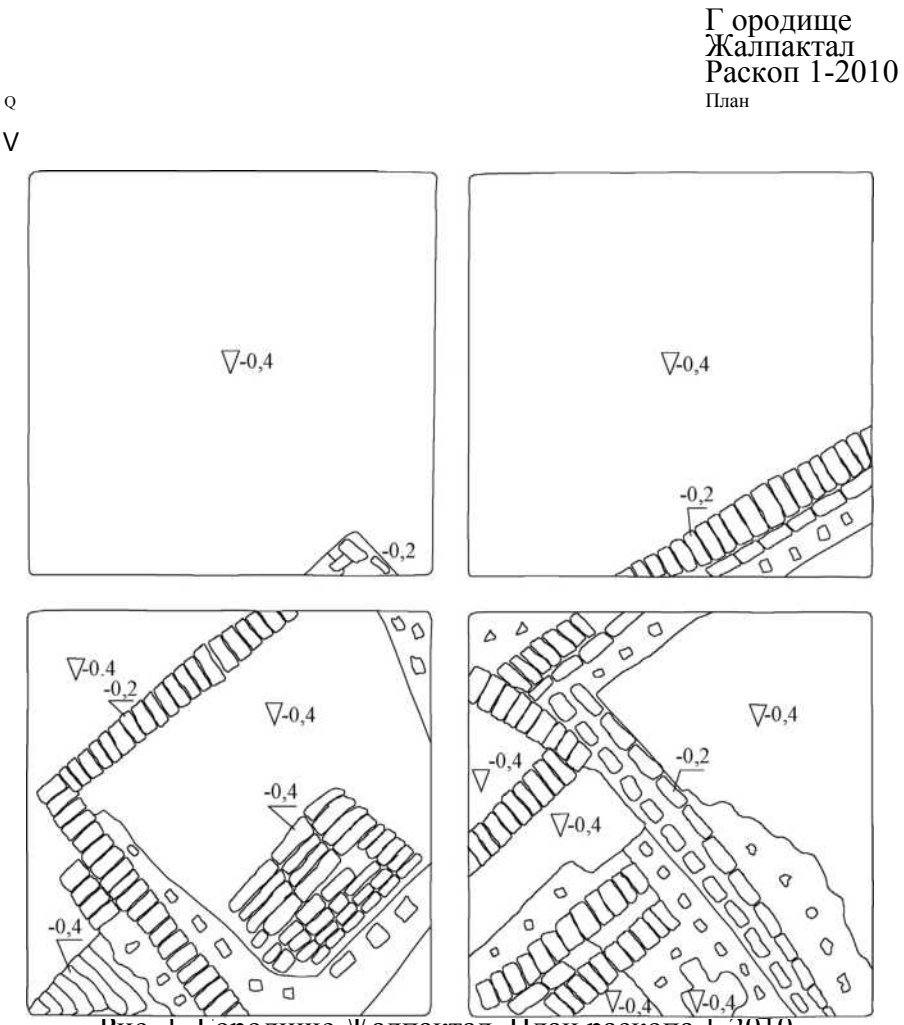


Рис. 1. Городище Жалпактал. План раскопа 1-2010

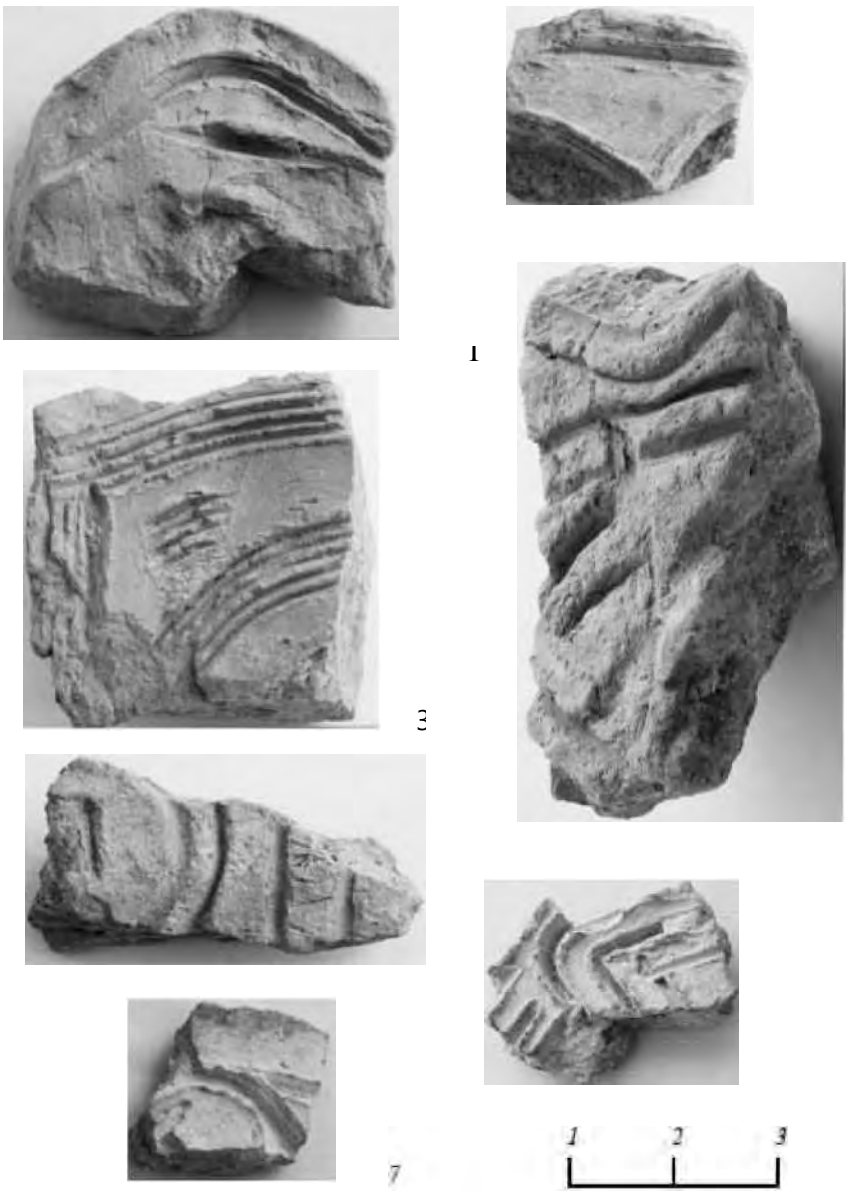

1
7
1 2 3

Рис. 2. Городище Жалпактал. Фрагменты резной терракоты. 2-я половина XIII в

Нурмаганбетов Е. Н.
Казахстан, Караганда

Новые археологические исследования памятников острова Тасарал на озере Балхаш

Могильник Тасарал 3 был открыт разведочным отрядом Карагандинского областного историко-краеведческого музея в 2009 году, в результате плановых мероприятий по выявлению памятников истории и культуры Северного Прибалхашья. Расположен на относительно ровной площадке вдоль южного берега северной оконечности острова в 14 км юго-восточнее рыбацкого поселка Тасарал, в 39 км северо-восточнее железнодорожной станции Сарышаган. В административном плане относится к Актогайскому району Карагандинской области, охватывающему Северное Прибалхашье.

Проведение данных исследований позволяет зафиксировать особенности памятников этой категории. В частности, отличия в конструкциях погребальных сооружений, способах обращения с умершими, погребального инвентаря. В целом, осуществление данных мероприятий поможет всесторонне и глубже осветить древний период в истории Центрального Казахстана.

Основным объектом исследования является могильник Тасарал 3, погребальные конструкции которого характерны для памятников эпохи раннего железного века Центрального Казахстана. Плановые археологические раскопки на острове Тасарал начались в 2008 г., в рамках реализации Карагандинской областной региональной программы «Культурное наследие 2008-2010 гг».

Остров имеет вытянутые в меридиональном направлении пропорции. Максимальная длина с севера на юг порядка 10 км, а наиболее широкий участок с востока на запад — 6 км. На его территории отмечаются невысокие пологие сопки, скальные выходы, почвенный покров представлен светло-серой супесью с полупустынной растительностью. Обрывистые скалистые берега чередуются с песчаными пляжами. В настоящее время остров используется местным населением для круглогодичного и сезонного выпаса верблюдов, крупного и мелкого рогатого скота.

Объектом исследования в 2010 г. был выбран могильник Тасарал 3, расположенный на относительно ровной площадке, в 800 метрах к северу от береговой полосы.

Могильник состоит из 8 каменно-землянных курганов, расположенных нерегулярной цепочкой. Диаметр каменных насыпей колеблется от 7 до 20 м при высоте от 0, 5 - 1,5 м. Насыпь курганов сверху покрыта панцирем из крупного, мелко колотого камня. Насыпь округлой в плане формы, задернована и поросла караганником. Курганы имеют кольцевую ограду из крупных камней белого цвета. Ограды сооружены на значительном растояний от 5 до 12 м.

Объектом исследования в 2010 году стали курганы 2-3.

Курган 1. Насыпь кургана в плане округлая с плоской вершиной, диаметром 14 м, высота 1 м. На кургане был разбит поквадратный раскоп, со сторонами квадрата 3х3. Для вертикальной фиксации составлена одна центральная бровка, ориентированная по линии 3 — В. Проведена нивелировочная съемка объекта.

Исследование кургана 2 могильника Тасарал 3 началось со вскрытия верхнего дернового слоя. Зачистка камней выявила каменный панцирь, состоящий из 2-3 слойно- го камня, уложенного на грунтовую насыпь кургана, возведенную над могилой. При зачистных работах в западной стороне кургана были выявлены фрагменты немногочисленной керамики. Для выявления мощности каменного панциря, стратиграфического и планиграфического контроля, были проведены работы по удалению южной половины насыпи. Насыпь удалялась горизонтальными срезами послойно: по 20 - 30 см, с последующей зачисткой после каждого слоя.

Контрольная зачистка на уровне материка выявила контуры могильной ямы. Размеры грунтовой погребальной камеры составили: ***2,5x1,5*** м, глубина 90 см. Стенки ямы прямые, слегка ссужающие к придонной части. Могила по линии 3-В ориентирована по положению костей ног и грудных частей. Яма ограблена в древности. На дне могилы зафиксированы разозненные кости взрослого человека и ребенка. Реконструкция последовательности первоначального устройства подкурганного захоронения и сооружения насыпи выглядели следующим образом: выбор площадки для захоронения, рытье могильной ямы, помещение умерших (женщина и ребенок ?) в могилу, забутовка могильной ямы землей, сооружение курганной насыпи и, обкладка кольцевой оградой из крупных камней. Отсуствие кольцевого рва, из которого обычно бралась земля для устройства насыпи, свидетельствует о том, что землю брали на стороне. На дне могильной ямы между костей найдены золотая серьга с вставным камнем предположительно яшма, костяные наконечники стрел (2), бусина янтарного цвета, предположительно сердолик, рядом с костями позвоночника найден фрагмент ножа неудовлетворительной сохранности, рядом с костями рук остатки округлого железа неудовлетворительной сохранности предположительно от браслета.

Курган 3. Насыпь кургана в плане округлая с плоской вершиной, диаметром 10 м, высота 0,7 м. На кургане был разбит поквадратный раскоп, со сторонами квадрата 3х3. Для вертикальной фиксации составлена одна центральная бровка, ориентированная по линии 3 — В. Проведена нивелировочная съемка объекта. Контрольная зачистка на уровне материка выявила контуры могильной ямы. Размеры грунтовой погребальной камеры составили: 1,2х0,5 м, глубина 50 см. Стенки ямы прямые, слегка ссужающиеся к придонной части. Могила ориентирована по линии 3-В. Яма ограблена в древности. На дне могилы зафиксированы разрозненные кости ребенка. Реконструкция последовательности первоначального устройства подкурганного захоронения и сооружения насыпи выглядели следующим образом: выбор площадки для захоронения, рытье могильной ямы, помещение умершего в могилу, забутовка могильной ямы землей, сооружение курганной насыпи и обкладка кольцевой оградой из крупных камней. Отсуствие кольцевого рва, из которого обычно бралась земля для устройства насыпи, свидетельствует о том, что землю брали на стороне. На дне могильной ямы рядом с костями найдена бусина янтарного цвета, предположительно сердолик.

Коллекция находок из курганов:

1. Золотая серьга, орнаментированная зернами со вставным камнем, предположительно яшма, общая длина серьги - 4,5 см,
2. Костяные, трехлопастные, башневидные, втульчатые наконечники стрел, 1- общая длина пера - 3,5 см, глубина втулки - 1 см, 2- общая длина пера - 3 см, глубина втулки - 7 мм.
3. Фрагмент железного ножа - длина 8 см, ширина 1,7 см
4. Бусина округло усеченной формы изготовлена из сердолика янтарного цвета, диаметр - 8 мм, шириной - 4 мм, диаметр сквозного отверстия 1-2 мм.

Основанием для предварительной датировки вводных погребений курганов 2-3 могильника Тасарал 3IV-I в. до н.э., являются находки золотой серьги инкрустированной зернью со вставным камнем и костяные стрелы.

Золотая серьга, инкрустированная зернью со вставным камнем из кургана 2 наиболее близка к золотым серьгам с подвесками из могильника Коктума набор украшении которого К.А.Акишев отнес к IV-I в. до н.э., подчеркнув при этом, что в III-II до н.э., звериный стиль сменяется инкрустационным. Цветные вставки (бирюза, паста, реже

- красные камни), которые в зверином стиле применялись достаточно умеренно и тактично, получают широкое распространение [1, с. 27,139-141]. Истоки этого замеча-

тельного исскуства уходят к началу I тысячелетия до нашей эры. Уже в VII - V веках до нашей эры в Казахстане были известны два технических приема полихрома - инкрустация и зернь, - характерные для изделий, обнаруженных в курганах верховий Иртыша (Чиликты), Центрального (Жиланды) и Западного Казахстана (Бесоба) [2, с. 87]. По погребальным конструкциям могильник Тасарал аналогичен памятникам раннего железного века Тувы, могильнику Саглы-Бажи IV Саглынской культуры V-III в. до н.э. и могильником Саглы-Бажи I монгун-тайгинского типа, у которых внешние ограды сооружены из камней, форма оград в плане - подчетырехугольная или круглая [3, с. 30, 119, 189; рис.51, 202; рис. 64].

* * *

Мақалада Қарағанды облыстық тарихи-өлкетану мұрайжымен Балхаш өзеннің солтүстік-батыс жағында орналасқан Тасарал 3 қорымында жүргізілген жұмыстарының нәтижелері берілген. Қорым 8 қорғаннаң тұрады 2010 жылы екі қорғанға археологиялық қазба жұмыстары жүргізілді. Жерлеу қамырлардаң табылған алтыннан жасалған тасы бар сырға және жебе үштері арқылы автор б.з.б. IV-I ғ. қорымды мерзімдейді.

Список использованных источников и литературы

1. Акишев К.А. Древнее золото Казахстана. А. 1983
2. Агапов П.В., Кадырбаев М.К. Сокровища древнего Казахстана. А. 1979
3. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М. 1980

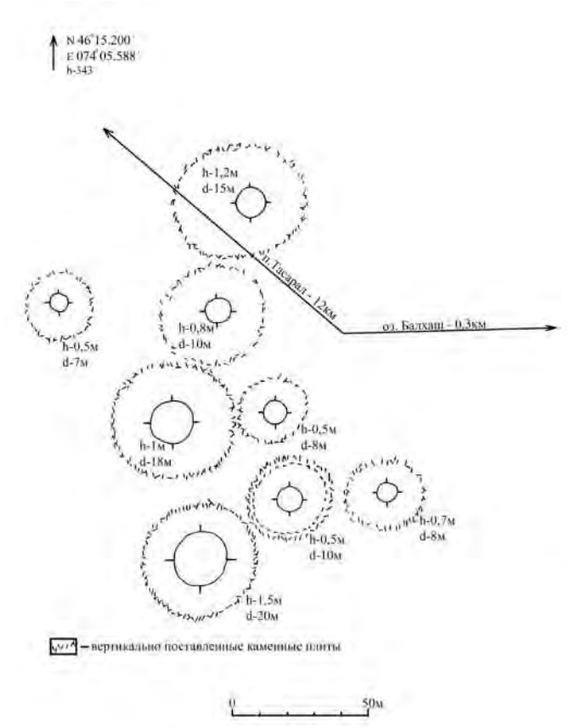


Рис. 1.

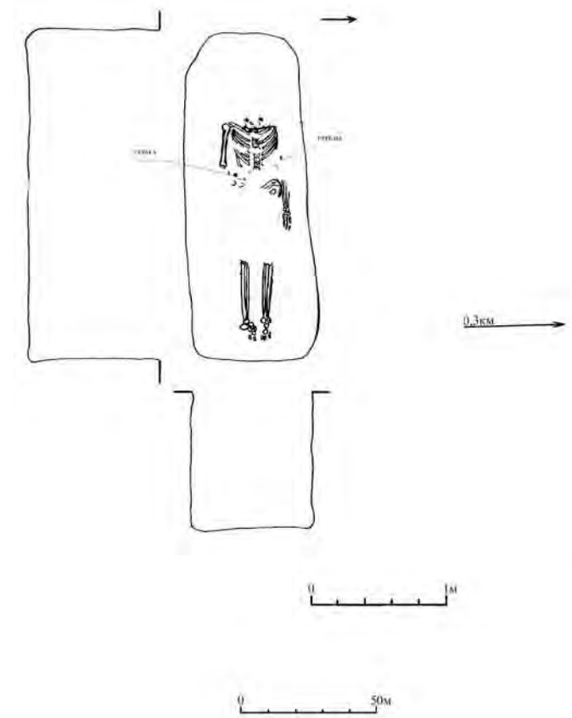


Рис. 2.

Рис. 3. 323

Петрова Л.Ю.
Россия, Челябинск Поселения финальной бронзы степного Зауралья

В настоящее время, в археологии Южного Зауралья одним из наиболее сложных, но чрезвычайно интересных разделов является изучение заключительного периода бронзового века степной и лесостепной зоны. Сложность изучения обусловлена, в первую очередь, крайней недостаточностью источниковой базы: малым количеством раскопанных памятников как погребального, так и поселенческого характера, ограниченностью площади раскопов на многих поселениях, публикацией значительной части имеющихся материалов в сжатом виде либо отсутствием по ряду памятников публикаций вообще. До недавнего времени материалы финальной бронзы практически оставались вне поля зрения исследователей. Лишь с середины 90-х гг. прошлого века в печати появляется ряд статей, посвященных проблемам финальной бронзы [3, с. 151-163; 4, с. 70-77; 1, с. 398-400; 2, с.72-82]. В основном рассмотрение этих проблем базировалось на погребальных материалах, и лишь совсем недавно появилась возможность в полном объеме познакомиться с результатами раскопок опорных поселенческих памятников [5, с. 153-172; 6, с. 49-71].

В степных районах Южного Зауралья керамика финальной бронзы встречается как среди разведочных сборов, так и в коллекциях с раскопанных памятников, однако в виду их малочисленности дать детальную характеристику поселениям этого времени крайне сложно. На сегодняшний день раскопками изучено лишь одно однослойное поселение (Кинжитай), в большинстве случаев, слои финальной бронзы составляют верхние горизонты на многослойных памятниках (Дружный I, Берсуат XVIII, Кулевчи IV, Городищенское III, Атамановка V, Черкасы II, Калмыцкая Молельня, Кирса V и др.). Кроме того, единичные фрагменты встречены в коллекциях однослойных памятников более раннего времени (Мирный II, III).

Топографически поселки заключительного периода бронзового века обычно привязаны к тем же площадкам, что и поселения предшествующего времени - алакуль- ского (срубно-алакульского) и черкаскульского. Топография традиционна для поселков эпохи поздней бронзы степной и лесостепной зоны: как правило, это низкие площадки надпойменных террас в непосредственной близости от речного русла, со стороны коренного берега ограниченные холмистыми возвышениями. В редких случаях поселения располагаются на открытых площадках мысового характера (Кирса V). Традиция селиться на площадках у холмов сохранялась на протяжении всей эпохи поздней бронзы, в том числе и на заключительной ее стадии, несмотря на смену состава населения, как наиболее оптимальная для ведения хозяйства и обустройства быта в условиях степной зоны.

0 планиграфии поселков финальной бронзы говорить сложно по той причине, что ни одно однослойное поселение этого периода не раскопано полностью. Предположительно способы расположения жилищ могли быть различны: как в ряд, так и группами по две-три постройки. На поселении Берсуат XVIII раскопом изучен фрагмент четко спланированного поселка компактной застройки, где жилища составляли единый комплекс. Постройки были расположены таким образом, что стены соседних домов примыкали друг к другу вплотную [5, с. 166-167]. Однако вполне вероятно, что практиковались и иные варианты расположения жилищ в поселках.

Жилищная архитектура известна по остаткам построек, раскопанных на поселениях Берсуат XVIII, Атамановка V, Ильяска I, Дружный I, Черкасы II, Городищенское III, Кулевчи IV, Кара-Оба, Калмыцкая Молельня, Кинжитай. Выделяются следующие типы построек:

1 тип. Крупные постройки площадью 150-200 кв.м, полуземляночного типа (глубина котлована 0,5-0,75 м) либо наземные, различной формы (прямоугольной, трапециевидной, подквадратной). Конструкция каркасно-столбовая. Обязательно наличие очагов различной конструкции, хозяйственных ям и колодцев; зафиксированы также выходы в торцевых стенках.

II тип. Отличается от первого только многокамерностью. Это двухкамерное жилище

подчетырехугольной или подпрямоугольной формы, камеры могут быть как крупными, так и небольшими по площади. Обе камеры соединены переходом, причем могли располагаться перпендикулярно друг другу. Глубина котлована от 0,4-0,5 до 0,8-1,25 м. Конструкция каркасно-столбовая. Необходимым элементом интерьера также являются очаги, хозяйственные ямы, жертвенные комплексы.

III тип. Постройки небольшой площади (около 55 кв.м), полуземляночного типа (глубина котлована 0,45 м).

Постройки I типа встречены на всех более или менее полно изученных поселениях; многокамерные - только на поселении Дружный I (хотя тенденции к объединению жилищ в комплексы есть и на поселении Берсуат XVIII); одна постройка III типа исследована на поселении Дружный I.

Своеобразны керамические комплексы, относимые к финальной бронзе. Как уже отмечалось ранее в литературе, главной особенностью керамики Южного Зауралья, отличающей ее от синхронных комплексов саргаринско-алексеевской культуры, является отсутствие валиков [4, с. 71; 5, с. 169]. Подобная серия, выделенная на поселении Берсуат, получила название берсуатской группы керамики [5, с. 158]. Погребальные комплексы с безваликовой керамикой были охарактеризованы исследователями как белоключевский тип памятников [4, с. 74]. Однако дальнейшее обращение к коллекциям финальной бронзы показало, что их разнообразие не исчерпывается берсуат- ским или белоключевским типом. Так, керамика поселения Атамановка при отсутствии валиков, тем не менее, не соотносится с берсуатской, а обладает собственными своеобразными чертами [6, с. 71]. Нельзя забывать также, что на территории степных районов известны и комплексы, содержащие классическую валиковую посуду (Кизил ьское) [8, с. 231, 234].

В целом, степень изученности памятников финальной бронзы Южного Зауралья остается слишком слабой для того, чтобы сформулировать однозначное мнение по поводу их культурного содержания. Несомненно лишь то, что оно не может быть сведено исключительно к саргаринско-алексеевской или к какой-либо другой одной из известных культур. На основе анализа погребальных памятников был выделен белоключевский тип, истоки традиций которого исследователи усматривают в ирменской среде [4, с. 73-74]. Берсуатские материалы сопоставимы с амирабатскими и тагискен- скими комплексами Южного Приаралья [5, с. 170]. Неоднородность и многовариантность комплексов финальной бронзы наводит на мысль о нестабильности и чрезвычайной подвижности культурных образований этой эпохи в целом. По разнообразию материальной культуры и отсутствию стереотипных решений, как в архитектуре, так и в керамических сериях, заключительная стадия бронзового века резко контрастирует с более ранним алакульским (срубно-алакульским) периодом, который при таком сопоставлении представляется «застойным» и подверженным стагнации. В противоположность стереотипному укладу жизни алакульских племен «эпоха экспериментов», каковой по всей вероятности являлась финальная бронза, была временем поиска нетривиальных путей существования, что нашло отражение в дошедших до нас формах материальной культуры. Несомненно, важнейшую роль в этом процессе сыграл переход к кочевому способу ведения хозяйства. Смена парадигмы существования, скорее всего, происходила постепенно, как и сама эпоха финальной бронзы занимала достаточно большой временной промежуток [2, с. 72].

Необходимо упомянуть еще об одном компоненте, принимавшем активное участие в исторических процессах в степной зоне в заключительный период бронзового века. Речь идет о межовской культуре, которая в целом считается характерной для более северных лесостепных районов. Однако в степи встречаются комплексы керамики, идентифицирующиеся как межовские. Примером этого могут служить данные раскопок многослойного поселения Архангельский Прииск, начатых в 2010 г. автором. В ходе проведения полевых исследований были вскрыты остатки наземной постройки с крупным хозяйственным комплексом, культурная принадлежность которой определяется как межовская [7]. Интересен тот факт, что помимо развалов межовских сосудов, безусловно преобладающих в жилище, среди материалов поселения имеются также обломки посуды

типично степного облика: как с валиками, так и без, а также фрагменты керамики, сопоставимые с ирменско-карасукской керамикой. Немаловажным является и то обстоятельство, что поселение, формально находясь в степной зоне, фактически расположено на стыке степи и лесостепи, а в меридиональном плане - на границе Зауралья и Западносибирской равнины. Исследования синкретичных комплексов, подобных Архангельскому Прииску, представляются одним из наиболее перспективных направлений в разработке проблем финальной бронзы Южного Зауралья.

* * *

Мақалада Орал аймагындагы жазық дала және орманды жерлердің кейінгі қола дәуірінің археологиялық мәдениеттердің зерттелу мәселесі қойылған. Автор зерттеу жұмыстарында Оралдың жазық даласында археологиялық қазба жұмыстары барысында жүргізілген қоныстардаң шықан материалдарға сүйенген. Қоныстардың топо- графиясы, жобасы және үйлердің архитектуралық ерешеліктерін келтіреді. Үйлердің топографиясы берілген. Зерттелген аймақтың кейінгі қола дәуірінің қыш ыдыстар кешенніне сипатамалар берген.

Список использованных источников и литературы

1. Епимахов А.В. Финал бронзового века в Южном Зауралье // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. - М.: ИА РАН. 2008. С. 398-400
2. Епимахов А.В. Завершающие века эпохи бронзы Южного Зауралья: штрихи к портрету // Проблемы археологического изучения Южного Урала. Челябинск: АБРИС. 2009. С. 72-82
3. Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: «Рифей». 1996. С. 151-163
4. Костюков В.П., Епимахов А.В. Хронология и культурная интерпретация памятников финальной бронзы Южного Зауралья //Вопросы археологии Западного Казахстана. Актобе. Изд-во Актюбинского государственного университета. 2005. Вып. 2. С. 70-77
5. Малютина Т.С., Зданович Г.Б., Петрова Л.Ю. Поселение Берсуат **ХУНТ** // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов». Челябинск: «Рифей». 2006. С. 153-172
6. Малютина Т.С., Петрова Л.Ю. Поселение Атамановка V - многослойный памятник эпохи бронзы Южного Зауралья // Уфимский археологический вестник. Вып 9. Уфа: «Гилем». 2009. С. 49-71
7. Петрова Л.Ю., Куприянов В. А., Гайдученко Л.Л. Предварительные итоги и перспективы археологического изучения поселения Архангельский Прииск // В печати
8. Стоколос В.С. Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. - Серия 1. Исторические науки. 2004. №2. С. 207-236

Подушкин А.Н.

Казахстан, Шымкент Катакомбы могильника Кылышжар

Могильник Кылышжар находится в 1,5 км к юго-западу от городища Культобе, на правой лессовой надпойменной террасе р. Арысь (Ордабасинский район, Южно- Казахстанская область). Насыпи курганов расположены бессистемно, могильник протянулся более чем на полтора километра в направлении северо-восток - юго-запад. Он включает от шестидесяти до восьмидесяти курганов, сложенных из лесса. Средние размеры насыпи: от 8-10 до 30 и более метров в основании при высоте от 0,8 до 2,5 м. В 2007 году раскопкам подверглись курганы № 5 и 6.

Курган № 5 не имеет четкого профиля, он округло-овальной формы размерами в основании 18 на 15 м, высотой 1,6 м. Почти в центре, под насыпью на глубине 3, 7 - 4, 65 м

от уровня древней поверхности было открыто катакомбное погребальное сооружение (рис. 1). Оно представляет собой катакомбу с дромосом «с заплечиками», которая включает: прямоугольную в плане глубокую грунтовую яму (большой дромос); траншейного типа малый (второй) дромос, выкопанный в полу большого дромоса по его длине с пандусным уклоном вглубь, в сторону одной из малых стенок грунтовой ямы. В результате образуются «заплечики», на которые в древности клались деревянные плахи (или маты из тростника) в целях перекрытия малого дромоса при засыпке землей всей погребальной конструкции; трапециевидную в плане неправильной планировки погребальную камеру с прямым сводом размерами 3,35х2,3х3,5х1,6 м и высотой свода 1,48 м. В месте соединения дромоса и камеры отмечен аркообразной формы проем, который был заложен вертикальной кладкой крупным трапециевидным кирпичем-сырцом (рис. 1).

Курган 5 был полностью ограблен в древности: артефакты зафиксированы в зоне соединения камеры и малого дромоса, на полу; при этом остатки костяка и разрушенный вещевой инвентарь лежали вперемежку (исключение составили керамические сосуды, которые обнаружены целыми). По завершении исследования катакомбы установлено, что в ней был погребен один человек, воин-номад в полном вооружении (предположительно мужчина средних лет), причем тело его располагалось на плетеной тростниковой подстилке, следы которой четко зафиксированы в виде тлена (рис. !)•

Погребальный инвентарь катакомбы кургана 5 могильника Кылышжар включает:

- кувшин столовый без ручек грушевидной формы с выраженной короткой горловиной, достаточно широким венчиком. Кувшин выполнен на быстровращающемся круге, из качественного теста, хорошо обожжен. Он имеет декор в виде покрытия светлым ангобом желтовато-серого цвета, вторично украшен черными ангобными потеками и брызгами. Кроме того, в центральной части тулова сосуд имеет выраженное станковое рифление (рис. 2: 1);

- фляга столовая традиционной формы имеет шаровидно-конусовидное тулово с плоским «обрезанным» боком (дном) и вертикально посаженную горловину с венчиком, треугольным в разрезе. Сосуд выполнен из очень качественного теста на гончарном круге, хорошо обожжен. Фляга имеет оригинальный, ранее не встреченный в памятниках арысской культуры декор: украшение ангобом насыщенного черного цвета, который покрывает верхнюю часть сосуда вместе с горловиной и венчиком на определенном уровне строго по горизонтали; выраженное крупное станковое рифление большей части тулова сосуда; декорирование конуса сосуда концентрическим кругом и выступом-умбоном в самой верхней части. Кроме того, под горловиной фляги зафиксирован крупный тамгообразный «Т-образный» знак, прочерченный до обжига и декора сосуда (рис. 2: 2 - 3).

- меч железный черешковый обоюдоострый, без перекрестия и навершия длиной 77,3 см. Лезвие клинка линзовидное, черешок в концевой части имеет небольшой железный штырек-фиксатор деревянной ручки. Меч находился в сложно-конструктивных ножнах, которые состояли из плотной ткани (внутренняя обкладка), дерева (жесткая основа ножен) и кожи, окрашенной в красный или желто-оранжевый цвета (рис. 2: 8).

- кинжал железный обоюдоострый черешковый без навершия и перекрестия длиной 27,3 см (черешок в концевой части имеет невысокий штырек-фиксатор деревянной ручки); в разрезе лезвие клинка линзовидное. Кинжал по аналогии с мечом также находился в сложно-конструктивных деревянных ножнах (ткань, дерево, кожа), окрашенных сверху в ярко красный цвет (рис. 2: 9).

- части концевой костяной накладки на сложносоставной лук. Артефакт в разрезе сегментовидно-треугольный, хорошо видна обработка внутренней и внешней поверхностей (рис. 2: 12).

- костяной круглый оттягиватель тетивы. Диаметр изделия 3,2 см, в его центре - овальное отверстие диаметром 0,3 - 0,4 см (следствие «работы» тетивы). Оттягиватель в разрезе сегментовидный, со специально полированными поверхностями (рис. 2:13).

- наконечники стрел железные черешковые трехперые с острой треугольной ударной головкой и так называемыми «опущенными жальцами» (всего 6 экземпляров). Черешки в разрезе круглые, носят следы деревянного древка, обмотки тонкой нитью и кожи от колчана (рис. 2: 10).

- наконечник стрелы бесперый черешковый «штырькового» типа и бронебойного назначения (против катафрактариев) со следами древка на черешке (рис. 2: 11).

- нож железный однолезвийный черешковый бытовой. Коррозированная поверхность лезвия и черешка ножа носят следы кожаных ножен и деревянной ручки (рис. 2: 7).

- пряжки железные с длинной вытянутой рамкой и длинным бегающим язычком (2 экземпляра). Артефакт по форме напоминает круглую пряжку с объединенным воедино длинным «щитком», но выполненным из одного толстого железного проволочного штыря. Внешняя поверхность пряжек носит следы плотной шерстяной ткани (рис. 2: 6).

- пряжки круглые рамчатые железные щитковые с бегающим язычком (2 экземпляра). Внешняя поверхность пряжек носит следы кожи и тонкой ткани (рис. 2: 4 - 5).

Курган № 6 имеет округло-овальную насыпь в основании 13 на 15 м, высотой 1,3 м. В юго-восточном секторе, у кромки насыпи на глубине 3,2 - 4,15 м от уровня древней поверхности была открыта катакомба (рис. 3). Она представляет собой «Т»-образную трехчастную подземную конструкцию, которая включает: короткий и широкий трех-ступенчатый дромос траншейного типа; аркообразный в разрезе короткий лаз; правильную прямоугольной планировки сводчатую погребальную камеру. В целом вся конструкция вытянута в направлении «север - юг», место соединения лаза с камерой было заложено в несколько рядов горизонтальной кладкой на жидком глиняном растворе крупным прямоугольным сырцовым кирпичом. В погребальной камере зафиксировано коллективное погребение, включающее три костяка. Обряд погребения: трупоположение на спине (рис. 3). Местонахождение костяков и их описание следующие:

Костяк 1 в анатомическом порядке расположен на полу погребальной камеры, в центре. Он ориентирован изголовьем на восток, а лицевой частью черепной коробки
- на север. Предварительная антропологическая идентификация: это костяк зрелого мужчины. Костяк 2 также в анатомическом порядке располагался вблизи костяка 1, вдоль северной стенки погребальной камеры. Он тоже ориентирован изголовьем на восток, а лицевой частью черепной коробки - на север. Предварительная антропологическая идентификация: это костяк молодой женщины, причем в районе таза у нее отмечены едва сформировавшиеся кости младенца. Костяк 3 представляет собой груду бессистемно сложенных и, судя по всему, специально перемещенных костей и черепную коробку, которые располагались вблизи восточной стенки погребальной камеры. Предварительная антропологическая идентификация: это части костяка молодого мужчины (рис. 3).

Погребальный инвентарь катакомбы кургана 6 могильника Кылышжар включает:

- кувшин кухонный 1. Сосуд грушевидной формы, с очень короткой горловиной и слегка отогнутым наружу венчиком, без ручек. Он сделан вручную из грубого, обжига посредственного. Вся внешняя поверхность сосуда носит следы костровой копоти, орнаментация отсутствует (рис. 4: 1).

- кувшин кухонный 2. Также грушевидной формы, с короткой горловиной и без ручек. Остальные характеристики аналогичны описанию кувшина 1, только горловина этого сосуда более высокая, и под ней фиксируется декор в виде концентрической кольцевой линии-борозды, прочерченной по сырой глине (рис. 4: 2).

- кинжал железный обоюдоострый черешковый без навершия и перекрестия длиной 28,2 см. Лезвие клинка в разрезе линзовидное. Внешняя коррозированная поверхность кинжала носит следы тонкой ткани, дерева и окрашенной в красный цвет кожи: судя по всему, кинжал находился в сложно-конструктивных ножнах (внутренняя обкладка - ткань, затем - жесткая деревянная основа и сверху - крашеная кожа или замша). Кинжал имел деревянную ручку (рис. 4: 6);

- наконечник стрелы бесперый черешковый «штырькового» типа и бронебойного назначения (против катафрактариев); черешок носит следы древка (рис. 4: 8).

- нож железный однолезвийный черешковый бытовой, разделочного типа. Корродированная поверхность лезвия и черешка ножа носят следы кожаных ножен и деревянной ручки (рис. 4: 7);

- пряжки железные рамчатые круглые бесщитковые с бегающим язычком. Артефакты все одинаковой конструкции, отличаются друг от друга только размерами, и, возможно, назначением (поясные или иные; рис. 4: 10).

- крупная биметаллическая (железо - бронза) рамчатая подпружная пряжка с бегающим язычком со следами внутренней коррозии железа и бронзы (рис. 4: 9).

- золотая обойма-ворворка цилиндрической формы с зубчиком-фиксатором в верхней части (рис. 4: 12);

- подвеска в виде крупной раковины-каури. Подвеска бело-желтого цвета, имеет характерную для раковин этого типа форму, а в верхней части - сквозное отверстие для подвешивания (рис. 4: 11).

- меловой амулет в виде стилизованной головы змеи. Артефакт беловато-серого цвета, имеет плавно оформленные подтреугольные контуры головы змеи типа степного удава с частью туловища (рис. 4: 5);

- камни из песчаника и алебастра треугольного профиля в разрезе, культового назначения, с выраженными в результате шлифовки рабочими гранями (2 экземпляра; рис. 4: 3 - 4).

Погребальная конструкция обоих курганов относится к катакомбным подземным сооружениям с наличием двух (трех) частной составляющей: «дромос - сводчатая полая камера», или «дромос - лаз - камера». В данном случае мы имеем два типа катакомб, характерных для арысской культуры Южного Казахстана караултобинского и каратобинского этапов (IV - I в. в. до н. э.; I в. до н. э. - IV в. н. э.: I и II тип катакомбы), которые характеризуют соответствующий обряд: трупоположение на спине с восточной ориентацией изголовья [5, с. 112-117]. Археологический материал из курганов 5 и

6 могильника Кылышжар с их коллективным и одиночным обрядом погребения показывает, что катакомба как сложное погребальное сооружение функционировала в нескольких вариантах: в качестве родового склепа, в который по мере необходимости помещали тела покойных в различное время (курган 6); в качестве места погребения одиночного воина-номада (курган 5).

Обратимся к аналогиям и соответствующим хронологическим, историко- культурным заключениям, связанным с археологическим комплексом указанных курганов.

Ближайшие аналогии полученным материалам отмечены в памятниках арысской культуры Южного Казахстана: могильники Тулебайтобе II, Акбулактобе и Культо- бинский [5, с. 73; 6, с. 139-141; 7, с. 210-217]. Отдельным группам артефактов из курганов 5 и 6 могильника Кылышжар (керамика-знаки, оружие, бытовые предметы) имеются аналогии в погребальных памятниках по Средней Сырдарье первых веков до - первых веков нашей эры (могильники Жаман-Тогай, Шаушукумский [2, с. 184-188; 202-204; 218-221]. Достаточно близки материалам из Кылышжара археологические комплексы Агалыксайского могильника (курганы 1, 2, 6 и 8), а также иных могильников близ Самарканда, которые датируются первыми веками до - первыми веками нашей эры [3, с. 57-62, рис. 1; 4, с. 159-171]. В более широком географическом аспекте полученный материал как в археологическом, так и в иных контекстах можно уверенно связать с материалами многочисленных подбойно-катакомбных погребений номадов Средней Азии и близлежащих регионов, которые иллюстрируют близость традиций в материальной и историко-культурной сферах близких по происхождению племен периода с конца I тыс. до н. э. - начала I тыс. н. э. [1, с. 20-28].

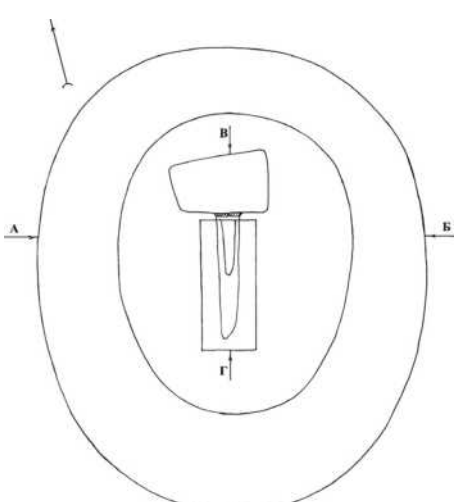
Предварительно артефакты и археологический комплекс в целом из погребений в курганах 5 и 6 могильника Кылышжар датируются III в. до н. э. - I в. н. э., он соотносится с арысской культурой Южного Казахстана ее раннего караултобинского и развитого каратобинского этапов. В этническом отношении комплекс связан с кругом позднесакских и сармато-сюннуских племен, которые со II века до н. э. вошли в состав государства Канцзюй (Кангюй).

* * *

Баяндамада Оцтүстік-Қазақстан обылысында Қызылжар обасын зерттеу нэтижелері көрсетілген. Ескерткіш уақыты III г. б.з.д. - б.з. I г., Оцтүстік Қазақстанныц Арыс мэдениетініц ерте қарауылтөбе және дамыған қаратөбе кезецдеріне жатқызылады. Этникалық байланыс жағынан бұл кешен кейінгі сақ және сармат-үйсін тайпаларын- мен байланскқан.

Список использованных источников и литературы

1. Горбунова Н.Г. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тыс. до н. э. - первая половина I тыс. н. э. // СА. 1991. № 3. С. 20-30
2. Максимова А.Г, Мерщиев М.С, Вайнберг Б.И, Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата. «Наука». Каз. ССР. 1968
3. Обельченко О.В. Агалыксайские курганы // ИМКУ, Ташкент. 1972. Вып. 9. С. 56-72
4. Обельченко О.В. Курганы в окрестностях Самарканда // Афрасиаб. Вып. II. Ташкент. АН Узб. ССР. 1973. С. 157-172
5. Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н. э.- VI в. н. э. Туркестан. 2000
6. Подушкин А.Н. Некоторые итоги археологического исследования могильника Кылышжар в 2006 году //



Международная научная конференция «Кадырбаевские чте

ния - 2007». Актобе. 2007. С. 138-144
7. Подушкин А.Н. Программа «Археологические и письменные памятники государства Кангюй II в. до н. э.- IV в. н. э.»: итоги и перспективы реализации // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Вып. 2. Павлодар. 2006. С. 208-229

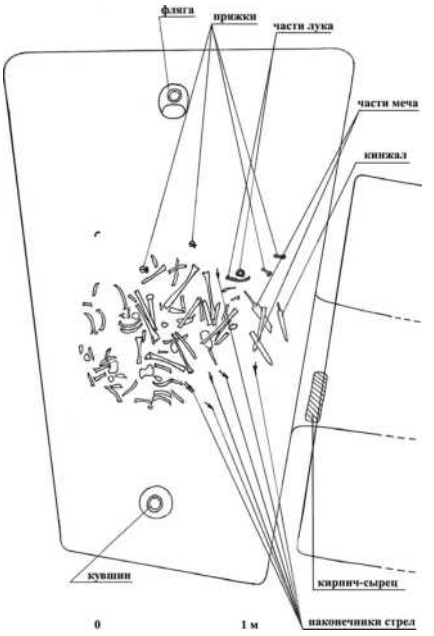


Рис. 1. Могильник Кылышжар. Курган 5. План, разрез катакомбы, экспликация погребения

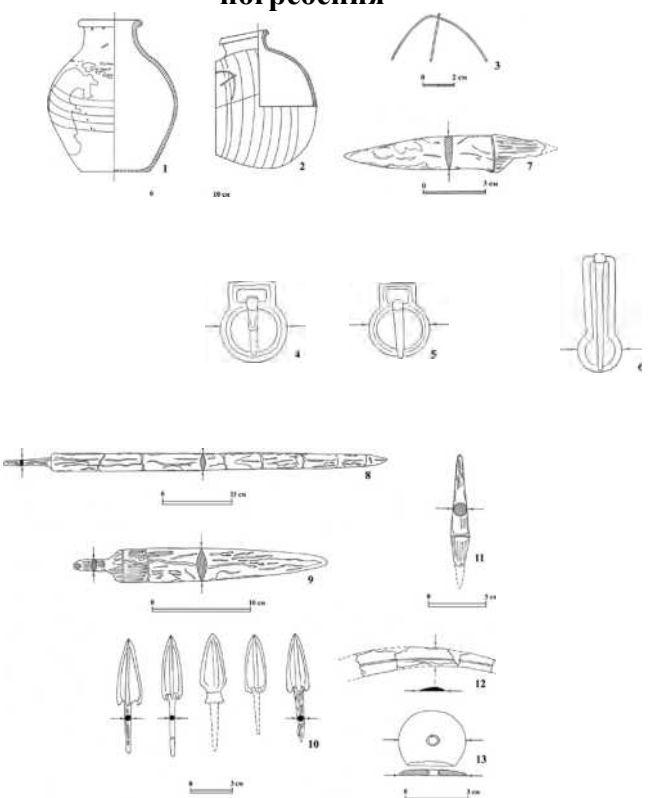


Рис. 2. Могильник Кылышжар. Курган 5. Погребальный инвентарь.

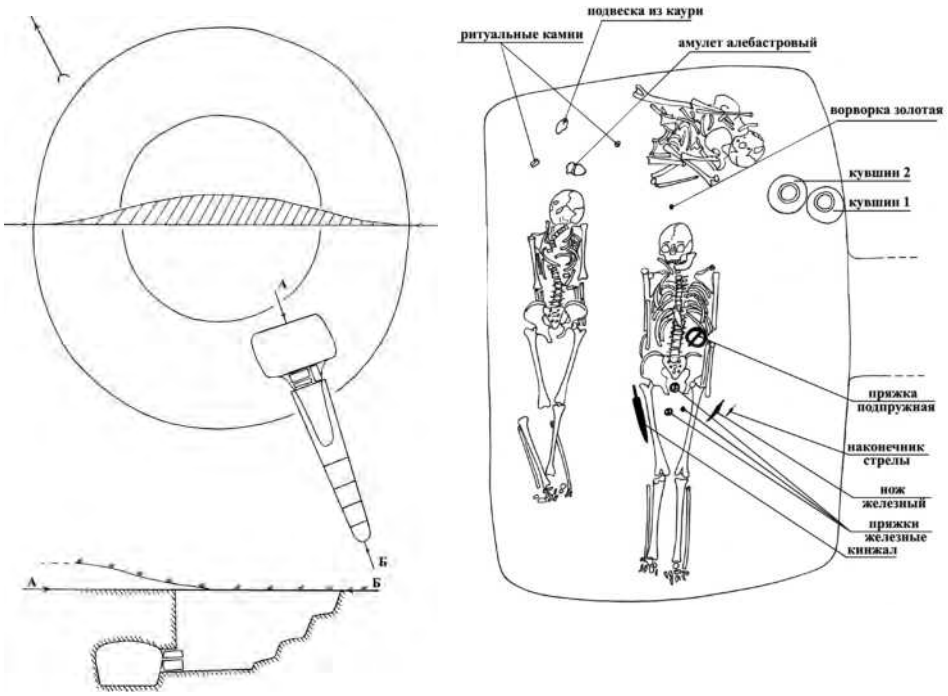


Рис. 3. Могильник Кылышжар. Курган 6. План, разрез катакомбы, экспликация погребения.

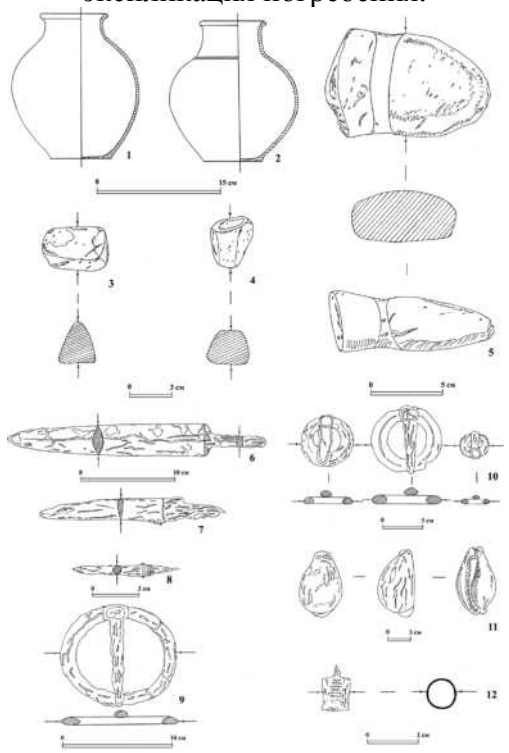


Рис. 4. Могильник Кылышжар. Курган 6. Погребальный инвентарь.

Рогожинский А.Е.[14], Кызласов И.Л.[15]
Казахстан, Алматы[1]; Россия, Москва[2]

Руническая надпись ущелья Жаксылыксай (Семиречье)

Систематический поиск памятников эпиграфики и наскального искусства Казахстана привел к открытию целой серии рунических надписей, начертанных и выбитых на скалах Южного Алтая, Присырдарьинского Каратау и Чу-Илийского мелкосопоч- ника. Многие из них недавно опубликованы [16, с. 329-335, рис. 1-4], некоторые уже прочитаны и переведены на русский язык [11; 18].

Здесь нет места для обобщающего анализа важных историко-культурных обстоятельств, впервые раскрываемых в отношении раннесредневекового общества Казахстана благодаря этой весьма важной, совершенно новой категории письменных источников. Ограничимся публикацией прочтения и разбора одной краткой надписи, открытой А.Е. Рогожинским в горах Кулжабасы. Источником для изучения текста И.Л. Кызласовым послужили фотоснимки и прорисовки, предоставленные полевым исследователем.

Горы Кулжабасы расположены в южной части Чу-Илийского мелкосопочника в 200 км к западу от г. Алматы и в 30 км от ст. Отар Жамбылской области. В 2001 г. Р. Сала и Ж.-М. Деом здесь было открыто крупное местонахождение петроглифов, изучавшееся затем А.Н. Марьяшевым, А.Е. Рогожинским и другими казахстанскими археологами [17, с. 60-64]. В межгорных долинах также выявлены поселения эпохи бронзы и сезонные стоянки всех последующих эпох. При обследовании стоянки конца 8 - начала
10 в. в ущелье Жаксылыксай в 2009 г. обнаружены наскальные рунические надписи и тамгообразные изображения. Они занимают две соседние обращенные на ЗЮЗ вертикальные поверхности небольших скальных выходов (рис. I)[1], у основания которых видны руины округлой каменной постройки диаметром до 10 м; на противоположном борту долины - остатки другого каменного сооружения сложной планировки. На развеянных участках памятника найдены фрагменты лепной и станковой посуды, а также бронзовый трехлопастной распределитель ремней узды [16, с. 334, рис. 3: 1].

Надписи нанесены на широкую (около 1,5х1,8 м), относительно ровную поверхность мелкозернистого песчаника, неравномерно покрытую коричневой и черной патиной (рис. 1, слева за кустом). Наверху плоскости, в 1,5 м от подножия, техникой протирки выполнено крупное изображение V-образной тамги с двумя короткими линиями, отходящими влево (рис. 2). Тамга частично перекрывает более древнее изображение козла (не отраженное на рис. 2). Справа от знака - еще два незавершенных изображения козлов; фигуры выполнены комбинированной техникой выбивки и протирки; эти рисунки и тамга сходны по цвету, т.е., вероятно, одновременны.

Ниже острыми металлическими инструментами вырезаны три вертикальные строки надписей (рис. 2: 1-3). Высота рун от 2-3 до 5 см, линии тонкие, неглубокие. Размещение строк указывает, что они составляют не единый связный текст, а группу самостоятельных по смыслу начертаний (Жаксылыксай ГIII), однако, их расположение на общей поверхности не может быть случайным, и уже само по себе связывает эти надписи идеологически. Вероятно, создатели надписей были привлечены сюда древними тамгами, хорошо видными со стороны ущелья. Самая длинная строка Жаксылыксай
11(36 см)[2] находится выше прочих и состоит из 15-16 знаков, местами перекрываю

щих древние выбивки. Руны различаются по высоте, но располагаются с примерно равным интервалом и одинаковым отступом от края скалы. В средней части надпись
пересекает естественно
образовавшуюся горизонтальную трещину, выше которой строка отклоняется влево,

14 К сожалению, здесь нет места для публикации тамги в форме змеи с раскрытой пастью, отмеченной на второй плоскости, но сочетание наскальных изображений двух и более тамг, одна из которых змеевидна, зафиксировано А.Е. Рогожинским во многих пунктах Западного Семиречья.

15 В предварительной публикации [16, с. 334] размеры строк Жаксылык I и II указаны ошибочно.

повторяя изгиб края поверхности. Часть знаков соответствует по цвету светло- коричневой патине тамги; некоторые более светлые, сходные с буквами строки Жак- сылыксай I. На уровне нижнего края строки II, в 15 см справа, вырезаны еще два рунических знака, образующих строку Жаксылыксай III длиной 4,5 см. Они развернуты основанием вправо и отличаются от остальных чуть большей шириной и глубиной линий; цвет патины светло-коричневый, как у тамги и изображений козлов.

Надпись Жаксылыксай I - нижняя строка длиною 12 см, вырезанная на высоте приблизительно 1 м от подножия скалы (рис. 2: 1). Строка, направленная снизу вверх, занимает слабо патинированный участок, и образующие ее семь знаков светлее остальных гравировок (рис. 3). Ясно начертанные руны читаются справа налево: (e)r (a)t'i t(e) k(a)s {a} «Его имя мужа-эра - Текеш».

Личное мужское имя здесь может быть прочитано двояко: Tekas (в таком виде оно известно по надписи младшего орхонского письма из Ихэ-Асхете) или Tekis (отмечено у Махмуда Кашгарского) [2, с. 550].

Облик руны t^2 (четвертой по порядку, начертанной в зеркальном развороте) обычно отличает надписи таласского письма. Этому азбучному определению не противоречит и вид второй буквы строки - руны t^1, распространенный только в енисейской и таласской письменности. Однако, руководствуясь другими палеографическими признаками, изучаемое граффити следовало бы отнести к памятникам не таласского, а енисейского письма. Об этом говорит размещение строки снизу вверх и вид руны s (последней в строке) в форме трезубца. В целом начертательные особенности этой рунической строки создают, пожалуй, наглядную и довольно редкую картину явного палеографического влияния енисейского письма на таласское.

Предоставленный для изучения хороший фотоснимок (рис. 3) позволяет заметить две палеографических особенности, в определенном отношении характеризующих автора этого письменного памятника. Во-первых, дугообразный изгиб обычно вертикальных стволов двух рун - i и a (третий и седьмой знаки) указывает на привычную писцу курсивность начертаний. Тем самым следует думать, что надпись нанес на скалу писец-профессионал, иными словами, интеллигент - носитель енисейского рунического письма, существовавший в мире таласской письменности. Во-вторых, при рассмотрении мест пересечения резных линий здесь ясно различим порядок нанесения самих борозд, образующих многие руны - см. вершину знака r^2 (первая справа буква), t^1, i, t^2, s, a. Все они, взятые по отдельности, начертаны в последовательности справа налево. Это обстоятельство, без всякого сомнения, указывает, что писец освоил руническое письмо изначально, в качестве первой для него системы грамотности.

Специальный интерес вызывает облик руны s (шестой в строке). Если исключить сомнительные случаи, отмеченные ***Д.Д.*** Васильевым [1, с. 133, 136], и редкостные памятники 8 в., не поддающиеся пока пониманию [13; 14, с. 103-112, рис. 1; 6, рис. 8: трижды в четырех кратких строках], остается единичное применение руны-трезубца лишь в двух многострочных старших орхонских текстах (Тоньюкука и Бильге-кагана) да в учебном списке орхонского алфавита из урочища Тойок [5, рис. 10]. Однако такой знак обычен в памятнике уйгурского орхонского письма середины 8 в. (Моюн-чура ~ Боян-чора) и, в еще более позднее время - в конце 10 в. - на енисейской по письму стеле из Хемчик-Чиргакы (Тува, Е 140). Встречена такая буква и в некоторых енисейских наскальных надписях (Туран II, Хакасия; Мугур-Саргол II, Тува, Е 140). Однако во всех этих случаях руна-трезубец читается как ic/ci или c [5, с. 89, 91, табл. XXVI, 13; 10, с. 109, 110. Рис. 1, 2], т.е. имеет в орхонских надписях Монголии и енисейских памятниках Хакасии и Тувы совершенно иное звуковое значение, чем в надписи Жаксылыксай I.

Следовательно, полное внешнее сходство рун-трезубцев в ряду азиатских надписей не должно вводить в заблуждение - перед нами разные по сути буквы. В отличие от орхоно-енисейской грамоты, в которой архаичная слоговая природа этого знака теперь ясна, в той области письменной культуры, к которой принадлежит строка Жаксылыксай I, истоки нашей руны еще предстоит выяснить. Однако круг родственных памятников уже очевиден.

Руна-трезубец встречается в немалой уже серии известных надписей алтайского варианта енисейского письма. По материалам, изданным к концу 1980-х гг., таких надписей на Горном Алтае оказалось пять [5, табл. XXIV, 34]. По крайней мере в трех из них руна служит для записи звука s (как в слогах с твердыми, так и с мягкими гласными). Впервые это было установлено в несомненном контексте палеографически своеобразной надписи на горе Жалгыз-Тёбе. Через эту руну там была записана глагольная основа qabis- «соединяться» [8, с. 67-69, рис. 3-4]. Ныне, предлагая частичное прочтение все еще не разобранных надписей, один из авторов этой публикации берется указать, что в качестве знака для s2 руна-трезубец определенно использована в завершении строки Мендур-Соккон II: ...t(a)j(a)n2 : (a)rii : sozl(a)sg(ti)l[(ti)g] «...доверься его беседе (~ доверься тому разговору [с тобой])». Вполне вероятно, что с этим звуковым значением мы встречаем интересующий нас знак и в части надписи Мендур-Соккон I: ...и(вместо ti)ltigdl(a)s(i)m ... «...мой собрат по (жизненной) доле» (?) (прориси надписей см.: [19, с. 96, 97, рис. 1, низ и рис. 3]). Показательно, что этот список теперь продолжают надписи алтайского письма, прослеженные до Центральной Монголии (Дэл-ула II: elig er basi... «предводитель пятидесяти воинов...») [9, с. 110, 111,113, рис. 5], демонстрируя единство рунописьменного и, тем самым, культурного пространства 9-10 вв.

Перечисленные палеографические признаки надписи Жаксылыксай I, свойственные именно алтайскому варианту енисейского письма (вертикальное, снизу вверх, направление строки, использование руны-трезубца со значением s, как и формы знака tl) дополняются и важным орфографическим показателем. Отличием алтайских надписей по всему их ареалу, включая Монголию, служит применение руны a/a в качестве словоразделительного и завершающего текст знака, лишенного фонетического смысла [7, с. 101; 9, с. 110-113, рис. 5][16] (при транскрибировании он заключается в фигурные скобки).

К обширному миру алтайского варианта енисейской письменности принадлежит, кроме того, и использованная в Жаксылыксай I словесная формула er at'i N «его имя мужа-эра - имярек». На Горном Алтае, по наблюдениям и прочтениям И.Л. Кызла- сова, она известна как на поминальных стелах с рек Талду-Айры (er at'i oqti aj) и Боро- Бургазы (Кызыл-Кабак I: er at'i : kut^2 bermis {a} : ...), так и в наскальных молитвенных строках, прочитанных - Ялбак-Таш III (er at'i el jegan), Адыр-Кая I (er at'i jevig cer), Кур- гак II (er aty jin aqu)[17] - или всё еще не разобранных: Мендур-Соккон I (er at'i tatar (?) apa...).

Всё сказанное не оставляет сомнения в том, что свое руническое образование автор надписи Жаксылыксай I получил в алтайских землях. Хотя, как сказано, судя по особенностям начертания руны t^2, жизненными обстоятельствами он оказался погружен в местную, таласскую письменную среду Семиречья. Соседняя строка Жаксылык II выполнена таласским письмом.

Анализируемый здесь случай былых теснейших связей с рунописным Алтаем не единственный для Казахстана. Ближайшей аналогией к нашему граффити сегодня служит наскальная надпись из урочища Тамгалы, также подчиненная типичной формуле: er at'i ontin «его имя мужа-эра - Онюн» [18].

Вполне понятно, что отмечаемое благодаря рассмотрению наскальной надписи Жаксылыксай I важнейшее историко-культурное явление раннего средневековья может быть подтверждено и строгим анализом иных, более многочисленных рунических материалов. Благодаря им оно находит и надежное объяснение. Но всё это - особая тема.

* * *

Баяндама Жетісудагы Жақсылықсай шатқалында табылган жаңа руна жазбала- рына арналган. Бүл жазбаларды А.Е. Рогожинский тауып, есепке алса, оган аудар- ма жасаган И.Л. Кызыласов болатын. Аталмыш баяндамада жазбалардын, баламасы, руна таңбалауына

16 К этому кругу памятников примыкает единственная енисейская эпитафия из Бегире (Тува, E 11). Вопреки верной давней традиции, расценивающей в ней букву a/a как знак препинания [15, с. 29, 33], ее иногда до сих пор ошибочно воспринимают как вокативную (т.е. восклицательную) частицу [3, с. 272, 273].

17 Надписи горы Кургак изучались И.Æ Кызласовым в ходе Российско-Казахстанской эпиграфической экспедиции [12, с. 602-603]. Обстоятельства открытия, предыдущего исследования и предварительную прорисовку памятника см.: [4, с. 28, рис. 14].

сараптама, жазба авторына қатнасты жеке мәлңметтер көрсетілген. Ол Алтайда руналық жазбалар саласында білім алган, тэжірибелі жазушы болып та- былады Жақсылықсай шатқалынан табылган жазбалар Жетісу мен Алтайдын, арасын- да тыгыз мэдени байланыстын, болгандыгын тагы да дэлелдеп отыр.

Список использованных источников и литературы

1. Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М.: Наука. 1983. 160 с.
2. Древнетюркский словарь. Редакторы: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука. 1969. XXXVIII + 676 с.
3. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.: Наука. 1997. 303 с.
4. Кочеев В. А. Свод древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск. 2006. 52 с.
5. Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Наука. 1994. 327 с.
6. Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология. 1998. № 2. С. 68-84
7. Кызласов И.Л. Новости тюркской рунологии. Вып. 1. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). М.: Гуманитарий. 2003 109 с.
8. Кызласов И.Л. Руническая надпись на Жалгыз-Тёбе // Археология и этнография Алтая. Вып. 2. Горно-Алтайск. 2004. С. 66-75
9. Кызласов И.Л. Удаль витязя и благочестие попа (Шаханшах Варахран I, пророк Мани и рунические надписи горы Дэл-ула в Монголии) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.: ИА РАН. 2004. С. 104-122
10. Кызласов И.Л. Рунические надписи горы Туран на Среднем Енисее // Изучение историко-ьсультурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 5. Горно-Алтайск. 2007. С. 106-114
11. Кызласов И.Л. Прочтение рунической надписи урочища Актерек // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Алматы: Принт-S. 2010. С. 345- 346
12. Кызласов И.Л., Сартхожаулы Х. Российско-Казахстанская эпиграфическая экспедиция // Археологические открытия 2006 года. М.: Наука. 2009. С. 602-603
13. Кызласов Л.Р. Руническая загадка из Хакасии // 90 лет Н.А. Баскакову. Н.А. Баскакову от коллег и учеников. М.: Языки русской культуры. 1996. С. 137-144
14. Кызласов Л.Р. Памятники орхонского письма из Хакасии и Горного Алтая // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1997. № 1. С. 103-112
15. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1952. 116 с.
16. Рогожинский А.Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Алматы: Принт-S. 2010. С. 329-344

17. Рогожинский А.Е., Аубекеров Б.Ж., Сала Р. Памятники Казахстана // Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы: НИПИПМК МК РК. 2004. С. 45-92
18. Рогожинский А.Е., Кызласов И.Л. Древнетюркская руническая надпись из урочища Тамгалы (Семиречье) // КСИА. Вып. 216. 2004. С. 41-46
19. Сейдакматов К. Древнетюркские надписи на Горном Алтае // Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе: Илим. 1964. С. 95-101

Рис. 1. Ущелье Жаксылыксай. Общий вид двух скальных плоскостей с т руническими надписями. Фото А.Е. Рогожинского.

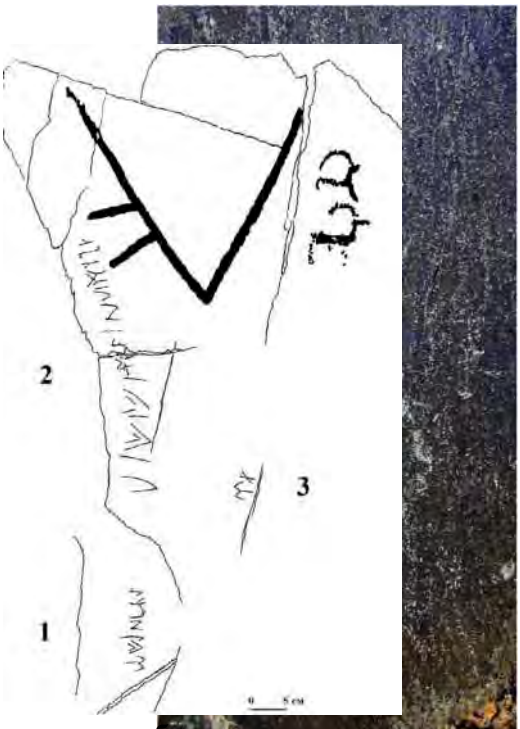


Рис. 2. Жаксылыксай. Плоскость с изображениями и рунических надписями. Про рисовка А.Е. Рогожинского.

Рис. 3. Надпись Жаксылыксай I. Фото А.Е. Рогожинского.

Сакенов С.К.
Казахстан, Астана

Археологические работы на поселении Шагалалы II (Павловка) в 2010 году

Поселение Шагалалы II (Павловка) находится в 40 км южнее г. Кокшетау, расположено на первой надпойменной террасе правого берега р. Шагалалы (Чаглинка). Площадка террасы окружена невысокими сопками, с севера и запада ограничена мысом, который образован берегом реки и небольшой поймой. Между подошвой сопок и жилой площадкой фиксируется легкий прогиб, центральная часть территории памятника приподнята относительно отметок береговой линии. Площадь поселения 50 тыс. кв. м (рис.1).

Памятник был открыт К.А. Акишевым в 1954 г. во время целинных экспедиций [1, с. 18]. Тогда же были проведены первые рекогносцировочные раскопки памятников бронзового века Кокшетауской возвышенности. Целенаправленное исследование памятников эпохи бронзы Северного Казахстана было развернуто А.М. Оразбаевым в 50- 60-е годы XX в. [4, с.216]. Основным объектом исследования стало поселение Чаглинка I, на котором выявлено 16 жилищных западин разных форм и размеров [1, с. 17; 5]. На нем в 1964-1967 гг. А.М. Оразбаев раскопал шесть жилищ и более поздние каменные оградки. По результатам исследования автор реконструировал типы жилищ, описал разнообразные по конструкции колодцы, обнаруженные в домах [5, с. 129-153]. Топографически и планиграфически поселения бронзового века на реке Шагалалы имеют значительное сходство.

Раскопки поселения Шагалалы II начались в 70-х годах XX в. отрядом Урало-Казахстанской археологической экспедиции под руководством Малютиной Т.С. По расположенному рядом поселку памятник получил название «Павловка» и под этим наименованием вошел в науку. Т.С. Малютиной были докопаны разрушающиеся водой котлованы жилищ вдоль береговой линии и заложен раскоп в центральной части памятника. На основе стратиграфии и керамического материала дана периодизация памятника, полностью описана конструкция жилищ [3. с.151].

В 2003 году из-за аварийного состояния памятника, культурный слой которого размывается руслом реки, отрядом Ишимской стационарной археологической экспедиции (ИСАЭ) под руководством К.А. Акишева и Б.М. Хасеновой на поселении были возобновлены раскопки. При осмотре памятника зафиксировано разрушение территории раскопов 1970-х годов. На памятнике снят подробный топографический план, на кромке жилищной западины заложен раскоп. В культурном слое обнаружены мелкие бронзовые вещи, в большом количестве фрагменты керамики [2,. с. 28-46].

В полевом сезоне 2010 г. ИСАЭ продолжила работы на памятнике. Вскрыта площадь в 225 кв. м. В результате проведенных работ в центральной части поселения исследовано жилище и прилегающая к нему территория (рис. 2).

Жилище фиксировалось на поверхности в виде котлована и визуально разделялось грунтовой перемычкой на два помещения. Первое помещение овальной формы вытянуто по линии север-юг. Размеры 7,20х5,60 м. Второе помещение прямоугольной формы, размерами 5,70х2,40 м развернуто длинной осью по линии запад-восток. В процессе раскопок на глубине 40 см контуры жилища проступили более отчетливо в виде гумусированного пятна размерами 8,70х6,50 м. В юго-западном углу располагался вход шириной 1,60 см, длиной 2,20 м. С этого уровня по всему периметру жилища мощным слоем идет зола, а в северной части скопление золы занимает площадь 18 кв.м. В золистом заполнении обнаружено большое количество фрагментов керамики разных типов.

Выборка заполнения жилища велась по контуру стенок. По мере углубления стало понятно, что это однокамерное жилище с угловым входом. Дно жилища расчищено на глубине 80-100 см. По центру жилища параллельно друг другу идут два ряда столбовых ямок. Вдоль стенок котлована через каждые 1,2-1,5 м зафиксированы столбовые ямки от

каркасной конструкции. Столбы по углам, возможно, были усилены дополнительными деревянными подпорками. Часть обугленных деревянных плашек лежало вдоль стен жилища. Еще одно направление дерева: от стен - радиально к центру. Культурный слой жилища ограничивается остатками обгоревших рухнувших конструкций (рис. 3).

Вдоль стен входа хорошо сохранились горизонтально лежащие бревна, которые позволяют нам при реконструкции обозначить границы тамбурного входа. О наличии двери свидетельствует сохранившиеся перед входом две столбовые ямки диаметром 20-30 см, расстояние между ними 1 метр.

Жилище полуземляночное, однокамерное, площадью 52,2 кв.м. Сохранность и направление волокон обугленного дерева, топография столбовых ямок - позволяют сделать реконструкцию жилища (рис. 5). Стены каркасные дополнены горизонтально уложенными бревнами. Кровля четырехскатная. Бревна перекрытия опирались одним концом на горизонтальные слеги, положенные на вертикальные столбы каркаса стен. Вторым концом они опирались на деревянную раму в центре жилища. Рама обрамляла отверстие в крыше над очагом. Очаг не зафиксирован, но имеются скопления камней квадратной и прямоугольной форм.

В юго-восточном углу коридора на глубине 80 см обнаружен сосуд нуринского типа, рядом кости жертвенного животного (КРС). Внутри и снаружи входа зафиксирована зола. Пространство между восточной стенкой входа и южной стенкой жилища было предназначено для хозяйственных нужд. Об этом свидетельствуют горизонтально лежащие три бревна длиной 1,5-2,5 м и столбовые ямы с сохранившимся деревом. Внутри жилища вещевой материал не встречается, основные находки были сделаны в золе, которая скапливалась за стенками жилища. Судя по мощности скопившейся вдоль стен золы, и, в особенности, массива золы за пределами жилища с северной стороны, откуда происходит большое количество находок, жилище функционировало продолжительный отрезок времени.

Керамика представлена тремя группами. 1 группа - среднеазиатская керамика, идет на глубине 10-15 см; 2-группа представлена керамикой позднего бронзового века, в частности сарагаринско-алексеевской, залегает на глубине 15-40 см; 3-группа нурин- ская керамика на глубине 40-80 см. Встречено несколько неорнаментированных фрагментов керамики, изящно выполненных, лощеных, на шейке сформован валик.

В золистом слое были найдены следующие изделия из бронзы: 1- бронзовый нож узкий, длиной 17,5 см. Рукоять длиной 11,5 см, стержневидной формы, согнута под углом 30^{e}. Видимо, в конце бронзового стержня была деревянная или костяная рукоятка. Это прослеживается по не сработанности этой части бронзового ножа. Нож найден воткнутым в трубчатую кость овцы. 2 - бронзовая стамеска. Длина 12,5 см, ширина 1см, толщина 0,5 см, толщина рабочего края 0,2 см. Рабочая часть заточена и согнута на 10^{e} (рис. 4; 3). 3 - бронзовый ювелирный инструмент, в виде стержня длиной 5,6 см, в сечении квадратный толщиной 0,4 см. Оба конца сплющены и заточены виде отвертки (рис. 4; 1). 4 - бронзовые подвески. Первая подвеска вытянутой овальной формы круглая в сечении длиной 2 см, вторая подвеска в форме кулона длиной 2 см, один конец шириной 0,5 см заужен, другая часть сплющена ширина составляет 0,8 см, толщина 0,3 см. Обе подвески соединены тонкой круглой в сечении проволокой (рис. 4; 2).

Изделие из кости: костяная круглая бусина диаметром 2 см, в центре имеется отверстие с одной стороны диаметром 0,5 см, с другой стороны 0,8 см. Поверхность залощена (рис. 4; 5).

Изделия из камня: точильный камень 4х2 см, поверхность залощена до блеска; обработанный камень круглой формы диаметр - 6 см, толщина -1,5 см. В культурном слое встречаются куски руды с серебристым оттенком (рис. 4; 4).

Предметы, найденные в культурном слое поселения Шагалалы II, имеют аналогии в исследованных в этом регионе поселениях эпохи бронзы, и датируются серединой II тыс. до н.э. Исследование памятника помимо спасательных задач способствует решению

теоретических проблем, связанных со становлением новых форм хозяйственной деятельности, развитием степной домостроительной практики, эволюции архитектуры и строительного дела.

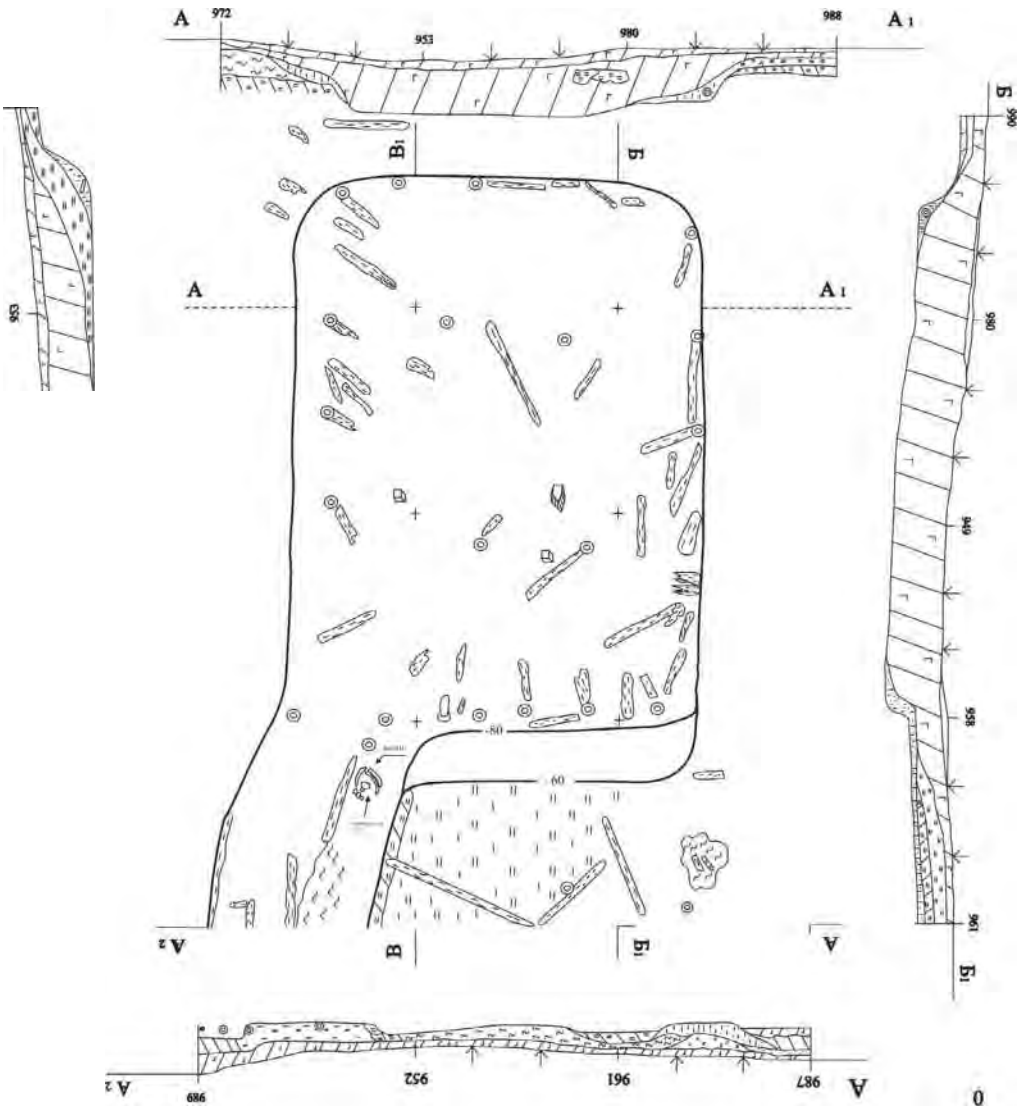
* * *

Мақалада 2010 жылы Есіл түрақты археологиялық экседициясы Шагалалы II қола дәуір қоңысында жүргізілген жұмыстар нәтижесі берілген. Баяндамада Шагалалы өзеннің жағалауында орналасқан ескерткіштерге жүргізілген зерттеу тарихын және автордын 2010 жылы қоныстағы жер үйге жүргізілген археологиялық қазба жұмыстардын сипатамасын берген. Қазба жұмыстары арқыла алынған мәліметтер арқасында, қола дәуірі кезіңдегі жер үйді қайта қалпына келтіруге мүмкін боды делінген.

Список использованных источников и литературы

1. Акишев К.А. Памятники старины Северного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. Археология. ***Т.7.*** - Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 1959. - С. 3-31
2. Акишев К.А., Хасенова Б.М. Работы на поселении эпохи бронзы Павловка. Отчет. Работы Ишимской стационарной археологической экспедиции в 2003 году. Астана, 2004.
3. Малютина Т.С. Стратиграфическая позиция материалов федоровской культуры на многослойных поселениях казахстанских степей// Древности Восточно- Европейской лесостепи: Межвузовский сборник научных трудов. - Самара: Самарский педагогический институт. 1991. - С.141-162.
4. Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы//Труды ИИАЭ. Т.5. - Алма-Ата. 1958. С. 216-294.
5. Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ// По следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР. 1970.

Полевые исследования



2 м

IHS - кор. суглинок; L~~J - слой золы;г =$^{=}$=i- светло-желтая глина; ПЛИ - переотложенный грунт; ПУ~I- камень; I/Г/I - гумусный слой; i\ xi- грунт серого цвета; *w*~&\ - обугленное дерево.

Рис. 3. Поселения Шагалалы II. План жилища

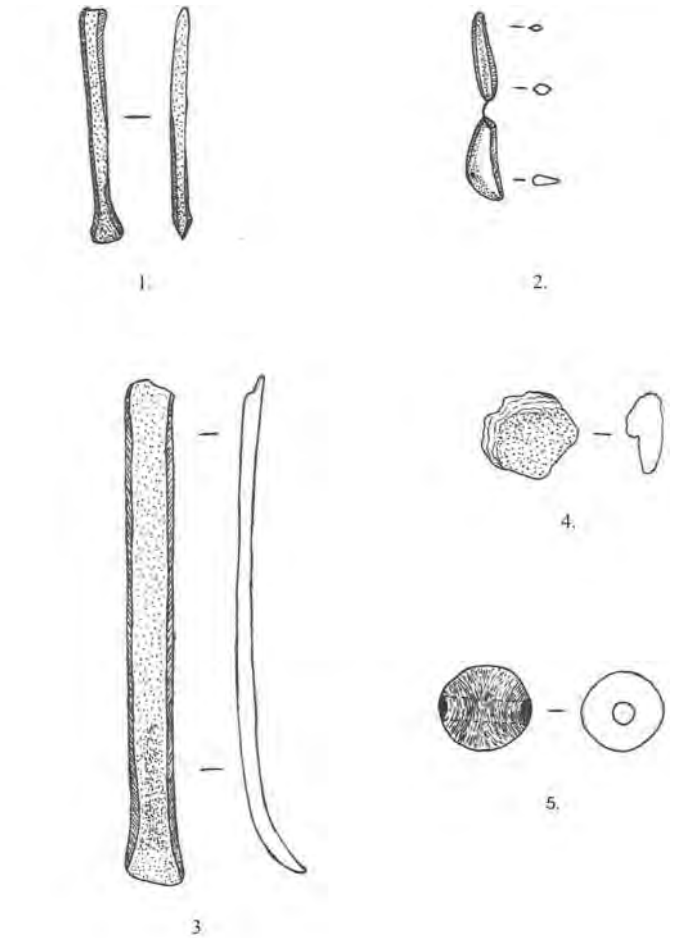
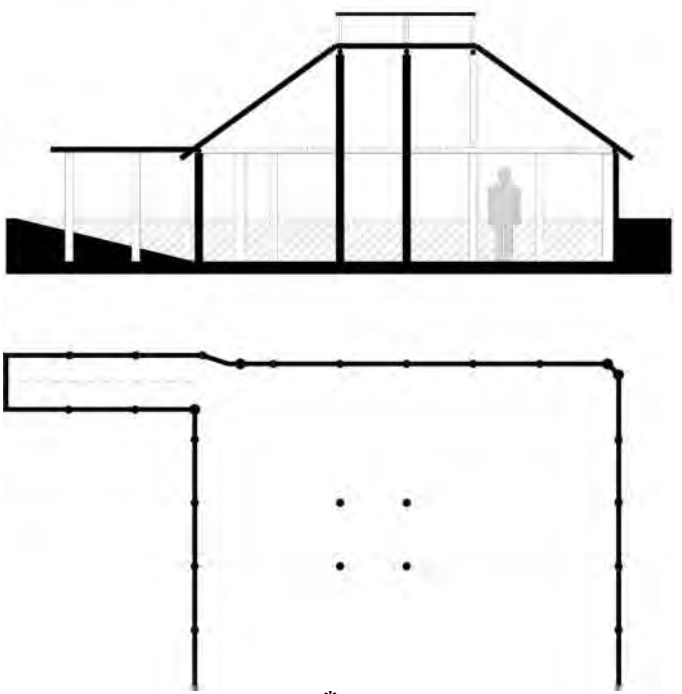


Рис. 4. Поселения Шагалалы II. Предметы



S ..... «*

Рис. 5. Поселения Шагалалы II. Реконструкция жилища

Самашев З.С., Онгар А., Чотбаев А.Е., Киясбек Г.К., Альжанов К.

Казахстан, Астана Исследования на могильнике Берель в 2010 году

В 2010 году на могильнике были исследованы два объекта - курганы № 8 и № 75.

Курган № 8, диаметром 26,53 м, высотой в 2Д м содержала могилу прямоугольной в плане формы, размером, 4,8х3,2 м, глубиной 3,75 м. На дне погребальной камеры (3,75 м) были зафиксированы остатки сруба с колодой (3,53х1,8х2,2 м). Колода-саркофаг находится внутри сруба вдоль ее юго-восточной стены. Крышка колоды крепилась при помощи железных гвоздей. Судя по сохранившимся на месте костям ног, погребенный лежал на спине, головой на северо-восток. По остаткам костей можно предположить, что здесь захоронена женщина средних лет. В процессе вскрытия, в заполнении погребальной камеры были зафиксированы кости животных, обломки керамической посуды, остатки деревянной посуды, костяной предмет и другие. Интересной находкой является зооморфно декорированное бронзовое зеркало, обнаруженное возле правого колена погребенного. Предмет цельнолитой, изготовлен из бронзы (?), представляет собой диск с фигурной ручкой, оформленной в виде зооморфного изображения. На тыльной стороне ручки имеется петелька.

Изображение представлено в виде целой фигуры фантастической хищной птицы, показанной стоящей на краю диска. Существо показано с открытым клювом, напоминающем хищный оскал. У него мощный острый клюв с восковицей. На верхней створке клюве проработана углубленная дуговидная линия. Показана щека. Глаз миндалевидный с выпуклым зрачком. Голову венчает хохолок, направленный вверх и назад, оперение которого проработано тремя углубленными линиями. Тщательно проработано ухо. Оно подтреугольной формы, в основании проработана округлая выпуклость. На ухе проработано углубление. Туловище птицы больше напоминает петушиное. Фактура оперения показана плавными линиями, проработанными от основания шеи к окончанию хвоста. Чётко фиксируется три глубоких линии, идущих к хвосту, и две, намеченные контуром, бороздки, спускающиеся от подбородка к ногам. Окончание лап лишь намечено, выделено рельефным выступом с прямым основанием. Спереди присутствует две насечки. Размеры: общая длина 11 см, диаметр диска - 6,0х6,5 см, размеры грифона 5х3,3 см. Петелька: 1,5х0,5х0,2 см выступает на поверхности на 0,6 см.

Из других находок отметим деревянные пуговицы, обернутые золотой фольгой, в количестве 4 экз.

Внутри сруба за саркофагом с северной стороны положен плоскодонный керамический сосуд красного цвета. Орнамент отсутствует. Венчик сосуда выгнутый, туловище округло-выпуклое. Высота сосуда 44 см.

Рядом с глиняным сосудом были положены хвостовые позвонки барана, под ними обнаружен железный нож, рукоятка которого была обтянута золотой фольгой.

За стенкой сруба зафиксированы скелеты двух лошадей с остатками железных кольчатых удил. Прослеживались остатки седел. Возле шейных позвонков и костей нижних конечностей одной из лошадей зафиксированы фрагменты фольги.

Курган № 75 так же, как и предыдущий, расположен на одной цепочке с курганами №№4, 9, 8,10,11 и является последним из структур данной группы.

Он был сильно задернован, высота 0,2 м., диаметр - 22 м. Наземная конструкция возведена из крупных и средних размеров камней. На поверхности ясно просматривался панцирный слой, состоящий из мелких плиток горного сланца и речного галечника.

Могильная яма в плане прямоугольной формы с округленными углами, ориентирована

длинной осью по линии СВ-ЮЗ. Длина ее 5 м, ширина 3,5 м.

На глубине 3,64 м от нулевой отметки располагалось перекрытие сруба, покрытого берестой. Береста была выложена в два слоя, между ними были положены стебли какого-то растения. На глубине 2,8 м от нулевой точки могильная яма постепенно расширяется, образуя форму колокольчика. Ширина могильной ямы на дне 4х4,6 м. Сруб на дне камеры имел трапециевидную в плане форму и был ориентирован длинной осью по линии СВ-ЮЗ. Его параметры: 3,9х2,2 м, сохранившаяся высота 0,5 м. Перекрытие состоит из 13 досок, шириной до 15 см. Колода, выдолбленная из цельного ствола дерева, была установлена вдоль юго-восточной стенки сруба. Памятник был сильно разграблен. На дне колоды зафиксирована нашивка в виде четырех лепестков. В разных местах погребальной камеры, особенно, на участке грабительского лаза в хаотичном положении лежат кости погребенного - таз, берцовые кости, позвонки, трубчатая кость руки, нижняя челюсть, фаланги руки. Рядом с берцовыми костями разбросаны наконечники стрел. Наконечники костяные, возможно роговые, трехгранные, черешковые. Всего 15 экземпляров. Зафиксировано костяное изделие, которое можно определить как деталь нагайки.

Рядом с костями погребенного человека расположены хвостовые позвонки мелкого рогатого скота.

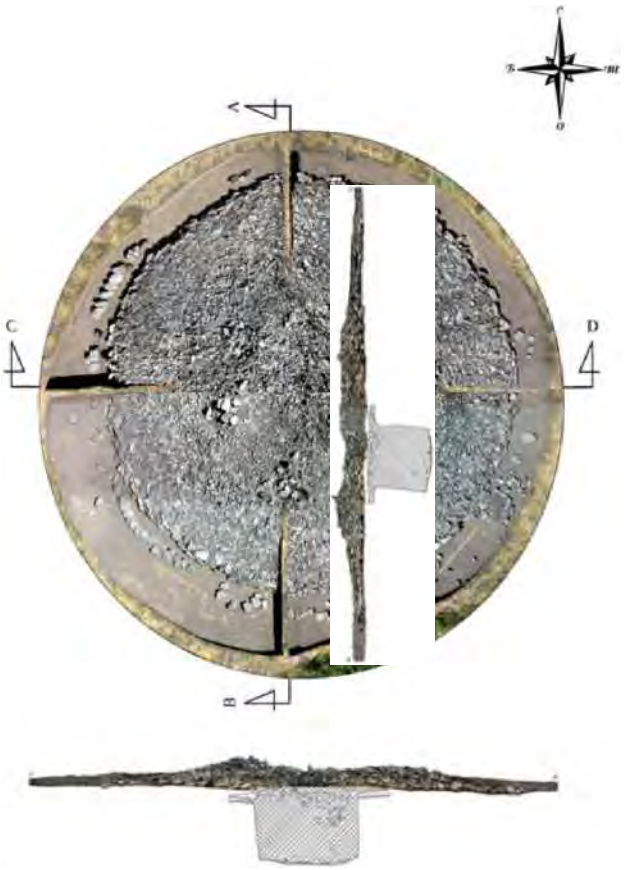
За северной стенкой сруба располагались скелеты пяти взнузданных и оседланных лошадей. Они были положены в два ряда, ориентированы головами на северо-восток. В первый ряд положены две лошади, во второй три.

В кургане № 75 найдено пять пар железных удил, костяная пряжка, костяные наконечники стрел и др. Костяные наконечники стрел - основной вид предметов оружия, происходящие из погребении некрополя Берел. Наконечники стрел данного кургана типологически схожи с наконечниками, найденными ранее в курганах №№ 9, 18, 71, 72, 74. В исследуемом кургане наконечники обнаружены в комплексе с кольчатыми удилами и двудырчатой изогнутыми краями железными псалиями. Данные элементы конской узды часто встречаются в погребениях Горного Алтая, которые датируются не ранее 3 веком до н.э. Подпружные пряжки, изготовленные из кости, обнаруженные в комплексе с вышеуказанным погребальным инвентарем так же не противоречат этой дате.

Таким образом, курган № 75 и № 8 по аналогиям бронзовых зеркал, наконечников стрел и железных кольчатых удил можно датировать 3-2 вв. до н.э.

* * *

Мақала 2010 жылы Берел қорымында жүргізілген жаца зерттеулерге арналган. Зерттелген №8, 75 қорғандарынац Қазақ Алтайында б.з.б I мыц. екінші жартысын- да көшпелі мәдениеттер жайлы материалдар қызығушылық тугызды. Жерлеулері агаштан түрғызылған қамырдыц ішінде, мәйтті ағаш колодаларға салып жерлеген. Қоладан жасалған айнаға, жебе үштеріне және темірден жасалған ауыздықтарға са- лыстырма талдау жүргізіп қорымды б.з.б. 3-2 ғғ. мерзімдейді.



О 4

Рис.1. План и разрез кургана № 8 могильника Берел

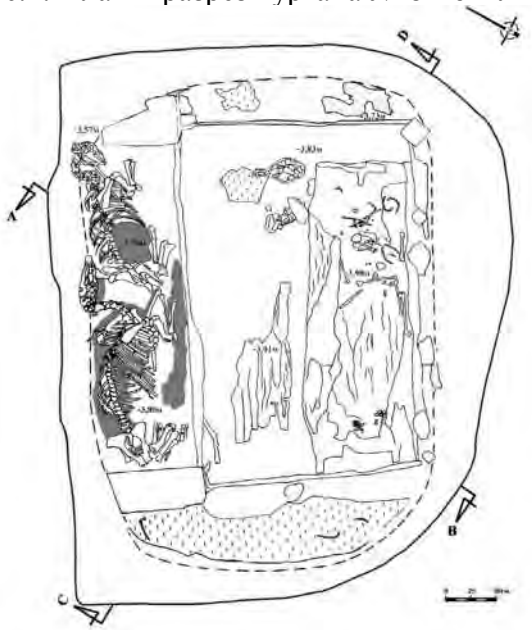


Рис. 2. План могильной ямы кургана № 8

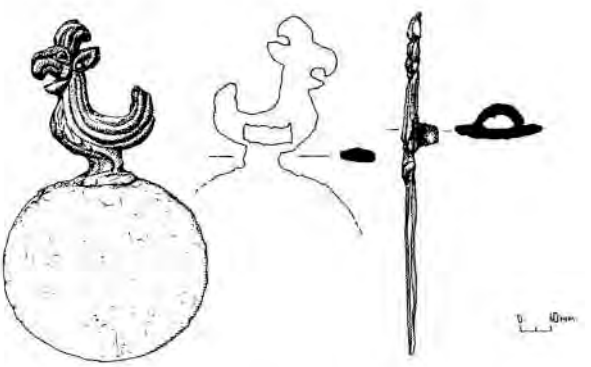


Рис. 3. Курган № 8. Бронзовое зеркало

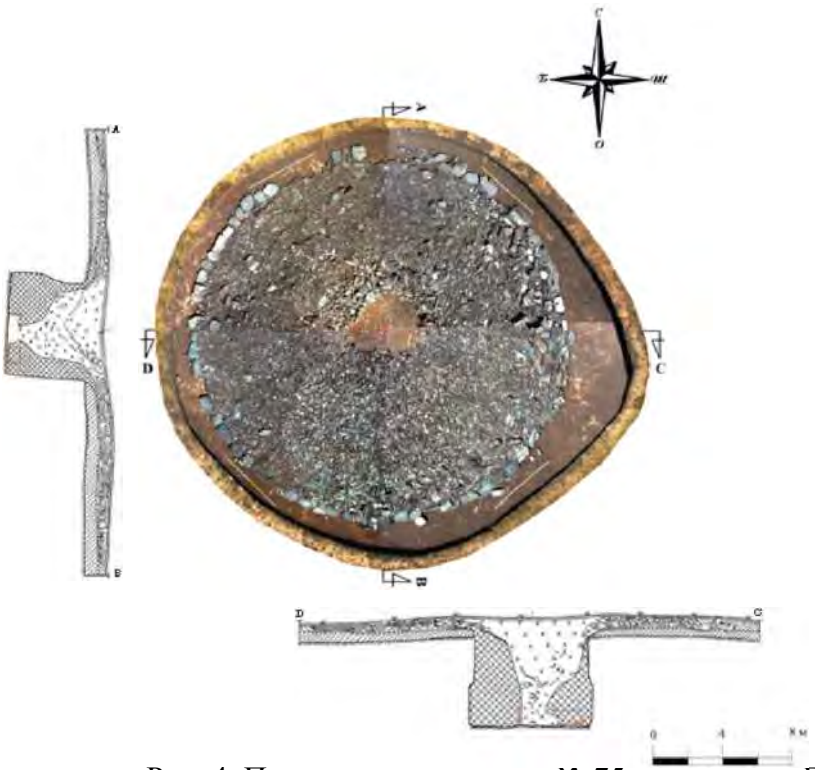


Рис. 4. План и разрез кургана № 75 могильника Берел

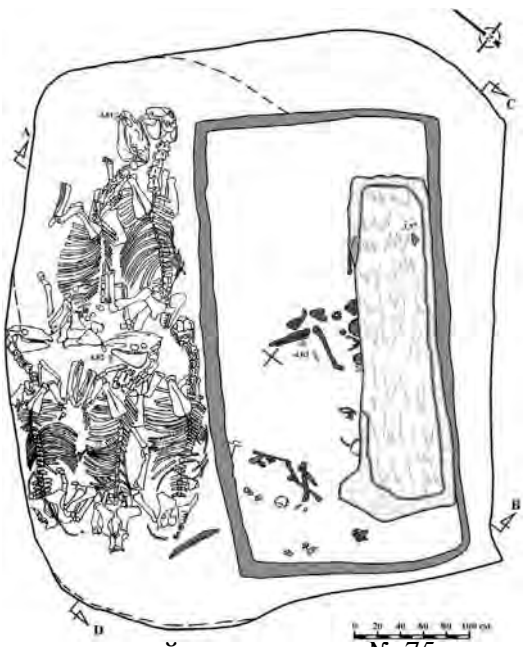


Рис. 5. План могильной ямы кургана № 75

Самашев З., Кариев Е.М., Подушкин А. Н,
Мургабаев С., Чотбаев А.Е., Донец А., Рустемов А.
Казахстан, Астана Первые изыскания Астанинского Филиала Института археологии

В октябре месяце 2010 года экспедиция вновь созданного Филиала Института археологии имени А.Х. Маргулана КН МОН РК в г. Астане проводила работы по выявлению и фиксации новых памятников историко-культурного наследия в западной оконечности хребта Большой Каратау, в пределах административной территории Шиелийского района Кызылординской области РК.

Экспедиция осуществила раскопки памятников эпохи бронзы на могильнике, расположенном на левом берегу р. Акмылтык в урочище Баганалы, недалеко от известного местонахождения петроглифов Сауыскандык. Здесь же проводились разведочно-поисковые работы по выявлению наскальных изображений.

Могильник Баганалы включает, по предварительным данным, около полусотни погребально-поминальных объектов - каменных ящиков. Ящики расположены в ложбине, образованной грядами небольших холмов. На этих возвышениях имеются базальтовые скалистые образования, на которых фиксируются петроглифы разных эпох, в том числе и бронзового века (рис. 1).

Кроме того, во время разведочно-поисковых работ, рядом с некрополем и местонахождением петроглифов, были обнаружены явные признаки поселенческого комплекса бронзового века с остатками жилищных котлованов. На территории поселения были проведены работы по сканированию местности геомагнитным прибором Ferex.

На территории урочища был собран подъемный материал - фрагменты керамики и каменные орудия датирующиеся эпохой бронзы и другие артефакты (рис. 2).

Исследование памятников наскального искусства. Наскальные изображения приурочены к водному источнику; большая часть плоскостей с петроглифами расположены на левом берегу небольшой речки Акмылтык, на гладких и пригодных для выбивания плоскостей. Кроме основных групп рисунков, сосредоточенных вокруг древнего некрополя и поселения, в радиусе 5-10 км были зафиксированы особо ценные и перспективные местонахождения наскальных изображений различных эпох.

Особенно интересны два изображения коня в сейминско-турбинском стиле (рис. 3).

Практически во всех известных на сегодняшний день крупных местонахождениях петроглифов эпохи бронзы Южного Казахстана имеются аналогичные по стилистическим признакам изображения коня, что позволяет рассматривать указанный регион как зону контакта и диффузий носителей сейминско-турбинской и саймалыташско- тамгалинской изобразительных традиций эпохи бронзы. Причем, саймалыташско- тамгалинская традиция севернее Жетысу и северных склонов хребта Каратау, по нынешним представлениям, не распространяется.

Основными образами наскального искусства изучаемого участка Большого Каратау являются животные, антропоморфные фигуры, символические знаки, транспортные средства и др. (рис. 4, 5, 6, 7, 8, 9,10,11,12,13).

Раскопки на могильнике эпохи бронзы. В 2010 году на могильнике было исследовано 5 объектов; три из них оказались пустыми. Это либо кенотафы либо ограбленные еще в древности погребения. В ящике № 5 обнаружено 4 фрагмента керамики (рис. 14).

В непотревоженном состоянии оказался только ящик № 3, расположенный на возвышенной местности, в северо-восточной части могильника. До раскопа, на поверхности прослеживался только край юго-восточной торцовой стенки ящика (рис. 15).

В результате предварительных раскопок выявлены остальные три стенки ящика. Ящик ориентирован длинной осью по линии ЮВ - СЗ, выполнен из четырех цельных плит. Длина 2,1 м, ширина: ЮВ - 0,9 м, СЗ - 0,85 м. Сохранившаяся толщина плит - 4

В ходе зачистки юго-восточной внутренней части ящика, на глубине 0,2 м от верхней части стенки выявлена расположенная плашмя плита перекрытия. Размеры плиты перекрытия 50х50 см, толщина 4 см. Плита перекрытия выявлена только на указанном участке. Заполнение ящика состоит из спрессованной, твердой смеси грунта и глины.

Непосредственно под плитой перекрытия сразу же выявлен керамический сосуд (сосуд № 1). Рядом с этим сосудом, но ниже на 0,3 м выявлен еще один керамический сосуд (сосуд № 2) меньшего размера (рис. 16,17). На глубине 0,64 см от верхнего края стенки ящика, в 20-30 см к северо-западу от сосудов расчищено непотревоженное погребение человека (рис. 18,19).

Погребенный в скорченном положении, расположен на правом боку, головой ориентирован на юго-восток. Руки погребенного согнуты в локтях, кисти, которые не сохранились, не считая пары фаланг, должны были быть в районе лица. Ноги также согнуты в коленях. Степень скорченности средняя. У передней части нижней челюсти погребенного выявлены подвески в полтора оборота в количестве 4 штук (рис. 20).

Подвески по всей вероятности бронзовые и плакированные золотом. В районе запястья обеих рук сохранились бронзовые браслеты. На левом запястье два браслета, на правом один браслет. Браслеты тонкие, желобчатые, заканчиваются округлыми концами, которые находятся впритык, чуть заходя друг на друга (рис. 21).

В районе затылка расчищено две раковины-подвески, которые, по всей видимости, были вплетены в косы покойника (покойной) или являются элементом истлевшего головного убора (?). Между грудной клеткой и локтем правой руки также найдены две раковины, это вероятно часть нагрудного или шейного украшения (?). В районе таза, в нижней части спины покойного зафиксирована еще одна раковина, возможно вплетенная в свое время на конец косы (?). У тазовых костей, у нижней части живота погребенного выявлены мелкие бронзовые бусины очень плохой сохранности и мелкие фрагменты. Кости погребенного сохранились плохо. За северной (северо-восточная часть) стенкой ящика, под слоем дерна выявлен фрагмент венчика и шейки керамического сосуда с орнаментом в виде косого треугольника с аналогичной штриховкой (рис. 22). Между бедренными костями погребенного зафиксирована бронзовая подвеска в виде креста с жемчужинами и шестизубчатыми окончаниями на трех концах и с петелькой на четвертом конце (рис. 23). На берцовой кости левой ноги зачистили маленькую бронзовую ворворку с отверстием. За этими костями зафиксировано две бусинки - бронзовая и пастовая.

При уборке костяка под черепом погребенного выявлено еще четыре подвески в полтора оборота, располагавшиеся в ряд по линии СЮ. В районе шеи, ребер и живота выявлено еще три, аналогичные первой, крестовидные подвески с шести и пятизубчатыми окончаниями. Одна подвеска в хорошем состоянии, две другие сохранились плохо. В районе шейных позвонков погребенного выявлена россыпь бронзовых и пастовых бус. В районе щиколоток расчищено небольшое скопление бронзовых бус. Предметы украшения и визуальный анализ скелета погребенного человека указывают, что погребение в ящике № 3 женское. На основе анализа инвентаря ящика № 3 могильник предварительно датируется нами алакульско-федоровским временем т.е. серединой II тыс. до. н. э.

Учитывая, что все выводы большей степенью были сделаны на основании только одного закрытого комплекса, в результате последующих работ на могильнике, на поселении и на памятниках изобразительного искусства, относительно датировки могильника могут быть внесены определенные коррективы.

* * *

Мақала Астана қаласында орналасқан Әлекей Мағұлан атындағы археология институтының Астаналық филиалының 2010 жылы атқарылған жұмыстардың қортындысы берілген. Экспедиция Қызылорда обылысында, Шиелі ауданнын- да Үлкен Қаратау шатқалының батыс жағында жаңа қола дәуірінің қоныстары мен қорымдарын және тасқа қашалған суреттерді тапты.

Рис. 1. Урочище Баганалы. Вид с востока

Рис. 2. Подъемный материал с урочища Баганалы

Рис. 4. Животные и люди. Окрестности урочища Баганалы

Рис. 3. Лошади в сейминско-турбинском стиле. Окрестности урочища Баганалы

Рис. 9. Животные. Окрестности урочища Баганалы

Рис. 10. Запряженное транспортное средство. Окрестности урочища Баганалы

Рис. 11. Транспортное средство и человек во взаимодействии (?). Окрестности урочища Баганалы

Рис. 12. Быки. Окрестности урочища Баганалы

Рис. 13. Бык. Окрестности урочища Баганалы

Рис. 14. Могильник Баганалы. Фрагменты керамики из ящика № 5

Рис. 15. Могильник Баганалы, ящик Ni> 3. Вид до раскопа

Рис. 16. Могильник Баганалы, ящик № 3. Керамические сосуды

Рис. 17. Могильник Баганалы, ящик № 3. Керамические сосуды после реставрации

Таиров А.Д.

Россия, Челябинск Новые памятники раннего железного века Южного Зауралья (по итогам работ 2009-2010 гг.)

В полевом сезоне 2009 года отрядом совместной археологической экспедиции Южно-Уральского государственного университета, Южно-Уральского филиала ИИиА УрО РАН и Челябинского областного краеведческого музея были продолжены исследования курганного могильника Кичигино I. Находится он на крайнем юге лесостепной зоны, в пограничье лесостепи и степи Южного Зауралья, на левом берегу Южноуральского водохранилища на реке Увелька, в 1,5 км к западу от села Кичигино Увельского района Челябинской области. Занимает площадку на вершине господствующей возвышенности (гора Тушканская) в излучине реки Увелька при впадении в нее реки Кабанка.

Некрополь состоит из 10 курганов, расположенных нерегулярной цепочкой, вытянутой вдоль общей направленности склона возвышенности (запад-северо-запад - восток-юго-восток). Диаметр их грунтовых насыпей колеблется от 14 до 35 м при высоте 0,1-1,5 м.

Угроза полного разрушения курганов в результате их систематической распашки заставила начать в 2006 году планомерное исследование могильника. Два кургана, раскопанных в тот год, дали материал первой половины IV в. до н. э. - довольно интересный, но вполне обычный для зауральского варианта прохоровской археологической культуры. В 2007 году исследован курган 3 с уникальными материалами раннесарматского времени первой половины IV в. до н. э. [1; 4]. В результате раскопок в 2008 году самого крупного в могильнике кургана 5 были получены материалы второй половины VII в. до н. э., не имеющие аналогов на Южном Урале [2; 3]. В полевом сезоне 2009 года изучены небольшие по размерам курганы 6, 7, 8 и 9.

Курган 6 являлся крайним западным в могильнике. Насыпь его была полностью разрушена распашкой. В южной части подкурганной площадки в небольшом углублении найдены остатки черепа лошади (?). В центре площадки на уровне материка выявлена могильная яма аморфных очертаний. В ее разнородном грунтовом заполнении встречались кусочки прокала, угли, фрагменты обожженных костей. Аморфность очертаний ямы была обусловлена наложением трех разновременных погребений.

Наиболее ранним являлось погребение 3. Оно было совершено в округлой (?) могильной яме с мощным деревянным перекрытием. Результатом ограбления ямы в древности явилось сожжение ее перекрытия. Этим обусловлена прокалённость верхней части стенок ямы до красно-кирпичного цвета. Большая часть могильной ямы была разрушена более поздними погребениями. С захоронением в ней можно связать обожженные и раздробленные кости человека и животных у восточной стенки могильной ямы погребения 2, а также найденные среди них бронзовый и костяной наконечники стрел.

Следующим по времени являлось погребение 1, совершенное в могильной яме с подбоем. Своим южным краем она разрушила северную и северо-западную часть могильной ямы погребения 3. На дне погребальной камеры расчищено воинское захоронение. Умерший был уложен вытянуто на спине головой на юг (верхняя часть туловища разрушена могильной ямой погребения 2). В северную часть камеры была помещена часть копья с железным наконечником. Слева от ног погребенного положен колчан, содержащий 69 стрел с бронзовыми наконечниками. С колчаном связан также ряд железных предметов: колчанный крюк, кольцо, нож. На бедрах погребен-
ного находился железный кинжал, лежавший наклонно справа налево, так, что кисть правой руки лежала на его рукояти. Аналогии инвентарю погребения, в том числе и среди ранее исследованных раннесарматских захоронений могильника Кичигино I, позволяют датировать его первой половиной IV в. до н. э.

Вероятно, в позднесарматское время (II—IV вв. н. э.) в курган было впущено погребение 2, совершенное в могильной яме с подбоем. Оно разрушило большую часть могильной ямы

погребения 3 и южное окончание могильной ямы погребения 2. Умерший был уложен вплотную к западной стенке погребальной камеры, вытянуто на спине головой на запад-северо-запад. В изголовье был помещен кусок мяса с железным ножом поверх него.

Курган 7 занимал крайне южное положение в могильнике, находясь на самом краю склона возвышенности. Насыпь его была полностью разрушена распашкой. В ходе исследований на подкурганной площадке выявлен ровик. В плане он имел форму овала, вытянутого по линии северо-восток - юго-запад. Размеры его 8,3х9,3 м по внешним очертаниям, глубина не превышала 0,25 м, ширина варьировалась от 0,2 до 0,7 м. Ровик имел два прохода - один в западной части, шириной 2,6 м, другой - в северо-восточной, шириной 1,2 м. Над юго-западной частью ровика и в его заполнении встречены камни средних и крупных размеров На северо-западной стенке западного окончания северной дуги ровика найдена челюсть животного. Вероятней всего, насыпь кургана первоначально была облицована камнем. Но в связи с тем, что курган находился на самом начале склона возвышенности, часть камней скатилась и упала в ровик. Основная же их масса была растащена по пашне в результате многолетней распашки.

В центре окруженной ровиком подкурганной площадки была выявлена могильная яма, которая на уровне материка в плане имела округлую форму, диаметром 1,2-1,4 м. Яма была ограблена в древности, поэтому в ней найдены лишь отдельные кости человека и неорнаментированные фрагменты керамики. Несколько фрагментов керамики найдено и в пахотном слое над могильной ямой.

Под остатками распаханной насыпи кургана 8 на уровне древней дневной поверхности была выявлена площадка, сложенная из светлой материковой глины, выкинутой на поверхность при рытье могильной ямы. Могильная яма подбойного типа находилась в центре площадки. Ее входная яма имела овальную (?) форму, вытянутую по линии север-юг. На дне ямы, вдоль восточной стенки, прослежены две невысокие ступеньки. Погребальная камера была сооружена в западной стенке входной ямы, от которой ее отделял заклад из горизонтально уложенных друг на друга бревен. Дно ее было зафиксировано на глубине около 2 м от уровня древней поверхности. Какие- либо находки или кости во входной яме и погребальной камере отсутствовали. Вероятно, могильная яма либо была полностью ограблена в древности, либо представляла собой кенотаф.

Близ южного края могильной ямы на поверхности глиняной площадки найдены фрагменты черепа лошади (?). К югу от ямы, за пределами глиняной площадки, в небольшом углублении был обнаружен уздечный набор, состоящий из железных удил, пары железных псалиев, а также ременных украшений. Последние включают многочисленные бронзовые кольцевидные обоймы и четыре бронзовые бляшки с петлей на обороте. На лицевой стороне трех бляшек фигура в виде креста, образованного пересечением под прямым углом двух пар рельефных валиков. Лицевая сторона четвертой бляшки украшена концентрическим орнаментом из четырех рельефных валиков. Юго-западнее уздечного набора выявлены две рядом расположенные небольшие столбовые ямки.

Судя по деталям уздечного набора, который, несомненно, составляет единый комплекс с могильной ямой, курган 8 был сооружен в первой половине IV в. до н. э.

Насыпь кургана 9, находящегося между наиболее крупными курганами могильника 4 и 5, была также полностью разрушена распашкой. На подкурганной площадке на уровне материка выявлены небольшие аморфные пятна прокала, незначительные участки сожженной деревянной конструкции, фрагменты кладки из камня и отдельные камни. Зафиксированы две накладывающиеся друг на друга поздние ямы, которые разрушили значительную часть сожженной в древности деревянной конструкции. В заполнении более ранней из этих ям, среди кусочков угля и прокаленного грунта, найдены обожженные фрагменты черепа. Скорее всего эти ямы, также как и две ямы подквадратных очертаний,

выявленные севернее, связаны с проводившимися здесь в середине XX века геологическими буровыми работами.

Вероятнее всего, под насыпью кургана 9 на древней дневной поверхности находилось сожженное деревянное сооружение, аналогичное по своему назначению сооружению, исследованному в кургане 1 этого же могильнике в 2006 году. В обеих случаях каких-либо следов могильных ям или погребений на горизонте обнаружено не было.

Полученные при исследовании могильника Кичигино I в 2009 году данные дополняют и конкретизируют наши представления о погребальной обрядности и материальной культуре населения пограничья степи и лесостепи Южного Зауралья в раннем железном веке. Это, в частности, касается традиции размещения под южной полой кургана лошади, ее макета, в виде шкуры с головой и ногами, или символа, представленного уздечным набором. На Южном Урале данная традиция существует без перерыва достаточно долго - на протяжении савроматского и раннесарматского времени.

Материалы курганов 1 и 9 указывают на то, что некрополи ранних кочевников пограничья степи и лесостепи Южного Зауралья включали, помимо погребальных сооружений, легкие деревянные наземные сооружения, в которых проводились обряды, вероятнее всего, похоронно-поминального цикла.

В полевом сезоне 2010 года совместной археологической экспедицией в степной зоне Южного Зауралья начаты исследования могильника Гумбейский. Находится он на уплощенной вершине возвышенности правого берега реки Гумбейка в 1 км к югу от пос. Просторный Агаповского района Челябинской области. Могильник образуют две параллельные цепочки земляных курганов, протянувшихся по линии север-юг. Восточная цепочка состоит из шести насыпей примерно одинакового размера - диаметр 10-12 м и высота 0,5-0,6 м. Западная - включает шесть земляных курганов различного размера: диаметр их колеблется от 8 до 15 м, при высоте 0,2-0,4 м.

Исследованный курган 8 входил в западную цепочку и имел самую крупную насыпь - диаметр 15 м, высота 0,3 м. Под насыпью выявлена могильная яма, имеющая в плане округлую форму. У ее восточного края находились два крупных стелообразных камня, один из которых первоначально был, вероятно, установлен вертикально. Древесный тлен в нижней части заполнения ямы, а также остатки бересты на поверхности погребенной почвы свидетельствуют о том, что могильная яма имела перекрытие из березовых бревен или жердей. Береста местами обуглена, в западной части заполнения ямы на уровне материка отмечены небольшие пятна прокала, а вдоль восточной ее стенки прослежена прерывистая полоска мелкого угля.

На дне могильной ямы, на глубине 0,5 м от древней поверхности, расчищено коллективное одноактное погребение. Три человека были уложены, вытянуто на спине параллельно друг другу головами на ЮЮЗ. По краям находились взрослые, в середине, очевидно, - подросток. Взрослые сопровождались железными кинжалами, лежащими рукоятями вверх на правых тазовых костях. У них короткие клинки, узкие бабочковидные, близкие к «сломанным под тупым углом», перекрестия и зооморфные навершия в виде противопоставленных голов кошачьих хищников (?). Подростка, вероятно, сопровождал колчан со стрелами, положенный в головах. От него сохранилось 10 бронзовых трехлопастных (9 экз.) и трехгранно-трехлопастной (1 экз.) наконечники стрел с выступающей втулкой, найденных в разных местах потревоженной грызунами южной части могильной ямы.

Слева от ног западного погребенного, между ним и западной стенкой ямы, было помещено большое количество ритуальной пищи, состоящей из мяса крупного и мелкого рогатого скота. Между кусками мяса находились два небольших сосудика
- плоскодонный и круглодонный, а также небольшой железный ножичек. Такие же остатки

ритуальной пищи и небольшой круглодонный сосуд размещались справа от ног восточного погребенного, между ним и восточной стенкой ямы.

Многочисленные аналогии как погребальному обряду, так и инвентарю позволяют отнести исследованное коллективное погребение к савромато-сарматскому времени и датировать его второй половиной V в. до н. э.

Конструкция погребального сооружения и состав инвентаря свидетельствуют о том, что перед нами коллективное одноактное погребение рядовых воинов, занимавших, вероятно, низшую ступеньку воинской иерархии. Сочетание в этом комплексе черт савроматского (инвентарь, состав ритуальной пищи) и сарматского (южная ориентировка захороненных) времени является дополнительным свидетельством зарождения традиции южной ориентировки погребенных в воинской среде ранних кочевников Южного Урала.

* * *

Баяндама Ресей гылым академиясыныц Оралдагы Тарих жэне археология бөлімшесінің Оңтүстік Оралдагы бөлімшесінің Челябі өлкетану мүражайымен біріккен археологиялық экспедициясының 2009-2010 жылдардағы Оралдың ерте темір дәуір ескерткіштерін зерттеуге арналған. Гумбей және Кичигино зираттарының материалдары қарастырылады. 2009 ж маусымда Кичигино зиратының кішігірім обалары 6,7,8 және 9 обалары қазылған. Зерттеу барысында 2010 жылы басталған Гумбейск зиратында 8 оба қазылды.

Список использованных источников и литературы

1. Боталов С. Г., Таиров А. ***Д.*** Новый памятник кочевой знати IV в. до н. э. в Южном Зауралье // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: «Маргулановские чтения - 2008». Караганда. 2009. С. 24-30
2. Таиров А ***.Д.,*** Боталов С.Г. Аристократическое погребение сакского времени из Южного Зауралья // Марғұлан оқулары - 2009: Х.-а. ғыл. конф. материалдары / Маргулановские чтения - 2009. Материалы международной научной конференции (22-25 сэуір, 2009 ж.). Петропавл: М. Қозыбаев атындағы СҚМУ. 2009. Т. 1. С. 209-214
3. Таиров А ***.Д.,*** Боталов С.Г. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М.: ТАУС. 2010. С. 339-354
4. Таиров А ***.Д.,*** Боталов С.Г., Плешанов М.Л. Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительные результаты) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы международной научной конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 21-25 апреля 2008 г. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 2008. С. 139-145

Талеев Д. А.

К/азацстан, Астана

2010 ж. Қазақ хандығы тұсындағы қалаларды археологиялық зерттеу нәтижелері

2010 жылғы далалық зерттеу жұмыстары барысында «Мэдени мұра» мемлекеттік бағдарламасы бойынша бөлінген қаржыға Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының «Қазақ хандығының қалалары» археологиялық отряды бірнеше бағытта жұмыстар жүргізді.

Алғашқы зерттеу жұмыстары Созақ қаласының орнында өткен жылы басталған қазба жұмыстарын жалғастырумен басталды. Екі айға созылған зерттеу кезінде кең көлемдегі бір қазба, екі стратиграфиялық тазарту және екі барлау шұңқыры салынды. Қазбалар нәтижесінде қал аның XIX -XYTTT ғғ. құрыл ыс қабаттары ашылып, сол дәуірдің қала тұрғындарының тұрмысы мен құрылыс дәстүріне қатысты археологиялық мәліметтер алынды. Бірнеше бөлмелер тазартылып, олардың ішкі құрылыстары мен архитектуралық

ерекшеліктері зерттелді. Қазбадан алынған археологиялық олжалар (қыш ыдыстар, мыс теңгелер, темірден және шыныдан жасалған заттар т.т.) алдынала тазарту, қатыру және сараптаудан өткізілді. Олардың сызбалары сызылып, фото сурет- ке түсірілді. Стратиграфиялық қазба кезінде қаланың құрылыс қабаты мен қорғаныс жүйесі жайлы мәліметтер алынды. Қаланың сыртқы қабырғасын қазыу барысында қорғаныс жүйесінің ерекшеліктері жайлы бірқатар мәліметтер анықталды. Осы жылғы зерттеу барысында жазба деректердің көздерінен Созақ сөзінің көне түркіше елді мекен немесе ел қоныстанған жердеген мағанаы береді анықталды.Еркінжан Сыламханұлының аударған Майрисмиттың көне шағатай тілінде жазылған еңбегінде мынадай жолдар бар: «мен бүгін тағы Ұрбылуыны атты Сынайан Брахманның созағына Бүрхандардың ісін істегелі барамын»[1]. Созақ сөзінің көне түрік тілінде дәл осындай мағана беретінін арнайы зерттеулер де растайды[2]. Ортағасырлық атын осы күнге дейін сақтаған Созақ ауылының шығыс шетінде Тарсатөбе қалашығы бар. 1946-1948 жылдарда жүргізілген зерттеулер бойынша Тарсатөбе б.з.д. III - б.з. X ғғ мерзімделеді[3]. Соңғы, біз жинаған археологиялық мәліметтер бойынша қалашық XII ғасырға дейін тіршілігін тоқтатпаған. Ал ортағасырлық Созақтың орны қазіргі ауылдың орта түсында сақталған. Бұл бөлікте осыған дейін бірнеше дүркін барлау мақсатындағы зерттеулер өткен. Бірақ күрделі қазба жұмыстары жүргізілмеген.

Қаратаудың теріскей бетіндегі Шолаққорған, Құмкент, Саудакент секілді қалашықтардатопографиялықзерттеужұмыстарыжүргізіліп, олардыңгеографиялық координаттары анықталды. Қалашықтардың жобасы GPS навигатор құралының көмегімен түсіріліп, олардың осы күнгі сақталу деңгейі бақыланды. Айтылған қалашықтар негізінен дамыған ортағасырғна жатқанымен олардың жоғарғы бетінде Қазақ хандығының алғашқы кезеңіне (XY ғ.) жататын мәдени қабаттары барлығы анықталды.

Зерттеу жұмыстарының екінші бөлігі Сырдариянының сол жағалауында жалғасты. Ба- сты зерттеу нысаны Аққорған қалашығында жүргізілген қазба жұмыстары. Аққорған кейінгі ортағасыр кезіндегі Қазақтың әйгілі қалаларының бірі саналады. Дегенмен, жазба деректердің мәліметтеріне қарағанда оның іргетасы сонау арабтардың Орта Азияға алғаш келген уақытымен сәйкес болса керек. Өйткені бізге мәлім болғандеректерде қожалардың шежіресі саналатын «Насаб-Нама» жазбасының ең алғашқы да толық нүсқасын Аққорғандық қожалар (Маулан Сафи ад-дин Орұң-қойлақ) жазған. Ол ту- ралы мәліметті біз З. Жандарбектің «Насаб-Нама» нүсқалары және түркі тарихы атты еңбегінен табамыз[4]. Қалашыққа салынған қазба Аққорғанның жоғарғы қабаты XYII ғ. сәйкес келетіндігі және түрғындар қаланы өз еркімен тастап, артынан түтастай өртеп жібергендігі анықталды. Сырдариянының сол жағалауындағы Мейрамтөбе және Алғыр- Салғыр қалашықтарында топографиялық зерттеулер жүргізіліп, географиялық коор- динаттары тексерілді, кішірейтілген жобасы мен фото суреттері түсірілді.

Созақ қаласының орнында жүргізілген қазба

Қазба I. Созақ қаласының орнында шілде және тамыз айларында жүргізілген зерттеулер үш үлкен қазбадан түрды. Қазба I өткен жылға қазбаның (қалашықтың оңтүстік шығыс шеті) үстінен салынды. Оңтүстік шеттегі колемі 11х3 м қазба 1,8-2 м тереңдікке (55 м.куб) дейін түсірілді. Бұл жер бір кезде қоқыс тастаған алаң болып шықты. Қимасында екі метрлік биіктік құланды топырақтар мен күл, органикалық шірінділер қатпарынан тұратындығы анықталды. Осы қазбаның 12,5х12,5 м (62,5 м.куб) өлшемдегі оңтүстік батыс болігінен бес бөлмеден тұратын үлкен үйдің орны аршылды. Шығыс шеттегі үлкен бөлменің (1-бөлме) олшемі 8х7 м, бөлменің едені жоғарғы қабаттан 40 см тереңдіктен шықты. Солтүстік шығыс бұрышта орналасқан сыпаның олшемі 5,5х2,5 м, оның үстінде қатар орналасқан екі тандыр (үлкенінің диаметірі 80 см, кішісінікі 50 см) мен оңтүстік бұрышта ошақтың орны аршылды. Тандырлардың құлағаннан қалған болігінің биіктігі 12-15 см. Ал ошақ сопақша келген, айнала қам кесектермен түрғызылған. Өлшемі 80х50 см, тереңдігі 20 см. Негізгі қабырғаларының қалыңдығы 60-70 см, кірпіштерінің олшемі 38х20х12, 36х18х12 см. Бөлменің оңтүстік бұрышына жақын жерде торт бұрышты етіп қаланған сыпаға үқсас

құрылыс аршылды. Оның олшемі 1,5х2,25 см, ортасы торт бұрышты, табаны тапталған ойық. Оның олшемі 0,5-1 м, тереңдігі 15 см., айнала қаланған кірпіштері қырымен, көлденеңінен және үзынынан қойылған.

Үлкен бөлменің оңтүстік батыс қабырғасына жалғастырыла салынған торт бөлменің орны шықты. Олар қабырғаны бойлай қатар орналасқан. Бөлмелердің қабырғалары мен ішкі құрылыстары түгелге жуық сақталмаған. Оларды боліп түрған жүқа қабырғалардың тіреулерінің шүңқырлары қалған. Шамасы бұлар оюан болған. Олардың қабырғалары қатар түрғызылған тіреулердің арасы домбазбен толтырылып жасалған. Тіреулердің асты мен үсті үзынынан тасталған белағаштарға (тосындарға) бекітілген. Астынғы жағына қойылған белағаштардың қалдыға солтүстңк батыс бұрышта жақсы сақталған. Оңтүстік шетінен алғанда бірінші бөлмеде тек кішкене ошақшаның торт бұрышты орыны ғана қалған. Екінші бөлмеде күидірілген кірпіштер төселген еденді босаға мен оның оң жақ шетінде орналасқан ошақша бар. Бөлменің қалған болігі бос. Үшінші бөлмеде ешқандай құрылыс іздері қалмаған. Төртінші бөлменің шығыс шетінде қабырғаға тақай салынған екі қамба орналасқан. Олардың қабырғалары үзынынан қойылған жалаң кесектермен қаланып, іші мен сырты және едені сыланған. Үлкенінің олшемі 1х1,5 м, кішісі 1х1 м. Жүқа қабырғалары 35 см дейін сақталған.

Аршылған құрылыс қабаты салыну дәстүрі, темірден жасалған бүйымдар мен шыны ыдыстар XIX ғасырға жатса керек. Бірақ қазбадан табылған сырлы және сырланбаған ыдыс сынықтары едәуір ерте кезеңдікі. Үй салу құрылысындағы шышты қабырға түрғызу дәстүрі бізге әлі анық емес. Бүндай дәстүр қоқан дәуіріне жатса керек деп өзіміз алдан ала болжам жасаймыз.

Қазба II.Өткен жылы ашылған қаланың қорғаныс қабырғасын бойлай оңтүстік шығысқа қарай қуалай салынған қиманың бас жағынан үзынша келген кішігірім өлшемдегі жеке үйдің орны ашылды. Үйді бойлай салынған қазбаның ауданы 13х5 м, тереңдігі 1-1,5 м. Қазба барысында бірінің үстіне бірі салынған екі үй құрылысының орындары аршылды. Бастапқы үйдің олшемі (қарамен белгіленген) 4,75х8,75 м. Қабырғаларының қалыңдығы мен кірпіштерінің олшемі екіншісімен бірдей. Үйдің ішінде болған құрылыс іздері сақталмаған. Шамасы кейінгі құрылысты түрғызған кезде бұзылып кетсе керек. Ал кейінгі аршылған үй бастапқысынан жіңішке және екі бөлме мен кішкене ауызүйден (аюаннан) түрады. Үйдің жалпы олшемі 9х3,5 м. Үйге кіреберістегі кішкене ауыз бөлменің олшемі 1х2 м, одан ішке қарай кіретін есіктің ені 0,8 м. Осы бөлменің қабырғалары қырынан қойылған кірпіштермен қаланған.

Ортанғы бөлме 2х2,8 м. Бөлменің солтүстік шетінің орта түсында 1х1,5 м келетін сыпа сақталған. Сыпаның үстінде кішкене ошақша. Ол солтүстік қабырғаға тақап, үш кірпішті түйістіріп қырынан қойып салынған. Үшінші төргі бөлменің өлшемі 2,5х3,5 м, тереңдігі 40-50 см. Қабырғаларының қалыңдығы 70 см, кірпіштерінің өлшемі 32х16х10 см. Үй қаланың сыртқы қамалының үстінен түскен. Құлаған қабырғаның қаландылары бөлмелердің еденінде анық көрініп түр.

Қалашықтың батыс шетінде жергілікті адамдар топырақ алған құланды жарға стратиграфиялық тазарту қимасы салынды. Қиманың үзындығы 14 м, биіктігі 1,8-2,2 м. Оңтүстік шеттен қаланың қорғаныс қабырғасының цитаделді қоршаған бөлігінің бір шеті шықты. Қабырға түтас пақса мен қаланған кірпіштермен кезектестіріліп түрғызылған. Қабырғаның қалыңдығы 2,66 м, биіктігі 2,2 м. Қиманың қалған бөлігінен үш құрылыс қабатынан түратын мәдени қыртыс аршылды. Олардың жоғарғысы XIX төменгісі XY ғасырға жатады. Құрылыс қабатының мерзімделуі қимадан шыққын заттай деректер арқылы анықталды. Бірақ керамикалық ыдыстар аралас табылды. Өйткені қиманың орта түсындағы құдық тәріздес шүңқырдан ыдыс сынықтары араласып шықты. Көбіне темірден жасалған заттар, патшалық Ресейде шығарылған пиялалар мен кеселердің сынықтары XY- XYI ғғ жататын кесе, қазан, құмыралармен бірге осы шүңқырдан алынды. Айнала қам кесектер қаланған шүңқырдың тереңдігі

3, диаметрі 1 метр. Төбесі көлденеңінен қойылған бөренелердің үстіне шөп тастап жабылған. Қиманың мәліметтері әлі толық талданып біткен жоқ. Толық мәлімет қорытынды есепте беріледі.

Созаққаласыныңорнындажалғасқанқазбабарысындаөткен жылытабылғансыртқы қорғаныс қабырғасы 33 м. қашықтыққа дейін аршылды. Қаланың қорғаныс қабырғасы толығымен қам кірпіштермен қаланған. Кірпіштерінің өлшемдері 32х20х10 и 30х18х9 см. Қабырға шығыстан батысқа қарай кеткен. Қимадан ені, астынғы жағында 2,1, жоғарғы жағында 1,7 м болатын қамалдың қалдығы аршылды. Бір жанына қарай құлаған қабырға 1,5 м, кей түста 2 м биіктікте сақталыпты. Қабырғаны аршу барысында шыққан археологиялық заттар мерзімделуі жағынан әртүрлі уақытқа жататын сырланған және сырланбаған ыдыс сынықтары т.б. заттар. Дегенмен, қазбадан табылған археологиялық заттар кешенін саралай келе қабырға XYII ғасырға дейін бүтін түрған деп шамалауға келеді.

Созақта жүргізілген қазбадан табылған олжалар

Осы жылғы қазба барысында бірсыпыра археологиялық заттар жиналды. Солардың қатарында ең көп кездесетіні сырлы және сырл анбаған ыдыстардың әртүрлі сынықтары (арасында археологиялық бүтіндері де кездеседі). Сонымен қатар мыстан, темірден жасалған заттар мен шыны ыдыстардың сынықтары да бар. Солардың бірсыпырасын жан-жақты сипаттадық.

Үлкен хүм. Түрпаты жұмыртқа тәріздес келген, аузы үлкен. Түпжағы кішкене және тегіс келген. Ыдыстың биіктігі 80 см, ернеуінің диаметрі 39 см, мойны қысқа, ернеуі сыртына қарай 2 см шамасында шығарылған. Түбінің диаметрі 25 см. Қабырғасы қалың, ыдыс сары топыраққа аздап құм мен шамот араластырып иленген балшықтан жасалған. Сырты сүр түсті ангоп сылағымен сыланған. Оның үстінен қызыл түсті ангоп слағымен ағызып салған өрнегі бар. Өрнек ыдыстың иығын айналдыра құю арқылы жасалған. Кейбір жерлерінде ауған бояу ыдыстың түбіне дейін жеткен. Осыған үқсас үлкен хүмдар Отырар, Түркістан мен Сауранның кейінгі орта ғасырлық қабаттарынан табылған. Жалпы жасалуы қарапайым әрі түрпайылау, шамасы күнделікті қолданыс үшін жасалған секілді. Ыдыс археологиялық бүтін.

Үлкен кесе. Ыдыс бүтін, ішкі жағы қою жасыл сырмен сырланған. Ыдыстың ернеуі сырт жағында 1 см шамасындағы қалыңдықта ғана сырланған. Сыртының қалған бөлігі тіпті сырланбаған. Сиымдылығы 1 л. Шамасында. Ернеуінің диаметрі
20,5 см, түбінің диаметрі 8,5 см, биіктігі 9 см. Кесе арнайы шарықта жасалып, сапалы күйдірілген.

Орта кесе. Ыдыс бүтін, ішкі жағы сары, ернеуі жасыл сырмен сырланған. Түпкі сақиналы түғыры сәл биіктеу, диаметрі 7 см, ернеуінің диаметрі 17 см, биіктігі 9 см. Ыдыстың сиымдылығы 0,75 л. Ернеуінің сыртқы жағы 2 см жалпақтықта сары сырмен көмкерілген. Кесе арнайы шарықта сапалы жасалған.

Кішкене саптыаяқ. Жартылай сақталған. Іші мен ернеуінің жиегі жасыл сырмен сырланған. Ернеуі тік, диаметрі 7 см, түбінің диаметрі 4,5 см, биіктігі 5,5 см. Шамот пен аздап құм қосылған сары балшықтан дайындалған шикізаттан арнайы шарықта жасалған.

Майшам. Ернеуі үзын,археологиялық бүтін саналатын майшам. Түткасы сопақ доға тәріздес және ернеуі қарсы бетіне қарсы бетке орнатылған. Іші мен сырты сүр түсті сырмен сырланған.

Орта кесе. Жартылай бүтін. Ішкі жағы қоңыр түсті сырмен, ернеуі қою қоңыр сырмен жиектелген. Сыртқы жағы жоғар жағында жарты беліне дейін сырланған. Сыртқы жағында ернеуінен сәл төмен жерден кесені айналдыра үш қоңыр жолақ салынған. Жолақтардың жалпақтығы 5-6 см. Олар бір-бірінен 1,5-1,6 см қашықтықта жатыр. Жоғарғы екі жолақтың аралығы қайталанып келетін қоңыр және жасыл нүктелермен толтырылған. Кесенің ернеуінің диаметрі 18 см, түбінің диаметрі 7,5 см, биіктігі 8,5

Құмыра. Түрпаты жұмыртқа тәріздес, түтқасы тігінен орнатыл ған. Түтқасы мен мой- ны

сынған. Түтқасының асты құмыраның иығына екінші шеті ернеуіне жалғастырып жасалған. Сырты сүр түсті ангоб сылағымен сыланған. Ыдыстың ыиғы мен мойнының аралығы өткір нәрсемен тырнап салынған өрнектермен безендірілген. Ыдысты айналдыра бірнеше шеңбер сызылған. Олардың аралығына тігінен түсірілген түзу сызық, толқын тәріздес иректер және төңкерілген жарты ай тәріздес бейнелер салынған. Ыдыстың сақталған бөлігінің биіктігі 30 см. Мойнының сынған жеріндегі өлшемі 7,5 см, бүйірінің диаметірі 23 см, түбінің диаметірі 14 см, қабырғасының қалыңдығы 1 см.

Сипатталған ыдыстардан басқа сырланбаған қыш қазанның, кесе, табақтардың, саптаяқтар мен құтылардың түрлі сынықтары табылды. Сонымен қатар түрлі өлшемдегі құтылардың қақпақтарының сынықтары мен ыдыстарды пеште күйдірген кезінде астына қоятын үйкектер де бар. Темірден жасалған заттар қатарындажылқының тағасы, құмғанның қақпағы, пышақтың сынықтары, тоғалардың қалдықтары т.т. бар.

Мыс теңгелерден Ресей патшалығының XIX ғ. екінші жартысында соғылған (1,2,3,5 тиындар) теңгелері. XIY-XY ғғ. мыс бақырлары, мыстан, тастан, сүйектен жасалғант, қандай мақсатта пайдаланылғаны анықталмаған бүйымдар кездесті. Қазбадан табылған олжалардың қатарында темірден жасалып, күміспен қапталған сақина да бар. Сақинаның беткі жағы төрт бұрышты.

Қаратаудың теріскей беткейінде жүргізілген археологиялық барлау

«Қазақхандығы қалалары» (Созақ, Өзкент, Аққорған, Сүткент, Қарнак, Қарақұрүм) тақырыбы бойынша тамыз айындағы зерттеулер Қаратаудың теріскей бетіндегі кейінгі ортағасыр қалаларын топографиялық түрғыдан зерттеу және Созақ қаласының ор- нын қазумен жалғасты.

Археологиялық барлау барысында Саудакент, Құмкент және Шолаққорған қалашықтары қайта зертеуден өткізіліп, олардың топографиялық құрылымы мен мерзімделуі анықталып, сақталу деңгейлері бақыланды. Қалашықтардың топогра- фиясы GPS - құралының көмегімен түсіріліп, олардың географиялық координаттары белгіленді.

Саудакент қалашығы: Жамбыл облысындағы осы аттас ауылдың шетінде орналасқан. Алғаш 1901 ж. В.А. Колосовски байқаған. Алғаш 1946 ж. Ә.Х. Марғұлан жетекшілік еткен Орталық қазақстан археологиялық экспедициясы зерттеген. 1947 ж. А.Н. бернштам жетекшілік еткен Оңтүстік Қазақ стан археологиялық экс педиция- сы қайта зерттеп, жиналған архео логиялық материалдар негізінде қалашықты IX-XY ғғ. аралығымен мерзімдеген. Сол кезде қаланың қираған орны ның жобасы қағазға түсірілді. Қабырғалары ның әр қанаттары өлшенді. Қалашықтың жалпы ауданы 4,3 га, географиялық координаттары: С.43^{e}43'760"; НІ.69^{2} 55'307., биіктігі 3,5 м. Қаланың жасын анықтайтын материалдар жиналмады. Қалашықтың үстінде жергілікті орыстардың зираты бар. Шамасы Саудакент қаласы Қазақ хандығы құрылған кезде құлдырау үстінде болса керек. Жер бетінде шашылған ыдыс сынықтары шамамен XY ғасрға дейінгі уақытқа жатады.

Құмкент қалашығы: Қалашық Оңтүстік Қазақстан облысындағы осы аттас ауылдың оңтүстік шетінде жатыр. Бұл қалашық та бұрыннан белгілі. Кезінде Орталық Қазақстан (1946 ж.), сосын Оңтүстік Қазақстан (1947ж.) археологиялық экспедиция лары зерттеген. XIII ғ. қарақорымға барған армян патшасының елшілігінің есебінде Созақты хусак, Құмкенті Койкант деп келтірген. Орталық бөлігінің жалпы ауданы 7,8 га, географиялық координаттары: С.43^{e}45'611"; Ш.69^{e}36 256., төбенің биіктігі 19 м. Қалашықтың үстінен табылған сырланған және сырланбаған ыдыстардың сынықтары темір дәуірі ыдыстарына жатады. Іздеу барысында тауып алынған түргеш дәуірінің қолак теңгесі қалашықтың іргетасы кем дегенде YTTT ғ. жататындығын растайды.

Шолаққорған қалашығы: Ескерткіш аудан орталығы Шолаққорған ауылының қақ ортасында орналасқан. Бұл қалашықты да кезінде Орталық Қазақстан (1946 ж.), сосын Оңтүстік Қазақстан (1947ж.) археологиялық экспедициялары ашып, зерттеген. Сол кездің өзінде қалашықтың жобасын қағазға түсірген. Бұл күнде ескерткіш түбегейлі жойылу жағдайында. Оның үстіне түрғын үйлер түсіп кеткен. Құрылыстан қалған бөлігінің жалпы

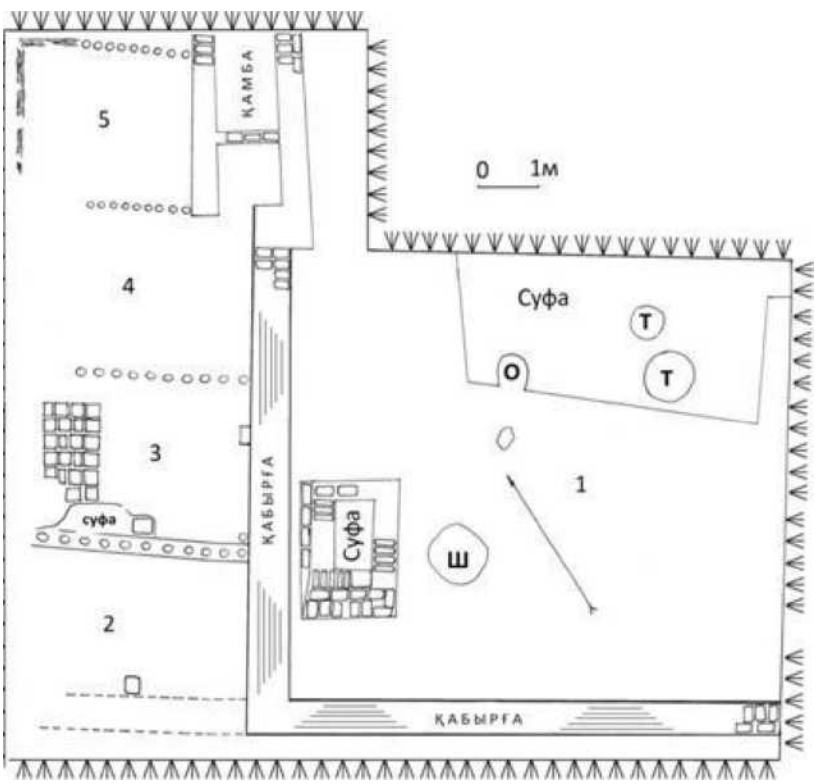
ауданы 0,6 га, географиялық координаттары: С.43^{e}46 143"; Ш.69^{e}1Г160., төбенің биіктігі 5 м. Үстінен табылған бірлі-жарым заттардың сипаты қаланың XY ғ. тіршілігін тоқтатқанын аңғартады.

* * *

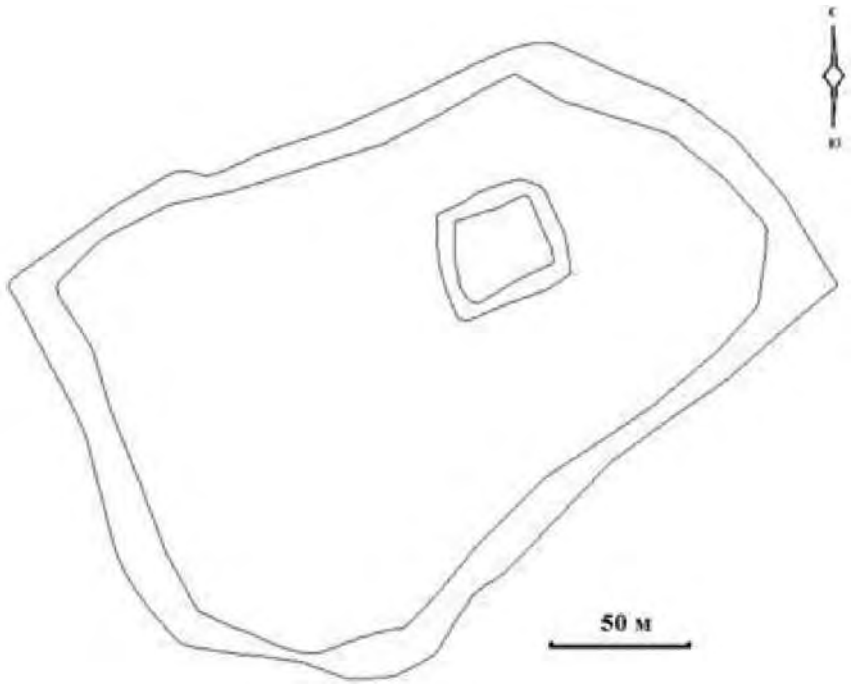
В статье представлены материалы исследования городов Казахского ханства в полевом сезоне 2010 года. Отрядом Южно-Казахстанского археологической экспедиции были продолжены раскопки городища Созак, на котором заложены две стратиграфические траншеи и два шурфа. В результате раскопок открыты строительные горизонты XIX-XVII вв., получена дополнительная информация о быте и о строительных традициях средневекового населения горожан, описан керамический материал. Во второй части статьи приведены результаты исследования территории левого берега реки Сырдарья и археологической разведки в северных предгорьях Каратау. Дополнительно исследована топография городов периода Казахского ханство, степень их сохранность, сняты планы городищ.

Қолданылған деректер мен эдебиет тізімі

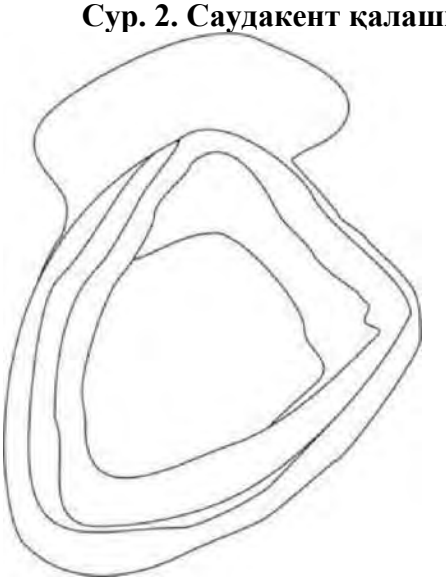
1. Тыц шымин. Үйғыр жазбаларындағы Майрисимиттіц Құмыл нүсқасыныц зерттелуі. - Бейжин, 2008.50-бет.
2. Нүрмағамбетүлы Ә. Жер-судыц аты-тарихтыц хаты. - Алматы. «Бастау» 1994.47-6.
3. Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанской область. - Алматы, 1994.-С.247-248. №541.
4. Жандарбек 3. «Насаб-Нама» нүсқалары және түркі тарихы. - Алматы: Дайк- Пресс.-С.24-25 б.



Сур. **1.** Созақ **2010.** Қазба **II.** Қазбаның жобасы



Сур. 2. Саудакент қалашығы



О

Сур. 3. Құмкент қалашығы

Сур. 4. Шолаққорған қалашығының әуеден түсірілген суреті (Суретте қалашықтың үстінен түскен жеке үйлер)

Төлегенов Е., Оралбай Е., Қариев Е., Әлжанов Қ.
Қазақстан, Алматы

Сарыкөл ескерткіштеріндегі 2010 жылғы қазба жұмыстарынң қорытындылары

Ағымдағы жылы "Археология" ЖШС, Шығыс Қазақстан облысы, Абай ауданының орталығыҚарауыл ауылынан оңтүстік-шығысқақарай45шақырымжердегіШыңғыстау тауының жайлауындағы Сарыкөл шағын ауданына кіретін Қопа археологиялық кешенінде 3. Самашевтың жетекшілігімен қазба жұмыстарын жүргізді. Қопа кешені екеуі көне түрік заманына, біреуі қола дәуіріне жататын үш қорымнан тұрады. Ол қорымдардың қатар орналасқандығы ескеріліп, екі хронологиялық кезеңдердің арасындағы тамырластық, сабақтастық мәселелерін тексеру мақсатында үш қорымға да қазба жүргізу туралы үйғарым шығарылған.

Жалпы көне түрік дәуірінің ескерткіштерінің ең көп орналасқан жері Таулы Алтай мен Моңғолия жерлері. Ол жерлерде ғибадатханалармен қатар әртүрлі әлеуметтік топтардың көптеген қорғандары мен қоршаулары бар. Осылардың ішінен көне түріктердің жоғары әлеуметтік топтардың, яғни ақсүйектер, қағандар мен қолбасшылардың қоршаулары неғұрлым көбірек зерттелді және үқсастықтары мен ерекшеліктеріне қарай классификациясы жасалынған болатын [2, с. 141].

Қопа № 1 қорымы Қопа атты кішігірім өзеннің оңтүстік шетінде 200 м жерде орналасқан. Осы қорымның батыс шетінде СО сызығымен, бір- біріне жақын, қатарласа орналасқан, төртбұрышты пішіндегі үш тас жәшіктерге қазба жасалынған.

Ортадағы № 2 тас жәшіктен шығысқа қарай 45 см қашықтықта тігінен түрған мүсін бар. Тас мүсіннің басының үстіңгі болігінің оң жағы сынған, келбетінде көз, мұрын, ауыз бейнемелері еміс аңғарылады. Оң қолына үстаған тостағаны көрінеді, сол қолы белінде

ілініп түрған қылыштың сабын үстап түр. Осы тас жәшік ішінде, шығыс қабырғасының түсында үсақ малдың аяқ сүйектері, қабырғалары кездесті. Сонымен қатар тас жәшік ішінде құрбандыққа шалынған малдардың яғни өзінің табиғи қалпын сақтаған үш үсақ малдардың сүйектері және осы тас жәшіктің сыртынан, оңтүстік қабырғасының түсынан жылқының астыңғы жақ сүйегінің сынығы табылды. Ұсақ малдардың құрбандыққа шалынғанның бір дәлелі бастары қойылмаған.

Үш қоршаудың да айналасында мол кездескен, жалпағынан жатқан тақтатастардың осы қоршаулардың жабылымы немесе қақпағы болғандығы, тонаушылар әсерінен сындырылып, лақтырылғандығы қазба барысында көрінді.

Қазіргі таңда аталған тас мүсінге және қабіртастарға ие қоршаулар коне түркілердің ғұрыптық-нанымдық еске алу ғибадатханалар қызметін атқарған деп болжауға болады. Құрбандық орталық тас жәшікте (№ 2) шалынған, ал екі шеткі қоршау (№ 1 және № 3) алыста қайтыс болған немесе ес түссіз жоғалып кеткен құрметті адамдардың кенотафы болуы да ықтимал. Дегенмен № 3 қоршауда табылған мал сүйегінің кішкентай сынығына сүйеніп бұл қоршауда да құрбандық шалынған, ал мал сүйектерін тонаушылар лақтырып жіберген деп болжауға болады. Бұл ғибадатхана аз уақыт қолданыста болуы ықтимал.

Қопа № 2 қорымы Қопа № 1 қорымынан оңтүстік батысқа қарай 1 шақырым жерде орналасқан. Бұл қорымнан № 1 қоршауға қазба салынды. Ескерткіштің диаметрі - 16 м, биіктігі 50-60 см шамасында.

Ескерткіштің шығыс жағында, үйіндінің етегінде екі тас мүсін орнатылған. Мүсіндер бетімен шығысқа қаратылып, СО сызығымен түр.

Солтүстік мүсін ірірек, төбесінде «тақия» тәрізді бас киім ойылып келтірілген. Мүсіннің иегінің түсында, оң және сол шеттерінде кішкентай үңгімелер бар, ол ба- сын денесінен боліп түрғанын көрсетеді. Мүсін бетінде коз, мүрын ауыз бейнемелері
аңғарылады. Бет әлпетін орындау әдісіне қарай ер адам бейнеленгенің байқауға болады.

Оңтүстік мүсін кішірек. Мүсіннің келбетінде көз, ауыз, мүрын бейнемелері көрінеді. Бейнемелер солтүстік мүсіндікіне қарағанда анықырақ аңғарылады. Мүсін келбеті домалақтау келген, иегі үшкір. Иек деңгейінде солтүстік мүсіндікіндей үңгімелер бар, бірақ олар анықырақ көрінеді. Сонымен қатар оңтүстік мүсін келбетінің жоғарғы бөлігіпде, маңдай жағында екі иілген жолақ бар. Бұл мәнерлеп көрсетілген қас болуы мүмкін. Осы жолақтардың жоғарғы тусында тағы бір бет әлпетін нақтылайтын сызық бар, сол жолақтар кимешектің «жақ» деп аталатын бөлігіне үқсайды. Жоғарыдағы си- паттамл ар негізінде екі тас мүсіндер де ер адам мен әйелдің бейнелеген деп пайымдауға болады. Аталмыш екі мүсін негізінде осы ескерткіште ерлі -зайыптылардың жерлеуі болуы ықтимал деп болжанды.

Қоршау үйіндісін тазалау барысында оның алғашқы пішіні төртбұрышты болған екендігі аңғарылды. Ал қазбаға дейінгі пішіні үйіндінің отыру салдарынан және мал түяғымен тастарды қозғалтып жайып жіберген іспетті. Қоршау ортасынан қабір дағы байқалмады, түсі қара-сұр, күлдің жиынтығы, от орны кездесті.

От орнында айналма шарықта жасалған қыш ыдыстың тікбұрыштау пішіндегі екі сынығы табылды. Осы екі қыш сынығынан басқа ешқандай табылымдар болмады.

Қопа-3 қорымы Қопа № 2 қорымынан оңтүстік батысқа қарай жарты шақырым жерде орналасқан. Осы қорымның орталық ескерткіші болып есептелетін тас үйіндіден жасалған № 1 үлкен қорғанның оңтүстікшетінде 3,90 м қашықтықта жап- сарлас орналасқан № 2 тас жәшікке қазба жүргізілді.

Қазба жұмыстарын бастағанға дейінгі ескерткіш диаметрі - 4 м, тік және көбінесе құлаған тақтатастардан құралған тас жәшік түрінде болды.

Қазба барысында № 2 қоршаудың солтүстік қабырғасынан қолдан жапсыру тәсілімен жасалынған, қара түсті тік ернеуі бар қыш ыдыстың мойын бөлігі мен сынықтары табылды. Ернеу сынығының төменгі жағында көлбеу салынған тісті штамп сызаттары бар

геометриялық ою-өрнектер бар. Бұлардан басқа да, жасалу техникасы үқсас, бірақ ою-өрнектері жоқ керамика сынықтары табылды. Сонмен қатар сыртқы жағында «шырша» тәріздес геометриялы ою-өрнектері бар қыш ыдыс сынықтары да табылды.

Осы тас жәшіктің төртбұрышынан кездескен қара дақтардың от орны екені қазба барысында анық көрінді. Тас жәшіктің тарлығын, адамның аяқ сүйектерінің қабірдің батыс бөлімінде, ал дене жоғарғы бөлігінің сүйектерінің қабірдің шығыс бөлігінде шоғырлануын ескеріп мәйіт ШБ сызығымен, басы шығысқа қаратылып қойылған деп пайымдауға болады. Мәйіт жату мәнерін нақты анықтау мүмкін емес. Қыш ыдыс сынықтарының қабірдің оңтүстік-батыс бөлігіндегі жиынтығына қарағанда ыдыс мәйіт аяғының сол жағында қойылған сияқты.

Көне түрік заманымен мерзімделетін, бұл ескерткіштер Шыңғыстау тауының жай-лауында өте мол орналасқан. Бір шағын ауданды осынша ескерткіштердің орналасуы көне түрік заманында бұл өлкенің Батыс түрік қағанатына қарасты үлкен бір этносая- си орталық «қорық» болғанын көрсетеді. Әр қорымдарда 25-30 ескерткіш орналасқан. Шыңғыстау Сарыкөліндегі көне түріктердің осы ескерткіштердің қорғандар мен қоршаулар және тас жәшіктер түрінде әртүрлі болып келуі олардың «қорық» ретінде кем дегенде үш жүз жыл қызмет атқарғанына дәлел болады. Осы жерде тағы бір ескеретін жайт, осы қорымдарда кездесетін мүсіндердің де иконографиялық және морфологиялық түрғыдан әртүрлілігі де күмән туғызбайды. Кейбір ескерткіштер қимақ- қыпшақ заманында да жасалуы мүмкін.

Жоғарыда атап өткендей, көне түріктер ескерткіштері ішінде ақсүйектік қорымдар жақсы зерттелген. Қағанның ескерткішін анықтауда тас мүсіннің басындағы «тәжбен» құрылыстың сәулеттік күрделілігі негізгі идентификатор болса, қолбасшыларда да сондай өзіндік белгілер бар. Ал қатардағы қорымдардың бүгінгі күнге дейін ондай нақтылық элементтері анықталмағандықтан түжырым айта алмаймыз. Бірақ белгілі бір халықтың болмысы мен түрмысын, діни көзқарастарын жан- жақты зерттеуге аздаған ақсүйектік топтардан алынған ақпараттар негіз бола алмайтындығы белгілі. Сол себепті де көне түріктердің қатардағы қорымдарына зерттеу жүргізу кезек күттірмес мәселе екендігі белгілі. Тек Шыңғыстаудағы бұрынғы жылдардағы зерттеулер мен биылғы Қопа 2 қорымындағы № 1 қоршауда жүргізілген қазба көрсеткендей мәйітті өртеп қою салтының бұл өңірде кең етек жайғаны анық болды. Бұл дәстүрдің алғашқы нүсқаларының б.з. 545-ші жыл Ұлы Түрік қағанаты құрылғаннан бұрын мыңдаған жылдық тарихы бар екенін аңғару қиын емес. Қопа 3 қорымындағы қола дәуірінің тас жәшігінің эр шетіндегі от жағар орындар осыған дәлел. Қоршаудың төрт бұрышына от жағып мәйітті және қоршау сыртын отпен аластағанға үқсайды. Қола дәуіріндегі отпен тазалау дәстүрі кейіннен ерте темір дәуірінде де, коне түріктерде көрініс тапқан тәрізді. Ерте темір дәуірінде нақты от жағар орындар, отпен тазалау дәстүрінің элемнттері кездеспегенмен осы кезеңде күнге табыну дәстүрі кең етек жай- ды. Осы от пен күн паралелдері Ұлы даланы мекендеген халықтар түсінігінде ырым ретінде мыңдаған жылдар қатарлас жүргенге үқсайды. Кейіннен ерте темір дәуірінде күнге табыну сенімі алыға шықса, коне түріктерде ол түсінік тек сыртқы формасын ғана өзгертті де көкке, көк тәңірге табыну болмысымен ары қарай жалғасты. Осы жерде кейбір зерттеушілердің коне түріктердің қоршаулары мен тас мүсіндері өз бастауын ерте темір дәуіріндегі керексурлармен бұғытастардан алады деген ойлары шындыққа саяды. Зерттеушілер тарапынан осы уақытқа дейін жалпы тас қоршаулар

- адамдар жерленген қабір емес, оларды еске түсіру үшін ас беріп, ат шаптырған жер- лерге қойылған белгілер деген қорытынды жасалынған болатын. Бірақ Шыңғыстау Сарыкөліндегі зерттеулер осы тас қоршаулардың кремациялық орын мен киелі ғибадатхана қызметін қатар атқарған деп түжырымдауға негіз болды.

Жалпы, адамзат өркениеттегі әйгілі мәдени ошақтардың үдайы көшпелілер мекені мен жапсар өңірлерінде дүниеге келіп отырғаны кездейсоқтық емес. Әлемдік діндердің бастау

тегіне Тәңірлік діннің өзекті қағидалары арқау болған. Тәңірлік дін уақыт пен кеңістікті игеруге талпынған, қоршаған ортамен тіл табысуға ұмтылған адам баласының алғашқы таным түсінігі еді. Тәңірлік дін көшпелілердің өмір сүруінің кепілі болып, өмір салтына айналды.

Тек, күдіретті Күнге ғана, Көк аспанға ғана табынып, тағзым ететін Көк түріктер сол күннен бастап-ақ аспан түстес көк байрағын желбіретіп, алғаш рет өздерін ресми түрде бүкіл әлемге танытты. Егер осы көшпелілер әлеміндегі діни сенім эволюция- сын ғылыми түрғыдан жақсылап саралап, тамырластығын таба алсақ, күнге табыну тәңірлік діннің алғашқы нүсқасы яғни бір құдайға табынудың басы болды деп санауға негіз болады.

Биылғы қазба жұмыстарының бізге берген нақты ақпаратының тағы бірі коне түріктердің қола дәуіріндегі тас жәшіктерді қайта пайдаланды ма- деген болжам жасауға итермелеген, Қопа 3 қорымындағы № 2 тас жәшікке жүргізілген қазба болды. Жалпы бұл қорым қола дәуірінің соңғы кезеңінің ескерткіші саналады. Оған осы қорымның ортасындағы № 1-ші, негізгі қоршаудың етегіндегі бекітпе тастары (кре- пида) бар, классикалық үлгідегі Беғазы-Дәндібай мәдениетінің мұрасы дәлел болады. Осы пікірімізді аталмыш №1-ші қоршаудың батыс шетіндегі тас жәшіктен табылған қыш ыдыстар да нақтылай түсті [3, 304 б]. Коне түріктер қола дәуірінің соңындағы бақташылардың қалдырған ескерткішін өз мұралары деп киелі санап, осылардың қасына қорымдарын орналастырды, элде оларды екінші қайтара пайдаланды ма деген сұрақтың жауабын алдағы жылдардағы қазба жұмыстары беруі керек.

Сонымен қатар Шыңғыстау Сарыкөлінде бүгінгі таңда көне түріктердің ақсүйектік қорымдары кездеспегенімен Шыңғыстауға жалғаса жатқан Тарбағатайдан кездесіп отыр. Тарбағатай тауының Елеке сазы деген жазығында көне түріктердің элиталық қорғандары бар екендігі бұқаралық ақпарат құралдарында жарық көрді [1]. Ол ескерткіштерді ғылыми түрғыдан зерттеу ісін кешіктірмей бастау керек.

Жалпы Шыңғыстау Сарыкөліндегі киелі ғибадатханалар халықтың басына түскен әртүрлі қиыншылықтар мен соғыс жағдайында елдің береке бірлігін сақтауда үлкен маңызға ие болды. Сақтар мен ғұндардан кейін тарих сахнасына шығып, бүкіл дүниені дүр сілкіндірген халық - ежелгі түріктердің ерлік істерінің бастауында діни сенімдерінің тазалығы мен халықтың бірлігі жатқандығы белгілі

Қорыта келе Шыңғыстау Сарыкөлінде жүргізілген археологиялық қазба қазба жұмыстары көне түркі заманының қоршауларының ұзақ уақыт бойы өлікті өртейтін орын және марқұмға арнап ас беру ғұрпын өткізуге байланысты жасалғандығын көрсетті.

Көне түріктер мен қыпшақтардың ғұрыптық және жерлеу ескерткіштерін әлі де зерттей түсудің нәтижелері Ұлы Даланың этникалық картасын нақтылай түсуге, сондай-ақ, қазақтардың жақын ата-бабалары болып келетін тайпалардың түрмысы мен дүниетанымдық көзқарастары жөнінде толығырақ түсінік алуға мүмкіндік береді деп үміттенуге болады.

Шыңғыстаудағы көне түріктердің қорғандары мен қоршауларын, монументальді онер ескерткіштерін зерттеуде оларды дәуірлеу мен кезеңдерге бөлу, классификация- лау, тас бейнелер композициянының сырын ашу, сондай-ақ оларды аталмыш аймақта және одан тыс жерлерде өткен этномәдени үрдістерді айқындауда нақты деректер ретінде пайдаланудың өзектілігі артып отырғандығы рас. Бұл ескерткіштерді кешенді түрде, тыңғылықты зерттеу коне түріктер мен қимақ-қыпшақ замандарындағы осы өңірде өмір сүрген халықтардың мәдениетінің, діни наным-сенімдерінің әліде ашыл- май жатқан қырларын тануға қосар үлесі үшан-теңіз.

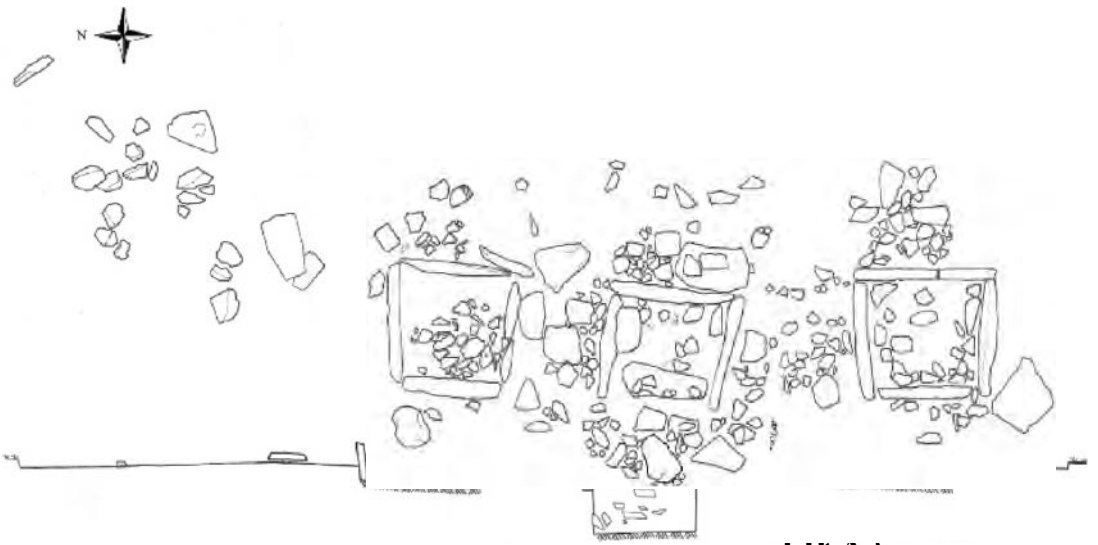
* * *

В статье приведены результаты исследования археологического комплекса Копа, расположенного возле села Сарыкөл Восточно-Казахстанской области, Абайского района. Археологические раскопки проводились ТОО «Археология» под руководством З.С.

Самашевым. Объектом исследования стали ограды бронзового века и, рас- положеные рядом, тюркские ограды. При исследовании ставилась цель выяснить дату памятников, авторами не исключается возможность использования тюрками каменных плит из оград эпохи бронзы.

Қолданылған деректер мен эдебиет тізімі

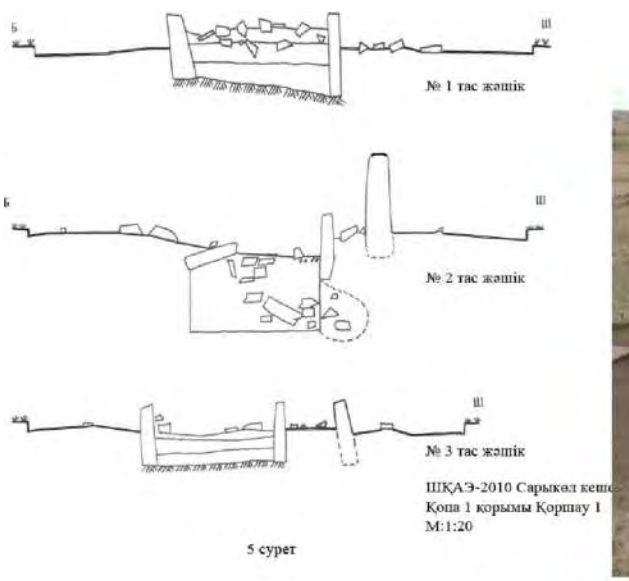
1. Байтенов А. Храм хребта Тарбагатай // Новое поколение, 30 октября 2009 г.
2. Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово- поминальных памятниках Монголии VI-VIII вв. - М., 1996 г.
3. Маргулан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. - Алма- Ата, 1979 г.



ШҚАЭ - 2010
Сарыкші
ксеіоні Ко.и
1.кирыш
Қорлиу **1**
Жнипа^и.і
жліе (Х
кимі^ы
М:L
:20
20 0
20
10

1 сурет

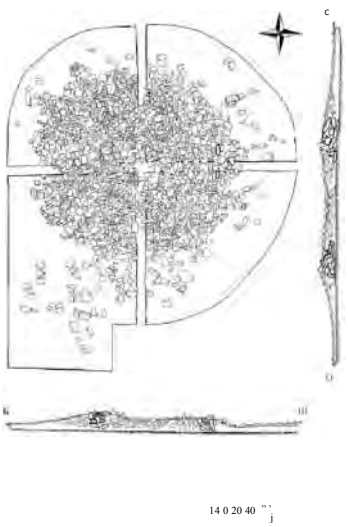
Сур. 1. Қопа -1 қорымының жалпы жэне ОС қимасы.

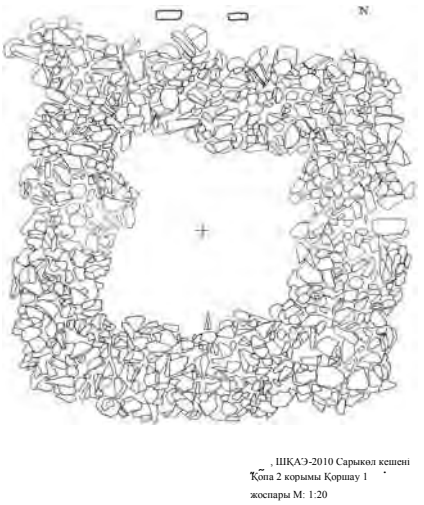


Сур. 2. Қопа -1 қорымының БШ қимасы Сур. 3. Қопа -1 қорымының жалпы көрінісі

Сур. 5. Қопа -1 қорымының № 2 қоршауындағы құрбандықа шалынған ұсақ малдың сүйектері

Сур. 4. Қопа -1 қорымының № 2 қоршауының шығысында орнатылған тас мүсін





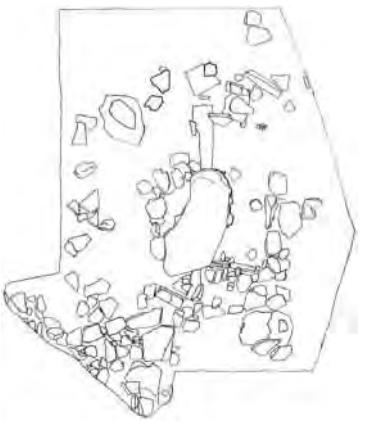
Сур. 6. Қопа -2 қорымының № 1 қоршауының жалпы және ОС пен БШ қималары

Сур. 7. Қопа -2 қорымының № 1 жоспары

Сур. 8. Қопа -2 қорымының № 1 қоршауының жалпы көрінісі

Сур. 9. Қопа -2 қорымының № 1 қоршауының тас мүсіндері

Сур. 10. Қопа -2 қорымының № 1 қоршауының от орыны



ШҚАЭ-2010 Сарыкөл кешені Қопа 3 қорымы Қоршау 2 Жоспары және кимасы М: 1:20

Сур. 11. Қопа -3 қорымының № 2 қоршауының жалпы және ОС пен БШ қималары

Сур. 12. Қопа -3 қорымының № 2 қоршауының жоспары

шұңқыры М:1:20
20 0 20 40

Сур. 13. Қопа -3 қорымының № 2 қорпіауыиы<£ур• қоршауының жалпы көрінісі

14. Қопа -3 қорымының № 2 тас жәшік көрінісі

Сур. 15. Қопа -3 қорымының № 2 қоршауының сыртындағы от орыны

Сур. 16. Қопа -3 қорымының № 2 қоршауында табылған қыш ыдыс

Төлеубаев Ә.Т., Омаров Ғ.Қ., Искаков Қ.А.

Казахстан, Алматы Ойжайлау археологиялық экспедициясының 2010 жылғы қорытындылары

2010 жылғы қазба маусымында Ойжайлау археологиялық экспедициясы Ойжайлау 2 қорымындағы жаңа 20-дан астам қорғанды есепке алып, оларды картаға түсіріп, топографиялық өлшемдері алынды, сонымен қатар №1, №2 қорғандарда қазба жұмыстарын жүргізді.

Ойжайлау 2 қорымы Алматы облысы, Үшарал ауданы Лепсі ауылынан солтүстік шығыста 2 км, Ойжайлау 1 қорымынан шығыста 2,5-3 км қашықтықта, Лепсі өзенінің оң жағалауында жоғарғы террасада, ипподром аумағында, солтүстігінде Жүнжүрек тауының Қызылқырқа шоқыларының етегімен шектеседі. Ерте темір дәуірінің қорғандары Шығыс Қазақстандағы пазырық мәдениетіне жататын Берел қорғандарымен салыстырғанда тау етегінен еңіске қарай емес, өзен арнасын бой- лай шығыстан батысқа созыла орналасқан. Кезінде бұл жерлерде жыртылып егін егілгендіктен көпшілік қорғандар бұзылып кеткен. Барлық қорғандардың үстін шым қабаты басқандықтан кейбір үсақ қорғандар мүлде көрінбейді. Тіркелгені 22 қорған. Олардың диаметрі мен биіктіктері: №1 қорған диаметрі - 36м, биіктігі - 3,4м, №2 - Юм, 0,3м, №3 - 28,5м, 2м, №4 - 7,5м, 0,4м, №5 - 1м, 0,2м, №6 - 1,7м, 0,35, №7 - 1,8м, 8м, №8 - 8м, 0,9м, №9 - 4,2м, 0,2м, №10 - Зм, 0,50м, №11 - 2,5м, 0,45м, №12 - 12м, 1,1м, №13 - 9м, 1,9м, №14 - 6м, 0,6м, №15 - 8,2м,1,2м, №16 - 30,7м, 1,8м, №17 - 31,5м, 1,5м, №18 - 28,5м, 2,2м, №19 - 10,5м, №20 - ЗОм, 2,3м, №21 - ЗОм, 2,1м, №22 - 34,5м, 1,6м. Теңіз деңгейінен есептегенде 1000-1020м биіктікте. Осы қорымдағы ірілігімен ерекшеленетін № 1, 17, 18, 20, 21, 22 қорғандар. Бұл қорымды ерте темір және түркі дәуірінің қорғандары құрайды.

№1 қорған қорымның орталық бөлігінде, диаметрі 36 м, биіктігі 3,4 м. Қорғанның қазбаға дейінгі көрінісі: бетін шым басқан, орталық бөлігі ойыңқы болып келген. Қорғанның оңтүстігіндегі етегінің 1 метрден астам бөлігі ипподром жолын салу кезінде техникамен сүріліп алынып кеткен. Қорғанның осы батыс бөлігі өзге жақтарымен салыстырғанда жайдақтау болып келген. Тек етегіндегі кейбір тастар ғана көрініп жат- ты. Солтүстік етегінің 2 метрге жуық бөлігі егін егу кезінде техниканың көмегімен алынып кеткен. Қазудың бастапқы кезеңінде қорған 4 секторға бөлініп, батыс бөлігіндегі А және В секторларының шым қабаты алынып, тастары толықтай тазаланды. А және В секторлар аралығында батыс - шығыс бағытта ені 0,25м жал қалдырылды. Обаның бетіндегі шым, топырақ қабаттарды тазалау жұмыстары осы екі секторда жүргізілді. Қорғанның орталық бөлігінде тастар кездеспеді, тек кей жерінде аракідік үсақ тастар үшырасады. Жалпы қорғанды түрғызуға пайдаланылған құрылыс материал- дары жергілікті жердікі. Тастар да 60-100 м қашықтықтағы Лепсі өзенінен әкелінген малта тастар. Қалдырылған стратиграфиялық қиындыдағы қатпарларға қарағанда

0, 15 м қалыңдықта шым қабаты, онан томен қара топырақ қабаты кетеді. Тастары сирек келетін орталық бөлігінде қара топырақпен аралас сары топырақ кесектері де кездеседі. Бұл тонаушылар әрекетімен байланысты болса керек, олар төменгі қабаттағы топырақты тонау кезінде үстінгі қабатқа шығарып жіберген, сонымен қатар бұл жағдай кейінгі жерлеулер кезінде араласқан төменгі қабат топырақтары болса керек. Қорғанның бетін жапқан көлемі шәугімдей біркелкіге жуық малта тастар етегінен бастап орталығына дейін 7-8 м көлемде жоғарылаған сайын біртіндеп көтеріліп келеді де, одан ары 1-1,5м биіктікке тік көтеріледі. Қорған етегін айналдыра 1-2 қатар ірі тастармен көмкерген екен, олар толықтай аршылды.

В секторын шым қабатынан тазалау барысында қорғанның сыртқы қабатын көмкерген малта тастардан 0,9-0,2м биіктікте солтүстіктен оңтүстікке қарай 6 м аумақта тонаушылар орталық бөлігінен сыртқа қарай лақтырған тастар топырақ үстінде шашыраңқы түрде кездеседі. Тонаушылар қабір ішінен шыққан топырақ пен тасты негізінен қорғанның батыс бөлігіне қарай (В секторы) лақтырған.

Қорғанды 0,5-0,2 м қалыңдықтағы шым қабатынан аршығаннан кейін орташа көлемдегі малта тастар қабаты ашылды. Құрылысты салмас бұрын алаңды тегістеп, тазалап алғаннан кейін 36м диаметр мөлшерде айналдыра ірі көлемдегі тастардан қоршау, бекітпе-түғыр жасаған. Оның ішін

ныгыздап түйген топырақпен толтырған, бұл обаның тағаны (платформасы) қызметін атқарған.

Обаның тінін бекіткен ірі тастардың сырт жағын 1,5 - 2 м дейін көлемдегі аумақты бұрынғы жер бетіне дейін аршыдық. Нәтижесінде, А секторының солтүстік батыс бөлігінде күйдірілуі нашар, күмы көп, қара қошқыл түсті керамикалық ыдыс сынықтары табылды. Сақталған фрагменттеріне қарағанда 5-7 мм қалыңдықтағы ыдыстың мойыны және бүйірінің бөліктері.

Қорғанның В секторының оңтүстік батысында көне жер беті деңгейінен 0,15-0,2 м тереңдікте К 34, *Л* 34, 35 сетка квадраттар (торлары) шекарасында, түғыр тастардан
0, 2-2 м қашықтықта басын солтүстік батысқа беріп, оң жақ жанымен қырындатып, беті оңтүстік батысқа қаратылып жерленген адам мәйіті аршылды (1-ші жерлеу орны). Бұл адам кейіннен жерленген. Оны обаның етегіне ірілі, үсақты тастардан үзындығы 2,4 м қоршау жасап қойған. Алайда оңтүстік болігінің қоршау тастары ипподромға жол салғанда сүріліп кеткен болуы керек. Қаңқа анатомиялық қалыпта, тек сол аяғының тізеден төменгі сүйегі ғана 0,10 м томен, оң аяғының деңгейінде жа- тыр. Шабылған, я болмаса сындырылған іздері байқалмайды. Сол жақ аяғының ортан жілігі тізе түсында 0,15 м көтеріліп түрса, сол қолы алдына қарай бүгіліп иық түсынан
0, 3 м алшақтықта келіп оң қолының шынтағына дейін жалғасады. Оң қолы да алдына қарай созыла шынтағында және білезік түсында бүгіліп келіп, саусақтарын жағына таянған қалыпта жерленген. Бүндай позадағы жерлеуді археологияда «поза роденов- ского мыслителя» деп атайды. Сүйектерінің сақталуы жақсы. Бас сүйегіндегі мүрын үстіне және атжақты болып келуіне қарағанда еуропеоид нәсілді әйелдің мәйіті деп болжауға болады. Бойының жалпы үзындығы төбесінен аяқ башпайына дейін - 1,57 м. Өкшесінен 0,25 м томен, қорған етегінен 0,9 м қашықтықта сынған түтікті ірі мал сүйегі сынығы сол деңгейде табылды.

Қорғанның Г секторының оңтүстік етегінде тас түғырдың үстінде басы солтүстік батысқа бағытталған әйел адамның қаңқасы ашылды. Тізеден томен түғыр тастың сыр- тында, ал қаңқаның қалған болігі тас жабындының үстіне етбетінен жатқан қалпында жатыр. Басы оңға қарай әнтек бүрылған, тізесі сәл бүгілген. Мойын түсында «Украшения для женщин и девиц» деген жазуы бар медальон, ал сол жақ белі түсында темір кілт табылды. Сүйектің сақталу деңгейі нашар. Мәйіттің беті топырақпен толық жабылмағанына қарағанда асығыс жерленгенге үқсайды. Бұл кейінгі жерлеу орны.

Қорғанның төбесінде, диаметрі 5-6 м аумақта өзеннің малта тастары кездеспейді, не болмаса сирек үшырасады. Ал одан төменірек қорған етегіне дейін тастар қатары айнала белгілі бір тәртіппен қаланған. А секторында қорғанның орталық нүктесінен 4,8-5 м қашықтықта әр жерінде 0,3-0,5 м диаметр мөлшеріндегі аумақта тастар жоқ, алынып тасталған.

Қазба қорғанның батыс бөлігіндегі А және В секторларын толықтай тазалағаннан кейін шығыс бөлігінде орталық нүктеден шығысқа қарай 6м траншея салу әдісімен жалғасты. Траншея қолмен қазылып, босаған топырақ алдында жүк тиегіші бар МТЗ- 80 тракторымен оба аумағынан алысқа шығарылып отырды. Техникамен жүмыс істеу барысында техникалық қауіпсіздік ережелері толықтай сақталды.

Қорғанның орталығындағы топырақ 0,25-0,3м тереңдікте алынғанда шашыраңқы, қорған сыртын белдеулей қоршаған жабынды тастарға қарағанда ұсақ тастар кездесті. Осы орталық бөлігіндегі қабір үсті тас үйіндісінің солтүстік батыс жағының тастары алынып кеткендігін тазалағаннан кейін анықтадық. Ұсақ тастар негізінен орталық түсында жиірек, ал сыртқа қарай алыстаған сайын сирей түседі. Ішінара 48х30см көлемдегі ірі тастар да үшырасады. Осы деңгейде-ақ ескерткіштің тоналғандығына көз жетті. В секторына қарай тонау кезінде лақтырылған тас пен топырақтан басқа траншея шекарасында 0,25-0,3 м тереңдікте топырақтың түсі әртүрлі болып келуі, арасын- да құм кесектерінің кездесуі, тастардың белгілі бір тәртіпсіз бей-берекетсіз орналасуы бұл ойымызды дәлелдей түсті.

Траншеяның батыс қабырғасында тастар ішке қарай кеткендіктен қорғанның орталық нүктесінен диаметрі 6 м қашықтықта А және В секторларындағы қорған сыртын белдеулей

қоршаған тас жабындыға дейін кеңейтіліп алынды.

Траншеядағы қазба 1,25 м тереңдікке жеткенде 2,85х2,1 м көлемдегі жерде қабір үсті тас үйіндісінің келесі қабаты аршылғанда оның солтүстік шығыс бөлігі басқа жағына қарағанда сәл биік, әрі тастары ірі болып келгендігі анықталды. Оңтүстік батыс бөлігінің тастары тонау кезінде алынып кеткен. Осы үйіндінің тастары тазаланып, оның айналасындағы топырақ деңгейі 1,55 м дейін алынғанда шығыс жағында 0,58 м қашықтықта 0,52х0,2 м және одан кіші көлемде таза құм кесектері орны кездеседі. Осы деңгейде қабір үсті тас үйіндісінің оңтүстік батысында 0,22 м қашықтықта кара қошқыл түсті қатты шіріген керамика 2х3 см сынығы және 0,45 м қашықтықта түтік сүйекті кесіп, өңдеген әшекей табылды. Қорғанның шығысындағы түғыр тастардан 10 м қашықтықта орталық бөлігіне дейінгі траншея салынған шекараның топырақтары көне жер бетінен 0,4 м жоғары деңгейде толықтай алғанда екі жақ қабырғасының кесіндісінен стратиграфиялық құрылымы анықталды. Қорғанның орталық нүктесінен 6 м қашықтыққа дейін тастар кездеспейді, ал одан ары етегіне дейін 1-2 қабат тастар кетеді. Траншеяның солтүстік қабырғасында қорған етегінен 3,5 м - 6 м дейін солтүстік шығысқа қарай сәл ауытқыған көрдәліздің (дромос) шығар аузын ең үлкен жері 0,7 қалыңдықта малта тастармен толтырылған. Қорғанның солтүстік - оңтүстік бағыттағы орталық осінен 6 м шығыстағы траншеяның оңтүстік қабырғасының басталатын жерінен солтүстік қабырғаның етегінен 2,5 м ге дейін 4,2 м ендікте ежелгі жер бетінен

0, 25-0,3 м биіктікте көрдәліздің бетін жапқан тас қаланды анықталғанымен, алайда бұл маусымда оны қазып бітпейтіндіктен қайта топырақпен жауып кеттік. Көрдәліздің екі жақ жанын іштен шыққан сары топырақпен нығыздап платформа жасаған.

Траншеяның шығыс етегінен 0,2 м орталыққа қарай -2,5 м тереңдікте оңтүстік қабырға бойында шашылған кейінгі жерлеуге жататын қатты шіріген адам қаңқасынан тоқпан жілік, омыртқа сүйектерінің қалдықтары табылды. Бағытталуы мен жынысын, қандай нәсілге жататындығын анықтау мүмкін болмады.

Қазба 2 м тереңдікке жеткенде қабір үсті тас үйіндісі тастары көріне бастады. Ал 2,5 м тереңдікке жеткенде С17 квадратында басын солтүстік батысқа беріп жерлеген кейінгі жерлеу орны анықталды. Топырақ қабатында мәйіт шалқасынан, екі қолы екі жақ жанында, аяқтарының басы сәл солтүстікке бұрыла қойылған. Мойын омыртқасынан аяғына дейін 0,98м үзындықта анатомиялық қалыпта. Оң жақ қолының тоқпан жілігінің бітер түсында денеден 0,1 м биік, 0,12 м алшақтықта адамның астыңғы жақ сүйегі батысқа қарай бағытталған жағдайда табылды. Бас сүйегі мойын омыртқасының үшынан 0,16 м батысқа қарай алшақтықта оңтүстікке оң жақ иығының бітер түсында оң жақ жанымен жатқан қалыпта кездесті.

Қорған үсті тас үйіндісі батыс - шығыс бағытта 9,8 м, солтүстік - оңтүстік бағытта 7,5 м. Шетіне жақын тастары биік болып келсе, ал ортасына қарай ойыңқы болып келеді.

Сондай-ақ оңтүстік және батыс жағының тастары қозғалмаған алғашқы қалпында. Тонаушылар тас үйіндінің оңтүстік батыс бөлігінен түскен кезде ол жердің тастарын батысқа сыртқа және тас үйіндінің солтүстік жағына қарай лақтырған сыңайлы. П 18, 19, 20 және Р ***19,*** Т ***19,*** У ***19*** торларының тастары алынып кеткен. Осы қорған үсті тас үйіндісінің шығыстағы көрдәлізбен астасатын И 18,19 торы аумағында тастар жоқ болып шықты. Мәйіт көне жер беті деңгейінде жерленген. Алайда тонау болғандықтан не қаңқа сүйек, не ақыреттік заттары кездеспеді.

Қазба кезінде қазу әдістемесі сақталып, әр деңгейде кездескен тастар сызбасы салы- нып, фотоға түсіріліп, бейнетаспаға жазылып отырылды.

Қорған құрылысын толықтай анықтау үшін қазба 2011 жылғы жазғы маусымда өз жалғасын табады. Ерекше қызығушылық тудыратын кордәліз өткен жылы аяқтай алмағандықтан (топырақпен жабылып консервацияланды) биылғы жылы жете зерттелінеді.

Ойжайлау 2 ерте темір дәуірі №2 қорғанның зерттелуі.

Ойжайлау қорымындағы №2 қорған осы қорымдағы №1 қорғаннан 15 м оңтүстік батыста, тегіс жерде орналасқан. Обаның тастары жер бетінен 0,2-0,4 м тереңдікте орналасқан. Бұл

дегеніңіз, айналадағы жердің өсуіне байланысты, кезінде жер бетіне салынған тас обашықтың кейіннен топырақ бүркеніп жер астында қалғанын көрсетеді. Қазбаға дейін обашықтың солтүстік қанатының бірен-саран тастары ғана көрініп жатты. Оның өзі ипподром жолын күреген кезде ашылып, көрініп қалған тастар. Қалған бөлігін шым басып кеткендіктен ешқандай белгісі білінбеді. Жалпы тау етегінде орналасқан аллювиалды топырақты аумақта, өзен жағасындағы коне заман құрылыстары көп жағдайда ылай көшкіні, сел жауындардың әсерінен көміліп қалады.

Обашықты солтүстікбөлігінен бастап 0,2-0,3 м тереңдікте, қорған етегін қуалай қазып кеңейткенде, қорғанның тас жамылғысы толықтай аршылды. Қорғанның солтүстік болігінің 2-2,5м жері ипподром жолының астында 0,2-0,3 м тереңдікте қалғаны қазба барысында анықталды. Обашықтың диаметрі солтүстіктен оңтүстікке қарай - 8 м, батыс - шығыс бағытта - 8,8 м. Қорғанның жер бетіндегі тас құрылыстарының жалпы жоспарының сүлбасы төртбұрышты, тек бұрыштары доғалдана келіп бітеді. Сыртқа қарай шашылған тастарды есептемегенде қорғанның бітер шекарасы (іргесі) үлкен малта тастармен тиянақталған. Кейбір сақталған тастарының орналасу ретіне қарағанда шетінен бастап орталығына қарай қойылған.

Қазба қорғанның шым қабатын тазалаудан басталды. Тастары толықтай ашылғанда коне жер беті деңгейінде бір-екі қабат тастармен жабылғандығы анықталды. Негізінен үлкен тастардан қалап, орталарын үсақ тастармен толтырып шыққан. Әсіресе солтүстік шығысында үлкен тастар шоғырын және ол тастардың алғашқы қалпынан қозғалмағандығын анық байқауға болады. Қорғанның орталық нүктесі анықталғаннан кейін 1х1 м торларға бөлініп әріптермен және сандармен белгіленіп сызбасы түсірілді. Қабірді тонау кезінде орталық болігінің (Д 5, 6 және Е 6 торлары) қорғанның орталық нүктесінен 0,6 м оңтүстікке қарай 0,4х1,2 м және батысында 0,4 м қашықтықта 0,9х0,35 м жердің тастары алынып кеткен. Бұл жердің топырағы да аралас, әр түсті. Тонаушылар қабірге осы орталық болігінен түскен.

Қорғанның сыртқы тас үйіндісінің үсақ тастары алынып, тазаланып, қайтадан су- ретке түсірілді. Г 5, Г 6, ***Д*** 5, ***Д*** 6, Е 5, Е 6, Ж 5, Ж 6 торларының тастары толықтай алынып сопақша келген қабір шұңқырының дағы анықталды. Қабір шұңқырдың 2,1 м ұзын жағы батыстан шығысқа қарай бағытталған, енінің ең үлкен жері 1,25 м, қабірдің бұрыштары доғалдана бітеді. Батыс болігі шығысына қарағанда әлдеқайда кеңірек. Алғашқы тастар қабатын алған кезде Е 5 торының батыс бөлігінде тастар қатары жоқ болып шықты. Шартты түрде алынған 0-дік деңгейден - 0,27-0,34 м томен

Е 5 торшасындағы тастардың үлкені 0,35х0,24 м, ал үсақтары 0,04х0,05м малта тастар. Қабір шұңқыр 1,86 м тереңдікке дейін тастармен толтырылып, бекітілген. Тағы да қабір шұңқырдағы келесі тастар қабатын 1 м тереңдікке алғанда шығыс бөлігінің тастары қозғалмағандығы, ал батыс бөлігіндегі тастардың алғашқы қалпынан бұзылғандығы және тек 0,4х0,26 м тастан басқасы тым үсақ екендігі анықталды. Шартты түрде алған 0-дік деңгейден 0,45-0,5м тереңдікке дейін қара топырақ болса, 0,5-0,7 метрге дейін сары топырақ аралас болып келеді. Бұл жағдай қабір шұңқырдың солтүстік қабырғасында анық байқалады. Осы жағында 0,5-0,7 м тереңдіктен бастап ақым басталады. Ақымның топырағы материкке қарағанда әлдеқайда бос, борпылдақ, үсақ қиыршық тас аралас топырақ ішінде кездеседі. Ақымның солтүстік қабырғасы 0,5-0,7 м бастап ішке қарай біртіндеп төмендей береді. Алғашында ақым белгісі анық байқалатын солтүсті батыс бұрышынан бастап үңги алғанда 1,67 м тереңдікте солтүстік қабырғадан 0,38 м қашықтықта шығысқа қарай қараған адамның астыңғы жақ сүйегі табылды. Осы деңгейде ақым толықтай топырақтан тазартылды. Алайда ешқандай артефакт табыл- мады. Қабір ішін толтырған тастар Г 5 және ***Д*** 5 торларында -1,86 м тереңдікке дейін жетеді. Қазба ақымда 1,98м тереңдікке жеткенде адамның қаңқа сүйектері ашылып, көріне бастады. Қабір шұңқырдың шығыс қабырғасынан 0,25 м қашықтықтан бастап оң жақ аяқтың тобығынан бастап 1,45 м ұзындықта екі жақ қолдың тоқпан жілігінің бітер жеріне дейін адамның қаңқа сүйектері анатомиялық қалыпта сақталған. Мойын омыртқадан бастап бас сүйегі табылмады. Тонаушылар қабірді тонағанда сыртқа шығарылып тасталған болуы керек. Жоғарыда сипатталғандай жоғары

деңгейде астыңғы жақ сүйегі табылғандықтан, осындай ойға тоқталуға толықтай негіз бар. Мәйіттің білезік сүйектерінен бастап саусақтың бақай сүйектері және аяқтың бақай сүйектері шіріп, үгітіліп кеткен. Сондай-ақ тізенің тобық сүйектері (чашка) табылмады. Жерлеу, сақталған қаңқа сүйектерге қарағанда басын батысқа беріп шалқасынан сұлай жерленген. Аяқтарының өкше түсы түйісіп келіп, ал екі қолы екі жақ жанын- да түзу жағдайда. Оң жақ қолының тоқпан жілігінің бітер жерінен батысқа қарай

0, 38 м қашықтықта жеті 3-4 мм үсақ ақшыл көк және сәл ірірек үш 4-6 мм көкшіл түсті барлығы 10 моншақтар 1,98 м тереңдікте табылды. Мұндай моншақтар сақ- үйсін заманының ескерткіштерінде жиі кездеседі. Басқа ақыреттік заттары кездеспеді. Қорған мәйіт жерленгеннен кейін ет пен сүйек толықтай ажыраганнан кейін тоналған.

Қорыта келгенде айтарымыз, құрылысты салмас бұрын таудың өзенге жақын бөктерінен осы жерді таңдап алған. Бұл жер оба салуға өте қолайлы. Сонан соң алаңды тегістеп, тазалап алғаннан кейін 36 м диаметр мөлшерде айналдыра ірі көлемдегі тастардан қоршау, бекітпе-тұғыр жасаған. Оның ішін нығыздап түйген топырақпен толтырған, бұл обаның тағаны (платформасы) қызметін атқарған. Сонан соң, түғырдың орта түсынан адам жерлейтін орынды анықтап алған. Қазба барысында біз коне жер бетіне (материкке) дейін жеттік, содан шығаратын қорытындымыз адам сол кездегі жердің бетіне жерленген. Адам жерленгеннен кейін, үстін таспен тағаның формасында қалаған. Қабір үсті тас қаландысының шығысы тастан қаланған көрдәлізбен жалғасып кетеді.

Қорғанның стратиграфиялық кескінінен қарасақ, тас үйіндінің үстінен топырақ үйіледі. Топырақ қабатының беті тас жабындымен қапталады. Ең жоғарғы қабаты кейіннен пайда болған шым қабаты. Обаның әрбір бөлігінің қалыңдығы, обаның сыртқы формасы алдын-ала есептеліп түрғызылған. Алайда, тонаушылардың әрекеті нәтижесінде обаның тас қаландысының кейбір бөліктері өзгерген.

Обадан ақыреттік заттардың, не қаңқа сүйектерінің табылмауы, оба толығымен то- налып кеткендігінің нәтижесі. Бұндай қорытынды жасауға П 18,19, 20 және Р 19, Т 19, У 19 және И 18, 19 торларының аумағында тастардың алынып кеткендігі негіз болып
отыр.

Оба ортағасырлық Ойжайлау қаласының бекінісіне жақын орналасқан. Оба кемінде 4-5 ғасыр қаланың тіршіліктің жанында орналасқан. Одан бергі заманда обаның жа- нына уездік қала Лепсі орналасқан. Осы факторлар сақ патша обасының толық тона- лып кетуіне себеп болған деп есептейміз.

Биылғы жылы қазба ууақытының аяқталуына байланысты, көрдәліз толығымен ашылмады. Келер жылы көрдәлізді толығымен ашып, зерттеу жоспарымыызда бар.

Сонымен қатар, биылғы қазба маусымында үлкен қорғанның жанындағы №2 қорған қазылып, зерттелді.

Обашық кезінде жер бетіне салынған. Қорғанның сүлбасы төртбұрышты, тек бұрыштары доғалдана келіп бітеді. Қорғанның қабір ішін толтырған тастар -1,86 м тереңдікке дейін жетеді. Жерленген адамның мойын омыртқадан бастап бас сүйегі та- былмады. Тонаушылар қабірді тонағанда сыртқа шығарылып тасталған болуы керек. Бұндай қорытынды жасауға астыңғы жақ сүйегінің жоғарғы қабаттан табылуы негіз болып отыр, және де қабірден моншақтар сақ-үйсін заманының ескерткіштерінде жиі кездеседі.

* * *

Тезисы содержат описание раскопок двух курганов могильника Ойжайляу, предпринятого в 2010 г. Указано, что памятник содержит 22 кургана. Приведены размеры наземных конструкций, судя по которым могильное поле формировалось в течение длительного хронологического периода. Работы не завершены. Предполагается дальнейшее исследование.

Төлеубаев Ә.Т., Үмітқалиев Ү.Ү., Жуматаев Р.С.,
Терекбаева Ж.М., Мусырманкул П.Б.

Казахстан, Алматы Шілікті I қорымындағы № 36 обадағы зерттеу жұмыстарының кейбір қорытындылары

2008-2010 жылдары Шілікті археологиялық экспедициясының негізгі бағыты Шілікті I обалар тобы №36 обасының архитектуралық құрылымын анықтау мақсатында кең көлемде қазба жұмыстары жүргізілді.

№36 қорған Шілікті және Тасбастау ауылдары ортасындағы жергілікті халық «Орта баз» деп атайтын ескі қора орнының оңтүстігінде 150 метр жерде орналасқан. Қорған топырақтан үйілген, қазбаға дейін ортасында және шығыс жағында үзынша ойығы болды. Қорғанның тағы бір ерекшелігі кең жайылған оба үйіндісінің етегіне қарай әр жерден айналдыра тастарды тігінен қойып тас шеңбер жасаған. Сондай-ақ қорған етегінен 20 метр қашықтықта молшермен 3-4 метр ендікте айналдыра ор қазылған. Айнала қазылған ордың оңтүстік-шығыс бағыты есік тәрізді қазылмай қалдырылған. Оба сыртын дөңгелете қазылған ор сілемінде көк шөп көгеріп анық көрініп жатыр. Обаның бетінде, әсіресе етегіне қарай орташа көлемдегі өзеннің малта тастары ша- шырай орналасқан. Тастар әсіресе қорғанның оңтүстік және батыс бөлігінде көптеп кездеседі. Оба бетін жамылғы ретінде әсемдеу мақсатында қойылған малта тастар ірі көлемдегі Шілікті обаларының барлығында кездеседі.

№36 обаның нақты өлшемдері төмендегідей. Биіктігі 4м 53см. Диаметрлері ШБ бағытта - 113 м, ОС бағытта - 115 м. сыртын қоршаған орды қосып есептегенде ШБ
- 178 м, ОС - 181 м. Ордың енінің әр жағының өлшемдері - 3,70 м - 4м аралығында. Оңтүстік-шығыс жағындағы есік тәрізді ашық жердің ені 6 метр. Қорған үстіндегі ойық тонау белгісі болуы мүмкін (диаметрі - БШ - 25 м, ОС - 20 м). Тонау белгісінің қорған тобесінен есептегендегі тереңдігі 1м 52см.

Қорған үсті ойысының шығыстан есептегендегі тереңдігі - 75 см, солтүстіктен -1 м 25 см, оңтүстіктен 1 м 16 см. Ойыс тереңдігінің батыс жағына қарай көбірек қазылғандығы байқалады. Қорған құрылысының ерекшелігіне қарағанда құрылысшылар құрлыстың биіктігіне емес, алып жатқан ауқымына мән берген тәрізді. Олардың мақсаты қорған көлемін үлғайтумен бірге оба үйіндісіне орды қазу, одан шыққан топырақты алып құрылыстың өзіне пайдалану арқылы жеңілдік жағын қарастырған. Биылғы қазба ма- усымында осы пікірді анықтау мақсатында айналдыра қазылған ордың шығыс және солтүстік бағыттарында шурф салынды.

Обаның орталық нүктесінен ОБ қарай 16 метр жерде ойыстың жиегінде орташа көлемдегі тастардан үйілген тас үйінді болды, колемі:1м 20 см, ені - 1м 15 см. Бұл кейінгі жерлеу орны болуы мүмкін, бірақ оған қазба жүргізілген жоқ. Себебі қазба жұмысы қорғанның ортасынан емес солтүстік шетінен басталған болатын.

№36 қорғанға қазба барысы ШБ бағытында және ОС бағыттарын анықтау арқылы алғаш торт секторға бөлінді. Кейіннен қазба жұмысына ыңғайлы болу мақсатында (техниканың қозғалысы және желдің соғу бағыты ескеріліп) және қорғанның өте жалпақ болуымен бірге дромосты, қабір құрылысын қоса қамту үшін ШБ бағытында 10 метр жалпақтықта 7 тілікке боліп қазу үйғарылды. Әрбір 10 метр ендіктегі тіліктердің ортасында 5 метр ендікте жал қалдырылып отырды. №36 обаның төбесіндегі ойығына және шығыс бағытындағы сілеміне байланысты оба үйіндісінің орталық болігінен 30 метр ендікте Батыс - Шығыс бағытында қазба тілігі салынды. Оба үйіндісі тек бір бағытта, яғни батыстан шығысқа қарай техниканың көмегімен 20-30 см қалыңдықта алынып отырды.

Обаның шығыс бетінде дромос кезігетіндіктен және айнала қазылған ордың кірер ауызын, есік тәрізді қалдарылған жерін таза сақтау үшін үйіндіден шыққан топырақты батыс жағына ғана ығыстырдық.

Қазба тілігінің шығыс шетінде орналасқан сыртқы тас шеңберден оба ортасына қарай 30 метр жерден, оба төбесінен 1 метр 70 см тереңдіктен шашылған ірі тастар кездесті. Оба

үстінен алғанда 3 м 10 см тереңдіктен шым қабатының ішінен тік түрған, диаметрі 15 см болатын ағаш кездесті. Ағаш орталық нүктеден Шығысқа қарай 6 метр 70 см жерде орналасқан. Одан 10 см томен ағаштың солтүстік - батысында жапсарла- са тік түрған сын тас кездесті. Ұзындығы 1 м 20 см болатын торт қырлы сын тас, бостау тастан жасалған. Тік түрған ағаш пен тастың деңгейінен 30-40 см тереңдікте айнала қойылған ірі көлемдегі тастар шыға бастады. Қазу барысында олар дромостың үстіне үйілген тастар екендігі анықталды.

Қазу барысында анықталғаны ірі көлемдегі тастар қабір шұңқырының жиегіне және дромостың үстіне үйілген. Қабірді айналдыра қойған тастар Солтүстік, Батыс, Оңтүстік бағыттарында жақсы сақталған. Қабірді қоршаған тастар дромостың қабірге кірер аузында толық сақталмаған. Ол жердің тастары тонау кезінде алынып тасталса керек. Өйткені қабір шұңқырын қазу кезінде жиегіне қойылған тастар шашырай кез- дескен болатын.

Жерлеу камерасының айналасы тастармен жалпағынан қаланған, қоршалған, шығыс дромосқа қарай тарылып үсті ағаш бөренелермен жабылып, оның беті бір қабат ірі тастармен шегенделген. Бұл көрініс әсіресе дромостың жерлеу камерасы- на кірер аузының оң жағында жақсы сақталған. Дромостың шығыс жақ бөлігі таспен толық жабылған.

Қабір сыртына қойылған тастар батыс жағына қарай 7 метр үзындықта бір қатарда қаланса, оңтүстігінде 7 м 23 см және солтүстік 6 м 70 см болып, екі, үш қатардан қаланған. Дромос іші түгелдей ірі тастармен және топырақпен толтырылған. Ірі тастардың көлемі 70х80х60см және 60х100х50 см аралығында. Тас толтырылған дромос іші 1 м 60 см тереңдікке жеткенде материкке тірелді. Дромос ішінен ешқандай ғұрыптық жоралғылардың белгісі немесе басқа заттар кездеспеді.

Қабір шұңқырын қазу кезінде тек дромостың іші ғана таспен толтырылғаны анықталды. Қабір шұңқырының ортасында диаметрі 2-2,5 метр болатын тонау белгісі жақсы сақталған. Қабір бетінің басқа жерлері таза шым қаландысымен жабылса, тонау белгісі бар жерде оба бетінен түскен малта тастар аралас шашылып жатыр. Ол қабір шетіне қойылған тастардың ішке құлағандары болуы мүмкін. Қабірдің оңтүстік батыс шетіне қарай материктен 30 см томен қыш ыдыстың сынығы табылды. Ол ыдыстың мойын түсының иілген фрагменті, ешқандай өрнегі жоқ, орташа күйдірілген, қоңыр түсті саздан жасалған.

Осы деңгейден эр жерде шашылған мал сүйектері табылды. Сүйектердің көпшілігі жылқы түяғы, тісі және үсақ малдың омыртқа, жілік сүйектері.

Қабір ішінің тереңдігі 1 метр 80 см-ге жеткенде су шыға бастады. Суды құрғатып ары қарай қазу барысында ешқандай қазба материалдары табылған жоқ. Қабір шұңқырының тереңдігі 2 м 30 см-ге жеткенде материкке тірелді. Қазба соңындағы өлшемдер бойынша қабір шұңқыры мен дромостың жалпы үзындығы 22 метр 60 см.

Биылғы қазба маусымында № 36 обада осы уақытқа дейінгі атқарылған жұмыстарымен қатар обаның оңтүтістік бөлігіне ШБ бағытында 10 метр ендікте қазба тілігі салынды. Қазба тілігі обаның обаның оңтүстік етегінен есептегенде 15 метр жерден басталып қазылды. Қазба жұмысы техниканың көмегімен тек бір бағытта, шығыстан батысқа қарай 20-30 см қалыңдықта алынып отырды. Тазаланған қазба тілігіндегі топырақ қабаттарының өзгеруіне байланысты, бровка бойынша стратигра- фиясы сызбаға түсірілді. Обаның үйіндісіндегі беткі қабатты құрайтын қиыршық құм қабатының әр жерлерінен шым кесектері кездесті. Бұл шым кесектерін біздің ойымыз- ша көне құрлысшылар қиыршық құм төмен сусып жайылмас үшін әр жерден бекітіп отырған сияқты. Әсіресе бұл кесектер оба үйіндісінің Батыс және Шығыс шеттерінен кездесті. Шым кесектерінің көлемі өте үлкен емес үзындығы 20-30 см., ені 10-15 см. сонымен бірге бұл шым кесектерін бір келкі қатармен тізбектемей, әр жерлерге ғана қойып отырған. Соған қарағанда оба үйіндісіне қиыршық құмды төгудің озінде арнайы әдістері болған. Бровка кесіндісі бойынша қарағанда да қиыршық құм жал-жал болып тогілгенін көруге болады. Обаның беткі қабатына барлық жерінде қиыршық құм төсемеген. Батыс жағында сары топырақ аралас қиыршық құм қабаты

кездесті. Сары топырақ қабаты да өзіндік құрылыс әдісіне сай тогілген. Бровка кесіндісінде сары топырақтың да жайылмауы үшін нығыздап тапталған сияқты.

Осы қазба тілігі бойынша ары қарай тереңдету 2 метр тереңдікке дейін жалғастырылды. Қазба тереңдігі 1 метр 70 см. жеткенде обаның негізгі сүлбасын құраған шым қабатына кездестік. Шым қабатының бетінде барлық жерінде сары топырақ 30-40 см. қалыңдықта тоселген. Бұған қарап оба құрылысын салу кезінде ал- дымен шым кесектерін қалап оба үйіндісін түргызғанын көруге болады. Ал одан кейін айнала ор қазыла отыра жердің бетіндегі сары топырақты шым үйіндісінің үстіне айналдыра жал қылып үйген. Сары топырақтан төгілген жал болып келетін құрылыс обаның үйіндісінде бір жағынан тиянақ ретінде болған. Осы айнала төгілген сары топырақ жолдың ішіне қиыршық құмды төккен.

Шілікті даласының Алтай тауларымен астасып, Маңырақ жоталарына үласып жатқан Тарбағатай сілемдері, оның қайнауы бағзы замандардан сан алуан ғажайып ескерткіштерікөпкездесетінөлке.ШіліктідаласындаӘ.Т.Төлеубаевтыңжетекшілігімен 2003 жылдан бері жүргізіліп келе жатқан зерттеулер коне мәдениеттердің дамуы мен таралуын анықтауға мүмкіндік берді. Бұл мәдениеттердің әрқайсысынан қалған айқын белгілер бізге таңғажайып мол ескерткіштер түрінде жетті.

Еңбек және түрмыс құрал-жабдықтарының үқсастығы, шаруашылығы мен діни сенімдері, жерлеу құрлыстарының дамуындағы ерекшеліктер мен ортақ белгілер қола, ерте темір, тіпті түркі кезеңі мәдениеттерінің түбірі бір, өзара жалғастығының тамыры тереңде екендігін көрсетеді. Атап айтқанда басты назарда ерте темір дәуірінде Шілікті оңірінде мекендеген тайпалардың өзіне дейінгі қол а дәуірімен тікелей жал ғасы болғанын көрсетеді. Ерте темір дәуірі ескерткіштерінен қола дәуірі кезеңдерінің өзара байланыстары мен жүйелі хронологиялық дамуы жақсы корінеді. Ерте темір дәуірі ескерткіштері құрлымының күрделілігімен, көрнектілігімен және коне сәулет құрлыстарын салудың жоғарғы техникасымен көзге түседі.

Ғылымда соңғы жылдарға дейін «патша обалары» тек жерлеу орыны ретінде қарастырылып, одан қазба кезінде табылған заттарына ішкі құндылықтарына көбірек көңіл бөлінді. Біздің зерттеулеріміздің нәтижесі аталмыш ескерткіштердің кешенді құрылыс, яғни басқа да ғұрыптық шаралар өткізгендігін және жәй ғана үйінді топырақ емес, ерте көшпелілердің өз заманына сай архитектурасы болғандығын айта аламыз.

Біздің қазба жұмыстарымыз бойынша Шілікті жазығында зерттел ген ірі торт обаның әрқайсысының архитекіуралық құрылымы әркелкі. Бірақ та барлық обаларда басты негізге жергілікті құрылыс материалдарын қолдана отырып өздеріне коне құрылысты салу кезінде жеңілдік жағын да қарастырған. №36 оба сыртқы құрылысы, колемі жағынан және айналасында орналасқан ғұрыптық ескерткіштерімен ерекшеленеді. Бұл Шілікті жазығындағы биік обалар қатарына жатпағанымен, диаметрі жағынан Қазақстан жеріндегі сақ обаларының ірісі деуге болады. Соған қарағанда коне құрылысты салушылар басты орынға обаның биіктігіне емес, алып жатқан ауқымына мән бергендігін байқауға болады. Сыртқы қазылған ор бойынша өз зерттеулерімізде бірнеше тұжырымдар жасадық. Ордың ішінде табылған мал сүйектеріне қарағанда және шығыс бағыты ашық қалдыруына қатысты ордың көне ғұрыптық сипаты бо- луымен бірге оба көлемін ұлғайтуда ордан шыққан топырақты оба үстіне үйген. Сондай-ақ көне құрылысшылар оба құрылысында көп жағдайда өздеріне жұмыстың жеңіл жақтарын қарастырған. Бұл дегеніміз оба құрылысын жүргізушілердің уақыт өте келе тәжірибе жинақтағаны деуге болады. Өйткені Шілікті III обалар тобындағы №1 Бәйгетөбе обасы ерте сақ мәдениетімен мерзімделе отырып, айнала ордың кездеспейтінін байқауға болады. Оба құрылысында қазылған топырақты екінші рет қолдану жерлеу камерасында да кездеседі.

Жерлеу дәстүрінде алдымен қабір және дромос қазылып, одан шыққан топырақты қабірдің айналасына дромостың шетіне үйген. Тек шығыс жағын есік тәрізді ашық

қалдырған, таға тәрізді топырақ қоршау. Топырақ үйіндісінің қабір айналасына үйіле отырып, шығыс жағын ашық қалдыруында көне дүниетанымдық ғұрып сипат алғандығы анық. Қазылған қабір мен дромостың бетін көлденеңінен жуан қарағайлармен жауып, бетіне бір қатар тас қалаған. Ағаш жабындысы мен тас қалау дромостың жерлеу камерасына кірер ауызының оңтүстік бөлігінде жақсы сақталған. Басқа жақтары тонау кездерінде бүлінгенін, қабір ішіндегі шашылған тастар мен ағаш шірінділерінен байқауға болады. Қабірдің жиегіне жалпағынан бірқатар тізбектелген тастардың үстіне ағашты оңтүстік-солтүстік бағытында үзынынан қабір бетіне көлденең жапқан. Ағаш бөренелердің астына тастарды жалпағынан қоюда, біріншіден тиянақ ретінде, екіншіден қабір ішінің биіктігін үлкейткен. Дромостың бетін ағашпен жапқанда астына тас қоймағанымен бетіне екі-үш қатар тас үйген. Дромостың іші де әдейі таспен толтырған. Себебі дромостың ішіндегі тастар бетін жапқан ағаштар шіріген кезде құламаған. Өйткені дромос үстіне қойылған сын тас пен тігінен қойылған ағаш сол күйі сақталған. Дромос ішіне тас толтыру жағдайы Шілікті обаларында біздің қазбаларымызда бірнеше рет қайталанады (Шілікті III №1, №2 обалар). Соған қарағанда дромос ішіне тас толтыру, жерлеу салт жоралғысы біткеннен кейін өлікті тонатпау, қорлатпау мақсатында жасалған. Жерлеу қабірі мен дромос беті ағаш және таспен жабылғаннан кейін обаның негізігі үйінді құрылыстары жүргізілген. Алдымен оба үйіндісінің шетіне тиянақ ретінде ірі жалпақ тастарды ішке қарай еңкейтіп тиянақ жасап алған. Тас шеңбер - обаның сыртқы тіреуіш, іргетасымен бірге болуымен көне дүниетанымдық жоралғылардан белгі береді. Ірі тастар үзыншақ көлемге келтіріліп, өңделініп әкелінген. Тастардың мұндай жынысының ең жақын жердегісі Маңырақ тауларында, №36 обадан солтүстікке қарай 5 шақырым жерде.

Оба құрылысының елу пайызын шым қаландысы құрап жатуына қарағанда көне Шіліктіліктердің негізгі құрылыс шикізаты шым болған. №36 оба орналасқан жерге саз жақын болғандықтан үйіндісін биіктету үшін шым кесектерін жақын жерден әкеліп қалаған.

Салт атты адам үзын шым кесектерін алдына немесе артына өңгеріп тасымалдау қолайлы әрі шашылайды. Шым кесектерін қалау, тасымалдау әдісі әлі күнге жергілікті халықта қоражай салуда сақталған. Шым кесектерін қалауды эксперимент жасау әдісінде шөбін астына қарата отырып қалап шықтық. Көне қалау әдісі мен жаңа қалау нәтижелері салыстырылды.

Шым қабатының үстіне топырақты алыстан тасымай айнала ор қазып жердің беткі қабаты сары топырақты жапқан. Осы сары топырақ қабатының қатты күйде кездесуі қазба жұмыстары кезінде қиындықтар туғызды. Сары топырақ Шілікті жазығында жердің беткі 30-40 смге дейінгі қабатында кездеседі. Жергілікті халық сары топырақтан саман кірпіш құйып шаруашылықта қолданады. Осы сары топырақ қазба кезінде оба үйіндісінен техниканың көмегімен итеріліп шығарған кезде, борпылдақ шаңы шыққан топырақ күйінде болады. Егер үстіне жауын-шашын жауатын болса аз уақыттың ішінде атты адамды көтеретін күйге айналады. Көне құрылысшылар жергілікті жердің топырақ жағдайын біле отырып, сары топырақ қабатын үю кезінде су төгіп отыруы мүмкін. Немесе уақыт ағымымен сары топырақ қабаты астындағы дымқыл шым қабатының ылғалын сіңіре отырып, үстіндегі ауыр салмақпен жаныш- талып, қатты күйге енуі мүмкін.

Шілікті жерінің тағы бір ерекшелігі, 1 метрден ары қатты күшті қажет етпейтін сусымалы топырақ және қиыршық құмды жеңіл көсіп алып оба үйіндісіне үйе бер- ген. Қорған кесіндісінде байқағанымыз қиыршық құмның өзін жай үйе салмай, ал- дымен сары топырақтан белдеулеп төгіп отырған. Арасында сырғымауы үшін шым кесектерімен кейде топырақ кесектерімен шегендеп отырған.

Оны қорған кесіндісіндегі шым кесектері кездесетін жерлерде қиғаш төгілген құм қабаттарынан байқауға болады. Негізінен қабат - қабаттардан тұратын коне құрылыс алдымен айналдыра биіктетіп ойыңқы тәрізді үйінді жасап ішіне қарай топырақты жағалай төгіп отырғанға ұқсайды. Ал қорған үйіндісі өз деңгейіне жеткенде сыртын әсемдеу

мақсатында өзеннің малта тастар әлі күнге оба бетінде шашылған күйінде кездесуіне қарағанда кем дегенде 20-30 см қалыңдықта жапқан. Малта тастар жоғарыда айтып кеткендей қорғандар түрған жерден ОШ қарай 7-8 шақырым жерде коктемде тасыған «тасқын» орынында шашылып жатыр.

Шіліктіжазығындағыконекүрылыстысалушыларжержағдайынтабиғи ерекшелікті біле отырып, ауыр қара жұмыс істеуде көбіне өздеріне жеңілдік жағын қарастырған. Сонымен бірге шикізатты және еңбек өнімділігін барынша тиімді пайдалана білген. Ірі кешенді құрылыс салуда ерте дәстүрлерді сақтай отырып, оба құрылысын салуда мол тәжірибе жетістігіне жеткен. Оба құрылысының ірілігіне және еңбек құралдарының төмендігіне қарамастан кешенді құрылыс салынуына әлеуметтік және шексіз биліктің ықпал еткені сөзсіз. Бұл дегеніміз ерте темір дәуірінде мемлекеттіліктің алғы шартта- ры қалыптасты деуге жауап беретін маңызды себептердің бірі.

* * *

Статья посвящена результатам археологических исследовании кургана № 36 могильника Шиликты I. на этом кургане начиная с 2008 по 2010 годы проводились широкомасштабные раскопки, в результате которых были получены новые данные по архитектуре и идеологии ранних кочевников Казахстана.

Ярыгин С.А.

Казахстан, Астана Исследование мавзолея XV в. на озере Жаныбек-Шалкар

В 2009-2010 гг. Ишимской стационарной археологической экспедицией (ИСАЭ) проводились раскопки средневекового мавзолея в Коргалжинском районе Акмолинской области. Памятник расположен в 17 км к востоку от с. Коргалжино, на высокой сопке (344 м), прилегающей к южному углу озера Жаныбек-Шалкар. Сопка вытянута перпендикулярно оси озера. Географические координаты памятника СШ 50° 33.867', ВД 070° 15.813'. С поверхности сопки открывается широкая панорама степи, виден противоположный берег озера и прилегающая округа (рис. 1).

Памятник был обнаружен в 2009 г. На распаханной и заросшей бурьяном поверхности объект фиксировался в виде небольшого всхолмления аморфной формы диаметром около 16 м, высотой 0,5 м., насыщенного фрагментами обожженной и глазурованной плитки.

Руины мавзолея были заключены в раскоп общими размерами 16х16 м, с оставлением двух взаимно перпендикулярных бровок, ориентированных по линии север-юг и запад-восток. За 0 принята условная точка в центре объекта.

На первом этапе исследования объект освобожден от поросшей растительности и верхнего распаханного слоя. Раскопки памятника велись по секторам. Снятие грунта производилось поэтапно с фиксацией и зачисткой каждого слоя. На уровне от 0,1 м до 0,3 м на всех секторах шел завал, состоящий из битого жженого кирпича. В его составе встречались фрагменты облицовочной плитки с растительным орнаментом. Основная часть покрыта зелено-бирюзовой (разной насыщенности) поливой. Глазурь на всех типах плитки превосходного качества, нанесена толстым стекловидным слоем. Определенного порядка в расположении фрагментов плитки не наблюдалось. Скопления битого жженого кирпича фиксируются на разных участках с разной степенью плотности, но в целом очень хаотично. Диаметр завала достигает 10 м. В центре насыпи жженый кирпич практически отсутствует. На поверхности завала встречаются в значительном количестве крупные массивы белого ганча, который, судя по расположению, является остатками внутренней обмазки стен.

По результатам раскопок 2009 г. мавзолей был выявлен как прямоугольная в плане постройка размерами 8х7,5 м, сложенная из жженого кирпича на растворе.

На территории раскопа зафиксированы очертания трех могильных ям. Две из них (№2 и №3) находятся за пределами стен мавзолея. Могильная яма № 1 является вводной и

расположена в ЮЗ секторе, во внутреннем пространстве мавзолея.

В 2009 г. была исследована могильная яма №1. Она отмечена на поверхности пола мавзолея как узкий, прорубленный в кирпичной кладке участок шириной 0,5 м, длиной 1,9 м, ориентированный по оси северо-запад - юго-восток. Юго-восточный край могильной ямы заканчивается обрывом в конструкции пола. Заполнение могильной ямы представлено темно-серым грунтом вперемежку с осколками кирпичей и белой крошкой. Зафиксированы фрагменты дерева, вероятно, остатки небольшого перекрытия. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад, лицом на восток. Сопроводительный инвентарь отсутствовал. Погребение, вероятно, было впущено в уже полуразрушенный мавзолей.

В завершении работ 2009 г. на объекте был проведен ряд мероприятий по консервации памятника.

В 2010 г. исследование мавзолея было продолжено. Первым шагом стало проведение реконсервации объекта и определение узловых этапов в последующем изучении памятника.

После расчистки центрального сооружения и фото фиксации памятника было принято решение расширить раскоп на 2 м от исходных границ раскопа 2009 года. Таким образом, раскоп приобрел размеры 20х20 м. Бровки были оставлены только у края раскопа. В итоге обнажились основные конструктивные элементы мавзолея и окружающие его пристройки (рис. 2).

В центре расположено основание мавзолея 12,2х7,5 м. Мавзолей двухкамерный, ориентирован по линии СВ-ЮЗ. Основная часть его имеет прямоугольную форму размерами 9,2х7,5 м, к северо-восточной торцовой стене примыкает небольшая прямоугольная камера размерами 4,5х3,0 м. Способ соединения двух камер утрачен из-за плохой сохранности северо-восточной стены мавзолея.

Вход в мавзолей расположен с юго-западной стороны. Он «утоплен» внутри выступающих крыльев портала, которые являются продолжением длинных продольных стен. Продольные стены выступают на два метра от юго-западной торцовой стены мавзолея. Ширина стен портала 2 м. С двух сторон они обрамляют привходовую площадку размерами 3,5х2,0 м. Пол входной площадки выстлан пятиугольными кирпичами. Сплошная кладка из фигурных кирпичей сохранилась в северной половине. В южной фиксируются небольшие участки отпечатков фигурных кирпичей. В центре портального объема виден вход в мавзолей. Вход намечен ступенчатым переходом от фигурных кирпичей к квадратным кирпичам пола мавзолея. Высота ступеньки 0,2 м. Ширина входа 0,8 м.

Относительно хорошо сохранилась кирпичная кладка пола мавзолея и северный угол стены, где кирпичи лежат в три слоя. Остальные стены фиксируются по отпечаткам кирпичей. Судя по ним, стены мавзолея имели ширину 0,9-1,2 м и выложены из четырех кирпичей формата 24-26х24-27х5 см. Следы кирпичей в виде светлой полосы шириной 0,9 м тянутся вдоль длинной северной стенки. Отпечатки кирпичей в виде небольших участков видны и вдоль южной стенки. Но сама южная стенка упала наружу и остатки ее в виде груды битых плиток и кусков ганча фиксируются в 3 м от мавзолея. На уровне 0,6 м, по всей длине ее поверхности, расчищены фрагменты глазурованной плитки декора мавзолея, сочетающей элементы растительного орнамента и арабские буквы. Ширина слоя залегания плитки не превышает 0,5 м. Этот битый кирпич закрывает внешнюю ограду и очертания могильной ямы №4, которые проступили после полной расчистки до материка (рис. 2).

Малая камера мавзолея (4,5х3,0 м) имеет стены шириной 1,2 м. Внутреннее пространство устлано таким же пятиугольным кирпичом, как и привходовая площадка. Фигурный кирпич сохранился в отпечатках. Вокруг мавзолея с трех сторон кроме юго-западной расчищены остатки ограды шириной 0,5-0,6 м. Конструкция ее описана выше. Ограда построена в трех метрах от стен мавзолея. Огороженное пространство вдоль северной стены покрыто

отпечатками квадратных кирпичей, уложенных в виде ромбов. Такие же отпечатки кирпичей расчищены с северо-восточной стороны мавзолея. Здесь расстояние от внешней стены малой камеры до ограды 1,7 м (рис. 2).

Стены мавзолея построены без фундамента, конструкция их реконструируется по фрагментам кладки, сохранившейся в торцовых стенах. В северном углу мавзолея видны три слоя кирпичей, перемежающихся скрепляющим раствором. В основании кладки фиксируется слой светло-коричневой глины, на него уложен нижний слой кирпичей, каждый следующий слой закреплен черным гумусным раствором.

Кирпичная кладка пола имеет размеры 5,2х5,2 м. Кирпичи уложены в один слой, в «разбег». Кладка пола отличается от кладки стен. Выровненная и размеченная поверхность, устлана слоем белого ганча толщиной 1 см. Сверху ганч залит раствором темно-серого цвета, и перекрыт еще раз белым ганчем, в котором закреплены жженые кирпичи пола. Кирпичная поверхность пола, как и стены мавзолея, была обмазана толстым слоем белого ганча. В нескольких местах пола видны проломы, в которых убран кирпич. Такие участки размерами до 1х1 м фиксируются в юго-западной части пола. В центре мавзолея расчищен участок из 15 кирпичей более качественного обжига (5 рядов по 3 кирпича в ряду). Кирпичи уложены более плотно. По краям этот фрагмент кладки оконтурен узкими кирпичами, среди них расчищено несколько глазурованных плиток. Предполагая, что, возможно, так отмечено перекрытие могильной ямы, мы вскрыли данный участок пола. Однако, никаких конструкций не обнаружено. Следует отметить, что в пределах пола мавзолея основная могильная яма не была обнаружена. Предпринятые нами раскопки участков пролома пола также оказались безрезультатными.

За пределами мавзолея с восточной стороны обнаружены четыре могильные ямы, обозначенные №№ 2-5. Две из них были зафиксированы в 2009 г. Это могильные ямы №№ 2 и 3. Могильная яма №2 расположена у юго-восточного угла мавзолея. Сверху имеет наброс из жженого и глазурованного кирпича. Яма ориентирована по линии северо-запад - юго-восток, размеры 1,75х0,5-0,75 м. Яма № 3 расположена в северо- восточном секторе, примыкает к западной стенке внешней ограды. Размеры 1,75х0,5 м. Ориентирована по линии север-северо-запад - юг-юго-восток. Судя по ее расположению, она появилась раньше внешней ограды. В 2010 г были обнаружены еще две ямы (№ 4 и 5). Могильные ямы ориентированы по линии северо-запад - юго-восток. Забутованы фрагментами жженого кирпича, цельными глазурованными плитками и смешанными осколками. Яма № 4 (1,15х0,6 м) появилась под южной стенкой мавзолея, под грудой битых кирпичей. Яма №5 размерами 1,2х0,3 м зафиксирована в северо-восточном секторе за пределами внешней ограды. Общие размеры комплекса составили 14,5х14,0 м (рис. 2).

В результате проведенных археологических исследований были выявлены шесть типов облицовочной плитки, которые различаются формой и орнаментацией. Плюс два вида жженых кирпичей. Значительная часть плиток покрыта голубой или бирюзовозеленой глазурью, однако встречены и неглазурованные экземпляры.

1. Основная плитка декора прямоугольной формы. Имеет бирюзово-зеленую поливу. Длина - 33 см, ширина - 12 см. Толщина - 3 см. Края скошены внутрь. Глазурью и орнаментом покрыта только одна из крайних частей плитки, шириной 8 см. Узор представлен несколькими переплетенными линиями, образующими фигуру в центре, которая заканчивается по четырем краям лепестками. Окантовка узора 1 см. Толщина линий - 0,5, глубина орнамента - 0,5 см. От глазурованного участка вниз, точно по центру, идет желобок шириной 0,5, глубиной 0,3 см.

2. Облицовочная плитка с узором в виде двойной восьмиконечной звезды с восьми лепестковыми розетками в центре и частями розеток (6 шт) на внутренней части канта (толщиной 2,5 см). Имеет прямоугольную форму. Кант расположен только вдоль длинных

сторон плитки. Размеры звезд по краям лучей 25х25 см, розеток 6х6 см. Края скошены внутрь. Встречены образцы, как с глазурью, так и без.

3. Облицовочная плитка с орнаментом, сочетающим растительные мотивы и арабскую вязь. Сохранившиеся части крайне фрагментарны. Геометрические знаки, на некоторых плитках покрыты глазурью. Толщина - 4,5 см, края скошены внутрь. Глубина узора -1,8 см. Наиболее сохранившейся фрагмент в ширину достигает 14 см, в длину более 20 см.

4. Облицовочная плитка прямоугольной формы (28,5х17,5 см); орнаментирована линиями образующими «лесенку». Толщина - 4,5 см. Две идут вдоль длинных краев в
2,5 см от края. Четыре линии расположены внутри пространства ограниченного двумя крайними полосами. Они разделяют кирпич на 5 равных долей размерами 4,5х12 см. Встречаются экземпляры покрытые глазурью и неглазурованные.

5. Плитка с имитацией кирпичного декора. Наиболее выступающие участки покрыты глазурью. Размеры 7,5х3,5 см. Прямоугольники отделены друг от друга узкими прорезями. Толщина - 4 см, края скошены внутрь. Сохранились крайне фрагментар-

6. Плитка квадратная, пятиугольная в сечении, покрыта по внешней части тонким слоем глазури. Размеры 23,5х22,5 см. Толщина в центральной части от основания к выступающему углу - 3,5 см, толщина по краям - 2 см. Края скошены внутрь. Плитка состоит из двух секторов, разделенных прочерченной линией. Сектора внутри разделены еще на две части.

Основной строительный материал представлен жженым квадратным кирпичом 27х27 см, толщиной 6,5 см. Им выложен пол и стены мавзолея. Так же обнаружен жженый кирпич пятиугольной формы. Ширина по основанию - 25 см, высота в центральной части - 25 см. Толщина - 4 см.

Насыщенность руин мавзолея тем или иным типом плитки неодинакова в разных точках исследования. Очаги концентрации плитки определенных видов по периметру мавзолея служат дополнительными данными при реконструкции внешнего облика мавзолея.

Наиболее распространенной является плитка первого типа, а так же плитки 2-4 типов обнаруженные в районе предполагаемого входа в мавзолей, вероятно, служили украшением портальной части. Плитка 5 типа встречена в местах обрушения длинных стен мавзолея. Плитка 6 типа фиксировалась в центральной части завала мавзолея и вероятно являлась частью украшения купола мавзолея.

Глазурованная плитка выступает не только как хронологический индикатор, но и является показателем высокого социального статуса индивидуума, для которого мавзолей был возведен. Анализ орнаментального стиля позволяет датировать памятник XIV-XV вв.*

Мавзолей Жаныбек-Шалкар можно отнести к категории археологически исследованных памятников. По фрагментам кладки стен и размерам пола можно смоделировать архитектурный объем сооружения и сделать расчеты по технологии строительного дела. Известно, что любые архитектурные формы подчинены законам пропорциональности. Все параметры его находятся в геометрической взаимосвязи. Зная часть здания можно воссоздать весь его объем [5, с. 34]. Общий облик здания, детали интерьеров могут быть реконструированы на основании сравнения с аналогичными памятниками архитектуры.

Обмерами десятков мавзолеев установлено, что при возведении монументальных сооружений средневековые зодчие готовили предварительный проект, чертеж будущего здания [3, с. 107]. Проект здания вычерчивался по модульной сетке, шаг которого являлся основным инструментом проектирования, ему подчинены все размеры и элементы здания [4, с. 223-228]. Модуль облегчал претворение проекта в натуру. Например, обмерами параметров и частей мавзолея Ходжа Ахмеда Яссави выявлен модуль равный 60,6 см. В средневековом восточном зодчестве эта мера длины названа гяз. Его стократная величина лежит в основе плана мавзолея Ходжа Ахмеда Яссави [2, с. 268- 278]. Этот размер гяза являлся своеобразным эталоном средневековой среднеазиатской метрологии и применялся в

расчетах различных производств [1, с. 225-235].

По законам архитектурной пропорциональности высота равнялась ширине здания по внутренним стенкам [5]. Отнимая параметры стен, получаем внутреннее пространство мавзолея ***5,2x5,2*** м. Следовательно, высота четверика мавзолея равнялась 5 м. Выше идут барабан и купол, высота которых предположительно также могла достигать 5 м. Таким образом, общая высота мавзолея при размерах основания 9,2x7,5 м была около 10 м.

Зная параметры сооружения, можно вычислить количество кирпича, необходимого для его постройки. Пол и основание стен мавзолея выложены из обожженного кирпича стандартом в среднем 25x25x5 см. При этих размерах на вымостку одного квадратного метра пола нужно 16 кирпичей, на 25 $м^2$ - 400 кирпичей. На возведение стен высотой 5 м необходимо более 3000 кирпичей. В среднем, на строительство мавзолея с учетом купола, арок необходимо было заготовить не менее 50000 кирпичей.

Мавзолей относится к типу портально-купольных. Фасад мавзолея был декорирован глазурованными плитками, орнаментированными сочетанием разнообразного растительного и геометрического узора. Топография скопления некоторых видов плитки дает основания предложить их расположение в декоре мавзолея. Над портальной нишей могла располагаться полоса глазурованной зеленой плитки с эпиграфическим орнаментом.

Выше полосы располагались плитки со ступенчатым геометрическим орнаментом. Крылья портала на фасаде по центральным осям сверху вниз были выложены прямоугольной глазурованной плиткой, украшенной в виде парных восьмиконечных звезд с розетками, а также глазурованной плиткой с простым геометрическим узором в виде прочерченных тонких линий. Верхняя часть длинных стен мавзолея декорирована плиткой, имеющей резной узор в виде ряда прямоугольников. Внутренняя часть крыльев портала по углам сооружения украшена глазурованными плитками с растительным орнаментом (рис. 3).

Мавзолей Жаныбек-Шалкар — первый объект культового назначения, исследованный в степях Акмолинского Приишимья. Наиболее яркой деталью его является покрытие стен голубой глазурованной плиткой, украшенной растительным и эпиграфическим орнаментом. На основании размеров внутреннего пространства и закона архитектурной пропорциональности нами предложена модель внешнего облика мавзолея.

Новые материалы проливают свет на некоторые вопросы культурогенеза региона в эпоху средневековья.

* * *

Мақалада 2009-2010 жылдары Жәнібек-Шалқар кесенесінде жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстардын нәтижелері берілген. Жәнібек-Шалқар кесенесі Нұра өзеннің бойындағы, Ақмола жазық даласындағы зерттелген Қазақ хандығы құрылу уақытты кезеңіндегі мәдени маңызы бар ең алғашқы объект болып табылады. Зерттеу барысында алынған мәліметтер негізінде, ескерткіштің сыртқы пішінің қайта қалпына келтіру үсынылды.

Список использованных источников и литературы

1. Булатов М.С. Шедевр мастера АбдльАзиза// СА. 1969. №2. С. 225-235
2. Имажанов Н., Бейсенбаева ***Л.*** Геометрия мавзолея Ходжа Ахмеда Яссави (о методах проектирования) // Известия МОН РК. Серия общ. наук. 2002. № 1. С. 268-278
3. Прибыткова А. М. Связи с Ираном и местные черты в архитектуре Средней Азии (Домонгольский период) // Архитектурное наследство. №30. 1976. С. 107
4. Ходжаев М. О формах организации ремесленного труда в монголо-тимуридском Отраре // Проблемы реконструкции хозяйства и технологии по данным археологии. - Петропавловск: «Археология Северного Каз-на». 1993. С. 223-228

5. Шевелев И.Ш. Принцип пропорции. М.: Стройиздат. 1986. 200 с.

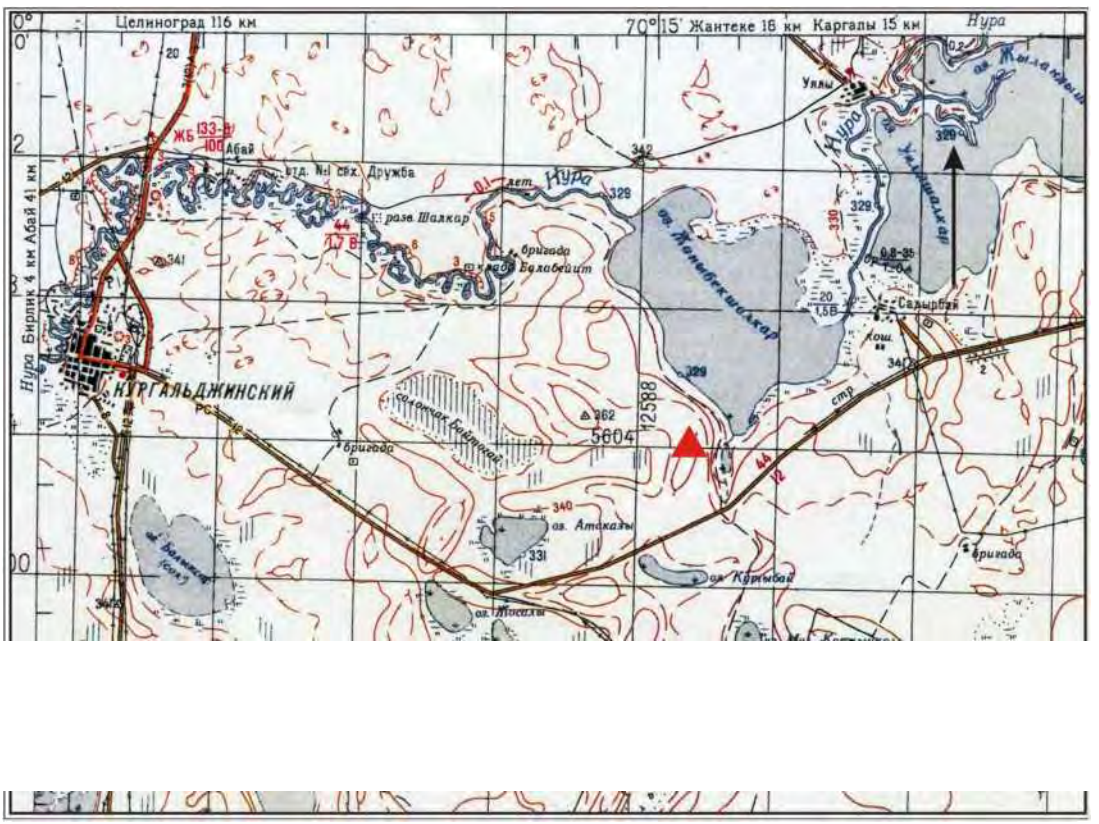


Рис. 1. Месторасположение мавзолея

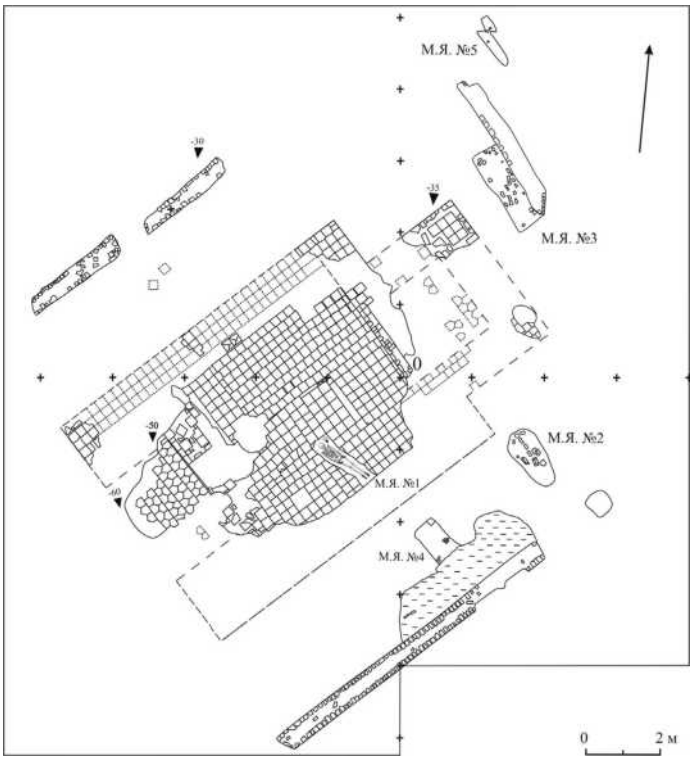


Рис. 2. План раскопа

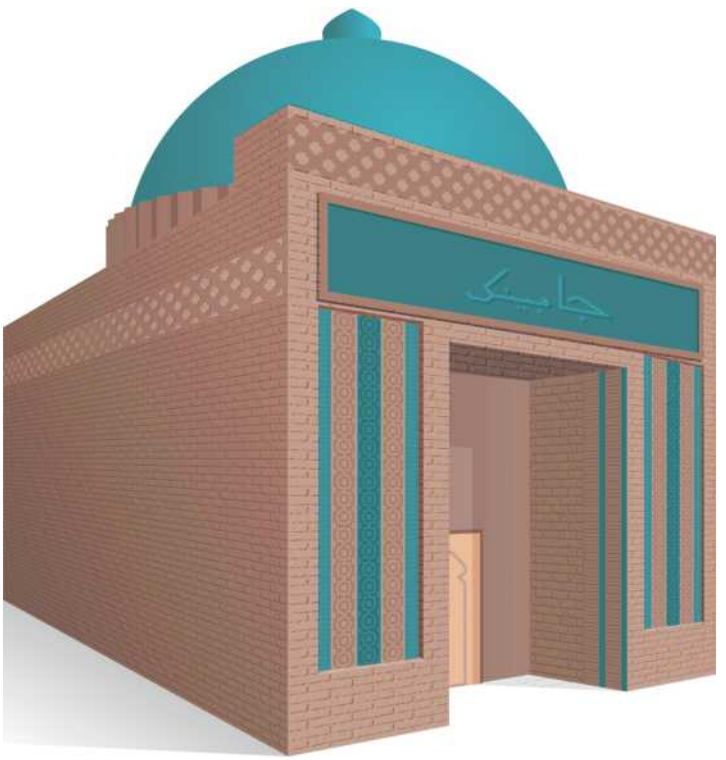


Рис. 3. Реконструкция мавзолея (авторы - Хабдулина М.К., Меденко В.С.)

Алтынбеков К.
Казахстан, Алматы Музеефикация археологического раскопа

В докладе представлены работы научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым» по подготовке уникального музейного экспоната, который является частью погребальной камеры кургана №4 могильника Берел и представляет собой захоронение лошадей, покрытое берестяным настилом, площадью около четырех квадратных метров [3].

Процесс музеефикации состоял из следующих основных этапов: 1) извлечение из раскопа; 2) археологическая расчистка; 3) консервация; 4) подготовка к экспозиции.

1) Извлечение из раскопа осуществлено по методу, разработанному автором [2]. Подготовительные работы заключались в распиле монолита захоронения лошадей, специальной упаковке двух образовавшихся частей, называемых в дальнейшем блоками. Блоки поднимались с помощью ручной лебедки, закрепленной на тракторе, и треноги-опоры из бревен, установленной непосредственно над местом подъема. Вес каждого блока во влажном состоянии составлял более тонны (рис. 1).

2) Археологическая расчистка выполнена сотрудниками Института археологии им. А.Х. Маргулана Базарбаевой Г. и Джумабековой Г. в камеральных условиях. Под берестяным покрытием обнаружены костные останки трех лошадей, а также предметы их убранства фрагментарной степени сохранности из различных материалов - металл (золотая фольга, олово), дерево, войлок(?), ткань(?), кожа(?). Артефакты органического происхождения деструктированы, пропитаны продуктами разложения как собственными, так и конскими, имеют вид плотной, почти однородной массы небольшой толщины. В то же время эта масса сохраняет очертания предметов: просматриваются следы двух седел, накидки, ремней, деревянных рогов, обозначенных дополнительно золотой фольгой. Полная разборка археологического комплекса не производилась.

3) Цель консервации - стабилизация состояния всех компонентов блоков при минимальном реставрационном вмешательстве, которое обеспечивает возможность дальнейшего исследования археологического комплекса.

Проведены следующие консервационные мероприятия:

- антисептирование блоков и снятой с них бересты;
- изъятие свободно лежащих на поверхности предметов с фиксацией их местонахождения;
- консервация изъятых предметов и бересты;
- укрепление природного грунта без пропитки;
- обследование конгломератов различных материалов, определение их послойного состава, выбор метода консервации (общая пропитка или разделение слоев);
- консервация конгломератов и отдельных прочно прикрепленных предметов;
- возвращение изъятых предметов на первоначальное место;
- прикрепление слабодержащихся костных останков и органических материалов с их одновременной дефрагментацией (выполнялось на локальных участках, большая часть костей оставлена в дошедшем до нас виде).

Несмотря на разнородность материалов блоков, что обусловило дифференцированный подход к их консервации, был использован минимальный набор химических консолидантов, хорошо совмещаемых друг с другом. Применен предыдущий опыт консервации артефактов из могильника Берел [1], а также выработаны новые методы и приемы. Консервационные работы, в результате которых памятник сохранен как источник исторической информации, продолжались более двух лет.

4) Подготовка к экспозиции - придание блокам экспозиционного вида с одновременной фиксацией, обеспечивающей их сохранность при транспортировке и хранении. Блоки

надежно закреплены на специально изготовленных платформах с колесами. Все новые материалы (монтажная пена, гипс, пенопласт) контактируют лишь с грунтом или досками, не являющимися артефактами, и при необходимости могут быть удалены без ущерба для памятника. Береста смещена на платформы в торцы блоков (рис. 2, 3).

Блоки переданы в Президентский центр культуры Республики Казахстан. Поступление уникального экспоната в виде оригинала археологического раскопа привело к решению о создании в ПЦК РК экспозиционного зала «Курган сакского вождя». Оформление помещения, в котором находятся сруб с колодой внутри и блоки, будет имитировать древний курган, рядом разместятся диарама местности Берел, законсервированные деревянные изделия из берельских курганов, реконструкция верхового коня сакского вождя, будут представлены фото- и видеоматериалы, излагающие историю исследования берельских курганов, реставрации и консервации археологических находок. Все это, а также соответствующее музыкальное сопровождение позволит посетителям музея перенестись на несколько тысячелетий назад, ощутить атмосферу того времени, наглядно представить древние ритуалы. Проект разработан научнореставрационной лабораторией «Остров Крым» и ТОО «au-studio».

* * *

Мақалада Берел қорымында №4 қорғанның қабірінде табылған қайталанбас зат- тарды мұражайландыруға дайындық жұмыстарының нәтижелері берілген. Автор мұражайландыру үрдісін бір неше кезецге болген: археологиялық қазба жұмыстары арқылы артефактілерді алу, камералдық тазарту, консервациялау, экспозицияға дайындау.

Список использованных источников и литературы

1. Алтынбеков К., Ахметкалиев Р. Исследование, консервация и реставрация археологических находок из берельских курганов // Поиск. Алматы. 2010. №3. С. 44-49
2. Алтынбеков К., Ахметкалиев Р., Чарлина ***Л.*** Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым»: опыт сотрудничества с археологами // Мәдени мұра. Астана. 2009. №1 (22). С. 90-96
3. Самашев З., Джумабекова Г., Базарбаева Г. и др. Археологические исследования на могильнике Берел // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие - 2004». Алматы. 2005

Рис.1. Захоронение лошадей в раскопе до разделения на блоки (вверху)

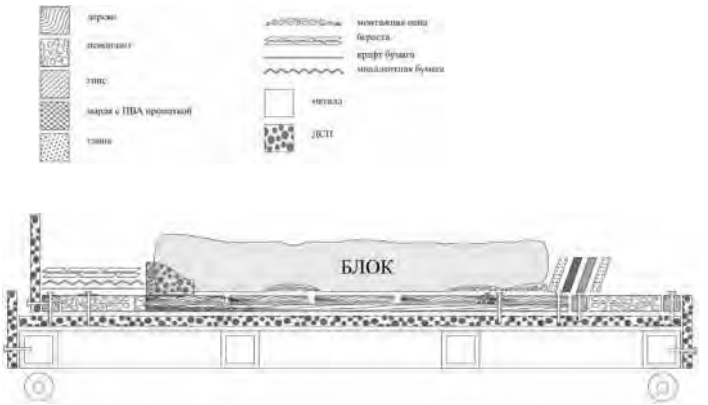


Рис.2. Схема фиксации блока на экспозиционной платформе

Рис.3. Блоки в экспозиции Президентского центра культуры РК

Астафьев А.Е.
Казахстан, Актау

Опыт историко-художественной реконструкции в археологии ранних сармат

На территории Мангистауской области в конце 20-го столетия выявлен научно значимый комплекс каменных антропоморфных изваяний 4—2 вв. до н.э. [6]. Главным датирующим признаком являются изображения мечей и кинжалов с прямым перекрестием и антеновидным либо серповидным навершием. Обломки изваяний в большом количестве найдены в пределах северо-западного чинка плато Устюрт и известны на полуострове Мангышлак. Целые формы изваяний, восстанавливаемые по обломкам, известны единично. Но анализ найденных фрагментов позволяет выделить несколько однотипных антропоморфных фигур, на основе чего была произведена графическая реконструкция части изваяний.

Изваяния выделяются своей достаточно стандартной деталировкой изображения элементов воинского снаряжения и украшений. Практически для всех скульптур характерны горельефные (за редким исключение рельефные) изображения головного каскообразного убора, вероятно, шлема, боевого пояса с ремешками, на которые подвешены короткий меч, кинжал и горит (совмещенные колчан и налучье), а также многовитковой гривны на шее и браслета на запястье правой руки. Короткий меч подвешен горизонтально или под

небольшим углом непосредственно под поясом, а кинжал подвязан вертикально к правому бедру. Наиболее проработаны детали комплекса оружия, в частности: ножны мечей и кинжалов с пасовыми ремнями, оплетка рукоятей, хорошо просматривается конструкция горита, с вложенными в них асимметричными сигмоидными луками и набором стрел. Очень важной деталью боевого пояса являются способы его соединения при помощи крючка. Отмечено, что при изображении предметов вооружения древние мастера-каменорезы использовали принцип масштабной пропорциональности. Эта деталировка изображений являются важным дополнением известных в археологии погребальных комплексов неразграбленных захоронений раннесарматского времени.

Именно изображения вышеуказанных деталей послужили отправной точкой идеи историко-художественного воссоздания образа воина 4-2 вв. до н. э. Анализ возможных научных разработок по данному периоду весьма скуден. Основные реконструкции раннесарматского периода сводятся к созданию общего образа конного воина (М.В. Горелик и др.) без разработки деталей и узлов практического назначения либо древнекочевнических костюмов. Главные работы по изучению вооружения скифов и савроматов были сделаны еще в 60-80-х гг. прошлого столетия [4; 5; 6; 7]. Однако все эти исследования не касаются раннесарматского периода и практически лишены разработок. В этой связи мангистауские изваяния являются уникальными носителями информации о вооружении 4-2 вв. как научно-теоретического содержания, так и научно-практического.

При создании проекта реконструкции раннесарматского воина были использованы наработки выше указанных авторов, немногочисленные научные статьи по вооружению и военному делу ранних кочевников, информация сайтов и форумом исторических клубов, а так же авторские разработки.

В основу историко-художественной реконструкции взят образ женщины- воительницы, известной в исторических трудах Геродота как «амазонка». Костюм и принципы декора не являлись главным объектом воссоздания, но разрабатывались на основе фундаментального труда С.А. Яценко «Костюм древней Евразии». Эскизы украшений и штандарта создавались на основе мотивов звериного стиля и образа волка - покровителя воинских сообществ, символа воинской доблести [1, с. 437-447].

Данные изображения не имеют себе прямых аналогов в археологии, но выдержаны в духе и стиле времени. Цветовая гамма и принципы окрашивания деталей снаряжения исполнены согласно археологическим свидетельствам.

Остановлюсь на деталях, которые потребовали привнесения конструкторской новизны в реконструкциях снаряжения амазонки.

1. За основу формы шлема взяты изображения устюртских изваяний. Как вариант, он мог быть скроен из толстой дубленой шкуры. В нашем варианте было выбрано покрытие кожаной основы железной чешуйчатой броней, имеющей аналоги в археологических материалах Южного Урала [2, с. 116-136]. Для брони использовалась изогнутая пластина с четырьмя отверстиями с нашивкой «внахлест» для перекрытия швов. Для создания декоративного вида чешуя была отожжена и окатана в мелком гравии. Опыт показал, что при правильном подборе пластин разных размеров возможно создание прочной брони. Важной особенностью практического использования данного шлема является его тщательная подгонка под голову воина за счет войлочной подкладки и подбородочного ремня во избежание соскакивания во время скачки.
2. Важной деталью изображений на изваяниях является пояс с крючком вместо пряжки. Находки бронзовых и железных крюков известны в захоронениях ранних кочевников, но их атрибутируют как крюки для подвешивания колчанов [3, рис. 8]. Беглое знакомство с материалами публикаций показало, что положение крюков относительно останков погребенного еще не является доказательством их отношения к конструкции колчана, а

может быть связано именно с поясом, к которому крепился колчан, либо к ремешкам ножен кинжалов. Именно изображения на изваяниях позволяют по-другому посмотреть на назначение, по крайней мере, части этих изделий. Варианты изображений крюков четко указывают на их пространственное положение на поясе и возможное крепление, но не показывают их принципа работы. Археологически крюки залегают без какой-либо дополнительной гарнитуры, позволяющей реконструировать принцип действия. Важной деталью части крюков является наличие расширения верхнего конца или расширения со сквозным отверстием средней части длинного сегмента изгиба. Эти признаки и изображение на изваяниях, одно из которых установленно в экспозиции музея этнографии г. Форт-Шевченко, а другое хранится в фондах Мангистауского государственного историко-культурного заповедника, указывают на способ крепления крюка к одному из концов пояса при помощи удлиненного узкого ремешка или шнура. Подобный способ крепления при вертикально-плоскостном положении крюка приведет к его поворотному принципу зацепа за петлю на другом конце пояса. Таким образом, при воспроизведении боевого пояса амазонки на основе существующих изображений и артефактов был восстановлен возможный принцип крепления при помощи крюка.

3. Изображения на изваяниях указывают на способы крепления короткого меча и кинжала к боевому поясу и бедру при помощи пасиковых ремней. Но археологически не известно каких-либо мелких пряжек, используемых для их застегивания. Это потребовало разработки механизма беспряжечной застежки через муфту с самозатя- гивающейся петлей или простым узлом. Согласно сохранившимся фрагментам скифских поясов, для крепления дополнительных ремней в них пробивались продолговатые отверстия, что и было применено при воссоздании пояса амазонки. Данные узлы фиксации ремешков прочны и не требуют дополнительных конструктивных деталей из других материалов.

4. В основу разработки конструкции горита на основе нескольких полноценных изображений на изваяниях положены находки фрагментов горитов ранних кочевников Южного Приуралья [4, с.30-37]. Горит носился с левого бока и крепился к поясу двумя ремнями. При воссоздании горита была выбрана безрамочная конструкция, но с использованием деревянных планок для жескости. Горит состоит из двух футляров
- налучья и колчана. Судя по изображениям, более 2/3 длины лука располагалась в налучье, при этом задний край налучья повторял кривизну лука. Важной конструктивной деталью является каплевидная форма дна горита, известная как у скифов, так и у ранних сармат Южного Приуралья. Эта форма дна делит горит на два отсека и позволила определить способы кроя и сшивания кожаных деталей. Основой воссозданного горита является налучье, сшитое из двух одинаковых кожаных выкроек; с задней стороны налучья вставлен продольный клин. Колчан пришит в виде накладного кармана. Портупейные ремешки пришиты к выступам, оставленным на боках горита. На ремешках располагаются муфты, для фиксации к поясу.

5. Наибольшую сложность вызвала работа по разработке конструкции сложно-составного лука скифского типа, который имел сигмоидную асимметричную форму при короткой длине 60-100 см. Данный миниатюрный тип лука приспособлен для скоростной стрельбы с коня. Археологически достоверных фактов, научных, а тем более практических разработок по полной конструкции подобной формы луков практически не существует. В научных статьях имеются лишь фрагментарные свидетельства археологического характера и небольшие теоретические исследования принципов работы данного лука. По этой причине воссоздание лука оказалось делом сложным и небыстрым, требующим практики и длительных опытов с материалами. Поэтому при воссоздании образа амазонки использована имитация скифского лука из многослойной фанеры, распаренной, изогнутой и склеенной в специальной оправе. Длина лука составила 90 см в боевом положении. Рожки лука,

выполнявшие роль своеобразных роликов для увеличения длины натяжения лука при его малой длине, стилизованы под головки грифонов. Тетива сплетена из волоса конского хвоста методом скручивания двух пучков с последующей оплеткой петель и места упора стрелы х/б нитью. Даже при использовании имитационного материала с экспозиционным изгибом лука дальность полета стрелы составила 50-60 м.

6. Форма ножен меча и кинжала хорошо определяется по изображениям на изваяниях. Длинный пасовый ремешок меча крепится кушку, расположенному в средней части ножен. При воспроизведении ушко сформировано двухсторонней кожаной обкладкой деревянного остова ножен. Ремешок пришит к ушку. Аналогичное крепление имеет и нижний конец ножен кинжала, с той разницей, что для крепления ножен к ноге требуется два противоположно лежащих ушка. Изображение пасовых ремешков в районе устьев ножен потребовало разработки метода крепления, т.к. на изображениях ремешок сочленяется с ножнами в области перекрестия. Очень вероятно, что задняя кожаная обкладка ножен могла иметь дополнительный выступающий хлястик, к которому и пришивались пасики.

Проект историко-художественного воссоздания комплекса вооружения воина 4-2 вв. до н. э. является важным историко-документальным опытом изучения материальной культуры ранних кочевников Казахстана. Данный проект является попыткой популяризации древней истории в обществе.

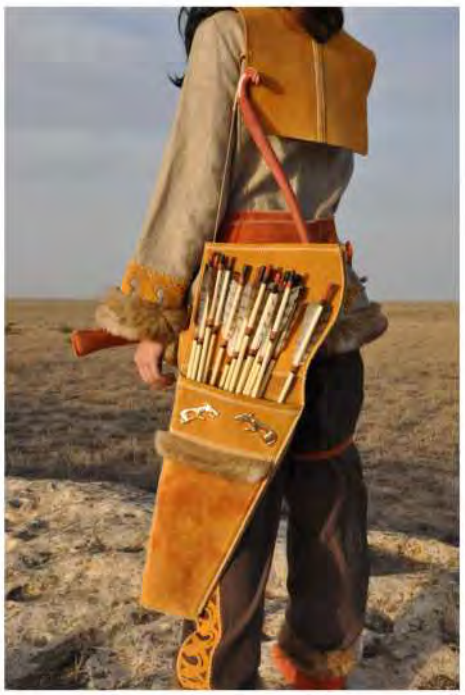
* * *

Мақалада б.з.б. 4-2 гасырлардагы жауынгерлер қаруланууыныц тарихи-көркемдік қайта қалпына келтіру мәселесіне арналған. Қайта қалпына келтіру Мацғыстау обылыстық аумағынан табылған ерте сармат дәуірініц тас антропоморфтық матери- алдарына сүйенген. Сонымен қатар, қайта қалпына келтіру процессінде баламалы

мәселелерді зерттейтін ғалымдардың ақпараттары пайдаланылды. Ежелгі әскерлердің қару-жарақтары мен киім үлгісінің элементтері қалпына келтірілді; белбеу, бас киім, садақ. Қайта қалпына келтіру процессі кезінде туындайтын мәселелер қарастырылған.

Список использованных источников и литературы

1. Гуцалов С.Ю.. Волчье племя (к семантике образа волка в искусстве древних кочевников Южного Урала) // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М.: Институт археологии РАН. 2005. С. 437-447
2. Васильев В.Н., Пшеничнюк А.Х.. К вопросу о защитном вооружении ранних кочевников Южного Урала 4 в. до н. э.//Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа. 1994. С. 116-136
3. Зданович Г. Б., Хабдулиида М. К. Курган Темир // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского Междуречья. - Межвузовский сборник. - Изд-е Башкирского ун-та (подготовил Челябинский ун-т). 1987. С. 45-65
4. Краева Л. А., Купцов Е.А. Новые данные о конструкции горитов ранних кочевников Южного Приуралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск. 2007. С. 30-37
5. Мелюкова А.И Вооружение скифов. САИ. М. 1964
6. Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М. 2005
7. Смирнов К.Ф.. Вооружение савроматов. МИА СССР. Вып.101. М. 1961
8. Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев,.1968
9. Черненко Е.В.. Скифские лучники. Киев. 1981
10. Яценко С.Я. Костюм древней Евразии. М. 2006



Ахметкалиев Р.

Казахстан, Алматы Диагностика процесса пропитки деградированной древесины

Дерево является основным структурным элементом самого высокого представителя зеленого мира. Материал дерева, древесина состоит из целлюлозы, гемицеллюлозы, лигнина. Волокна целлюлозы, соединяясь между собой, с лигнином и гемицеллюлозой, образуют стенки клеток и формируют структуру растения.

Материал дерева по структуре разделяется на две части: твердую и мягкую. Внутри каждой части древесины имеется определенное число различных клеток, каждая из которых выполняет специальную функцию. Между волокнами целлюлозы имеется много микропор и микрокаверн. Адсорбированная, связанная вода остается здесь. Объем этих пор определяет величину точки насыщения волокон.

Древесина состоит из многих слоев клеточных стенок. Каждый из слоев состоит из цепочек целлюлозных молекул, связанных с гемицеллюлозой и лигнином. Они образуют скелет, конструкцию древесины, и придают ей значительную жесткость.

Однако под действием различных факторов окружающей среды, физикомеханические параметры древесины изменяются чаще всего в сторону уменьшения, ослабления. Этот процесс представляет собой деградацию древесины. Основные разрушающие факторы - физическое, химическое и биологическое воздействия.

Действие указанных факторов приводит к деструкции, изменению структуры древесины, ослаблению связей в ней, постепенному уменьшению вещества материала.

Нахождение древесины в археологической среде многократно ускоряет процесс ее разрушения, особенно при наличии воды, солей, кислорода, микроорганизмов.

Оценка степени деградации древесины является составной частью работ по ее консервации и определяет выбор технологии и консолиданта для этих целей. Физико-механическое состояние древесины определяется путем химических анализов, измерения плотности материала.

В 1999 году, в кургане №11 могильника Берел, Восточно-Казахстанской области, казахстанско-французской археологической экспедицией было найдено большое количество изделий из дерева и других органических материалов. С этого времени в научно - реставрационной лаборатории ТОО «Остров Крым» начаты работы по исследованию этих исторических изделий, разработке наиболее приемлемой методики их консервации [1 - 4].

Увеличение абсолютной влажности деградированной древесины является отражением увеличения сорбционной емкости материала. Этот результат свидетельствует о росте количества и объема пор в материале. Это микро- и макрокаверны, микро-, ма- кропоры, которые появляются в результате роста неоднородности материала и приводят к уменьшению его механической прочности.

Связь между сорбционной емкостью и количеством микропор в материале имеет сложный характер. В начале деградации будет происходить рост сорбционной емкости древесины. Дальнейшая деградация материала выражается в увеличении размеров образовавшихся пор и их объединений. Суммарная внутренняя площадь пор уменьшается и это приводит к уменьшению сорбционной емкости материала (С).

$V = \frac{}{P_0}$ 100% тюсти древесины хорошо описывает величина

где $Pi'P_0$ - плотности деградированного и свежего образцов дерева.

Деградация древесины, рост количества неоднородностей - это рост пористости материала, суммарного объема пор (V).

Изменение этих параметров графически можно представить в следующем виде (рис. 1).

Процесс вытеснения почвенного раствора начинается после поглощения некоторого количества полиэтиленгликоля (ПЭГ). Здесь ПЭГ действует как более активное ПАВ. Спирт

как растворитель ускоряет выход воды из пористой среды. Вместе с этой смесью растворителей происходит выход на поверхность пропитываемого изделия других поглощенных ранее веществ из почвы.

Используя эти графики пропитки изделия, можно найти начальную массу изделия без поглощенных веществ, количество воды в древесине (начальную водонасыщен- ность), пористость материала, количество поглощенного ПЭГ.

Из обработки результатов измерений полvчены параметры У,. У- . пропорциональные степени деградации древесины: $y_1 = {}^{4}$; $y_2 = {}^{\div}$; $y = \frac{'}{''}{}^{\div}$,

ч .■ ^{1} т. |- с г-^{1} т. |- &

где $Am_{1г}Am_2$ — изменение массы образца в процессе поглощения ПЭГ и при сушке (испарении воды и спирта); tl, t2 — время поглощения ПЭГ и время испарения растворителя; тс - собственная масса изделия.

Между величинами Y и *y* имеется зависимость, представленная на графике (рис. 2**).**

Выводы:

1. Процесс пропитки деградированной древесины необходимо проводить при постоянном контроле массы изделия, ее изменения со временем.
2. На основании измерений п. 1 необходимо построить график зависимости массы от времени.
3. По результатам обработки опытных данных п. 1, 2 можно определить изменение массы образца в процессе пропитки, количество поглощенного ПЭГ, водонасы- щенность изделия, ее собственную массу.
4. Определение параметров $y_{\pm}$ *и* y_2 позволяет оценить степень деградации древесины, уменьшение ее плотности.

Баяндама археологиялық консервацияныц мацызды мәселелерініц бірі - шірген ағаш қалдықтарыныц сіцісу диагностикасына арналған. Шірген ағаш қалдықтарын бағалау оныц консервациясыныц негізгі бөлігі болып табылады және осы мақсаттарға арналған оныц технологиясы мен консалидациясын анықтайды. Бұл жұмыс Берел обаларынан табылған көптеген ағаш бұйымдарына сүйенеді. Автор керек параметрді есептеу әдісін және сәйкес графика мен формулаларды көрсетеді.

Список использованных источников и литературы

1. Алтынбеков К., Ахметкалиев Р., Чарлина ***Л.*** Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым»: опыт сотрудничества с археологами // Мэдени мура. Астана. 2009. №1 (22). С. 90-96
2. Патент РК №12176. Состав для консервации и укрепления археологических находок из деградированной древесины. 2006
3. Предпатент РК №17071. Состав для консервации и укрепления деградированной древесины. 2006
4. Самашев З., Ахметкалиев Р., Алтынбеков К. Консервация и реставрация деградированной древесины. Алматы. 2004. 91 с.

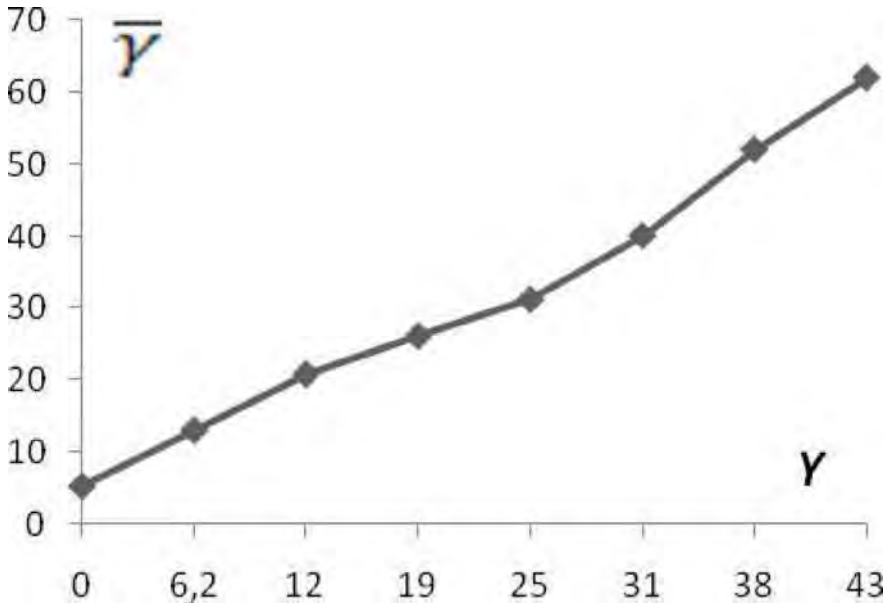


Рис. 1. Зависимость пористости и сорбционной емкости от степени деградации древесины.

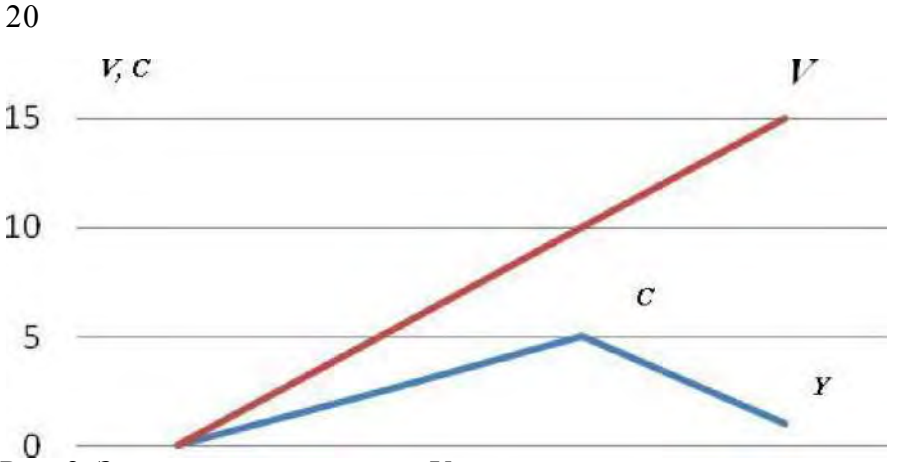


Рис. 2. Зависимость параметра *V* от степени деградации.

Әлжанов Қ. К.
К/азақстан, Астана Қазақ Алтайы ерте көшпелілерінің ағаш өңдеу өнері

Берел қорымының табылған заттай деректерді өңдеп саралау барысында, Қазақ Алтайы

ерте көшпелілерінің ағаш өңдеу өнері жоғарғы даму сатысында болған және қоғамның барлық салаларын қамтығанын көрсетеді. Көптеген археологиялық, этнографиялық, ауызша және жазбаша деректерді жан-жақты талдау, ежелгі тұрғындар өміріндегі маңызды орындардың бірін ағаш және оған қатысты барлық жабдықтар алғандығын айқын көрсетеді [1, б. 56].

Берелдік ағаш өңдеу шеберлерінің көркемдеп ою өнері жоғары даму сатысында болған. Ағаш бұйымдарды жан-жақты талдап зерттеу арқылы ғылыми айналымға енгізіліп отырған Берел археологиялық ескерткішін, әсіресе №11 қорғанды эталон- ды Пазырық, Туэкта, Башадар, Уландрык және т.б қорғандармен бір сатылы қатарға қояды [2, б. 64].

Әр уақыттағы барлық археологиялық мәдениеттің өкілдері шеберліктің қандай дәрежесінде болсын ағашқа ою сала білген және өнер туындыларын жасаған. Пазырық және Укок үстіртіндегі ағаш өңдеу дәстүрінің кейбір паралелдері айқындай отырып пазырық мәдениетін берелденде байқаймыз. Алайда осы іс-әрекет нәтижелерін пазырық мәдениетінің ескерткіштерін зерттеу барысында тек Ресей мен Қазақ Алтай- ынан ғана ашу сәті түсті [3, б. 190].

Материалды өңдеудің технологиялық циклінің негізгі операциясынан басқа құрамына бірқатар қосымша тәсілдері енетін ойып жасау технологиясы ежелгі көшпелілердегі ағашты өңдеудің ерекше түрі болды. Солар арқылы ағаштан жасалған ойма бұйым толықтай аяқталған түрге енді. Зерттеулер көрсеткендей, ағашты өңдеудің барлық түрінде дерлік қарапайым ойма элементі пышақтың жүзімен жасалғандығы байқалады [5, б. 432]. Шығыс Қазақстан Қазақ Алтайының ежелгі көшпелілерін жерлеу орындарынан ашылған әртүрлі бейнелі, көптеген ойма ағаш бұйымдарын техникалық-технологиялық талдау, ойып жасалған ағаш заттардың жеті функциональды тобын ашуға мүмкіндік берді. Олар: адам әшекейлері, ат әшекейлері, қару-жарақ бұйымдары, қатынас құралдары, шаруашылықты-түрмыстық мәндегі заттар, ыдыс, сазгерлік және ғұрыптық-рәсіми заттар [1, б. 56].

Ағаш жәдігерлер осы мәдениетті күраған халықтардың түрмыс - тіршілігін, тари- хын бойына сіңірген. Әр аттың түрін және функциональды қолданылуын, жасалуын және табылған жәдігерлердің бетіндегі құралдардың іздерді зерттеу ағаш өңдеу өнерінің негізін қалайды [6, б. 432].

Ағаш бұйымдарды жан-жақты талдап зерттеу арқылы ғылыми айналымға енгізіліп отырған материалдар Берел археологиялық ескерткішін, әсіресе №11 қорғанды эта- лонды Пазырық, Туэкта, Башадар, Уландрык және т.б қорғандармен бір сатылы қатарға қояды [7, б. 125].

Пазырық мәдениетінің жерлеу орындарындағы ағаш бұйымдардың керемет сақталынуы оларға этнографиялық деңгейде зерттеу жүргізуге мүмкіндік беғреді. Қазақ Алтайындағы 1997-2002 жылдары зерттелінген Берел қорымының 11-ші обасын ғылымдағы аса сирек бірегейлер тобына жатқызуға толығымен болады.

Берел қорымының №11 қорғанындағы жүзден астам ірі ағаш бұйымдар, көптеген бөрене, сырғауыл, таяқ сынықтарын, қима таған бүйіріндегі фрагменттер мен бірнеше жүздеген ойма әшекейлерді зерттеу ағашты өңдеу үшін пайдаланылған түтас аспап- тар жиынтығын ашуға мүрындық болды.

* * *

В тезисах приведены данные о видах деревянных изделий, найденных в кургане №11 могильника Берель. Выделены 7 групп различных по назначению предметов, позволяющих при анализе дать характеристику деревообработки ранних кочевников Горного Алтая. Указано, что сохранность дерева в курганах пазырыкской культуры позволяет говорить о способах деревообработки, инструментах и проводить этнографические параллели и сравнения.

Қолданылған деректер мен эдебиет тізімі

1. Berel - Берел Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С. Альбом. Алматы, 2000. 56 б.
2. Горбунов А. П., Самашев З. С., Северский Э. В. Вечная мерзлота - хранительница древностей. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана. 2000. 64 б.
3. Кубарев В. *Д.* Курганы Юстыда.-Новосибирск: Наука. 1991. 190 б.
4. Мыльников В. П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1999. 232 б.
5. Обработка дерева. Традиционная техника. М.: Издательский дом «ГЕЛИОС», 1999. 432 б.
6. Федоров П. А. Кустарное производство бочек, кадок, ведер и другой деревянной посуды: Практическое руководство бочарного ремесла. СПб. 1903. 54 б.
7. Полосьмак Н. В. «Стерегущие золото грифы» (Ак-Алахинские курганы). Новосибирск: Наука. 1994. 125 б.

Бейсенов А.З., Жамбулатов К.А., Огарь Н.П.

Казахстан, Алматы

О проектируемом государственном историко-культурном заповеднике-музее «Кызыл арай-Бегазы»

Государственный историко-культурный заповедник-музей «Кызыларай-Бегазы» планируется организовать в Актогайском районе Карагандинской области на территории Шабанбайбийского, Сарытерекского и Кызыларайского сельских округов.

Научно-исследовательские работы по подготовке проекта заповедника проводились в 2007-2008 гг. совместными усилиями Управления культуры и Госинспекции по охране историко-культурного наследия Карагандинской области, акимата Актогайского района (отдел культуры и развития языков) Карагандинской области, Института археологии им. А.Х.Маргулана КН МОН РК (г. Алматы), Центра дистанционного зондирования и географических информационных систем "Тегга"(г. Алматы). Работы финансировались Управлением культуры Карагандинской области.

Целью проведенных в 2008 г. археологических и экологических исследований на территории планируемых участков являлась разработка Естественнонаучного обоснования (ЕНО) организации заповедника. В ходе работ были собраны и проанали- зироаны данные по растительному миру, животному миру и памятникам историко- культурного наследия.

Растительный мир. Флористическое разнообразие проектируемой территории включает более 500 видов высших сосудистых растений, из них нуждаются в особой охране 20 видов, в том числе 4 занесены в Красную книгу растений Казахстана, 4 боре- альных реликта, 6 являются эндемиками Казахстана, а остальные находятся на грани исчезновения из-за сокращения ареала. Также здесь зарегистрировано 5 редких растительных сообществ, внесенных в Зеленую книгу Казахстана.

Животный мир. На территории обитает более 280 видов позвоночных животных из них 1 земноводных, 13 рептилий, 233 вида птиц и значительное число млекопитающих. Наиболее ценным объектом охраны является сибирский горный баран - архар, который занесен в Красную книгу. Большой интерес представляет орнитофауна территории, где встречаются как типичные степные, так и пустынные виды. Здесь обитает, гнездится или отдыхает на пролете 28 видов редких птиц.

На территории проектируемого заповедника находятся многочисленные и яркие памятники историко-культурного наследия, относящиеся к категориям памятников археологии и памятников истории.

Из памятников археологии всего зафиксировано 150 местонахождений, объединяющих 571 объект.

В данное число входят такие виды памятников, как поселения, могильники и одиночные курганы, петроглифы, поминальные (культовые) сооружения.

В хронологическом порядке памятники относятся к следующим периодам: эпоха бронзы, эпоха раннего железа, эпоха средневековья. Бронзовый век представлен оградами и объемными каменными мавзолеями нуринской, атасуской, бегазы- дандыбаевской культур. Из памятников раннего железного века имеются захоронения с каменно-земляными насыпями, а также уникальные культово-ритуальные сооружения в виде курганов с «усами». Широко распространены также и объекты средневековья - поминальные оградки с каменными изваяниями древнетюркского периода, курганы и святилища кыпчакского времени.

Все указанные памятники археологии условно объединены в 5 больших групп (кластеров).

Из памятников истории на территории заповедника находятся 4 объекта:

1. Родовая зимовка выдающегося государственного деятеля XX в. Алихана Букейха- нова.
2. Родовое кладбище близких родственников А. Букейханова «Талдыбейит».
3. Родовая зимовка (с кладбищем близких родственников) видного ученого, деятеля Алашорды Алимхана Ермекова.
4. Родовая зимовка видного деятеля культуры, народного композитора и певца Асета Найманбаева.

Среди памятников археологии особую важность имеет могильник Бегазы, номинированный Республикой Казахстан в Список Всемирного культурного наследия.

На материалах исследования объемных каменных мавзолеев этого могильника академиком А.Х.Маргуланом была открыта уникальная бегазы-дандыбаевская культура эпохи поздней бронзы, впоследствии получившая всемирную известность.

Зимовка и кладбище «Талдыбейит», напрямую связанные с именем А.Букейханова, как и другие указанные памятники истории, до этого еще не были предметом целенаправленного научного исследования, каких-либо охранных, консервационно- реставрационных мероприятий со стороны государства.

В целом, памятники историко-культурного наследия, находящиеся на территории заповедника, представляются в достаточной степени важными и уникальными, требующими организации в районе их расположения, специальных мер по их комплексному изучению, охране и использованию.

Не менее важными являются природоохранные и социально-экономические предпосылки.

Природоохранные. Население Республики получит возможность ознакомиться с неповторимой красотой природы, уникальными памятниками археологии и истории. При организации заповедника будут созданы необходимые условия для обеспечения должных режимов охраны и контроля за их соблюдением. Это будет способствовать восстановлению деградированных участков растительности, сохранению ландшафтной структуры и биоразнообразия флоры и фауны. Природоохранная политика будет иметь не стихийный, а научно-обоснованный характер с приоритетом обеспечения устойчивости природных комплексов, сохранения культурного наследия народа и формирования целостной системы дальнейшего изучения природных и историко- культурных особенностей, экологического и культурного образования и воспитания, создания условий для развития республиканского и международного туризма.

Социально-экономические. Создание историко-культурного и природного заповедника-музея «Кызыларай-Бегазы» в Актогайском районе повлечет за собой увеличение рабочих мест, обеспечит культурную и природную привлекательность территории для развития

разных форм туризма (экологического, познавательного и т.п.), экологического просвещения. Дальнейшее развитие инфраструктуры несомненно будет способствовать экономическому развитию района, организации новых форм хозяйственной деятельности населения.

Украшают территорию заповедника сосновые, осиновые и березовые горные леса и большие массивы ковыльных степей по долинам.

Территория для организации заповедника-музея выбрана на основе анализа размещения памятников истории и культуры и ее природной и эстетической ценности с дальнейшей перспективой развития туризма. Она по всем показателям соответствует статусу, как природного, так и историко-культурного заповедника-музея.

Поскольку Законодательством РК не предусмотрено создание комплексного историко-культурного и природного заповедника, предлагается считать возможным создание историко-культурного заповедника - музея в соответствии с Законом РК «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия». Уполномоченным органом является Комитет культуры Министерства культуры и информации РК.

Естественнонаучное обоснование и другие материалы по проектируемому заповеднику в 2009 г. прошли ряд согласований, в том числе в Комитете особо охраняемых природных территорий (ООГТГ), Министерстве культуры, и др. После чего определился порядок выполнения работ по Проектно-сметной документации (ПСД), а также и оформления других документов. Ожидается, что данный этап работ осуществляться будет после передачи проекта (ЕНО и ряд заключений по согласованию с ведомственными органами) в Правительство для решения.

Территория заповедника охватывает в целом окрестности гор Бегазы, Кызыларай и Желтау. Район очень богат памятниками, разнообразны и богаты флора и фауна. С этим районом связана имена выдающихся ученых-археологов нашей страны, история становления казахстанской археологической науки. В этих местах плодотворно работала экспедиция Алькея Хакановича Маргулана, здесь начинал свои исследования Ке- маль Акишевич Акишев, здесь вел и Абулманап Медеуович Оразбаев. Организация и открытие заповедника, разработка современной системы охраны, изучения и использования памятников в природно-ландшафтном окружении, несомненно, является делом всенародно важным и нужным.

* * *

Мақалада қазір жобаланып отырган «Қызыларай-Беғазы» Мемлекттік тарихи- мәдени, табигат қорығына байланысты деректер беріледі. Қорық Қарағанды облысы Ақтоғай ауданындағы Шабанбайби, Қызыларай және Сарытерек ауылдық округтерініц аумағында құрылмақшы. Мұндағы Беғазы, Қызыларай, Желтау тауларыныц төціректерін қамтитын біршама үлкен аумақта ашу козделіп отырған қорықтыц жері табиғи және тарихи-мәдени құндылықтарға бай. Аумақты арнайы зерттеу барысында мұнда өсімдіктер мен жануарлардыц көптеген түрлері тізімге алынды. Археологиялық ескерткіштерге жататын 571 нысанды біріктіретін барлығы 150 орын тіркелді. Тарих ескерткіштері санатына кіретін 4 жәдігер белгіленді, бұлар - Ә. Бөкейханов, Ә. Найман- баев, Ж. Ақбаев туған қыстаулардыц сақталған жұрты, сондай-ақ, Ә. Бөкейхановтыц ата-анасы мен туыстары жерленген «Талдыбейіт» қорымы. Бүгінгі тацда қорықтыц ғылыми негіздемесі толық аяқталып, ол ҚР Мәдениет Министрлігі, т.б. құзырлы мекемелердіц сынынан өтті. Қазір қорыққа байланысты ұсыныстыц өкіметке тапсы- рылуы күтілуде.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г.

Казахстан, Караганда Керамика раннесакского времени из поселения Шидертинское-2 (Центральный Казахстан)

Изучение поселений раннего железного века - одно из новых направлений в археологии Центрального Казахстана. На территории Карагандинской области в течение последнего десятилетия открыто большое количество памятников [1, с.163-167; 2, с. 241-245; 3, с.9-12; 4, с. 156-163; 5]. Исследованы они и в Акмолинской области [7; 8, с. 189-204].

Что касается общих данных распространения и количества памятников, в ходе работ А.З.Бейсенова на территории Каркаралинского, Актогайского районов Карагандинской области, также той части Жанасемейского районе ВКО, которая раньше относилась упраздненному Абралинскому району Семипалатинской области, было открыто всего около 40 объектов, относящихся к категории поселений (поселений- зимовок) раннего железного века. Следует отметить, что это пока «примерная» цифра, поскольку число данных памятников ежегодно растет. Их в мелкосопочнике должно быть очень много.

Местоположение такого рода памятников, их топография, связаны с теми природными нишами, которые в рассматриваемое время оказались наиболее удобными для обустройства «скота и душ» населения в холодное время года. Позволяет сделать акцент именно на последнее обстоятельство комплекс всех особенностей памятников, подчеркнем - резкие отличия их от поселений эпохи бронзы в топографии, плани- графии, площади, стратиграфии, технике строительства. Эти отличия долгое время «укрывали» их от внимания археологов-полевиков, привыкших находить поселения древности по берегам рек, озер, фиксировать относительно большие площади с четко расположенными и отстоящими друг от друга на определенном расстоянии западинами, с добротной подъемкой.

Изучение рассматриваемых памятников еще находится на стадии создания источниковой базы и авторы уже отмечали свою точку зрения по поводу преждевременности выделения каких-либо «новых культур» на материалах новых поселений [5, с. 250]. Этот момент важен и в методико-методологических подходах - нельзя забывать, что многие причины (помимо объективных) нерешенности проблем в соотношении тех или иных синхронных культур древности в наши дни откровенно и напрямую связаны с опережением в прошлом «профессиональных желаний» археологов общего уровня источниковой базы темы.

Помимо работ М.К. Хабдулиной в Акмолинской области, В.В. Варфоломеева и М.В. Бедельбаевой в Карагандинской области, на территории последней ранее были исследованы А.З. Бейсеновым всего 8 пунктов: Сарыбуйрат, Кызылсуир-2, Туйетас, Кереге- тес-2, Едирей-1, Едирей-3, Бегазы-1, Бегазы-2.

Еще одно поселение - Шидертинское-2 - не так давно было изучено на «исторической» реке Шидерты, известной открытием здесь М.К. Кадырбаевым блестящих могильников тасмолинской культуры.

Памятник изучен совместно с руководителем Центра археологических исследований ПГУ им. С. Торайгырова В.К. Мерцем, кому и принадлежит честь открытия этого замечательного памятника 20 лет назад.

В 2008 г. на памятнике был заложен раскоп площадью 112 кв. м (начальник экспедиции А.З. Бейсенов, начальник отряда В.К. Мерц). Найдены были материалы ранней бронзы, раннесакского времени, казахского периода.

Первая публикация материалов, хотя и в сокращенной форме, ныне увидела свет [60, с. 40-45], здесь представлены некоторые результаты исследования керамики раннесакского времени.

Всего в раскопе было собрано более тысячи обломков керамики от более чем 40 плоскодонных сосудов. Подсчет проводился по фрагментам венчиков, которые имели округлую (21 экз. - рис. 1: 1, 2, 5; рис. 2: 4-6, 8, 9,12, 15,16; рис. 3: 1-3, 5, 7, 9; рис. 4: 2, 4), уплощенную (19 экз. - рис. 1: 3, 4, 6-11; рис. 2: 1, 2, 7,10,11,13,14; рис. 3: 4, 6, 8; рис. 4: 3) и заостренную (рис. 2: 3; рис. 4: 1) форму.

Среди венчиков округлой формы выделяются разновидности: с внутренним карнизом (1

экз. - рис. 1: 1), внутренним «воротничком» (1 экз. - рис. 2: 12), отогнутый наружу (1 экз. - рис. 1: 5), утолщенный (1 экз. - рис. 3: 1). Среди уплощенных - с внешним (5 экз. - рис. 1: 4,6,8,10,11) и внутренним (2 экз. - рис. 1: 9; рис. 2: 11) карнизом, грибовидные (2 экз. - рис. 1: 3; рис. 2: 10), с внешним скосом (1 экз. - рис. 3: 4), утолщенные (3 экз. - рис. 1: 6; рис. 2: 13; рис. 3: 8).

По форме тулова среди сосудов значительно преобладают «закрытые» банки (19 экз.), также встречены фрагменты нескольких горшков, которые по форме практически приближались к банкам, т.е. почти без шейки (1 экз. - рис. 1: 5), или с очень короткой шейкой, плавно переходящей в слабо раздутое тулово (3 экз. - рис. 1: 4; рис. 2: 14,16).

В верхней части тулова сосуды украшались отпечатками ногтя (2 экз. - рис. 2:1; рис. 3: 6), ямками, нанесенными палочкой (4 экз. - рис. 1: 5; рис. 2: 5; рис. 3: 6; рис. 4: 1) или пальцем (2 экз. - рис. 1: 7; рис.3: 9), «жемчужинами», выдавленными изнутри палочкой (8 экз. - рис. 1: 6; рис. 2: 4,7,8,15; рис. 3: 2,7,8) или пальцем (6 экз. - рис. 1: 2,10; рис. 2: 9,13; рис. 3: 1, 5). На трех сосудах «жемчужины» были защипнуты с боков (рис. 1: 2, 10; рис. 3: 8). Среди единичных элементов орнамента — примыкающие друг к другу прочерченные дуги (рис. 1: 1), двойная прочерченная линия (рис. 2: 2), горизонтальные и вертикальные ряды протащенных ногтевых отпечатков в сочетании с защипнутыми «жемчужинами» (рис.1: 2), прочерченные прямые линии (рис. 3: 7,10).

По фрагментам 20 сосудов был проведен анализ исходного сырья и формовочных масс.

Отмечено использование трех видов исходного сырья:

1) слабоожелезненные глины — 1 экземпляр,
2) среднеожелезненные глины — 11 экз.,
3) сильноожелезненные глины — 8 экз.

Гончары, обитавшие на поселении, применяли два рецепта формовочных масс:

1) глина + песок + органика (вероятно, навоз в малой концентрации) — 17 экз.,
2) глина + шамот + органика — 3 экз.

Песок применялся мелкой (1 экз.], средней (11 экз.] и крупной (5 экз.] размерности, в концентрации 1:4 (6 экз.] и 1:5 (11 экз.). Шамот встречен средний (1 экз.) и крупный (2 экз.), в концентрации 1:5. По ожелезненности исходное сырье шамота среднеоже- лезненное (2 экз.) и слабоожелезненное (1 экз.).

Приемы конструирования изучались по фрагментам 23 сосудов (в том числе фрагменты придонных частей 6 сосудов), по которым установлено существование двух технологических схем:

1 - донно-емкостный начин и полое тело из жгутов по кольцевой траектории с боковым наложением (3 экз.);

2 - емкостный начин и лоскутно-комковатое полое тело (3 экз.).

Днище сосудов с емкостными начинами изготавливалось из жгутов, накладывавшихся по спиральной траектории.

Полое тело изготавливалось тремя способами:

1 - из жгутов по кольцевой траектории с боковым наложением (5 экз.); 2 - лоскутно-комковатым способом (11 экз.); 3 - из лент по кольцевой траектории с боковым наложением (7 экз.). Последний способ указывает на существование еще одной технологической схемы. Все сосуды, изготовленные из лент, а также из жгутов, имеют формовочные массы, составленные с добавкой песка, а изготовленные лоскутнокомковатым способом - с добавкой шамота.

По повторяющимся сочетаниям приемов отбора исходного сырья, составления формовочных масс и конструирования выявлено две группы сосудов, каждая из которых могла быть изготовлена своим мастером:

1 - среднеожелезненная глина + среднеразмерный песок в концентрации 1:4 + органика и полое тело из лент по кольцевой траектории с боковым наложением (рис. 2: 14; рис. 3: 2,3,5);

2 - сильноожелезненная глина + крупноразмерный шамот в концентрации 1:5 + органика и лоскутно-комковатое полое тело (рис. 2: 13; рис. 3: 6).

Малочисленность керамической коллекции поселения Шидерты позволяет сделать лишь предварительные обобщения.

Если сравнивать полученные данные с материалами поселений РЖВ Карагандинской области [4; 5], то традиции выбора исходного сырья совпадают - в обоих регионах применялись в основном среднеожелезненные глины. Однако имеются особенности в рецептуре формовочных масс - в отличие от карагандинских поселений, где предпочитались крупная размерность минеральных примесей и навоз в заметной концентрации, гончары поселения Шидертинское-2 использовали среднеразмерный песок и очень малую концентрацию навоза.

Кроме того, при конструировании полого тела жителями карагандинских поселений применялись в основном жгуты, тогда как на поселении Шидертинское-2 преобладает лоскутно-комковатый способ.

По шидертинским материалам выделена технологическая схема изготовления керамики, отсутствующая в карагандинских поселениях — донно-емкостный начин и полое тело из жгутов по кольцевой траектории с боковым наложением.

По морфологическим признакам (форма, орнаментация) керамика поселения Шидертинское-2 ничем не отличается от посуды других поселений Мелкосопочника с керамикой раннесакского времени [7, табл. 62, 63; 8, рис. 3,7,13; 4, рис. 1-3; 5].

Вышеперечисленные технологические особенности определяют лишь локальное, но не культурное своеобразие данного памятника в рамках ареала подобных поселений Казахского мелкосопочника.

* * *

Мақалада 2008 ж. зерттеуден өткен Шідерті-2 қонысының ертесақ кезеңі қышының сипаттамасы беріледі. Ескерткіш Павлодар облысы Екібастүз ауданы жерінде Шідерті өзені бойында орналасқан. 112 шаршы м аумағы қазылып, бұдан ертеқола, ертесақ және төцкеріске дейінгі қазақ заманына жататын деректер алынған. Соның арасында ертесақ қышы - барлығы 1 ООО астам ыдыс бөлшегі. Қарастыра келе, мұның 40 ыдыстың сынығы екендігі нақтыланды. Авторлар қыштың сыртқы сипатын беріп қана қоймай, сонымен қатар, оның технологиялық ерекшеліктерін де анықтаған. Қорыта келіп, авторлар жалпы сипаты бойынша бұл қыштың бұрынырықта зерттелген Қарағанды облысының ертесақ қоныстары қышына сәйкес келетінін, сонымен бірге, оның өзіне тән жергілікті технологиялық айырмашылықтары да бар екенін дәлелдейді.

Список использованных источников и литературы

1. Бедельбаева М.В., Варфоломеев В.В., Ильин Р.В. Центрально-казахстанское посе-

ление Кыштан в системе памятников начальной фазы РЖВ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края [материалы Всероссийской научно- практической конференции]. Барнаул. 2006. вып. XV. С.163-167
2. Бедельбаева М.В., Варфоломеев В.В. Кыштан - центральноказахстанское поселение эпохи раннего железа // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Астана. 2008. С.241-245
3. Бейсенов А.З. К проблеме поиска и изучения поселений раннего железного века Центрального Казахстана // Исторична наука: Проблеми розвитку. Материалы Международной научной конференции. Луганск, 2002. С. 1-9
4. Бейсенов А.З., Ломан В.Г. О керамике поселений раннего железного века Кереге- тас-2, Едирей-1, Едирей-3 [Центральный Казахстан] // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда. 2007. С. 156-163
5. Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы. 2009
6. Бейсенов А.З., Мерц В.К. К изучению памятников района р. Шидерты // Известия НАН РК. СОН. №1. 2010. С. 40-45
7. Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы. 1994
8. Хабдулина М.К. Поселения раннесакского времени на р. Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т.1. Древние эпохи. Астана. 2003. С.189-214

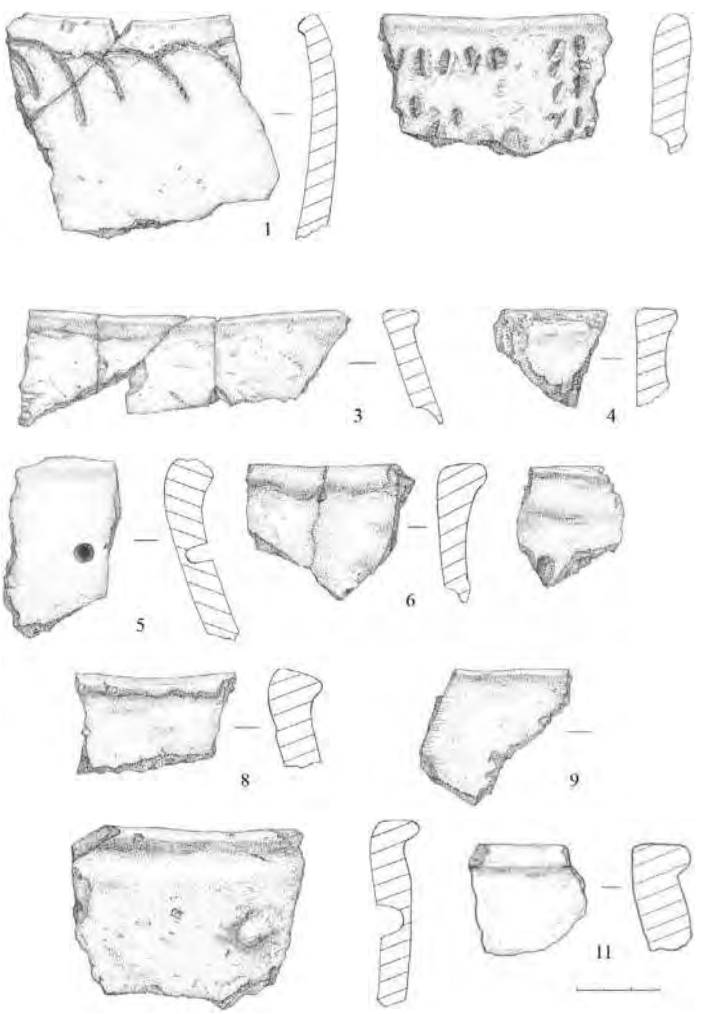


Рис. 1. Керамика раннесакского времени из поселения Шидертинское-2

Рис. 3. Керамика раннесакского времени из поселения Шидертинское-2

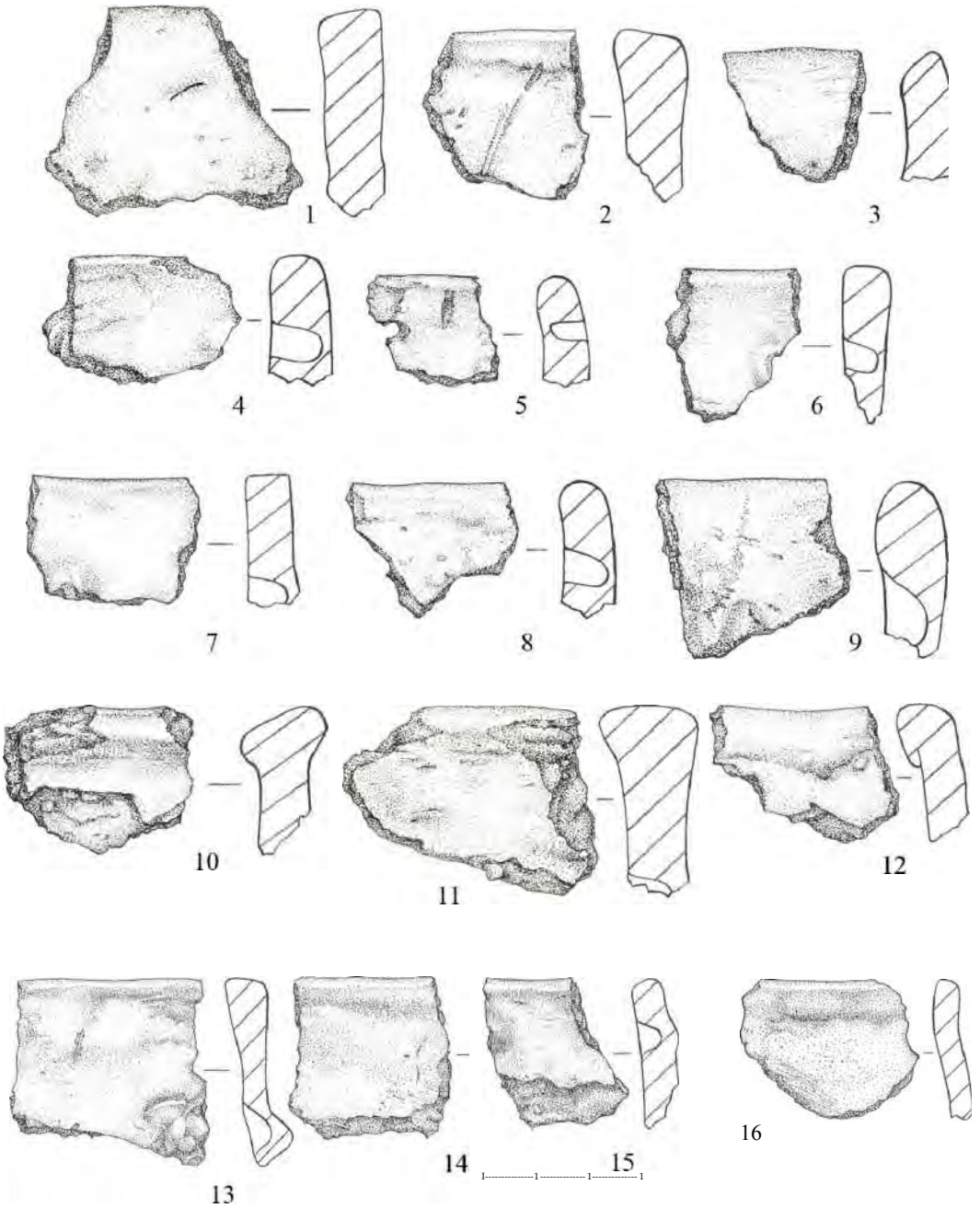


Рис. 2. Керамика раннесакского времени из поселения Шидертинское-2

Рис. 3. Керамика раннесакского времени из поселения Шидертинское-2

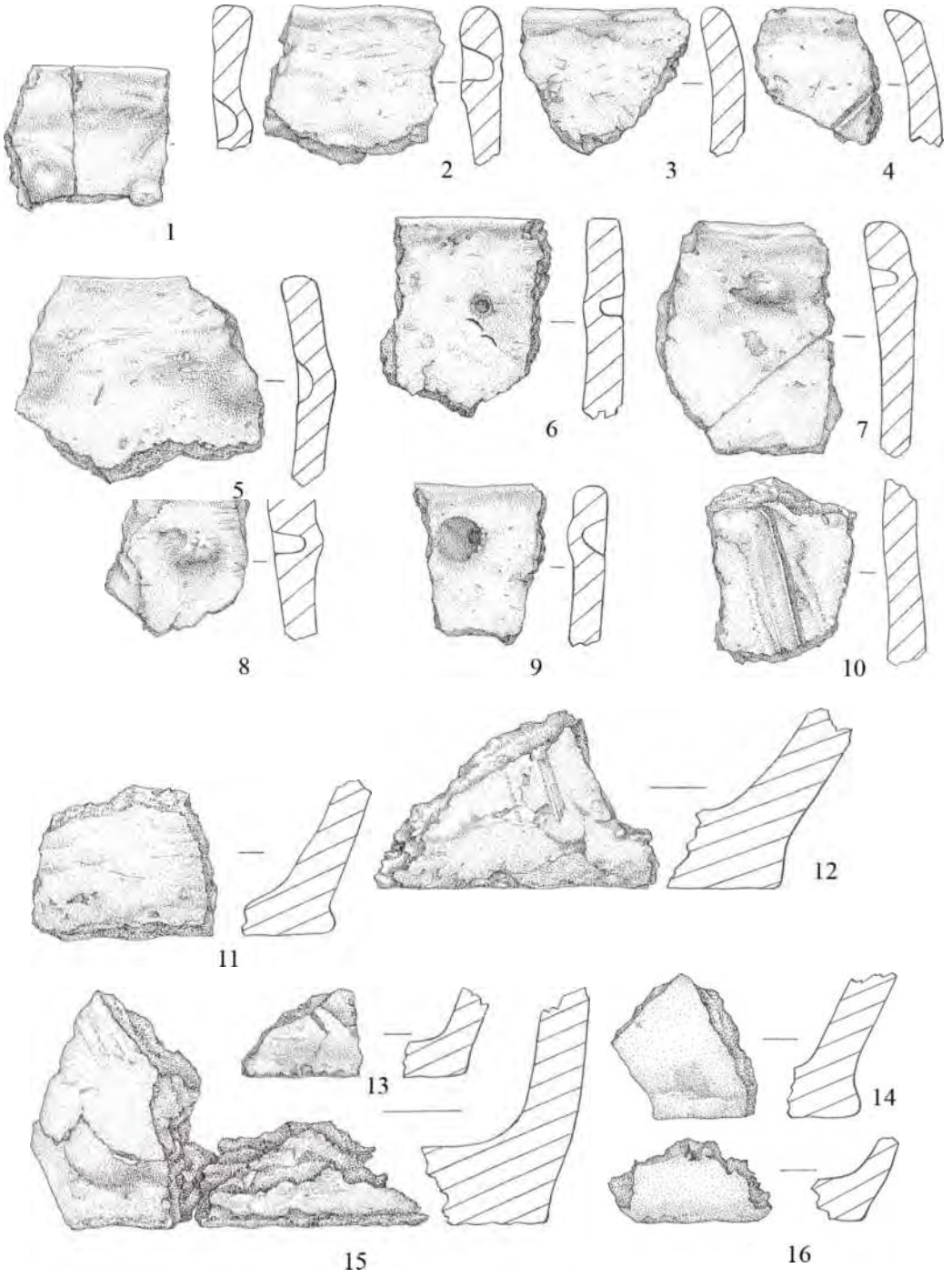


Рис. 2. Керамика раннесакского времени из поселения Шидертинское-2

Рис. 3. Керамика раннесакского времени из поселения Шидертинское-2

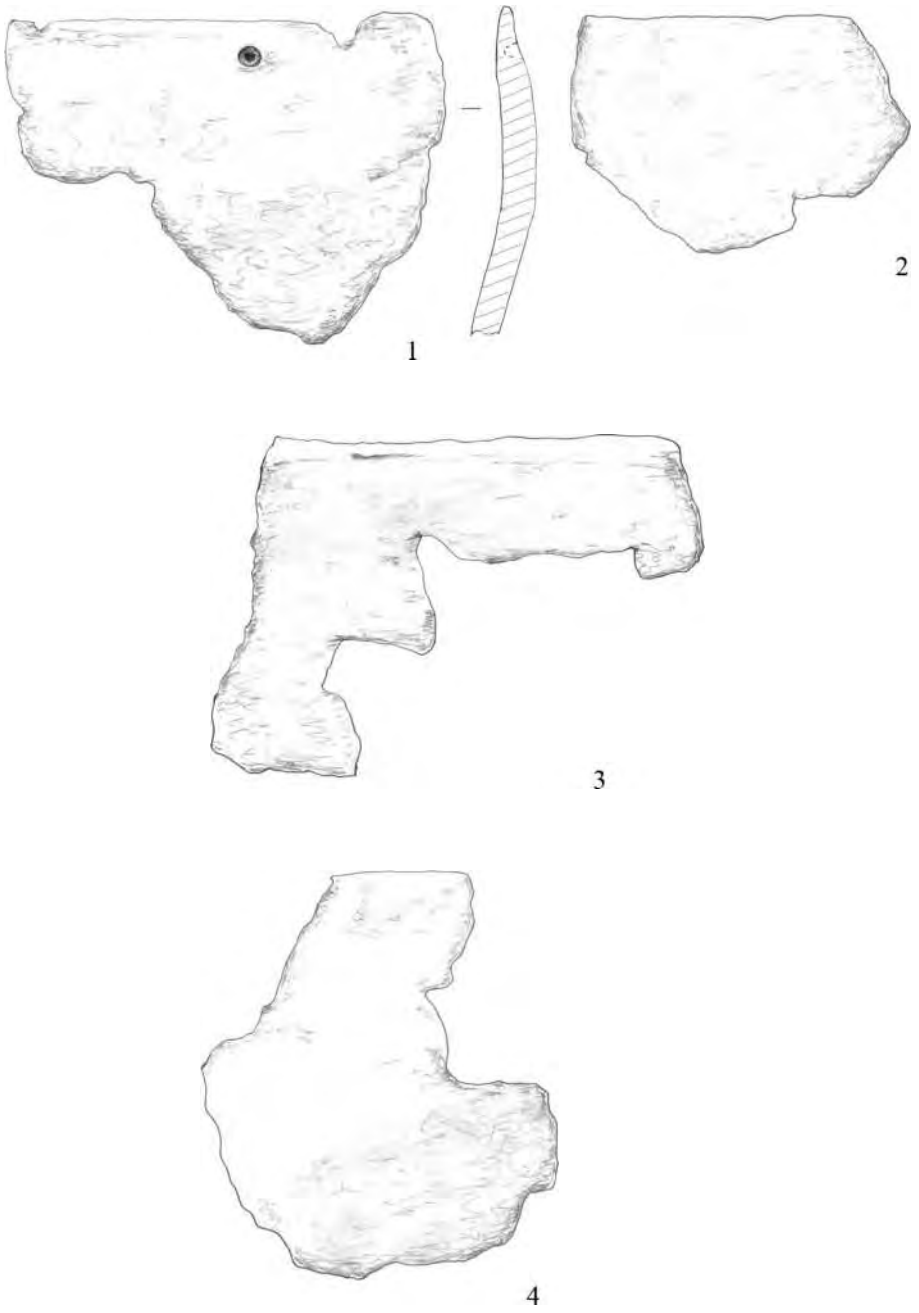


Рис. 2. Керамика раннесакского времени из поселения Шидертинское-2

Грушин С.П.
Россия, ***Барнаул*** Реконструкция состава стада поселка эпохи ранней бронзы Костенкова избушка в верхнем Приобье[18]

В настоящее время среди специалистов археозоологов устоялась точка зрения, что достоверность полученных результатов напрямую зависит от количества остеологической выборки. Фактор случайности приобретает решающее значение при минимальных количественных палеозоологических данных. Выводы, базирующиеся на обработке коллекции, включающей тысячи определяемых костей животных, несомненно, выступают как достоверные и надежные. При определении минимального количественного объема выборки для получения достоверной информации, отражающей структуру кухонных остатков на поселении, называется цифра 400 определимых костей [1, с. 16] или 200-300 экз. [7]. Такие показатели достаточны для определения видового состава животных наиболее значимых в хозяйстве конкретного поселения и реального соотношения их костей в кухонных остатках. Также существует мнение, что количественное соотношение разных видов скота, выявляемое по костям домашних животных в культурных слоях древних поселений, не соответствует их истинному соотношению в реальном стаде. Так, например, воспроизводство м.р.с. идет более быстрыми темпами, чем коров и лошадей и поэтому необходимы поправки и коэффициенты. Среди специалистов нет единого мнения по вопросу о методике оценки. Большинство исследователей, в частности М.Ф. Косарев, считают, что более объективную картину численного соотношения разных видов скота в реальном стаде дают количественные соотношения костных остатков домашних копытных по «числу особей» [5, с. 55], однако специалисты в области палеозоологии констатируют, что для изучения кухонных остатков наиболее адекватным является использование абсолютного числа костей конкретных видов, а для ритуальных или иных комплексов, включающих целые скелеты и их части, более информативным является число особей [1, с. 19].

Реальная картина, безусловно, могла быть более сложной, чем раскладка по палеозоологическим данным. Другими словами не всегда правомерно напрямую экстраполировать соотношения остатков домашних видов из материалов археологических памятников с реальным составом стада. Такая ситуация возможна лишь в исключительных случаях, адекватные условия археологизации костного материала, автономность, изолированность поселка, натуральный характер его хозяйства (все разводимые животные забивались и съедались). В большинстве же случаях остеологическая выборка может быть результатом самых различных факторов, которые археологи не всегда моіут уловить. Среди них не только особенности воспроизводства тех или иных видов животных, но и особенности археологизации костных остатков, характер товарообменных операций (скот мог выступать в качестве обменного эквивалента), что, в конечном счете, могло существенным образом сказываться на конечном процентном соотношении костей разных видов домашних животных в археологических отложениях. Тем не менее, палеозоологические данные рассматриваются как наиболее существенные источники по реконструкции древнего хозяйства, поэтому их использование оправдано.

Возможности реконструкции древнего стада остаются, и для их реализации требуется решение нескольких задач. Первая из них - это переход от выборки кухонных остатков к относительным объемам мясной продукции. Для подсчета объема мяса необходимо ввести переменную, которая фиксирует разницу в весе - кратность веса туш - у разных животных [2, с. 339]. На этом этапе реконструкции необходимо убедиться в том, что изучаемый материал не является результатом торговых поставок мяса, а отражает состав стада, содержащегося на поселении, и съедены там же. Для этого необходимо использовать данные по другим формам хозяйственной деятельности на поселениях, а также такие показатели как размеры и пределы изменчивости отдельных видов, указывающие на условия содержания и кормления

18 Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект №2009-1.1-301-072-016 «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» и го с .контракта П1140 «Система жизнеобеспечения и производства населения Алтая в эпоху энеолита и ранней бронзы (2 пол. IV-начало II тыс. до н.э.)».

[3, с. 72]. Следующий показатель, который необходимо выяснить для успешной реконструкции, это характер и формы использования различных видов животных. Для этого требуется археозоологический анализ возрастной структуры забитого на поселении скота. Для получения модели, близкой к реальному составу стада, необходимо использование всех обозначенных выше показателей и только при их наличии можно говорить о ее достоверности с учетом имеющегося на сегодняшний день методического инструментария. Данный алгоритм был применен при реконструкции состава стада поселка раннего бронзового века Костенкова Избушка. Памятник, расположенный в правобережье Верхней Оби на берегу оз. Большой Иткуль был открыт в 1956 г. Б.Х. Кадиковым [4]. За период с 1978 -1981 гг. Ю.Ф. Кирюшиным на поселении было вскрыто площади 1414 кв. м., получен значительный археологический материал. Памятник многослойный, материал эпохи ранней, развитой, поздней бронзы, РЖВ и средневековья вычленяется типологически [6]. Наряду со слоями раннего бронзового века, памятник содержал более ранние - энеолитические и более поздние напластования - эпохи поздней бронзы и раннего железного века. Данное обстоятельство, конечно, значительно сужает достоверность полученных выводов. Он связан с тем обстоятельством, что палеозоологические материалы разного времени оказывались перемешанными, и если изделия из смешанных слоев можно типологически разбить на культурно-хронологические группы, то палеозоологические материалы такому анализу подвергнуть нельзя. Однако, надежда на относительно обоснованную реконструкцию хозяйства поселка Костенкова Избушка раннего бронзового века, на наш взгляд, кроется в нескольких обстоятельствах. Во- первых, материалы различных культурно-хронологических групп распределяются по глубине слоя не равномерно, что позволяет выборку остеологических материалов ограничить слоями, в которых преобладают материалы эпохи ранней бронзы. Во- вторых, полученная выборка по соотношению видов животных, повторяет картину в целом по всем остеологическим материалам. Это, по нашему мнению, может свидетельствовать, что основной массив остелогического материала, полученный с памятника Костенкова Избушка, связан именно с эпохой ранней бронзы.

Распределение керамики различных культурно-хронологических групп по условным горизонтам вскрытия показали преобладание материалов раннего бронзового века во 2 и 3 слоях [6, рис.59], поэтому остеологические материалы этих слоев и были взяты за основу при реконструкции стада поселка. В данных слоях поселения Костенкова Избушка из 1648 определимых костей 512 экз. (31%) принадлежат домашним животным, диким - 1136 экз. (68,9%). При реконструкции состава стада мы не учитывали определимые кости собаки, по этой причине общее количество костей с/х животных составило 427 экз. Они показали следующий спектр. На первом месте среди определимых костей занимает лошадь (251 экз.), на втором - КРС (114 экз.), на третьем МРС (62 экз.). В процентном соотношении остеологический спектр выглядят соответственно следующим образом: лошадь - 58,8%, КРС - 26,7%, МРС - 14,5%. Представленные данные демонстрируют количество отходов - костей, а не объем съеденного мяса. Для определения последнего показателя необходимо ввести переменную, которая фиксирует разницу в весе - кратность веса туши у разных животных [2, с. 339]. Подсчитанные таким образом относительные объемы потребления мяса указывают на интенсивность мясной эксплуатации вида. Исходя из данных расчетов, 70% всего съеденного мяса с/х животных на поселении Костенкова Избушка приходится на лошадь, 32,1%

- на КРС, и лишь 2,9% - на МРС.

Для того, что бы определиться в том, что изучаемая выборка не является результатом торгово-обменных поставок мяса, а отражает состав животных, содержащихся на поселении и съеденных там же, в схему расчетов вводится дополнительная информация о других формах хозяйственной деятельности на поселении. Для поселения Костенкова Избушка речь может идти о натуральном комплексном хозяйстве с ведущей ролью охоты и рыболовства. В таблицу также вводятся данные о предполагаемых формах эксплуатации каждого вида с/х животных, основанные на половозрастном характере забитых животных. В нашем случае, к сожалению, нет данных по данному параметру, поэтому мы ограничились лишь предположениями, основанными на общем облике материальной культуры и характером

природно-географического окружения. Получилась следующая картина: КРС - мясо-молочная эксплуатация; МРС
- мясо-шерстяное (?) использование; лошадь - мясо-транспортное.

С учетом всех выше отмеченных показателей можно представить иерархию видов с/х животных в стаде поселка Костенкова Избушка: лошадь, КРС и МРС. Нужно учитывать, что скотоводство для жителей поселка было не основной отраслью, обеспечивающей потребности в мясе. Объектами охоты выступали крупные копытные животные - лось, косуля, олень, обеспечивающие данную потребность. Большой процент костей собаки на поселении Костенкова Избушка может свидетельствовать о ведущей роли охоты населения, оставившего данный памятник, так как данный вид животных использовался в охотничьем промысле. Часть костей принадлежала относительно крупным собакам, разведение и использование которых могло быть связано со скотоводством: для охраны и контроля стада. Видимо сосуществование МРС и лошадей в стаде связано с тем, что лошадь может тебеневать, а овцы обычно пасутся вместе с лошадями.

* * *

Баяндамада ерте қола дәуіріне жататын мал құрамын қайта қалпына келтіру мәселесіне арналған. Автор осы саладағы археологиялық зерттеулердіц әдістемесіне бірнеше теориялық мәселелеріне көціл бөледі. Айшықты мысал ретінде автор қола дәуіріне жататын Костенкова Избушка елді мекенініц зерттеу мәліметтеріне сүйеніп, жануарларыныц түрлері, олардыц атқаратын қызметі анықталып, елді-мекенніц ежелгі түрғындары шаруашылығындағы ара қатынасы көрсетілген.

Список использованных источников и литературы

1. Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию рождения В.И. Цалкина. М. 2003. С. 7-33
2. Антипина Е.Е. Возможности реконструкции состава стада домашних животных в археологии // Современные проблемы археологии России. Новосибирск. 2006. - Т. II. С. 339-342
3. Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю. Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия //Российская археология. 2005. №4. С. 70-78
4. Кадиков Б.Х. Итоги археологических разведок Бийского Музея // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск. 1959. С. 18-19
5. Косарев М.Ф. Западная Сибири в древности. М.: Наука. 1984. 246 с.
6. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ. 2002. 294 с.
7. Косинцев П.А., Стефанов В.И., Труфанов А.Я. Репрезентативный объем остеологической выборки и устойчивость характеристик типа хозяйства и состава стада // Актуальные проблемы методики Западносибирской археологии. Новосибирск. 1989. С.138-141

Зайков В.В., Таиров А .Д., Зайкова Е.В., Котляров В. А., Боталов С.Г.

Россия, Челябинск, Миасс Золотые изделия с включениями осмия из могильника Магнитный (Челябинская область) и проблема осмиевого следа в артефактах[1]

В последние годы в золотых изделиях из археологических памятников Южного Урала выявлены включения минерала, являющегося естественным сплавом осмия, иридия, рутения. По разработанной номенклатуре [6, с. 231-237] он отнесен к осмию, а в его наименовании дается уточнение: осмий рутенисто-иридистый, осмий иридисто- рутенистый и т.д. По сравнению с золотом, для компонентов, входящих в состав минерала, характерна чрезвычайно высокая температура плавления (°С): осмий 3050, рутений 2250, иридий 2410. Осмий является спутником платины в коренных месторождениях и в россыпях складчатых

поясов установлен совместно с золотом на Урале, в Турции, Болгарии, Калифорнии, Канаде. Таким образом, закономерно присутствие в золотых изделиях из россыпного материала складчатых поясов зерен осмия. Они практически не затронуты плавлением, испытали лишь деформации и расщепление при ковке золотой фольги.

Находки осмия сосредоточены в двух группах курганов: западной, примыкающей к Главному Уральскому разлому [5, с. 156] и восточной, в зоне влияния Восточно- Уральского глубинного разлома (рис. 1). В последней группе осмий установлен в золотых изделиях из могильников Кичигино I, Степное, Ушкатты и Большого Кли- мовского кургана, расположенных в полосе протяженностью около 500 км на водоразделе рек Урала и Тобол [3, с. 33-37]. В 2010 году археологической экспедицией Южно- Уральского государственного университета и Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН начаты исследования могильника Магнитный, расположенного вблизи второй группы памятников.

Цель сообщения - характеристика новых находок минералов осмия в золотых изделиях из кургана № 21 могильника Магнитный и определение возможного источника золота.

Материал для исследований представлял собой частички золота размером 1-5 мм, которые включались в шашку диаметром 2 см с последующим углеродным напылением. После изучения металла оптическими методами (микроскопы Axiolab и Olimpus) выбирались места для микрозондового анализа с диаметром пучка 2-3 микрона. Определение состава металла и включений проводилось с помощью электронных микроскопов РЭММА-202М (оператор В.А. Котляров), JEOL 733 (оператор Е.И. Чурин). Методика работ описана в монографии [4, с. 20, 130-135]. Для изучения золотых изделий использован также портативный прибор INNOV, позволяющий проводить анализы металла неразрушающим методом (оператор П.В. Хворов). Состав включений и вмещающего золота иллюстрируется табл. 1 и 2, а также диаграммой (рис. 2).

Могильник Магнитный находится на вершине господствующей возвышенности в 2,5 км к северо-западу от поселка Магнитный Агаповского района Челябинской области. Некрополь состоит из 30 грунтовых сооружений округлой, подпрямоугольной и гантелевидной формы. В состав могильника входит и курган с «усами». В 2010 году полностью исследовано самое крупное сооружение могильника (курган 21), представляющее собой округлую земляную конструкцию диаметром около 30 м и высотой почти 2 м. Основное погребение было совершено под западной полой кургана, поэто- *1* Исследования выполнены при поддержке междисциплинарного проекта УрО РАН № 09-М-457-2001. Авторы благодарны за помощь и консультации А. М. Юминову, Е. И. Чурину, П.В. Хворову, Е.В. Белому оно оказалось непотревоженным, несмотря на неоднократные поиски его грабителями.

В могильной яме с подбоем вдоль продольной западной стенки выявлено захоронение

пожилой женщины, уложенной в деревянную колоду на спине, головой на север.

У южной стенки погребальной камеры помещен набор бронзовой посуды, включающий ойнохойю (кувшин с вертикальной ручкой), ковш, ситечко, а также железный черпак, красноглиняной гончарный плоскодонный горшок и глиняную миску. Между набором посуды и торцевой стенкой колоды находились бронзовое зеркало, костяная игольница с железной иглой, железные ножницы и ряд других предметов. Здесь была положена сумочка, расшитая синим и золотисто-желтым стеклянным бисером, бусами из кристаллов пирита и золотыми бляшками двух типов - полусферическими и треугольными с шестью полусферическим выпуклостями.

У верхней части колоды находились бронзовый котелок с деревянной ложечкой внутри, сероглиняный гончарный сосуд с узким горлом, стеклянный стакан и серебряный флакончик для ароматических веществ.

На шее погребенной находилось ожерелье, состоящее из круглых золотых бусин, разделяющих круглые и листовидные золотые подвески со вставками граната в обрамлении зерни. На ее плече лежала бронзовая фибула. Рукава и ворот одежды были расшиты золотыми бляшками треугольной формы. Обувь украшалась золотыми полусферическими бляшками.

Набор бронзовой и стеклянной посуды, имеющий аналогии в позднеримских древностях Восточной Европы, позволяет отнести погребение к гунно-сарматскому времени и датировать его III в. н.э.

Микровключения осмия. Исследованные золотые изделия представлены подвесками, бусинами и нашивными бляшками. Состав золота варьирует в пределах: (мае. %): Аи 80 - 99; Ag 0 - 16; Си 0 - 6. Сопоставление результатов анализа микрозондовым и рентгенофлуоресцентным методом показало хорошую сходимость (табл. 1). Для каждого типа изделий состав близок, за исключением треугольных бляшек. В них состав золота представлен двумя группами анализов (масс. %): Аи 93-94; Ag 5; Си 1 и Аи 83-85; Ag 12-13; Си 3.

Включения осмия (7 зерен) при исследовании 27 препаратов были выявлены в бляшках полусферических и треугольных. Такое значительное количество является уникальным для археологических памятников Урала, поскольку обычно находки включений единичны. В 9 изделиях первого типа диаметром 4-6 мм установлено 4 зерна осмия размером от 6x15 до 100x120 микрон. Морфология их разнообразна: овальная, треугольная и четырехугольная с закругленными вершинами. Состав вмещающего золота исключительно однороден (масс. %): Аи 99. В 8 бляшках треугольной формы размером 5-6 мм выявлено 3 зерна осмия. Включения имеют овальную форму и заключены в золоте состава (масс. %): Аи 94; Ag 4; Си 1.

Состав осмия и вмещающего золота показан в таблице 2. По соотношению атомных количеств Os, Ru, Ir в кристаллохимических формулах [1, с. 6-22] в исследованных зернах выделяются три типа составов. Приведенные кристаллохимические формулы показывают процентное соотношение атомных количеств элементов.

1- е преобладанием Os: зерно 3 - осмий рутенисто-иридистый (Os.41Ir.34Ru.21Fe.03Rh.013), зерно 4 - осмий иридисто-рутенистый (Os.67Ru.18 Ir.13Rh.02), зерно 5 - осмий иридистый (Os.59Ir.36Ru.04Fe.01).

2- е преобладанием Ru: зерно 2 - рутений иридисто-осмистый, родий и платину-содержащий(Ри.4308.26Ir.23Ph.05Pi02Fe.01), зерно 6-то же (Ru.520s.32Ir.10Rh.04Pt.02).

3 - с преобладанием Ir: Зерно 1 - осмистый иридий, содержащий рутений (Ir.450s.36Ru.12Fe.06Rh.01), зерно 7- то же (Ir.530s.25Fe.13Ru.09).

Сравнение состава осмия из исследованного кургана и других археологических памятников Урала показано на треугольной диаграмме (рис. 2). Основное количество анализов соответствуют полю I, в которое входит большинство составов изученных включений осмия из курганов Южного Урала. Поля II, III, IV включают составы осмия некоторых включений из Филипповского, а также Переволочанского и Яковлевского курганов [2, с. 174-181; 5, с. 152-161]. Эти археологические памятники располагаются в западной части региона вблизи Главного Уральского разлома. С ними совпадают некоторые анализы включений из Южного Зауралья - могильников Магнитный и Ки- чигино.

Источники металла. Оценим предварительно вероятные источники золота, из которых были изготовлены исследованные артефакты. В древние времена основным поставщиком благородного металла являлись россыпи, золото извлекалось в виде самородков и путем промывки песков. На территории, примыкающей к курганам Южного Зауралья, присутствуют россыпи, которые содержат осмий. Аналогичная ситуация свойственна и курганам западной группы. Включения осмия по морфологии зерен и широким вариациям

состава имеют россыпную природу. Всего на Южном Урале имеется около 500 россыпных месторождений, часть которых разрабатывается и в настоящее время. Среди коренных источников наиболее известными являются золото-кварцевые жилы Кочкарского и Миасского рудных районов, расположенных в Главном Уральском и Восточно-Уральском разломах.

В россыпях присутствует золото двух разновидностей: одно из них первичное, наследующее состав коренных источников; другое - вторичное, обязанное гипергенным процессам. Первичное золото имеет состав (мае. %): Аи 90-95; Ag 9-5; Си 1. Этот, или сходный материал, мог питать россыпи соответствующего состава. Вторичное золото, известное в россыпях, представлено практически чистым золотом. Примером является Северо-Светлинская россыпь Кочкарского района, в которой часть металла имеет такое же качество.

О возможном источнике благородного металла для изготовления артефактов можно предварительно судить по составу изделий в сопоставлении с составом золота из месторождений. Для золота образцов М 2 с чрезвычайно высоким и однородным содержанием золота (99 %), источником могло являться вторичное золото россыпей. Образцы М 3 могли быть изготовлены из россыпного золота, наследующего первичный состав (мае. %): Аи 93-95; Ag4-6; Си 1-2. Но по данным изучения состава россыпей установить конкретный источник получения металла для древних драгоценностей невозможно.

Более определенную картину дает исследование включений осмия. Для западной группы курганов (Переволочанский, Яковлевский), содержащих включения осмия в золотых изделиях, источником могли являться россыпи из зоны Главного Уральского разлома. Эта структура вмещает многочисленные тела пород ультраосновного состава, с которыми связаны осмий и золото. Вероятным источником металла могли служить россыпи из рек Миасс, Кизил, Таналык и Сакмара. Они дренируют Главный Уральский разлом и приуроченные к нему золотоносные структуры на протяжении 600 км. Состав осмия из россыпей, приуроченных к данному разлому, относится к полю I. Но для определения конкретных источников металла эти анализы малопригодны, поскольку являются типовыми для минералов осмиевой группы большинства офиолитовых зон Евразии. Значительно информативнее анализы, попавшие в локальные ареалы (поля II-IV). Можно полагать, что входящие в ареалы составы включений из Филипповского, Переволочанского, Яковлевского, Кичигинского и Магнитного могильников имеют единый источник. С полем II совпадает поле V, в котором располагаются минералы осмия из россыпей Среднего Урала, тяготеющих к Главному Уральскому разлому. Эта структура и могла быть источником золота для древних мастеров.

Таким образом, установлено широкое распространение включений осмия в древних золотых изделиях, по которым можно установить осмиевые следы в ареале распространения соответствующих артефактов. Западное направление следов зафиксировано присутствием включений осмия в золотых изделиях курганов Филипповского могильника и средневекового города Уфа-II, расположенных в 100-200 км от предполагаемых мест добычи металла в зоне Главного Уральского разлома. Восточная граница ареала открыта и ее определение возможно путем пристального исследования казахстанских артефактов.

* * *

Мақалада Оңтүстік-Орал мемлекеттікуниверситетінің және РҒА Оңтүстік бөлімінің Тарих, археология институтының Оңтүстік-Орал филиалының экспедициясы 2010 жылы Магнитный қорымында, №21 қорганынан табылган жаңа материалдарына жасалган сараптама нәтижелері беріледі. Алтын бүйымдар құрамында осмий элементі табылган. Аталган факт Орал, Түркия, Болгария, Калифорния, Канада аймақтарында алтын немесе

платина шыгаратын орындарында кездеседі. Автор жасалган сараптау жұмыстары арқасында, артефакт жасалган металлдың шыққан жерін анықтауга болады деп түжырымдайды.

Список использованных источников и литературы

1. Булах А.Г., Кривовичев В.Г., Золотарев А.А. Формулы минералов. Термодинамический анализ в минералоги и геохимии. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ. 1995. 260 с.
2. Зайков В. В., Котляров В. А., Зайкова Е. В. Включения осмия в золотом изделии из Филипповского кургана (Южное Приуралье) // Уральский минералогический сборник. № 16. Миасс - Екатеринбург: ИМин УрО РАН. 2009. С. 174-181
3. Зайков В. В., Таиров А. Д., Котляров В. А., Зайкова Е.В. Включения осмия в золотых изделиях из Кичигинских курганов (Южный Урал) //Минералы и минералообра- зование в природных и техногенных процессах. Уфа: ИГ УНЦ РАН. 2009. С. 33-37
4. Рид С. Дж. Электронно-зондовый микроанализ и растровая электронная микроскопия в геологии. М.: Техносфера. 2008. 232 с.
5. Юминов А. М., Зайков В. В., Сиротин С. В., Хворов П. В., Котляров В. А. Состав золотых изделий из материалов погребений курганных могильников Переволочан-I, Переволочан-II и одиночного кургана Яковлевка-II // Уральский минералогический сборник. № 17. Миасс - Екатеринбург: УрО РАН. 2010. С. 153-161
6. Harris D., Cabri L. Nomenclature of platinum-group-element alloys: review and revision // Can. Min. 1991. V. 29. P. 231-237

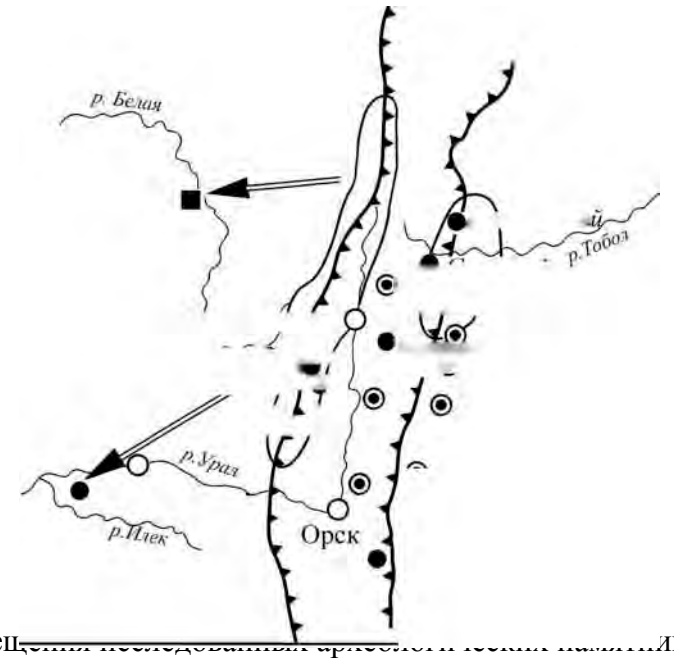


Рис. 1. Схема размещения исследованных археологических памятников на Южном Урале. 1-2 памятники с включениями осмия в золотых изделиях: 1 - могильники; 2 -городища; 3 - исследованные курганы, в золотых изделиях которых не установлены включения осмия; 4 - глубинные разломы с телами золотоносных ультрабазитов; 5 - ареалы главных золотоносных россыпей; 6 - основные города. Стрелками показано направление «осмиевых путей» древнего золота.

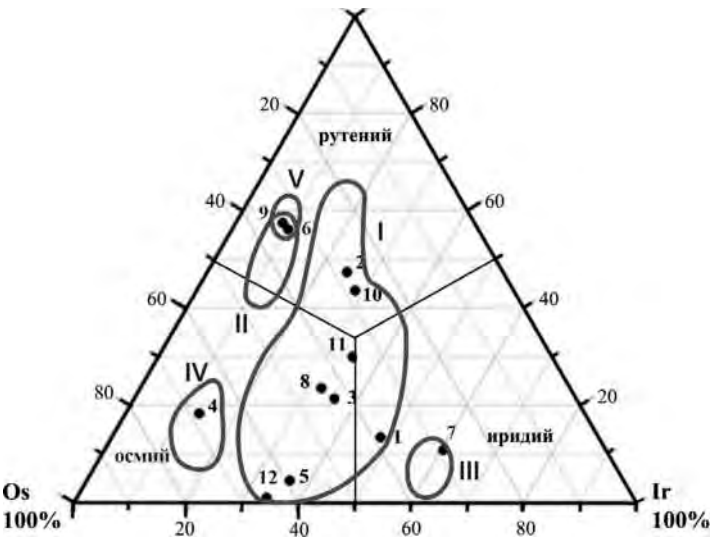


Рис. 2. Тройная диаграмма полей составов минералов осмия в золотых изделиях из курганов Южного Зауралья и Южного Предуралья.

Арабскими цифрами обозначены №№ зерен таблицы 1. Римскими цифрами - локальные поля составов: I - зерен осмия из россыпей Урала и большинства включений в древних золотых изделиях; II, III - зерен осмия из Филипповских курганов; IV - Филипповских, Переволочанских и Яковлевских курганов: V - некоторых россыпей Среднего Урала.

№	К о л - в о анализов	Изделиие	Аи	Ag	Си
Ml	10	Бляшки с одежды из заполнения нор	82.20	14.44	3.15
	6		81.52	14.49	3.87
М2	11	Б л я ш к и полусферические	99.47		0.01
	6		99.22	0.52	0.20
М3-28	16	Бляшки треугольные	93.06	5.47	1.12
	6		93.44	5.60	1.03
М3-29	3	Бляшки треугольные	84.67	12.53	2.65
	6		83.89	12.87	3.38
М4	9	Бляшки с одежды (левый рукав)	81.57	14.91	3.43
	6		80.96	14.00	4.50
М5	9	Бляшки с одежды (правый рукав)	82.21	14.32	3.28
	6		78.69	14.58	4.52
Мб	9	Бляшки с одежды (ворот)	81.99	14.47	3.39
	7		80.59	14.58	4.52
М7	10	Бляшки с обуви	79.80	15.71	4.21
М8	6	Бусы ожерелья	81.53	13.54	4.67
	7		81.76	12.74	5.28

Табл. 1. Сопоставление результатов анализа золотых изделий из кургана 21 могильника Магнитный методами RFA и микрозондовым. Примечание: в числителе - результаты анализа методом РФА на приборе INNOV (операторы П.В. Хворов, А.Д. Таиров), в знаменателе - результаты микрозондового анализа на приборе JEOL-733 (оператор Е.И. Чурин)

№ зерна	Место отбора	№ пробы	Кол-во анализов Aii/Os	Предметы	Зерна осмиевых минералов. Содержания, мае. %			Золото, вмещающее осмий. Содержания,		
					Os	Ir	Ru	Аи	Ag	Си
1	Магнитный, курган 21	М2-1	3/2	Бляшки полусферические	40.06	50.27	7.34	99.62		0.29
2		М2-1	3/4		32.89	30.06	29.87	99.48	0.26	0.19
3		М2-А	3/5		46.55	39.29	12.26	99.14	0.52	0.22
4		М-II	3/5		73.62	14.47	10.41	99.67	0.11	0.13
5		М3-28-1	3/5	Бляшки треугольные	59.86	37.05	2.39	94.99	4.04	0.86
6		М3-28-2	3/5		42.74	13.01	37.80	94.97	4.06	0.88
7		М-28-III	3/6		28.82	60.97	5.68	95.97	2.86	0.86
8	Клчигинский, курган 3	МЯ5-ор	6/4	Фольга	49.62	36.82	14.02	72.68	23.23	3.95
9	Кичигиский, курган 5	7 к	4/4	Фольга	46.23	11.82	41.53	71.52	24.37	3.79
10	Большой Климовский курган	173-БК	5/3	Фольга	33.15	33.76	27.27	75.12	22.18	2.48
11	Степной, курган 7	163/аБ	5/6	Подвеска	40.78	40.56	18.38	86.28	12.13	0.89
12	Ушкаттинский, курган	Ук7	3/3	Подвеска	64.82	34.11	0.47	77.24	18.26	5.39

Табл. 2. Состав минералов группы осмия и вмещающего золота из археологических памятников Южного Зауралья. Примечания: Анализы выполнены в Южно-Уральском центре коллективного пользования на микроанализаторах РЭММА 202 М (оператор В.А. Котляров). Рабочие коллекции: 1-10 - А. Д. Таирова; 11 - Д. Г. Здановича; 12 - В. В. Ткачева.

Казахстан, Астана Студенческая археология в ЕНУ им. Л.Н. Гумилева

Обучение специалистов археологов ЕНУ им. Л.Н. Гумилева имеет недавнюю историю. В 1992 году на базе Акмолинского университета на историческом факультете начали функционировать кафедры «Древней и средневековой истории», «Новой и новейшей истории». В связи с реорганизацией Акмолинского университета в ЕНУ им. Л.Н. Гумилева на их базе была создана кафедра «Всемирной истории и археологии». Первым заведующим кафедрой стал известный ученый, доктор исторических наук К.А. Акишев. 2000 году в ЕНУ им. Л.Н. Гумилева осуществляется первый набор абитуриентов на специальность «Археология и этнология». Кафедра целенаправленно осуществляет подготовку кадров по археологии, на базе кафедры был организован археологический кружок, реализовавший следующие задачи:

- содействие в подготовке научных работ студентов по археологии;
- проведение спецсеминаров по фундаментальным проблемам археологии Евразии;
- консультации при подготовке научных статей и тезисов студентов на конференции;
- разработка студентами отдельных научных направлений;

В период с 2000 по 2010 ЕНУ им. Л.Н. Гумилева осуществлял непрерывную подготовку кадров по специальности «Ареология и этнология». Общее количество студентов, которые поступили на специальность«Археология и этнология» 111 человек (табл. 1).

Участниками археологического кружка, принимавшие участие в различных международных и республиканских конференциях, в разные годы был дан научно- исследовательский продукт в виде публикаций статей и тезисов общее количество которых составляет 66 (табл. 2).

На сегодняшний день при обучении студентов археологов немаловажную роль играет археологическая практика. Уже в течение 12 лет студенты специальностей «Археология и этнология» и «История» проходят практику на основной археологической учебной базе ЕНУ им. Л.Н. Гумилева городище «Бозок». При прохождении практики студенты получают навыки пометодике археологических раскопок, камеральной обработке артефактов. Именно в этот период у молодых специалистов закладывается основа для исследовательской деятельности. Археологическую практику также проходят студенты из вузов Караганды, Кокшетау,Костаная, Петропавловска, Степногорска. Помимо основной работы на городище Бозок, студенты принимали участие в раскопках поселения Павловка (2003-2004; 2010) - датируется эпохой бронзы, находится на правом берегу р. Чаглинка,в 40 км южнее г. Кокшетау. Поселение исследовалось в 2003-2004; 2010 годах. Анализ керамики позволил определить принадлежность памятника к федоровской (нуринской) культуре андроновской культурно-исторической области; могильнике Куйгенжар (2005) находящемся на южной окраине г. Астаны. Где было выявлена интересная конструкция надмогильного сооружения одного из курганов (V-III вв. до н.э.). Насыпь была сложена из глиняноземляных блоков, размерами до 40-50 см. Блоки образуют купольную насыпь, окруженную каменным кольцом; одиночном кургане Сыганак (2007 г.), где были начаты аварийные раскопки элитного кургана железного века находящегося в черте города Астаны; могильников и стреловидных планировок на плато Устюрт (2007 г.)где объектом исследования являются загадочные стреловидные сооружения. Отрядом была раскопана одна стреловидная конструкция и несколько курганов давших материал сарматского времени;могильнике Ондырыс (2008 г.), гдераскопано погребение гунносарматской эпохи, выявлено поселение переходного этапа от эпохи бронзы к раннему железному веку. А также участвуют и в маршрутно-поисковых работах.

Не менее плодотворно проходит работа в зимний период, когда происходит обработка полученного археологического материала и проводятся теоретические семинары по актуальным проблемам археологии. Ежегодно ребята принимают участие в международных конференциях, на которых представляют свои научные работы. Доклады основаны на конкретном археологическом материале, полученном в ходе полевых изысканий Ишимской

археологической экспедиции. Поэтому неизменно вызывают интерес у слушателей (табл. 3).

При НИИ археологии ведется большая работа и со школьниками. Сотрудники помогают старшеклассникам в подготовке проектов. Две работы школьников по археологии Сарыарки вышли на республиканский и международный уровень.

В связи с переходом на Болонскую трехступенчатую систему обучения в ЕНУ им. Л.Н. Гумилева в 2004 году открыта магистратура по специальности «Археология и этнология». Что дало возможность готовить кадры более высокого профиля (табл. 4). С периода открытия магистратуры, кафедра подготовила, и выпустила магистров археологии и этнологии общим количеством 35 человек.

Выпускники магистранты работают в разных археологических экспедициях Казахстана, и не только, также они работают и на государственной службе, работают Вузах, школах, научными сотрудниками областных центров. Таким образом, кафедра Евразийских исследований обеспечивает археологическими кадрами страну.

За эти годы через научное общество археологов прошли десятки студентов. Многие из них поступают в магистратуру, аспирантуру и продолжают свою научную деятельность на более высоком профессиональном уровне. Развивают свои научные интересы, которые появились в студенческие годы, во время работы в Ишимской стационарной археологической экспедиции.

* * *

Мақалада Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия үлттық университеттінде студенттік археология ғылымның қалыптасуы және даму жайлы мәліметтер берілген. Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ жас археолог мамандарды дайындау процесі графиктермен көрсетілген.

2000	**2001**	**2002**	**2003**	**2004-**	**2006**	**2006**	**2007**	**2000**	**2009**	**2010**

Табл. 1. Мониторинг численности студенческого контингента специальности «Археология и этнология» с 2000 по 2010 гг.

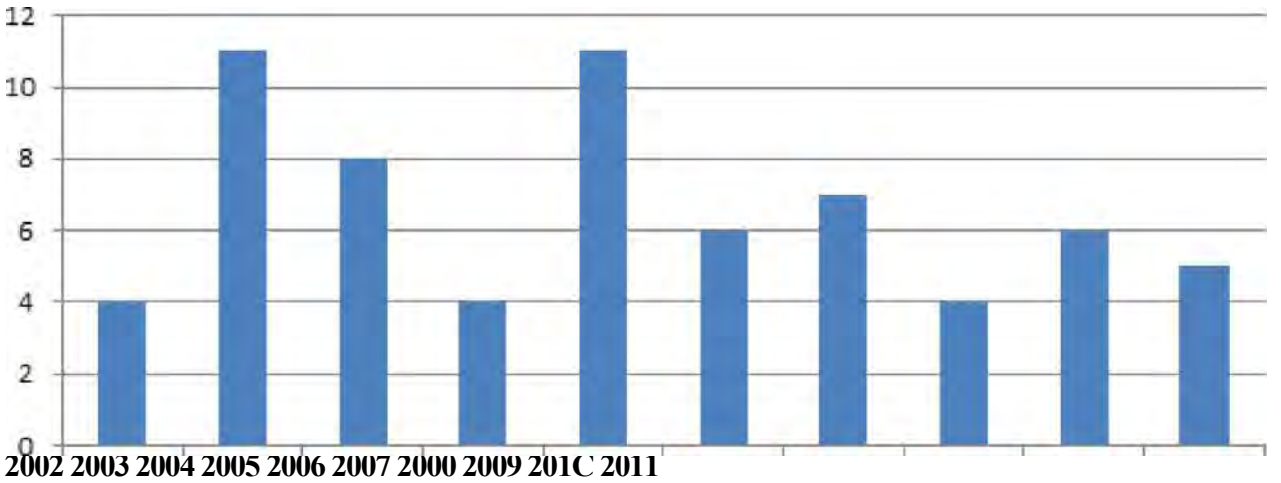


Табл. 2. Мониторинг количества статей, выпущенных студентами и магистрантами специальности «Археология и этнология» с 2002 по 2011 гг.

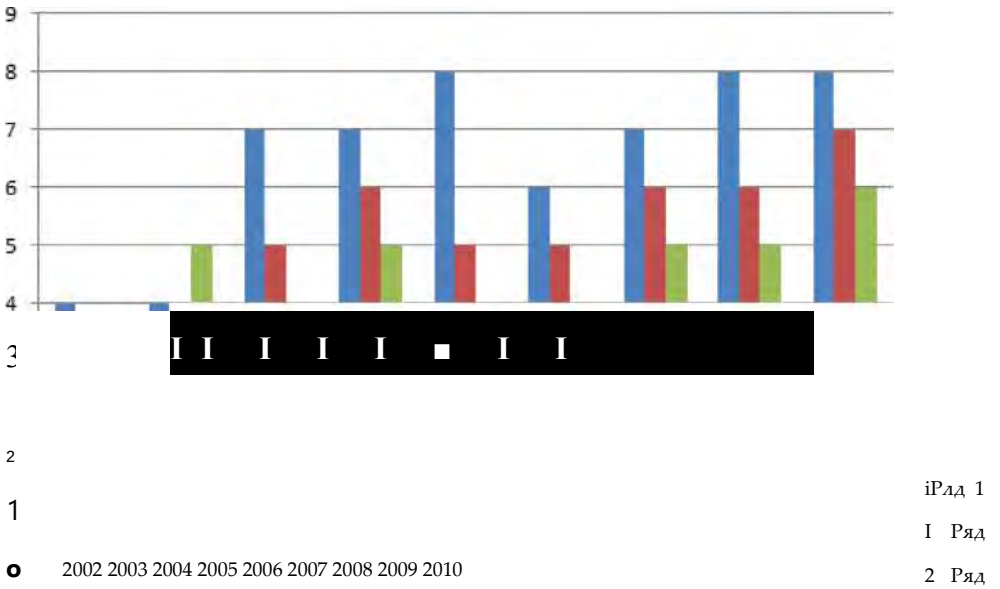


Табл. 3. Динамика изменения численности студентов-участников международных и республиканских студенческих конференций

с 2002 по 2010 гг.

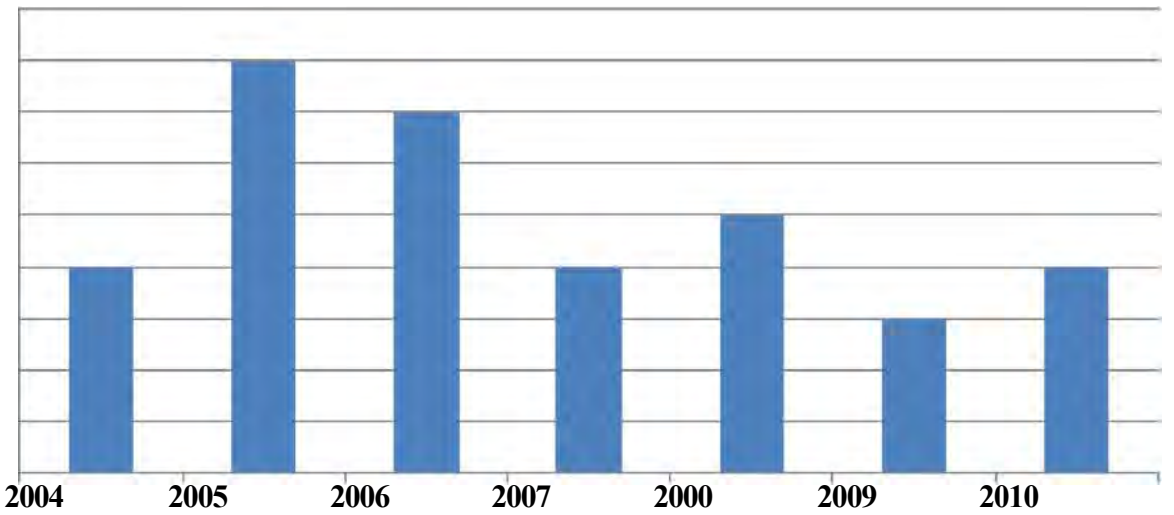


Табл. 4. Мониторинг численности контингента магистрантов специальности «Археология и этнология» с

2004 по 2010 гг.

Мыльников В.П.
Россия, Новосибирск

Архитектура элитных погребальных сооружений скифского времени из дерева в Казахстане (долина реки Или, Казахский Алтай)

Начало изучения памятников скифского времени с деревянными конструкциями было положено трудами академика В.В. Радлова в 1865 г. на могильнике Берель в Восточном Казахстане [28, 29]. Он первым обнаружил деревянные погребальные сооружения в могильных ямах. Планомерное исследование сакских курганов в конце 50-х, начале 60-х годов XX в. в долине реки Или и в Чиликтинской долине в 100 км южнее оз. Зайсан способствовало дальнейшему выявлению разнообразных погребальных конструкций из дерева [3; 36; 2]. Конец XX - начало XXI веков ознаменовался активными масштабными раскопками курганов скифского времени на Российском, Казахском, Монгольском Алтае и в Саяно-Алтае. Привлечение к исследованиям специалистов разных направлений науки способствовало выработке новых методик, отвечающих требованиям современной науки, формированию нового уровня извлечения максимальной информации о первоисточнике. К настоящему времени накоплен представительный круг источников по деревянным погребальным конструкциям и обработке дерева в раннем железном веке (плотницкое дело, резьба), рассредоточенный в разных коллекциях и печатных изданиях. В 2000 г. благодаря активному содействию, сердечной поддержке и непосредственному участию З.С. Самашева начаты специальные технико-технологические исследования деревянных артефактов скифского времени в Казахском Алтае с целью выявления традиций деревообработки. Комплексное изучение полного набора деревянных предметов из кургана Берель 11 [33; 34] и проведенный сравнительный анализ архитектуры данного погребального сооружения с деревянными погребальными конструкциями из могильников Бесшатыра, Чиликты, Иссыка и синхронными из сопредельных с Казахстаном территорий дали значимые результаты.

При комплексном исследовании всех деревянных предметов особое внимание уделялось изучению особенностей конструкций и деталей погребальных сооружений. Являясь достаточно часто встречаемым и представительным источником в культурах разного типа, они, по мнению ряда ученых, служат ярким показателем этнокультурной принадлежности погребенных и социальных различий в общественных образованиях, а также свидетельствуют о возможном сосуществовании этнических общностей с разной культурой или последовательной сменой их, путях миграции, времени заселения региона теми или иными племенами и т. п. [1; 2, с. 26; 4, с. 377-396; 9; 13; 17, с. 29; 18, с. 15; 19, с. 7; 20 с. 7; 22; 24; 25; 26, с. 4; 31, с. 188; 35; 38; 39].

Погребальное сооружение из дерева - это основная часть погребального комплекса различных форм и параметров: погребальная камера (сруб, клеть, рама) с дополнительными постройками (коридор, навес и т.п.). Вид данного сооружения зависел от многих причин, в том числе от традиций носителей культуры, господствовавшей религиозно-мифологической концепции и влияния природной среды [23, с. 16]. Погребальное сооружение из дерева, будучи самой сложной в технологическом отношении и самой консервативной в этнокультурном плане частью сакрализованного пространства, является основным и наиболее ярким показателем деревообрабатывающих традиций.

Погребальные деревянные конструкции, так же как и постройки жилищ, подразделяются по типам на срубные, каркасные, столбовые и комбинированные. Всех их объединяет то, что независимо от конфигурации и размеров основа их конструкции (стены) изготовлена, как правило, из бревен, полубревен, бруса и полубруса разных параметров и разной степени обработанности, а другие составляющие в отдельных случаях могли быть сработаны из плах, досок, жердей. Комплексный анализ погребальных сооружений показал, что эволюционное развитие их форм с изменением и усовершенствованием состава орудий труда и строительных традиций шло от простого к сложному.

Развитие форм разнообразных деревянных строений для погребального обряда берет свое начало в эпоху ранней бронзы [11, с. 129-162; 6; 8, с. 110-125; 7; 14, с. 278-287; 15 с. 64-66; 27, с. 128; 5]. В какой-то степени архитектура погребальных сооружений коррелируется с генезисом жилищ [37; 40; 12, с. 10-17].

Самым древним видом наземного погребального сооружения из дерева являлось обычное накрывание (закрывание) захоронений простейшими конструкциями - настилами из веток и жердей, внутримогильного - перекрытие могильной ямы продольным, поперечным или комбинированным (продольно-поперечным) накатами из бревен и жердей. Простейшими типами погребальных сооружений, зафиксированными в археологических памятниках эпохи бронзы, были прямоугольные конструкции из четырех бревен: рама (обкладка), клеть, одновенцовый сруб. В технологических особенностях каждого из этих сооружений заложена своя специфика монтажа четырех бревен (полубревен, бруса, полубруса) в венец, который в будущем стал основой (первым нижним, окладным венцом) сложных многовенцовых строений. Различия между ними заключаются в способах соединения концов бревен в углах конструкции - угловой вязке, или так называемых угловых сопряжениях.

Техника углового сопряжения (угловая вязка) - сплачивание концов бревен, полубревен, брусьев, полубрусьев для монтажа стен погребальных сооружений была основана на большом практическом опыте возведения жилых и хозяйственных построек и в своем арсенале содержала многие наработанные веками технологические традиции, отдельные из которых используются и поныне при строительстве домов из бревен (некоторые виды замковых соединений: «в обло», «в охлуп», «в лапу»).

Срубы (основы конструкций) погребальных сооружений Казахстана подразделяются на срубы-каркасы и классические. Срубы-каркасы (их большинство) собраны при помощи беззамковых соединений бревен (подвижное соединение): в торец (в стык), в накладку, внахлест (перехлёст), пазово-шиповое (прямоугольный или конический паз). Классические отличаются от срубов-каркасов жестким неподвижным соединением бревен в углах стен. Основу классического сруба составляют четыре стены - деревянная конструкция из бревен, плотно, без просвета уложенных одно на другое. Четыре стены собираются в единую конструкцию при помощи операции углового сопряжения - рубки концов бревен, полубревен, бруса или полубруса «в замок с остатком», «в замок без остатка», пазово-шиповое. Зафиксировано несколько видов отески бревен: округлая, односторонняя плоская, двусторонняя со сходящимися или противолежащими гранями (полубрус), трехсторонняя, четырехсторонняя (брус). Все срубы сверху имели перекрытие из бревен, полубревен, плах (полубруса). В отдельных случаях настил пола. Размер и сложность конструкции погребального сооружения во всех культурах зависели от статуса погребенного [10; 30; 31; 32; 16; 17; 18; 26; 21].

Все погребальные сооружения в рассматриваемом нами регионе Казахстана классифицированы по следующим признакам:

- расположение относительно уровня дневной поверхности: наземные, полупод- земные, внутримогильные:
- сложность архитектуры, обусловленная особенностями погребального обряда: однокамерные, двухкамерные, каркасные (рама, клеть), каркасно-столбовые (усыпальницы), срубные (срубы-каркасы, классические срубы);
- особенности монтажа конструкций: угловые сопряжения (замковые, беззамко- вые), отёска (круглая, одно-четырехсторонняя), профиль-сечение заготовок (круглые бревна, полубревна, полубрус), проушины.
- материал: тянь-шаньская ель, лиственница;

В заключение необходимо отметить, что деревянная архитектура элитных погребальных сооружений Казахстана многообразна по сложности исполнения и в плане решения формы конструкции. Разнообразие строительных традиций и технологии возведения и монтажа деревянных погребальных конструкций обусловлено канонами погребального обряда. Это

монументальные бревенчатые «усыпальницы» Бесшатыра с коридорами и предвходовыми постройками; высокие срубы-клети в форме усечённой пирамиды могильника Чиликты [41, p. 51- 55] (рис. 1); сруб-каркас с подвижным угловым сопряжением в торец - Иссык; срубы с прямоугольным пазово-шиповым соединением полубрусьев - Берель, курган 11 (рис. 2); классические двухкамерные срубы с жесткой вязкой бревен в углах в замок с двухсторонним остатком - Большой Берель и другие. Вместе с тем, грандиозные «усыпальницы» Бесшатыра пока не имеют аналогов в древней деревянной архитектуре. Генезис формы срубов-клетей могильника Чиликты, курганы 1, 6, 8 уходит корнями в эпоху бронзы: бревенчатая клеть с перекрытием в форме усеченной пирамиды над погребением в кургане Дандыбай 11 [11, с. 129-132], монументальные деревянные конструкции (камеры-клети) памятника СБ
- Большой курган в Синташте [5, с. 351-356, рис. 205-207]. В раннем железном веке аналогии технологии изготовления подобных конструкций можно проследить при анализе устройства камер-клетей вокруг центрального погребения в царском кургане Аржан. Однокамерному срубу из полубруса могильника Берель, курган 11 есть аналогии в курганных погребениях скифской элиты Российского Алтая: внутренние срубы в двухкамерных сооружениях могильника Пазырык, курганы 1, 2; однокамерный сруб в том же могильнике курган 4; однокамерный сруб могильника Башадар, курган 1; внутренний сруб в могильнике Туэкта, курган 1; внутренний сруб в кургане Ку- тургунтас. Единственное отличие - у всех элитных срубов Российского Алтая угловая вязка полубруса в углах «в замок с двухсторонним остатком». Своеобразие элитных погребальных сооружений из дерева в Казахстане заключается ещё и в том, что все они, за исключением некоторых курганов могильника Берель, маркирующего границы распространения пазырыкской культуры на западе, однокамерные. Все рассмотренные элитные погребальные сооружения Казахстана, исключая Иссык, не имели деревянного настила пола. В соседнем Российском Алтае, напротив, практически все погребальные конструкции пазырыкской элиты были двухкамерные, и почти у всех присутствовал настил пола из плах, а в Туэкте 1 двойной.

* * *

Баяндама Қазақстандағы скиф дәуіріне жататын ақсүйектердіц агаштан салынган обаларыныц сәулеткерлік құрылысына бағытталған. Ағаштан салынған жерлеу құрылыстары өзініц күрделігі мен түрақтығы этномәдени жағынан аймақтағы ағаш өцдеу дәстүріниц жарқын көрсеткіші болып табылады. Автор ағаштан салынған жерлеу құрылыстарыныц жіктелуі мен түрге бөлінуін және олардыц эволюциясын сипат- тайды. Жұмыс негізі Іле ацғары мен Қазақстандық Алтайдыц жерлу ескерткіштерін сараптауға бағытталған.

Список использованных источников и литературы

1. Абрамзон С.М. Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука. 1973. 260 с.
2. Акишев К.А. Курган Иссык. М.: Искусство. 1978. 131 с.
3. Акишев К.А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 1963. 298 с.
4. Бартольд В.В. К вопросу о погребальных обрядах тюрков и монголов. М.: Наука, 1966. Т. 4. 784 с.
5. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Юж.-Уральское кн. изд-во. 1992. Ч. 1. 408 с.
6. Горбунов В.С. Курганы эпохи бронзы на правобережье р. Демы (Башкирия) // СА. 1977. № 1. С. 149-161
7. Горбунов В.С., Обыденнов М. Ф. Курганный могильник эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии // СА. 1980. № 3. С. 173-182

8. Граков Б.Н. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.: Изд-во Мос. гос. ун-та. 1977. 232 с.
9. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука. 1980. 256 с.
10. Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Æ: Изд-во Гос. Эрмитажа. 1950. 85 с.
11. Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. 1953. Т. XVI. С. 129-162
12. Деревянко Е.И. Древние жилища Приамурья. Новосибирск: Наука. 1991. 158 с.
13. Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль // Тр. ТКАЭЭ. Æ: Наука, 1970. Т. 3. С. 80-209
14. Косарев М.Ф. Второй период развитого бронзового века Западной Сибири (андроновская эпоха) // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука. 1987. С. 276-288.
    - (Археология СССР).
15. Крайнов Д.А. Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 58-76. - (Археология СССР).
16. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука. 1987. 300 с.
17. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука. 1991. 190 с.
18. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука. 1992. 220 с.
19. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ. 1979. 207 с.
20. Мартынов А. И, Мартынова Г. С., Кулемзин А. М. Шестаковские курганы. (Спецкурс) / Кем. гос. пед. ин-т. Лаб. археол. исслед. Кемерово. 1971. 248 с.
21. Молодин В.И. Некоторые итоги археологических исследований на юге Горного Алтая // РА. 1997. № 1. С. 37-49
22. Новгородова Э.А. Взаимоотношения культур Карасукского и Скифского времени, социальные корни перемен // Проблемы археологии скифо-сибирского мира: (Социал. структура и обществ, отношения): Тез. Всесоюз. археол. конф. / М-во высш. и сред.-спец. образования. - Кемерово: КемГУ. 1989. С. 140-141
23. Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной ски- фии (VII—III вв. до н. э.). М.: Наука. 1991. 256 с.
24. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука. 1975. 231 с.
25. Погребова М.Н. К вопросу о миграции ираноязычных племен в Восточное Закавказье в доскифскую эпоху // СА. 1977. № 2. С. 55-68
26. Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (Ак-Алахинские курганы). Новосибирск: Наука. 1994. 125 с.
27. Пряхин А.Д., Халиков А.Х. Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. - М.: Наука. 1987. С. 124-131. - (Археология СССР).
28. Радлов В. В. Сибирские древности: Из путевых записок по Сибири / Пер. с нем. графа А.А. Бобринскаго. СПб.: [Тип. И.Н. Скороходова]. 1896. 70 с.
29. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника: [Пер. с нем.] / Примеч. и послесл. И. Вайнштейна. М.: Наука. 1989. 749 с.
30. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1953. 402 с.
31. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1960. 359 с.

32. Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1962. 205 с.
33. Самашев З.С., Мыльников В. П. Погребальное сооружение скифского времени в Казахском Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭт СО РАН. Декабрь, 2001 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. Т. VII. С. 440-446
34. Самашев З.С., Мыльников В.П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая. (Материалы комплекс, анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). Алматы: ОФ «Берел». 2004. 312 с. (На англ., рус. яз.).
35. Семёнов Вл. А. Древнейшая миграция индоевропейцев на Восток: (К столетию открытия тохарских рукописей) // СПб. археол. вестник. 1993. № 4. С. 25-30
36. Черников С.С. Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М.: Наука. 1965. 189 с.
37. Чижикова Л.Н. Жилище // Этнография Восточных славян. Очерки традиционной культуры. М.: Наука. 1987. С. 223-259
38. Чиндина Л.А. Время в пути культурных контактов Южной и Юго-Восточной и Западной Сибири в эпоху железа // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез докл. к Всесоюз. науч. конф. (3-5 апреля 1991 г.). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1991. С. 146-148
39. Членова Н.Л. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // Петербургский археол. вестник. СПб.: Фарн. 1993. № 7. С. 49- 75
40. Шнирельман В.А. Жилище // Материальная культура. М.: Наука. 1989. С. 36-42. - (Свод этнограф, понятий и терминов; Вып. 3).
41. Toleubaev A. Snow Leopards, Eagle-Felines, and Golden Deer Treasures from the «Hill of Horse Races» // Of Gold and Grass: Nomads of Kazakhstan. The Exhibition Catalogue is Exclusively Sponsored by: Access Industries. - Washington. 2004. P. 51-55

№ LL.
C

n n n o o p

d

Рис. 1. Архитектура наземных деревянных погребальных сооружений Казахстана. Монументальное бревенчатое каркасно-столбовое строение «усыпальница» из кургана 1, могильника Бесшатыр

Рис. 2. Архитектура наземных деревянных погребальных сооружений Казахстана. Сруб-каркас (бревенчатая клеть) в форме усеченной пирамиды из могильника Чиликты

Рис. 3. Архитектура внутримогильных деревянных погребальных сооружений Казахстана. Сруб-каркас с угловым сопряжением бревен в торец (в стык). Могильник Иссык, курган Иссык

Рис 4. Архитектура внутримогильных деревянных погребальных сооружений Казахстана. Сруб-каркас с пазово-шиповым угловым сопряжением полубрусьев. Могильник Берель, курган 11

Панюшкина И.П.[1], Усманова Э.Р.[2], Миллс Б.[1]
США, Аризона[1]; Казахстан, Караганда[2]

Коррекция возраста Алакульской и Федоровской культур в Северном Казахстане по дендрохронологическим датам могильника Лисаковский

Изучение истории Андрона (сокращенный вариант обозначения Андроновской культурно-исторической общности) эпохи бронзы крайне затруднено противоречивыми подходами к периодизации многочисленных скотоводческих культур и их вариантов, развивающихся в течении двух тысяч лет в открытом пространстве степи [4]. На наш взгляд, отсутствие календарной хронологии вносит огромный элемент неопределенности в систематизацию материальных традиций племен, обитавших на огромной территории, по площади занимающую два современных Казахстана.

В последнее десятилетие широкое использование радиокарбонного датирования андроновских памятников заметно подкорректировало хронологию культур бронзового века в Евразийской степи [4]. Прослеживается тенденция удревнения календарного возраста памятников. Подтверждаются факты одновременного существования культур в разных частях степи. Выявляются округа совместного сосуществования двух эталонных культур Андрона: Алакульской и Федоровской. Так на Южном Урале в зоне современного экотона лесостепи выделяется кластер поселений и могильников средней и поздней бронзы, содержащих элементы названных культур и их смешанных вариантов. Наиболее изученными из них являются могильник Урефты I (лесостепное Зауралье, Россия) и комплекс Лисаковской округи (степное Верхнее Притоболье, Казахстан) [2; 3].

Однако малое количество радиокарбоных дат и проблемы с пересчетом радиокарбонного возраста в календарный не позволяют ответить на вопросы периодизации, имеющее первостепенное значение для анализа культурогенеза: Когда произошел контакт Алакульской и Федоровской культурных традиций? Как долго этот процесс продолжался, прежде чем произошли смешение, дисперсия и замещение названных культур в обозначенном пространстве? Ответы на эти вопросы требуют высокого временного разрешения датирования (год, десятилетие). Сложности в измерении ради- активных изотопов карбона и/или несовершенство калибровочной кривой на период 2500-1000 гг. до н.э. не позволяют достигнуть желаемого временного разрешения календарных дат. Согласование радиокарбонного датирования с дендрохронологическим методом позволяет существенно увеличить точность калибровки радиокар- бонных дат. Измерение радиактивных изотопов в серии перекрестно-датированных годичных колец увеличивает привязку плавающих древесно-кольцевых рядов к календарному возрасту до 1-10 лет. Этот подход датирования древесины называется в англоязычной литературе «wiggle matching», что иногда переводится как «метод согласования с калибровочной кривой». В российской археологии, календарный возраст эталонных курганов скифской эпохи (железный век) был успешно определен с помощью этого подхода [1, с. 70-92].

Обнаружение археологического дерева хорошей сохранности в памятниках степной евразийской бронзы - явление достаточно редкое, несмотря на частое упоминание остатков древесины в археологических отчетах. Крупная и возможно единственная коллекция андроновского дерева архивирована в музее истории и культуры Верхнего Притоболья (г. Лисаковск, Костанайской области). В данной работе представляются результаты дендрохронологического исследования дерева из погребений (остатки конструкций) и календарного датирования могильников Лисаковской округи.

Одиннадцать кусков дерева из могильников №1, 4 и 5 оказались пригодными для дендрохронологического анализа (Таб. 1). Дерево было обнаружено в курганах Алакульской культуры и могильных ямах или оградках Алакульско-Федоровских захоронений. Самый крупный могильник

№1 насчитывает 174 курганов и оград погребальных сооружений, объединенных в 75 погребальных комплекса. 39% захоронений принадлежат алакульцам, 49% - федоровцам и 12% - захоронения смешанного типа. Размер могильников № 4 и № 5 в десять раз меньше могильника №1 и они состоят только из одного типа захороненний: Алакульского и Федоровского, соответственно.

Древесно-кольцевые серии были получены путем измерения ширины годичных колец на каждом образце в двух направлениях. Серии, усредненные по образцу, сравнивались с сериями из одного захоронения и затем внутри могильника (случай для могильника №4). Длина обобщенных древесно-кольцевых рядов для могильника №1 составила 43 года, для могильника №4 -154 лет и для могильника №5- 30 лет. Методом курватуры было вычислено количество колец недостающие до кольца рубки (Таб. 1). Измерения 14С (AMS) для группы 10-летних древесно-кольцевых образцов выполнены в Аризонском университете. В общей сложности, было получено 23 радикарбонных даты по пяти древесным образцам. Результаты калибровки радиокарбонных серий показаны на рисунке 1. Радиокарбонные даты сгруппировались в период 270 лет. Самый старый возраст оказался у образца из могильника №1 (Рис. 1). Комбинирование согласованных калибованных 14С дат с перекрестным датированием годичных колец сократило этот период до 120 лет. Таким образом, исследуемые могильники были сооружены в период 1780-1660 годы до н.э. Близость и, в некоторых случаях, совпадение комбинированных дат из трех могильников доказывает, что кладбища, занимающие разные ландшафтные фации, контрастные по площади и ассоциированные с двумя столь различающимися культурами, находились в использовании одновременно. Интересно, что по керамическим комплексам привязка Федоровской и Алакульской керамики определяет возраст Лисаковского комплекса между 1500 и 1400 гг. до н.э. [3].

Таким образом, исследуемый памятник оказался на три столетия старше и его возраст сдвинулся в начало поздней бронзы. Формирование могильников пришлось на время технологического взрыва и дестабилизации Андроновских племен в южной степи [4, с. 37]. Похоже, что формирование смешанных памятников типа Алакуль - Федорово в зауральской лесостепи России (например, Урефты, Каменная Речка [5, с. 365]) синхронны с Лисаковскими могильниками. В заключение следует указать, что результаты данного исследования демонстрируют огромный потенциал археологического дерева эпохи бронзы для календарного датирования андроновских памятников и коррекции периодизации археологических свидетельств Андрона на территории Казахстана.

* * *

Баяндамада Солтүстік Қазақстандағы алакөл және федоров мәдениеттініц хро- нологиясына өзгертулер мәселесіне арналады. Түзетулерге негіз болған Солтүстік Қазақстандағы Лисаковск жерлеу қорымында табылған материалдарға жараты- лыстану ғылыдарыныц әдістерін қолдану арқылы жасалған сараптау жұмыстар нәтижелерінесүйенген.Қыш ыдыстар кешенінежүргізілгенсараптауларнәтижелеріне сәйкес қорымды б.з.б. XV ғасырларға жатқызады. Дендрохронологиялық және радиокарбондық уақыт көрсеткіштер бойынша, аталған жерлеу қорымы б.з.б. 1780- 1660 жж.

Список использованных источников и литературы

1. Алексеев А.Ю. и др. Евразия в Скифскую Эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб: Теза. 2005. 290 с.
2. Стефанов В.И., Корочкова О. Н. Урефты-1: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та. 2006. 160 с.
3. Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский - 1: факты и параллели. Караганда. 2005. 232 с.
4. Черных Е.Н. Эпоха раннего металла: темп и ритм кардинальных инноваций // Современные концепции первобытной истории. Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях исторических, краеведческих и археологических музеев. Труды Гос. Исторического

музея. Москва. 2000. Вып. 113. С. 29-40
5. Hanks B.K., Epimakhov A.V., Renfrew A.C. Towards a refined chronology for the Bronze Age of the southern Urals, Russia // Antiquity 2007, 81(312): 353-67
6. Reimer P. J. and 28 co-authors. IntCal04 terrestrial radiocarbon age calibration, 0-26 cal ka yr BP // Radiocarbon 2004, 46(3): 1029-58

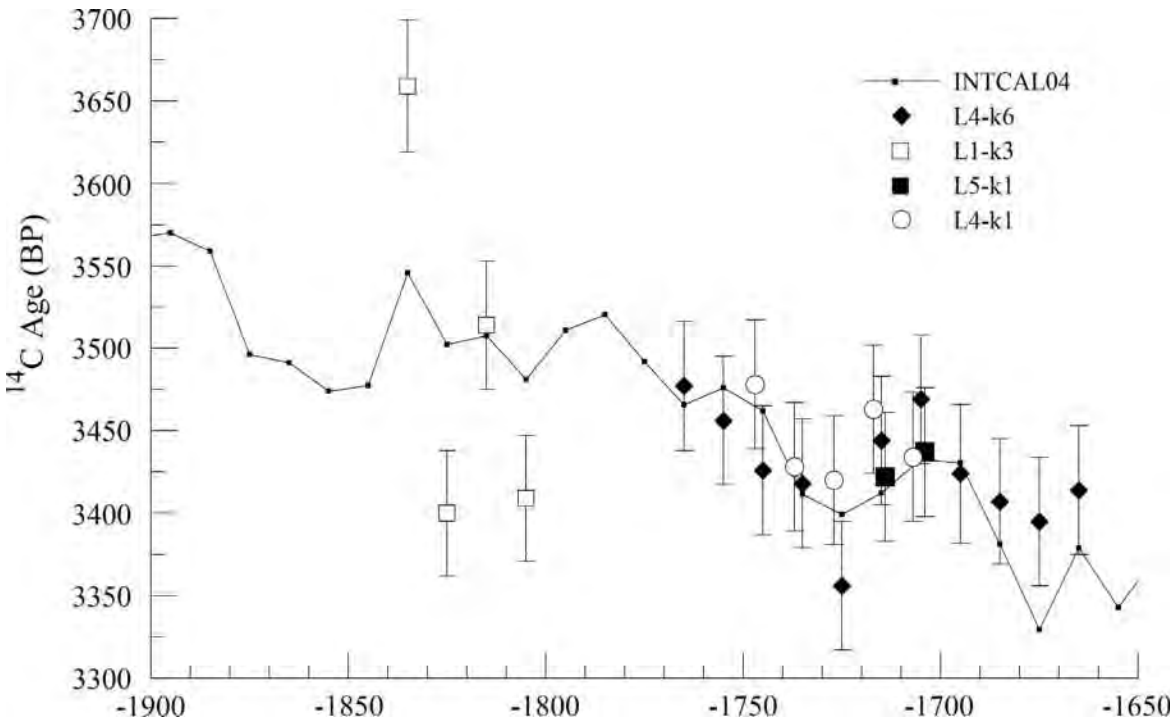


Рис 1. Наиболее вероятное местоположение радиоуглеродных серий Лисаковского памятника (LI, L4, L5) на калибровочной кривой -INTCAL04 [6, стр. 1029] согласованное с оценками Монте Карло моделирования

№ могильника-Л, образца	Источник древесины	Общее кол-во колец в образце	Наличие сердцевины / наружных колец	Общее кол-во колец и кол-во колец до кодьпа рvбки	Усредненная С14 дата + 1 сигма, годы ВР	Итоговая календарная дата*, годы до н.э.
Л11-к3	Курган 3: опора и перекрытие	43	+/-	90/5CI	3496 ±40	1780
Л14-К1	Курган 1: пол	53		100/50	3445 + 40	1670
Л14-к6	Курган 6: пол, верхн. перекрытие	103 и 154	+/+	160/5	3427 ±40	1660
Л14-о9	Оградка 9: кол	6		15-20/10	3457± 40	1740-80
Л14-я4	Могильная яма 4: верхн. перекрытие	12	+/+	12/0		
Л15-К1	Курган 1: кол и перекрытие	20 15		20-30/15	3430± 40	1740

Таблица 1. Характеристика древесных образцов памятника Лисаковский и их календарные даты, полученные методом wiggle matching и дополнительно оценкой курватуры колец'". Все образцы принадлежат сосне обыкновенной (Pinus sylvestris L.), кроме березового кола Л15-к1 (Betula pendula)

Тихонов С.С.
Россия, Омск

О расширении источниковой базы археологических исследований

Полагаю, что понятие «археологический источник» - одно из фундаментальных в археологии, а его изучение далеко от завершения. Предположу, что, многие из археологов регулярно используют этот термин, и могут его квалифицированно объяснить. К сожалению, публично в печати на эту тему выступают, наоборот, немногие. Например, из российских археологов обстоятельно изложил понимание этой категории только Л.С. Клейн [2; 3]. Есть основания думать, разработка этой категории, и связанное с ними археологическое источниковедение долгое время будут актуальной проблемой археологии.

Одну из составных частей этих проблемы - вопрос об источниковой базе археологических исследований мне довелось рассмотреть при изучении категории «археолого-этнографический источник» и связанной с ним теореме о неполноте, которая, по моему мнению, является одной из методологических основ археолого-этнографических штудий [5, с. 69-72; 6, с. 37-42]. В число методологических оснований я отношу еще системный подход (по ***Л.*** Берталланфи и его последователям) и концепцию самораз- вивающихся систем (по Г. Хакену и И.Р. Пригожину и их коллегам).

Итак, в исследованиях археолог, как правило, использует материалы раскопок, чаще всего своих собственных, публикации коллег, содержащие материалы по изучаемой теме, работы общего характера (назовем их обобщающими, теоретикометодологическими или сводными,

не в термине дело). Не знаю, будет ли ошибкой говорить, что на этих трех «китах» археолог строит какие-либо концепции; во всяком случае, во многих доступных мне работах источниковая база была примерно такая.

О достаточности этой базы судить на основе публикаций сложно, однако, два положения, время от времени повторяющихся в публикациях или выступлениях на конференциях, ее все-таки характеризуют: первое выглядит примерно так — поскольку источниковая база/материалы недостаточны или неполны, в дальнейшем приводимые в выводах положения могут быть уточнены, скорректированы, или пересмотрены; второе, исходящее чаще всего от критиков, несколько иное — следует быть осторожней в выводах, поскольку автор (можно добавить — по независящим от него причинам) в полной мере не использует материалы ... и приводится перечень фондов, коллекций, изданий или чего-нибудь еще. Эти два положения позволяют делать вывод, что база для написания научных работ по археологии далеко не исчерпывающая.

Можно ли каким-то образом этот недостаток ликвидировать? Конечно, и этот выход хорошо известен — надо расширить источниковую базу, а вот вопрос, каким образом это сделать далеко не очевиден.

Первый, и самый простой шаг — следует раскопать несколько (несколько десятков? сотен? тысяч?) памятников. Вероятно, в конце-концов появятся необходимые исследователю материалы, что как правило и бывает. Но этого может и не случиться. Как пример, приведу довольно интенсивную процедуру поиска В.И. Матющенко памятника ростовкинского времени, когда в течение 3 или 4 недель в начале 1990 годов он тремя раскопами вскрыл площадь более 150 кв. м на значительную (до 120 см) глубину. Результат раскопок — несколько мелких, с ноготь мизинца, фрагмента керамики, обломок каменного наконечника дротика или стрелы, и вывод — найденный наконечник копья ростовкинского типа — одиночная находка. Пафос абзаца не в том, что я призываю не копать, наоборот, это необходимо; но можно просто не получить нужные материалы. Несомненные плюс раскопок — введение в научный оборот новых материалов, минусы — их может и не ^gg'b. О цене вопроса говорить не будем.

Второй, достаточно логичный, но не всегда выполняемый шаг — знакомство с коллекциями, полученными ранее. Пример такого подхода хорошо показал М.П. Грязнов, когда перед проведением разведки в верхнем течении Оби от Бийска до Барнаула в 1925 году сумел ознакомиться с материалами, найденными в этой местности до этого времени. Эти материалы он после неоднократно использовал. Естественно, многие археологи работают с материалами, полученными коллегами. Опять-таки, не будем учитывать стоимость поездки в другой город, проживания и т.д., хотя в существующей ситуации это довольно затратно. На самом деле сложен вопрос не знакомства с материалами, а использования их в публикациях. Здесь есть ограничения, связанные с правами археолога, раскопавшего памятник, и с его планами использовать материалы. На практике может получиться так, что эти материалы потенциально доступные, могут, лежат втуне многие годы. Например, не опубликованы материалы поселения Ирмень I, послужившего эпонимным памятником для выделения ирменской культуры, то же можно сказать о поселении Красноозерка, опубликована только малая часть поселения Сузгун, материалы могильника Дандыбай изложены весьма кратко. В Музее археологии и этнографии ОмГУ есть материалы самусьские, алакульские, елов- ские которых после раскопок 1982-1986 годов рука ученого практически не касалась. Примеры можно множить, но вывод можно сделать такой — публикация музейных коллекций, или хотя бы их каталога, может значительно расширить базу археологических источников. Из работ последних лет в виде примера приведу два каталога коллекций [1; 7].

Выше речь шла о материалах, которые зафиксированы в архивах или фондах, и могут быть использованы. Однако, есть и печальная статистика. И.А. Сорокина проанализировала материалы Отдела полевых исследований Института археологии РАН. По ее данным в РСФСР-Российской Федерации (здесь обращаю внимание только на территорию действия

юрисдикции ОПИ, поскольку в союзных республиках существовали свои органы выдачи и регистрации Открытых листов, а также контроля над археологическими раскопками) в 1946-2006 годах было выдано 31574 Открытых листа. Из них не использовано 978, а 23443 - закрыто отчетами [4, с. 83-84, 194]. Допускаю, что не все отчеты зафиксированы, какие-то могли быть утеряны, но картина, все-таки не отрадная — около четверти археологов не отчитались о проведенных работах. Не буду называть известные мне имена коллег, создавших такую ситуацию, тем более некоторые уже ушли, но честно говоря, они, проведя работы, иногда масштабные, по разным причинам отчет не готовили. Но их полевая документация, фотоматериалы, коллекции пока еще могут быть обработаны и введены в научный оборот.

Вывод может быть такой: при интенсификации археологических работ для решения научной проблемы материал может «не пойти», а какая-то его часть осядет в фондах на долгие годы, или, в худшем случае, не будет подкреплена отчетом. Выход из этой ситуации прост — тщательный выбор памятника для исследований, обязательная подготовка отчета, своевременная каталогизация и публикация коллекций, а возможно, и самого отчета. К сожалению, часть ученых не готова выставить материалы раскопок в Internet'e.

Другое направление расширения источниковой базы — использование архивных материалов ученых. На вопрос являются ли материалы, созданные археологами в ходе раскопок (полевые чертежи и планы, полевые дневники, фотографии, видеоматериалы) современные российские теоретики источниковедения внятного ответа не дают, сводя все к достаточно устаревшей концепции классификации источников по способу кодировки информации. В этом случае археологические источники отождествлены с вещественными, но не всеми, а добываемыми в ходе научных раскопок.

На мой взгляд, можно бы подумать и о другой классификации, включающей в источники по археологии археологические памятники, артефакты, а также документацию, их касающуюся.

В архивах могут быть найдены интереснейшие данные. Например, традиционно считается, что впервые материалы андроновской культуры раскопал в 1914 году А.Я. Тугаринов, работая на трассе строительства Мариинско-Ачинской дороги. На левом берегу р. Сереж близ д. Андроново он исследовал могилы, аналогичные которым нашел С.А. Теплоухов близ Батеней и пристани Новоселово. С его легкой руки культура была названа андроновской, а Ф.Я. Тугаринов стал ее первооткрывателем. Но имеются архивные материалы, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, из которых ясно, что в 1911 г. Ю.П. Аргентовский близ Петропавловска раскопал могильник у озера Пестрое, который, безусловно, андроновский. Публикации материалов этого могильника автором раскопок мне неизвестны.

Мне в разной степени известны материалы личных архивов некоторых археологов. В их числе А.Ф. Палашенков, собиравший сведения об археологических памятниках Омской области в границах, определенных 7 ноября 1934 года. Эти материалы находятся в Государственном архиве Омской области. В Музее археологии и этнографии ОмГУ хранится часть архива М.П. Грязнова, который начал откладываться с 1920 годов, и содержащий сведения по Западной и Восточной Сибири, Алтаю, Казахстану. Здесь же находятся материалы А.И. Петрова, отражающие исследования раннебронзовых памятников в северных районах Омской области. На кафедру первобытной истории ОмГУ поступил архив В.И. Матющенко, в котором есть материалы по археологии Томской, Омской, Кемеровской областей и, отчасти, Алтайского края. А.С. Ча- гаева, прекратившая занятия археологией в 1970 годах, передала в сектор археологии Омского филиала ИАЭТ СО РАН сделанные ею рисунки, статистические таблицы, планы памятников, записи, касающиеся раннесредневековых памятников таежных районов Омской области.

Архивы разноплановы. Возможно, не все их создатели и не помышляли о том, что

материалы поступят на хранение, но, безусловно, они подбирали нужные им для научной работы материалы. В состав архивов входят рисунки находок, планы памятников и отдельных археологических объектов, фотографии, слайды, черновые материалы для подготовки полевых отчетов, ксерокопии научных работ или отдельные оттиски, авторефераты диссертаций и прочие необходимые ученым материалы. Некоторые документы уникальны, скажем, планы некоторых могильников, насыпи которых в наши дни не прослеживаются на дневной поверхности (архив А.Ф. Палашен- кова), рисунки подсвечника танского времени, найденного в среднем течении Томи (архив М.П. Грязнова), рисунки материалов Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ для когда-то готовящегося каталога (архив В.И. Матющенко). К сожалению, не все архивы систематизированы. А.Ф. Палашенков свои собрания к сдаче в архив приготовил. Разобраны и кратко описаны материалы, собранные М.П. Грязновым. Работа с материалами трех других ученых только начинается. Архив М.П. Грязнова доступен для исследователей, и коллеги из Барнаула, Кемерова, Томска, Новосибирска уже с ним работали. В ГАОО можно ознакомиться и с материалами, собранными А.Ф. Па- лашенковым.

Полагаю, что источниковую базу для археологических исследований можно расширять, но для этого нужны согласованные усилия всех археологов.

* * *

Бұл баяндама бүгінгі тақдагы өзекті мәселе археологиялық зерттеулерде базалық материалдарды қолдану туралы жазылған. Автор өз зерттеуінде қазіргі кездегі археологияда қолданып жүрген материалдарды толықтыру қажеттілігін айтады. Материалдар базасын толықтыруда анализ жасалып, осы мәселені шешуде бірқатар әдіс тәсілдерін үсынады.

Список использованных источников и литературы

1. Герасимов Ю.В. Археологические памятники степного и южного лесостепного Прииртышья в коллекциях МАЭ ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Омск. Издательский дом «Наука». 2010. 197 с.
2. Клейн Л.С. Археологические источники. Учебное пособие. Л.: Изд-во ЛГУ. 1978. 119 с.
3. Клейн Л.С. Археологические источники. Изд. второе, дополненное. СПб.: Фарн, 1995. 350 с. (Классика археологии).
4. Сорокина И.А. Полевые археологические исследования в России в 1946-200 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула. 2008. 224 с.
5. Тихонов С.С. Об археолого-этнографическом источнике и его исследовании // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск. Издательский дом «Наука». 2010. С. 69-72
6. Тихонов С.С. Теорема о неполноте как одно из методологических оснований археолого-этнографических исследований // Интеграция археологических и этнографических исследований. Казань-Омск. 2010. С. 37-42
7. Фонд археологии Омского государственного историко-краеведческого музея: каталог / Составитель Б.А. Коников. Омск. 2003. 100 с.

Усачук А.Н.[1], Лошакова Т.Н.[2]

Украина, Донецк[1]; Казахстан, Алматы[2] Трасологический анализ археозоологического материала поселения Айтман

О ходе археологических исследований, проводимых на поселении Айтман, было изложено в предыдущей статье. В этом сообщении представлены результаты трасологического изучения археозоологической коллекции.

Для трасологической обработки была представлена вся остеологическая коллекция,

собранная во время раскопок поселения в 2006 и 2008 годах. Просмотрена вся совокупность археозоологического материала на предмет выявления следов обработки, а также фрагментов орудий и изделий. Обработка коллекции костяных изделий с поселения Айтман проводилась по методике, разработанной под руководством Г.Ф. Коробковой с использованием микроскопа МБС - 10.

Тафономическое состояние костей животных на памятнике оценивается в 3-4 балла, а во многих случаях - не более 2-3 баллов [1, с. 13]. Почти вся небольшая коллекция представляет собой кухонные остатки. Подобная специфика материала аргументируется фрагментами диафизов трубчатых костей [5, с. 118] и наличием следов подрубки [12, с. 80]. Особенностью коллекции поселения Айтман, насчитывающей более 100 экз. костных остатков, является то, что при анализе были выделены только несколько случаев следов искусственного (помимо кухонной разделки) воздействия, но не удалось выявить ни одного фрагмента орудия или изделия. Обращает на себя внимание фрагмент пястной кости лошади, дистальный эпифиз и часть диафиза с довольно аккуратно расколотым блоком поперек суставного гребня. Мелкий фрагмент, скорее всего плоской кости, несет на себе следы сколов компакты. Сколы направлены с обеих сторон, образовав на поверхности кости своеобразный «бантик». Подобные отходы после резки или более-менее аккуратной преднамеренной расколки кости как сырья, изредка встречаются среди археозоологического материала поселенческих памятников эпохи бронзы различных регионов. В качестве примера можно привести случаи находок так называемых «бантиков» в коллекциях поселений Токсанбая, Горного (информация Е.Е.Антипиной), Раздольного [10, с. 173,191, рис. 27,8]. Небольшой фрагмент компакты трубчатой кости (крупное копытное?) несет диагональные следы многочисленных актов подрубки-подтески. Сохранность поверхности фрагмента не позволяет с полной уверенностью идентифицировать материал рубящего лезвия. Следы подрубки довольно уверенные, глубоко вошедшие в компакту, что свидетельствует о довольно тяжелом, остром и удобном в обращении инструменте - скорее всего, металлическом топорике или массивном ноже [21, с. 167; 8, с. 59]. Характер следов, их длинное и ровное ложе, отсутствие микровыкрошенностей свидетельствуют о том, что подрубка-подтеска проходила по размягченной кости [7, с. 24-25]. Впрочем, определенная аморфность фрагмента заставляет думать о том, что в данном случае мы фиксируем не остатки изготовления костяного орудия, а все ту же «кухонную» разделку [5, с. 118].

Кроме вышеописанного, отмечена некоторая сработанность на фрагменте астрагала (таранной кости) мелкого копытного. Астрагал разделен пополам по длинной оси. Сохранившаяся латеральная поверхность кости немного уплощена. Впрочем, плохая сохранность, прежде всего поверхности кости, не дает возможности определить наличие каких-либо следов. Сработанность латеральной поверхности свидетельствует, что таранная кость могла использоваться в качестве лощила - орудия гончарного [6, с. 50;
13, с. 60; 15, с. 256; 14, с. 323] или кожевенного [9, с. 442; 11, с. 114] производств.
К сожалению, информативность археозоологической коллекции поселения Айт- ман чрезвычайно мала. Обращает на себя внимание не только слабая насыщенность культурного слоя фрагментами костей животных, но и их плохая естественная сохранность, а также практически полное отсутствие на памятнике костяных орудий и изделий. Вероятно, плохая сохранность костей животных связана с особыми тафо- номическими условиями культурного слоя поселения. Подобное отмечалось исследователями при изучении остеологических материалов на поселениях различных эпох и территорий [2, с. 257; 3, с. 256; 22, с. 249]. Но слабая насыщенность культурного слоя костями животных и отсутствие костяных орудий выглядит несколько необычным, особенно по сравнению с находящимся на небольшом расстоянии от Айтмана крупным поселением Токсанбай, где найдено «огромное количество остеологического материала...» [19, с. 136] и собрана богатая коллекция

разнообразных орудий из кости [16, с. 110; 19, с. 135; 20]. Собственно, поселение Айтман, как и несколько других, входят в группу памятников токсанбайского типа [17, с. 347-352; 18, с. 177; 19, с. 136- 137; 20, с. 101], что подразумевает возможность сравнения материалов последнего с токсанбайскими. Аккуратно расколотая пястная кость лошади и возможное лощило из таранной кости на Айтмане выбраны по аналогии с токсанбайскими материалами. Именно при обработке археозоологической коллекции Токсанбая было выделено большое количество своеобразных лощил по керамике из таранных костей мелких копытных, а также замечено, что на поселении жителями практиковалось вторичное искусственное раздробление метаподий и фаланг крупных копытных. Подобный характер раздробления с ровной плоскостью сколов характерен, к примеру, для материалов селища Горный на Каргалах [4, с. 184, 191] и, безусловно, свидетельствует о каких-то преднамеренных действиях (ритуальных?) с костями животных.

Можно ли говорить о намеренном характере раздробления метаподий на Айтмане по единичной находке? Опираясь на токсанбайские аналогии, очевидно - да, но с оговоркой по поводу сугубо предварительного характера подобного вывода. Так же нужно отнестись и к возможному орудию - лощилу на астрагале: информация позволяет только наметить контуры направления будущих выводов. Более определенным является факт малой насыщенности костями животных культурного слоя Айтмана и отсутствие на памятнике костяных изделий. За этим, возможно, просматривается отличие хозяйственной направленности двух поселений: крупный долговременный центр североустюртской культурной группы - Токсанбай, и временный - Айтман.

* * *

Баяндамада Коробкова Г.Ф. басшылыгымен болтан Айтман түрағындағы археозологиялық жиынтықтарыныц трасологиялық игеру нәтижелері көрсетілген. 2006-2008 жылдары түрақты қазу барсында осеологиялық мәліметтерге сараптама жасалып, оныц типологиясы корсетілді. Кейбір фрагментердіц осеологиялық жиынтыққа жататыны болжаланды.

Список использованных источников и литературы

1. Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты //Новейшие археозоологические исследования в России: к столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М.: Языки славянской культуры. 2003. С. 7-33
2. Антипина Е.Е. Особенности использования животных на поселении эпохи бронзы Кангурттут //Н.М.Виноградова. Юго-западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М.: Институт востоковедения. 2004. С. 257-264
3. Антипина Е.Е. Кости животных из поселения эпохи поздней бронзы Ташгузор //Н.М.Виноградова. Юго-западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М.: Институт востоковедения. 2004. С. 265-266
4. Антипина Е.Е. Археозоологические материалы //Каргалы, т.III. Селище Горный: Археологические материалы. Технология горно-металлургического производства. Археобиологические исследования. М.: Языки славянской культуры. 2004. С. 182- 266.
5. Асылгараева Г.Ш. К вопросу о формах животноводческой деятельности булгаро-татарского населения (на примере древней Казани) //Новейшие археозоологические исследования в России: к столетию со дня рождения В.И.Цалкина. М.: Языки славянской культуры. 2003. С. 116-138
6. Березанская С.С. Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев: Наукова думка. 1990. 149 с.

7. Бородовский А.П. Признаки размягчения исходного сырья при изготовлении костяных и роговых предметов в эпоху металлов // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытнообщинного строя (информационные материалы). Свердловск. 1989. С. 23-25.
8. Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. - первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН. 1997. 224 с.
9. Войнаровський В. Поховання чинбарів //Записки Наукового товариства ім. Шев- ченка. Т. CCLIII. Львів. 2007. С. 440-466
10. Горбов В.Н., Усачук А.Н. Раннесрубно-многоваликовский горизонт поселения Раздольное в Приазовье //Археологический альманах. Донецк: ООО «Лебедь». 2001. Вып. 10. С. 155-196.
11. Горячев А.А., Чернов М.А. Орудия кожевенного ремесла и ткачества из археологического комплекса Тургень-II // История и археология Семиречья. Алматы: ОФ «Родничок». 2007. Вып. 3. С. 106-119
12. Журавлев О.П. Скотоводство у населения донской лесостепной срубной культуры (по остеологическим материалам Мосоловского поселения) // Поселения срубной общности. - Воронеж: Изд-во Воронежского университета. 1989. С. 80-99
13. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Гылым. 1992. 247 с.
14. Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // Stratum plus. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест: Высшая антропологическая школа. 2000. №3. С. 241-488
15. Мур К.М. Технология изготовления костяных инструментов в Гонур депе //Российский этнограф. М. 1994. Вып. 21. С. 254-265
16. Самашев З., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Орудия труда и медеплавильное производство поселения Токсанбай (Северный Устюрт) // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. международной научной конференции. Оренбург: ООО «Оренбургская губерния». 2001. С. 109-110
17. Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Североустюртский очаг культуры эпохи палеометалла: проблемы, поиски и раскопки // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара: ООО «НТЦ», 2001. С. 347-352
18. Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Новое в археологии бронзового века Западной Азии // Історична наука: проблеми розвитку. М-ли Міжнародноү наук, конф. Секція «Археологія». Луганськ: Вид-во СНУ ім В. Даля. 2002. С. 166-179
19. Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т. Поселения эпохи палеометалла Северо-Восточного Прикаспия //Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск: Полиграфсервис. 2004. Вып. 3. С. 125-153
20. Самашев З., Кушербаев К, Аманшаев Е., Астафьев А. Сокровища Устюрта и Манкыстау. Алматы: Издательская группа ТОО «Археология». 2007. 400 с.
21. Сидоров Е.А., Бородовский А.П. Обработка кости в лесостепном Приобье (в I тыс. до н.э.) // Проблемы технологии древних производств. - Новосибирск, 1990. С. 159- 172
22. Чубур А.А., Шинаков Е.А. О современном состоянии археозоологической изученности роменско-древнерусских поселений Брянского Подесенья //Археология юго- востока Руси. Материалы IV научной конференции. Елец: ЕГУ им. ИА. Бунина. 2006. С. 247-263

Хабдулина М.К.[1], Гаврилов Д.***А*[2]*,*** Дергачева М.И.[2]
Казахстан, Астана[1]; Россия, Новосибирск[2] Природные условия функционирования средневекового городища Бозок (VIIIГXIV вв.)

Дискуссионность вопроса о роли и месте стационарных поселений в истории средневековых кочевников Евразии делает археологические исследования городища Бозок актуальными, так как они позволяют по-новому взглянуть на эту проблему.

Городище Бозок представляет собой сложный разновременной комплексный памятник. На протяжении последнего тысячелетия это пространство осваивалось человеком не один раз, при этом происходило изменение функциональности территории: пастбище (А.А. Гольева), городище, оросительная система, стационарное поселение, некрополь, кыстау. Каждый период освоения территории оставлял после себя не только остатки материальной культуры, но и погребенные поверхности, которые часто представляют собой палеопочвы, несущие информацию об эволюции природной среды. С целью реконструкции природных условий района расположения памятника городища Бозок в разные периоды его функционирования была исследована серия палеопочв, погребенных под сооружениями разного времени. Эта серия включает временной промежуток от начала возведения системы кварталов (VIII-IX вв.) до строительства некрополя на центральной площадке городища (XIIIГXIV вв.).

Настоящая работа посвящена выявлению изменения природных условий в процессе функционирования городища Бозок (VIIIГXIV вв.).

Городище Бозок расположено в междуречье Ишима и Нуры на восточном берегу оз. Бузыкты на останце возвышенного берегового вала. Изучаемая территория относится к подзоне сухих типчаково-ковыльных степей, характеризуется резко континентальным климатом, среднегодовой температурой воздуха +1,4 ^{e}C, суммой температур выше 10 ^{e}C - 2300 ^{e}C и количеством осадков - 250-280 мм/год. Продолжительность безморозного периода в районе составляет 110-120 дней, гидротермический коэффициент - 0,8 [7].

Почвообразующие породы представлены на всей территории аллювиальными отложения разного гранулометрического состава.

Современный почвенный покров территории городища отличает комплексность, обусловленная неоднородностью рельефа и глубиной залегания грунтовых вод. Возвышенный участок памятника использовался человеком в древности для строительства валов и стен городища, поэтому современная почва характеризуется укороченностью профиля, который лежит на культурном горизонте городища. Согласно почвенному районированию Целиноградской области [7], район местонахождения памятника относится к зоне темно-каштановых почв (гуматный состав гумуса). Глубина залегания грунтовых вод здесь составляет более 4-5 м.

Прилегающая к возвышенному участку территория характеризуется полугидроморфностью и сочетанием разной степени и глубины засоленности лугово-каштановых почв, которые увеличиваются к периферии территории памятника. Здесь на периферии проходит граница смены лугово-каштановых засоленных почв на солонцы.

Были изучены палеопочвы системы кварталов (VIIIГIX вв., С14 (по гуминовым кислотам) - 503-645 гг. (2а)), жилища №1, которые отражают как момент функционирования жилой постройки, так и время его разрушения (XIГXIII вв., С14 (по костям животных) - 1184-1280 гг. (2а)), а также палеопочва, перекрытые пахсовой кладкой на центральной площадке городища (XIIIГXIV вв.).

В ходе полевых исследований были вскрыты погребенные почвы, которые характеризуются следующими морфологическими признаками (табл.1).

Для диагностики типа древнего почвообразования и реконструкции эволюции природной среды использовался педогумусовый метод М.И. Дергачевой [2], основанный на изучении гумуса, формирующего «память почв»[3]. Данный метод базируется на связи состава, связи структурной особенности, продуктов органо-минеральной реакции - гумусовых веществ - с сочетанием природных (экологических) условий их формирования. Количественные характеристики гуминовых кислот тесно связаны с температурными условиями, фульвокислоты - с условиями увлажнения, их соотношение - с сочетанием параметров климата [4]. Кроме того, природная специфичность гумусовых сохраняется во времени, что позволяет его использовать при реконструкциях условий природной среды на археологических объектах разной древности [2].

При изучении погребенных почв были определены следующие свойства: содержание общего органического углерода (по И.В.Тюрину), реакция почвенной среды (потенциометрически в водной суспензии), содержание и распределение карбонатов по профилю (газоволюметрический метод) [1], групповой и фракционный состав гумуса (по методу В.В.Пономаревой и Т.А.Плотниковой в модификации 1968 г.) [6]. Элементный состав гуминовых кислот определялся на автоматических анализаторах Hewlet Packard, Carlo Erba в аналитической лаборатории НИОХ СО РАН под руководством д.х.н. В.П.Фадеевой. Магнитная восприимчивость была измерена на Kappabridg KLY-2 и пересчитана на 1 г мелкозема. Радиоуглеродное датирование начала строительства городища и времени погребения палеопочв проведено ***Л.А.*** Орловой (ИГиМ СО РАН) на основе гуминовых кислот и костей животных. Калибровка дат произведена с помощью программы Calib Rev 5.0.1.

Изучение химических свойств самой древней почвы из серии изучаемых палеопочв показало, что в ней содержится менее 1 % органического углерода (Сорг.), который характеризуется аккумулятивным типом распределения по профилю (рис.1, А).

Магнитная восприимчивость изменяется параллельно Сорг. Верхняя 50-см часть профиля, судя по изменению и сочетанию магнитной восприимчивости и Сорг., формировалась в постепенно изменяющихся к потеплению условиях. В то же время образование этой почвы происходило при относительном увлажнении, поскольку верхняя часть профиля содержит малое количество карбонатов кальция, максимум приходится на 37-70 см. Наличие карбонатов в гумусовом горизонте в виде пропитки, позволяет нам утверждать о более низких летних температурах, чем в последующие периоды, когда карбонаты кальция фиксируются в профиле в сегрегационных формах - белоглазка. Реакция среды по всему профилю щелочная (pHводн. 8,2-8,7) (рис.1.А).

Гумус относится к гуматному и фульватно-гуматному типу (Сгк:Сфк 1,28-1,68), который ниже сменяется на гуматно-фульватный и затем на фульватный состав (рис.2, А).

Почва имеет типичный для степных почв гумусовой профиль: постепенное уменьшение гуминовых кислот с глубиной, увеличение фульвокислот в том же направлении, преобладание гуматов кальция (ГК фр.2), равномерное распределение и небольшая доля (2-5%) гуминовых кислот, прочно связанных с минеральной часть (ГК фр.3). О формировании почв в умеренно влажных условиях свидетельствует распределение фракции 1а фульвокислот по профилю: их доля увеличивается с глубиной, достигая в нижней части профиля 10-14%.

Подобный состав гумусовых веществ характеризует черноземный тип почвообразования при умеренно теплых и умеренно влажных условиях. Соотношение углерода и водорода (H:C) в гумусовом горизонте этой палеопочвы лежит в пределах 0,84-0,86, что также характерно для гуминовых кислот почв умеренно засушливой степи.

Датирование по С14 верхней 2 см толщи гумусового горизонта рассматриваемой погребенной почвы показало, что она относится ко времени VI-VII вв. Сравнение полученной даты с археологической датировкой обнаружило их разницу в 200-300 лет. Это позволяет нам, согласно О.А.Чичаговой [8], интерпретировать радиоуглеродную дату как время минимального возраста погребения, а за время погребения взять археологическую дату.

Профиль почвы, погребенной под развалом стены жилища №1, датируемый периодом XTT-XTTT вв., испытал последующую турбацию верхней части гумусового горизонта в процессе вспашки. Поэтому были отобраны образцы нижней части гумусового горизонта без морфологических признаков вспашки (гор.[А] 0-7 см). Остальной профиль сохранил четкие морфологические признаки степного почвообразования.

Распределение органического углерода по профилю характеризуется аккумулятивным типом и постепенным уменьшением Сорг. с глубиной - от 2,5% в гор. [А] до 0,2% в гор. [Вса] (рис.1, Б).

Магнитная восприимчивость имеет повышенное значение в горизонтах [А] и [АВ] и составляет 1,81 - 1,97*10-6СГСЕ/г в гор.[А]; 1,11 - 1,48*10-6СГСЕ/г - в [АВ]; 0,76 - 0, 79*10-6СГСЕ/г - в [Вса]. Нижняя часть горизонта [Вса] характеризуется

также как и в других почвах, близким значениям, что может свидетельствовать в пользу единого генезиса рассматриваемых почв.

Реакция почвенной массы сильно щелочная (pHводн. 8,5-9,1), максимум CaCO3 приходится на глубину 30-60 см от вскрытой поверхности палеопочвы. Верхняя часть профиля палеопочвы до глубины 23 см выщелочена от карбонатов. Карбонаты кальция в профиле фиксируются в сегрегационной форме, что говорит о более контрастных и высоких температурах в теплое время года.

Гумусоаккумулятивная толща характеризуется гуматным типом гумуса, который книзу меняется на фульватно-гуматный и затем фульватный. Наиболее подвижные фульвокислоты накапливаются в нижней части профиля, достигая там 12-13%. Распространение компонентов гумуса характерно для автоморфных степных почв и аналогично предыдущей почве (рис.2, Б).

Величина H:C гуминовых кислот в гумусоаккумулятивном горизонте лежит в пределах характерных для степных условий. Количество обуглероженности с глубиной уменьшается, а водорода увеличивается, что приводит к расширению величины H:C до 1,6-1,7 в гор. [Bca]. Характеристики гумусоаккумулятивной толщи в вскрытой палеопочве свидетельствуют о степном типе почвообразования (H:C 0,7-0,8) в период ее погребения.

Данный состав гумуса также соответствует условиям зоны умеренно-засушливой степи, но, по-видимому, несколько более теплым.

Свойства погребенной почвы под пахсовой кладкой межквартального пространства схожи с предыдущими почвами. Органический углерод в толще почвы имеет аккумулятивное распределение. Реконструируемое его количество согласно И.В.Иванову составляет в погребенном гумусовом горизонте около 1,5% [5]. Гумусовый горизонт также характеризуется высокой магнитной восприимчивостью (1,80-1,83 •10-6СГСЕ/г), которая снижается в [AB] почти на 0,5%, глубже характеризуется величинами близкими предыдущим почвам.

Реакция среда почвы-щелочная среда (pHводн. 8,1-8,6). Максимум CaCO3 в этой почве приурочен к глубине 15-50 см, где он составляет около 8% (рис.1, В). Формы CaCO3 так же как и в предыдущей почве встречается в сегрегационной форме - белоглазка.

Тип гумуса в верхних горизонтах почвы фульватно-гуматный, сменяющийся глубже гуматно-фульватный и фульватный. Среди гуминовых кислот преобладают гума- ты кальция, количество которых уменьшается с глубиной. Бурые гуминовые кислоты в профиле распределены равномерно и составляют 4-5%. Доля ГК фр.3 не превышает 10%. Подвижные фульвокислоты (ФК фк.1а) накапливаются в нижней части профиля и максимум их практически совпадает с максимум накопления карбонатов (рис.2, В).

Таким образом, анализ характеристик палеопочв, погребенных в период VIIIГXIV вв., показал, что почвообразование протекало в условиях умеренно-засушливой степи с флуктуирующими показателями тепло и влагообеспеченности, которые характеризуют благоприятную обстановку для бытования человека.

* * *

Мақалада Еуразия даласыныц тарихын зерттеуде мацызды орынды ортағасырлық кошпенділерден қалған қоныстарды зерттеулер жұмыстары ала- ды. Бозоқ ортағасырлық қалашықтын археологиялық зерттеулер нәтижелері, атал-

мыш мәселеге қатысты жаңа көзқарастар мен ойлар туындайды. Мақалада Бозоқ қалашығында VIII-XIV ғғ. көне жер қабаттына жаратылыстану ғылыми әдістерімен жасалған сараптама жұмыстардың арқасында табиғи өзгерістер процесін көрсеткен. Сараптама нәтижесі бойынша Бозоқ қалашығының көне жер қабатты, ауарайы құрғақшылық кезінде қалыптасқаны белгілі болды. Осы кезеңде, аталған мекенде адамдардың қоныстануына қолайлы болған.

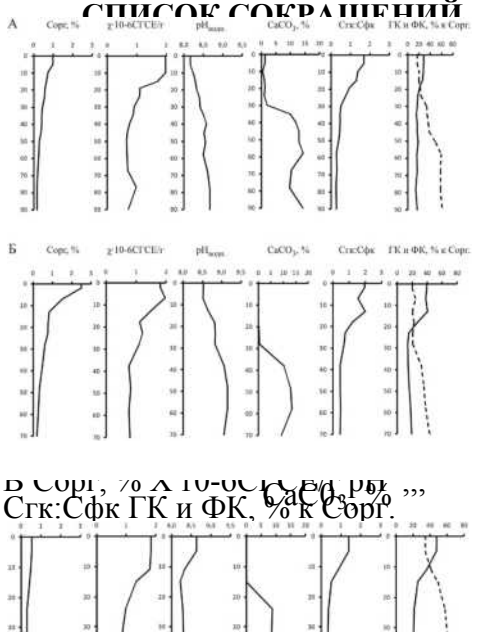
Список использованных источников и литературы

1. Аринушкина Е.В. Руководство по химическому анализу почв. М. 1970. 488 с.
2. Дергачева М.И. Археологическое почвоведение. Новосибирск. 1997. 228 с.
3. Дергачева М.И. Гумусовая память почв // Память почв: Почва как память биосферно - геосферно - антропосферных взаимодействий. М. 2008. С. 530-560
4. Дергачева М.И., Рябова Н.Н. Коррелятивные связи состава гумуса и климатических показателей в условиях горных территорий юга Сибири // Вестник Томского университета. №15. 2005. С.68-71
5. Иванов И.В. Эволюция почв степной зоны в голоцене. М.. 1992. 144 с.
6. Методические указания по определению содержания и состава гумуса в почвах / Пономарева В.А., Плотникова Т. А. *Л.* 1975. 105 с.
7. Редков В.В. Почвы Казахской СССР. Вып.5. Почвы Целиноградской области. Алма- Ата. 1964. 326 с.
8. Чичагова О. А. Радиоуглеродное датирование гумуса почв. М. 1985. 157 с.
9. Хабдулина М.К. Жилища средневекового городища Бозок (X-XII вв.) // Средневековая археология евразийских степей: Материалы Учредительного съезда Международного Конгресса. Т.1. Казань. 2007. С.143-147

1 оризонт, глубина,	Цвет	Структура	1 ранулометрическ	Переход, границ	Новообразования	Вскипание от 10% HCl
Квадрат С-22, VIII-IXвв. (Хабдулина М.К,), (C_{14}-1500±50 л.н., СОАН-)						
А 0-24	светло-серый с буроватым	пылевато-комковатая	легко суглинистым	заметный, неровная	карбонатная пропитка	с поверхности
АВ 24-60	бурого цвета со светло-серыми языками	комковатая	легко суглинистым	ясный, языковатая	белоглазка	
Вса 55-90	бурый	комковатая	легко суглинистый с		белоглазка	
Жилище №1, развал стены, XII-XIII вв. (C_{14}-700±35 л.н., 7358)						
А 0-7	темно серый	пылевато-комковатая	легко суглинистым	заметный, неровн		23 см
АВ 7-28	бурый с темно серыми языками	комковатая	легко суглинистым	ясный, языковатая	белоглазка	
Вса 28-70	светло-бурый	комковатая	легко суглинистый с		белоглазка	
Квадрат 11-21, северный квартал под пахсовой кладкой межквартального пространства XIII-XIV вв						
А 0-11	темно серый	пылеватая	легко суглинистым	заметным		15 см
АВ 11-24	бурый с темно серыми языками	комковатая	легко суглинистым	ясный, языковатая	белоглазка	
Вса 24-50	светло-бурый	комковатая	легко суглинистым		белоглазка	

Таблица 1. Морфологическая характеристика палеопочв

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ



В Сорг, % χ·10-6СГСЕ/г pHводн. CaCO3, %
Сгк:Сфк ГК и ФК, % к Сорг.

;]/ :i
СЗ 1 ЕЭ г

Рис. 1. Некоторые физико-химические свойства погребенных почв городища Бозок: А —V'III-IX вв., Б -XII-XIII вв., В - XIII-XIV' вв. Условные обозначения (относится к графику профильного распределения гуминовых кислот и фульвокислот): 1-іуминовые кислоты, 2 - фульвокислоты

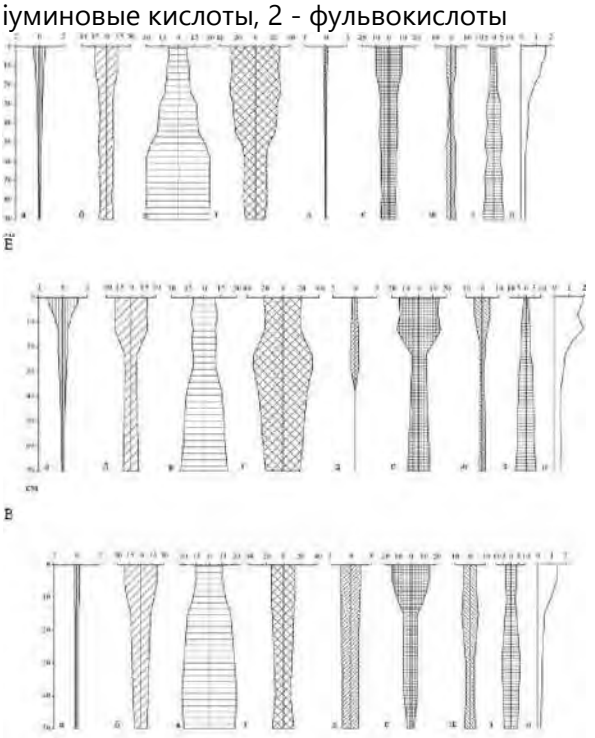


Рис.2. Гумусовые профили погребенных почв: А -V'III-IX вв., Б-XII-XIII вв., В - XIII-XIV' вв.; Обозначения: а - общий углерод, % к почве; б - іуминовые кислоты (ГК), в - фульвокислоты (ФК), г - негидролизуемый остаток (іумин), д - фракция ГК1, е - фракция ГК2, ж - фракция ГК3, з - ФКІа, % к почве; и - Сгк:Сфк

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН - Академия наук
АО - Археологические открытия
АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАУ - Вопросы археологии Урала
ВДИ - Вестник древней истории
ВКО - Восточно-Казахстанская область
ГАИМК - Государственная Академия истории материальной культуры
ГУ - Государственное управление
ГЭ - Государственный Эрмитаж
ЕНУ - Евразийский национальный университет
ИА РАН - Институт археологии Российской академии наук
ИАиЭ - Институт археологии и этнографии
ИИМК РАН - Институт истории материальной культуры Российской академии наук КН - Комитет науки
КСИА - Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК - Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР МГУ - Московский государственный университет МИА - Материалы и исследования по археологии СССР МОН РК - Министерство образования и науки Республики Казахстан НАН РК - Национальная Академия наук Республики Казахстан ПАВ - Петербургский археологический вестник ПГУ - Павлодарский государственный университет ПЦК РК - Президентский центр культуры Республики Казахстан РА - Российская археология РАН - Российская академия наук СА - Советская археология САИ - Археология СССР. Свод археологических источников СГЭ - Сообщения Государственного Эрмитажа СО РАН - Сибирское отделение Российской академии наук СУАР - Синцзян-Уйгурский автономный округ СЭ - Советская этнография ТОО - Товарищество с ограниченной ответственностью УрО РАН - Уральское отделение Российской академии наук ЦКАЭ - Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция ЧГПУ - Челябинский государственный педагогический университет ЮКАЭ - Южно-Казахстанская археологическая экспедиция ЮУрГУ - Южно-Уральский государственный университет

Акишев К.А.
д.и.н., профессор, член-кореспондент Германского археологического института, Лауреат Государственной премии Республики Казахстан, заслуженный деятель науки РК, Астана, Казахстан.

Акылбек С.Ш.

СНС Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, Алматы, Казахстан.

Алпаткина Т.Г.
хранитель фонда «Архитектурный декор» Государственного музея Востока, Москва, Россия.

Алтынбеков К.
академик Академии художеств РК, директор научно-реставрационной лаборатории ТОО «Остров Крым», Алматы, Казахстан.

Амиров Е.Ш.

НС Института археологии им. А.Х.Маргулана КН МОН РК, Алматы, Казахстан.

Антонов М.А.

НС Института археологии им. А.Х.Маргулана КН МОН РК, Алматы, Казахстан.

Арынов Қ.
Қ.А. Ясауиатындагы ХҚТУ Археология гылыми-зерттеуорталыгы, Туркестан, Казахстан.

Астафьев А.Е.
зав. отделом археологии ГУ «Мангистауский государственный историко-культурный заповедник, Актау, Казахстан.

Ахметкалиев Р.Б.
к. хим. н., главный технолог научно-реставрационной лаборатории ТОО «Остров Крым», Алматы, Казахстан.

Базарбаева Г.А.
к.и.н, СНС Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, Алматы, Казахстан.

Байпаков К.М.
д.и.н, профессор, академик НАН РК, ГНС Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, Алматы, Казахстан.

Байтанаев Б.А.
д.и.н, профессор, директор Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, Алматы, Казахстан.

Бахтыбаев М.
Қ.А. Ясауиатындагы ХҚТУ Археология гылыми-зерттеуорталыгы

Бейсенов А.З.

к.и.н, ГНС, заведующий отделом Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, Алматы, Казахстан.

Берсенева Н.А.
к.и.н., НС Института истории и археологии УрО РАН (Южно-Уральский филиал), Челябинск, Россия.

Бисембаев А.А.
к.и.н., директор Актюбинского областного центра истории, этнографии и археологии, Актюбинск, Казахстан.

Боброва А.И.

к.и.н., СНС Томского областного краеведческого музея (ОГУКТОКМ), Томск, Россия.

Богданов Е.С.
к.и.н., СНС отдела палеометалла ИАЭТ СО РАН, Новосибирск, Россия.

Болелов С.Б.
к.и.н., заведующий сектором Истории материальной культуры и Древнего искусства народов Центральной Азии Государственного музея искусств народов Востока, Москва, Россия.

Бондарев М.

ведущий инженер Института археологии им. А.Х. Маргулана, Астана, Казахстан.

Боталов С.Г.
д.и.н., профессор, ВНС Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск, Россия.

Варфоломеев В.В.
к.и.н., доцент Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, Караганды, Казахстан.

Викторова В.Д.
к.и.н. СНС Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия.

Волошин В.С.
директор ТОО «Алтын-орда», Астана, Казахстан.

Воякин Д.А.
начальник отдела по документации и археологической консервации Института археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан.

Гаврилов *Д*А.
магистр археологии и этнологии, аспирант Института почвоведения и агрохимии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Гайдученко Л.Л.
к. гео.-мин. н., доцент, зам. директора по науке Научно-образовательного центра изучения

проблем природы и человека, Челябинского государственного университета (ЧелГУ), Челябинск, Россия.

Горячев А.А.

НС Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, Алматы, Казахстан.

Григорьев С.А.
Южно-Уральский филиал ИИаУрО РАН, Челябинск, Россия.

Грушин С.П.
к.и.н., доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Дергачева М.И.
д.б.н., академик РАЕН, ГНС Института почвоведения и агрохимии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Джумабекова Г.С.
к.и.н., СНС Института археологии им. А.Х.Маргулана КН МОН РК, Алматы, Казахстан.

Долгушев А.С.

НС Института архелологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, Алматы, Казахстан.

Досымбаева А.М.
д.и.н., ГНС Президентского центра культуры, Астана, Казахстан.

Дуйсенгали М.Н.
Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, Актюбинск, Казахстан.

Елеуов М.
Т.Ғ.Д., профессор, «Археолог» халықаралықғылыми - зерттеуорталығы» жауапкершіл ігішектеулісеріктестігі директоры, Әл-ФарабиатындағыҚаз¥У Археология және этнология кафедрасы, Алматы, Казахстан.

Әлжанов Қ. К.
Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институтыныц Астана филиалыныц жетекші инженері, Астана, Казахстан.

Епимахов А. В.
к.и.н., доцент, СНС Института истории и археологии УрО РАН (Южно-Уральский филиал), Челябинск, Россия.

Ержигитова А.А.
Южно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей, Шымкент, Казахстан.

Ермоленко Л.Н.
д.и.н., доцент, Кемеровский государственный университет, профессор кафедры архе-

Есенов С.
Магистр, «Археолог» халықаралықғылыми - зерттеуорталыгы» жауапкершілігішекте

улісеріктестігініңғылымиқызметкері, Алматы, Казахстан.

Жолдасбаев С.

Қ.А.Ясауиатындағы ХҚТУ Археология ғылыми-зерттеуорталығы, Алматы, Казахстан.

Жуматаев Р.С.
Әл-ФарабиатындағыҚаз¥У, Алматы, Казахстан.

Журавлев А.А.
аспирант Института цитологии и генетики СО РАН, Новосибирска, Россия.

Зайков В.В.

д. гео.-мин. н., профессор, ГНС Института минералогии УрО РАН, Миасс, Россия.

Зайкова Е.В.
к. гео.-мин. н., СНС Института минералогии УрО РАН, Миасс, Россия.

Иванов С.С.
магистр истории, соискатель НАН КР
Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Институт интеграции международных образовательных программ (ИИМОП), Бишкек, Кыргызстан.

Илюшин А.М.

Кузбасский государственный технический университет, Кемерово, Россия.

Ишмуратов Р.Р.
МНС НИИ археологии им. К.А. Акишева при ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Калдыбаев М.С.
НС НИИ археологии им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Қабдоллаев М.С.
НС Учебно - научно - исследовательского центра гуманитарных наук Восточно - Казахстанского Государственного Университета им. С.Аманжолова, Семей, Казахстан.

Калиев С.
Ізденуші, «Археолог» халықаралықғылыми - зерттеуорталығы» жауапкершілігішекте улісеріктестігініңғылымиқызметкері.

Кариев Е.М.
Магистр археологии и этнологии, ведущий инженер Астанинского филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, Астана, Казахстан.

Касеналин А.Е.
Магистр археологии и этнологии, преподаватель кафедры археологии и этнологии исторического факультета КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

Касенов М.С.
Атырау облыстықтарихи-өлкетанумұражайы, Атырай, Казахстан.

Киясбек Г.К.

НС Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, Алматы, Казахстан.

Котляров В.А.
к. физ.-мат. н., зав. лабораторией физических методов исследования минерального сырья Института минералогииУрО РАН, Миасс, Россия.

Кудабаев Ч.А.

МНС Института архелологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, Алматы, Казахстан.

Кукушкин А.И.
магистрант исторического факультета Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, Караганды, Казахстан.

Курманкулов Ж. К.
к.и.н., ГНС, заведующий отделом Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, Алматы, Казахстан.

Кызласов И.Л.
д.и.н., профессор, заведующий Группы средневековой археологии евразийских степей Института археологии РАН, Москва, Россия.

Логвин А.В.
Заведующий археологической лабораторией Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова, Костанай, Казахстан.

Ломан В.Г.
Сарыаркинский археологический институт при КарГУ им. Е.А. Букетова, Караганды, Казахстан.

Лошакова Т.Н.
НС Института археологии им. А.Х.Маргулана КН МОН РК, Алматы, Казахстан.
Макаров Л.Д.
д.и.н., доцент, СНС Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия.
Мамедов А.М.
магистр археологии и этнологии, НС Актюбинского областного центра истории, этнографии и археологии, Актюбинск, Казахстан.

Марыксин Д.В.
Магистр, СНС Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии, Уральск, Казахстан.

Мәми Т.

к.и.н., ст. преподаватель кафедры Евразийских исследований ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Миллс Б.
профессор, директор Школы Антропологии (SchoolofAnthropology), Аризона. **Молодин В.И.** д.и.н., академик РАН, заместитель директора по науке Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Мотов Ю.А.
СНС Института археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Казахстан.

Мургабаев С.
Қ.А.Ясауиатындағы ХҚТУ Археология гылыми-зерттеуорталыгы, Алматы, Казахстан.
Мыльников В.П.
д.и.н., зав. отделом Института археологии и этнографии Сибирского Отделения РАН, Новосибирск, Россия.

Нускабай А.
СНС Президентского центра культуры, Астана, Казахстан.

Нұрханов Б.
Қ.А.Ясауиатындағы ХҚТУ Археология ғылыми-зерттеуорталығы
Онгар А.
НС Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, Алматы, Казахстан. **Оралбай Е.К.** Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институтыныц Астана филиалының кіші ғылыми қызметкері, Астана, Казакстан.

Панюшкина И.П.
К.б.Н., научный сотрудник лаборатории по изучению годичных колец деревьев Аризонский университет, Тиксон, США

Папин Д.В.
к.и.н., Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
Петрова Л.Ю.
НС, Центра Археологических Исследований, Челябинск, Россия.

Пилипенко А.С.
К.б.Н., научный сотрудник. Институт цитологии и генетики СО РАН.

Подушкин А. Н.
д.и.н., профессор кафедры Истории Казахстана и Всемирной истории Академического инновационного универсситета, Шымкент, Казахстан.

Поздняков Д.В.
к.и.н., научный сотрудник. Институт археологии и этнографии СО РАН.

Полосьмак Н.В.
д.и.н., ГНС Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Рогожинский А.Е.
к.и.н., заведующий отделом геоархеологииКазНИИ по проблемам культурного наследия номадов МК РК, Алматы, Казахстан.

Ромащенко А.Г.
К.6.Н., зав. лабораторией молекулярных основ генетики животных, Институт цитологии и гентики СО РАН, Новосибирск, Россия

Рябкова Т. В.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия.

Самашев З.С.
д.и.н. профессор, директор Астанинского филиала Института археологии им. А.Х.Маргулана КН МОН РК, Астана, Казахстан.

Сакенов С.К.
магистр археологии, СНС НИИ археологии им. К. А.Акишевапри ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Свиридов А.Н.
СНС НИИ археологии им. К.А.Акишевапри ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Сейткалиев М. К.
НС Института архелологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, Алматы, Казахстан.
Смагулов Е. А.
к.и.н. ГНС Института архелологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, Алматы, Казахстан.
Сметанина Т.В.
МНС археологической лаборатории Костанайского государственного университета, Костанай, Казахстан.

Сорокин Д.В.
НС Института археологии им. А.Х.Маргулана КН МОН РК, Алматы, Казахстан.
Сулейманов Р.Х.
д.и.н., профессор Национального университета Узбекистана, Ташкент, Узбекистан.
Сутягина Н.А. Таиров А *Д*
д. и. и., заведующий кафедрой «Древняя история и этнология Евразии», Южно- Уральского государственного университета, Челябинск, Россия.
Талеев Д.А.
к.и.н., доцент, кафедры Евразийских исследований ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, Астана, Казахстан.
Телятникова Н.В.
Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия.
Тихонов С.С.
к.и.н., доцент, СНС Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, заведующий кафедрой первобытной историиОмского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия.
Ткачев А.А.
д.и.н., профессор заместитель директора по научной работе Института проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень, Россия.

Төлегенов Е.Т.
Ә.Х. Марғұланатындағы археология институтыныңкішіғылымиқызметкері, Қазақстан, Алматы
Төлеубаев Ә.Т.
д.и.н., профессор, зав. Каф. Археологии и этнологии КазНУ им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан.
Трапезов Р.О.
аспирант Института цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск, Россия.
Усачук А.Н.
к.и.н., СНС Донецкого областного краеведческого музея, Донецк, Украина.
Усманова Э.Р.
Сарыаркинский археологический институт, Карагандинский государственный университет им академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан.
Федорук А.С.
к.и.н, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
Хабдулина М.К.
к.и.н., доцент, директор НИИ археологии при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Хасенова Б.М.
магистр археологии, старший эксперт службы по организации экспозиции и экскурсионного обслуживания Музея Первого Президента РК, Астана, Казахстан.
Ченченкова О.П.
Кандидат искусствоведения, художник-реставратор Свердловского областного краеведческого музея, Екатеринбург, Россия.
Чикишева Т.А.
д.и.н., зав. сектором антропологии, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.
Чотбаев А.Е.
НС Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, Алматы, Казахстан.
Чугунов К.В.
СНС Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, С-Петербург, Россия.
Шевнина И.В.
НС археологической лаборатории Костанайского государственного университета, Костанай, Казахстан.
Ярыгин С.А.
НС НИИ археологии им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ - 2011

Материалы международной археологической конференции
Астана, 20-22 апреля 2011 г.

Главный редактор: М.К. Хабдулина

Редколлегия:
Б.А. Байтанаев С.А. Ярыгин, С.К. Сакенов

* * *